

1894.

VIII

Шибанов

ХАРЬКОВСКИЙ

СВОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „Харьковскому Календарю“ на 1894 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ

В. В. Иванова.

516/16
402

Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ 8-й.

ХАРЬКОВЪ.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1894.

с 595 Хар.
X 23 а

III-7

ХАРЬКОВСКІЙ СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложение къ „Харьковскому Календарю“
на 1894 годъ.

ВЫПУСКЪ 8-й.

ИЗДАНИЕ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

В. В. Иванова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17.

1894.

сп. 95690

303RU

ХАРЬКОВСКИЙ

СБОРНИКЪ

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго Статисти-
ческаго Комитета.

ВЫПУСКЪ В-М.

В. В. Наволов.

ХАРЬКОВЪ

Губернскаго Статистическаго Комитета.

1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи	Стр. I
------------------------	--------

А) Отдѣлъ I-й.

1.—„Житіе Григорія Сковороды“. М. И. Ковалинскаго.	1
2.—Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодатель- ствамъ. Н. С. Илларіонова	41
3.—Очерки растительности Харьковской губ. и прилежа- щихъ къ ней мѣстностей. (Продолженіе). Л. О. Павловича.	63
4.—Матеріалы къ столѣтію Харьковской каѳедры. Хри- стофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. (Продолженіе). Прот. Н. А. Лащенкова	99
5.—Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Гл. 1. Старобѣльскій уѣздъ: 1) Никольская волость	171
6.—О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда. (Продолженіе)	185

Б) Отдѣлъ II-й.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьков-
ской губерніи. Гл. 1. Старобѣльскій уѣздъ:

1) Сл. Свято-Дмитріевка. А. А. Татарскаго	1
2) Сл. Ново-Астрахань. М. К. Стороженко	27
3) Сл. Шулика. Р. А. Коробовой	49
4) Сл. Мостки. С. А. Хотяинцевой и А. А. Усиновой	63
5) Сл. Танюшевка. М. М. Инноковой	85
6) Сл. Каменка. О. Бородавкиной	95
7) Сл. Нищеретова. А. Шальневой	120
8) Сл. Петро-Павловка. А. И. Ткаченковой	133
9) Сл. Богдановка. А. М. Инноковой	169
10) Сл. Никольское. Г. А. и А. М. Калашниковыхъ	173
11) Сл. Александровка. А. Д. Стефановой	343
12) Сл. Бѣло-Куракино. (Гл. 1 и 2) П. М. Шинкарева	349

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня кончины Григорія Саввича Сковороды († 29 Окт. 1794 г.), чтобы почтить память этого замѣчательнѣйшаго мѣстнаго дѣятеля, просвѣтителя Слободско-Украинскаго общества, нравственно-воспитательное вліяніе котораго, распространяясь преимущественно на передовой слой его—дворянство, простиралось и на народъ, усвоившій нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія, этого странствующаго мудреца—философа, жизнь котораго еще болѣе, быть можетъ, назидательна, чѣмъ его ученіе,—помѣщаемъ на страницахъ „Харьковскаго Сборника“ его біографію, составленную вскорѣ послѣ смерти его, другомъ его, помѣщикомъ Мих. Ив. Ковалинскимъ. „Житіе Григорія Сковороды“, написанное его другомъ „въ древнемъ вкусѣ“, является основнымъ и, можно сказать, единственнымъ по достовѣрности матеріаломъ для знакомства съ жизнью „мудреца“ прошлаго вѣка. Выдержками изъ этого сочиненія широко пользовался Г. П. Данилевскій въ своемъ біографическомъ очеркѣ Г. С. Сковороды (см. его „Украинскую Старину“); затѣмъ въ 1886 г. оно впервые было напечатано проф. Н. Ф. Сумцовымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Сентябрь), но по списку или, правильнѣе, по двумъ спискамъ, изъ которыхъ основной былъ не полонъ. Издавая этотъ памятникъ, мы пользовались самымъ оригиналомъ, найденнымъ проф. Д. И. Багалѣемъ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Точно въ такомъ же видѣ памятникъ этотъ будетъ напечатанъ въ сочиненіяхъ Г. С. Сковороды, издаваемыхъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ *).

*) Въ составъ книги, изд. Х. И.-Ф. О., войдутъ слѣдующія статьи: Бритико-біографическая и бібліографическая статья проф. Д. И. Багалѣя, „Житіе Гр. Сковороды“, написанное М. И. Ковалинскимъ, Наркисъ или узнай себя, Правда вѣры, О древнемъ мірѣ, Бесѣда—Двое, О душевномъ мірѣ, Алфавитъ міра, Начальная дверь по христіанскому добронравію, Благодарный Еродій, Харьковскія басни, Борьба архистратига Михаила съ сатаною, Садъ божественныхъ пѣсней, Убогій жайворонокъ, Израильскій змій, Плутарха о спокойствіи души, Ода Сидронія объ уединеніи, Письма.—Желательно было-бы знать, не имѣется-ли

Въ предлагаемомъ выпускѣ „Харьковскаго Сборника“ начинается печатаніе „матеріаловъ“ по этнографіи края, собранныхъ народными учителями и учительницами Харьковской губерніи. Благодаря особому просвѣщенному вліянію умѣлаго руководителя и знатока дѣла, инспектора народныхъ училищъ Г. А. Ознобишина, матеріалы по Старобѣльскому уѣзду отличаются наибольшей полнотой и изобиліемъ. Начиная печатаніе „матеріаловъ“ съ этого уѣзда, мы могли помѣтить въ настоящемъ выпускѣ лишь часть работъ мѣстныхъ учителей и учительницъ, доставленныхъ Г. А. Ознобишинымъ вмѣстѣ съ „этнографическою картою“ Старобѣльскаго уѣзда, имъ составленною, въ Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ. Такъ какъ печатаніе остальныхъ работъ по этнографическому описанію поселеній Харьковской губерніи учительскаго персонала губерніи будетъ продолжаться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то желательно, чтобы лица, приславшія уже свои работы въ Статистическій Комитетъ, если найдутъ возможнымъ, дополнили свои работы присылкою новыхъ матеріаловъ, которые своевременно будутъ опубликованы.

Другая работа, предпринятая Статистическимъ Комитетомъ и тѣсно связанная съ этнографическимъ изученіемъ губерніи,— опытъ сплошнаго изученія обычнаго права мѣстнаго населенія, дала также весьма значительные результаты. По программѣ, опубликованной уже въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ (вып. 7), получены Статистическимъ Комитетомъ свѣдѣнія отъ волостныхъ судовъ по всеѣмъ уѣздамъ губерніи. Поступаютъ, кромѣ того, матеріалы по обычному праву отъ гг. земскихъ начальниковъ, а также отъ Уѣздныхъ Съѣздовъ. Въ предлагаемомъ выпускѣ, за недостаткомъ мѣста, кромѣ продолженія матеріаловъ Харьковскаго Уѣзднаго Съѣзда, собранныхъ послѣднимъ для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ, помѣщаются, къ сожалѣнію, лишь для иллюстраціи имѣющагося матеріала, описаніе юридическихъ обычаевъ одной волости. Систематическое печатаніе полученныхъ матеріаловъ по обычному праву начнется со слѣдующаго выпуска „Сборника“.

В. В. Ивановъ.

у кого-либо слѣдующихъ неизданныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, которыхъ нѣтъ въ распоряженіи Х.И.-Ф. Общества и о которыхъ мы знаемъ только по указаніямъ самого Сковороды и др. лицъ: Неграмотный Марко, Бесѣда I—Сіонъ, Бесѣда II—Сіонъ, Переводы изъ Цицерона, Книжечка о любви до своихъ, Нареченная Ольга православная, Симфонія о народѣ, Помни послѣдняя, помню и исповѣдаюся тебѣ Господи, Трагедо-комедія.

ОТДѢЛЪ I-Й.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ

ОБЩАГО ХАРАКТЕРА.

„ЖИТІЕ ГРИГОРІЯ СКОВОРОДЫ“.

Писано въ 1796 г. въ древнемъ вкусѣ. *)

Non omnis moriar. Horat.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечленовныхъ ископаемыхъ земля, въ растительныхъ вода; въ животныхъ огонь; въ человѣкѣ разумъ и такъ далѣе.

Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой, съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собой и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тѣмъ быша*. Сіе распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувство, въ растительныхъ движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе. Человѣкѣ, т. е. воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ живетъ, движется и есть.

Сія всеглавнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе, изливаясь изъ непостижимости въ явленіе, изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ человечества, удѣляетъ одному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество—свободную волю.

На сей главизнѣ, на семъ корени, на семъ началѣ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ, память праведныхъ.

*) Предлагаемая біографія Григорія Саввича Сковороды составлена другомъ его М. И. Ковалинскимъ.

Множественность вноситъ различіе, а сіе предполагаетъ неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ, сей же нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство,—любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія; *подвижникъ истины называется мудрый*, а дѣло его—добродѣтель. Пароянинъ и мидянинъ, іудей и элинъ, рабъ и свободъ равно участвуютъ въ семъ преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго начала. Подвигъ, т. е. правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленіе.

Поставленный между вѣчностію и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и лжею, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ бытія, состояніи, званіи, степени есть мудрый, есть праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, кіевскаго намѣстничества, лубенской округи, *въ селѣ Чернухахъ*, въ 1722 году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ козакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно-достаточное, но честностію, правдивостію, страннопріимствомъ, набожествомъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностію къ богочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ и твердостію духа. Въ церквѣ ходилъ онъ самоохотно на крилосъ и пѣвалъ отмѣнно пріятно. Любимое и всегда почти твердое имъ пѣніе было сей стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отропы не брегоса безбожнаго велѣнія».

По охотѣ его, отецъ отдалъ его въ кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превзошелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Митрополитъ кіевскій Самуилъ Миславскій, человекъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его при величайшемъ соревнованіи своемъ.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный голосъ его подали случай быть ему выбранну ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престолъ государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ всеохотно. Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генераль-майоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ греко-россійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ симъ, имѣлъ онъ случай, съ позволеніемъ и съ помощію его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться найпаче съ людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинской, по чему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, какъ бы употребить его труды съ пользою его и общественной. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа. Сковорода, имѣя тогда уже болѣе основательныя и болѣе обширныя познанія въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ рассужденіе о поэзіи и руководство къ искуству оной—такъ новымъ образомъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія.

Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился перемѣнить и отставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное давали понятіе объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства. При томъ въ объясненіи прибавилъ латинскую пословицу: *Alia res sceptrum, alia plectrum*, т. е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: не живяше по средѣ дому моего творяи гордыню. Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища. Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостыжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость его.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нужды его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кафтанъ, одни башмаки, одни черныя гарусныя чулки. Нужда обработывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзаясь жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство малороссійскій знаменитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Каврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ, по службѣ обращаясь съ иноземцами, пріобрѣлъ нарочитыя знанія; однако придерживался много застарѣлыхъ предубѣжденій, свойственныхъ грубаго воспитанія людямъ, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на все то, что не одѣто въ гербы и не расписано родословіями. Сковорода началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, рассматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ рашеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ,

а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлой годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякой день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе человѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце: но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе и униженіе его, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности.

Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Въ одно время, разговаривая съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а по сему обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслить о томъ, что говорили. Воспитанникъ на тотъ случай отвѣчалъ неприлично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслить о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ отнесли госпожѣ, а барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все таки учителя, но уступая женѣ, отказалъ ему отъ дому и должности; и при отпускѣ его, въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости государь мой! мнѣ жаль тебя!

Тогда уже судьба начинала приготавливать сердце его къ несправедливостямъ людскимъ, которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуженъ, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику переяславскому, человѣку добродушному и страннолюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ Москву съ Калиграфомъ, отправлявшимся въ московскую академию проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Троицкую Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывший послѣ епископомъ черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ лаврѣ для пользы училища: но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и дѣлая его пришельцомъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства,

стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, что-бъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его, но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ. Онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали веегда надъ Сковородою. Онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня доуку нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпеча себя искренностію его, предался любомудрію, т. е. исканію истины. Часто въ свободные часы отъ должности своей удалялся въ поля, роши, сады, для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдники глумленій его. Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не представляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушестввомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ труд-

располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, а може хоцетъ и якоже хоцетъ.

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землею пустою, непроходною и безводною, тогда чистый Духъ святой занимаетъ всѣ чувства его и возстановляетъ царствіе истины, т. е. возжигаетъ въ немъ способности внутренняго чувства огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ средоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, проницательнѣйшій огонь, съ неизъяснымъ удовольствіемъ, поглощаясь бездною свѣта. Въ такомъ состояніи чувствіе человѣка взираетъ на духъ Вседержителя съ радостию и поклоненіемъ и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, что есть въ вѣчности и во времени, ибо все, близь его, все, окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняясь чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: ¹⁾ „Оставь, о духъ мой вскорѣ!“... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: „другъ мой!—Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова“.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой курсъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба предъуготовила званіе изъ-далѣче.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миктевичъ, мужъ исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія; сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискусству и по старой пріязни игумень Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года.

Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался при-

¹⁾ Сии стихи и многіе другіе находятся у друга его.

стойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ нѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотѣнъ, гдѣ не пренужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени и отдохновенія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, уговаривать его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщавая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтывать Сковородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользы его, предстоящую ему въ семъ поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и, по его мнѣнію, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сковороды. Онъ, выслушавъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число фарисеевъ? ѣште жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! а Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малоудовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самага въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой“. Гервасій, убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви, но Сковорода твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: „благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семъ случаѣ“. Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Гри-

горій примѣтя сіе, рѣшился скоро. На третій же день, дождавшись въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемирнѣйше: „прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословенія“. Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою; а Сковорода съ миромъ отошелъ и тотчасъ отправился къ новому пріятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удолями благопріятствующими глубокому уединенію. Сковорода, поселясь тамо, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи само-произволенія духа, т. е. побужденій отъ себя, происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ.

Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзая господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отець Гервасій донесъ епископу объ отзывѣ Сковороды на предложенія его и объ отбытіи его. Добродушный Юасафъ не подосадовалъ, но только пожалѣлъ объ немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножительство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ¹⁾: уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Преобороть скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажить ихъ, есть дѣло не инако, какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣ сущее и все исполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечалии, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: «о свобода, о наука»!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, по-

1) Надобно имѣть великое основаніе разума, или совсѣмъ онаго лишена быти, чтобъ содержать себя долгое время въ уединенной жизни, снести себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойными глазами, быть довольну сердцемъ своимъ; не искать себя внѣ себя—есть ключъ истиннаго блаженства.

сѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстить Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, что-бъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль. Въ одно время, пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнаемыхъ имъ, спросилъ: не находится ли тутъ такой то племянникъ, NN? Молодой тотъ человѣкъ случился на сіе время быть тамъ, и знакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковой былъ устроенъ для него перстомъ Божиимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желалъ всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ ея. Зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить Сковороду, что-бъ дать только ему на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу, намѣреваемую для молодаго новаго друга своего, котораго въ сердцѣ почиталъ уже таковымъ, какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся, радъ былъ призыву епископа и взялъ предложеніе его всеохотно съ тѣмъ, что-бъ преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтактической. Сверхъ того взялся обучать еллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ и вступя въ должность, нашелъ онъ любимаго своего молодаго человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, что-бъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философекой жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодаго человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полученными школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ которыхъ тогда святилища наукъ находились, которые и положи-

ли ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могли согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ съ старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, особливо же до нравоученія и духовныхъ знаній относительныя, а по сему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книжніе наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастье человѣческое состоитъ въ томъ, что-бъ имѣть всего много, много чего ѣсть, много чего пить, много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему: что-бъ быть истинно счастливымъ, то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промыслъ Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть суть пути къ счастью. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна есть ничто предъ верховнымъ существомъ, что Маркъ Аврелій, Титъ, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные въ древности великими дѣлами и сердцемъ люди, должны быть несчастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ ихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній; а по сему и недостойны они осужденія, но почтенія и подражанія въ любви къ истинѣ. И есть ли Богъ есть истинно, то они были вѣрные служители его.

Философы, учившіе молодого человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше, или же и проклятіе, что вѣденіе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокоость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и Богъ, раздѣляя члены общества, никого не обидѣлъ; проклятіе же Онъ налагаетъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И нонеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусень умъ, да творятъ неподобная и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка со-

стоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ, или въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушающа Сквороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ разрѣшить оную. Прочіе учителя его внушали ему отвращеніе къ Сквородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его; уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узнавалъ истины разума его; желалъ бы быть другомъ, но не ученикомъ его. Трудно изгладить первыя впечатлѣнія.

Скворода продолжалъ преподавать синтаксисъ и еллинскій языкъ общественно; а любимаго своего молодаго человѣка обучалъ особенно греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Гораций, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ исповѣдникъ, а изъ новыхъ относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библия. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, приучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ изкорениться. Странное происшествіе истребило оныя до основанія, и сіе такъ описано въ поденныхъ запискахъ сего молодаго человѣка.

1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внушаемыхъ мнѣ Сквородою и находя въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо просвѣтилъ меня въ истинѣ. Въ такомъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ ¹⁾.

¹⁾ Зри книгу Филона іудеянина о снахъ отъ духа бываемыхъ въ сочиненіяхъ его о Св. писаніи вѣтхаго завѣта и къ Коринѣ. 2 посланіе Св. Ап. Павла гл. 12-я ст. 1 и Іова, гл. 33, ст. 15, 18 и пр.

Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо голубаго цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутрь сіяли прозрачно свѣтомъ, и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па—мять свя—тыхъ му—че—ни—къ А—на—ні—я, А—за—рі—я, Ми—са—и—ла. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненные искры, подобно, какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія Сковороду. Онъ стоялъ на землѣ, поднявъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ разположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ его, нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъясняемое удовольствіе духа. Я въ исполненіи сладчайшаго чувствованія проснулся.

Поутру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику, троицкому священнику Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: «Ахъ молодой человѣкъ! слушайте вы сего мужа: онъ посланъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ руководителемъ и наставникомъ». ¹⁾ Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству.

Представившійся въ велелѣпномъ видѣ, написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которыхъ исторія изображена въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскиновомъ стихѣ, которѣвалъ онъ при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкому махинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не рассказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга своего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ и о томъ стихѣ Да-

¹⁾ Гдѣ душа наша не обрѣтаетъ ни какого основанія подлинности, тамъ должна она вѣряться мнѣніямъ успокоивающимъ и возвышающимъ бытіе его, ибо сіи мысли ведутъ насъ чрезъ воли жизни сія.

маскиновомъ, что онъ всегда почти имѣлъ въ устахъ его и, самъ не зная по чему, любилъ его паче прочихъ ибнй. Другъ, сіе услыша тогда и привелъ на память видѣнное имъ во снѣ за тридцать одинъ годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, что другому послѣ въ воображеніе полагала, въ возбужденіе сердець ихъ къ выполненію и явленію разума и силы исторіи оной на самомъ дѣлѣ, въ жизни ихъ. Впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели, по духовному разуму исторіи, образъ златый на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей, поле Деирово—время, печь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суе-страстіями, пламенами жгучими духъ нашъ; если тріе отроцы, не послужившіе твари и небрегшіе поклонитися идолу златому, суть тріе главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіяся духу міра сего, во злѣ лежашаго, и не вреждены огнемъ любострастныя плоти, но прохладяясь свыше Духомъ святымъ, ибснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой; то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ именъ, написанныхъ на небеси, трехъ отроковъ израильскихъ, есть тайно-образовательное свидѣтельство почивающаго на немъ Духа Божія.

Другъ его началъ давать мѣсто въ мысляхъ и въ сердцѣ своемъ ибнйямъ и правиламъ его и нечувствительно увидѣлъ себя на пути свѣтломъ чистаго ума и несмущеннаго духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ одиѣхъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги родятся, часто въ собесѣдованіяхъ съ нимъ раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и виѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ, того небеснымъ, сего земнымъ; того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварнымъ. По сему раздѣленію, въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ царемъ, господиномъ, началомъ; другаго же, по земному бытію его, рабомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью; и, какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго: то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія при-

роды приучалъ онъ себя во всѣхъ дѣянiяхъ жизни придерживать-ся тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъяснимаго мановенiя духа, которое есть гласъ воли Божiей и которое люди, чувствуя въ тайнѣ и послѣдую движению его, ублажаются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманiе въ другѣ своемъ и въ прочихъ къ сему святилищу внутреннiя силы Божiя и часто приглашалъ прислушиваться изреченiямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судii, въ непокоривыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ св. писанiе: *Нетлѣнный духъ твой есть во всѣхъ: тѣмъ же заблуждающихъ по малу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминаая, учиши, да, примѣнившись отъ злобы, вѣруютъ въ тя, Господа!* Онъ утверждалъ, что сей былъ тотъ самый ¹⁾ генiй, которому послѣдую во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго.

Онъ говаривалъ съ сильнымъ убѣжденiемъ истины: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвями есть колосъ, не солома его, не плева, не наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленiе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнила, дабы не причтено было плододѣйство мертвой землѣ, т. е. гнiющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая—пята. Отъ колоса поступи къ человѣку. Въ колосѣ видѣлъ ты солому, полосу, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же?—Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ про-

¹⁾ Древнiе подъ названiемъ генiя разумѣли то, что мы называемъ ангеломъ хранителемъ. Сократъ называлъ сего генiя демономъ. Слово *демонъ* есть еллинское и значитъ разумѣвающий. Генiй и демонъ есть разумная внутренняя сила человѣка. Нѣкоторые чрезъ генiя разумѣють изощренное чувствованiе добра и зла, другiе сильное нравственное чувство. Зри о генiи Сократовомъ Плутарха особое сочиненiе.

изростилъ намъ колосъ невидимою силою. Посмотри же на тѣлесность человѣка: не тамо сила Божія! она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголь Божій, слово вѣчное, десницу Божію, законъ, власть, царство, невидимость, образъ Отца небеснаго. Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который Отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространнѣе небесъ и земныхъ круговъ, видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебя-ли сіе сѣмя сохранить не возможетъ? Ахъ, буди увѣренъ, что и сѣмѣй нечувствительный власъ головы твоея, потерявши наличность свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О сѣмя благословенное, человѣкъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, онебеса всякаго просвѣщаемаго имъ и восполня своимъ всеисполненіемъ, возсѣдъ на мѣстѣ десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ немногимъ извѣстнымъ правиломъ водясь, онъ принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопробыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ пріязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посоветуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Скворода людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкѣ его Екатерины, находившееся у друга его въ гостинномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить

себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключаешь онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаянствуетъ; одного воинскій санъ прославляетъ, а другаго посрамляетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, бессмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почетнымъ безъ почестей, а другаго обманщикомъ, лицомъромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокоумдрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада; одному судьейство доставило имя благодѣтеля, а другому разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе; одного монашество осватило, а другаго очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе скоро навлекло ему брань. Ложь и порокъ вооружили на него орудія свои въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ перевозмогалъ ея всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ чловѣковъ.

Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разношеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что вѣнцу подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колось въ зерно возвращается, отъ сѣмени въ сѣмя яблоньъ закрывается¹⁾, земля въ путь земли идетъ и духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, есть основаніе первоначальное тварей? — Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли

1) Стихъ, наполненный превысокаго понятія «Святыи Боже, Святыи крѣпкій, Святыи безсмертныи», утверждаетъ сію истину.—Первая точка: Святыи Боже,—знаменуетъ начало предваряющее всю тварь; вторая: Святыи крѣпкій, знаменуетъ начало создавшее плоть и вселшееся въ ней; 3-я: Святыи безсмертныи, знаменуетъ начало, пребывающее исчезнувшей плоти; зри о семъ сочиненіе его «Потоць Змінъ», гл. 4.

вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы ¹⁾). Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, свѣтается, измѣнится; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Бого-человѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава ихъ въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и слышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть; то почто на утріе, на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе судъ, гласъ сына Божія? Нося уже въ себѣ огонь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго, якоже слышитъ онъ сердце наше?

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городскаго. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ. Иногда пѣлъ тамъ что либо приличное благодушеству, иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божию за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ августъ мѣсяцѣ.

¹⁾ Читай о семъ книгу, «De l'origine, usages et abus de la raison et de la foi», 328 page.

По приїздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества.

Многіе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители.—Ахъ, преподобные! возразилъ онъ въ горячности: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмѣ Божіемъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты преподобила! коль многихъ окаянствовала! Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честями, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею: но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастье свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней!

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтра прогуляться за монастырь. Согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назывался онъ), обнявъ тутъ Сковороду, сказалъ: о мудрый мужъ! я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братією; но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оной однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою: могу ли я?.. Сковорода отвѣтствовалъ: отъ чело-вѣкъ не возможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвращаться во свояси. Сковорода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ приѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ. Украину предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды. Рѣки почти всѣ цвѣтутъ въ Малороссіи, отъ чего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Мало-

россію матерью потому, что родился тамъ, а Украину теткою по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человекъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышась о Сковородѣ, призвалъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему:

— Честной человекъ! для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь! отвѣтствовалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію ролю выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умный человекъ! онъ прямо счастливъ; было меньше бы на свѣтѣ дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили.

— Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣнія, предувѣреніе...

— Если бы я почувствовалъ сего дня, прервалъ Сковорода, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человекъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствию или любви Божіей, т. е. живота, или гнѣва Божія, т. е. суда, добра или зла, свѣта или тьмы. Сіе на-

печатлѣно ошутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви и Богъ суда или гнѣва¹⁾. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человекъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благодати въ Творцѣ, а когда въ Творцѣ, то и въ тваряхъ, найпаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Щербининъ въ сладость послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще. Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ, любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными, предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ приемовъ, въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и неохотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

Любимое, но не главное упражненіе его была музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положи нѣкоторыя псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проникающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусяхъ пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство при-

¹⁾ Міръ сей и человекъ суть изъявленіе чудесъ, которыя Духъ Бога невидимаго производитъ вещественно. Сей духъ чудесъ свидѣтельствуєтъ въ явленіи своемъ о внутреннемъ состояніи бытій въ любви или во гнѣвѣ, въ добрѣ или во злѣ.

знало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласило его. Онъ охотнѣе принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ именемъ: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства Харьковской губерніи».

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое расужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ; требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашель нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ, и образъ ученія несоотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ, государя разумѣтъ и почитаетъ пастухъ и земледѣлецъ, какъ министръ его, военначальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣтъ о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ. Оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій духовенства.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и огражда спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностью, написалъ онъ

остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенести не могъ и тотчасъ поворотился домой¹⁾. Духъ убѣдительно погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ чрезъ двѣ недѣли въ Ахтырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятелиа своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ рассказывалъ другу своему тако:

Имѣя разжженные мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязаность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ, и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, нечувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто-бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонию во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію.

¹⁾ Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя происшествія, гдѣ Сократовъ духъ, такъ называемый Геній, предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ естественныхъ силъ души; когда его осудили на смерть и друзья его совѣтывали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, «я нѣсколько разъ принимался писать оную, сказали Сократъ, но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть, угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертію, пока не прійду въ старость многоболѣзненную и немощную уже».

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пресказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близь насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже кокошь птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точію не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей разтлѣнной.

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе края и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 г. въ Швейцарію, въ городъ Лозанъ.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніиль Мейнгардъ, человекъ отмѣннаго разума природнаго, имѣвшій даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столь похожъ былъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно было бы почестъ его ближайшимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгардъ, имѣя у себя подлѣ Лозаны прекрасный загородный домъ, садъ и величайшую библіотеку, просилъ его располагать онымъ всѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣдѣніями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 г., рассказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозанѣ похожаго человека на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно, и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (евр.: сынъ) Сава Сковорода, Даніиль Мейнгардъ.

И добрая и худая слава распространилася о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, немногіе знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ: иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцомъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе «Икона Алкивіадская», которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради пріятныхъ положеній природы, жительствовавъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Ивановкѣ у Ковалевскаго, у друга своего въ Хотетовѣ, въ монастыряхъ старо-харьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ахтырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сеннянскомъ и пр. по нѣскольку времени. Иногда жилъ у кого либо изъ сихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель.

Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголь, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его; новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія?—О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ; поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?—Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчахъ Сковорода; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно,—то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудріє, поселясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніє, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными ¹⁾ въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія, несравненная ни съ какими счастливыми.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдо-тканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу; тогда онъ, принимая чашу забавъ, не растворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радованія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніє всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его переимѣнить упражненія свои; тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ упокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкой и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармонією природы представляемыхъ.

Полунощное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ ²⁾. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помысленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго челоука, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнiviи и всегда низу поникшии ума моего помыслы! возмiтeся и возвыситeся на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіє вооружалось съ міродержателемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными брeнностями челоуческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возсѣсть на престолѣ свободы ея

¹⁾ Между всѣми упражненіями есть наилучшее желать; оно есть противность премудрости. Юнгъ. Ночь, 4.

²⁾ Достойнѣйшее молитвоприношеніє Богу есть исканіє истины чистымъ сердцемъ; въ семъ состоитъ богомысліє.

и быть подобнымъ Вышнему. Богомыслие вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣущему, вся исполняющему, и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмоги ему стати противу кознемъ лжемудрїя. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полунощныя часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, не сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключъ адскихъ мученій, благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидя въ дому, идяи путемъ, засыпая и просыпаясь; прїемли и обращай все во благо доволенъ сущими; о всемъ приключаемся тебѣ не воздавай безумія Богу; всегда радуешься, о всемъ благодаряще, молися.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію. Не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заведя въ лестныя внѣшности, усыпя въ немъ довѣрїе ко внутреннему гласу духа, пробудя жаръ истиннаго любомудрїя, возжгло въ немъ разумъ свѣтскій и возбудило свойства, собственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ облагопрїятствовалъ его своими дарами: наложя на него усиленіе, далъ ему жену, друзей, прїятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды. Но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ и свойствами начала ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастїи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ успѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ лицепрїятїе.

Таковы были послѣдствїя свѣтскаго круга, въ которой попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ въ себя самого, собралъ разсѣянные по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо искажилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печаляхъ, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, свѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведя очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою, и видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастья его, въ сердечномъ чувствіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную преисполненную истины пѣснь:

О Иерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ! и проч.

Промысль Божій возрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотетово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлить съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчаемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другъ его усыпленные силы разума, восперили чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностію, а гдѣ собственномудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости.

Я не знаю мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничаютъ въ правилахъ и обрядахъ,

чтобы казаться мудрыми (читай о семъ сочиненіе его «Потопъ Зміинъ», гл. 3-я въ концѣ), то я не хочу знать ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ!

Исканіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживѣ въ малѣ, исполни лѣта долга. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостыжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ садукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія ¹⁾. Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клеветуютъ, яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сушаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и св. писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключая ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменьщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

¹⁾ Читай о семъ сочиненіе его «Жена Лотова», прим. 4-е.

Читая св. писаніє въ намѣреніи научитья въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властямъ придержащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, на примѣръ, исторію, что Ааронъ первосвященникъ золотого тельца жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати ученію ея. Я научаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенію, нежели, какъ есть ли бы я, узнавши, какъ золото пердѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичесествовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для сего не добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣнныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастье въ жизни.

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемая въ храмахъ нашихъ: *премудрость прости*? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквального смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишь невидимаго, силу Божию, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человекѣ духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человекѣ всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,—онѣ суть недѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевной миръ приуготовляется издали, тихо въ тайнѣ сердца растеть и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего, къ кругу занимаемому нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, преходитъ образъ міра сего и, яко соніе востающаго, уничтожается.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, пріятныя или страшныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтательныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожало всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человекъ по смерти. Жизнь временная есть ¹⁾ сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувствія нашего. Придетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится. Жена егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? ²⁾ Чрево матери и великій міръ сей: по вступленіи младенца изъ того въ сей, все предшедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла человекѣскаго и судъ Божій. Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть

¹⁾ Для сего св. Павелъ разбуживаетъ, говоря: возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и убуждшеся видиша Славу Его.

²⁾ Если бы младенецъ могъ мыслить во утробѣ матери своей, то можно ли бы увѣрить его, что онъ, отдѣлившись отъ корня своего, на вольномъ воздухѣ, пріятнѣйшимъ свѣтомъ солнца наслаждаться будетъ? Не могъ ли бы онъ тогда думать напротивъ и изъ настоящихъ обстоятельствъ его доказать невозможность такого состоянія? Столько же кажется невозможной жизнь по смерти заключеннымъ въ жизнь времени сего.

дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтитъя веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтели любовь, то корень сердца твоего напоишь тукомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ; тутъ¹⁾ огонь мученій не угасаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?—Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огонь и жупель, духъ бурень, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. Посему разумѣй животь вѣчный и муку вѣчную.

Говорили иногда о превратностяхъ свѣта. Онѣ суть то, чѣмъ быть должны, сказалъ онъ тутъ: весна, лѣто, осень, зима суть свойства неотдѣляемыя отъ круга свѣта, подобно, какъ утро и вечеръ отъ круга дневнаго. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, переменнo: не разумень, несчастливъ, кто ищетъ, кто требуетъ постоянства и вѣчности въ немъ! когда же нѣсть постоянія въ немъ, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, въздыханія, слезы, отчаянія.

Не говори мнѣ о высокиихъ чувствительныхъ душахъ! Слезы ихъ суть изліяніе природы, а не пристрастій²⁾, и есть нѣкое утѣшеніе плакать въ свой часъ.

Вѣчность ихъ! Вѣчность едина есть безпечаліе, постоянство, надежда. Положимъ сердца наши въ силу ея и удѣлимъ себѣ отъ сокровищъ ея въ брэнной сей временности тѣлеснаго бытія³⁾. Вѣчность и время единъ составъ суть, но не едино: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ.

Услыша въ окрестности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему, многіе желали видѣть его и для того нѣкоторые пріѣхали туда въ с. Хотѣтово.

Изъ начальства правленія орловскаго молодой человекъ подо-

¹⁾ Уризенія совѣсти суть духи черные, мученія и уязвляющія змѣи, молніи проникающія ясныя истины, суть адъ; сія истина ввѣрена на сохраненіе послѣднему часу человекъ (Юнгъ, Нощь, 4).

²⁾ Est quaedam flere voluptas.

³⁾ Двѣ сіи половины составляютъ едино: голодь и сытость—пищу, зима и лѣто—плоды, тьма и свѣтъ—день, смерть и животь—всякую тварь. (Потопъ Змінъ, гл. 5).

шедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: Г. С.! прошу полюбить меня.—Могу-ли полюбить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю.

Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ его: какъ зовутъ васъ?—Я называюсь такъ, именемъ и прозваніемъ N. N., отвѣчалъ сей. Сковорода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: имя ваше не скоро ложится на мое сердце.

Простота жизни, высокость познаній, величайшій и долготнѣйшій подвигъ Сковороды въ любомудріи опытномъ раздиралъ ризу лицемѣрія высокоумдрствующихъ и обнажалъ простоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: „жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ее“, и въ то время, когда сей увѣнчиваемъ уже былъ знаменами истины, а они, обвѣщаны знаменьями соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ истины.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и расслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось.

Другъ его упрашивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончать со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно.

Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить....

— Ахъ другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не прибрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и дасть все потребное во благовременность?

Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ.

1794 года августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотетова села въ Украину. При разставаніи, обнимая друга, сказалъ:

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить ее.

Пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣскольکو тутъ ради непрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе; но не туда, куда намѣревалъ.—Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка помѣщика Ковалевскаго было то мѣстопребываніе, гдѣ нѣскольکو времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ скончать теченіе свое.

Болѣзни старостію, погодою, усталостію отъ пути приближили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостоль (посланіе къ Римл., гл. 3-я, ст. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, наразсвѣтѣ, 1794 года. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ роши и гумна и слѣдующую сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

Міръ ловилъ меня, но не поймалъ. ¹⁾

Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ, писанныя всѣ рукою своею, другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу, слѣдующаго содержанія:

Число твореній моихъ:

1) Наркизь, узнай себя. 2) Симфонія: рѣхъ, сохранию пути моя. 3) Симфонія: аще не увѣси. 4) Неграмотный Марко. 5) Алфавитъ міра, о природѣ. 6) Разговоръ кольцо. 7) Древній міръ.

¹⁾ Высокомудрствующіе не оставили преслѣдовать его злословіемъ даже и во гробъ, проповѣдая въ сонмищахъ и вездѣ, что Сковорода оставилъ надпись сію по себѣ изъ гордости и киченія. Много потребно имѣть дерзости, чтобы осмѣлиться увѣрять о семъ! Чтобы болѣе оказать къ нему и ввести его въ презрѣніе и возвышеніе себя, то они стараются важно утверждать и изыскиваютъ способы увѣрять, что Сковорода былъ способенъ къ порокамъ. Дабы предъ очами людей замѣнить добродѣтельную жизнь мнимо высокими своими знаніями таинствъ и правилъ, то они разгласили, якобы Сковорода, при кончинѣ, увидѣлъ заблужденія свои, состоявшія въ непослѣдованіи толку ихъ,

8) Жена Лотова. 9) Брань архангела Михаила съ сатаною. 10) Икона Алкивиадская. 11) Бесѣда I. Сіонь. 12) Бесѣда II. Сіонь. 13) Бесѣда III. Двое. 14) Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ. 15) Благодарный Еродій. 16) О христіанскомъ добронравіи или Катихизисѣ. 17) Асхань, о познаніи себя.

Переводы: (Плутарховы сочиненія).

1) О старости Цицероновой. 2) О Божіи правосудіи. 3) О смерти. 4) О храненіи отъ долговъ. 5) О спокойствіи душевномъ. 6) О возжелѣніи богатствъ. 7) О уединеніи . . . Сидронія.

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на російскомъ, латинскомъ, еллинскомъ языкѣ, находятся письма его весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ; многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ; еллинской предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога. 1795 г. февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ.

Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся 1794 г., октября 29 дня:

Ревнитель истины, духовный богочтець,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суеты свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердець примѣръ, Сковорода.

Сочиненіе друга его М. К.

признавая оныя, просилъ прошенія черезъ одного изъ братства ихъ и раскаивался; но какъ извѣстная святость жизни Сковороды и честныя правила его, имѣющія цѣлью любовь истины и добродѣтели, а концомъ красоту и совершенство духа были, такъ сказать, спицею въ око лицемѣрамъ симъ, то и неудивительно, что они пуцають всякаго рода ядовитыя стрѣлы въ память его; однако симъ самимъ въ чувствіяхъ простыхъ и правдолюбивыхъ сердець душа его приобрѣтаетъ вящую красоту страждущей невинности и, сквозь мракъ смерти и клевету злобныхъ душъ сіяя внутреннимъ спокойствіемъ, представляется въ умахъ богорожденныхъ достигающимъ совершенства мудраго мужа.

О Ч Е Р К Ъ

ОТНОШЕНІЙ ОБЫЧНАГО ПРАВА КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМЪ.

Въ изложеніи науки гражданскаго права и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ по гражданскому праву ученые, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе, рассматривая право въ его историческомъ развитіи, указываютъ, какъ на органы и силы, воспроизводящія народно-юридическія воззрѣнія и облакающіе ихъ въ опредѣленно-выраженныя жизненныя формы, на два источника—обычай и законъ.

Обычай по времени предшествуетъ закону, наблюдается у всѣхъ народовъ уже на первыхъ ступеняхъ общественной жизни, составляетъ первичную форму, въ которой проявляется народное правовое убѣжденіе и, находясь подъ воздѣйствіемъ много-различныхъ факторовъ физическаго и духовнаго характера—географическаго и климатическаго условій страны, занимаемой народомъ, формы общественной жизни народа, большей или меньшей развитости въ отношеніяхъ промышленно-экономическомъ, научномъ, художественномъ, нравственномъ, религіозномъ, является непосредственнымъ произведеніемъ творческой силы народнаго духа, продуктомъ народнаго склада ума, воли и чувства¹⁾).

Естественно-историческія условія происхожденія обычая, отражая въ немъ со всею полнотою индивидуальныя особенности

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методы и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 14.

даннаго народа, придаютъ и самому обычному праву строго національный характеръ, который затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи общественной и государственной жизни народа, отражается и на законодательной дѣятельности государства. Начало національнаго происхожденія обычнаго права признаетъ и великій ученый Савиньи; онъ первый проникъ во внутреннюю природу права и ясно изложилъ свои наблюденія въ великомъ трудѣ: „О призваніи нашего времени въ отношеніи къ законодательству“. Вотъ что онъ говоритъ о природѣ, развитіи и функціи права: „всюду, гдѣ только мы находимъ документальную исторію, тамъ гражданское право уже имѣетъ опредѣленный характеръ, свойственный данному народу, какъ и его языкъ, нравы и учрежденія. Эти явленія не имѣютъ своего обособленнаго бытія: это только отдѣльныя силы и дѣятели, по природѣ своей нераздѣлимо соединенные и только нашему наблюденію являющіеся въ видѣ особыхъ функцій. Ихъ сплачиваетъ въ одно цѣлое общее убѣжденіе народа, одинаковое сознаніе ихъ внутренней необходимости, которое исключаетъ всякую мысль объ ихъ случайномъ и произвольномъ созиданіи“. Нѣсколько ниже онъ продолжаетъ: „эта органическая зависимость права отъ сущности и характера народа постоянно сохраняется. Въ этомъ отношеніи право можно сравнить съ языкомъ. Какъ въ языкѣ, такъ и въ правѣ нѣтъ и минуты безусловнаго застоя, оно подвержено тому же движенію и развитію, какъ и всякая иная дѣятельность народа, и это развитіе подчиняется одному и тому же закону внутренней необходимости... Право такимъ образомъ, вмѣстѣ съ народомъ, растетъ, развивается и умираетъ лишь съ утратою народомъ его личности“¹⁾.

Указавъ въ общемъ на характеръ и происхожденіе обычнаго права, перейдемъ къ обзорѣнню отношеній обычнаго права въ разныхъ государствахъ къ закону и начнемъ наше обзорѣніе съ Римскаго государства, въ виду того, что римское законодательство, по времени своего возникновенія и по своимъ высокимъ достоинствамъ, имѣло громадное вліяніе на законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ новаго времени.

¹⁾ Ueber den Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung, стр. 8, 11.

Въ первомъ періодѣ римскаго государства, который принято считать отъ древнѣйшихъ временъ до составленія Двѣнадцати таблицъ, римское право все почти состояло изъ обычаевъ, которые частью проникли во вновь возникшее государство, уже готовые и сложившіеся, изъ различныхъ странъ Италіи, вмѣстѣ съ переселившимися оттуда племенами, а частью возникли на почвѣ самаго Рима. При дальнѣйшемъ развитіи римскаго права совершенно изгладилось первоначальное различіе обычаевъ и всѣ они слились въ одинъ римско-національный юридическій бытъ. Обычное право, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Марцоль¹⁾, вообще всегда составляетъ первую основу всякаго положительнаго права. Не подлежитъ сомнѣнію, что и римское обычное право имѣло весьма важное значеніе въ развитіи положительнаго римскаго права. По замѣчанію Мэна, римское право исходитъ изъ небольшого числа арійскихъ обычаевъ, которые были изложены въ письменной формѣ въ V столѣтіи до Р. Х. и сдѣлались извѣстными подъ именемъ законовъ XII таблицъ²⁾. „У Римлянъ, говоритъ Пахманъ, какъ и вездѣ, первоначальною формою права были обычай (*mos majorum*), какъ юридическія правила, возникающія и развивающіяся изъ самой жизни народа“³⁾. Въ законодательныхъ памятникахъ римскаго права объ отношеніи обычнаго права къ закону находимъ такія опредѣленія (фрагментъ Юліана въ Дигестахъ L. 32. D. de leg. I, 3): „въ тѣхъ случаяхъ, когда не примѣняются писанные законы, надлежитъ сохранять то, что введено нравами и обычаями, при отсутствіи которыхъ наблюдается ближе соотвѣтствующее природѣ нравовъ и обычаевъ, а если и это ни къ чему не поведетъ, то примѣняется право, дѣйствующее въ Римѣ. § 1. Не безъ основанія укоренившійся обычай охраняется наравнѣ съ закономъ, ибо установленное нравами имѣетъ значеніе права. Основаніе обязательности для насъ законовъ въ ихъ признаніи народнымъ пониманіемъ; та же причина дѣлаетъ обязательнымъ одобренное народомъ внѣ всякой письменной формы. Какое иное значеніе придать волѣ народа, выраженной въ правилахъ и дѣй-

1) Римское гражданское право. Москва, 1867, стр. 22.

2) Древнѣйшая исторія учреждений, стр. 10.

3) Исторія кодификаціи гражданского права, стр. 4.

кое же національное право, какъ и это чужое право. Вообще въ теченіе всего развитія германскаго права, начиная отъ пріятія римскаго, отечественное право непрестанно обращаетъ на себя вниманіе и получаетъ все большее и большее признаніе. Неоцѣнимое содѣйствіе этому направленію оказала историческая разработка германскаго права, которая пробудилась въ срединѣ XVII столѣтія и все болѣе и болѣе процвѣтаетъ съ начала нынѣшняго столѣтія. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ началѣ XVIII столѣтія стали и виѣшнимъ образомъ отдѣлять матеріаль германскаго права отъ римскаго, не только въ университетскихъ лекціяхъ, но и въ сочиненіяхъ. Преподаваніе нѣмецкаго права вошло еще въ прошломъ вѣкѣ въ курсы нѣкоторыхъ университетовъ Германіи, но далеко не какъ предметъ равный римскому праву. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно сдѣлалось предметомъ вполне самостоятельнымъ.

Прусское земское уложеніе исключаетъ дѣйствіе обычнаго права, какъ источника права, допуская однако обычаи (*praeter legem* и даже мѣстные провинціальныя обычаи—*contra legem*), если они имѣли при обнародованіи *allg. Landrecht* въ 1794 году обязательную силу. Въ случаѣ неполноты и недостаточности закона, судья, при постановленіи рѣшенія, долженъ обратиться прежде всего къ существующимъ по разсматриваемымъ предметамъ обычаямъ, при недостаточности которыхъ основываетъ рѣшеніе на общихъ началахъ законодательства, принимая во вниманіе изданныя въ подобныхъ случаяхъ повелѣнія. Здѣсь признано широкое значеніе обычнаго права въ смыслѣ *jus dispositivum*, которое далѣе служитъ руководствомъ истолкованія воли лицъ, какъ въ этомъ согласны юристы прусскіе.

Подобно Прусскому земскому уложенію, Австрійское гражданское уложеніе не признаетъ обычнаго права въ значеніи источника права. Но въ Австріи судья долженъ, усмотрѣвъ изъ соглашенія сторонъ желаніе ихъ, явное или подразумеваемое, примѣнить мѣстный обычай, прійти къ заключенію, что они хотѣли въ данномъ случаѣ руководствоваться мѣстнымъ обычаемъ. Здѣсь это одно лишь чисто фактическое отношеніе, недопускающее обычнаго права въ значеніи *jus dispositivum*,

но придающее ему значеніе руководства судьи въ истолкованіи сдѣлокъ сторонъ.

Саксонское гражданское уложеніе уклоняется отъ признанія значенія обычнаго права, какъ *jus dispositivum*, не признавая его вовсе въ значеніи источника права.

Такъ, въ § 28 этого уложенія говорится: „обычаемъ законы не могутъ быть ни отмѣняемы, ни измѣняемы, равно не могутъ быть вводимы новыя постановленія, имѣющія силу закона. Насколько права могутъ быть устанавливаемы волею участвующихъ лицъ, настолько должны быть принимаемы въ соображеніе и обычаи, если слѣдуетъ предположить, что участвующія лица желали соблюсти обычаи, въ подобныхъ случаяхъ соблюдаемый“.¹⁾

Скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству въ Англіи.

Первоначальные обитатели нынѣшней Англіи—Кельты, жили по своимъ народнымъ юридическимъ обычаямъ. Послѣ покоренія ихъ римлянами и туземное право подверглось вліянію римскаго права. По прекращеніи въ Британіи римскаго владычества, туда являються народы германскаго племени—англы и саксы (въ V ст.), которые основываютъ нѣсколько королевствъ, затѣмъ датчане (IX ст.) и, наконецъ, норманы (XI ст.). Каждый изъ этихъ народовъ принесъ съ собою свои юридическіе обычаи, которые, вмѣстѣ съ постановленіями народныхъ собраній, стали собирать въ сборники. Послѣ покоренія Англіи норманами, туземное законодательство не было уничтожено, но оно естественно должно было потерпѣть измѣненіе вслѣдствіе государственнаго устройства Англіи, въ которую норманы принесли феодальную систему. Съ покореніемъ Англіи норманами, она уже не испытываетъ болѣе вторженія чуждыхъ племенъ и съ этого времени англійское право начинаетъ постепенно слагаться въ опредѣленную форму, причемъ право нормановъ одерживаетъ перевѣсъ надъ туземнымъ правомъ. Въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій разнообразные племенные элементы сплотились въ одно цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработалось самостоятельное, извѣстное подъ именемъ общаго закона, обычное право, въ составъ котораго вошли и

¹⁾ Саксонскіе гражд. законы. Изданіе редакціонной Коммиссіи 1885 г.

обычаи англо-саксонскіе и норманскіе, отчасти съ примѣсью римскаго и каноническаго права, которое проникло въ Англію вмѣстѣ съ введеніемъ тамъ Христіанства. Въ XIII ст. появляется новый источникъ англійскаго права—статуты, подѣ которыми разумѣются утвержденныя королемъ постановленія парламента; статуты не вытѣснили обычнаго права, оно не утратило своей силы и постоянно развивалось и пополнялось судебною практикою. Въ настоящее время также въ Англіи рядомъ существуетъ два права: общее, т. е. обычное, и статутное. Отношеніе между статутнымъ и общимъ правомъ таково, что изъ нихъ первое подчиняется послѣднему и не можетъ противорѣчить ни ему, ни magna charta. Какъ изъ статутовъ, такъ равно изъ обычаевъ въ разное время составлялись официальные и частные сборники.¹⁾

Изложивъ краткій очеркъ отношенія обычнаго права къ законодательству у народовъ романо-германскаго происхожденія, перейдемъ къ разсмотрѣнію отношенія обычнаго права къ законодательству славянскихъ народовъ.

Славянскіе народы, по складу ихъ характера, историческимъ судьбамъ, территоріальнымъ, климатическимъ, этнографическимъ, психологическимъ, экономическимъ, соціальнымъ и политическимъ условіямъ жизни и развитія, во многомъ отличаются отъ другихъ европейскихъ народовъ, почему и славянское право имѣетъ свои національныя особенности. Славяне, проявляя свое правосознаніе по преимуществу въ формѣ обычая, дорожили имъ, охраняли его отъ чуждыхъ вліяній и, управляясь весьма долгое время обычнымъ правомъ, развили это право въ такой полнотѣ и опредѣленности, что изученіе его даетъ богатый матеріалъ для науки права вообще и русскаго въ особенности.

Славяне являются въ историческое время осѣдлымъ народомъ, знакомымъ очень рано (уже во время Геродота) съ земледѣліемъ и даже городскимъ бытомъ. Они жили при самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ и бытовыхъ условіяхъ²⁾. Изъ разказа Нестора и другихъ лѣтописцевъ и историковъ видно, что славяне расселились и жили группами, разбросано, смотря по

1) Пахманъ. Исторія кодификаціи, стр. 40—48.

2) Леонтовичъ. Исторія русскаго права, стр. 89.

удобствамъ поселенія — по рѣкамъ, въ лѣсахъ и пр.; отличительною чертою славянскаго племени служитъ разобщенность и внутренняя рознь, хотя общимъ объединяющимъ началомъ было то, что всѣ они жили по обычаямъ предковъ, по правдѣ, закону вѣчно жизненныхъ боговъ. Въ понятіе правды входили безразлично законъ и обычай. По словамъ Прокопія и Константина Порфиророднаго, славяне имѣли свои законы, подъ которыми разумѣлись собственно народные обычаи. Несторъ въ своей лѣтописи сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о старыхъ славянскихъ обычаяхъ. По его словамъ славяне „имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ, и преданья каждо свой нравъ“. Славяне не дѣлали никакого существеннаго различія между закономъ и обычаемъ, отождествляли ихъ, какъ понятія, имѣвшія одно и тоже значеніе. Южные славяне доселѣ называютъ юридическіе обычаи законами. Наши крестьяне и въ настоящее время не отличаютъ обычая отъ закона и, ссылаясь на обычай, обыкновенно въ судѣ говорятъ: „судите по закону“. У насъ различіе между обычаемъ и закономъ явилось позже, въ эпоху усложненія юридическихъ отношеній, когда обычное право стало оказываться несостоятельнымъ и образовались законодательные органы, создавшіе постепенно систему законовъ въ собственномъ смыслѣ. Почти до Московскаго періода подъ законами разумѣлись тѣ же обычаи, изложенные письменно. Болѣе строгое разграниченіе закона отъ обычая принадлежитъ Московскому законодательству. У славянскихъ народовъ съ особенною рельефностью выясняется то положеніе, что древнѣйшіе памятники законодательства служатъ непосредственнымъ отраженіемъ современнаго имъ и предшествовавшаго имъ обычнаго права.

Чехи въ ряду другихъ славянскихъ племенъ весьма долгое время руководствовались правилами обычнаго права, которыя входили въ опредѣленія и рѣшенія земскаго суда, служившаго органомъ законодательной власти. Почерпнутыя изъ обычнаго права и записанныя на деревѣ законодательныя нормы получили названіе досокъ. Доски эти складывались въ особыя архивы на храненіе и такимъ образомъ накопился богатый матеріалъ, который далъ возможность въ интересахъ практическаго поль-

зованія имъ приступить къ составленію сборниковъ. Эти работы производились частными лицами; до нашего времени дошли слѣдующіе сборники: 1) Право земли Чешской, относящейся по мнѣнію проф. Иванишева къ первой половинѣ XII вѣка, съ содержаніемъ преимущественно процессуальнымъ; 2) Рядъ земскаго права, написанъ при Карлѣ IV на латинскомъ языкѣ, въ XIV ст. передѣланъ и переложень на чешскій языкъ; содержаніе этого сборника составляетъ уголовное судопроизводство; 3) Толкованіе чешскаго права,—составленный въ XIV в. Андреемъ Дубскимъ и содержащій уголовное и гражданское право и процессъ; 4) Девять книгъ о правахъ чешской земли, обширнѣйшій изъ всѣхъ другихъ сборниковъ, составленный Викториномъ Корнелиемъ изъ Вшегордъ въ началѣ XVI вѣка; по заявленію составителя, матеріалъ имъ былъ выбранъ изъ старыхъ сгнившихъ земскихъ досокъ¹⁾. Въ XV вѣкѣ возникла мысль о составленіи официальнаго законодательнаго сборника для всей земли. Для осуществленія этого собраны были изъ законодательныхъ актовъ, хранящихся въ архивахъ, и законодательныхъ досокъ матеріалы, на основаніи которыхъ коммисіею изъ депутатовъ приступлено было къ кодификаціонной работѣ, и такимъ путемъ въ 1500 году, при королѣ Владиславѣ Ягеллончикѣ, былъ изданъ официальный статутъ чешскаго права, явившійся живымъ отраженіемъ древняго обычнаго права чешской земли. Иванишевъ, серьезно изучившій исторію чешскаго права, находитъ, что въ законахъ древнихъ чеховъ славянское право сохранилось въ большей полнотѣ, нежели въ законодательствахъ другихъ славянскихъ народовъ²⁾. Подобно чешскому статуту 1500 года, и Моравскіе статуты, впервые составленные въ концѣ XI вѣка, въ правленіе князя Конрада, образовались изъ старинныхъ обычныхъ правъ Моравской земли, въ соединеніи съ привилегіями этого государя³⁾.

По присоединеніи къ чешскому королевству княжествъ Опольскаго и Ратиборскаго, государственные чины послѣднихъ, въ

¹⁾ Иванишевъ Древнее право Чеховъ, стр. 107, 111.

²⁾ Тамъ-же, стр. 105.

³⁾ Н. Загоскинъ. Методы и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 38.

соединеніи съ представителями княжествъ Глоговскаго, Стрже-невскаго, Словатинскаго, Козельскаго и другихъ, уложили для нихъ въ 1562 г. особыя статуты, положивъ въ основу ихъ давніе обычаи и свѣчи. Таково происхожденіе Слуцкихъ статутовъ, которые, какъ и Моравскіе статуты, твердо стоятъ на почвѣ древняго славянскаго обычнаго права.

Древніе поляки, какъ это свидѣтельствуется польскій историкъ-юристъ В. Мацѣевскій, жили безъ письменныхъ памятниковъ законодательства, руководствовались нормами обычнаго права, которыя съ крайнею неохотою облакали въ форму писанаго слова, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что долгое время не было полного собранія обычнаго права. Впервые въ 1260 г. Малая Польша, собравъ обычные права свои, составила себѣ изъ нихъ Малопольскій статутъ, который не дошелъ до нашего времени въ непосредственномъ видѣ. Великая Польша также, основываясь на старинныхъ обычныхъ правахъ своихъ, составила Великопольскій статутъ. Затѣмъ въ 1347 году, при королѣ Казимірѣ Великомъ, изданъ былъ общій для обѣихъ частей Польскаго королевства Вислицкій статутъ, объединившій и дополнившій предшествовавшее законодательство. Приведенные законодательные памятники не обнимали всѣхъ нормъ обычнаго права польскаго народа,—какъ не въ состояніи сдѣлать это ни одинъ законодательный сборникъ; поэтому обычное право продолжало имѣть обширное примѣненіе и значительную жизненную силу и въ слѣдующія эпохи жизни польскаго народа. Такъ еще въ 1493 году король Альбрехтъ предписывалъ судьямъ сообразоваться въ юрисдикціи своей съ древними обычаями польской земли ¹⁾.

Въ древнемъ Сербскомъ королевствѣ законодательная дѣятельность обуславливалась началами обычнаго права, имѣвшими обширное жизненное примѣненіе, не только во внутреннемъ быту Сербскаго народа, но и въ юридическихъ отношеніяхъ ихъ къ иностранцамъ. Обычное право сербскаго народа получило сначала письменную формулировку въ грамотахъ, жаловавшихся королями церквамъ, монастырямъ, городамъ и общи-

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 38 и 39.

намъ, а затѣмъ оно вошло въ законникъ короля Стефана Душана. Этотъ первый общій законодательный сборникъ изданъ въ 1349 году и дополненъ въ 1854 гсду. Источниками Законника Стефана Душана послужили нормы Сербскаго неписаннаго права, торговые договоры съ иностранцами, хрисовулы (грамоты) предшествовавшихъ государей, имѣвшіе въ основаніи своемъ также обычное право и, наконецъ, указы самого короля Душана. Ученые Мацѣевскій, Шафарикъ, Майковъ, Зигель и Леонтовичъ признаютъ Законникъ 1349 г. законодательнымъ памятникомъ, отразившимъ въ себѣ обычное право Сербской земли, а чрезъ посредство послѣдняго и коренныя начала древнѣйшаго общеславянскаго права. По присоединеніи къ Сербіи въ половинѣ XIV вѣка царства Болгарскаго и банства Боснійскаго, дѣйствіе Законника Стефана Душана было распространено и на эти земли. Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ странахъ въ эпоху самостоятельнаго существованія ихъ было собственное болѣе или менѣе развитое законодательство, въ основаніи котораго опять-таки лежало мѣстное обычное право¹⁾.

Долѣе всѣхъ остальныхъ народовъ славянскаго племени обходились безъ письменныхъ законовъ Черногорцы, нормировавшіе всѣ отношенія юридическаго быта исключительно обычнымъ правомъ. Такъ продолжалось до самого конца XVIII вѣка и, только въ 1796 году, въ правленіе владыки Петра 1-го, составленъ былъ для Черногоріи первый сборникъ писанныхъ законовъ. Въ 1855 году появился въ Черногоріи новый уставъ князя Данила, извѣстный подъ именемъ Законника Данила 1-го, князя и господара Черногорскаго и Бардцкаго, уже болѣе обширный, чѣмъ уставъ владыки Петра 1-го²⁾. Въ семидесятыхъ годахъ въ Черногоріи приступлено было къ составленію гражданскаго уложенія. Работа поручена была знаменитому славянскому ученому В. Богишичу, профессору Императорскаго Новороссійскаго университета. Въ настоящее время гражданское уложеніе, вполне отразившее въ себѣ начала древняго обычнаго славянскаго права, дѣйствуетъ уже въ Черногоріи и, по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, составляетъ одинъ

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средство изуч. др. обыч. права, стр. 40, 41.

²⁾ Пахманъ. Исторія кодификаціи гражд. законовъ, стр. 185.

изъ замѣчательныхъ законодательныхъ памятниковъ нашего времени.

Что же касается, наконецъ, исторіи возникновенія Хорватско-Далматскаго законодательства, которымъ регулировалась юридическая жизнь отдѣльныхъ славянскихъ общинъ, расселенныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адриатическаго моря, то, хотя по свидѣтельству проф. Леонтовича, ¹⁾ Хорватскіе славяне уже въ X в. имѣли свои старинные письменные законы и статуты, тѣмъ не менѣе, какъ до изданія письменныхъ памятниковъ законодательства отношенія юридическаго быта Хорватовъ регулировались нормами обычнаго права, такъ и послѣ возникновенія у нихъ писаннаго законодательства, обычаи предковъ продолжали служить основнымъ источникомъ послѣдняго. Это положеніе вполне раскроется при изложеніи исторіи происхожденія трехъ важнѣйшихъ памятниковъ Хорватско-Далматскаго законодательства, именно: Винодольскаго закона, Полицкаго статута и законовъ города Загреба. Исторія происхожденія Винодольскаго закона слѣдующая ²⁾. Жители Винодольской общины, желая сохранить на будущее время старинные законы свои, которые, не будучи до того времени формулированы письменно, жили еще въ памяти старыхъ людей, — собрались въ 1280 году на купъ (вѣче) въ Новомъ городѣ (нынѣ Нови) и здѣсь, избравъ старѣйшихъ мужей отъ всѣхъ городовъ земли своей, поручили имъ записать и свести боедино всѣ тѣ законы, память о которыхъ перешла къ нимъ отъ отцовъ и дѣдовъ ихъ, такъ какъ законы эти, какъ говорится во вступленіи къ Винодольскому сборнику: „отъ теперешняго времени и напередъ могли быть оставлены вслѣдствіе забвенія“. Такимъ образомъ Винодольскій законъ есть ничто иное, какъ сборникъ древнѣйшихъ нормъ Хорватскаго обычнаго права. Законодательный сборникъ Полицкой общины, извѣстный подъ названіемъ Полицкаго статута, является полнѣйшимъ отраженіемъ мѣстнаго обычнаго права. Этотъ законодательный памятникъ не дошелъ до насъ въ первоначальной редак-

¹⁾ Древне-Хорватско-Далматское законодательство, стр. 4.

²⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средство срав. изуч. др. обыч. права Славянъ, стр. 43, 44.

ціи, а извѣстенъ въ настоящее время по позднѣйшимъ спискамъ и притомъ подвергнувшись переработкѣ. Неизвѣстенъ далѣе и самый годъ его составленія. По предположенію проф. Леонтовича ¹⁾, Полицкій статутъ первоначальной редакціи возникъ почти современно съ нашею „Русскою правдою“. Полицкій статутъ, по словамъ того же ученаго, построенъ всецѣло на нормахъ древняго устнаго обычнаго права и служитъ замѣчательнѣйшимъ памятникомъ древнѣйшаго славянскаго быта и права, объясняющимъ весьма много темныхъ сторонъ древне-славянскаго права. Будучи самымъ живымъ отраженіемъ народнаго обычнаго права, Полицкій статутъ указываетъ, что имъ предусмотрены далеко не всѣ отношенія юридической жизни, а потому рекомендуетъ судьямъ руководствоваться въ практической дѣятельности своей старыми обычаями.

Третій памятникъ Хорватско-Далматскаго законодательства это—законы города Загреба, состояющіеся изъ трехъ отдѣльныхъ статутовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1242 году, послѣдній къ первой четверти XV в. Изъ этихъ статутовъ имѣетъ весьма важное значеніе для славянскаго права Загребскій статутъ 1242 г., такъ какъ онъ черпалъ свое содержаніе преимущественно изъ стариннаго обычнаго права ²⁾.

На первыхъ ступеняхъ развитія русскихъ Славянъ юридическій обычай также является единственною формою проявленія идеи права, и всѣ отношенія ихъ регулируются исключительно обычнымъ правомъ. Юридическіе обычай, существовавшіе въ каждой общинѣ, не были чѣмъ-то случайнымъ, но держались на преданіи, отличались строго консервативнымъ характеромъ. Они переходили изстари изъ поколѣній къ поколѣнію, являлись „какъ законъ отецъ своихъ и преданія“ (Несторъ). Старые обычай хранились въ устахъ народныхъ въ видѣ „пошлины“, незапамятной старины; сложившись въ теченіи вѣковъ, пошлина считалась ненарушимымъ закономъ, которымъ Славяне дорожили, какъ святынею. Общее господство обычнаго права начало ограничиваться со времени образованія у насъ общей княжеской власти, когда явились особые органы законодательства. Сфера

¹⁾ Леонтовичъ. Древнее Хорватско-Далматское законодательство, стр. 62.

²⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средства сравнительнаго изученія обычнаго права Славянъ, стр. 44, 45.

дѣйствія обычнаго права впрочемъ ограничивалась очень медленно: обычай постепенно уступалъ мѣсто закону, но удерживалъ за собою въ теченіи всей древней исторіи значеніе вспомогательнаго источника права. Первые наши уставы и законы—Русская правда, Псковская судная грамота и проч., по мнѣнію проф. Леонтовича ¹⁾, представляютъ не больше, какъ тѣ же народные обычай, только санкціонированные письменнымъ изложеніемъ ихъ въ уставахъ и грамотахъ. Въ современномъ русскомъ законодательствѣ обычай въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ самостоятельную силу, на сколько дѣйствія ихъ не устраняются закономъ, такъ что они какъ-бы равноправны съ самымъ закономъ, въ другихъ—восполняютъ пробѣлы законодательства. Въ смыслѣ дополненія закона въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд. говорится, что мировой судья имѣетъ право примѣнять обычай „въ случаяхъ, положительно неразрѣшенныхъ закономъ“. Таково общее правило о восполненіи закона. Независимо отъ этого общаго начала, въ сферѣ общихъ гражданскихъ постановленій есть указаніе на возможность восполненія законовъ обычаями. Такъ, въ 1539 ст. X т. ч. I, гдѣ изложены правила о толкованіи договоровъ, сказано: „когда выраженія, въ договорѣ помѣщенныя, не опредѣляютъ предмета во всѣхъ его частяхъ съ точностью, тогда принадлежности онаго изъясняются обычаемъ, если впрочемъ не опредѣлены онѣ закономъ“. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ дозволяется руководствоваться обычаями, хотя въ послѣднемъ случаѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Цитовичъ, обычай имѣетъ скорѣе знаніе обыкновенія.

Гораздо болѣе случаевъ указано въ законодательствѣ относительно примѣненія обычаевъ въ смыслѣ замѣны закона. Такъ уже въ общемъ правилѣ для мировыхъ судей, въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд., указаны случаи замѣны закона обычаемъ при ссылкѣ одной изъ тяжущихся сторонъ. Затѣмъ допускается подобная замѣна въ торговомъ быту, напр., въ ряду законовъ о поклажѣ постановлено, что совершеніе поклажи не связывается письменною формою, когда поклажа производится по купеческому обычаю (ст. 2112 X т., 1 ч.). Точно также говорится о

¹⁾ Исторія русскаго права, стр. 105.

подрядахъ: „заготовленіе или покупки разныхъ потребностей въ мѣстахъ заграничныхъ, равно отправленіе съ иностранными шкиперами всякихъ вещей и припасовъ за границу производить на общемъ коммерческомъ основаніи, сообразно мѣстнымъ торговымъ обычаямъ“ (ст. 1836 X т., 1 ч.). Относительно примѣненія торговыхъ обычаевъ къ торговымъ дѣламъ проф. Цитовичъ даетъ слѣдующія указанія: 1) обычай вообще примѣняется къ судебнo-торговымъ дѣламъ, а не только обычай мѣстный, какъ въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд.; 2) примѣненіе его не зависитъ отъ ссылки сторонъ, и 3) примѣненіе обычая имѣеть мѣсто лишь при недостаточности положительныхъ законовъ¹⁾.

Болѣе широкое примѣненіе въ смыслѣ самостоятельной юридической нормы имѣеть обычай въ крестьянскомъ быту. Относительно крестьянскихъ обычаевъ есть болѣе или менѣе общія правила, высказанныя въ Положеніи о крестьянахъ 1861 года. Сюда относятся главнымъ образомъ прим. къ ст. 21 Общ. Пол. о крестьянахъ, по которому въ дѣлахъ по опеку крестьяне руководствуются мѣстными общими обычаями, точно также по ст. 38 относительно порядка наслѣдованія. По нашему праву порядокъ наслѣдованія опредѣляется близостью родства; между тѣмъ въ крестьянскомъ быту, кромѣ этого и степенью труда: кто больше накопилъ, тотъ больше и получаетъ. Примѣненіе обычая допущено по ст. 107 Общ. Полож. о кр., по которой волостнымъ судамъ предоставляется разбирать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Наконецъ въ 25 ст. Врем. Правиль о волост. судѣ опредѣляется: „при рѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“. Далѣе нашъ законъ относительно инородцевъ устанавливаетъ слѣдующее: инородцы управляются по своимъ обычаямъ, и судамъ предоставляется рѣшать дѣла по ихъ обычаямъ относительно пользованія собственностью.

Изъ краткаго историческаго очерка отношенія обычнаго права къ законодательствамъ выясняется уже съ достаточною полнотою то обстоятельство, что законодательство каждаго народа вырабатывается изъ нормъ обычнаго права и обусловливается

¹⁾ Цитовичъ. Лекціи по торговому праву, стр. 88.

естественно-историческими условіями жизни и развитія даннаго народа, что заимствованіе въ сферѣ развитія правовой жизни готовыхъ формъ одного народа у другого, хотя и возможно, въ виду существованія извѣстной степени однообразія въ прогрессивномъ развитіи народовъ, но оно не должно подавляющимъ образомъ дѣйствовать на національный юридическій бытъ народа и его право. Исторія указываетъ намъ много примѣровъ того, на сколько вредно отражается исключительное господство иноземнаго права. Римское право, перенесенное въ Германію ревностными нѣмецкими учеными возникшей въ XII в. глоссаторской школы въ Болоньѣ, получило въ Германіи такое господство и исключительное значеніе, что нѣмецкія легисты, по замѣчанію проф. Богишича, ¹⁾ считали варварскимъ, недостойнымъ вниманія науки, всякій нѣмецкій правовой институтъ, который не подходилъ подъ начала римскаго права. Мѣстные установленія отдѣльныхъ земель были въ ихъ глазахъ лишь уклоненія и неправильности. Благодаря такому направленію, римское право въ началѣ XVI в. одержало полную побѣду надъ національнымъ правомъ, но „съ этою побѣдою, говоритъ Блончли, наука права потеряла очень много своей жизненной силы, мертвѣла все болѣе и болѣе и низошла до безсмысленнаго, но практически удобнаго, примѣненія мертвыхъ и абстрактныхъ началъ. Невыносимый формализмъ, педантство, безвкусіе, рабское подчиненіе римскому праву—вотъ характеристическія черты римской юриспруденціи послѣднихъ вѣковъ въ Германіи“.

Законодательство, которое не обращаетъ вниманія на общественное положеніе народа, становится часто въ противорѣчіе съ народною жизнью. Проф. Богишичъ приводитъ два примѣра такого положенія вещей ²⁾. Въ Далмаціи, говоритъ онъ, шестьдесятъ лѣтъ, а въ Хорватіи двадцать лѣтъ тому назадъ былъ введенъ общій австрійскій сводъ, дѣйствующій до сихъ поръ, но въ Далмаціи, особенно по вопросу юридическихъ отношеній семьи и наслѣдства между крестьянами, составляющими громадное большинство населенія, онъ никогда не вступалъ и не могъ вступить въ жизнь: его должны были игнорировать и народъ,

¹⁾ Богишичъ. О научной разработкѣ Славянскаго права. С.-Пет. 1870 г., стр. 4.

²⁾ Тамъ-же, стр. 14 и 15.

и судьи. Въ Хорватіи и Славоніи само министерство вынуждено было административнымъ порядкомъ пріостановить дѣйствіе тѣхъ частей, которыя находились въ коренномъ противорѣчій съ обычнымъ правомъ крестьянскаго народонаселенія. Нѣчто подобное случилось съ Сербамъ въ княжествѣ при изданіи свода гражданскихъ законовъ. Это изданіе лучше всего характеризуютъ слова одного изъ лучшихъ сербскихъ юристовъ Кристича: „мы страшно погрѣшили, говорилъ онъ, тѣмъ, что усвоили себѣ законъ извнѣ, безъ всякаго вниманія къ народнымъ понятіямъ, обычаямъ и нуждамъ. Законы, взятые извнѣ безъ достаточной ихъ оцѣнки, сдѣлали то, что во многихъ случаяхъ, имѣя законъ, остаемся безъ закона, и народъ, а часто и сами власти не разумѣютъ закона. Отсюда выходитъ, что дѣлаются противузаконія въ то время и тамъ, когда и гдѣ никто не желалъ поступить противозаконно“.

Только путемъ глубокаго и всесторонняго изученія юридическаго быта своего народа можно избѣгнуть печальнаго явленія—созданія законовъ несоотвѣтствующихъ правамъ и обычаямъ народа. Русская юриспруденція весьма мало сдѣлала для изученія правовъ и обычаевъ своего народа и ограничивается только изученіемъ писаннаго права. Въ чемъ кроется причина такого направленія нашей юридической науки, мы не будемъ касаться, такъ какъ это не входитъ въ планъ нашей работы, но считаемъ полезнымъ ознакомить читателя со взглядомъ, высказаннымъ по этому предмету проф. Д. К. Мейеромъ: „наука гражданского права, говоритъ онъ, не можетъ ограничиться изученіемъ положительныхъ гражданскихъ законовъ. Должно сознаться, однако, что возрѣніе на юриспруденцію, какъ на науку положительныхъ законовъ, у насъ господствующее. И вотъ обстоятельства, поддерживающія это возрѣніе: изученіе положительныхъ законовъ легче, чѣмъ изученіе закона дѣйствительнаго. Изученіе закона дѣйствительнаго требуетъ постояннаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительности, обширнаго знакомства съ жизнью, разоблаченія многихъ юридическихъ отношеній, тайныхъ для постороннихъ лицъ: все это дѣло нелегкое. Поэтому, если существуетъ возрѣніе, что юриспруденція состоитъ въ изученіи положительныхъ законовъ, очень легко поддаться

ему: человекъ очень склоненъ успокаивать совѣсть свою какими-бы то ни было средствами и, видя трудность въ изученіи законовъ дѣйствительности, охотно хватается за мнѣніе, что знаніе положительныхъ законовъ составляетъ науку правовѣдѣнія¹⁾).

Судебно-крестьянскою реформою, введенною по закону 12 Юля 1889 года, должностныя лица и цѣлыя учрежденія поставлены въ прямое, непосредственное отношеніе къ крестьянскимъ судамъ и получили полную возможность всесторонне изучать народное право. Поэтому весьма желательно, чтобы Уѣздныя Съѣзды собирали матеріалы по обычному праву и стремились къ составленію мѣстныхъ сборниковъ по обычному праву, которые должны имѣть весьма важное значеніе въ дѣлѣ отправленія правосудія въ крестьянскихъ судахъ и затѣмъ при составленіи гражданскаго уложенія Имперіи. Судебно-крестьянскою реформою послѣдняго времени ставится на очередь двѣ великія задачи: правильное устройство суда для многомилліоннаго крестьянскаго населенія и нормированіе правовой жизни крестьянскаго населенія на основаніи, не только писаннаго права, но и самобытныхъ началъ обычнаго права русскаго народа, выработавшихся подъ дѣйствіемъ особыхъ естественно-историческихъ условій жизни и развитія народа и отражающихъ индивидуальныя особенности русскаго народнаго духа и генія. Такія задачи могутъ быть достигнуты только при содѣйствіи науки, а поэтому весьма желательно, чтобы въ нашихъ университетахъ въ кругъ юридическихъ наукъ вошелъ-бы и курсъ русскаго обычнаго права. Матеріалы, собранныя правительственными комиссіями, научныя изслѣдованія этихъ матеріаловъ учеными и изслѣдованія по исторіи русскаго права, не смотря на то, что дѣло изученія явленій народно-правовой жизни находится у насъ еще въ зародышѣ, открываютъ уже возможность съ университетскихъ кафедръ знакомить студентовъ съ началами русскаго обычнаго права и съ методами изученія явленій народно-правовой жизни и такимъ образомъ готовить дѣятелей, обогащенныхъ научными знаніями и способныхъ, путемъ научнаго наблюденія надъ явленіями правовой жизни народа, оказать помощь развитію русскаго законодательства.

Многочисленное крестьянское населеніе и въ настоящее вре-

1) Мейеръ. Русское гражданское право, стр. 10.

мя еще руководится въ сферѣ частныхъ гражданскихъ отношеній не писанными законами, а правилами, слагавшимися путемъ обычаевъ, во многомъ несогласными съ началами законодательства и ни въ какіе сборники занесенными. Русскому государству предстоитъ великая задача собрать разрозненные нормы неписаннаго права и создать для многомилліоннаго крестьянскаго населенія кодексъ гражданскихъ законовъ. Осуществленію правительствомъ этой задачи можетъ помочь научная дѣятельность юристовъ, которые, путемъ изученія исторіи права, современнаго состоянія обычнаго права и сравнительнаго изученія русскаго обычнаго права съ обычнымъ правомъ другихъ славянскихъ племенъ, должны раскрыть національные принципы русскаго права, какъ основы, какъ краеугольнаго камня всего дальнѣйшаго хода развитія правового быта и законодательства. Поэтому и русская юридическая наука должна стать самостоятельною наукою и обратиться ко всестороннему изученію правовой жизни и юридическаго быта русскаго народа.

Мысль о необходимости для блага и развитія страны своей самостоятельной науки съ такою силою и глубиною изображена нашимъ извѣстнымъ ученымъ И. И. Срезневскимъ, что я и закончу свой очеркъ словами этого ученаго: „она есть, эта русская наука. На нее, какъ на частную долю науки общечеловѣческой, имѣетъ Русскій народъ право столь же исключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій успѣхамъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ сильнѣе народъ духомъ, своебытностью, любовію къ знаніямъ, образованностью, тѣмъ его доля въ наукѣ болѣе; но у каждаго народа, не чуждаго свѣта просвѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отказывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей самобытности—на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности... Главный долгъ народной науки—изслѣдовать свой народъ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ“¹⁾.

Н. С. Илларионовъ.

¹⁾ И. И. Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка, стр. 1.

Семейство 52-ое. Ягодниковыя, Vacciniaceae.

Это семейство маленькихъ ягодныхъ кустарниковъ съ кожистыми вѣчно-зелеными листьями имѣеть у насъ представителемъ только одинъ видъ—*клюкву*, *Vaccinium Oxycoccus*, L., встрѣчающуюся въ торфянистыхъ котловинахъ по водораздѣлу рѣки Удъ, между прочимъ около д. Гавриловки къ юго-востоку отъ Харькова. Клюква представляетъ кустарничекъ съ тонкими, ползучими стеблями и малыми, продолговатыми, вѣчно-зелеными листьями съ завитыми внизъ краями. Цвѣтки у нея на длинныхъ ножкахъ, по 1—4, въ зонтикахъ; вѣнчикъ розовый колесовидный, 4 — раздѣльный, ягода темно-красная. Цвѣтетъ вначалѣ лѣта, но въ упомянутыхъ мѣстностяхъ встрѣчается въ такомъ небольшомъ количествѣ, что о пользованіи ягодами ея для продажи не можетъ быть рѣчи. Всѣ запасы клюквы, продающіеся у насъ въ фруктовыхъ лавкахъ, происходятъ изъ сѣвера. Ни *брусника*, *Vaccinium Vitis idaea*, L., ни *черника*, *V. Myrtillus*, L., изрѣдка встрѣчающаяся въ Полтавской и Курской губерніяхъ, въ Харьковской мѣ не попадались.

Семейство 53-е. Грушанковыя, Ruginaceae.

Маленькія, многолѣтнія, вѣчно-зеленыя травы, съ ползучимъ корневищемъ и острограннымъ стеблемъ; листья кожистые, сѣтчато-нервные, цвѣтки поникшіе. Чашечка 5-раздѣльная, вѣнчикъ 5-лепестный, тычинокъ 10; коробочка шаровидная, 5-створчатая, раскрывающаяся по срединѣ 5-трещинками. У насъ два рода, коихъ представители встрѣчаются только въ лѣсахъ и рощахъ.

Грушанка, *Ruginia*. Всѣ ниже указанные виды этого рода произрастаютъ у насъ только въ сосновыхъ рощахъ и борахъ. Къ довольно обыкновеннымъ принадлежатъ: *Г. однорядная*, *R. secunda*, L., легко узнается по приподнимающимся, олиствленнымъ стеблямъ, до $\frac{1}{2}$ ф. высоты, — айцевиднымъ, заостреннымъ, пальчатымъ листьямъ и зеленоватымъ цвѣткамъ въ одностороннемъ гроздѣ.—*Г. зонтичная*, *R. umbellata*, L. (*Chimophila umbellata*, Nutt.) имѣеть листья клиновидно-ланцетные на короткихъ черешкахъ, снизу цѣльнокрайніе, кверху остро-пальчатые; цвѣтки въ оконечныхъ зонтикахъ на длинныхъ цвѣтоножкахъ, колокольчатые, красноватые, столбикъ короткій. Оба вида цвѣтутъ вначалѣ лѣта.—Гораздо рѣже встрѣчаются у насъ: *Г. круглолистная*, *R. rotundifolia*, L., съ округленными прикорневыми листьями на длинныхъ черешкахъ и бѣлыми цвѣтками въ рѣдкомъ гроздѣ. Стебель 4-гранный до $\frac{3}{4}$ ф. высоты. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ. *Г. зеленая*, *R. chlorantha*, Sw. меньше ея ростомъ, съ 3-граннымъ красноватымъ цвѣтоноснымъ стеблемъ и 5—7 зеленоватыми, полушаровидными цвѣтками въ гроздѣ.—*Г. средняя*, *R. media*, Sw., болѣе сходна съ круглолистной, отличается отъ нея шаровиднымъ полураскрытымъ вѣнчикомъ и косымъ кверху постепенно утолщающимся столбикомъ.—*Г. малая*, *R. minor*, L., едва достигаетъ $\frac{1}{2}$ ф. высоты, имѣеть цвѣтки шаровидные, мало-раскрытые, розовые или бѣлые, въ которыхъ столбикъ короче вѣнчика, съ широкимъ рыльцемъ. Последняя въ окрѣ-

стностях Харькова около Мерёфы перѣдка. — Къ очень рѣдкимъ у насъ принадлежатъ: *I. одноцвѣтковая*, *P. uniflora*, *L.* (*Moneses grandiflora*, *Salisb.*), легко узнаваемая по одиночнымъ цвѣткамъ съ довольно большимъ бѣлымъ, растопыреннымъ вѣнчикомъ. Грушанки содержатъ довольно много дубильныхъ веществъ и употребляются кое-гдѣ для дубленія нѣжныхъ сортовъ кожи, а также для окраски ихъ въ черный цвѣтъ. Нѣкоторые виды, примѣнявшіеся прежде въ медицину, въ настоящее время вышли изъ употребленія.

Подхвойникъ, *Monotropa*. Безхлорофильное, бѣлое или желтоватое растеніе съ гроздовиднымъ соцвѣтіемъ и верхушечнымъ цвѣткомъ. *II. обыкновенный*. Стебель мясистый, простой, отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ ф. высоты, вмѣсто листьевъ усаженъ прижатыми чешуйками; цвѣтки желтоватые, на короткихъ ножкахъ, въ пазухахъ прицвѣтниковъ, собраны колосовиднымъ гроздомъ; чашечка 5-раздѣльная, вѣнчикъ 5-лепестный, тычинокъ 10, раскрывающихся поперечною щелью. — Встрѣчается изрѣдка въ хвойныхъ лѣсахъ, по одиночкѣ или кустиками въ нѣсколько стеблей у основанія сосновыхъ стволовъ, поэтому считаютъ это растеніе корневымъ паразитомъ сосны. Новѣйшія наблюденія доказали однакожъ, что подземная корневица этого растенія покрыта гифами грибка, который живетъ съ нимъ въ симбіозѣ и, независимо отъ сосны, доставляетъ необходимую для него органическую пищу.

Подклассъ III. Вѣнчицоцвѣтныя. *Corolliflorae*.

Вѣнчикъ сростнолепестный, нижній, тычинки прикрѣплены къ вѣнчику.

Семейство 54-е. Пузырчатковыя. *Utriculariaceae*.

Изъ этого семейства въ нашей флорѣ находится одинъ только родъ:

Пузырчатка. *Utricularia*. Водяныя растенія, безъ корней, съ листьями погруженными, многократно - перисто-разсѣченными на тонкія, нитевидныя дольки и снабженными притомъ своеобразными, воздухоносными пузырьками. По новѣйшимъ наблюденіямъ пузырьки эти имѣютъ клапанъ, открывающійся внутрь и приспособленный, посредствомъ особыхъ рѣсничекъ, къ ловлѣ мелкихъ водяныхъ животныхъ (дафниды) и вѣроятно инфузорій. Животныя, попавшія внутрь пузырька, не могутъ уже изъ него освободиться и служатъ органическою пищею для этихъ растеній, причисляемыхъ поэтому къ группѣ такъ называемыхъ „плотоядныхъ“ растеній. Цвѣтки пузырчатокъ съ 2-листной чашечкою, двугубымъ, масковиднымъ вѣнчикомъ и 2 тычинками, расположены гроздомъ на безлистномъ цвѣтоносномъ стебелькѣ, во время цвѣтенія торчащемъ надъ водою. Три вида этихъ растеній, произрастающихъ обыкновенно въ стоячихъ водахъ, озерахъ, прудахъ и болотныхъ лужахъ, встрѣчаются у насъ довольно рѣдко. Чаше другихъ попадаетъ *II. обыкновенная*, *U. vulgaris*, *L.* У нея листья очередные, всѣ снабжены пузырьками; цвѣтки довольно крупныя, по 4—8 въ гроздѣ; вѣнчикъ желтый, 2-губый, съ довольно длиннымъ шпорцемъ, нижняя губа съ выпуклою, заслоняющею зѣву, и намѣченною оранжевыми

полосками. Цвѣтеть, какъ и остальные виды, лѣтомъ.—*II. меньшая*, *U. minor*, L.; вдвое меньше предыдущей, имѣеть листья очередные, но пузырьки только на нѣкоторыхъ изъ нихъ; цвѣтоносецъ съ 4 блѣдно-желтыми цвѣтками; нижнюю губу съ выемчатымъ и отвороченнымъ внизъ краемъ; выпуклину съ бурыми полосками и едва замѣтный шпорецъ.—*III. средняя*, *U. intermedia*, L., отличается отъ предыдущихъ двурядно расположенными листьями, кои всѣ снабжены пузырьками, и блѣдно-желтыми цвѣтками съ красноватою верхнею губою и красными полосками на выпуклинѣ; шпорецъ небольшой. Всѣ упомянутые виды многолѣтны.

Семейство 55-ое. Первоцвѣтныя, Primulaceae.

Травы средняго или малаго роста; за исключеніемъ водяныхъ, съ цѣльными листьями и цвѣтками въ пазухахъ листьевъ, въ гроздахъ или зонтикахъ. Чашечка 5—(рѣже 4—7) раздѣльная или зубчатая. Вѣнчикъ правильный, б. или м. глубоко раздѣльный на столько частей сколько долей чашечки, или же его вовсе нѣтъ. Тычинокъ столько, сколько частей вѣнчика, прикрѣпленныхъ къ нимъ посрединѣ каждой части. Завязь одна, одногнѣздная, многосѣмянная, съ центральнымъ сѣмяносецемъ. Столбикъ одинъ. Плодъ коробочка.

Турча, *Hottonia*. Водяныя растенія съ погруженными въ воду вѣтками и листьями и оконечнымъ гроздомъ цвѣтковъ на выдающемся изъ воды безлистномъ стеблѣ.—*T. болотная*, *H. palustris*, L. Корневище многолѣтнее, ползучее на илистомъ днѣ. Листья на вѣтвяхъ его околышами, гребенчато-перисто-раздѣльные. Цвѣтоносный стебель отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты надъ водою. Цвѣтки довольно крупныя, по 3—6 околышами на верхушкахъ его, бѣлыя или блѣдно-розовыя. Чашечка глубоко-5-раздѣльная, вѣнчикъ съ короткою трубкою и 5 лопастымъ отгибомъ. На болотахъ, по берегамъ прудовъ, не рѣдко. Цвѣтеть въ маѣ и іюнѣ.

Первоцвѣтъ, *Primula*. Травы съ розетою прикорневыхъ листьевъ и зонтикомъ желтыхъ цвѣтковъ на верху безлистнаго цвѣтоноснаго стебля.—У насъ одинъ только видъ: *P. врачебный*, *P. officinalis*, Jacq. Прикорневые листья яйцевидные или продолговатыя, суживающіеся въ окрыленный черешокъ, на нижней сторонѣ нѣжно-бархатистыя. Цвѣтоносный стебель $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ ф. высоты. Цвѣтки въ простомъ зонтикѣ; чашечка колокольчатая, съ желтоватыми гранями, столь же длинная, какъ трубка вѣнчика; вѣнчикъ блѣдно-желтый съ оранжевымъ зѣвомъ. Въ лѣсахъ и кустарникахъ, по опушкамъ и окраинамъ тропинокъ, обыкновенный. Цвѣтеть въ концѣ апрѣля и въ маѣ. Цвѣтки слегка душистыя, употреблялись прежде въ медицинѣ въ видѣ грудного чая.

Къ этому же роду принадлежатъ многочисленныя, красивыя разновидности садовыхъ и горшечныхъ растений съ розовыми, лиловыми, бѣлыми и пестрыми цвѣтками, называемыя обыкновенно „авриколами“. Породы эти происходятъ частью отъ альпійскихъ растений *P. Auricula*, L. и *P. farinosa* и др., большею же частью отъ *P. sinensis*, Lindl., привезенной въ 1824 г. изъ Китая, гдѣ культура ея доставила много красивыхъ формъ съ розовыми и лиловыми цвѣтками.

Проломникъ, *Andròsace*. Маленькія изящныя растеніица съ розе-

тою прикорневыхъ листьевъ и бѣлыми цвѣтками въ зонтикахъ. У нихъ чашечка колокольчатая; вѣнчикъ съ раздутою, кверху суженною, трубкою и 5-разщепнымъ отгибомъ, тычинокъ 5 на короткихъ нитяхъ; коробочка 5-створчатая.—*П. удлиненный*, *A. elongata*, L. Листья яйцевидно-ланцетные, зубчатые. Цвѣточные стебли короткіе, отъ 1 до 2 дюймовъ высоты; цвѣтоножки почти равны имъ или немного короче; прицвѣтники у основанія зонтика ланцетные; чашечка длиннѣе молочно-бѣлаго, съ желтоватымъ зѣвомъ, вѣнчика. На склонахъ, по прогалинамъ, на пастбищахъ и лугахъ довольно-обыкновенный. Цвѣтетъ весною.—*II северный*, *A. septentrionalis*, L. Листья узко-ланцетные, зубчатые, покрыты короткими волокнами. Цвѣточные стебли до 4 д. высоты; цвѣтоножки въ 3 раза короче ихъ; прицвѣтники зонтика очень короткіе, линейные; чашечка короче вѣнчика. На супескахъ, въ борахъ и на низменныхъ поляхъ дов. обыкновенный. Цвѣтетъ весною до іюня. Оба вида наши двулѣтніе.

Вербейникъ. *Lysimachia*. Многолѣтнія травы съ супротивными или околышевыми листьями, средней высоты. Чашечка 5-раздѣльная; вѣнчикъ 5-раздѣльный съ колесовиднымъ или немного вогнутымъ отгибомъ. Тычинокъ 10 (внѣшнія безплодныя) или 5; коробочка 5-створчатая. У насъ 3 вида этихъ растений.—*В. обыкновенный*, *L. vulgaris*, L. Корневище съ отпрысками. Стебель прямостоячій отъ 2 до 3 ф. высоты. Листья на короткихъ черешкахъ, супротивные или по 3—4 околышами, яйцевидно-ланцетные, усѣянные темно-красными точками. Цвѣтки въ гроздахъ на верхушкѣ стебля и въ пазухахъ верхнихъ листьевъ образуютъ окончное метельчатое соцвѣтіе. Цвѣтки средней величины, золотисто-желтые. На влажныхъ мѣстахъ, по берегамъ водъ и на низменныхъ поляхъ обыкновенный. Цвѣтетъ лѣтомъ до сентября. Трава употреблялась прежде въ медицинѣ и при соответственномъ приготовленіи даетъ желтую краску.—*В. гроздоцвѣтный*, *L. thyrsoflora*, L., легко отличается отъ предъидущаго восходящимъ густо-облиственнымъ стеблемъ съ длинными отпрысками при основаніи, узко-ланцетными, сидячими, полуобъемлющими листьями и малыми блѣдно-желтыми цвѣтками, собранными въ грозды, находящіяся въ пазухахъ листьевъ; грозды на ножкахъ, но короче листьевъ. Растетъ по иловатымъ берегамъ прудовъ и на болотахъ, но встрѣчается рѣдко. Цвѣтетъ лѣтомъ.—*В. ползучій*, *L. Nummularia*, L. Стебель лежачій, вкореняющійся. Листья супротивные, округленные или яйцевидные, на короткихъ черешкахъ. Цвѣтки крупныя, по одному или по два въ пазухахъ листьевъ, на короткихъ цвѣтоножкахъ, лимонно-желтые. На влажныхъ мѣстахъ въ кустарникахъ и рощахъ самый обыкновенный. Цвѣтетъ съ іюня до осени.

Меньшакъ, *Centunculus*. Маленькія растеньица, съ цѣльнокрайними листьями и одиночными пазушными цвѣтками. Чашечка и вѣнчикъ 4-раздѣльные; тычинокъ 4; коробочка, раскрывающаяся поперечною щелью.—*М. луговой*, *C. minimus*, L., встрѣчается у насъ рѣдко на влажныхъ лугахъ, по окраинамъ канавъ. Имѣетъ стебель приподнимающійся, отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ дюйма высоты; листья попеременные, сидячіе, округло-яйцевидные; цвѣтки сидячіе, вѣнчикъ бѣлый или блѣдно-розовый. Растеніе однолѣтнее, цвѣтетъ лѣтомъ.

Млечникъ. Glaux. алыя, немного мясистыя травки, съ супротивными цѣльнокрайними листьями. Чашечка окрашенная, вѣничковидная, колокольчатая; вѣничка нѣтъ вовсе; тычинокъ 5; коробочка 5-створчатая.—*M. морской*, *G. maritima*, L. Стебелекъ прилегающій, густо-облиственный, 3—4 д. длины. Листья почти сидячіе, ланцетные или эллиптическіе. Цвѣтки въ пазухахъ листьевъ маленькіе, собраны въ облиственный колосъ. Чашечка блѣдно-розовая, рѣдко бѣлая. На влажныхъ, солончаковыхъ мѣстахъ въ Кулянскомъ у. изрѣдка, около г. Славянска вблизи соленыхъ озеръ—верѣдко и всегда общественно.

Семейство 56-е. Масличныя. Oleaceae.

Къ этому семейству принадлежатъ деревья и кустарники съ супротивными листьями и обоюполовыми или разнородными цвѣтами. Цвѣтки или вовсе безъ околоцвѣтника, какъ у ясени, или чашечка о 4 зубчикахъ, вѣничекъ ворончатый съ 4-раздѣльнымъ отгибомъ; тычинокъ 2, прикрѣпленныхъ въ трубчкѣ вѣничка; завязь верхняя съ 1 столбикомъ. Плодъ—крылатка, коробочка или ягода.

Ясень, *Fraxinus*. Деревья съ непарно-перистыми листьями и сухими плодами въ видѣ продолговатой крылатки.—*Я. обыкновенный*, *F. excelsior*, L. Красивое дерево, достигающее 60—70 фут. высоты. Листья супротивные, перистые, съ 7—11 ланцетными, пильчатыми, почти сидячими листочками. Цвѣтки развиваются до появленія листьевъ изъ особыхъ почекъ на прошлогоднихъ побѣгахъ и представляются сначала въ видѣ пучка тычинокъ, окруженныхъ при основаніи маленькими мохнатыми чешуйками. Въ дальнѣйшемъ развитіи цвѣтки оказываются или мужскими, изъ двухъ краснобурыхъ тычинокъ, или обоюполовыми, состоящими изъ двухъ тычинокъ и одного плодника посрединѣ. Продолговатыя крылатки до 2 дюймовъ длины содержатъ при основаніи два сѣмячка.—Ясень встрѣчается у насъ еще довольно часто въ рощахъ и лиственныхъ лѣсахъ, преимущественно на сырыхъ мѣстахъ, въ ложбинахъ, но изъ году на годъ высокія деревья попадаются рѣже, такъ какъ хорошія качества древесины побуждаютъ къ вырубкѣ лучшихъ особей. Только кое-гдѣ въ садахъ и паркахъ ясень достигаетъ настоящихъ размѣровъ. Онъ зацвѣтаетъ въ концѣ апрѣля до развитія на немъ листьевъ.—Молодая древесина ясени бѣлая, прочная но чень упругая; старая—буровато-желтая съ узкими блестящими сердцевинными лучами и широкими годичными кольцами, коихъ внутренній край пронизанъ, какъ у дуба, крупными порами. Послѣдняя въ твердости хотя и уступаетъ дубу, но легче его, притомъ прочна и упруга, поэтому предпочитается столярами для выдѣлки мебели и особенно на постройку земледѣльческихъ машинъ. Молодые деревья ясени доставляютъ хорошій матеріалъ для обручей и мелкихъ столярныхъ издѣлій. Листья съ молодыми вѣтками, срѣзанные весною, связанные вѣничками и высушенные въ тѣни на открытомъ воздухѣ могутъ служить хорошимъ подспорьемъ поздней весною для корма овецъ и даже рогатаго скота. Кора употребляется для дубленія кожъ, по содержанію въ ней горькихъ веществъ имѣетъ слабое дѣйствіе хинной

корки, но чаще всего употребляется для окраски сафьяна въ бурый и синій цвѣтъ. Ясень питаетъ многихъ насѣкомыхъ, изъ коихъ жучекъ «шпанка» (*Lytta vesicatoria*) появляется на немъ въ иные годы въ значительномъ количествѣ и можетъ быть собираемъ для медицинскаго употребленія. Въ Молдавіи и Валахіи въ благоприятные годы собираютъ его десятками и сотнями четвертей, такъ что онъ служитъ тамъ предметомъ вывозной торговли.

Вирючина, Ligustrum. Кустарники съ супротивными кожистыми листьями и маленькими бѣлыми цвѣтками. *В. обыкновенная*, *L. vulgare*, *L.* Кустарникъ въ 7 — 10 ф. высоты, съ длинными прутьевидными вѣтками; листья почти вѣчно-зеленые, ланцетные, цѣльнокрайніе, на короткихъ черешкахъ. Цвѣтки въ густыхъ гроздахъ на концахъ вѣтокъ. Ягоды круглыя, черныя, цвѣтеть въ концѣ іюня и іюль. *В.* встрѣчается у насъ очень рѣдко въ рощахъ. Я находилъ ее въ Кулянскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ и въ Полтавской губерніи—чаще. Даже въ садахъ ее какъ-то неохотно разводятъ, хотя по долго зеленѣющимъ листьямъ она довольно красива. За границею очень часто пользуются ею для живыхъ изгородей, такъ какъ бирючина вкореняется сильно и очень вынослива. Древесина бирючины плотная, упругая, очень пригодна для токарныхъ издѣлій; вѣтки въ хозяйствѣ могутъ служить вмѣсто лозы для заплетанія заборовъ. Ягоды содержатъ красно-бурый сокъ, употребляемый нерѣдко для подкрашиванія винъ.

Сирень, Syringa. Весьма обыкновенные и любимые кустарники, разводимые повсюду въ садахъ и паркахъ, съ супротивными, простыми листьями и душистыми цвѣтками. Чашечка 4-зубчатая. Вѣничекъ съ длинною трубкою и 4-лопастнымъ отгибомъ. Плодъ—двугнѣздная, двустворчатая коробочка.—*С. обыкновенная*, *S. vulgaris*, *L.* Кустарникъ отъ 6 до 10 ф. высоты. Листья супротивные, на короткихъ черешкахъ, сердцевидные, заостренные, цѣльнокрайніе. Цвѣтки въ окончныхъ густыхъ, пирамидальныхъ соцвѣтіяхъ, лиловые, фіолетовые или бѣлые, душистые. Цвѣтеть въ маѣ и началѣ іюня. Отечество Персія, откуда въ 1560 г., въ царствованіе Фердинанда I, посланникомъ Бусбекомъ впервые привезена въ Вѣну. Съ тѣхъ поръ распространилась по всей Европѣ, а въ Венгріи и Трансильваніи встрѣчается и въ одичаломъ состояніи. Горькій экстрактъ незрѣлыхъ плодовъ считаютъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ лихорадки. Желтоватая, довольно плотная, древесина старыхъ стволовъ красиво свилевата, хорошо полируется и царскою водою легко окрашивается въ красный цвѣтъ, поэтому охотно употребляется для токарныхъ издѣлій.—Кромѣ обыкновенной сирени, нерѣдко разводятся у насъ *Китайская* сирень, *S. chinensis*, Willd, съ яйцевидно-ланцетными заостренными листьями и розово-лиловыми цвѣтками и *Персидская* с., *S. persica*, *L.*, съ ланцетными листьями и лиловыми цвѣтками.

Семейство 57-ое. Барвинковыя, Аросупеае.

Изъ этого обширнаго семейства, содержащаго 6 ч. тропическія и важныя для медицины растенія, въ нашей флорѣ находится одинъ

только родъ *Барвинокъ*, *Vinca*, съ 2 видами. Это стелющіеся вѣчно-зеленые кустарники съ кожистыми цѣльнокрайними листьями и одиночными довольно крупными цвѣтками. У послѣднихъ чашечка свободная, глубоко 5-раздѣльная, вѣнчикъ съ трубочкою и широкимъ отгибомъ изъ 5 косыхъ лопастей; тычинокъ 5, прикрѣпленныхъ внутри трубки вѣнчика; плодниковъ 2, соединенныхъ наверху въ одинъ столбикъ. Плодь состоитъ изъ 2 продолговатыхъ коробочекъ со многими голыми сѣменами. *Б. малый*, *V. minor*, L. Стебель деревянистый, стелющійся, вкореняющійся, до 1 ф. длины; цвѣтоносныя вѣтки восходящія. Всѣ листья супротивные, продолговато-ланцетные, голые, сверху блестящіе. Цвѣтки одиночные въ пазухахъ верхнихъ листьевъ, голубовато-лиловые. — *Б. травянистый*, *V. herbassa*, Wk., имѣетъ стебель травянистый, стелющійся, но не вкореняющійся; цвѣтоносныя вѣтки тоже лежащія. Нижніе листья яйцевидные, верхніе ланцетные, сверху шероховатые, по краямъ немного рѣсничатые, цвѣтки голубые или блѣдно-лиловые. Оба вида встрѣчаются у насъ изрѣдка въ кустарникахъ и рощахъ; первый однакожь попадался мнѣ чаще, нежели послѣдній. Цвѣтутъ весною уже въ концѣ апрѣля и въ маѣ. Въ садоводствѣ употребляютъ преимущественно *б. малый*, который хорошо держится на рабаткахъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ.

Семейство 58-ое. Ласточниковыя, *Asclepiadeae*.

Многолѣтнія травы средняго или высокаго роста, съ супротивными, цѣльными листьями и небольшими цвѣтками въ окончныхъ или пазушныхъ, гроздовидныхъ щиткахъ.

Ласточникъ. *Vincetoxicum*. Чашечка 5—раздѣльная; вѣнчикъ колесовидный съ 5 притупленными лопастями отгиба; тычинокъ 5, сросшихся нитями въ трубочку, окружающую короткій столбикъ съ плоскимъ 5—угольнымъ рыльцемъ. Плодь—изъ двухъ удлиненныхъ заостренныхъ листовокъ, раскрывающихся по брюшному шву и наполненныхъ сѣменами. Сѣмена съ густымъ пучкомъ волосковъ на верхушкѣ. *Л. обыкновенный*, *V. officinale*, Moench. (*Asclepias Vincetoxicum*, L. *Cynanchum Vinc.* R. Br.) изъ многолѣтнаго корневища выпускаетъ прямыя стебли отъ 2 до 3 ф. высоты, листья супротивные, сердцевидные или продолговато-яйцевидные, на короткихъ черешкахъ; верхніе яйцевидно-ланцетные. Цвѣтки желтовато-бѣлые въ щиткахъ, которые короче листьевъ. Въ лѣсахъ по опушкамъ и въ кустарникахъ обыкновенное, ядовитое растеніе, корень котораго (*Radix Vincetoxici*) употреблялся прежде въ медицинѣ. Цвѣтетъ отъ мая до августа. — *Л. средний*, *V. medium*, DC., выше ростомъ съ тонкими стеблями, верхушки котораго немного завиваются, и пурпуровыми цвѣтками въ гроздахъ, превышающихъ листья, — и близко сходный съ нимъ *Л. черный*, *V. nigrum*, Moench., съ гроздами короче листьевъ и цвѣтками темно-красными, вѣроятно кое-гдѣ встрѣчаются въ нашей флорѣ, но мнѣ никогда не попадались, даже въ гербаріѣ проф. Черняева ихъ не было.

Къ этому же семейству принадлежатъ: *Ваточникъ*, *Asclepias Cornuti*, DC. (*Asilepias syriaca*, L.), растеніе, болѣе ста лѣтъ тому назадъ приве-

зенное изъ Америки, и часто разводимое въ садахъ, какъ украшающее. Ваточникъ, снабженный обильнымъ млечнымъ сокомъ, имѣеть стебли высокіе, отъ 4 до 5 футовъ; листья округленно-яйцевидные, цвѣтки душистые, пурпуровые, въ зонтикахъ. Сѣмена снабжены на верхушкѣ пучкомъ длинныхъ блестящихъ волосковъ, изъ коихъ, какъ полагали, можно сучить нити, подобно, какъ изъ волосковъ настоящаго Ваточника (*gossypium*). Въ концѣ 50-хъ годовъ Ваточникъ усердно рекомендовали для разведенія въ южной Россіи на поляхъ въ большихъ размѣрахъ, какъ прядильное растеніе. Составилось даже особое общество для распространенія этой будто-бы очень выгодной культуры. Но опыты приготовленія ткани изъ этого матеріала показали совершенную его непригодность.—*Фарфоровый цвѣтокъ*, *Noya carnosa*, R. Br., часто разводимое въ горшкахъ комнатное растеніе, принадлежитъ къ этому же семейству.

Семейство 59-е. Горечавковыя, *Gentianaceae*.

Горькія, голыя травы, съ супротивными, цѣльными листьями, безъ прилистниковъ. Цвѣтки въ оконечныхъ вильчато-развѣтленныхъ соцвѣтіяхъ. Чашечка у нашихъ представителей 4—5 раздѣльная; вѣнчикъ съ прямою трубкою и 4—5-лопастнымъ отгибомъ, въ почкѣ скрученный. Тычинокъ столько же, сколько донастей вѣнчика, перемежающихся съ ними. Многосѣмянная коробочка раскрывается 2-мя створками. Семейство это имѣеть у насъ представителей, принадлежащихъ къ 3 родамъ.

Золототысячникъ, *Erythraea*. Горькія травы съ 4-граннымъ стеблемъ и простыми цѣльнокрайними листьями.—*З. обыкновенный*, *E. Centaurium*, Pers. Стебель тонкій, прямой, отъ 1 до 2 ф., кверху развѣтвленный, съ розетою широко-яйцевидныхъ прикорневыхъ листьевъ при основаніи. Стеблевые листья расположены попарно въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, яйцевидные до узко-ланцетныхъ. Цвѣтки розовые, многочисленныя, расположены оконечнымъ вилообразно-раздѣльнымъ гроздомъ или метелкою. Чашелистикомъ узкихъ, линейныхъ 5. Вѣнчикъ съ узкою трубкою и расширеннымъ 5-лопастнымъ отгибомъ. Обыкновенное растеніе на поляхъ и степяхъ, цвѣтетъ въ концѣ лѣта. Отличаютъ нѣсколько видоизмѣненій его, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за отдѣльные виды. Изъ нихъ въ нашей флорѣ встрѣчается *З. красивый*, *E. pulchella*, Fries. со стеблемъ развѣтвленнымъ почти отъ основанія и безъ розеты прикорневыхъ листьевъ. Листья яйцевидные, 5-нервные; цвѣтки въ развилинахъ стебля и на концахъ вѣтокъ на различныхъ высотахъ. Встрѣчается изрѣдка на сырыхъ лугахъ.—*З. узколистный*, *E. linariifolia*, Pers.,—съ невѣтвистымъ стеблемъ и линейными, 3-нервными листьями. Произрастаетъ на соланчаковыхъ мѣстахъ, но мнѣ не попадался.—Золототысячникъ употребляется въ медицинѣ. (*Herba et summitates Centaurii minoris*). Онъ содержитъ горькія вещества и алколондъ „центауринъ“ и служить, въ видѣ настоя или порошка, какъ укрѣпляющее желудочное, потогонное и противолихорадочное средство. Придаютъ его и къ хмелю при вареніи пива. Скотъ не ѣстъ вовсе этой травы по причинѣ ея горечи.

Горечавка, Gentiana. Небольшія, очень горькія травы, съ супротивными, цѣльнокрайними листьями и довольно крупными, красивыми цвѣтками. Этотъ обширный родъ альпійскихъ растений имѣеть у насъ только нѣсколько представителей.—*G. луговая, G. Pneumonanthe, L.*, имѣеть стебель прямой, невѣтвистый, отъ $1\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты. Нижніе листья чешуйчатые, верхніе ланцетно-линейные, тупые съ однимъ нервомъ, толстоватые. Цвѣтки голубовато-лиловые, почти сидячіе, одиночные или по нѣсколько, собранные на верхушкѣ стебля рыхлымъ одностороннимъ гроздомъ. Чашечка трубчатая съ 5-линейными зубцами. Вѣнчикъ ворончатый до 1 д. длины, съ 5-лопастнымъ отгибомъ, лопасти короткія, широкія, внутри темно-голубыя, съ 5 зеленоватыми полосками. Встрѣчается на влажныхъ лугахъ и въ кустарникахъ нерѣдко. Цвѣтеть въ концѣ лѣта.—*G. крестоцвѣтная, G. cruciata, L.*, немного выше ростомъ. Листья ланцетные, 3-нервные, при основаніи сросшіеся во влагалищѣ. Цвѣтки околышами, расположенными тѣсно, верхніе скучены въ головку. Чашечка колокольчатая. Вѣнчикъ съ 4 лопастнымъ отгибомъ, внутри голубой, снаружи зеленовато-голубой. Встрѣчается изрѣдка по обрывамъ лѣсныхъ овраговъ, цвѣтеть въ іюль.—*G. многоцвѣтная, G. Amarella, L.* Однолѣтнее небольшое растеніе. Листья яйцевидные до ланцетныхъ, заостренные; нижніе черешчатые, верхніе сидячіе. Цвѣтки многочисленныя, блѣдно-лиловые, собраны продолговатымъ облиственнымъ гроздомъ на верхушкѣ стебля. Чашечка длинная 5-зубчатая. Вѣнчикъ съ 5-лопастнымъ отгибомъ и бахромкою въ горлышкѣ. Растеть на лугахъ и въ кустарникахъ, но встрѣчается рѣдко.—Все горечавки содержатъ въ своихъ органахъ, особенно въ корняхъ, горькое вещество „генціанинъ“, употребляемый въ медицинѣ (*Radix Gentianae luteae*) въ видѣ различныхъ препаратовъ, отъ лихорадки, желудочныхъ страданій и т. и. Въ пивовареніи небольшая примѣсь генціанина къ хмелю придастъ пиву пріятную горечь. Пигментъ, заключающійся въ голубыхъ и лиловыхъ цвѣтахъ, непрочень. Многія генціаны съ успѣхомъ разводятся въ садоводствѣ, какъ альпійскія украшающія растенія.

Вахта, Menyanthes. Болотныя растенія съ тройчатыми листьями и блѣдно-розовыми цвѣтками въ гроздовидномъ соцвѣтіи.—*B. трилистная, M. trifoliata, L.*, съ поззучимъ корневищемъ и волокнистыми корешками. Листья на длинныхъ черешкахъ, тройчатые; листочки обратно-яйцевидные до $1\frac{1}{2}$ д. длины. Цвѣтки бѣлые, снаружи блѣдно-розовые, расположены гроздомъ на цвѣтосномъ безлистномъ стеблѣ. Чашечка короткая съ 5 широкими лопастями. Вѣнчикъ колокольчатый, глубоко 5-раздѣльный, на внутренней сторонѣ бархатистый. Встрѣчается рѣдко, преимущественно на торфянистыхъ болотахъ. Цвѣтеть въ маѣ и іюнѣ. Листья вахты (трифоля), по содержанію горькихъ веществъ, служатъ хорошимъ средствомъ противъ лихорадки, расстройства пищеваренія и вообще страданій желудка и давно употребляются для этой цѣли, какъ въ медицинѣ (*Herba trifolii fibrini*), такъ и въ народѣ.

Семейство 60-е. Красотковые, Polemoniaceae.

Единственный европейскій видъ.—*Красотка голубая*, *Polemonium coelestem*, L. встрѣчается и у насъ довольно часто по опушкамъ лѣснымъ и въ кустарникахъ. Ее легко отличить по прекраснымъ, голубымъ цвѣткамъ, расположеннымъ щитовиднымъ гроздомъ на верхушкѣ стебля. Чашечка у нихъ 5-раздѣльная, вѣнчикъ ярко-голубой съ короткою трубкою и широкимъ 5-лопастнымъ отгибомъ; тычинокъ 5 въ трубкѣ вѣнчика; завязь трехгнѣздная съ 1 столбикомъ и трехраздѣльнымъ рыльцемъ. Стебель у этого растенія отъ 1 до 2 ф. высоты, при основаніи снабженъ пучкомъ длинныхъ перистыхъ листьевъ съ 11—21 ланцетными, цѣльнокрайними листочками; немногіе стебельныя листья значительно короче корневыхъ. Растеніе многолѣтнее, цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Прежде употреблялось, какъ лекарственное средство (*Herba valerianaе graecae*), а теперь нерѣдко разводится въ садахъ, какъ декоративное.

Къ этому семейству относятся нѣсколько видовъ *Пламенца*, *Phlox*, сѣверо-американскихъ растеній, разводимыхъ какъ декоративныя. Изъ нихъ единственный однолѣтній *П. друмондовъ*, *Ph. drumondii*, съ разнообразными оттѣнками красокъ, служитъ любимымъ украшеніемъ нашихъ цвѣтниковъ. Изъ многолѣтнихъ видовъ этого рода чаще другихъ разводятъ небольшого роста *Phlox divaricata* и высокій *Ph. paniculata*, L.

Семейство 61-ое. Вьюнковые, Convolvulaceae.

Изъ этихъ ползучихъ или вьющихся растеній мы имѣемъ два совершенно различныхъ по наружности рода:

Вьюнокъ, *Convolvulus*. Вьющіяся или ползучія растенія съ попеременными листьями и крупными цвѣтками. Чашечка 5-листная. Вѣнчикъ воронковидный, кверху расширенный, въ почкѣ скрученный. Тычинокъ 5, столбикъ одинъ съ двумя линейными рыльцами.—*В. полевой*, *C. arvensis*, L., съ ползучими и завивающимися стеблями отъ 1 до 2 ф. длины и стрѣловидными, черешчатыми листьями. Цвѣтки средней величины бѣлые или блѣдно-розовые, одиночные или по два, на длинныхъ ножкахъ, снабженныхъ маленькими, удаленными отъ цвѣтковъ прицвѣтниками. Самое обыкновенное растеніе на поляхъ по окраинамъ дорогъ и на сорныхъ мѣстахъ. На поляхъ *В. п.* представляетъ довольно тягостное сорное растеніе, по причинѣ глубоколежащихъ извилистыхъ корневищъ, которыя при мелкой вспашкѣ трудно истребить. Свины впрочемъ охотно ихъ поѣдаютъ. Цвѣтки имѣютъ пріятный миндальный запахъ и на глинистыхъ почвахъ бываютъ совершенно розовые.—*В. заборный*, *C. sepium*, L. (*Calystegia sepium*, R. Br.), тоже принадлежитъ у насъ къ обыкновеннымъ растеніямъ, преимущественно на влажныхъ, тѣнистыхъ мѣстахъ, возлѣ заборовъ и по берегамъ. Вьющіяся стебли его достигаютъ 5—10 ф. длины, цѣпляясь за вѣтви кустарниковъ или высокихъ травъ. Цвѣтки имѣютъ одиночныя, крупныя, бѣлыя, на ножкахъ, снабженныхъ двумя широкими, объемлющими чашечку прицвѣтниками. Цвѣтетъ лѣтомъ. Корень этого растенія содер-

жить слизистое слабительное вещество и подобно корню „яланы“ употреблялся прежде для леченія. Въ народѣ однакожь кое-гдѣ употребляютъ его и до сихъ поръ для этой цѣли.—*B. узколистный*, *C. lineatus*, L., съ ползучимъ, но невьющимся, съдымъ отъ прилегающихъ волосковъ стеблемъ, узко-ланцетными до линейныхъ листьями и розовыми цвѣтками, встрѣчается изрѣдка по мергельныхъ обрывамъ и на склонахъ мѣловыхъ горъ.—Изъ садовыхъ растений къ этому роду принадлежитъ *Бельдюжуръ*, *C. tricolor*, L., однолѣтнее красивое растеніе изъ южной Европы. Оно имѣетъ стебли приподнимающіеся, невьющіеся, листья сидячіе, продолговатые и цвѣтки крупныя. Вѣнчикъ темносиній съ желтымъ зѣвомъ и бѣлою трубкою раскрывается только днемъ въ ясную погоду, къ вечеру же скручивается.

Ипомея, *J. trochaea*. Красивыя вьющіяся растенія изъ Сѣвер. Америки, близко сходныя по строенію цвѣтка съ вьюнкомъ и называемыя у насъ въ простонародіи „кручеными панычами“. Найчаще разводимая у насъ *И. пурпуровая*, *J. purpurea*, L., имѣетъ стебель отъ 7 до 10 ф. длины, листья широко-сердцевидные на длинныхъ черешкахъ, цвѣтки большіе, красивые отъ темно-фіолетовыхъ до лиловыхъ, розовыхъ и бѣлыхъ.—Нѣсколько рѣже разводится и другой видъ, *И. цыпкая*, *J. scandens*, съ розовыми и лиловыми цвѣтками. Корень этихъ растений содержитъ слизистыя, разрѣшающія вещества, сходныя съ продуктами „яланы“ (*Radix jalapae*), но гораздо слабѣе послѣдней.

Повилика, *Cuscuta*. Вьющіяся, желтоватыя или блѣдно-пурпуровыя безхлорофильныя растенія съ нитевиднымъ стеблемъ, снабженнымъ только чешуйчатыми листьями и маленькими цвѣтками въ скученныхъ головкахъ. Растенія эти паразитируютъ на другихъ, обвиваясь вокругъ стеблей и посредствомъ особыхъ присосковъ высасываютъ изъ нихъ соки, которыми питаются. Отличаютъ: *П. обыкновенную*, *C. europaea*, L., встрѣчающуюся часто на крапивѣ, хмелѣ, нѣкоторыхъ зонтичныхъ и другихъ растеніяхъ. У нея стебель вѣтвистый, красноватый, чашечка и вѣнчикъ 4-разщепленные. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ.—*П. чебрецовую*, *C. Epithymum*, L., съ очень тонкимъ, желтоватымъ, рѣже блѣдно-пурпуровымъ стеблемъ и цвѣтками, у коихъ чашечка и вѣнчикъ 5-разщепленные. Паразитируетъ на чебрецѣ, клеверѣ, люцернѣ и другихъ бобовыхъ. Весьма опасный и быстро размножающійся паразитъ, за границею въ сухіе годы уничтожающій цѣлыя посѣвы клевера и люцерны, поэтому при появленіи его на поляхъ немедленно выжигаютъ эти мѣста соломой.—*П. льняная*, *C. Epilinum*, L., съ невѣтвистымъ желтоватымъ стеблемъ и цвѣтками, коихъ бѣловатый вѣнчикъ имѣетъ трубочку вдвое длиннѣе 5-лопастнаго отгиба. Паразитируетъ на льнѣ и вицѣ, не причиняя однакожь большаго вреда.—*П. хмелевидная*, *C. monogyna*, Vahl, съ вѣтвистымъ, болѣе толстымъ, нежели у предъидущихъ, стеблемъ и розовыми цвѣтками въ короткихъ гроздахъ. Паразитируетъ на кустарникахъ и деревьяхъ, вербахъ, калинѣ, на другихъ же многолѣтнихъ растеніяхъ попадаетъ рѣдко. Всѣ упомянутыя выше виды однолѣтны, размножаются сѣменами, имѣющими спиральный зародышъ безъ сѣмядолей. При проростаніи, лишь только стебелекъ присосался къ дру-

тому растенію (хозяину), корень снабженный только волосками, но безъ чехлика, отмираетъ и растеніе питается уже вполне только на счетъ хозяина.

Семейство 62-ое. Бурачниковыя, Boraginaceae.

Къ этому семейству принадлежатъ травы, покрытыя обыкновенно короткими, жесткими волосками, съ попеременными, простыми, б. ч. цѣльнокрайними листьями. Цвѣтки у нихъ въ одностороннихъ колосьяхъ или гроздахъ, до цвѣтенія спирально завитыхъ и часто виллообразно раздѣленныхъ. Чашечка 5-разщепная. Вѣнчикъ б. ч. правильный, рѣдко немного косою, внизу трубчатый, кверху съ 5-лопастнымъ отгибомъ и чешуйками въ горлышкѣ или безъ нихъ. Тычинокъ 5, прикрепленныхъ въ трубкѣ вѣнчика. Завязь глубоко — 4-раздѣльная, рѣдко 2-раздѣльная, съ однимъ столбикомъ въ срединѣ ея. Плодъ раздѣляется на 4 малые, односѣмянные орѣшка, имѣющіе видъ сѣмечекъ, сидящихъ на днѣ остающейся чашечки.

Богатое видами семейство это, разселенное преимущественно въ умеренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія, отличается содержаніемъ въ своихъ частяхъ слизистыхъ веществъ. Одни изъ этихъ растений служатъ для леченія, другія пригодны для приготовленія салата или супа, у нѣкоторыхъ же въ корняхъ содержатся красящія пигменты. По жесткости своей бурачниковыя б. ч. непригодны для корма домашнихъ животныхъ, но большинство ихъ безвредны и только немногіе содержатъ небольшое количество ядовитыхъ веществъ. Большинство этихъ растений оплодотворяется при участіи насѣкомыхъ, къ чему способствуетъ устройство цвѣтовъ и нѣкоторыя въ нихъ приспособленія.

Ежевикъ, Echinops. Жесткія, щетинистыя травы съ голубыми или красными цвѣтками. Чашечка глубоко — 5-раздѣльная, вѣнчикъ воронковидный съ косымъ, почти 2-губнымъ, 5-лопастнымъ отгибомъ и открытымъ (безъ чешуекъ) горлышкомъ. Тычинокъ 5, неравномерныхъ. — *E. синий*, *E. vulgare*, L., называемый обыкновенно „Синякомъ“ имѣетъ стебель жесткій, вѣтвистый, отъ 2 до 3 ф. высоты; листья ланцетные, нижніе съ черешками, верхніе сидячіе. Цвѣтки крупные, сначала розовые, впоследствии голубые, образуютъ длинный, окончанный гроздь. Трубка вѣнчика короче чашечки. Двудѣтное растеніе очень обыкновенное на поляхъ, межахъ, по окраинамъ дорогъ и на сорныхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ, начиная съ іюня, все лѣто и даетъ пчеламъ отличный взяткъ. На свѣжихъ перелогахъ появляется иногда массами, и насѣчники цѣнятъ его высоко. — *E. красный*, *E. gibbum*, L., встрѣчается рѣже, чѣмъ предыдущій, меньше его ростомъ, отъ 1 до 1½ ф. высоты, маловѣтвистый, съ небольшимъ числомъ кроваво-красныхъ цвѣтковъ, у коихъ трубка вдвое длиннѣе чашечки. Растетъ преимущественно на степяхъ, разсѣянно, охотно посѣщается пчелами.

Легочница, Pulmonaria. Многолѣтнія травы съ многоголовчатымъ корневищемъ и небольшими голубыми или розовыми цвѣтками. Чашечка колокольчато-ворончатая съ 5 зубцами, вѣнчикъ съ прямою трубкою, открытымъ горлышкомъ и распростертымъ 5-лопастнымъ отгибомъ. Ты-

чинокъ 5, прикрѣпленныхъ въ срединѣ трубки или въ горлышкѣ; столбикъ короче или длиннѣе трубки (Дихогамія).—*L. лекарственная, P. officinalis, L.* Кустики въ нѣсколько стеблей, нецвѣтушіе побѣги жестко-волосистые, какъ и листья; послѣдніе на нецвѣтущихъ побѣгахъ сердцевидные или широко-яйцевидные, съ окрыленными черешками; стебельныя листья яйцевидные, эллиптическіе до верхнихъ ланцетныхъ, сидячихъ. Цвѣтки небольшіе, вѣнчикъ съ плоскимъ отгибомъ, сначала розовый, послѣ лиловый. Въ рощахъ и лѣсахъ самое обыкновенное весеннее растеніе, цвѣтетъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Употреблялось прежде въ медицинѣ, какъ лекарство отъ грудныхъ болѣзней. Въ Англии воздѣлывается и до сихъ поръ въ огородахъ, какъ кухонное растеніе.—*L. узколистная, P. angustifolia, L. (P. azurea, Besser.),* сходна по наружности съ предыдущею, но листья нецвѣтущихъ побѣговъ ланцетные, постепенно суживающіеся въ окрыленный черешокъ, стебельныя же узко-ланцетные, длинно-заостренные, полуобъемлющіе; вѣнчикъ шире, чѣмъ у предыдущей, съ болѣе вогнутымъ отгибомъ, сначала лилово-голубоватый, впослѣдствіе голубой. Встрѣчается не столь часто, въ рощахъ на болѣе сухихъ, возвышенныхъ мѣстахъ. Обѣ даютъ хорошій взятокъ пчеламъ и оплодотворяются при содѣйствіи насѣкомыхъ.

Воробейникъ, Lithospermum. Довольно жесткія, тонкія, развѣтвленныя травы, средняго роста, съ облиствленнымъ стеблемъ и небольшими цвѣтками, расположенными щиткомъ. Чашечка глубоко 5-раздѣльная. Вѣнчикъ съ прямою трубкою и отвороченнымъ 5-разщепленнымъ отгибомъ; горлышко открытое, тычинокъ 5, скрытыхъ въ трубкѣ вѣнчика. Орѣшки съ очень твердою кожурою.—*V. лекарственный, L. officinale, L.,* имѣетъ стебель сильно-развѣтвленный, въ 1—1½ ф.; листья ланцетные, очень жесткіе; вѣнчикъ зеленовато-бѣлый; орѣшки фарфоровидные, бѣлые, блестящіе. Растеніе многолѣтнее, обыкновенное между кустарниками и въ рощахъ. Употреблялось прежде въ медицинѣ, противъ „каменной“ болѣзни (*Semina molii solis*), а въ Германіи въ народѣ и до сихъ поръ употребляется съ тою же цѣлью въ видѣ чая (*Porzellanthe*).—*V. пурпурно-голубой; L. purpureo-coeruleum, L.,* какъ указываетъ названіе его, отличается отъ предыдущаго окраскою цвѣтковъ, расположенныхъ въ три завитка на оконечности простого стебля; нецвѣтушіе побѣги ползучіе. Встрѣчается рѣдко въ кустарникахъ по опушкамъ лѣсныхъ Цвѣтетъ въ маѣ.—*V. полевой, L. argense, L.* Однолѣтнее растеніе, стебель къ верху развѣтвленный, отъ ½ до 1½ ф. высоты; листья линейно-ланцетные, вѣнчикъ бѣлый, орѣшки буроватые, бугорчатые, безъ блеска. Обыкновенное растеніе на поляхъ, степяхъ, сорныхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Въ корняхъ содержитъ безвредное красное красящее вещество, употребляемое иногда для окрашиванія водокъ и воска.

Незабудка, Myosotis. Малаго или средняго роста травки съ продолговатыми или линейными стеблевыми листьями и болѣе широкими черешчатыми прикорневыми. Цвѣтки маленькіе, б. ч. голубые, въ одностороннихъ простыхъ или вильчато-раздѣльныхъ гроздахъ, до цвѣтенія часто спирально завитыхъ. Чашечка 5-раздѣльная или—зубчатая.

Вѣнчикъ съ короткою трубкою, 5 чешуйками въ горлышкѣ и распростертымъ плоскимъ или вогнутымъ отгибомъ. Плодики гладкіе, блестящіе.— *H. болотная*, *M. palustris*, With. Корневище немного ползучее, стебли приподнимающіеся, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты, иногда внизу гранястые. Цвѣтки относительно крупныя, съ арко-голубымъ вѣнчикомъ и желтымъ пятнышкомъ по срединѣ. Чашечка съ прижатыми волосками, при плодахъ открытая. На болотахъ, въ канавахъ, по берегамъ, обыкновенная. Цвѣтетъ отъ весны до осени и представляется въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, разнящихся, какъ относительно роста, формы листьевъ, такъ и относительно величины цвѣтковъ. Къ этому виду, самому красивому изъ всѣхъ нашихъ, приурочены всѣ поэтическія сравненія и легенды.— На глинистыхъ, сырыхъ лугахъ нерѣдко встрѣчается еще *H. травянистая*, *M. caespitosa*, Schultz. Двухлѣтнее травянистое растеніе съ нисходящимъ мочковатымъ корнемъ и маленькими голубыми цвѣтками въ гроздахъ, снизу облиственныхъ.— *H. лѣсная*, *M. sylvestris*, Hoffm., болѣе жесткая и косматая, чѣмъ *H. болотная*, снабжена при основаніи розетою лопатчатыхъ листьевъ; чашечка глубоко—5-раздѣльная, съ оттопыренными крючковатымъ волокнами и линейными долями, смыкается при созрѣваніи плодовъ. Встрѣчается у насъ изрѣдка, б. ч. по опушкамъ лѣснымъ и даже на открытыхъ поляхъ.— Чаще встрѣчается слѣдующіе 2 вида: *H. полевая*, *M. intermedia*, Link., съ продолговатыми, ланцетными, сѣровато-зелеными листьями и темно-голубыми цвѣтками на ножкахъ, которые вдвое длиннѣе чашечки; чашечка при плодахъ сомкнутая. Двухлѣтнее растеніе, произрастающее на легкихъ супесчаныхъ почвахъ и по опушкамъ лѣснымъ. Цвѣтетъ все лѣто.— *H. малоцвѣтная*, *M. sparsiflora*, Mikan., обыкновенная въ тѣнистыхъ влажныхъ рощахъ, имѣетъ грозды удлиненныя съ небольшимъ числомъ блѣдно-голубыхъ цвѣтковъ на ножкахъ, которые въ нѣсколько разъ длиннѣе чашечки. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.— На супесчаныхъ прогалинахъ луговъ и на поляхъ, въ промойныхъ ложбинкахъ. Часто встрѣчается *H. песчаная*, *M. stricta*, Link. (*M. aenaria*, Schrad.), маленькая, косматая, недостигающая $\frac{1}{2}$ ф. высоты, со многими маленькими голубыми цвѣтками, расположенными въ гроздахъ, до цвѣтенія завитыхъ спирально. Она однолѣтняя, растетъ б. ч. общественно и зацвѣтаетъ рано въ апрѣлѣ.— Къ рѣдкимъ у насъ принадлежитъ *H. шестиниственная*, *M. hispida*, Schlecht., до 1 ф. высоты, съ очень маленькими темно-голубыми цвѣтками на короткихъ ножкахъ. Стебель и листья ея покрыты длинными жесткими волосками.— Съ нею близко сходна *H. украинская*, *M. ucrainica*, Czern., у которой однакожь чашечка съ прижатыми, но неоттопыренными крючковатыми волосками, какъ у предыдущей.

Рястъ, *Anchusa*. Крупныя, жесткія травы, съ довольно крупными цвѣтками въ одностороннихъ колосьяхъ, съ прицвѣтникомъ при каждомъ цвѣткѣ. Чашечка 5-раздѣльная. Вѣнчикъ съ прямою или изогнутою трубкою, 5-лопастнымъ отгибомъ и косматыми чешуйками въ горлышкѣ. Орѣшки крупныя, угловатые, морщинистые.— *P. лекарственный*, *A. officinalis*, L. Сѣроватое, многолѣтнее, жесткое растеніе отъ 2 до 3 ф.

(Extractum, tinctura et oleum hyosciami) противъ судоргъ, кашля и др болѣзней. Онъ имѣетъ непріятный одуряющій запахъ и принятое внутрь причиняетъ головокруженіе, головную боль, припадки бѣшенства, могущіе окончиться смертью. Не даромъ говоритъ пословица „обѣлся бѣлены“, т. е. одурѣлъ.

Табакъ, Nicotiana. Культурныя однолѣтнія растенія, покрытыя желѣзистыми волосками, съ широкими цѣльнокрайними листьями и цвѣтками, собранными на верхушкѣ стебля въ гроздовидную метелку. Табакъ воздѣлывается въ нашей и сосѣднихъ губерніяхъ въ огородахъ и на поляхъ, относительно въ небольшихъ размѣрахъ, и только въ прежніе годы культура его доставляла плантаторамъ доходъ. Всѣ воздѣлываемыя многочисленныя сорта табака ботаники относятъ къ тремъ видамъ: *T. турецкій*, *N. rustica*, L., или „Тютюнь“ имѣетъ стебель отъ 1¹/₂ до 3 ф. высоты, листья черешчатые, яйцевидные, тупые, вѣнчикъ желтовато-зеленый, съ короткою цилиндрическою трубкою, отгибъ съ округленными тупыми зубцами. Низшіе сорта его „бакунъ“ воздѣлываются крестьянами въ огородахъ для домашняго употребленія. *T. виргинскій*, *N. Tabacum*, L., отъ 4 до 5 ф. высоты. Листья у него продолговато-ланцетные, длинно-заостренныя, сидячіе, нижніе низбѣгающіе; вѣнчикъ розовый съ длинною трубкою, расширеннымъ горлышкомъ, отгибъ съ 5 заостренными лопастями. — *Амерфодскій т.*, *N. macrophylla*, Spr., въ простонародіи „махорка“ отличается отъ предъидущаго листьями широко-яйцевидными, сидячими, объемлющими стебель, у коихъ побочныя нервы почти перпендикулярны къ главному; цвѣтки блѣдно-розовые съ длинною трубкою. Послѣдніи два вида воздѣлываются на поляхъ, какъ фабричныя растенія.

Отечество табака—Средняя Америка. Въ 1520 г. испанцы нашли его дикорастущимъ на Юкатанѣ, гдѣ туземцы употребляли его уже для куренія. Въ 1560 г. французскій пославникъ въ Лисабонѣ Жанъ Никотъ, впервые развелъ его въ своемъ саду, какъ лечебное растеніе (*Herba Nicotiana*) и убѣдившись въ цѣлебномъ дѣйстви его противъ рака, разослалъ сѣмена его своимъ знакомымъ въ Италиі и Испаниі. Съ тѣхъ поръ табакъ началъ распространяться, но не какъ лечебное растеніе, а какъ наркотическое, пригодное для куренія и нюханья. Наркотическими свойствами своими табакъ обязанъ присутствію въ немъ летучаго алколоида „никотина“, причиняющаго головокруженіе и рвоту. Въ чистомъ видѣ никотинъ представляетъ сильнѣйшій ядъ, мало уступающій въ дѣйстви своемъ синильной кислотѣ. Въ зеленомъ растеніи онъ находится въ весьма незначительномъ количествѣ, но при высушиваніи листьевъ концентрируется, и въ различныхъ сортахъ табака, правильно приготовленнаго, никотина находится отъ 2 до 8⁰/₀. По наркотическому его дѣйствию куреніе табака считалось весьма вреднымъ для человѣческаго организма, поэтому правительства и духовенство старались всѣми мѣрами воспрепятствовать распространенію табака. Съ тою цѣлью въ нѣкоторыхъ странахъ, а также и у насъ въ Россіи, были изданы особыя законы и постановленія („А паганата татарскаго зелья въ ноздри не ихать и не курить“). Указъ ц. Алексѣя Ми-

хайловича 1634 года) и продажа табака была обременена большими государственными налогами. Но ни эдикты императора и королей, ни папскія буллы, ни проповѣди духовенства не могли пріостановить распространенія табака. Культура его переходила довольно быстро изъ страны въ страну и въ настоящее время достигла громаднѣйшихъ размѣровъ. Нынѣ табакъ воздѣлывается во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ странахъ, гдѣ климатическія условія дозволяютъ это. Ежегодное производство табака на всемъ земномъ шарѣ достигаетъ, какъ полагаютъ по приблизительному расчету, до 100 милліоновъ пудовъ. Табакъ сдѣлался предметомъ всемірной торговли, драгоцѣннымъ источникомъ богатства для многихъ странъ. Культура и приготовленіе его занимаетъ сотни тысячъ людей и для большинства изъ нихъ служатъ единственнымъ средствомъ пропитанія. Многіе плантаторы и фабриканты нажили большія богатства, а правительства отъ налога на табакъ получаютъ миліонныя доходы.—Ни одно культурное растеніе, за исключеніемъ винограда, въ качествѣ и свойствѣ своихъ продуктовъ не зависятъ столько отъ климатическихъ и почвенныхъ условій, отъ культуры и приготовленія, какъ табакъ. Самые высокіе сорта табака происходятъ всетаки изъ мѣстъ первоначальной его родины, т. е. изъ Антильскихъ острововъ: Кубы (гаванскій табакъ), Ямайки, Порто-рико и др. Отличныя сорта табака доставляетъ Левантъ (Азіатская Турція). Изъ Европейскихъ Венгерскій табакъ считается лучшимъ, за нимъ идетъ южно-русскій. Въ Харьковской губерніи засѣвается табакомъ около 400 десятинъ, считая огородную и полевую культуру, въ Полтавской въ 4 раза больше, но въ послѣдніе годы производство табака у насъ сократилось вслѣдствіе экономическихъ причинъ.—Никотинъ рѣдко употребляется въ медицину и то въ незначительныхъ дозахъ; отваръ простыхъ сортовъ табаку бакуна и махорки съ пользою употребляется въ садоводствѣ въ видѣ пульверизаціи для истребленія вредныхъ личинокъ и насѣкомыхъ на декоративныхъ кустарникахъ. Съ пользою употребляютъ отваръ табаку и для леченія чесотки (дѣлѣ) у овецъ.

Пѣтунія, *Petunia*. Одвольтнее, близкосходное по строенію цвѣтка и листьямъ съ табакомъ, растеніе, разводится у насъ на цвѣтникахъ, какъ любимое декоративное. Пѣтунія происходитъ изъ Южной Америки, откуда въ 1824 г. впервые привезена въ Европу. Многочисленныя разновидности пѣтуній, отличающіеся различными оттѣнками красокъ, отъ бѣлыхъ, розовыхъ до темно-фіолетовыхъ и пестрыхъ, происходятъ отъ 2 коренныхъ видовъ: *Petunia nyctagyniflora* Juss., съ бѣлыми цвѣтками, и *P. violacea*, Lindl., съ фіолетовыми цвѣтками. Всѣ разновидности пѣтуній легко размножаются сѣменами, но для поддержанія формы, величины и махровости цвѣтковъ тщательная культура необходима.

Пасленъ, *Solanum*. Травы или полукустарники съ простыми или сложными листьями. Цвѣтки въ пазушныхъ или оконечныхъ, завитковыхъ гроздахъ. Вѣничекъ колесовидный, съ короткою трубкою и 5 продольно-складчатыми лопастями отгиба. Тычинокъ 5; пыльники большіе, почти сидячіе, склеившіеся въ трубку, окружающую столбикъ, разверзаются на верхушкѣ двумя отверстіями. Плодъ—многосѣмянная

ягода. Многие виды паслена обладают острыми, одуряющими и ядовитыми свойствами. Из этого обширного рода, б. ч. тропических растений, у насъ встрѣчаются только два дикорастущихъ вида: *П. черноягодный*, *S. nigum*, L. Однолѣтнее или двулѣтнее растеніе, до 1 ф. высоты, съ гранястыми вѣтками. Листья черешчатые, ромбическіе или яйцевидные, выемчато-зубчатые или почти цѣльнокрайніе. Цвѣтки малые, бѣлые въ завитковыхъ пазушныхъ гроздахъ. Ягода черная. На сорныхъ мѣстахъ, въ садахъ и огородахъ самое обыкновенное ядовитое растеніе. Цвѣтетъ въ концѣ лѣта. П. ч. содержитъ въ зеленыхъ частяхъ и ягодахъ „солянинъ“, ядовитое одуряющее вещество. Ягоды имѣютъ противный вкусъ, возбуждаютъ головокруженіе и рвоту, а уткамъ и курамъ причиняютъ смерть. Свиньи отъ нихъ страдаютъ припадками бѣшенства. Видъ этотъ очень измѣнчивъ. Ботаники различаютъ до 40 разновидностей его, описываемыхъ подъ различными названіями. Къ нимъ нужно отнести и *П. мохнатый*, *S. villosum*, Lam., съ мохнатымъ стеблемъ и желтыми ягодами, встрѣчающійся изрѣдка и въ нашей флорѣ. — *П. юрькосладкій*, *S. Dulcamara*, L. Полукустарникъ. Стебель при основаніи деревянистый, отъ 3 до 5 ф. высоты, съ цѣпляющимися вѣтвями, которые зимою погибаютъ. Листья черешчатые, сердцевидные или яйцевидно-ланцетные, цѣльнокрайніе, часто при основаніи съ двумя меньшими листочками. Цвѣтки малые, фіолетово-синіе, съ большими желтыми пыльниками, въ пазушныхъ завитковыхъ гроздахъ, которые короче листьевъ. Ягоды малыя, красныя. Въ сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, между кустарниками, въ садахъ, обыкновенный. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Пасленъ этотъ, кромѣ „дулька-марина“ содержитъ тоже „солянинъ“, особенно въ годичныхъ побѣгахъ, имѣющихъ сначала горькій, а послѣ сладкій вкусъ. Экстрактъ изъ нихъ (*Extractum dulcamarae*) употребляется въ медицинѣ въ грудныхъ и накожныхъ болѣзняхъ и для разрѣшенія упорныхъ варывовъ. Ягоды ядовиты и дѣйствуютъ сильно рвотнымъ и послабляющимъ образомъ. — *Картофель*, *S. tuberosum*, L. Однолѣтнее, культурное растеніе съ травянистымъ, вѣтвистымъ стеблемъ, отъ 2 до 3 ф. высоты. Подземные тонкіе побѣги его несутъ большіе клубни. Листья непарно-перистыя съ перемежающимися большими и малыми листочками. Цвѣтки крупныя въ верхушечныхъ гроздахъ, съ 5-угольнымъ бѣлымъ, розовымъ или лиловымъ вѣнчикомъ. Плодъ въ видѣ зеленой ягоды. Картофель воздѣлывается у насъ повсемѣстно для домашняго употребленія, преимущественно въ огородахъ, а вблизи винокуренныхъ и крахмальныхъ заводовъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ на поляхъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Уборка его производится осенью, когда ботва начинаетъ вянуть. Въ настоящее время насчитываютъ около 1000 различныхъ породъ картофеля, происшедшихъ отъ культуры. Въ культурѣ выборъ соответствующей породы картофеля имѣетъ рѣшающее значеніе относительно качества и свойствъ продукта. — По Гумбольдту картофель происходитъ изъ Чили, гдѣ и въ настоящее время онъ встрѣчается въ дикомъ состояніи. Въ Америкѣ онъ постепенно распространялся отъ юга къ сѣверу, а на плоскогоріяхъ Перу онъ и до сихъ поръ еще

составляетъ, вмѣстѣ съ кукурузою главную пищу населенія. Въ Европу онъ перевезенъ въ концѣ 16-го вѣка, по всему вѣроятію въ Испанію, перешелъ въ Италію, а оттуда въ Германію и другія страны, на что указываетъ и прежнее его названіе „тартуфли“ (Tartuffli, по итальянски трюфли), съ которыми по клубнямъ онъ имѣетъ нѣкоторое сходство. Въ 1590 году Касперъ Баугинъ впервые описалъ его подъ нынѣшнимъ систематическимъ названіемъ, а знаменитый ботаникъ Клаузіусъ въ началѣ 17-го вѣка произвелъ первые опыты его разведенія въ окрестностяхъ Вѣны. Въ противоположность съ табакомъ культура его распространялась въ Европѣ весьма медленно, вслѣдствіе предубѣжденія къ нему народныхъ массъ. Долгое время считали его вреднымъ и даже ядовитымъ растеніемъ, и дѣйствительно ботва, молодые побѣги, ягоды и даже непокрытая землею зеленые клубни его содержатъ наркотическій алколоидъ „солянинъ“ дѣйствующій вредно на организмъ человѣка; случались даже отравленія при неумѣломъ его употребленіи. Но мало по малу предубѣжденія эти разсѣялись, когда убѣдились, что зрѣлые клубни его совершенно безвредны и доставляютъ массу питательнаго матеріала, могущаго замѣнить хлѣбъ. Они содержатъ около 2% бѣлковыхъ веществъ, отъ 9 до 18% крахмала, 70—80% воды, немного камеди и минеральныхъ веществъ. Солянины находятся въ нихъ едва слѣды, да и тѣ при вареніи легко растворяются въ водѣ. Какъ видно изъ состава по питательности онъ уступаетъ зернамъ хлѣбовъ, которыя содержатъ гораздо больше бѣлковыхъ веществъ, но за то картофель можетъ быть употребляемъ въ различномъ видѣ, приятенъ на вкусъ и никогда не приѣдается. Эти свойства даютъ ему преимущество передъ многими культурными растеніями, тѣмъ болѣе, что разведеніе его легко, онъ довольствуется всякою почвою и можетъ произростать даже въ суровыхъ климатахъ. Особенно распространенію картофеля способствовали голодные годы прошлаго вѣка (1770 и 71), когда голодающее населеніе Сѣверной Германіи нашло въ немъ спасительное средство отъ угрожающей смерти. Тогда только сумѣли надлежащимъ образомъ оцѣнить этотъ драгоцѣнный даръ Америки. Въ настоящее время картофель распространенъ почти во всѣхъ странахъ земнаго шара, начиная отъ глубокаго сѣвера до тропическихъ странъ.— Картофель, послѣ колосовыхъ хлѣбовъ, можно считать однимъ изъ полезнѣйшихъ культурныхъ растеній. Онъ доставляетъ мильонамъ людей ежедневную пищу въ формѣ различныхъ яствъ. Домашнимъ и фабричнымъ способомъ изъ картофеля готовится крахмаль, не уступающій въ достоинствѣ пшеничному. Въ свою очередь крахмаль этотъ, по способу Кирхгофа, перерабатывается въ виноградный сахаръ, имѣющій примѣненіе въ кондитерскихъ печеніяхъ и конфектахъ. Картофель доставляетъ громадную массу матеріала для винокуренныхъ заводовъ, гдѣ его перерабатываютъ въ спиртъ и водку. Изъ сивушныхъ маселъ, получаемыхъ при винокурении, въ настоящее время научились готовить „фруктовыя эссенціи“, имѣющихъ вкусъ и запахъ различныхъ плодовъ. Онѣ идутъ тоже для приготовления конфектъ, а въ парфюмерномъ искусствѣ для духовъ. Клубни картофеля въ вареномъ и оца-

ренномъ видѣ составляютъ отличный кормъ для откармливанія свиней. Картофельную ботву въ зеленомъ видѣ скотъ ѣсть неохотно, но для свиней, при надлежащемъ подготовленіи, она составляетъ хорошій кормъ. Не слѣдуетъ однакожь срѣзывать ее для этой цѣли, такъ какъ чрезъ это значительно уменьшается урожай клубней. Въ послѣднее время изъ ягодъ и ботвы картофеля добываютъ химическимъ путемъ вещество, сходное по дѣйствию съ опиумомъ и употребляемое въ медицину.

Къ сожалѣнію, несмотря на все достоинства картофеля, онъ неоднократно уже въ Европѣ подвергался эпидемическимъ болѣзнямъ. Изъ нихъ самую губельною оказалась „картофельная чума“ или „мокрая гниль“, отъ которой клубни гниютъ и разрушаются. По изслѣдованіямъ де Бари мокрую гниль причиняетъ паразитный грибокъ, *Phytophthora infestans* de B. Болѣзнь обнаруживается появленіемъ на листьяхъ темныхъ пятнышекъ съ бѣлою плесневою обводкою. Вскорѣ послѣ того споры грибка переносятся дождевою водою въ почву и тамъ поражаютъ клубни, которые начинаютъ гнить, вслѣдствіе разрастанія въ нихъ гифовъ упомянутаго грибка. Такъ какъ мицелій грибка перезимовываетъ въ клубняхъ, то для прекращенія болѣзни слѣдуетъ употреблять для слѣдующаго посѣва только совершенно здоровые клубни, притомъ, такъ какъ влага очевидно способствуетъ размноженію грибка, то не слѣдуетъ разводить картофель на низменныхъ влажныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ чаще всего поражается этою болѣзнію. Столь же, а можетъ быть и болѣе губельнымъ, оказался для картофеля въ послѣднее время жучекъ „Колорадо“ (*Doryphora decemlineata*), причинившій въ Сѣверной Америкѣ огромныя опустошенія на картофельныхъ плантаціяхъ. Къ счастью, при двукратномъ появленіи его въ Европѣ, онъ былъ немедленно уничтоженъ, такъ что не успѣлъ распространиться.

Пузырьчатникъ, *Physalis*. Травянистое растеніе съ цѣльными листьями. Чашечка остающаяся, при созрѣваніи плода увеличивается, раздувается въ пузырь и окружаетъ ягоду. II. *обыкновенный*, *Ph. Alkekengi*, L., до 2 ф. высоты. Стебель отъ основанія вѣтвистый. Листья обыкновенно по 2 рядомъ, на длинныхъ ножкахъ, яйцевидные. Цвѣтки пазушные, одиночные, съ грязно-бѣлымъ колесовиднымъ вѣнчикомъ. Чашечка при созрѣваніи шаровидно-раздутая, ярко-красная или желтая, съ заключенною въ ней красною ягодою. Растеніе это встрѣчалось мнѣ только въ „Святыхъ горахъ“ по лѣсистымъ мѣловымъ краямъ.—Трава пузырьчатника слабо-наркотическая. Кисловатые ягоды могутъ быть сырыми и приправленными уксусомъ употребляемы въ пищу. Иногда разводятъ это растеніе въ садахъ, какъ декоративное, потому что ярко-окрашенныя чашечки при плодахъ, подобно „турецкому перцу“ (*Capsicum*), долго висятъ осенью на сухихъ стебляхъ.

Ватлажаны, или Томаты, *Lycopersicum, esculentum*, Mill., разводятся у насъ въ огородахъ повсемѣстно, какъ овощъ. Ватлажаны происходятъ тоже изъ южной Америки. Ихъ сочные, сплюснута-шаровидные, съ выступами, плоды употребляются въ пищу въ сыромъ видѣ и вареными, но чаще всего, какъ приправа къ различнымъ соусамъ. Само растеніе имѣетъ сходство съ картофелемъ. Стебель травянистый, отъ основанія

вѣтвистый, до 2 ф. высоты, съ прилегающими къ землѣ вѣтками. Листья прерывисто-перистые съ продолговатыми, крупно-зубчатыми долями. Цвѣтки небольшіе, желтые, вѣничикъ колесовидный съ короткою трубкою и 5—7 раздѣльнымъ отгибомъ. Тычинокъ 5—7 съ короткими нитями и склеившимся конусомъ пыльниками. Цвѣтеть въ іюль. Въ настоящее время разводится во всѣхъ частяхъ свѣта, но преимущественно въ теплыхъ климатахъ. Во многихъ странахъ южной Европы: въ Греціи, Италіи, Молдавіи, Валахіи составляетъ любимую пищу народа.

Ткенна, *Lucium*. Весьма распространенный у насъ цѣпляющійся кустарникъ: *T. заборная*, *L. barbagum*, *L.*, встрѣчается массами въ городахъ и деревняхъ возлѣ заборовъ, по обрывамъ и на сорныхъ мѣстахъ. Случалось находить его въ большомъ количествѣ и на открытыхъ стенахъ, на мѣстахъ ирежнихъ поселеній. Кустарникъ этотъ, достигающій 4 ф. и выше, имѣетъ многочисленныя, розговидныя, повикшія вѣтки; черешчатые, продолговатые, цѣльнокрайніе листья; цвѣтки по 1—3 въ пазухахъ листьевъ на длинныхъ ножкахъ; вѣничикъ розовый, чаще лиловый; ягоды продолговато-округленныя, пунцово-красныя, несъѣдобныя. Ткенна происходитъ изъ окрестностей Средиземнаго моря, откуда она перенесена въ Германію, какъ кустарникъ пригодный для живыхъ изгородей, а оттуда уже распространилась и въ другія страны. Проф. В. М. Черняевъ, отличный знатокъ Украинской флоры, передавалъ мнѣ, что еще до 20 годовъ н. ст. ткенны въ Украинѣ вовсе не было и что слѣдовательно всѣ насажденія ея происходятъ отъ садовыхъ экземпляровъ. Дѣйствительно, ткенна очень быстро размножается изъ почекъ на подземныхъ побѣгахъ и хорошо переноситъ самыя суровыя наши зимы.

Семейство 64-е. Норичниковыя, *Scrophulariaceae*.

Травы съ супротивными или попеременными листьями, безъ прилистниковъ. Чашечка 5-раздѣльная, остающаяся. Вѣничикъ сростнолепестный, чаще неправильный 2-губый, рѣже — почти правильный, 4—5 разщепленный. Тычинокъ 2 или 4 двусильныхъ, рѣже 5. Плодъ — коробочка 2-гнездная, со многими сѣменами въ каждомъ гнездѣ. — Семейство богатое видами, распространенное отъ полярныхъ странъ до тропиковъ; большая часть видовъ однакожь встрѣчается въ умѣренномъ поясѣ.

Диванна, *Verbascum*. Травы, б. ч. высокія, войлочнокосматыя. Чашечка 5-раздѣльная; вѣничикъ съ короткою трубкою и 5 округленными лопастями отгиба; тычинокъ 5, б. ч. съ мохнатыми нитями. Коробочка 2-створчатая. — Почти всѣ виды этого рода отъ перекрестнаго оплодотворенія сильно гибридируютъ, образуя переходныя формы, иногда трудныя для опредѣленія. Мы укажемъ здѣсь только на тишичскія, принятыя авторами, формы, кои имѣютъ представителей въ нашей флорѣ. — А). Цвѣтки на короткихъ ножкахъ, соединенные пучками, образуютъ верхушечный гроздь или развѣтвленную метелку, цвѣтки желтые. — У слѣдующихъ видовъ листья низбегающіе: *D. настоящая*, *V. Tarsus*, *L.*, въ народѣ „медвѣжье ухо“. Все растение сѣро-войлочное. Стебель простой отъ 3 до 5 ф. высоты. Нижніе листья обратно-лице-

видные, верхніе овальныя, низбѣгающіе. Цвѣтки въ длинномъ, густомъ, цилиндрическомъ гроздѣ; вѣнчикъ съ вогнутымъ отгибомъ отъ $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{3}{4}$ дюйма ширины. На пустыряхъ, песчаныхъ полянахъ, по окраинамъ дорогъ обыкновенное двулѣтнее растеніе. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ.—*Д. крупноцвѣтная*, *V. thapsiforme*, Schrad., сходна съ предыдущей, но верхніе листья вполне низбѣгаютъ до слѣдующаго узла, цвѣтки крупнѣе отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ д. ширины съ плоскимъ отгибомъ. На солнечныхъ мѣстахъ возлѣ заборовъ, перѣдка.—*Д. пушистая*, *V. phloptoides*, L. Нижніе листья суживающіеся въ черешокъ, верхніе низбѣгающіе едва до половины междуузлія; цвѣтки столь же крупныя, какъ у предыдущаго, но гроздъ прерывистый. На тѣхъ же мѣстахъ, но рѣже встрѣчается.—У слѣдующихъ трехъ видовъ листья не низбѣгающіе: *Д. бѣлая*, *V. Lychnitis*, L. Листья сверху почти голыя, снизу покрыты короткимъ бѣлымъ пыльчатымъ пушкомъ; нижніе суживающіеся въ короткій черешокъ, верхніе почти сидячіе. Цвѣточные грозды образуютъ узкую, развѣтвленную метелку съ прямо-стоячими вѣтками. Цвѣтки малыя, многочисленныя, блѣдно-желтыя; тычинки съ бѣлымъ пушкомъ. Цвѣтетъ лѣтомъ. На поляхъ, холмахъ, при дорогахъ, обыкновенная.—*Д. черная*, *V. nigra*, L. Листья сверху почти голыя, снизу слегка пушистыя; нижніе большіе, сердцевидныя, на длинныхъ черешкахъ, верхніе почти сидячіе, заостренныя. Цвѣтки пучками, въ пазухахъ прицвѣтниковъ, образуютъ длинный, простой или мало-развѣтвленный гроздъ, тычинки съ пурпуровымъ пушкомъ. На поляхъ, перелогахъ, по окраинамъ дорогъ, довольно обыкновенная.—*Д. восточная*, *V. orientale*, M. B. (*V. austricum*, Schrad.), отличается отъ предыдущей соцвѣтіемъ вѣтвистымъ и продолговатыми листьями, суживающимися въ короткій черешокъ, верхніе сердцевидныя. Цвѣтки небольшіе, желтыя; тычинки съ пурпуровымъ пушкомъ. На полянахъ и перелогахъ у насъ довольно рѣдка. Б). Цвѣтки одиночныя или по 2 на длинныхъ ножкахъ: *Д. пурпуровая*, *V. phoeniceum*, L. Стебель простой отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ ф. Листья сверху блестящія, нижніе яйцевидныя или продолговатыя, черешчатые, образуютъ розету; средніе значительно меньше, сидячіе, заостренныя. Цвѣтки пурпуровыя, одиночныя, на длинныхъ ножкахъ. На открытыхъ степяхъ, обыкновенная. Цвѣтетъ въ концѣ мая и іюнѣ. По красивымъ пурпуровымъ цвѣткамъ замѣтна издали. Гибридируетъ почти со всеми предыдущими видами.—*Д. береговая*, *V. Blattaria*, L. Стебель вѣтвистый. Листья продолговатыя, грубо-зубчатые или выемчатые, нижніе черешчатые, верхніе почти сердцевидныя, объемлющія стебель. Цвѣтки желтыя въ длинномъ прерывистомъ гроздѣ; цвѣтоножки вдвое длиннѣе зеленыхъ прицвѣтниковъ. По берегамъ рѣкъ, канавъ, иногда на межахъ низменныхъ полей, встрѣчается у насъ перѣдко. Цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ.—Сладковато-слизистыя на вкусъ листья и особенно цвѣтки первыхъ трехъ видовъ издавна употребляются въ медицинѣ въ видѣ настоя или чая, противъ кашля, грудныхъ болѣзней, лихорадки, и составляютъ необходимую примѣсь ко всемъ „сборамъ“, имѣющимъ подобное назначеніе. Какъ дешевое, дѣйствительно полезное средство, они должны быть во всякой домашней аптекѣ. Въ народѣ они издревле

употреблялись, какъ цѣлебное средство и у славянъ были посвящены богинѣ Диваннѣ.

Льнянка, Linaria. Травы средняго роста съ узкими, б. ч. линейными, листьями и желтыми цвѣтками со шпорцемъ. Чашечка 5 —раздѣльная; вѣнчикъ 2 — губый, нижняя губа съ выпуклою, закрывающею зѣву; трубка вѣнчика заканчивается длиннымъ шпорцемъ. Тычинокъ 4 двусильныхъ. Коробка шаровидная, разверзающаяся на верху двумя отверстіями. — *L. обыкновенная, L. vulgaris, Mill.* Голое растеніе. Стебель простой или съ прижатыми вѣтвями; листья линейно-ланцетные, сидячіе, густо покрывающія стебель. Цвѣтки довольно крупныя, въ пазухахъ прицвѣтниковъ, собраны густымъ гроздомъ на верху стебля; вѣнчикъ блѣдно-желтый съ оранжевою выпуклою. Многолѣтнее растеніе на поляхъ, стенахъ, перелогохъ, обыкновенное. Цвѣтетъ все лѣто. По острымъ свойствамъ своимъ подозрительно, какъ кормъ для домашнихъ животныхъ и особенно, по увѣренію заводскихъ табунщиковъ, вредно для молодыхъ жеребятъ. Въ сухомъ состояніи, однакожь, крупн. рогатый скотъ ѣстъ его безъ вреда. Употребляется въ медицинѣ для приготовления мази (*Unguentum linariae*) противъ геморoidalныхъ страданій. Цвѣтки содержатъ желтую краску, но не очень прочную. — *L. ланцетолетная, L. genistaefolia, Mill.* Голое, голубовато-сизое растеніе съ вѣтвистымъ отъ основанія стеблемъ, до 1 ф. высоты, и ланцетными, заостренными, почти съ сердцевиднымъ основаніемъ сидячими листьями. Цвѣтки меньше, чѣмъ у предъидущаго вида, съ мохнатою выпуклою. На легкихъ супесчаныхъ почвахъ, по опушкамъ хвойныхъ лѣсовъ, на поляхъ обыкновенная. Цвѣтетъ съ іюня до сентября. — *L. душистая, L. odora, M. V.* Стебель голый съ растопыренными вѣтками, листья очень узкіе, линейные; цвѣтки немногіе, въ негустыхъ гроздахъ на концахъ вѣтокъ. Цвѣтетъ лѣтомъ и осенью; имѣетъ нѣжный запахъ фіалки. У насъ довольно обыкновенное растеніе на чистыхъ пескахъ, особенно по берегамъ рѣкъ.

Львиноцасть, Antirrhinum. Любимыя декоративныя растенія, разводимыя подъ этимъ названіемъ въ нашихъ садахъ, происходятъ отъ *A. majus, L.*, и различныхъ его породъ, образовавшихся вслѣдствіе культуры. Въ дикомъ состояніи *L. большая, A. majus, L.*, растетъ въ южной Европѣ. У нашихъ садовыхъ видовъ стебель отъ 1 до 2 ф. высоты; листья ланцетные; цвѣтки съ масковиднымъ вѣнчикомъ, какъ у льнянки, но безъ шпорца, пурпуровые, рѣдко бѣлые, съ желтою выпуклою у зѣва. Цвѣтки собраны густымъ гроздомъ на верхушкѣ стебля. Львиноцасть очень неприхотливое въ культурѣ растеніе, высѣвается прямо на грядки въ апрѣлѣ, зацвѣтаетъ въ августѣ и цвѣтетъ до поздней осени, не страдая отъ осеннихъ изморозей.

Норичникъ, Scrophularia. Дурно-пахучія травы съ супротивными листьями и небольшими зеленовато-бурыми цвѣтками. — *N. узловатый, S. podosa L.* Стебель остро-4-гранный, отъ 2 до 3 ф. высоты; листья сердцевидно-яйцевидные, заостренные, двояко-пильчатые. Цвѣтки въ оконечной метелкѣ 2-губые съ шаровидно-раздутою трубкою; тычинокъ 4 двусильныхъ. Корневище утолщенное, узловатое. На влажныхъ мѣстахъ, по

берегамъ прудовъ, въ кустарникахъ, обыкновенное. Цвѣтетъ съ іюня, все лѣто.—*H. водяной*, *S. aquatica*, L., сходенъ съ предыдущимъ, но отличается отъ него стеблемъ и черешками листьевъ окрыленными; онъ ниже ростомъ предыдущаго, имѣетъ цвѣтки меньшіе, красновато-бурые. Растетъ въ канавахъ, по берегамъ ручьевъ, на болотахъ, встрѣчается часто. Зацвѣтаетъ въ іюнь. Корневище и трава обоихъ видовъ употреблялись прежде противъ золотухи; особенно „*H. водяному*“ приписывали смягчительныя и разрѣшающія свойства.

Авранъ, *Gratiola*. Голое растеніе, съ тонкимъ, ползучимъ, узловатымъ корневищемъ, цѣльными листьями и бѣлыми или блѣдно-розовыми цвѣтками.—*A. лекарственный*, *G. officinalis* L. Стебель прямой отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф., простой или вѣтвистый. Листья перекрестные, сидячіе, ланцетные, мелко-зубчатые. Цвѣтки дов. крупныя, одиночныя, на длинныхъ ножкахъ въ пазухахъ листьевъ. Чашечка 5-раздѣльная съ двумя прицвѣтниками снизу. Вѣнчикъ 2-губый съ бѣлымъ или розовымъ отгибомъ и желтою трубкою. Тычинокъ 4, изъ коихъ 2 безъ пыльниковъ, рыльце 2-лопастное. На болотныхъ лугахъ, по берегамъ, иногда между камышемъ, встрѣчается довольно рѣдко. Многолѣтнее.—Остро-горькая и возбуждающая рвоту трава (*Herba gratiolarum*) дѣйствуетъ какъ сильно-разрѣшающее средство, но въ большихъ приемахъ можетъ быть опасна. Свойства свои передаетъ и молоку коровъ, питающихся ею.

Вероника, *Veronica*. Травы съ голубыми цвѣтами. Чашечка 4—5-раздѣльная; вѣнчикъ съ 4-лопастнымъ отгибомъ, верхняя лопасть шире. Тычинокъ 2, рыльце цѣльное. Коробочка 2-гнездная, на верху выемчатая. До 20 видовъ въ нашей флорѣ интересныхъ больше красотой, нежели свойствами своими. Можемъ подраздѣлить ихъ на слѣдующія группы:

А). Цвѣтки въ пазухахъ листьевъ гроздами. Водяныя растенія, у коихъ стебель и листья голые, коробочка раздутая.—*V. источниковая*, *V. baccabunga*, L. Стебель цилиндрической, отъ 1 до 3 ф. высоты; листья на короткихъ черешкахъ, овальные, тупые, цвѣтки голубые въ супротивныхъ гроздахъ. Возлѣ источниковъ, прудовъ и на болотахъ, обыкновенная. Цвѣтетъ начиная съ мая до осени.—*V. водяная*, *V. angallis*, L. Стебель толстый, тупо-четыреугольный, вѣтвистый, отъ 2 до 3 ф. высоты; листья сидячіе, яйцевидно-ланцетные, заостренныя; цвѣтки блѣдно-голубые, въ супротивныхъ гроздахъ. Въ канавахъ, по берегамъ рѣкъ и прудовъ, самая обыкновенная. Часто растетъ въ водѣ общественно и цвѣтетъ съ весны до осени. Листья употребляются въ аптекахъ.—У *V. щиткоплодной*, *V. scutellata*, L., растущей тоже на болотахъ и тонкихъ мѣстахъ, стебли тонкіе, прилегающіе къ землѣ; листья линейно-ланцетные; цвѣтки въ поперебѣнныхъ гроздахъ, блѣдно-голубые, съ розовыми жилками; коробочка сплюснутая съ боковъ, съ глубокою выемкою на верхушкѣ. Видъ этотъ встрѣчается у насъ довольно рѣдко.

В). Сухопутныя растенія болѣе или менѣе мохнатыя; чашечки 4-раздѣльныя: *V. рошевая*, *V. chamaedrys*, L. имѣетъ стебель восходящій, вѣтвистый, съ двумя пушистыми полосками по бокамъ, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты; листья почти сидячіе, яйцевидные, городчато-зубчатые; цвѣтки крупныя, голубые, съ темными жилками. Въ рощахъ, по опушкамъ лѣс-

нымъ, въ кустарникахъ, обыкновенная. Цвѣтетъ весною.—*V. лекарственная*, *V. officinalis*, L. Стебель стелющійся, жестко-волосистый, отъ 1 до 1½ ф. длины; листья продолговато-овальные, суженные въ короткій черешокъ, пильчатые; цвѣтки въ густыхъ, колосовидныхъ, приподымающихся гроздахъ; вѣнчикъ блѣдно-голубой съ темными жилками. Въ рощахъ, на сухихъ мѣстахъ, особенно въ борахъ, встрѣчается у насъ однакожь рѣдко. Цвѣтетъ лѣтомъ. Какъ указываетъ само названіе до сихъ поръ употребляется въ медицинѣ.—У слѣдующихъ видовъ чашечка 5-раздѣльная: *V. стелющаяся*, *V. prostrata*, L. Нѣжно-пушистая. Невѣтущіе стебли стелющіеся, цвѣтоносные приподняты, до ½ ф. высоты; листья почти сидячіе, линейно-ланцетные, городчато-зубчатые; цвѣтки блѣдно-голубые, съ темными жилками и заостренными долями. На открытыхъ травянистыхъ мѣстахъ, въ садахъ, на перелогихъ, самая обыкновенная. Зацвѣтаетъ весною раньше всѣхъ другихъ видовъ, но цвѣтетъ недолго.—*V. австрійская*, *V. austriaca*, L., легко, узнается по листьямъ перисто или двойко-перисто раздѣльнымъ, съ зубчатыми сегментами. Цвѣтки ярко-голубые; стебли прямые или восходящіе, отъ 1 до 1½ ф. У насъ довольно обыкновенная на степяхъ и открытыхъ травяныхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ лѣтомъ.—*V. широколистная*, *V. latifolia*, L., имѣетъ листья яйцевидные, съ сердцевиднымъ основаніемъ, городчато-зубчатые; нижніе на короткихъ черешкахъ, верхніе сидячіе; стебли прямые до 1 ф. Растетъ по опушкамъ лѣснымъ, въ кустарникахъ, иногда на лугахъ, встрѣчается нерѣдко.

С). Цвѣтки въ окончныхъ длинныхъ гроздахъ, прицвѣтники малые: *V. колосовидная*, *V. spicata*, L. Корневище короткое, ползучее, деревянистое; стебель восходящій отъ ½ до 1 ф., невѣтвистый, листья продолговатые, нижніе яйцевидные мелко-городчатые, слегка пушистые; цвѣтки блѣдно-голубые, собраны въ густой окончный колосъ; лопасти вѣнчика узкіе, мало-оттопыренные. На холмахъ, степяхъ, обыкновенная, цвѣтетъ лѣтомъ.—*V. длиннолистная*, *V. longifolia*, L. Все растеніе темно-зеленое, иногда немного пушистое. Стебель отъ 2 до 2½ ф., кверху развѣтвленный; листья удлинено-ланцетные, остро-двойко-пильчатые, супротивные или околышами по 3—4; цвѣтки голубые въ нѣсколькихъ окончныхъ, густыхъ гроздахъ. Въ кустарникахъ, по берегамъ, на сырыхъ мѣстахъ,—изрѣдка. Цвѣтетъ лѣтомъ.—*V. малоцвѣтковая*, *V. spigata*, L. Цвѣтки въ рѣдкихъ гроздахъ, голубые; листья продолговато-ланцетные, тупые, почти двойко-пильчатые, супротивные или по 3—4 околышами; стебли восходящіе отъ ½ до 1½ ф.; коробочка раздутая, выемчатая. Въ рощахъ и садахъ, всегда подъ тѣнью, у насъ обыкновенная, цвѣтетъ въ іюнѣ и іюль.—*V. съдала*, *V. insana* L. Все растеніе покрыто бѣлымъ нѣжнымъ пушкомъ. Стебли восходящіе, отъ 5 до 8 дюймовъ; листья продолговатые, цѣльнокрайніе, сидячіе; цвѣтки голубые, въ простыхъ, окончныхъ, колосовидныхъ гроздахъ. Цвѣтетъ къ концу лѣта и осенью. Въ борахъ и на супесчаныхъ почвахъ обыкновенная.

Д). Маленькія растенъца, цвѣтки въ колосьяхъ сначала эллиптическихъ, впоследствии удлиненныхъ. *V. ползучая*, *V. serpyllifolia*, L., имѣетъ стебель сильно-вѣтвистый, ползучій; листья почти сидячіе, яйцевидно-

округленные; цвѣтки многочисленныя, очень малые, блѣдно-голубыя съ темными жилками. Многолѣтнее растеніе попадается изрѣдка на поляхъ, лугахъ и сорныхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ съ весны до поздней осени.—*V. полевая*, *V. argvensis*, L. Мохнатое однолѣтнее растеніе, отъ 3 до 5 д.; листья супротивныя, сидячіе, сердцевидно-яйцевидныя, городчатые; цвѣтки почти сидячіе, образуютъ длинный окончный гроздь; вѣнчикъ очень малый, блѣдно-голубой. Встрѣчается рѣдко и то б. ч. въ огородахъ на грядкахъ, иногда на низменныхъ поляхъ. Цвѣтетъ съ мая все лѣто.—*V. весенняя*, *V. verna*, L. Однолѣтнее, прямо-стоячее растеніе, отъ 2 до 4 дюймовъ; средніе листья глубоко-раздѣленные на 3—7 узкихъ лопастей. На песчаныхъ мѣстахъ, часто общественно, обыкновенная. Цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ, послѣ исчезаетъ.

Е). Однолѣтнія растенія. Цвѣтки одиночныя въ пазухахъ листьевъ. Сюда принадлежатъ: *V. пашневая*, *V. agrestis*, L., вѣтвистая отъ 2 до 6 д. длины; листья яйцевидныя, зубчатые, нижніе супротивныя безъ цвѣткочка, верхніе попеременные съ цвѣткомъ въ каждой пазухѣ, цвѣтоножка короче листа; вѣнчикъ маленькій скрывается въ удлиненныхъ листахъ чашечки. Встрѣчается нерѣдко въ огородахъ между зеленью.—*V. персидская*, *V. Вухвашиі*, Ten., во всѣхъ частяхъ крупнѣе предыдущей; вѣнчикъ темно-голубой больше чашечки, верхніе цвѣтоножки длиннѣе листа. На пашняхъ и перелогихъ—изрѣдка. Цвѣтетъ съ весны до сентября.—*V. плющелистная*, *V. hederifolia*, L., вѣтвистая, съ прилегающимъ вѣтвистымъ стеблемъ. Легко отличается отъ предыдущихъ по листьямъ широко-сердцевиднымъ, съ 3—5—7 лопастями; цвѣтки блѣдно-голубыя. Встрѣчается на поляхъ и сорныхъ мѣстахъ, но у насъ рѣдко. Цвѣтетъ съ ранней весны до половины мая.

Многіе виды Вероники по содержанію въ нихъ горькихъ и дубильныхъ веществъ употреблялись прежде въ медицинѣ. Нынѣ только листья *V.* лечебной и источниковой (*Herba veronicae et bescabungae*) служатъ въ аптекахъ для составленія „сборовъ“ противъ грудныхъ и ревматическихъ болѣзней. Молодая зелень всѣхъ водяныхъ видовъ можетъ быть съ пользою употреблена или въ видѣ крессъ-салата или въ борщъ, какъ это дѣлаютъ Молдоване и Залахи, у которыхъ борщъ изъ этихъ листьевъ считается народнымъ блюдомъ. Всѣ виды вероники доставляютъ пчеламъ хорошій взятокъ. Нѣкоторые виды, какъ длиннолистная, колосовидная, сѣдая, могутъ быть разводимы въ садахъ, какъ декоративныя растенія.

Очанка, *Euphrasia*. Травки, б. ч. полупаразитныя, т. е. присасывающіяся своими корнями къ корнямъ другихъ растеній, съ супротивными листьями. Цвѣтки въ окончныхъ олиствленныхъ колосьяхъ или гроздахъ. Чашечка 4-разщепленная. Вѣнчикъ съ длинною трубкою и 2-губымъ отгибомъ. Коробочка тупая, цѣльная или выемчатая.—*O. лечебная*, *E. officinalis*, L. Маленькое, вѣтвистое растеніе, сильно измѣняющееся въ наружномъ видѣ, величинѣ, формѣ листьевъ, окраскѣ цвѣткочка и т. п., полупаразитирующее на корняхъ травъ. Стебель отъ 3 до 5 дюймовъ. Листья малые, яйцевидныя до узколанцетныхъ, зубчатые. Вѣнчикъ бѣлый или розовый съ пурпуровыми жил-

ками и желтымъ пятнышкомъ въ горлышкѣ. На лугахъ, пастбищахъ, въ кустарникахъ, самая обыкновенная, встрѣчается часто въ изобиліи. Цвѣтетъ во второй половинѣ лѣта. По причинѣ горечи, скоть на пастбищахъ почти не трогаетъ ее.—*O. розовая*, E. *Odontites*, L. (*Odontites rubra*, Pers). Вѣтвистое растеньице до $\frac{1}{2}$ ф. высоты; листья ланцетные, зубчатые; прицвѣтники продолговато-ланцетные, длиннѣе цвѣтковъ; вѣничекъ розовый, въ горлышкѣ пурпуровый, верхняя губа длиннѣе нижней. На поляхъ, пустыряхъ, пастбищахъ, часто. Цвѣтетъ лѣтомъ до поздней осени.—Форма, съ ланцетнымъ, съ обоихъ концовъ сужеными листьями, называемая *O. поздней*, E. *serotina*, Link., у насъ на влажныхъ лугахъ встрѣчается часто.—*O. желтая*, E. *lutea*, L. Стебель до $\frac{1}{2}$ ф., листья ланцетно-линейные, цѣльно-крайніе; цвѣтки блѣдно-желтые, съ выдающимися изъ вѣничка тычинками. На выпавшихъ степяхъ, по мѣловымъ краямъ, — очень рѣдко, цвѣтетъ осенью.—Очанки теперь не имѣютъ примѣненія въ медицинѣ, въ сѣнѣ безвредны, быть можетъ придаютъ ему нѣкоторую горечь, способствующую пищеваренію. Всѣ однолѣтнія.

Звонецъ, *Rhinanthus* (*Alectorolophus*). Травы съ супротивными листьями и желтыми цвѣтками, чернѣющія при высыханіи; коробочка, скрытая въ перепончатой чашечкѣ, содержитъ немного плоскихъ, окрыленныхъ сѣмянъ, шелестящихъ въ ней при созрѣваніи.—*З. обыкновенный*, R. *Crista-galli*, L. Однолѣтнее растеніе, очень измѣнчивое, образуетъ много видоизмѣненій, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за отдѣльные виды. У типичной формы корневище короткое, присасывающееся, какъ полагаютъ, къ корнямъ сосѣднихъ растений. Стебель 7—10 д. высоты; листья сидячіе, ланцетные, пильчатые, верхніе короче и шире. Цвѣтки въ облиственномъ гроздѣ, прицвѣтники блѣдно-зеленые. Чашечка раздутая, сплюснутая. Вѣничекъ 2—губый, желтый; верхняя губа сжатая съ двумя лиловыми зубчиками. На лугахъ и пастбищахъ часто въ изобиліи.—*З. меньшей*, R. *minor*, L., по всему вѣроятію составляетъ только видоизмѣненіе предъидущаго и отличается отъ него меньшимъ ростомъ, неразвѣтвленнымъ стеблемъ и зелеными прицвѣтниками и чашечкою; встрѣчается на низменныхъ поляхъ нерѣдко.—Звонцы считаются сорными луговыми и полевыми травами; скоть ѣсть ихъ неохотно, а до сѣнокоса они обыкновенно отцвѣтаютъ, теряютъ листья и чернѣютъ. Сѣмена ихъ придаютъ хлѣбу синеватый цвѣтъ и горькій вкусъ и могутъ быть вредны для здоровья людей, такъ какъ отваръ ихъ умерщвляетъ насѣкомыхъ.

Мытникъ, *Pedicularis*. Травы съ попеременными, перистыми листьями и крупными цвѣтками въ обливленныхъ гроздахъ или колосьяхъ. Чашечка колокольчатая, при плодахъ раздутая. Вѣничекъ съ длинною трубкою, 2-губый; верхняя губа съ боковъ сжатая. Тычинокъ 4, по парно. Коробочка раздутая съ немногими сѣтчато-пещеристыми сѣменами. Родъ очень богатый видами, изъ коихъ у насъ слѣдующіе принадлежатъ къ обыкновеннымъ: *M. болотный*, P. *palustris*, L., съ толстымъ корнемъ. Стебель прямой, отъ основанія сильно развѣтвленный, до 1 ф. высоты. Листья перистые съ короткими, яйцевидными, городча-

тыми или глубже-разрѣзанными сегментами; прицвѣтники часто двояко-перистые. Цвѣтки сидячіе въ пазухахъ прицвѣтниковъ, темно-пурпуровые; чашечка 2-лепестная. Коробочка немного выдается изъ чашечки. На болотахъ, мокрыхъ лугахъ, довольно обыкновенный, обозначаетъ плохое качество луговой растительности. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.— *M. степной*, *P. laeta*, Stev. Стебель слегка мохнатый съ немногими листьями. Листья ланцетные, перисто-разсѣченные, сегменты перисто-раздѣльные. Соцвѣтіе густое, головчатое; прицвѣтники линейные, пальчатые, короче цвѣтковъ. Чашечка 5-зубчатая. Вѣнчикъ пурпуровый или блѣдно-розовый. Коробочка невыдающаяся изъ чашечки. На степяхъ и сухихъ лугахъ,—нерѣдко. Цвѣтетъ въ началѣ лѣта.— *M. желтый*, *P. comosa* L. Корень толстый; стебель нѣжно-пушистый, до 1¹/₂ ф. высоты, густо облиственный, особенно подъ густымъ и длиннымъ колосомъ. Цвѣтки блѣдно-желтые. Коробочка продолговатая, выдающаяся изъ перепончатой чашечки. Цвѣтетъ въ іюнѣ. Растетъ по склонамъ возвышеній, особенно тамъ, гдѣ пробиваются грунтовые воды. — Все виды мытника имѣютъ непріятный запахъ и вкусъ и принадлежатъ къ ядовитымъ растеніямъ, отъ употребленія коихъ рогатый скотъ страдаетъ кровавою мочею. Поэтому въ свѣжемъ видѣ на пастбищахъ скотъ ихъ не трогаетъ. Полагаютъ, что отваръ травы можетъ служить хорошимъ средствомъ для уничтоженія паразитовъ на кожѣ животныхъ, на что намекаетъ и родовое латинское названіе растенія.

Пшеникъ, *Melanopus*. Травы, вѣроятно полупаразитныя, съ супротивными листьями и вѣтвями. Цвѣтки въ облиственномъ колосѣ. Чашечка 4-зубчатая. Вѣнчикъ съ длинною трубкою и 2-губымъ отгибомъ; верхняя губа сжатая, шлемовидная, нижняя распростертая 3-лопастная, съ выдающеюся выпуклою, закрывающею отчасти или вполне зѣвъ вѣнчика. Коробочка заостренная съ 1 — 4 неокрыленными сѣменами.

А). Цвѣтки въ 4-гранныхъ или цилиндрическихъ колосьяхъ: *П. гребенчатый*, *M. cristatum*, L. Стебель б. ч. простой, до 8 д. высоты. Листья ланцетные или линейные, цѣльнокрайніе. Цвѣтки въ густомъ 4-гранномъ колосѣ; прицвѣтники короткіе, широкіе, по краямъ гребенчато-пальчатые. Вѣнчикъ красновато-бѣлый съ желтою нижнею губою. На лугахъ, въ кустарникахъ встрѣчается изрѣдка, цвѣтетъ лѣтомъ.— *П. полевой*, *M. arvense*, L. Цвѣтки въ длинномъ, сжатомъ, облиственномъ колосѣ; прицвѣтники длиннѣе листьевъ съ длинными щетинистыми зубцами, сначала пурпуровые, впоследствии зеленые. Вѣнчикъ пурпуровый или съ розовою трубкою и желтою верхнею губою. На поляхъ, между кустарниками, у насъ рѣдко, цвѣтетъ въ іюлѣ.

В). Цвѣтки въ одностороннихъ колосьяхъ: *П. голубой*, *M. nemorosum*, L. Стебель до 1¹/₂ ф. высоты, косматый съ оттопыренными вѣтками. Листья черешчатые, яйцевидно-ланцетные. Колосъ рыхлый, односторонній. Прицвѣтники сердцевидно-ланцетные, зубчатые, б. ч. голубые, рѣже бѣловатые или зеленые, верхніе чубкомъ. Вѣнчикъ золотисто-желтый съ бурою трубкою. Въ рощахъ и лѣсахъ, особенно по опушкамъ, обыкновенный. Мѣстами въ изобиліи, цвѣтетъ лѣтомъ.— *П. луговой*, *M. pra-*

слать его въ монастырь на труды ¹⁾). Причинъ такого равнодушія духовенства и его дѣтей къ школьному образованію было достаточно. Это крайняя бѣдность многихъ родителей, препятствовавшая имъ содержать своихъ дѣтей въ Харьковѣ, желаніе задержать при себѣ, въ лицѣ сына, дарового работника въ домѣ, забота заранѣе, при жизни, пристроить его поближе къ себѣ, хотя въ должности пономаря, трудность изученія дѣтьми царившей тогда въ Коллегіумѣ мудрости латинской, тѣлесныя наказанія учениковъ за неисполненіе заданнаго имъ урока, нищенское содержаніе въ училищѣ, соблазнительный примѣръ родителей, которые, не учившись въ Коллегіумѣ, достигали иногда сана священника и т. п. Большинство учениковъ низшихъ классовъ Коллегіума расходилось по должностямъ причетническимъ. Для опредѣленія въ причетники особенно много уходило изъ Коллегіума дѣтей причетническихъ, которые смотрѣли на эту должность какъ на какое-то природное, наслѣдное свое призваніе. Правда, были родители настолько заботливые, что не щадили послѣднихъ своихъ средствъ лишь-бы дать дѣтямъ образованіе. Нѣкоторыхъ отцовъ Христофоръ награждалъ собственно за ихъ „родительскую тщательность въ воспитаніи своихъ дѣтей въ Коллегіумѣ“. Были отцы, которые, не довольствуясь образованіемъ дѣтей, получаемымъ ими въ Коллегіумѣ, — переводили ихъ въ Университетъ, и, не имѣя наличныхъ денегъ, входили въ крупныя долги. Интересный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ г. Славянска священникъ Георгій Евтуховскій. Задолжавъ 400 р. при воспитаніи дѣтей, онъ осмѣлился за помощію для уплаты ихъ обратиться съ всеподданнѣйшею просьбой къ Государю Императору Александру I-му. По требованію оберъ-прокурора святѣйшаго синода кн. Голицина, Христофоръ донесъ, что у Евтуховскаго три сына: одинъ находится въ Англій, при посольствѣ, въ качествѣ пѣвца, другой оканчиваетъ курсъ въ медико-хирургической академіи, третій въ Харьковскомъ университетѣ, оба на своемъ иждивеніи и еще двѣ дочери дома; Евтуховскій имѣетъ свой домъ, доходъ получаетъ посредственный и, хотя не скоро, но въ теченіе времени, можетъ уплатить свои долги. По

¹⁾ Тамъ-же.

докладу г. оберъ-прокурора Высочайше было повелѣно препроводить изъ кабинета Его Величества Христофору для выдачи свящ. Евтуховскому единовременно пособія 200 руб. ¹⁾. Но подобныя примѣры были очень рѣдки. Еще по Платоновой инструкціи (1775 г., ст. 34) каждый священно-церковно-служитель обязанъ былъ, обучивши дѣтей дома грамотѣ, отдавать ихъ въ школы, но въ большинствѣ случаевъ духовенство высказывало явную неохоту къ ученію и всячески уклонялось отъ школьной науки. Христофоръ потребовалъ отъ духовныхъ правленій, чтобы они внимательно разслѣдовали и донесли ему объ уклоняющихся отъ ученія въ Коллегіумъ: кто они, какихъ лѣтъ, почему уклоняются и кто виною невысылки ихъ въ училище. Изъ представленныхъ духовными правленіями вѣдомостей, мы видимъ, что въ одномъ Зміевскомъ у. праздно жили по домамъ родителей 33 человекъ въ возрастѣ отъ 10-ти до 25 лѣтъ. Изъ этихъ 33-хъ восемь — дѣти священниковъ, прочіе — дѣти причетниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были обучены славянской грамотѣ, могли читать часословникъ и псалтирь, умѣли писать, но большинство было совсѣмъ безграмотны. Бѣдность родителей, ихъ нерадѣніе и даже упрямство являлись, по отзывамъ благодушныхъ, тому причиною. Нѣкоторые отцы для удержанія дѣтей при себѣ, изобрѣтая всяческія способы, представляли самыя разнообразныя отговорки, нерѣдко очень наивныя. Такъ безграмотныхъ извиняли „не понятіемъ“, болѣзненностію. Вотъ напр. отмѣтка: „всегда животомъ болѣнь и потому тупъ“. Или: „по причинѣ неудержанія днемъ и ночью урины не способенъ къ обученію“. Были отцы, которые дѣтей своихъ, жившихъ дома праздно, по достиженіи ими 15-ти лѣтъ, спѣшили женить. Встрѣчаются въ вѣдомостяхъ нерѣдко такія отмѣтки: „уже женатъ, но безъ вѣдома духовнаго пачальства“ ²⁾. Нѣкоторые изъ родителей прибѣгали и ко лжи. Такъ напр. писали, что сынъ его находится при немъ пономаремъ, тогда какъ онъ вовсе не состоялъ въ этой должности. Не мало было и такихъ родителей, которые, выучивъ дѣтей дома грамотѣ, вовсе не думали представлять въ Коллегіумъ, а спѣшили скорѣе опредѣлить ихъ

1) Дѣло Х. Д. Конс. 1806 г., мая 11 д.

2) Дѣло Х. Д. Конс. 1809 г.

на причетническія мѣста. Христофоръ таковыхъ дѣтей отсылалъ въ нотныя школы, а отцовъ подвергалъ разнымъ штрафамъ. Такъ дьячекъ с. Грушевахи Николаевской церкви Петръ Рокитянской просилъ сына своего Ивана 16 лѣтъ опредѣлить пономаремъ къ своей приходской церкви. Христофоръ потребовалъ объясненія, почему онъ сына своего, который у него одинъ, не опредѣлилъ въ свое время въ Коллегіумъ для латинскихъ наукъ. Рокитянской показалъ, что сынъ его въ то время, когда его слѣдовало представить въ Коллегіумъ, обучалъ только часовникъ, и, хотя онъ всѣ способы употреблялъ къ скорѣйшему его обученію, но, по природной его тупости, едва нынѣ, чему уже прошло три года, могъ успѣть обучить псалтирь и нѣсколько по книгамъ читать и писать, что показалъ по сущей справедливости и въ таковой неумышленной погрѣшности испрашивалъ у его преосвященства милостиваго помилованія. „Просителю дьячку Петру Рокитянскому, писалъ Христофоръ, не взирая ни на какія его отговорки, велѣть представить сына своего къ 25 августа сего года въ Харьковскій Коллегіумъ въ словесный классъ для усовершенствованія въ чтеніи и пѣніи по нотѣ и ариѳметикѣ, а отца его за то, что онъ, додержалъ сына своего до 16 лѣтъ въ домѣ своемъ, ничему не обучивъ по собственному нерадѣнію, оштрафовать взыска-ніемъ съ него на вдовъ и сиротъ трехъ рублей ¹⁾“. Еще примѣры: діаконъ Дзюбинъ просилъ Христофора дать пономарское мѣсто его сыну. Увидѣвъ изъ справки, что Дзюбинъ въ свое время не представилъ сына въ Коллегіумъ, написалъ такъ: „діаконъ Дзюбина за недоставленіе по нерадѣнію своему должнаго воспитанія сыну своему велѣть духовному правленію въ Изюмской Соборной церкви оштрафовать двумя стами до земными поклонами“ ²⁾. Благочинный свящ. Полевскій донесъ Христофору, что сл. Деркачей Николаевской церкви дьячекъ Иванъ Лобковскій „сына своего Данила, отпущеннаго въ домъ изъ Коллегіума впредь до выздоровленія, не возилъ въ Коллегіумъ, не смотря на то, что онъ давно уже здоровъ, да и меньшихъ своихъ сыновей Никанора и Петра, которые въ нотной Деркачевской школѣ

1) Дѣло 1805 г.

2) Дѣло 1806 г.

учились—одинъ писать, другой изучалъ часословъ, не пускаетъ туда ходить, а таскаетъ съ собой по поминальнымъ обѣдамъ и на охоту съ ружьемъ⁴. Христофоръ предписалъ благочинному ученика Данила немедленно вызвать въ Коллегіумъ, братьевъ его,—въ нотную школу, а отца ихъ оштрафовать 200 поклонами и обязать его подпиской прилагать заботу о воспитаніи дѣтей¹). Соборной Чугуевской церкви священникъ Оома Степурскій просилъ Христофора—сына своего Іоанна 14 лѣтъ, ученика нотнаго грамматическаго класса, уволить изъ Коллегіума на томъ основаніи, что сынъ его „за чрезвычайною тупостію не въ состояніи продолжать ученія“ и опредѣлить его на праздное пономарское мѣсто при Чугуевской Успенской церкви. Христофоръ на прошеніи Степурскаго положилъ такую резолюцію: „какъ изъ справки, представленной мнѣ Правленіемъ Коллегіума, видно, что ученикъ Іоаннъ Степурскій „добропорядочно благоуспѣшенъ и понятенъ“, а отецъ его, представляя въ резонъ крайнюю тупость понятія сына его, просилъ уволить его отъ Коллегіума, для того, найдя въ просьбѣ его сію ложную причину уклоненія его отъ наукъ, опредѣляю: отъ увольненія ему Степурскому отказавъ, велѣть продолжать ученіе, а, за непростительное намѣреніе обмануть власть, Коллегіумское правленіе оштрафуетъ просителя по своему разсмотрѣнію“²). Побудительныя мѣры архіереевъ, направленные къ тому, чтобы родители отдавали дѣтей въ училища, спасли не одного юношу, обреченнаго родителями на полное невѣжество. „Когда я былъ уже 13-ти лѣтъ, пишетъ Толмачевъ, открылось при церкви с. Борщевое вакантное пономарское мѣсто. Имѣя въ мысляхъ примѣръ моего отца—священника, который прежде былъ причетникомъ, я рѣшился искать сего мѣста и пошелъ въ Бѣлгородъ просить архіерея Теокиста объ опредѣленіи меня на это вакантное мѣсто, но, къ моему горю, одинъ изъ стариковъ, лишенныхъ священства, того же села, упредилъ меня и занялъ сіе мѣсто. Но вотъ наступилъ мнѣ 14 годъ. Я началъ думать о своемъ положеніи. Въ это время (1792—1793) отъ духовнаго начальства предписано было понуждать отцовъ отдавать дѣтей

1) Архивъ Х. Д. Конс. 1807 г. № 75.

2) Тамъ же, 1804 г. № 136.

своихъ въ училища. И я на 14 году былъ отданъ для образованія въ Харьковскій Коллегіумъ¹⁾. Первыми и единственными руководствами въ тогдашнемъ домашнемъ образованіи дѣтей духовенства были часословъ, псалтирь, каноникъ и т. п. Теперь для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ и закону Божію такъ много учебныхъ руководствъ, въ большинствѣ которыхъ даются лишь компиляціи и перефразы священнаго писанія, а въ ту пору первоначальное обученіе дѣтей Закону Божію происходило по чтенію самого подлиннаго слова Божія, по книгамъ, которыя въ церкви читаются и по которымъ богослуженіе совершается. Преосвященный Никоноръ Херсонскій, вспоминая, какъ велось обученіе грамотѣ и Закону Божію въ старое доброе время, говоритъ: „Боже! какія идеи рождала эта псалтирь своимъ ладоннымъ запахомъ, своею старою кожанною оберткою, даже тѣмъ воскомъ церковныхъ свѣчекъ, какимъ она была закапана; этотъ Давидъ въ вѣнцѣ, бряцающій въ гусли, этотъ Моусей съ рогами, лучами свѣта, жезломъ, пересѣкающимъ морскія волны, по которымъ проходятъ евреи? Въ какую глубину свѣтлыхъ райскихъ идей погружали этотъ дѣдовскій молитвенникъ и тамъ, при молитвахъ на сонъ грядущимъ, изображеніе, какъ Іосифъ съ Никодимомъ, въ сумерки вечеромъ, кладутъ Христа на смертный сонъ въ гробъ, а Матерь Божія и мироносицы надъ Нимъ плачутъ? Сколько несказанной радости навѣвала эта пасхальная книжица, переплетенная въ бѣлый пергаментъ, съ своими ярко-красными заглавными буквами, и этотъ освѣщенный лучами ликъ Христа, встающаго изъ гроба съ побѣднымъ знаменіемъ въ рукѣ?“²⁾ Въ ту пору дѣти духовенства съ самыхъ юныхъ лѣтъ были привлекаемы къ дѣятельному участию въ служеніи у алтаря Господня. На первыхъ порахъ такое участіе ограничивалось самою простѣйшею формою—прислуживаніемъ отцу въ алтарѣ, что по селамъ обыкновенно исполняетъ церковный служитель. Затѣмъ примѣнительно къ духовному развитію дѣтей, оно расширялось привлеченіемъ ихъ къ участию въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ и при отправленіи пастырями различныхъ церковныхъ требъ. Такое

1) Русск. Старина 1892 г., сентябрь, стр. 701.

2) Поученія Никанора арх. Херсонскаго, т. II, стр. 112.

непосредственное участіе въ богослуженіи, поддерживая въ дѣтяхъ религіозное настроеніе, воспитывало въ нихъ любовь къ церковности, пріучало будущихъ пастырей съ уваженіемъ относиться къ обрядамъ, цѣнить мѣстные обычаи и вызывало въ поселянахъ расположеніе, какъ къ пастырю и его дѣтямъ, такъ и къ церковнымъ службамъ. „Въ селѣ Борщевомъ, пишетъ Толмачевъ, была небольшая деревянная церковь, въ которой я въ воскресные и праздничные дни обыкновенно читалъ и пѣлъ на клиросѣ и лазилъ нерѣдко звонить на колокольню; за все это крестьяне очень любили меня“¹⁾. Къ сожалѣнію участіе дѣтей духовенства въ церковной жизни мѣстнаго причта—этотъ старый обычай теперь все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія. Теперь у дѣтей духовенства нерѣдко обнаруживается склонность свысока или съ пренебреженіемъ относиться къ простому народу, грѣхами котораго обязана вся ихъ матеріальная обстановка и жизнь. Въ описываемое нами время, дѣти духовенства, еще до поступленія въ школу, пріучались къ посильному труду въ хозяйствѣ отца, а затѣмъ, съ развитіемъ физическихъ силъ, уже будучи воспитанниками Коллегіума, проживая въ домѣ, въ лѣтніе каникулы принимали личное участіе въ полевыхъ работахъ.

Въ біографіи Валковскаго прот. Снѣсарева мы читаемъ, что онъ, будучи семи лѣтъ, пасъ малое стадо овецъ отца своего звонаря сл. Левандаловки, а, достигши 15 лѣтъ, былъ самымъ лучшимъ сотрудникомъ отцу въ его полевыхъ работахъ. Старожилы Левандаловки говорили, что на нивахъ ихъ не было работника, подобнаго Василію: такъ онъ былъ успешенъ во всемъ, за что ни брался: „такой уже спихъ въ рукахъ Богъ ему давъ“, говорили они²⁾. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ Толмачевъ годы своего дѣтства и юности. Съ семилѣтняго возраста онъ уже уходилъ въ поле и полоть бакши. „Мой отецъ и мать, пишетъ онъ, сами трудились въ полѣ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ дѣти; вмѣстѣ съ отцомъ и матерью я съ 13 лѣтъ пахалъ, косилъ, жаль и молотилъ“³⁾. Время все измѣняется. Теперь уже рѣдко можно видѣть дѣтей духовенства,

1) Русск. Старина 1892 г., сент., стр. 701.

2) Ист.-стат. опис. Х. Епархіи Филар. Отд. 11, стр. 213.

3) Русск. Стар. 1892 г., сент., стр. 700.

вмѣстѣ съ родителями, работающихъ въ полѣ. А между тѣмъ полевая занятія благотворно вліяютъ на душу и тѣло чело-вѣка. Наши лучшіе архипастыри хорошо поняли это и потому съ особымъ вниманіемъ относились къ полевымъ трудамъ дѣтей духовенства. Вотъ что читаемъ мы, напр.,—въ біографіи митрополита Кіевскаго Филарета: „во время поѣздокъ по епархіи, приходившихся въ лѣтнія училищно-семинарскія каникулы, владыка провѣрялъ самъ на мѣстѣ, работали-ли дѣти у своихъ родителей. Дѣти, говорилъ онъ, привыкнувъ въ домахъ отцовъ своихъ цѣлыхъ почти два мѣсяца ничего не дѣлать, и въ школы переносятъ привычку лѣниться. При подобныхъ случаяхъ онъ высказывалъ и о себѣ, какъ, бывало, занимался работами и дома съ ранняго дѣтства и во время вакаціи, и даже находясь въ училищѣ, гдѣ съ хозяиномъ возилъ снопы, прибавляя при этомъ, что въ ту же пору книжки-то школьныя не только не выпадали изъ рукъ, а напротивъ. Бывало снопы-то возишь, а въ умѣ-то, наизусть твердишь, что успѣешь за раньше передъ тѣмъ заучить. А главное, при такихъ работахъ, само собою, и никакая дурь-то, хотя и ребячья, не лѣзетъ въ голову; наконецъ, послѣ трудовъ-то всякая простая пища ѣтся вкусно, и спится крепко, и силы свѣжѣютъ, и все тѣло здороветь“. Едва-ли кто станетъ оспаривать эти прекрасныя слова одного изъ лучшихъ нашихъ іерарховъ ¹⁾).

Приходы, по числу прихожанъ, были весьма различны. Приблизительно въ приходѣ, или по тогдашнему въ „парафіи“, имѣвшей менѣе 100 дворовъ былъ одинъ священникъ; въ имѣвшей болѣе 100 дворовъ—два и болѣе 200 дворовъ—три священника. Діаконъ, какъ необходимый членъ причта, сталъ входить въ составъ сельской іерархіи уже къ концу прошлаго столѣтія. Священники, повидимому, старались обходиться безъ пособія діакона, полагая, что служба его почти вся входитъ въ обычныя дѣйствія священника, а между тѣмъ на содержаніе его должна была выдѣляться особая доля изъ братской кружки, сокращающая доходы остального причта ²⁾. Чаше на діаконской

¹⁾ Церк. вѣд., 1893 г. № 32, стр. 1164.

²⁾ Въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи діаконъ находился только въ такомъ приходѣ, въ которомъ кто-либо обязывался содержать его на собственномъ иждивеніи. Рук. для сельск. пастырей, 1861 г., т. III, стр. 137.

вакансіи мы встрѣчаемъ священниковъ. Такъ въ самомъ Харьковѣ въ 1799 году, за исключеніемъ градекаго собора, при прочихъ церквахъ состояло только три діакона. Въ составѣ причта, гдѣ не было діакона, считался главнымъ лицомъ послѣ священника—дьячекъ. Онъ собственно былъ управитель клироса и школы, если таковая была въ приходѣ. Пономарь—это былъ помощникъ дьячка на клиросѣ и въ тоже время онъ прислуживалъ священнику въ алтарѣ, подавалъ кадило, теплоту и т. п., а гдѣ были школяры, или сторожа, тамъ они исполняли эти обязанности.

Въ правѣ на приходъ издавна выработались два начала: наследственное и избирательное. Какъ только умиралъ наличный членъ причта, или выходилъ за штатъ, взрослый сынъ его (не менѣе 30 лѣтъ),—кто бы онъ ни былъ—причетникъ, чиновникъ консисторіи, пѣвчій архіерейскій, — овладѣвалъ приходомъ и отправлялся въ архіерейскую кафедру за рукоположеніемъ. Избирательное начало имѣло силу тогда, когда членъ причта, выходя изъ прихода, не оставлялъ послѣ себя дѣтей. Избирательность и наследственность—эти два права при Христофорѣ еще довольно широко практиковались, особенно право наследственности. Еще держалось въ духовенствѣ убѣжденіе, воспитанное въ прошломъ столѣтіи, что послѣ отца или тестя—священника, священническое мѣсто принадлежитъ сыну или зятю; такъ и писали въ прошеніи: такое-то мѣсто есть наследство такого-то, или принадлежитъ ему по наследству и просили поставить его во священники. Наследственная передача церковныхъ мѣстъ имѣла не только семейный, но и хозяйственный, контрактный и даже коммерческій характеръ. Сдавая свое мѣсто сыну, или другому родственнику, престарѣлый священнослужитель выговаривалъ при этомъ, чтобы его преемникъ покоилъ и кормилъ его до смерти. Еще обычнѣе были такія условія между вдовами и ихъ зятьями, принятыми къ наследному мѣсту; зять обязывался при этомъ содержать, какъ тещу, такъ и семейство, выдавать имъ опредѣленную долю своего церковнаго дохода, при выходѣ замужъ сестеръ своей жены—снабжать ихъ приданнымъ и т. п. Бывали примѣры, когда на извѣстный приходъ предъявляли свои права слишкомъ дальніе родственники,

не имѣя къ тому особой нужды. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ на слѣдующій. Въ 1807 г. умеръ 86-лѣтній священникъ, служившій при Харьковской Николаевской церкви 64 года, Николай Назарьевъ. По смерти его осталась бездѣтная вдова, старуха 70 лѣтъ. Она жила въ своемъ домѣ въ Харьковѣ и была „достатка довольнаго“. Зять ея протоіерей Харьковскаго Успенскаго собора — онъ-же и благочинный Руфиновъ-Курдюмовъ ¹⁾ пишетъ Христофору, что по случаю дороговизны въ Харьковѣ на все, онъ, имѣя пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, затрудняется содержать „свою престарѣлую тещу, и потому для лучшаго ея содержанія“ проситъ зачислить мѣсто, умершаго его тестя при Х. Николаевской церкви за его тринадцатилѣтнюю дочь. Преосв. Христофоръ, предоставивъ мѣсто Назарьева священнику Г. Маевскому, бывшему при сей церкви на діаконскомъ мѣстѣ, зачислилъ сіе послѣднее за дочь Руфинова „во уваженіе отличныхъ его заслугъ“. Теща Руфинова пользовалась діаконскими доходами около трехъ лѣтъ, пока не поступилъ къ Николаевской церкви вторымъ священникомъ учитель рисовальнаго класса при Коллегіумѣ Андрей Михайловскій, женившійся на ея внучкѣ ²⁾. Прибавимъ къ этому, что Руфиновъ занималъ лучший соборный приходъ въ Харьковѣ, имѣлъ свой домъ, а въ 1808 году купилъ съ торговъ братерскій Николаевской церкви домъ и заплатилъ 2191 руб. ассиг. Но вотъ другой примѣръ, не менѣе оригинальный. Въ 1810 г. священникъ Харьковской Михайловской церкви Іаковъ Прокоповичъ обратился къ преосвященному Христофору съ просьбой — зачислить за его сыномъ праздное при сей церкви діаконское мѣсто, съ правомъ полученія діаконскихъ доходовъ на содержаніе его трехъ сыновей и одной дочери, которыхъ, по бѣдности прихода, онъ затрудняется содержать. По справкѣ оказалось, что сыну его Іакову въ томъ году исполнилось всего только шесть лѣтъ отъ роду ³⁾. Самый выборъ священника со-

1) Руфиновъ-Курдюмовъ Гавріилъ род. 1765 г., воспитанникъ Бѣлгородской семинаріи, съ 1790 г. священникъ г. Путивля, съ 1794 г. — Харьков. Успенск. собора, съ 1800 г. протоіерей и благочинный г. Харькова, съ 1802 г. законоучитель гимназій; сконч. 1811 г.

2) Дѣло 1807 г., № 149.

3) Дѣло 1810 г., № 78.

вершался такимъ образомъ. Благочинный, по собраніи въ назначенный имъ день въ церкви мѣстнаго причта и лучшихъ прихожанъ, совершалъ молебенъ о призваніи Божіей благодати на предпринимаемое дѣло. Послѣ этого прихожане избирали кандидата изъ наличнаго причта приходской церкви, а если достойнаго не оказывалось, то изъ причта другихъ церквей. По избраніи составлялось заручное прошеніе архіерею за рукоприкладствомъ прихожанъ, а благочинный своею подписью утверждалъ подлинность приходскихъ рукъ, и то, что избраніе происходило законнымъ порядкомъ. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, съ воцареніемъ Императора Александра I, избирательное право на приходъ мало по-малу стало колебаться. Студенты Коллегіума въ своихъ прошеніяхъ на мѣста начали тверже опираться не столько на выборы и одобренія ¹⁾ прихожанъ, сколько на свои школьные труды и заслуги. Съ своей стороны и Христофоръ смотрѣлъ на воспитанниковъ Коллегіума, какъ на прямыхъ и законныхъ кандидатовъ на священническія мѣста. Въ глазахъ его аттестаты Коллегіума, учительская служба при Коллегіумѣ и т. п. имѣли болѣе важное значеніе, чѣмъ выборы прихожанъ и права наследства. На причетническія мѣста почти всегда Христофоръ опредѣлялъ по одобренію прихожанъ: „приказать консисторіи, писалъ онъ, исполнить просьбу, если не воспрепятствуютъ прихожане“, или такъ: „опредѣлить, если не послѣдуетъ отъ прихожанъ противорѣчія“. Нужно замѣтить, что прихожане въ подобныхъ случаяхъ часто противорѣчили Христофору и успѣвали въ своемъ протестѣ. Примѣровъ на это мы имѣемъ весьма много. Такъ напр., консисторія ученику словеснаго класса Іосифу Мураховскому предоставила пономарское мѣсто при церкви сл. Царьборисовой. Христофоръ пишетъ: „учинить по сему опредѣленію, подъ условіемъ, если прихожане пожелаютъ имѣть его“. — „Мы не желаемъ принять Мураховскаго, отвѣчаютъ прихожане въ своемъ приговорѣ, потому что

1) Бланкъ для „одобренія“ былъ печатный. Однообразная для всехъ случаевъ форма и содержаніе его состояла въ слѣдующемъ: мы, нижеподписавшіеся прихожане, свидѣтельствуемъ по чистой совѣсти, что желающій быть при нашей церкви есть человекъ добрый,—онъ не любодѣйца, не пійца, не бійца и т. п. и потому мы его желаемъ имѣть при нашемъ приходѣ (въ такой-то должности), въ чемъ и даемъ ему сіе одобреніе за нашею подписью.

онъ малолѣтенъ (14 лѣтъ), упрямъ, нерасторопенъ и къ тому-же онъ сынъ отца непохвальной жизни, и какъ церковь наша деревянная, то опасаемся, чтобы отъ его нерасторопности не послѣдовало неблагополучія съ храмомъ“¹⁾). Гораздо самостоятельнѣе Христофоръ дѣйствовалъ при опредѣленіи на мѣста священниковъ. Такъ, прихожане Богодуховской Успенской соборной церкви, представивъ одобреніе, просили мѣсто умершаго священника Артюховскаго зачислить за его сыномъ, обучающимся въ высшемъ классѣ Коллегіума. Преосвященный Христофоръ это мѣсто предоставилъ учителю Коллегіума Веселовскому, который въ теченіе девяти лѣтъ состоялъ учителемъ при Коллегіумѣ въ высшемъ грамматическомъ классѣ. Прихожане снова обратились къ владыкѣ съ тою же просьбой: „Сороколѣтній подвигъ въ отправленіи священнической должности священника Артюховскаго, писали они, заслуживаетъ особливаго нашего вниманія, ибо онъ въ жизни своей соблюдалъ оную съ отличнымъ раченіемъ, неутомимостію и примѣрнымъ поведеніемъ и былъ достойный пастырь словеснаго стада. Имѣя четырехъ сыновей, онъ ни одного не оставилъ безъ воспитанія, доведши каждого до совершенства, изучивъ ихъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ преподаваемымъ въ ономъ наукамъ, три изъ нихъ уже священники, а четвертый учится въ Коллегіумѣ въ богословіи. Мы извѣстились, что мѣсто священника Артюховскаго предоставлено учителю Коллегіума Веселовскому, но мы сего учителя не знаемъ и одобренія ему не давали, а студента Артюховскаго знаемъ и желаемъ, чтобы онъ былъ священникомъ при нашей церкви“. Преосвященный Христофоръ остался непреклоненъ. „Поелику въ городахъ, отвѣчаль онъ, необходимо нужно, чтобы были священники отличные ученіемъ, какъ для проповѣданія Слова Божія, такъ и для присутствованія въ духовномъ правленіи, а Веселовскій, исправляя при здѣшнемъ Коллегіумѣ учительскую должность, довольными опытами своей учености и достохвальныхъ трудовъ весьма заслуживаетъ таковое отличное мѣсто, для того, въ награжденіе достойной его службы, ему и предоставлено сіе мѣсто, о чемъ и объявить указомъ прихожанамъ Богодуховской собор-

1) Дѣло X. Дух. Конс. 1806 г.

ной церкви¹⁾). Впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда избранное прихожанами лицо вполне согласовалось со взглядомъ Христофора, такой выборъ онъ непрекословно утверждалъ. Приводимъ слѣдующій примѣръ. Въ 1806 г., вдова, жена священника сл. Шандриголовой Марія Келебердинская, обратилась къ преосвященному Христофору съ слѣдующимъ прошеніемъ. „Осталась я съ тремя дѣтьми, изъ коихъ старшей 11 лѣтъ, безпомощною вдовой. Прибѣгаю къ вашему преосвященству, яко отцу сиротъ. Еще мужа моего не настгла кончина, какъ уже діаконъ Ходскій, ходя по домамъ, отбиралъ отъ прихожанъ одобреніе быть ему священникомъ, а Изюмское духовное правленіе, не взирая на всѣ вашего преосвященства наставленія и предписанія, внушающія имѣть о сиротахъ особенное попеченіе и сострадательность, выдало о посвященіи діакона Ходскаго во священники къ вашему преосвященству представленіе, а какое мнѣ имѣть съ малолѣтними дѣтьми пропитаніе, о томъ не сдѣлано ни малѣйшаго разсужденія. Утѣсняемая печалью и бѣдствіями вдовства моего, рѣшилась утруждать о милостивомъ возрѣніи на моихъ сиротъ и низайше просить рукоположить родного брата моего, покойнаго мужа діакона, Келебердинскаго во священники, который до возраста дочери моей согласенъ давать половину доходовъ“. Христофоръ далъ мѣсто Ходскому. Соображенія, которыми руководился при этомъ, онъ высказалъ въ своей резолюціи. „Какъ по высочайшимъ узаконеніямъ, писалъ онъ, слѣдуетъ при двухъ штатныхъ приходахъ, каковъ Шандриголовскій, учреждать приходскія училища, при которыхъ должны быть законоучителями священники изъ учительныхъ, а діаконъ Ходской слушалъ въ Коллегіумѣ философію, Келебердинскій-же въ училищахъ вовсе не былъ и ни мало не учителенъ: то ему отказать, а Ходскаго, если онъ согласенъ до замужества старшей дочери выдавать вдовѣ въ годъ 15 рублей, то представить его къ рукоположенію“²⁾).

Въ прошломъ столѣтіи въ владѣльческихъ имѣніяхъ выборъ священника исключительно зависѣлъ отъ помѣщика. Помѣщикъ считался первымъ лицомъ въ приходѣ. Это зависѣло отъ того,

1) Дѣло X. Д. Консисторіи, 1801 г.

2) Архивъ X. Дух. Конс. 1806 г., № 23.

что онъ нерѣдко бывалъ строителемъ церкви. Слѣдовательно церковь, воздвигнутая имъ, сама собою входила въ сферу вѣдѣнія его. Помѣщикъ дѣлалъ пожертвованія на церковь, надѣлялъ ее землею, которая шла въ пользованіе причта. Все это, вмѣстѣ взятое, было для него достаточнымъ основаніемъ считать церковный интересъ прихода близкимъ себѣ, вмѣшиваться въ его дѣла и придавать своему голосу первенствующее значеніе. Этого тѣмъ легче было достигнуть, что передъ нимъ настоящіе члены прихода, какъ его поданные, были совершенно безгласны. Потому-то помѣщикъ смѣло рекомендовалъ архіерею своего кандидата. Архіерей съ своей стороны всегда придавалъ ходатайству помѣщика особенный вѣсъ, оно почти всегда удовлетворялось и кандидатъ могъ быть увѣренъ, что не потеритъ фіаско. Нерѣдко въ этихъ выборахъ обнаруживался полный произволь помѣщика. Приводимъ слѣдующій, довольно характерный, примѣръ. Въ 1742 г. полковой обозный Изюмскаго полка (впослѣдствіи Сумской полковникъ) Мих. Мих. Захаржевскій просилъ Бѣлгородскаго архіерея посвятить во священники для вотчиннаго Бурлуцкаго храма его Михаила Богословскаго. По многимъ отношеніямъ стоитъ замѣчанія показаніе, какое далъ о себѣ этотъ кандидатъ священства: „Родомъ онъ, Михайль, малороссіянинъ, родился въ г. Зміевѣ,—отецъ его Афанасій изъ Черкасѣ, изъ посполитства, который жителство имѣетъ въ отчинѣ онаго г. Обозного, въ сл. Константиновкѣ, своимъ дворомъ,—чтенію и пѣнію обученъ онъ стараніемъ отца его по черкасскому обыкновенію въ школѣ, а иныхъ никакихъ наукъ и мастерству не ученъ... Во время малороссійской перепечи майора Хруцова написанъ онъ Михайль въ томъ с. Константиновкѣ въ рядъ съ прочими посполитами малороссіянами и въ подушный окладъ положенъ въ Черкасскій платежъ въ бытность свою *во услуженіи* у упомянутаго Обозного Михаила Захаржевскаго, у котораго пребывалъ изъ своей воли лѣтъ съ 15, а кромѣ его Захаржевскаго ни у кого ни въ какой службѣ не бывалъ“. Таковую просьбу добраго пана, добрый владыка Бѣлгородскій митрополитъ Антоній безпрекословно исполнилъ ¹⁾. Но не то мы видимъ за время Христофора. Быть,

¹⁾ Архивъ Духов. Конс. 1742 г. № 64.

или не быть, известному кандидату на томъ или другомъ помѣщичьемъ приходѣ не зависѣло абсолютно, какъ бывало прежде, отъ воли помѣщика, хотя въ силу установившихся традицій властная рука помѣщика всетаки еще напоминала о себѣ и не разъ крѣпко давала себя чувствовать. Какія причудливыя формы принимали иногда панскіе капризы, можемъ видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1812 г. настоятель священникъ сл. Каплуновки Алексѣй Кременецкій просилъ Христофора уволить его по преклонности лѣтъ, а на его мѣсто опредѣлить сына Захарія Кременецкаго, священника Ахтырской Успенской церкви ¹⁾. Объ этомъ самомъ просила и помѣщица сл. Каплуновки надворная совѣтница Е. С. Перекрестова-Осипова. Но въ это же время она письмомъ просила владыку удалить изъ Каплуновки втораго священника Григорія Ракшевскаго, за то, что онъ велъ себя непристойно сану, а на мѣсто его рукоположить діакона сей церкви Михаила Уланова, „яко мужа находящагося въ санѣ діакона болѣе 25 лѣтъ и въ благонравіи и честномъ житіи вполне испытаннаго“. Немедленно Христофоръ назначилъ дознаніе и оказалось, что Захарій Кременецкій въ поведеніи ненадеженъ, а священникъ Ракшевскій напротивъ совершенно безукоризненъ. Тогда священника Алексѣя Кременецкаго онъ уволилъ за штатъ, а на его мѣсто перевелъ изъ Ахтырки священника Сирятскаго. Увѣдомивъ объ этомъ Перекрестову, Христофоръ присовокупилъ, что на священника Ракшевскаго она можетъ, если желаетъ, подать ему жалобу на бумагѣ съ указаніемъ его проступковъ. Но лишь только Сирятскій явился въ Каплуновку съ указомъ Консисторіи о его назначеніи сюда, помѣщица Перекрестова объявила ему, что она не принимаетъ его къ своей церкви, а священнику Ракшевскому сказала, чтобы онъ искалъ для себя другое мѣсто въ епархіи и дала ему на это срокъ двѣ недѣли. Преосвященный обратился къ губернатору Бахтину, съ просьбой подтвердить Перекрестовой, чтобы она священника Сирятскаго приняла, а священника Ракшевскаго не изгоняла и взять въ томъ подписку, въ противномъ случаѣ предать ее, какъ презрительницу власти духовной, суду по законамъ. Перекрестова отказалась

¹⁾ Дѣло Конс., 1812 г. Дек. 7. № 71. *Въ 1812 г. 2151. своей жонкѣ, жонкѣ.*

дать подписку. „Руководствуясь, писала она губернатору, законнымъ правомъ избирать владѣльцами священника, я просила архіерея назначить священника Кременецкаго, но не Сирятскаго, котораго принять я не соглашаюсь и домъ для его жительства въ моемъ имѣніи дать не хочу. На просьбу мою объ удаленіи священника Ракшевскаго за худыя его качества, преосвященный потребовалъ отъ меня подать ему на него доносъ, что дѣлать мнѣ, дворянкѣ, неприлично, и если я предлагала Ракшевскому искать другое мѣсто, не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли, то дѣлала сіе для его исправленія, да и считаю себя въ правѣ давать ему совѣтъ вести себя пристойнѣе“. При этомъ заявила, что она подала на архіерея жалобу св. Синоду. „Священно-церковно-служители, писала она въ своей жалобѣ св. Синоду, всегда были опредѣляемы по желанію помѣщиковъ, безъ нарушенія дарованныхъ имъ законами на избраніе правъ, но преосвященный Христофоръ, вмѣсто просимаго ею къ приходской ея церкви въ сл. Каплуновкѣ священника З. Кременецкаго, человѣка изученнаго и поведенія похвальнаго, назначилъ священника Сирятскаго, человѣка престарѣлаго и болѣзненнаго, оставивъ на мѣстѣ священника Ракшевскаго, человѣка неблагопристойнаго, и не пожелалъ рукоположить діакона Уланова, безъ пороковъ служащаго при сей церкви болѣе 25 лѣтъ. Далѣе пишетъ, что Христофоръ, отклонивъ просьбу ея, почелъ ее противницею государственнымъ законамъ, настаиваетъ у свѣтскаго правительства, чтобы она предана была суду, чѣмъ явно открылъ давно питаемую къ ней ненависть, чему доказательствомъ можетъ служить и то, что, обзрѣвая ежегодно епархію, онъ, въ теченіи 11 лѣтъ, только разъ посѣщалъ ея имѣніе и церковь. Почему просила св. синодъ защитить ее отъ притѣсненій архіерея и повелѣть ему выполнить ея просьбу“. Преосвященный Христофоръ, согласно требованію Св. Синода, объяснилъ, „что онъ не могъ опредѣлить священника З. Кременецкаго, такъ какъ нашелъ его ненадежнымъ въ поведеніи и неспособнымъ быть при такой знаменитой церкви, какова есть Каплуновская, гдѣ ежедневно множество пріѣзжающихъ богомольцевъ къ Чудотворному образу и обширность церковной экономіи необходимо требовали священника съ отличными качествами. Имѣвъ до-

стовѣрныя свѣдѣнія объ образованности и безпорочности г. Ахтырки священника Сирятскаго, его поведеніи и опытности въ прохожденіи должности, онъ перевелъ къ Каплуновской церкви, безъ согласія на то помѣщицы Перекрестовой, такъ какъ не находилъ въ томъ никакой надобности. Сей священникъ, хотя и пожилой лѣтами, но еще въ трудахъ подвиженъ и какъ честностію жизни, такъ благоразуміемъ и знаніемъ въ церковной экономіи человѣкъ довольно отличившійся. Священника Ракшевскаго оставилъ при Каплуновской церкви на томъ основаніи, что онъ поведенія честнаго и извѣстенъ ему долговременною службою и трудами въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей. Діаконъ Улановъ найденъ имъ несоотвѣтствующимъ важности предлагаемаго ему священническаго мѣста при Каплуновской церкви, такъ какъ вовсе въ школахъ не обучался, а церковь сія должна имѣть священниковъ учительныхъ, кои знаніемъ и сановитостію могли бы заслуживать вниманіе пріѣзжающихъ въ великомъ множествѣ изъ далекихъ мѣстъ Россіи для поклоненія Чудотворной Божіей Матери иконѣ знаменитыхъ богомольцевъ. Видя необыкновенное самоуправство помѣщицы и дѣлаемое отъ ней насиліе священникамъ противу всѣхъ законовъ и церковь, которой угрожало остаться вовсе безъ священниковъ, онъ нашель себя вынужденнымъ обратиться къ гражданскому губернатору—подтвердить ей, чтобы она не изгоняла изъ своего села священниковъ. Сіе-то самое въ прошеніи помѣщицы названо ею притѣсненіемъ и ненавистію. Относительно того обстоятельства, что при обзорѣ епархіи только разъ посѣтилъ Каплуновскую церковь, то сіе происходило не отъ личной вражды къ владѣлицѣ, которую она ему приписываетъ напрасно, но потому что церковь сія очень долго состояла въ вѣдѣніи Казенной Палаты, почему онъ не находилъ необходимымъ обзорѣвать то, что отъ его распоряженія не зависѣло“. Св. Синодъ, выслушавъ объясненіе Христофора, постановилъ: „объявить помѣщицѣ Перекрестовой, что сдѣланное преосвященнымъ Христофоромъ распоряженіе, относительно замѣщенія при Каплуновской церкви священническихъ мѣстъ достойными и учеными людьми, правильно и согласно съ духовнымъ регламентомъ и послѣдовавшими на сей предметъ недавними предписаніями“¹⁾.

1) Указъ Св. Синода отъ 18 Іюня 1812 г. № 2520.

Получившій мѣсто въ приходѣ и явившійся къ рукоположенію, такъ называемый ставленникъ, послѣ явки архіерею, поступалъ въ полное распоряженіе Консисторіи. Здѣсь онъ давалъ подписку въ исполненіи обязательствъ, принимаемыхъ имъ вмѣстѣ съ полученіемъ извѣстной церковной должности. Эти обязательства были различны, смотря по тому, на что въ извѣстное время особенно обращало вниманіе духовное и гражданское начальство. Напримѣръ: ставленникъ давалъ подписку въ томъ, что онъ, въ силу указовъ Св. Синода (1797 и 1800 г.), прикладывать рукъ къ крестьянскимъ челобитнымъ не станетъ, подъ опасеніемъ осужденія виновныхъ по всей строгости законовъ, но будетъ всячески стараться объ отвращеніи крестьянскихъ волненій. Это обязательство вызвано было современными обстоятельствами. Извѣстно, что въ царствованіе Императора Павла и въ первые годы царствованія Александра I-го въ нѣкоторыхъ губерніяхъ поднимались сильныя крестьянскія возстанія противъ помѣщиковъ. Въ этихъ возстаніяхъ замѣшано было и духовенство. Такъ въ 1803 году священникъ Семень Должанскій взбунтовалъ крестьянъ — жителей села Семереньки (Ахт. у.) противъ ихъ владѣльцевъ—помѣщиковъ, до того, что въ селѣ въ этомъ была экзекуція и нѣсколько душъ сослано было на поселеніе, а свящ. Должанскій лишенъ былъ мѣста ¹⁾). Также въ первые годы этого столѣтія ставленникъ давалъ такую подписку: „самъ въ землешествѣ и другой черной работѣ упражняться не стану“. Подписка эта являлась вслѣдствіе именного указа Императора Павла I-го, воспретившаго сельскому духовенству заниматься землешествомъ, но эта подписка скоро потомъ была оставлена. Въ ряду обязательствъ, имѣвшихъ важное значеніе для будущей дѣятельности ставленника, онъ давалъ подписку и въ томъ, что съ принятіемъ священнаго сана само собою предполагалось, какъ напр. ношеніе одежды, присвоенной духовнымъ лицамъ. „Платье и обувь, писалъ ставленникъ, обязуюсь носить всегда приличное духовному чину, а не мужичье, въ простомъ-же одѣяннн и безъ должной опрятности нигдѣ въ приходѣ, а кольми паче въ важныя мѣста и къ почтеннымъ особамъ, въ такомъ видѣ являться не буду“.

¹⁾ Харьков. епарх. вѣд. 1869 г., стр. 408.

санія — не представлять миѣ никого ничего незнающихъ къ опредѣленію въ высшія степени, а благочинному, за то, что онъ, не испытавъ Насѣдкина по надлежащему во всемъ относительно знанія принадлежащаго церковно-служителю, засвидѣтельствовалъ одобреніе ему Насѣдкину, данное *примыательно по одному корыстолюбію*, учинить выговоръ“¹⁾. Преосв. Христофоръ и протодіаконъ Александровъ экзаменовали довольно строго, по крайней мѣрѣ ихъ аттестаціи ставленниковъ— студентовъ богословія очень скромны. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ: кандидатъ во іерея Алексій Крамаревскій, окончившій въ 1807 году курсъ Коллегіума, гдѣ три года слушалъ богословію, по выдержаніи экзамена въ правленіи Коллегіума, получилъ слѣдующую аттестацію: „чтеніе книгъ по церковной и гражданской печати разумѣть, пѣть нѣсколько можетъ, ариѳметику знаетъ, катихизисъ умѣть“. Протодіаконъ Александровъ, согласно резолюціи Христофора, испыталъ его, такъ о немъ отозвался: „въ чтеніи и чтомага разумѣніи изряденъ, церковный уставъ и нотное пѣніе мало знаетъ, катихизисъ и книгу о должностяхъ пресвитеровъ средственно разумѣть, ариѳметику знаетъ, пишетъ искусно“. „Отослать его, Крамаревскаго, еще разъ къ протодіакону Александрову, пишетъ Христофоръ, для истолкованія катихизиса и книги о должностяхъ пресвитеровъ, равно для наставленія во всемъ относящемся до духовной чистоты“. Спустя мѣсяць протодіаконъ Александровъ далъ такой отзывъ: „катихизъ и нужное изъ книжки должностей пресвитеровъ объяснено со внушеніемъ о храненіи чистоты духовной“²⁾. На прошеніи ученика словеснаго класса Ивана Попова, просившаго дьячковское мѣсто, Христофоръ пишетъ: „какъ по испытаніи, произведенномъ экзаменаторомъ Александровымъ, Поповъ оказался въ чтеніи только часовника и псалтири исправенъ, по другимъ-же книгамъ нетвердо читаетъ, чтомага мало разумѣть, ариѳметики не знаетъ, слѣдовательно и не можетъ еще исправлять по надлежащему дьячковской должности, то опредѣлить его пономаремъ. Или: „отказать промотору въ стихарь пономарю Павлу Васильеву,—такъ какъ

¹⁾ Дѣло Конс. 1804 г., № 22.

²⁾ Архивъ Х. дух. конс. 1807 г., № 98.

на испытаніи онъ оказался въ чтеніи часовника и псалтири отчасти годенъ, по другимъ же книгамъ читать не можетъ¹⁾.

Были примѣры, когда у Христофора не выдерживали экзамена нѣкоторые даже изъ окончившихъ курсъ Коллегіума. Между тѣмъ въ ихъ аттестатахъ значилось, что они обучались въ Коллегіумѣ, сверхъ языковъ и богословія, исторіи, географіи, высшему краснорѣчію, домашней и сельской экономіи, и въ университетѣ слушали медицину, ботанику, физику и энциклопедію. „Хотя промоторъ во іерея Василій Васильковскій опредѣленіемъ моимъ, пишетъ Христофоръ, и былъ принятъ къ посвященію во іерея, но, бывши испытанъ мною, оказался въ сочиненіи проповѣди изъ темы ис. 47, ст. 10 и во всемъ относящемся къ сану священника весьма неискусенъ, при всемъ томъ, что онъ студентъ, окончившій курсъ Коллегіума: для того, отказавъ ему отъ посвященія, отправить его при указѣ для изученія къ его тестю священнику Чудновскому, а сверхъ того духовному правленію подтвердить указомъ, чтобы они о изученіи его Васильковскаго имѣли свое наблюденіе и къ посвященію представили-бы не иначе, какъ по совершенномъ изученіи, а впредь-бы таковыхъ подобныхъ отнюдь не представляли къ производству“¹⁾.

Въ отзывахъ экзаменатора Александрова бросается на видъ та особенность, что кандидаты на церковныя должности оказывались мало-свѣдующими въ ариѳметикѣ, церковномъ пѣніи и русскомъ языкѣ. Тутъ видны послѣдствія тѣхъ недостатковъ, какими страдало въ тогдашнее время образованіе духовнаго юношества.

Извѣстно, что въ Коллегіумѣ, а также и во всѣхъ семинаріяхъ въ дореформенное время, т. е. до 1809 года, на ариѳметику не обращали почти никакого вниманія; она преподавалась только въ двухъ грамматическихъ классахъ и обыкновенно въ послѣобѣденное время по субботамъ. Церковное пѣніе было въ упадкѣ, оно также преподавалось только въ нотныхъ классахъ и въ послѣобѣденное время. Обиходы для пѣнія—эти книги—были очень дороги и ихъ имѣли немногіе ученики. Неумѣвшіе пѣть по нотнымъ книгамъ свободно пе-

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Конс. 1802 г. № 143.

реходили изъ класса въ классъ и безпрепятственно оканчивали курсъ. Отсюда понятно, что вышедшія изъ Коллегіума, тѣмъ болѣе небывшіе въ ономъ, на ставленническомъ экзаменѣ, поступаая на должность причетника, оказывались вовсе несвѣдущими въ пѣніи по нотнымъ обиходнымъ книгамъ. Что касается русскаго языка, то повидимому ему отведено было въ коллегіумѣ довольно видное мѣсто: была особая каѳедра російской элоквенціи и поэзіи, особая инструкція относительно преподаванія этого предмета, но, несмотря на это, латинскій языкъ еще господствовалъ здѣсь во всей своей силѣ. Онъ былъ органомъ учености. Студенты богословія могли гораздо лучше писать сочиненія на латинскомъ, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Чтобы написать по-русски, писали сначала по латыни. Книгъ для чтенія на родномъ языкѣ почти не было. „Чтеніемъ русскихъ книгъ и русскою литературою мало мы занимались въ Коллегіумѣ, говоритъ тогдашній воспитанникъ Коллегіума Я. В. Толмачевъ, потому что книжныхъ лавокъ еще не было въ Харьковѣ, а у частныхъ лицъ книги были большою рѣдкостію. Мнѣ памятли и теперь, продолжаетъ Толмачевъ, съ какою жадностію студенты Коллегіума читали Полиціона и Бову королевича, перехватывая ихъ другъ у друга“¹⁾.

Экзаменъ рѣшалъ судьбу ставленника. Послѣ удовлетворительной отмѣтки экзаменатора на ставленномъ дѣлѣ, онъ уже былъ въ полной увѣренности въ своемъ скоромъ посвященіи. За экзаменомъ слѣдовали исповѣдь и присяга въ вѣрности Государю. Достояно вниманія, что для посвященія воспитанниковъ Коллегіума, Христофоръ въ большинствѣ случаевъ совершалъ литургію въ нижней Трехъ-святительской церкви каѳедрального Покровскаго собора, гдѣ слушали литургію всѣ питомцы Коллегіума. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскій, на лѣвомъ коллегіумскій. За посвященіемъ слѣдовала новая школа—практическое обученіе богослуженію. Результатъ обученія отмѣчался на томъ-же ставленническомъ дѣлѣ. Только теперь новопоставленный получалъ ставленную грамоту и книжицу, называемую хиротонією (давъ предварительно обя-

¹⁾ Русск. Старина. 1892 г. Сент., стр. 703.

зательство выучить ту и другую наизусть¹⁾, отправлялся на мѣсто. Здѣсь предъявлялъ онъ грамоту благочинному, который и вводилъ его въ должность при собраніи для этого въ церкви всѣхъ прихожанъ. Обученіе ставленника при кафедрѣ обыкновенно производилось въ монастырѣ подъ надзоромъ крестнаго іеромонаха. Понятно, какъ происходило это обученіе— оно неизбѣжно было бѣглымъ, поверхностнымъ, машинальнымъ, потому, что новопосвященный передъ этимъ нерѣдко не умѣлъ и ступить въ алтарѣ. Ставленникъ не встрѣчался здѣсь съ требами, присвоенными только мірекимъ священникамъ, на примѣръ—совершеніе крещенія, брака и проч. Разнымъ приемамъ и внѣшнимъ формамъ совершенія богослуженія и требъ молодой священникъ учился уже на приходѣ отъ своихъ отцовъ, отъ сосѣднихъ и другихъ опытныхъ священниковъ. Но эти, такъ называемые опытные, священники, сами учившіеся у такихъ-же священниковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ практики церковной оказывались весьма плохими учителями. Представляемъ слѣдующій примѣръ. Священники г. Золочева Павелъ Стефановскій и Максимъ Шебатинскій въ субботу первой седмицы Великаго поста, заготовивъ на проскомидіи вино въ двухъ потирахъ и по перенесеніи ихъ въ свое время на престоль, совершили литургію надъ обоими потирами, затѣмъ приобщали прихожанъ съ обоихъ потировъ. Въ оправданіе свое эти священники показали, что такъ точно поступали ихъ предшественники по мѣсту службы и такъ научили ихъ сосѣдніе священники. „Если церковный уставъ, писали они, дозволяетъ совершать литургію, предшествующую литургіи преджеосвященныхъ Даровъ надъ тремя агнцами, то позволительно, при

¹⁾ Въ концѣ грамоты архіерей собственноручно писалъ: „Сію грамоту всякую недѣлю прочитывать съ разсужденіемъ и по ней званіе свое исправлять наиприлежнѣйше“. Ставленникъ подписывался такъ: „Долженъ и подписуюсь“. Христофоръ при обозрѣніи епархіи требовалъ, чтобы священники знали іерейскую грамоту наизусть. Въ 1802 году онъ вызвалъ въ Харьковъ священника Черкасской Лозовой Стефана Тищинскаго выучить грамоту. Крестовой іеромонахъ Исая донесъ Христофору, что Тищинскій три недѣли училъ грамоту, но по глубокой старости, а паче по слабой памяти твердо наизусть выучить не можетъ. Христофоръ отправилъ старика съ миромъ домой. (Дѣло конс. 1802 г. № 28).

нуждѣ, когда говѣющихъ великое число, а потиръ малый, совершать литургію надъ двумя потирами, произнося слова освященія не въ множественномъ, а въ единственномъ числѣ¹. Преосвященный Христофоръ этихъ священниковъ подвергъ монастырской епитиміи. Предписавъ указомъ имѣть вмѣстительный потиръ, гдѣ такового нѣтъ, онъ обязалъ духовенство всей епархіи строжайшими подписками, чтобы на двухъ потирахъ ни въ какомъ случаѣ не дерзали литургисать подъ опасеніемъ нещаднаго истязанія¹).

Въ описываемое время издавна подъ вліяніемъ католичества укоренился въ здѣшней мѣстности обычай совершать крещеніе чрезъ обливаніе. Освященная вода всегда была въ запасѣ у священника; изъ стакана онъ трижды возливалъ ее на младенца. Конечно священники, въ бытность свою студентами Коллегіума, слышали на урокахъ, что законный образъ крещенія есть погружательный²), но тѣмъ не менѣе эта форма крещенія, т. е. обливаніе, продолжала практиковаться. Въ этомъ случаѣ молодые священники руководились примѣрами отцовъ и вообще опытныхъ священниковъ. Приучаясь къ такой формѣ крещенія, они мало по малу начинали считать ее законною и въ свою очередь становились образцомъ и авторитетомъ для другихъ молодыхъ священниковъ. Народъ приемотрѣлся и привыкъ къ обливанію; пограничные съ великорусскими деревнями бранили тамошнихъ „утопленниками“, а тѣ платили имъ названіемъ „обливанцевъ“. Относительно мѣста крещенія церковныя правила (Всел. Соб. VI, пр. 31, 59, о должн. пресв. § 83. Инстр. благ. 1775 г. § 20) требуютъ, чтобы это таинство было совершаемо въ церкви. Въ Слободской епархіи въ это время существовалъ обычай крестить дѣтей въ домахъ священниковъ. Обычай неумѣстный, неодобрительный, подрывающій въ народѣ чувство благоговѣнія къ великому таинству. Но что особенно прискорбно, такъ это то, что допускалось совершеніе крещенія не въ лучшихъ комнатахъ священника, а въ такъ называемой кухнѣ. Въ 1805 г. Св. Синодъ предписалъ духо-

¹) Архивъ Х. Д. Конс. 1802 г. № 103.

²) Обливательный образъ крещенія допускается только въ случаѣ дѣйствительно крайней нужды, напр. во время тяжелой болѣзни младенца.

венству во время слишкомъ большого холода, крестить въ томъ домѣ, гдѣ младенецъ родился. Вѣроятно этотъ указъ былъ изданъ подъ вліяніемъ бывшей большой смертности младенцевъ. Изъ статистическихъ данныхъ видно, что въ 1803 году изъ 40,500 человекъ умершихъ въ Слободской епархіи, умерло въ этомъ числѣ младенцевъ 11,600 человекъ.

Въ чинѣ вѣнчанія встрѣчаемъ слѣдующую особенность, неимѣющую надлежащаго смысла и значенія. Священники, вопреки закону, позволяли себѣ вѣнчать по нѣскольکو паръ вмѣстѣ. При такомъ одновременномъ вѣнчаніи нѣсколькихъ браковъ возлагали вѣнцы на главы брачующихся по недостаточному количеству вѣнцовъ попеременно и притомъ только на тотъ моментъ, когда произносили извѣстныя слова: „вѣнчается рабъ Божій“... А затѣмъ, вмѣсто вѣнцовъ, поставляли и поддерживали надъ головами брачующихся св. иконы до окончанія вѣнчанія. Слѣдуя буквально правиламъ духовнаго регламента и синадальнымъ указамъ, сельскіе іереи были черезчуръ строги къ брачующимся. 1) „Не слѣдуетъ іереямъ, пишетъ Христофоръ въ одномъ изъ своихъ окружныхъ посланій духовенству, привлекать брачующихся людей, окруженныхъ экономическими работами, говѣть цѣлую недѣлю. Довольно съ нихъ будетъ, если того же дня предъ браковѣнчаніемъ очистятъ совѣсть свою одною исповѣдью. И сіе послѣднее потребно для того, дабы священникъ, при исповѣди, по открытіи совѣсти, наставлялъ брачующихся, съ каковымъ намѣреніемъ установленъ отъ Бога бракъ, какихъ обязательствъ требуетъ Богъ отъ сочетавающихся касательно чистоты ложа и воспитанія дѣтей; принятія же Св. Таинъ не сподоблять, въ сходство наставленія, положеннаго литургисающему священнику въ служебникѣ. 2) Не взыскивать, чтобы брачующіеся, если не умѣютъ всѣхъ молитвъ и заповѣдей, того-жъ времени выучивали; ибо сего неумѣнія ихъ самъ священникъ виною, понеже по долгу своему не научилъ ихъ, что удобно могъ-бы онъ сдѣлать такъ, какъ многіе благоразумные и попечительные іереи поступаютъ, обучая прихожанъ своихъ съ малолѣтства символу вѣры, десятословію и нужнымъ молитвамъ во время святыя четырехдесятиницы, когда прихожане говѣютъ. Но если священникъ, въ свое время, по нерадѣнію своему, сіе упустилъ, то

теперь довольно съ нихъ будетъ, если поувѣщаетъ ихъ, чтобы послѣ брака приложили стараніе все нужное изучить, дабы въ состояніи были и дѣтей своихъ въ томъ-же наставить.

3) Обыски дѣлать предъ браковѣчаніемъ довольно будетъ и за недѣлю и, буде никакого препятствія по учиненіи обыска не откроется, то взявъ отъ родителей брачующихся, подъ крестнымъ цѣлованіемъ, надлежащее, въ безпрепятственности брака показаніе, а за подданныхъ и крестьянъ отъ помѣщика или управителя, кому ввѣрена деревня, хотя бы онъ и крестьянинъ былъ, заручное письмо,—вѣнчать безъ проволочки, дабы людямъ не дѣлать напрасной волокиты и убытковъ.

4) Не запрещать, при отправленіи брачнаго торжества, древнимъ обыкновеніемъ сему случаю присвоеннаго, игранія на инструментахъ, но вразумлять, чтобы они сего не дѣлали при храмѣ Божіемъ. Когда-же самъ іерей будетъ званъ на торжество то, въ такомъ случаѣ, да поступаетъ по правилу 24-му шестого Собора, Номо конона же 27-му ¹⁾).

Приведенное наставленіе нисколько не потеряло значенія и для настоящаго времени. Только безвозвратно кануло въ вѣчность воспоминаніе о такъ называемомъ „заручномъ письмѣ“, которое былъ обязанъ имѣть священникъ, приступающій вѣнчать крестьянъ помѣщиковъ. Письмо это служило доказательствомъ, что владѣлецъ дозволялъ брачующимся вступать въ бракъ. Но какъ часто бывало, что помѣщикъ, не испрашивая у своихъ крѣпостныхъ объ ихъ сердечныхъ влеченіяхъ, женилъ и выдавалъ замужъ по своему произволу, какъ ему вздумается! Крѣпостное право тяжелымъ гнетомъ лежало даже на такой интимной области, какъ заключеніе брачныхъ союзовъ. Еще и теперь въ церковныхъ архивахъ, какъ грустное воспоминаніе о быломъ, хранится масса помѣщичьихъ записочекъ, заключающихъ въ себѣ его согласіе на каждый въ отдѣльности бракъ между его подданными. Обвѣнчавъ извѣстнаго помѣщика крѣпостную, которая выходила замужъ въ другое село, или за человека вольнаго, священникъ этимъ наносилъ ущербъ экономическимъ интересамъ помѣщика: послѣдній лишался рабочей силы, лишал-

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1803 г. № 62.

ся своей собственности. Отсюда возникали жалобы начальству на дѣйствія священника. Такія жалобы дѣйствительно во множествѣ и встрѣчаются. Приводимъ слѣдующій примѣръ. Помѣщикъ коллежскій регистраторъ Василій Ачкасовъ заявилъ преосвященному Христофору жалобу на священника г. Чугуева Оому Степурскаго за то, что онъ „собственную его наслѣдственную крѣпостную дѣвку Ульяну“ безъ его письменнаго согласія перевѣнчалъ за отставнаго козака Григорія Сподина, почему онъ лишился оной и понесъ убытокъ, поелику оная дѣвка стоила ему шестьдесятъ рублей, просить за претерпѣнныя имъ убытка поступить со священниковъ Степурскимъ по законамъ. Начались дознанія и слѣдствія и разныя по судамъ волокиты. Лишь спустя два года Зміевское духовное правленіе донесло Христофору, что Ачкасовъ, снисходя просьбѣ и бѣдности священника Степурскаго, оставляетъ свои претензіи и просить его жалобу предать вѣчному забвенію ¹⁾.

Въ совершеніи таинства исповѣди было видно господство древняго обычая—исповѣдывать „огуломъ“—по нѣсколько чело-вѣкъ вмѣстѣ. О такой исповѣди у простаковъ малороссовъ сложилась кощунственная поговорка: „попа возить въ рѣшетѣ“. Въ таинствѣ исповѣди самою главною стороною была эпитемія. И тутъ видно вліяніе католичества. Самое таинство покаянія слыло въ народѣ больше подъ названіемъ „покуты“ (Польск. *rokuta*). Назначеніе покуты зависѣло отъ воли священника, потому что для нея не могло быть въ богослужебныхъ книгахъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ. Наказанія нерѣдко были публичныя, какъ-то: поклоны въ церкви, привязыванье къ оградѣ церковной или къ дверямъ колокольни, гдѣ они стояли по цѣлымъ днямъ, отлученіе отъ причащенія и т. п. Кто вовсе уклонялся отъ говѣнія, тому священникъ не освящалъ пасхи (хлѣбъ и другія пасхальныя снѣди), а такъ какъ у простаго народа уваженіе къ „свяченому“ было слишкомъ велико, то подобное наказаніе считалось крайнимъ лищеніемъ. Въ ту пору міряне стремились въ посты для говѣнія въ монастыри, но приходскіе священники съ своей стороны повидимому старались воспретить монастырямъ принимать ми-

¹⁾ Арх. X. Д. Конс. 1802 г. № 114.

рянъ на исповѣдь. Вотъ что писалъ настоятель Харьковскаго Покровскаго училищнаго монастыря Дороей Харьковскому духовному правленію. „Сего 10 дек. 1799 г. Харьковское духовное правленіе въ сей монастырь прислало сообщеніе съ требованіемъ, чтобы монастырскіе духовники не исповѣдывали приходскихъ людей. Вслѣдствіе чего имѣющимъ здѣсь двумъ духовникамъ Аполлосу и Филарету мною сіе притверждено, которые однако объявили, что исповѣдываться позволительно всякому у кого заблагоразсудится, лишь бы у приходского своего священника принимали святыя тайны, изъ чего приходскій священникъ о исповѣдникахъ и узнать можетъ и что имъ отказать, по крайнему усилію жаждущихъ покаянія, отъ исповѣди весьма трудно и для желающихъ весьма оскорбительно. Таковое объявленіе помянутыхъ духовниковъ симъ сообщается духовному правленію на его разсмотрѣніе“¹⁾. Мы не знаемъ, какъ разрѣшился этотъ протестъ духовниковъ Покровскаго монастыря, но то несомнѣнно, что въ описываемое нами время монастырскіе духовники въ дѣятельности своей, по отношенію исповѣди мірянъ, были нѣсколько ограничены. Такъ въ 1805 году игумень Куряжскаго монастыря просилъ преосвященнаго Христофора дозволить ему въ лицѣ избраннаго имъ іеромонаха имѣть при монастырѣ третьяго духовника. Во время постовъ и особенно въ четырехдесятницу въ монастырѣ семъ, писалъ онъ, бываетъ множество богомольцевъ, желающихъ получить исповѣдь и причащеніе Св. Тайнъ и бываетъ остановка въ исповѣди. Христофоръ далъ такую резолюцію: „предписать игумену строго наобласти за тѣмъ, дабы духовники въ великую четырехдесятницу мірянъ, отлучающихся въ монастырь для очищенія совѣсти своей отъ своихъ приходскихъ церквей, отнюдь не смѣли исповѣдывать“²⁾.

Въ описываемое время священники допускали погребеніе умершихъ въ большинствѣ случаевъ раньше сутокъ послѣ смерти, а младенцевъ въ тотъ-же самый день. Прихожане считали для себя великою обидою со стороны того священника, который, не смотря на разложеніе трупа покойника, продержалъ-бы его

¹⁾ Архивъ Покровск. монастыря, 1799 г. № 96.

²⁾ Архивъ Х. Д. К., 1805 г. іюня 30 д. № 82.

до истеченія трехъ сутокъ, какъ требовалъ того указъ синода отъ 16 июня 1812 г. Въ высокаторжественные дни, въ лѣтнее, особливо жаркое время, указомъ 1806 года постановлено было отправлять погребеніе предъ вечерней, или по отправленіи оной, однако прежде захожденія солнечнаго, а въ зимнее отклады-вать до другого дня. Св. Синодъ своимъ указомъ (1803 г. мая 15) строго подтвердилъ духовенству умершихъ погребать исключительно на особо отведенныхъ кладбищахъ. За время Христофора во многихъ селахъ кладбищъ вовсе не было, или они пустѣли, а умершихъ хоронили подлѣ храма на церковномъ погостѣ, который поэтому и назывался по малороссійски „цвинтаремъ“ (отъ греч. *χηματήριον*), а всего чаще погребали при своихъ жилыхъ домахъ—въ садахъ и огородахъ. Указомъ 1808 года іюля 20 предписывалось духовенству, чтобы могилы глубиною были въ три аршина. Это требованіе долго оставалось на бумагѣ, тѣла зарывали въ могилахъ, имѣвшихъ глубину менѣе, чѣмъ на половину узаконенной. Въ 1800 году синодальнымъ указомъ былъ разрѣшенъ давно назрѣвшій вопросъ относительно погребенія православными священниками римско-католиковъ, лютеранъ и реформаторовъ, если нѣтъ пастора ихъ вѣроисповѣданія, и если умершіе передъ смертію не высказывались противъ приглашенія православнаго священника. Въ этихъ случаяхъ священникъ, облачившись въ епитрахиль и ризу, обязанъ провести тѣло умершаго изъ дома до кладбища и опустить въ могилу при пѣніи въ томъ и другомъ случаѣ „Святый Боже“, не совершая литіи и не возглашая вѣчной памяти. По селамъ крѣпко еще держался обычай, перешедшій изъ прошлаго столѣтія, по которому крестьяне весьма часто сами погребали своихъ умершихъ, а священниковъ приглашали только „запечатать“ гробъ, т. е. отпѣть покойниковъ, что дѣлалось иногда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ погребенія. Что касается городовъ, то здѣсь покойниковъ непременно провожало духовенство до самой могилы. Въ тогдашней погребальной процессіи лицъ, выдающихся по своему общественному положенію, видны простота и вмѣстѣ величіе. Вотъ какъ описываетъ современникъ похороны ректора Харьковскаго университета Ивана Степановича Рижскаго, скончавшагося 15 марта 1811 года.

Отъ университетскаго дома, гдѣ была квартира покойнаго, до градекаго собора стояли въ два ряда студенты университета, воспитанники коллегіума, гимназіи и уѣзднаго училища, по этимъ рядамъ размѣщены были обыкновенные классическія знамена, а два большихъ несли при гробѣ. Между сими рядами университетскіе служители несли фонарь, крестъ и хоругви, а студенты—церковное покрывало и крышу, на которой лежали шага и шляпа покойнаго. Вслѣдъ за двумя церемонимейстерами изъ гг. адъюнктовъ университета, студентъ несъ на бархатной подушкѣ сочиненія покойнаго, а университетскій экзекуторъ, на такой-же подушкѣ несъ орденъ. Далѣе шли архіерейскіе пѣвчіе, діаконы, священники, во главѣ которыхъ шествовалъ съ посохомъ въ рукахъ преосвященный Христофоръ, а за нимъ 8 студентовъ несли на своихъ рукахъ самый гробъ, по обѣимъ сторонамъ котораго 8 студентовъ шли съ факелами. За гробомъ слѣдовали учителя коллегіума и училищъ, университетскіе адъюнкты и профессора, губернаторъ губерніи, чиновники и народъ. Звонъ раздавался со всѣхъ колоколенъ г. Харькова. Во время литургіи, совершенной Христофоромъ, по обѣимъ сторонамъ гроба стояло 8 студентовъ и держали зажженные свѣчи, въ концѣ литургіи Харьковскаго коллегіума учитель поэзіи Степанъ Антоновскій сказалъ надгробное слово, а на погребеніи, по прочтеніи евангелія, профессора произнесли надгробныя рѣчи на русскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ и была прочитана на русскомъ языкѣ ода. Во время шествія на кладбище¹⁾, продолжавшагося болѣе часа, гробъ несли студенты до самой могилы, преосвященный сопровождалъ тѣло до вратъ Покровскаго монастыря. Стеченіе народа, замѣчасть современникъ, было безчисленно. Нѣкоторыя изъ особенностей этого погребенія, какъ напр. несеніе сочиненій, церковнаго покрывала, классическихъ знаменъ, произнесеніе рѣчей на разныхъ языкахъ и т. п. въ настоящее время вышли изъ употреб-

¹⁾ Тѣло было предано землѣ по южную сторону церкви, близъ сельской дороги. Мѣстоположеніемъ кладбище сіе находилось на горѣ, возвышающейся при рѣкѣ Харьковѣ, въ сѣверномъ концѣ города, садами покрытомъ²⁾. (Извѣстіе о жизни и смерти профессора Х. университета П. С. Рижскаго. Харьковъ. Унив. тип. 1811 г., стр. 2—3).

ленія, за то многое вошло такое, что совершенно чуждо духу нашей православной церкви. Теперешнія похоронныя колесницы, блестящія позолотою и разною пестрою мишурою, съ какими-то металлическими вѣнками на углахъ балдахина, нисколько не подходятъ къ погребенію русскаго православнаго челоуѣка. Трудно понять, какъ приличествуетъ величавой простотѣ и торжественно-грустному настроенію нашего похороннаго обряда, эти шутовскіе костюмы факельщиковъ и носильщиковъ, эти треугольныя шляпы, эти камзолы съ аксельбантами и шнурами и т. п.

Каждый учительный священникъ, т. е. окончившій курсъ въ Коллегіумѣ, обязанъ былъ въ теченіе года сказать проповѣдь въ соборѣ своего уѣзднаго города, представивъ ее напередъ для просмотра цензору, и разъ въ годъ явиться съ проповѣдью въ г. Харьковъ. Цѣль, съ которою сельскимъ іереямъ вмѣнено было въ обязанность проповѣдывать слово Божіе въ городскихъ соборахъ, повидимому прекрасная. Съ одной стороны—каждый праздникъ въ соборѣ возвѣщалось слово Божіе¹⁾, съ другой—сельскіе іереи хотъ разъ въ годъ освѣжали свою голову размышленіемъ и составленіемъ слова, хотъ разъ въ годъ являлись тѣмъ, чѣмъ должны быть непрестанно,—проповѣдниками истинъ евангельскихъ. Но этотъ обычай, практиковавшійся тогда почти во всѣхъ епархіяхъ, не говоря уже о томъ, что отвлекалъ священниковъ отъ приходовъ, причинялъ имъ ущербъ въ хозяйствѣ, особенно значительный для тѣхъ священниковъ, которые жили отъ уѣздныхъ городовъ за 100, за 150 верстъ, а

¹⁾ Въ каждый воскресный и праздничный день произносилось двѣ проповѣди: въ градскомъ соборѣ говорилъ священникъ, въ кафедральномъ—студентъ богословія. Въ царскіе дни и большіе праздники говорилъ слово ректоръ или префектъ коллегіума, или же ключарь собора, въ пятки Великаго поста, на такъ называемыхъ „пассіяхъ“,—учители коллегіума. Въ отчетѣ за 1805 годъ мы видимъ, что въ теченіе этого года въ кафедральномъ градскомъ соборѣ было произнесено болѣе полутора ста проповѣдей, именно сельскими священниками 35 проповѣдей, священниками уѣздныхъ городовъ 13, священниками г. Харькова 17, учителями коллегіума 13 и студентами богословія 46. Лучшія изъ проповѣдей Христофоръ отсылалъ въ коллегіумскую бібліотеку, а выдѣлявшіяся изъ нихъ богатствомъ содержанія и изяществомъ тогдашняго краснорѣчія, на основаніи синодальнаго указа, отсылалъ въ Святѣйшій Синодъ для напечатанія на казенный счетъ. (Указъ Св. Синода отъ 19 марта 1808 года).

отъ Харькова за 400, за 500 версть. Самая проповѣдь—это живое дѣло, нисходя на степень официальной обязанности, не приносило никакой пользы слушателямъ. Когда священникъ говоритъ проповѣдь своимъ прихожанамъ, которыхъ онъ знаетъ, какъ своихъ духовныхъ дѣтей, тогда и простое его слово будетъ живо и дѣйствительно, но въ храмѣ губернскаго или уѣзднаго города, что онъ могъ сказать совершенно чужимъ для него слушателямъ, которые его, а онъ ихъ, нерѣдко въ первый разъ видятъ на амвонѣ? Ничего, кромѣ реторики, каковы въ дѣйствительности въ большинствѣ опытовъ и были тогдашнія проповѣди сельскихъ іереевъ. Проповѣдь очередная, или, какъ говорили тогда, „казенная“ превращалась въ пытку и для проповѣдника и для прихожанъ собора, принужденныхъ слушать проповѣди чужихъ пастырей. Одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ того времени, валковскій протоіерей В. Сиѣсаревъ такъ смотрѣлъ на дѣло проповѣди. „Учительные священники, писалъ онъ преосв. Христофору, поучаясь сами день и ночь въ изученіи священнаго писанія, должны упражняться въ сочиненіи поученій народу и въ частомъ сказываніи оныхъ. Только исполняли бы сіе въ своихъ храмахъ, къ коимъ присягались и рукоположились, а не въ отдаленныхъ отъ жилищъ ихъ мѣстахъ, требующихъ поѣздокъ, времени и изживенія; сказывали бы поученія прихожанамъ, порученнымъ ихъ ученію, а не чужимъ людямъ. Слово Божіе должно проповѣдывать съ охотою и радостію, а не воздыхающе. Проповѣдь особливо необходимо нужна не въ городахъ, а въ селахъ—тамъ гдѣ и малое просвѣщеніе будетъ, яко свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, гдѣ простолюдинамъ можно объяснять евангельское ученіе безъ всякихъ переписокъ въ тетрадки, а краткими, простыми, вразумительными и назидательными для себя и ихъ словами, что и было бы сообразно, какъ званію самихъ священниковъ, такъ и нравственному назиданію прихожанъ: цѣломудрію бо и воздержанію то учить“¹⁾. Достоинно вниманія, что за время Христофора проповѣдь въ соборныхъ церквахъ произносилась не съ солей, а съ кафедры, которая была нарочито устроена посреди храма, у лѣвой передней колонны, поддерживающей ку-

¹⁾ Архивъ Х. Д. Конс. 1800 г. № 20.

поль. Такая вышняя постановка проповѣди въ храмѣ довольно долго держалась въ Харьковѣ и послѣ Христофора и была весьма полезна для успѣха проповѣди. Проповѣдь, произносимую съ солен, слышать только стоящіе впереди, т. е. много—много третья часть присутствующихъ, а произносимая съ кафедръ была слышна почти на всемъ пространствѣ храма. Почему бы и теперь не устроить проповѣдническихъ кафедръ по срединѣ храма? ¹⁾ Въ древней вселенской церкви проповѣдывали всегда со средины церкви, гдѣ для этого устроился *амбон* или *pulpitum* ²⁾. Во время Христофора по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ практиковались публичныя чтенія, въ родѣ нынѣшнихъ выбогослужебныхъ чтеній. Такъ, въ кафедральномъ или градекомъ соборѣ, послѣ литургіи, изъясняли народу катихизисъ одинъ изъ учителей коллегіума, прот. Могилевскій и Прокоповичъ—въ коллегіумской богословской аудиторіи—въ публичномъ собраніи учащихся и разнаго званія слушателей“. Прот. Могилевскій предлагалъ народу чтеніе объ истинахъ христіанскаго ученія, Прокоповичъ—толкованія на посланія св. Ап. Павла. Въ теченіе 1801 г. онъ истолковалъ посланія къ Солунянамъ, въ теченіе 1802 и 1803 гг. посланія къ Галатамъ, за 1804 г. къ Колоссянамъ, а за 1805 г. къ Ефесеямъ ³⁾ Прот. Прокоповичъ славился въ Харьковѣ, какъ искусный проповѣдникъ. Проповѣди свои подъ заглавіемъ: „поучительныя слова“ онъ напечаталъ въ 1803 г. по указу Синода въ Москвѣ. Настоятель Изюмскаго собора прот. Иосафъ Погорлевскій ревностно сѣялъ Слово Божіе. Сказанныя имъ проповѣди, число которыхъ было очень значительно, ежегодно были имъ переписываемы и перешлетаемы въ особыя тетради; многіе изъ прихожанъ брали ихъ для домашняго чтенія, но куда онѣ дѣвались послѣ его смерти—неизвѣстно ⁴⁾. Какъ проповѣдникъ, еще

¹⁾ Въ настоящее время такія кафедры имѣются въ соборныхъ храмахъ Петербурга, есть и въ другихъ городахъ, напр. въ Кіевѣ.

²⁾ Исторія первобытной проповѣди. Н. Барсова СПб. 1885 г.

³⁾ Эти толкованія подъ заглавіемъ „Мысли при чтеніи посланій св. Ап. Павла“, были отпечатаны въ Петербургѣ въ 4-хъ книгахъ и посвящены „всѣмъ любящимъ Божественное слово Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа“.

⁴⁾ Ист.-статистич. описаніе Харьк. еп. Отд. V, стр. 24.

болѣе извѣстенъ Вас. Ив. Снѣсаревъ, воспитанникъ Харьковскій, слушавшій уроки и въ Кіевской академіи, протоіерей и законоучитель въ г. Валкахъ. Проповѣдникъ, съ особеннымъ даромъ слова говорившій проповѣди и безъ приготовленія, имѣлъ сильное вліяніе на кругъ свой и словомъ, и жизнью благочестивою. Какъ законоучитель, онъ въ воскресные и праздничные дни часа по два изъяснялъ въ училищѣ евангеліе; не только зала училищная, но и комнаты близъ нея находившіяся, а въ лѣтнее время и всѣ окна, были наполнены добрыми поселянами. Они версты за 10 и болѣе приходили съ хуторовъ выслушивать необыкновенно приспособленное къ понятію народа изъясненіе евангелія. Отсюда потомъ они шли въ церковь для слушанія проповѣди. Поученія свои онъ предлагалъ изустно безъ тетради. О. Василій самъ сознавался, что, приготовляясь къ служенію, обдумывалъ онъ бесѣду изъ евангелія; но случалось, что во время литургіи какое либо мѣсто производило на него такое сильное впечатлѣніе, что обдуманная бесѣда оставалась, и онъ говорилъ изъ словъ, поразившихъ душу его во время служенія. И цѣлое полстолѣтіе Валки слушали сладкаго своего учителя ¹⁾. Священники, не бывшіе въ школахъ, обязывались читать народу печатныя поученія, изданныя св. Синодомъ въ 1783 г. Нѣкоторые изъ нихъ оказывались настолько малограмотными, что и печатныя проповѣди не могли прочесть толково. Таковыя были не только въ селахъ, но и въ городахъ, даже въ самомъ Харьковѣ. „Настоятель Харьковской Христорождественской церкви, протоіерей Дмитрій Зимовскій, доносилъ преосвященному Христофору градской благочинный, читая на литургіи евангеліе извращалъ нѣкоторыя слова, плохо разбирая оныя, а печатныя поученія читалъ съ нарушеніемъ удареній на словахъ и не соблюдая ни запятыхъ, ни точекъ, потому чтеніе проповѣдей было вовсе непонятно для народа“ ²⁾. Въ тѣхъ деревенскихъ храмахъ, гдѣ священствовали малограмотные, было свое, совершенно иного рода проповѣдни-

¹⁾ Нѣсколько словъ его напечатаны. См. „Страникъ“ 1861 г., Обзоръ русск. дух. литературы, стр. 439 и „Ист. статистич. описаніе Харьк. епар. Отд. III, стр. 236.

²⁾ Арх. Х. Дух. Конс. 1803 г. № 167.

чество. Такъ, нерѣдко слышалось здѣсь слѣдующее: „православные христіане! На сей недѣль, въ такой-то день имѣеть быть такой-то праздникъ, дай, Боже, намъ счастливо дождать и весело проводить его“.

Вообще проповѣданіе Слова Божія особенно въ сельскихъ церквахъ почти повсюду было въ это время довольно слабо. Св. Синодъ, предлагая архіереямъ принять попеченіе объ усиленіи церковнаго наставленія народа, такъ изображаетъ тогдашнее состояніе проповѣдничества. „Общественное и точное наставленіе православнаго народа въ вѣрѣ и богоуравніи христіанскомъ еще подвержено немаловажнымъ недостаткамъ. Такъ еще великое число народа, въ низшихъ его классахъ, по безграмотности, остается и дѣтей своихъ оставляетъ безъ правильнаго домашняго наставленія въ истинахъ христіанскихъ. Поученія, читаемыя священниками, при богослуженіи, изъ печатныхъ книгъ, не всегда бываютъ вразумительны по языку, и не всегда могутъ быть сообразны съ потребностями слушателей по содержанию. Собственныя проповѣди духовенствомъ произносятся не довольно часто, большею частію безъ постояннаго расположенія времени и предметовъ, и безъ достаточнаго примѣненія къ разумѣнію и состоянію большей части слушателей. Посему многіе, особенно не имѣвшіе случая наслѣдовать расположеніе къ благочестію чрезъ примѣръ и преданіе отъ добрыхъ родителей, имѣютъ весьма недостаточныя, а иногда и неправильныя понятія о существенныхъ обязанностяхъ христіанскихъ: многіе равнодушны къ вѣрѣ не возбуждаются, впадшіе въ грѣхи не чувствуютъ гибельность своего состоянія и не ищутъ исправленія, слабые не предохраняются отъ совращенія въ расколъ лжеучителями“.

Въ учительской дѣятельности своей священнику приходится встрѣчаться съ такого рода религіозно-нравственными явленіями, которые требуютъ съ его стороны особаго вниманія и пастырской ревности. Таковъ расколъ. Издавна главнымъ мѣстомъ жительства раскольниковъ былъ г. Чугуевъ. По всей вѣроятности сюда еще при царяхъ Алексѣѣ и Θεодорѣ ссылали раскольниковъ въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ.

скаго, какъ священника учительнаго и поведенія примѣрно добронравнаго. „Консисторія, пишетъ Христофоръ, исполнить немедленно съ надлежащимъ ему Жадановскому наставленіемъ относительно раскольнической секты“¹⁾. Къ сожалѣнію подобнымъ мѣрамъ, употребляемымъ къ ослабленію раскола, часто не доставало систематичности и согласности: нерѣдко оди мѣры парализовались другими совершенно противоположнаго характера. Такъ, не смотря на то, что указомъ Св. Синода строго воспрещено было раскольникамъ строить часовни на новыхъ и старыхъ мѣстахъ, была устроена новая часовня и въ теченіе четырехъ лѣтъ, какъ внѣшній знакъ раскольническаго заблужденія, производила очень вредное вліяніе на простой народъ и служила многимъ къ отторженію отъ православія. Дѣло было такъ. Въ 1810 г. Чугуевскій благочинный священникъ Насѣткинъ донесъ консисторіи, что въ г. Чугуевѣ, въ одной верстѣ отъ Рождество-Богородичной церкви раскольники строятъ часовню. Консисторія указомъ предписала ему донести, когда она будетъ окончена постройкою, съ представленіемъ ея плана и фасада. Въ томъ-же году благочинный донесъ, что часовня постройкою окончена, сдѣланъ на ней семерикъ, куполь и глава покрыты бѣлымъ желѣзомъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, а внутри иконостасъ, при ней колокольня, на которой повѣшены три колокола. Къ этому онъ присовокушилъ, что въ Чугуевѣ состоитъ раскольническихъ сектъ двѣ: безпоповская числомъ болѣе 1,000 д. об. п. и Вѣтковская поповщина. На это донесеніе благочиннаго консисторія не обратила никакого вниманія. Уже при преемникѣ Христофора, преосвященномъ Аполосѣ, глава часовни и колокольня были уничтожены. Тогда-же Св. Синодъ въ указѣ своемъ²⁾ объяснилъ консисторіи, что, хотя слѣдовало бы на секретаря и присутствующихъ консисторіи, участвовавшихъ въ такомъ опущеніи, обратитъ законное за то взысканіе, но поелику проступокъ сей учиненъ ими до состоянія Высочайшаго манифеста³⁾, 30 авг. 1814 г. состоявшагося,

1) Арх. Х. Дух. Конс. 1808 г. № 169.

2) Указъ Св. Синода отъ 3 іюня 1815 г. № 1538.

3) По случаю освобожденія Александромъ 1-мъ Европы отъ владычества Наполеона.

то на основаніи одного, учинивъ ихъ отъ суда свободными, подтвердитъ, чтобы они, при восчувствованіи таковой монаршей милости, потщились въ прохожденіи должностей своихъ сохранять во всей точности предписанныя имъ правила, опасаясь подобныхъ опущеній. Поселившіеся съ 1775 г. въ сл. Ольховаткѣ раскольники отличались особо упорнымъ фанатизмомъ. „Пусть снимутъ съ насъ головы, отвѣчали они увѣщателямъ, но въ православную церковь не пойдёмъ“. За время Христофора здѣсь священствовалъ о. Стефанъ Котляревскій, который, по своимъ качествамъ, вовсе не былъ годенъ для этого прихода. Въ послужномъ его спискѣ значится: „въ школахъ не былъ и кромѣ простаго книгоченія ничему не обучался. Въ 1798 г., за бой своеручно палкою до крови прихожанина Якова Заборова, за порубку его-же Заборова дѣса, отъ преосвящ. Θεоктиста, былъ въ запрещеніи священства, которое ему тѣмъ-же преосвященнымъ и разрѣшено. Въ 1799 г. отъ жителей Ольховатки была тому-же преосвященному жалоба въ томъ, что онъ, Котляревскій, по довѣренности отъ помѣщика Ивана Заруднаго былъ повѣреннымъ по дѣлу о завладѣніи этимъ помѣщикомъ земли, принадлежащей жителямъ Ольховатки и что по дѣлу этому онъ учинилъ жителямъ немалую проволочку и убытокъ“. Въ самомъ г. Чугуевѣ, гдѣ жили главные расколотчики, при соборной церкви состоялъ священникомъ нѣкто Прозоровскій, который своею худою жизнію подавалъ великій соблазнъ раскольникамъ. Онъ восемь разъ былъ судимъ за пьянство, буйство и обиды, чинимыя прихожанамъ и причту, былъ ссылаемъ въ монастырь и потомъ опять возвращаемъ къ тому же мѣсту и лишь послѣ 24 лѣтней здѣсь службы былъ навсегда отрѣшенъ отъ этого мѣста и опредѣленъ причетникомъ къ церкви сл. Гракова. Здѣсь онъ страшно бѣдствовалъ, терпя нужду въ содержаніи себя и семьи. Объ этомъ провѣдали раскольники, жившіе въ Екатеринославской губ., пригласили его къ себѣ, и онъ тайно ушелъ къ нимъ. Интересно его показаніе, какое онъ далъ консисторіи о своемъ пребываніи у раскольниковъ. „Въ 1809 г. въ ноябрѣ мѣс., пишетъ онъ, явился ко мнѣ старообрядецъ Филиппъ изъ сл. Бѣлой, Бахмутскаго у., съ приглашеніемъ отъ имени всего общества, да-

бы я шель къ нимъ жить и отправлять мірскія требы, увѣряя, что отъ общества буду щедро награжденъ. Такъ какъ, живя въ сл. Граковѣ, я съ семействомъ дошелъ до такой бѣдности, что, подобно нищему, ходилъ по дворамъ и просилъ милостыню, то, видя себя въ такой крайности, согласился на сіе приглашеніе. По прибытіи въ сл. Бѣлую, былъ уговоренъ тамошними жителями и далъ свое согласіе въ провозденіи жизни и въ отправленіи имъ требъ христіанскихъ поступать во всемъ такъ, какъ старообрядческое заведеніе ихъ требуетъ. Въ той слободѣ имѣется часовня, въ ней я отправлялъ утреню, часы, вечерню по разнымъ старообрядческимъ книгамъ и при отправленіи надѣвалъ на себя ризы, исправлялъ мірскія требы, какъ то исповѣдь, погребеніе, крещеніе и проч., за которые требы получалъ отъ тѣхъ прихожанъ въ награжденіе, кто что давалъ по своей возможности. Квартиру имѣлъ при самой часовнѣ. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ я узналъ, что какъ въ отправленіи мірскихъ требъ, такъ и въ важнѣйшихъ случаяхъ, какъ-то въ преподаваніи Таинъ Христовыхъ, находится тамъ великое заблужденіе. А именно: молебны, а по тамошнему названію каноны и всенощныя, отправляютъ не только простые люди изъ мушинъ, но даже и женщины и дѣвки, народъ исповѣдываетъ и приобщаетъ какой-то постриженный по старообрядческимъ правиламъ иннокъ, по имени и фамиліи мнѣ неизвѣстный, а святая тайна имѣютъ въ домахъ своихъ очень многіе жители, возятъ оныя съ собою и ими при смертныхъ случаяхъ умирающихъ, какъ мужчины, такъ и женщины приобщаютъ. Для крещенія раждающихся младенцевъ св. муръ они не имѣютъ, а помазаніе дѣлаютъ простымъ деревяннымъ масломъ, которое и называютъ они „отеческимъ муромъ“. Дѣлаютъ же оное муро въ старообрядческихъ монастыряхъ во святой великій четвергъ и изъ того называемаго ими муръ присылаютъ въ старообрядческія слободы по малой части и примѣшавъ туда простого елея говорятъ, что тамъ-де есть „отеческая капля“. Въ отправленіи священнослуженія поступаютъ не такъ, какъ положено въ требникѣ, но дѣлаютъ прибавленія ими самими выдуманная, какъ-то, пришедши въ часовню, садятся веѣ и, посидѣвши, начинаютъ и въ мясоѣдъ класть поклоны, утверждая, что уставъ

ихъ такъ велить, а въ великій постъ умножаютъ таковыя поклоны больше, чѣмъ въ церковныхъ книгахъ положено. Дневному святому въ надлежащее время отправленія не дѣлають, а тогда оное отправляютъ, когда они сами пожелаютъ, въ высокаторжественные дни молебновъ никогда не служатъ, что самое и я, находясь между ними, выполнялъ. Видя-же таковыя восточно-православныя церкви противные обряды, началъ мыслить объ удаленіи себя съ женою и сыномъ изъ той слободы, опасаясь дабы души своей не подвергнуть вѣчному наказанію. Поэтому 29 іюля имущество свое я отправилъ тайно въ г. Чугуевъ съ племянникомъ своимъ Чугуевскимъ жителемъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ заболѣлъ мой сынъ, я отослалъ его въ Чугуевъ, а съ нимъ и жену подъ предлогомъ смотрѣнія за больнымъ. Когда же жители Бѣлой узнали, что я имущество и семейство отправилъ въ Чугуевъ, то почетнѣйшіе изъ нихъ, собравшись, начали меня уговаривать, дабы отъ нихъ не удалялся и отъ старообрядчества не отступалъ, угрожая будущимъ вѣчнымъ наказаніемъ и сказывая притомъ, что ежели меня лишатъ священства, то они меня будутъ держать, какъ настоящаго священника. Я увѣрилъ ихъ, что удалиться отъ нихъ не намѣренъ. Старообрядцы-же, не полагаясь на мое увѣреніе, учредили надо мною стражу, состоящую изъ двухъ человекъ, изъ которыхъ по очереди одинъ всегда при мнѣ находился. Въ среднихъ числахъ октября, замѣтивъ, что сторожъ, бывшій при мнѣ, крѣпко спитъ, а ночь была очень темная, я рѣшился уйти на прежнее свое мѣсто тайно. Почему, вышедши потихонько изъ дому, продолжалъ путь чрезъ всю ту ночь. Когда же наступило утро, то зная, что меня будутъ искать и опасаясь, дабы, сыскавши, не лишили меня жизни, весь день проводилъ въ лѣсу въ потаенномъ мѣстѣ, а при наступленіи ночи опять шелъ и позавчера 21 числа октября пришелъ въ Чугуевъ, нынѣ-же явился я въ сію консисторію просить прощенія въ семъ моемъ поступкѣ. Консисторія, съ утвержденія преосвященнаго Христофора, опредѣлила: „запрещеннаго въ священнослуженіи свящ. Прозоровскаго, яко не достойнаго уже іерейскаго сана, лишитъ священства вовсе и отправить въ Харьковское губернское правленіе для закон-

наго о немъ разсмотрѣнія, о чемъ и донести св. синоду. „Хотя и слѣдовало-бы, отвѣчалъ св. синодъ (15 декабря 1810 г.), Прозоровскаго лишить священства вовсе и отослать въ гражданское правительство, но, принявъ въ уваженіе, что онъ лѣтами уже старъ и въ званіи священника находился 24 года и посему, не исключая его изъ духовнаго сословія, оставить навсегда въ числѣ причетниковъ, запретивъ ему по смерти священнослуженіе и ношеніе священническаго одѣянія“. Прозоровскій нѣсколько лѣтъ служилъ причетникомъ при Михайловской церкви сл. Тарановки, а послѣдніе годы жизни жилъ въ Чугуевѣ и все время велъ себя до смерти вполне безукоризненно ¹⁾).

Способы содержанія духовенства были почти тѣ же, какіе и теперь: это земледѣліе и добротныя даванія прихожанъ за требоисправленія и т. п. Еще въ 1775 г. правительство распорядилось объ отводѣ церковной земли, но это распоряженіе медленно приводилось въ исполненіе, что главнымъ образомъ зависѣло отъ недостатка и отъ злоупотребленій землемѣровъ. Духовенство жаловалось Христофору, что при извѣстной церкви вовсе не отведена земля, или отведена, но плоха, или находится въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, что нѣтъ возможности пользоваться ею. И Христофору приходилось входить по этимъ жалобамъ въ длинную и непріятную переписку съ гражданскими властями. Матеріальную пользу духовенство получало отъ земли далеко не въ той мѣрѣ, въ какой оно могло-бы извлечь при другихъ лучшихъ условіяхъ. Для развитія земледѣльческаго труда нужны деньги, а копѣчный доходъ, какой получало духовенство за требы, былъ плохимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Эта денежная скудость была причиной, что многіе изъ духовенства сами пахали землю, и, за неимѣніемъ средствъ къ найму работниковъ, оставляли сыновей жить при себѣ и такимъ образомъ лишали ихъ возможности получать образованіе.

Гражданское правительство въ 1798 г. церковныя земли отдало въ пользованіе прихожанъ и обязало ихъ, по взаимному договору съ духовенствомъ, ежегодно давать ему такую порцію хлѣба, сѣна, соломы и т. п., какую приходится при

¹⁾ Арх. дух. конс. 1811 г. № 79.

среднемъ урожаѣ съ 33-хъ десятинъ земли, или, взаменъ этого деньги по справочнымъ цѣнамъ. „Запретить, сказано въ высочайшемъ указѣ, Императора Павла, обрабатывать землю самимъ священникамъ, *яко дѣло съ саномъ ихъ несовмѣстимое*“. Слободско-Украинское духовенство совершенно вѣрно поняло ту цѣль, ради которой правительство пришло къ этой мѣрѣ. Вотъ что по этому поводу писалъ Христофору Ахтырскій прот. Максимъ Яновскій—личность весьма уважаемая въ средѣ тогдашняго духовенства. „Какъ нынѣ по высочайшему установленію сельскіе священники и церковно-служители изъяты отъ нуждъ земледѣлія, то слѣдуетъ снабдить ихъ наилучшимъ наставленіемъ, а именно: а) велѣть упражняться въ чтеніи божественныхъ книгъ; б) отправлять Божественную литургію, кромѣ воскресныхъ, праздничныхъ и высокаторжественныхъ дней, въ каждой седмицѣ по четыре дня сряду, а въ прочіе два дня, въ разсужденіи человѣческихъ немощей, вечерню, утреню и часы по уставу церковному положенные; в) наконецъ назначать какъ можно чаще говорить проповѣди“¹⁾. Духовенство уже начало было входить съ прихожанами во взаимные договоры. Для образца приводимъ договоръ прихожанъ сл. Рубцовой съ своимъ причтомъ. „Мы прихожане церкви св. Іоанна Милостиваго обще съ священно-церковно-служителями договоръ учинили и письменное положеніе сдѣлали въ томъ, что церковный удѣлъ земли пашенной и сѣнокосной 33 дес. обязуемся ежегодно собственными трудами обрабатывать, а имъ натурою, начиная съ сего 1800 г. въ показанный указомъ срокъ, собирать и доставлять разнаго и чистаго хлѣба, какъ-то ржи 12 четвертей, пшеницы 8, ячменя 8, овса 7, проса 5, всего 40 четв., сѣна 100 копенъ“²⁾. Большинство изъ дворянъ вполнѣ поняли значеніе этой мѣры правительства и постарались ввести ее въ своихъ имѣніяхъ. Такъ, причтъ въ сл. Должикѣ до самой эмансипаціи ежегодно получалъ 222 руб. 57 к. взаменъ церковной земли, которою владѣла экономія помѣщика кн. Голицина. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи опытъ устройства матеріальнаго быта причта, какой учредилъ въ своемъ с. Кручикѣ (Бо-

¹⁾ Арх. Х. Дух. Конс. 1800 г. № 20.

²⁾ Конс. дѣло. 1801 г. № 14.

годуховскаго у.) помѣщикъ, извѣстный В. Н. Каразинъ. Въ его опытѣ мы видимъ *радикальное измѣненіе системы кормленія отъ должности*. Такъ Каразинъ, въ силу взаимнаго договора, обязался, при даровой квартирѣ съ отопленіемъ и прислугой, ежегодно по третямъ платить причту извѣстную сумму денегъ, увеличивая ее по мѣрѣ возвышенія цѣнъ на жизненныя потребности. Причтъ съ своей стороны обязался не брать съ прихожанъ платы за требы и не заниматься хлѣбопашествомъ. Церковная земля должна принадлежать Каразину на правахъ аренды. Представляя этотъ договоръ св. синоду на его утвержденіе, Каразинъ выразилъ при этомъ свое глубокое убѣжденіе, что паханіе земли и служеніе спасенію душъ—двѣ обязанности несомѣстимыя въ лицѣ священника. Каразинъ такъ рассуждалъ: люди, облеченные высокимъ саномъ служителей алтаря несутъ на себѣ должность многотрудную и обширную: они должны крестить младенцевъ, учить дѣтей Закону Божию, посѣщать больныхъ, напутствовать умирающихъ, всегда и во всякое время дня и ночи быть готовы къ исполненію этой высокой должности, и, чтобы были въ состояніи добросовѣстно исполнить ее, общество обязано отстранить отъ нихъ попеченіе о добываніи себѣ насущнаго хлѣба. Если же общество вынуждаетъ духовенство пахать землю, брать деньги при исполненіи священныя обязанности, оно унижаетъ его. Доставить средства духовенству къ безбѣдной его жизни, значитъ доставить ему независимость, а это чрезвычайно важно. Преосвященный Христофоръ съ своей стороны въ своемъ донесеніи св. синоду высказалъ о земледѣльческихъ занятіяхъ священника слѣдующее мнѣніе: „въ предположеніяхъ г. Каразина, пишетъ онъ, я вижу примѣрную пользу и выгоду священно-церковно-служителей преимущественнѣйшую, нежели паханіе подцерковной земли, тѣмъ наипаче, что и самое время употребляемое обыкновенно на земледѣліе остается имъ священно-церковно-служителямъ на упражненія для нихъ приличнѣйшія и свойственнѣйшія“¹⁾. Матеріальное содержаніе, опредѣленное Каразинымъ причту и утвержденное Синодомъ²⁾ вполне удовлетворяло его и онъ былъ

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Кон. 1806 г. № 57.

²⁾ Указъ Св. Синода отъ 23 Марта 1806. № 1265.

имъ вполне доволенъ. Будучи свободенъ отъ занятій по хлѣбопашеству священникъ с. Кручикъ обучалъ дѣтей въ школѣ, трудился въ проповѣданіи слова Божія, заседалъ въ извѣстной Каразинской сельской думѣ въ качествѣ миротворца крестьянъ и т. п. Отношенія прихожанъ къ причту и сего послѣдняго къ прихожанамъ сами собой измѣнились къ лучшему; они сдѣлались болѣе близкими, живыми и добрыми. Съ своей стороны помѣщикъ Каразинъ, оставаясь болѣе, чѣмъ вѣрнымъ исполнителемъ условій договора, и цѣня труды своего причта, почти ежегодно увеличивалъ первоначально назначенное ему жалованье, такъ-что въ теченіе короткаго времени оно утроилось и причтъ сильно скорбѣлъ, когда имѣніе Каразина въ 1824 г. перешло въ руки другого помѣщика и выдача жалованья прекратилась ¹⁾. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ помѣщиковъ взглянули на эту мѣру правительства; какъ на новую повинность, отъ которой постарались скорѣе избавиться себя и крестьянъ. Обработку церковной земли они предоставили на волю крестьянъ: крестьяне могли взять эту обязанность, могли и отказаться. Они конечно избрали послѣднее. Нашлись такіе изъ помѣщиковъ, которые съумѣли за это время церковный надѣлъ замѣнить другимъ участкомъ земли, дѣйствуя въ этомъ случаѣ косвенными путями, прикрываясь разными юридическими основаніями, или-же прямо безъ обиняковъ отняли церковныя земли и присоединили къ своимъ владѣніямъ. Такъ, причтъ Каплуновской церкви въ своей жалобѣ къ Христофору писалъ, что помѣщица Перекрестова, землю, которую отвелъ причту отецъ ея Іеремія Перекрестовъ, въ количествѣ 33 дес. самовольно оставила въ владѣніи ея крестьянъ, а причту отвела въ разныхъ мѣстахъ неудобныхъ для хлѣбопашества. Встрѣчаются и такого рода жалобы: „при нашей церкви, хотя имѣется подцерковная земля, но оною владѣетъ помѣщикъ, а мы низайшіе не имѣемъ даже дневнаго пропитанія“. И въ средѣ свободныхъ Черкасскихъ крестьянъ явилось не мало недоразумѣній и столкновеній съ причтомъ. „Мои прихожане, жалуется Христофору священникъ с. Русскихъ Тишковъ Емельянъ Толмачевъ, принадлежащую намъ землю на сей 1801 г. рас-

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1824 г. № 22.

пахали сами и бывшій на ней хлѣбъ, снявши, забрали себѣ, а миѣ и причетнику ни хлѣба, ни деньгами, какъ слѣдуетъ по условію, не дали, и, хотя я и требовалъ отъ нихъ, чтобы дали хлѣбомъ или деньгами, однако въ томъ они отказали, сказывая—„дадимъ, когда будетъ повелѣно“. Чрезъ что я и причетникъ съ своими семействами терпимъ не малое изнуреніе. Посему просимъ учинить по оному своемъ благоразсмотрѣнію¹⁾. Такихъ жалобъ было достаточно. По этому не прошло и четырехъ лѣтъ со времени изданія указа, какъ новымъ указомъ правительства повелѣно возвратитъ церквамъ землю и обработку ея возложить по прежнему на причтъ. Въ Высочайшемъ указѣ сказано было, что духовенство имѣетъ обязанность примѣромъ своимъ привлекать народъ ко всѣмъ хозяйственнымъ упражненіямъ, а между ими земледѣліе есть благороднѣйшее, поэтому Государь надѣется, что духовенство неуклонно пребудетъ въ семъ упражненіи, *только санъ его украшающемъ*²⁾.

Другое средство къ содержанію духовенства—это плата за совершеніе требъ въ приходѣ. Мѣра платы за труды духовенства въ различныхъ приходахъ была различная. Она зависѣла исключительно отъ добровольнаго усердія прихожанъ къ священнику, отъ участія ихъ къ семейнымъ его нуждамъ, отъ матеріальнаго достатка самихъ прихожанъ и наконецъ отъ взаимнаго условія между священникомъ и прихожанами. Въ 1801 г., когда обработка церковныхъ земель предоставлена была по прежнему самимъ священникамъ, изданъ былъ для сельскаго духовенства указъ, который за исправленіе требъ, назначалъ точно

1) Конс. дѣло 1801 г. № 19.

2) Газета „Новое Время“ въ 1893 г. выступила съ неудачнымъ проэктомъ капитализировать церковную землю и проценты съ капитала обращать въ пользу причта. Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ, что отъ продажи церковнаго надела, заключающагося нормально въ 33 дес. на причтъ, можно было бы составить капиталъ, 0/0 съ котораго обезпечивали-бы все православное духовенство. Въ лучшихъ черноземныхъ губерніяхъ продажа такой земли можетъ дать до 10 т. р. на причтъ, или до 450 р. годовыхъ 0/0, которые никакимъ образомъ не могутъ обезпечить двухъ-трехъ членовъ причта. Но въ губерніяхъ сѣверныхъ и вообще нечерноземныхъ результатъ получится еще меньшій. Тамъ за проданную землю можно выручить только отъ 2-хъ до 3-хъ т. руб. на причтъ. Какое-же обезпеченіе можетъ дать причту такой капиталъ? (Церковный Вѣстникъ 1893 г. № 2, стр. 20).

опредѣленно вознагражденіе. Такъ, за молитву родильницѣ 4 копейки, за крещеніе младенца 6 коп., за свадьбу 20 коп., за погребеніе взрослыхъ 20 коп., за погребеніе младенца 6 коп. Какъ ни велика тогда была цѣнность денегъ, но все-же это положеніе о взиманіи платы за требы предоставляло плохое обезпеченіе духовенству. Изъ вѣдомости за 1808 г. мы видимъ, что изъ 26,417 церквей во всей Россіи только 185 было такихъ, гдѣ доходъ причта простирался до 1,000 руб. въ годъ, большинство-же причтовъ имѣло 50—150 руб., а нѣкоторые даже отъ 10 до 5 руб. въ годъ. Въ 1806 г. консисторія представила синоду окружныя вѣдомости, въ которыхъ, между прочимъ, былъ показанъ средній годичный доходъ духовенства. Беремъ для образца вѣдомость Купянскаго округа, состоявшаго изъ 75 церквей. Изъ нея мы видимъ, что причты сельскихъ церквей числомъ около 20 получали годоваго дохода отъ 150 р. до 80 р. асс., причты церквей числомъ болѣе 50-ти получали отъ 80 р. до 10-ти. Причтъ соборной церкви г. Купянска показалъ, что доходъ его ежегодно колебался между 200 и 250 р. Самое большое количество дохода показалъ причтъ сл. Шиповатой Варваринской церкви, а именно 300 руб. и самое меньшее причтъ с. Синихи Іоанно-Богословской церкви, а именно 5 руб. Дѣлежъ братскихъ доходовъ и дѣлежъ земли не былъ строго опредѣленъ и въ большинствѣ случаевъ производился по взаимному любовному договору, каковъй однако нерѣдко нарушался и возбуждалъ взаимныя несогласія, пререканія и жалобы начальству. „По вступленіи моемъ къ Харьковской Воскресенской церкви, жалуется Христофору ¹⁾ свящ. Димитріевъ, состоявшій на діаконской вакансіи, я съ товарищемъ моимъ свящ. Григ. Малиновскимъ о доходахъ положили слѣдующее: сорокоустное, исповѣдное, свадебное и покровцы пополамъ, а за молебны, крестины, похороны и панихиды на чьей седмицѣ сколько доходовъ будетъ брать—тому, чья седмица, а другому въ то не мѣшаться и требъ на чужой седмицѣ не отпирать. Свящ. Малиновскій надлежащаго мнѣ дохода не даетъ и утаиваетъ, а именно въ фев. сего года за одно вѣнчанье, взявши 5 руб. изъ оногo мнѣ ничего не удѣлилъ, у одного присяжнаго

¹⁾ Архивъ Х. Д. Конс. 1800 г. № 68.

крестилъ дочь на моей седмицѣ за что получилъ 1 р. и мнѣ ничего не удѣлилъ, напался на одного прихожанина, что онъ у меня на моей седмицѣ вѣнчался, приговаривая: „я де коренный здѣсь священникъ, а онъ сегодня есть, а завтра нѣтъ“, и для того прошу поступить съ нимъ по законамъ“. Христофоръ предписалъ по всѣмъ церквамъ имѣть братскую кружку и братскій доходъ дѣлить между членами причта по составленному расчисленію, обязательному для всего духовенства ¹⁾).

Относительно правъ на пользованіе землею въ нѣкоторыхъ приходяхъ само духовенство допускало беспорядки и крайній произволь. Такъ, при Харьк. Успенскомъ соборѣ церковная сѣнокосная земля 65 десятинъ вовсе не была раздѣлена, а каждый членъ причта по личному усмотрѣнію настоятеля собора получалъ осенью извѣстное количество сѣна. Вслѣдствіе жалобы протоіерея Руфинова-Курдюмова на такой способъ пользованія землею, Преосв. Христофоръ велѣлъ раздѣлить землю такимъ образомъ: настоятелю 12 десятинъ, двумъ священникамъ—по 9-ти десятинъ, діаконамъ—по 7 дес., двумъ дьячкамъ—по 5¹/₂ дес., двумъ пономарямъ—по 5 десятинъ ²⁾).

При нашемъ Сумскомъ Преображенскомъ соборѣ, пишутъ въ своей жалобѣ Христофору діаконъ и причетники сей церкви, есть пожалованная еще въ 1692 г. царями Петромъ и Іоанномъ писцовая земля 761 дес. 1024 кв. саж., и по бывшей въ прежнее время вольности людьми населенная, каковою землею

¹⁾ Братскіе деньги дѣлились такимъ образомъ: а) гдѣ четырехчленный составъ причта, тамъ изъ рубля получаютъ священнику 50 коп., діакону 25 коп., дьячку 15, пономарю 10 коп.; б) гдѣ священниковъ два, діаконъ одинъ, а причетниковъ четыре, тамъ священникамъ по 25 коп., діакону 14, дьячкамъ по 11, пономарямъ по 7 коп.; в) двумъ священникамъ и двумъ причетникамъ—первымъ по 35 коп., дьячку 20 коп., пономарю 10 коп.; г) при соборахъ протопопу 20, священникамъ двумъ по 15 коп., діаконамъ двумъ по 10 коп. (а гдѣ одинъ діаконъ, то его часть дѣлилась между протоіереемъ и двумя священниками), дьячкамъ по 8¹/₂ коп., а пономарямъ по 6¹/₂; д) гдѣ протоіерей, священникъ и діаконъ одинъ, причетниковъ четыре, то протоіерею 30 коп., священнику 25 к., діакону 12 коп., дьячкамъ по 10 коп., пономарямъ по 6¹/₂ коп.; е) гдѣ-же при церкви одинъ священникъ и два причетника, то священнику изъ рубля 60 коп., дьячку 25 коп., а пономарю 15 коп.; ж) доходы, бываемые въ церкви и въ домахъ за исправленіе требъ даваемые по рукамъ, не дѣлить, а быть каждому довольнымъ тѣмъ, кому что дано.

²⁾ Дѣло Х. Д. Конс. 1807 г. дек. 18.

и людьми съ давнихъ временъ доннѣ пользуются одинъ только протоіерей съ двумя священниками, не удѣляя намъ ниже малѣйшей части хлѣба къ продовольствію необходимо нужнаго, почему просимъ повелѣть кому слѣдуетъ выдѣлить изъ земли каждому принадлежащую по закону часть“. Настоятель собора протоіерей Конст. Славинскій объяснилъ, что за бытность его отца и дѣда и прежнихъ при сей церкви протопоповъ и священниковъ никогда никакого выдѣлу изъ сей земли для діакона и церковнослужителей не было, что всегда этою землею пользовались одни священники, а сколько именно всей земли онъ и самъ не знаетъ, такъ какъ эта земля никогда не была десятинами вымѣряема, но грамоты Высочайшія на сію землю имѣются и онѣ хранятся у него въ домѣ. Подданныхъ малороссійскихъ крестьянъ, живущихъ на подцерковной сей землѣ въ д. Поповкѣ, по послѣдней ревизіи записанныхъ, считается: а) за находящимся въ живыхъ зашт. прот. Іоанномъ Славинскомъ 66 д. об. п., б) священ. Герасимомъ Славинскомъ 31 д. и в) священ. Іоанномъ Полтавскимъ 15 д. Крестьяне сіи сами пользуются землею и за это обрабатываютъ намъ землю¹⁾. Относительно выдѣла діакону и причетникамъ земли съ тѣмъ, чтобы они сами обрабатывали ее, Славинскій высказалъ такое мнѣніе: „допустить ихъ владѣть частію земли и чтобы они сами обрабатывали ее, по ихъ должности, а паче по неопытности, есть крайне неудобство, могущее послужить имъ къ однимъ только хлопотамъ и *нѣкоторому непозволительному о себѣ умствованію*“. „Учинить, пишетъ Христофоръ, распоряженіе, чтобы подцерковною землею могли всегда пользоваться не одни священники, но діаконъ и причетники каждый безобидною частію“²⁾. Дѣлежъ земли однако мирно не кончился, онъ долго еще возбуждалъ жалобы со стороны низшихъ членовъ причта.

Еще источникъ содержанія духовенства—это вознагражденія за славенья въ рождественскіе и пасхальные праздники.

¹⁾ Въ 1821 г. сенатъ этихъ крестьянъ отдалъ въ казенное вѣдомство, а впоследствии перевелъ въ Екатеринославскую губ. Истор.-статист. опис. х. епар. Отд. III, стр. 293.

²⁾ Архивъ Х. Д. Конс. 1800 г. 30 мая, № 78.

Обычай славленья возникъ у христіанъ въ то время, когда, при ограниченномъ числѣ прихожанъ, священники, въ эти праздники, могли свободно и безкорыстно посѣщать ихъ и особенно тѣхъ изъ нихъ, кто нуждался въ религіозномъ утѣшеніи или наставленіи. Но такое исключительно церковно-воспитательное значеніе этотъ обычай давно уже потерялъ. За время Христофора была попытка замѣнить славленья постояннымъ жалованьемъ на счетъ прихожанъ. Тутъ уже само общество выступило было на помощь духовенству и именно жители г. Архангельска. Замѣчательнъ мотивъ, которымъ они руководились. „Архангельская дума, читаемъ мы въ постановленіи ея, входя, по предложенію городского головы Павлова, въ состояніе городскихъ священно-церковно-служителей, и, усмотрѣвъ, что оныя, по малоимѣнію своихъ доходовъ, принуждены бываютъ о св. Пасхѣ и Рождествѣ Христовѣ ходить съ крестомъ по домамъ прихожанъ, что отнимаетъ къ нимъ должное уваженіе, ибо во многіе дома иногда святыни съ подобающимъ благоговѣніемъ не приемятъ и священниковъ съ должною честью подъ разными предлогами не пускаютъ, въ отвращеніе чего постановила: вмѣсто собираемаго священниками дохода, при хожденіи съ крестомъ, назначить имъ отъ прихожанъ годовое жалованье, коего, соображаясь съ количествомъ при каждой церкви причта, достаточно имъ будетъ: Соборнымъ 500 р., Рождественскимъ, Благовѣщенскимъ, Троицкимъ и Воскресенскимъ по 150 руб. и Архангело-Михайловскимъ 100 руб. Таковую раскладку расположить уравнительно на городскихъ обывателей, производя сборъ сихъ денегъ вмѣстѣ съ собираемою на содержаніе градской полиціи суммою“. Епископъ Архангельскій, преосвященный Евлампій это положеніе нашелъ полезнымъ и съ желаніемъ духовенства согласнымъ, почему просилъ св. Синодъ утвердить оное. Св. Синодъ, одобrivъ, утвердилъ это положеніе, и получивъ Высочайше соизволеніе, рекомендовалъ чрезъ архіереевъ всѣмъ священникамъ сколько возможно стараться о возбужденіи въ прихожанахъ похвального рвенія къ назначенію, вмѣсто хожденія въ домахъ для славленья, опредѣленнаго вознагражденія“¹⁾. Было-ли какое либо

¹⁾ Указъ св. Синода отъ 27 сент. 1805 г. № 2719.

воздѣйствіе со стороны Христофора на харьковскихъ священниковъ и ихъ прихожанъ и какъ приняли тѣ и другіе—положеніе Архангельской думы—данныхъ на это мы не имѣемъ. Какъ нынѣ, такъ и тогда предъ праздниками Рождества Христова и Пасхи священники посѣщали дома прихожанъ и давали молитву, за которую получали пожертвованія, состояція въ разныхъ продуктахъ. Касательно этого рода пожертвованій мы не встрѣчаемъ никакихъ постановленій со стороны гражданскаго и епархіальнаго начальства, вѣроятно они существовали по древнему обычаю, какъ остатокъ древнихъ русскихъ десятинъ ¹⁾).

Въ 1807 г., по волѣ правительства, составился особый комитетъ изъ лицъ высокопоставленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ. Этотъ комитетъ, разсмотрѣвъ существующіе средства и способы содержанія духовенства, и нашедши ихъ крайне не удовлетворительными, проектировалъ выдавать причтамъ денежное содержаніе, въ видѣ годового жалованья, по классамъ, въ размѣрѣ не менѣе 1000 р. для перваго, 700 р.—второго, 500 р., третьяго и 400 р.—четвертаго класса. По составленной сметѣ на жалованье духовенству требовалось свыше 7 милліоновъ въ годъ. Для образованія такой суммы комитетъ предполагалъ воспользоваться: а) хранившимися при церквахъ экономическими суммами; б) свѣчнымъ ежегоднымъ доходомъ церквей и в) ассигновкой изъ государственнаго казначейства. Въ 1808 г. этотъ проэктъ былъ Высочайше утвержденъ. Но лишь только пришлось примѣнять проэктъ къ дѣлу, какъ оказалось столько препятствій, что ему вовсе не суждено было осуществиться и весь блестящій проэктъ комитета не принесъ никакой пользы матеріальному благосостоянію приходскаго духовенства ²⁾).

¹⁾ Съ своей стороны жены священниковъ ежегодно совершали путешествія по приходу, угощали прихожанокъ своимъ добромъ, и потомъ получали отъ нихъ всякую всячину изъ домашняго ихъ хозяйства, преимущественно пеньку и ленъ, отчего самый ходъ подобнаго сбора назывался „линованіемъ“.

²⁾ Авторъ статьи (Нов. Врем. 1893 г. № 6068) объ обезпеченіи быта рус. духовенства останавливается на такъ называемыхъ добровольныхъ даваніяхъ за требы и сборахъ съ прихожанъ натурой. Послѣ разсужденія на эту тему между прочимъ спрашиваетъ: почему приходская община не можетъ назначить извѣстное содержаніе своему причту такъ-же, какъ другимъ должностнымъ людямъ той-же общины (волостной старшина, писарь, фельдшеръ, учитель, сельской ста-

ствіе выхода замужъ и вступленія въ бракъ не по взаимному влеченію другъ къ другу, а по расчету и какъ-бы невольно.

— Участь престарѣлыхъ заштатныхъ священниковъ была также весьма печальна. Иной старецъ прослужилъ 35, 40, 50 лѣтъ, лишенный здоровья, силъ, даже иногда увѣчный и потерявшій зрѣніе, не смѣлъ и думать о пенсіи за свою службу и долженъ нерѣдко влачить остатокъ дней своихъ въ жалкой нищетѣ. Положимъ, онъ на пропитаніи сына или дочери, но если этотъ сынъ бѣдный, семейный причетникъ, если дочь его—вдова, также семейная, тогда онъ долженъ быть для нихъ однимъ бременемъ; а эти случаи нерѣдки. А если нѣтъ ни сына, ни дочери?—бываютъ и такіе случаи. И въ такомъ безвыходномъ положеніи находили себя нерѣдко лица, которые своими трудами принесли церкви немалую пользу: они оканчивали свою жизнь безъ всякой надежды на то, что въ старости, когда оскудѣютъ ихъ силы, они не будутъ забыты правительствомъ. Указываемъ на слѣдующій примѣръ. Настоятель Изюмскаго собора прот. Иосафъ Погорлевскій въ 1803 г. подалъ въ духовную консисторію слѣдующее прошеніе: „Такъ какъ отъ роду исполнилось мнѣ жизни 63 года, то отъ времени до времени прихожу въ старость и слабость здоровья моего. У себя же, кромѣ жилого двора, никакого недвижимаго имѣнія не имѣю, да и въ движимости, получая съ одного только прихода подлежащіе доходы, отъ того одного имѣю съ семействомъ моимъ пропитаніе и содержаніе недостаточное“. Затѣмъ перечисливъ труды, при исполненіи имъ различныхъ должностей, Погорлевскій продолжаетъ: „вслѣдствіе сего приѣмлю намѣреніе просить Его Императорское Величество о милостивомъ награжденіи меня за 35-лѣтнюю безпорочную службу по жизнь мою пенсіею“. Консисторія, представляя это прошеніе Христофору, выразила, что она находитъ вполне справедливымъ дозволить Погорлевскому ходатайствовать о пенсіи и при этомъ аттестовала его съ самой лучшей стороны. „Отдавая справедливость мнѣнію консисторіи, пишетъ на этомъ докладѣ Христофоръ, объ отличной службѣ прот. Погорлевскаго, коего честная жизнь, достоинство ученія и похвальная служба самому мнѣ довольно извѣстны, такъ какъ при обзорѣ мною въ прошедшемъ 1802 г. церковей, ввѣренныхъ вѣдомству По-

горлевскаго, усмотрѣлъ я наилучшую исправность и благочиніе, а въ духовномъ правленіи порядокъ, опредѣляю: привести сіе мнѣніе въ исполненіе“¹⁾). Тогда-же въ 1803 г. прошеніе было послано, куда слѣдуетъ, потомъ по поводу его послѣдовала переписка, которая въ теченіе 10 лѣтъ не разъ возникала и закончилась смертію самаго просителя.

Отношенія причта къ прихожанамъ въ общемъ были довольно близкія, прямыя, мирныя. Священникъ за нѣкоторыми исключеніями, пользовался довѣріемъ прихожанъ, которое онъ приобрѣталъ ревностнымъ отправленіемъ службы, аккуратнымъ исправленіемъ требъ въ домахъ прихожанъ, благоговѣйнымъ отношеніемъ къ ихъ приходскому храму и заботою о хорошемъ его содержаніи. Тогдашній священникъ-земледѣлецъ наиболѣе былъ близокъ сердцу своихъ прихожанъ. Бесѣда съ такимъ священникомъ для крестьянъ являлась особенно живой. Дѣлясь съ пастыремъ-земледѣльцемъ своими мыслями о сельскихъ хозяйственныхъ занятіяхъ, прихожанинъ, къ своему утѣшенію и удовольствію, видѣлъ, что высказываемыя имъ сужденія батюшка слушаетъ съ живымъ интересомъ. Съ другой стороны, если священникъ, свѣдуцій въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, сообщалъ крестьянину нѣкоторыя добытыя опытомъ полезныя свѣдѣнія касательно сельскихъ работъ, тогда между прихожанами и священникомъ устанавливалась самая тѣсная духовная связь. Но что всего важнѣе, такъ это то, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ священниковъ, особенно пожилыхъ, были избраны самими прихожанами. Избраніе самими прихожанами по сердцу пастыря—это была одна изъ главныхъ причинъ ихъ взаимнаго духовнаго единенія и одинъ изъ самыхъ прочныхъ залоговъ на сохраненіе между ними согласія. Желаніе, или нежеланіе прихожанъ имѣть у себя священникомъ и духовникомъ извѣстнаго человѣка—это обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія. Самый опасный врагъ для мирныхъ отношеній прихожанъ къ своимъ пастырямъ—это расчеты пастырей съ прихожанами по поводу вознагражденія за требы. Въ ту пору только что былъ опубликованъ между прихожанами указъ Синода съ росписаніемъ сколько за какую потребу прихожане обязаны давать священнику. Такса была въ высшей сте-

¹⁾ Арх. Х. Дух. Конс. 1803 г. № 45.

пени мала. Слѣдовательно поводовъ къ вымогательствамъ со стороны пастырей и поводовъ къ жалобамъ со стороны прихожанъ была масса. Прихожане, давая на избраніе священника свое согласіе, въ то-же время заключали съ нимъ письменный договоръ относительно средствъ, какія они будутъ давать ему къ его содержанію. Такимъ образомъ этотъ договоръ во время службы священника оберегалъ его отъ гнуснаго лихоимства и устранялъ всякій поводъ къ жалобамъ ¹⁾). Выборъ прихожанами для себя пастыря настолько скрѣплялъ связь между нимъ и народомъ, что самыя мѣста священническія дѣлались наследственными. Сынъ священника росъ вмѣстѣ съ дѣтьми крестьянъ, которые потомъ по праву прихожанъ принимали участіе въ дѣлѣ выбора. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ приходяхъ преемство священническое изъ одной и той-же фамиліи длилось непрерывно далеко болѣе столѣтій: при томъ же самомъ храмѣ были одинъ за другимъ священниками ²⁾ сынъ, внукъ и прав-

¹⁾ Жаловались, впрочемъ, прихожане на свои причты, но жаловались на причиняемыя убытки въ ихъ хозяйствахъ, личные обиды, обвиняли причтъ въ опущеніи ими своихъ обязанностей по нерадѣнію, или по нетрезвости и т. п. Христофоръ, какъ видно, не долюблялъ жалобъ прихожанъ на духовенство, и, написанныя безграмотно, или съ нарушеніемъ законныхъ формальностей, оставялъ безъ разсмотрѣнія. Приводимъ въ примѣръ резолюціи Христофора изъ дѣлъ за 1810 г. „Поелику, пишетъ онъ, прошеніе жителя г. Бѣлополя Карасева съ жалобой на свящ. Ильинской церкви Іоанна Чудновцова въ противность указа написано не на гербовой бумагѣ, которое также еще сомнительно и въ вѣроятности, потому что проситель въ началѣ своего прошенія описываетъ происшествіе случившееся между имъ и священникомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего 1810 г., а въ семь году въ теченіи только май мѣсяцъ, для того оно прошеніе, за силою указа и по таковымъ несообразностямъ, въ просьбѣ просителя написанныхъ во времени сего года, не принимая въ дѣйствіе, возвратитъ изъ Консисторіи ему Карасеву черезъ кого слѣдуетъ по надлежащему“. Вотъ другой примѣръ. Жители сл. Удъ въ 1810 г. подали жалобу на своего приходскаго священника, въ коей обвиняли его во многихъ преступныхъ дѣяніяхъ. Христофоръ пишетъ: „какъ просьба жителей сл. Удъ подана въ противность указа 1797 г. мая 4 дня состоявшагося, которымъ запрещено принимать прошенія многими подписанныя, то просьбу оставить безъ дѣйствія“.

²⁾ Встрѣчаются и теперь такіе примѣры, но рѣдко, какъ исключенія. Такъ состоящій въ настоящее время въ сл. Трехизбянскѣ (Староб. у.) при Покровской церкви прот. Михаилъ Павловъ правнукъ священствовавшего здѣсь съ 1772 г. Тимофея Павлова. Такимъ образомъ преемственное священство изъ дома Павловыхъ въ приходѣ сл. Трехизбянскѣ длится сто двадцать второй годъ. Въ будущемъ году прот. М. Павловъ празднуетъ 50-тилѣтіе своего священства. Харьк. Еп. Вѣд. 1867 г., стр. 444.

нукъ. Такіе священники у народа пользовались особымъ почетомъ. Бывали примѣры, когда причтъ извѣстнаго села, а нерѣдко и сосѣдняго ему, состоялъ изъ родственныхъ между собою лицъ. Такъ, въ Лебединскомъ у. въ Пожней были два родственные между собою священника Тимофей Ходской и Семень Ходской, дячекъ Стефанъ Ходской также свой родной; въ с. Людѣ Ахтырскаго у. были священники Іоаннъ Ходской и Прокофій Ходской и дячекъ Иванъ Ходской. Въ этомъ селѣ родственная фамилія Ходскихъ въ лицѣ священниковъ не прерывалася въ теченіе 80 лѣтъ (съ 1760—1840 г.). Въ Харьковскомъ у. въ сл. Большихъ Проходахъ при Богоявленской церкви въ 1800 г. состояли: свящ. Дмитрій Ильинскій, другой свящ. Іоаннъ Ильинскій, дяч. Григорій Ильинскій, пон. Иванъ Ильинскій. Здѣсь родъ Ильинскихъ продолжался болѣе столѣтія (1756—1859 г.). Въ сл. Русской Лозовой при Николаевской церкви состояли: діаконъ Андрей Ильинскій, дячекъ Лукьянъ Ильинскій, пон. Семень Ильинскій. Всѣ они были родные между собою ¹⁾.

Въ то время духовенство крѣпко держалось своихъ насиженныхъ мѣстъ. За малымъ исключеніемъ члены причта, поступившіе на извѣстный приходъ, весь свой вѣкъ, нерѣдко довольно долгій, жили на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Долгое пребываніе священника на одномъ мѣстѣ сближало и, такъ сказать, сродняло его съ прихожанами. Прихожане его самага и семью его считали своими людьми. Напротивъ, тѣ изъ священно-служителей, которые позволяли себѣ безъ особой уважительной причины проситься въ другой приходъ, были у прихожанъ далеко не въ почетѣ: они смотрѣли на нихъ, какъ на людей неуживчивыхъ, легкомысленныхъ и корыстныхъ. Сильно порицало ихъ и духовное начальство и нерѣдко подвергало ихъ за *недѣльную*

¹⁾ Очень много фамилій лицъ, священствовавшихъ въ 1800 году въ теченіи истекающаго столѣтія, совершенно затерялись и мы не встрѣчаемъ ихъ въ спискѣ фамилій теперешняго священства. Таковы напримѣръ: въ Харьковѣ: Руфиновъ-Курдюмовъ, Морскій, Рожанскій, Зимовскій и др. въ другихъ городахъ и селахъ: Албанскій, Басмановъ, Бѣлогорскій, Бѣлозеровъ, Войцеховскій, Гниловъ, Говоровъ, Гриневиць, Дружковскій, Дрогалевскій, Забродскій, Коцацкій, Латинъ, Лохвицкій, Мальцевъ, Орятскій, Огинскій, Прусскій, Родочинскій, Ситницкій, Сухаревъ, Свѣчниковъ, Строевскій, Садовскій, Сердюковъ, Чернобаевъ, Ходуновъ, Шафрскій и др.

просьбу наказанію. Вотъ, взглядъ преосв. Христофора на подобныя просьбы, выраженный въ одной изъ его резолюцій. „Понеже діаконъ Павелъ Чернецкій дерзнулъ просить переведенія изъ с. Старого въ г. Сумы къ Ильинской церкви, не размысливъ того: 1) что приходъ въ ономъ с. Старомъ состоитъ изъ довольно великаго количества дворовъ, отъ которыхъ безъ сомнѣнія можетъ онъ получать и доходы къ своему содержанию достаточные, также 2) что онъ, Чернецкій, будучи посвященъ во діакона въ 25 день апрѣля сего 1802 г., въ разсужденіи толь скорого съ одного мѣста на другое перемѣщенія, не только начальству подозрителенъ, но и самимъ прихожанамъ можетъ показаться человѣкомъ нравовъ вѣтренныхъ, а 3) хотя и полагаетъ онъ, діаконъ Чернецкій, причину сего перевода своего домъ его, состоящій въ г. Сумахъ, гдѣ былъ онъ дячкомъ, но поелику главный предметъ должности его домъ Божій, а собственный его домъ есть обстоятельство въ семъ случаѣ постороннее, то сего нерезоннаго предлога никакъ нельзя принять въ уваженіе, при томъ же 4) что онъ, по неучености своей и молодымъ лѣтамъ, весьма не заслуживаетъ быть діакonomъ при городской церкви. Почему, какъ таковая просьба его діакона Чернецкаго не основывается на правильныхъ и законныхъ причинахъ, но есть одно только дѣйствіе легкомысленнаго его разсудка, и, такъ сказать, есть единое побужденіе той неблагоразсудной его отважности, съ которою онъ, при всѣхъ извѣстныхъ недостаткахъ своихъ, не устыдился желать и безъ всякаго позволенія искать для себя невозможнаго, несоразмѣрнаго своимъ заслугамъ и требующаго достоинства большаго, нежели какое онъ, Чернецкій, въ себѣ имѣетъ, то и отказать ему, Чернецкому, отъ переведенія къ оной Сумской Ильинской церкви, а въ штрафъ за недѣльную его просьбу, которою онъ осмѣлился напрасно утруждать начальство, послать его при указѣ въ Старо-Харьковскій Преображенскій общежительный монастырь на двѣ недѣли для употребленія его тамъ въ священнослуженіи“¹⁾.

Члены причта, оставаясь почти всю свою жизнь на одномъ и томъ-же приходѣ, жили въ своихъ домахъ, при нихъ имѣли

¹⁾ Дѣло Х. Дух. Конс. 2 сент., 1802 г.

разныя хозяйственныя пристройки, тутъ-же были сады, пасѣки и т. п. Собственный домъ въ глазахъ тогдашняго сельскаго священника имѣлъ большую цѣну. Въ тѣхъ видахъ, чтобы духовенство не дѣлало затратъ на устройство для себя дома, св. синодъ въ 1800 г. предписалъ епархіальнымъ архіереямъ освящать вновь построенныя церкви лишь тогда, когда будутъ устроены дома для причта съ огородами и удобными усадьбами. Но духовенство довольно равнодушно отнеслось къ этому распоряженію синода и не принимало для сего никакой заботы. Оно крѣпко держалось за личное владѣніе причтовыми домами ¹⁾. И мы видимъ, что въ эту пору почти всѣ члены причта имѣли свои собственные дома. Такъ изъ причтовъ 75 церквей, подвѣдомыхъ Купянскому духовному правленію, только три имѣли для себя помѣщенія, устроенныя прихожанами, и четыре, устроенныя помѣщиками, прочіе причты жили въ собственныхъ домахъ. Въ то время рѣдкіе изъ духовенства наживали деньги, да и трудно было изъ грошовыхъ доходовъ составить какой-нибудь капиталъ, тѣмъ болѣе, что денежныя пріобрѣтенія имѣли всегда ближайшее употребленіе и назначеніе, напр. на воспитаніе дѣтей и т. п. Иное дѣло домъ, службы, усадьбы, садъ, огородъ и т. п.; это достояніе священникъ пріобрѣталъ постепенно, исподоволь. Въ случаѣ истребленія дома пожаромъ, владѣлецъ онаго, особенно причетникъ, обрекался на скитальчество по чужимъ домамъ. Для постройки новаго дома правительство никакого пособія не выдавало, по неимѣнію для этого спеціальныхъ средствъ, на свои же трудовыя копѣйки пріобрѣсти новый домъ для причта, особенно для дьячковъ и пономарей, считалось очень труднымъ дѣломъ. Въ подобныхъ случаяхъ они прибѣгали къ единственному средству—испрашиванію по епархіи милостыннаго подаянія. Приводимъ слѣдующій примѣръ.

¹⁾ Въ это время, именно въ 1840 г., гражданское правительство собственные дома духовенства, въ которыхъ оно жило, освободило отъ сборовъ поземельнаго, на содержаніе полиціи, и полицейскихъ повинностей и отъ воинскаго постоя. Въ этомъ-же году всѣмъ лицамъ духовнаго званія въ первый разъ была разрѣшена покупка земель, но отнюдь не заселенныхъ; заселенными же землями и крестьянами дозволялось владѣть лишь духовнымъ лицамъ, имѣвшимъ право дворянства по происхожденію, или по орденамъ. (Полное собраніе законовъ, 27,886).

„Бывшій 19 мая сего 1811 г. сильный пожаръ, пишетъ Христофору дьячекъ сл. Цареборисовой, Ѳеодоръ Ковалевскій, истребилъ до основанія 23 дома, въ числѣ которыхъ и я лишень дома и всей собственности и принужденнымъ себя нахожу просить пособія у людей благодѣтельныхъ, дабы симъ средствомъ доставить себѣ и семейству моему, хотя какойнибудь приютъ. Имѣя намѣреніе отлучиться на полгода во всѣ мѣста здѣшней епархіи для испрошенія милостыннаго подаянія, я опасаясь, чтобы маловѣрные люди не почли моего несчастія за ложный вымысль, а посему прошу консисторію выдать мнѣ объ ономъ моемъ несчастіи свидѣтельство“¹⁾. Просьба была удовлетворена. Тогдашнее духовенство на собственный домъ смотрѣло, какъ на крѣпкую опору для наследственной передачи вмѣстѣ съ домомъ и самаго церковнаго мѣста своему сыну, или зятю, или родственнику, вновь поступившему съ правомъ пользоваться отъ него какимъ либо содержаніемъ и даже помѣщеніемъ. Да если поступалъ и чужой священникъ, по большей части охотно вступалъ въ сдѣлки съ сиротами своего предмѣстника, и дѣло улаживалось безобидно для обѣихъ сторонъ. Священники, имѣя собственный домъ, обзаводились при немъ садикомъ, если не было его раньше, и поддерживали старый, насажденный ихъ предшественниками. Нѣкоторые священники насаждали сады вокругъ храмовъ, гдѣ позволяло свободное пространство земли и на своихъ церковныхъ поляхъ. Садоводство въ тогдашнемъ духовенствѣ пользовалось высокимъ уваженіемъ. Въ немъ оно видѣло богатый источникъ наслажденій, одно изъ благороднѣйшихъ развлеченій, наиболѣе могущихъ освѣжать духовныя силы челоуѣка. Вотъ что читаемъ мы въ біографіи о. Василія Снѣсарева: „во всю свою долгую жизнь о. Василій свободныя свои минуты занималъ только тѣмъ, что обрабатывалъ свой садикъ; въ немъ трудился онъ болѣе 40 лѣтъ—трудился мало вознаграждаемый за труды; этотъ неблагодарный садъ, украшаемый его терпѣніемъ, нерѣдко преподавалъ прихожанамъ умныя уроки. Разъ послѣ жестокой зимы, всѣ лучшія деревья погибли въ Валковскихъ садахъ до того, что изъ нихъ поставлены были сажни дровъ; садъ о. Василія пострадалъ болѣе

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Ков. 1811 г. № 203.

другихъ; онъ своеручно посѣкъ погибшее и, напѣвая духовныя пѣсни, насаживалъ вновь. Сосѣдъ засталъ его въ этомъ горькомъ для садовода трудѣ и выразилъ предъ нимъ ропотъ на гибель своего сада. Ахъ, какая жалкая неблагодарность къ Дародателю, сказалъ о. Василій; мы осмѣливаемся роптать тогда, когда слѣдуетъ благодарить! Вотъ мнѣ Господь отвелъ этотъ малый участокъ, и если-бы все, что я посадилъ въ первый годъ моего хозяйства росло, то чтобы я дѣлалъ въ остальные годы? Онъ, милосердый, то примораживая, то иссушая,—даетъ мнѣ отраднo трудиться, и я не знаю ни скуки, ни праздности,—этихъ страшныхъ волцевъ грѣхомъ рожденных.— Слава Ему¹⁾. Но не только съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ, а и въ чисто практическомъ отношеніи садоводство заслуживало вниманія со стороны пастырей. Садъ представлялъ священнику возможность пользоваться фруктами и всевозможными ягодами, не только въ ихъ натуральномъ видѣ, но и готовить изъ нихъ полезные для здоровья напитки, замѣнявшіе вино, которое по своей дороговизнѣ было почти недоступно для сельскаго священника²⁾. Сады при домахъ священниковъ, служили образцами для подражанія простымъ поселянамъ. Послѣдніе, руководимые своимъ „батюшкой“, заводили и у себя небольшіе сады, столь желательные по многимъ отношеніямъ въ нашихъ селахъ. Наконецъ садъ представлялъ священнику самое удобное мѣсто для пасѣки. Въ доброе старое время въ Малороссіи имѣли пасѣки не только духовенство, но и церкви. Церковное пчеловодство и медовареніе къ храмовымъ праздникамъ было однимъ изъ средствъ для содержанія церкви малороссійскаго края. Размѣры тогдашняго малороссійскаго церковнаго пчеловоднаго хозяйства были довольно широкіе. Пасѣки эти были образцовыя и каждая изъ нихъ свидѣтельствовала о примѣрномъ усердіи и глубокихъ

1) Историко-Статистич. опис. Х. Епархіи. А. Филаретъ Отд. 2, стр. 220.

2) Въ первой четверти текущаго столѣтія уже входило въ обычай, говоритъ Е. И. Тончій, подавать за столомъ виноградное вино, но старики „питоки“ предпочитали ему наливки: вишневку, сливянку, терновку и т. п. Наливки были такіе, что мало чѣмъ уступали, по своему вкусу, такъ называемымъ „тонкимъ винамъ“, дорогимъ и разорительнымъ для кармана. „Южный Край“ 1883 г. № 874-й.

практическихъ познаніяхъ хозяина. Можно съ увѣренностію сказать, что въ Малороссіи главнымъ двигателемъ пчеловодства, было духовенство; собственно ему въ значительной степени обязанъ успѣхъ раціональнаго пчеловодства въ народной средѣ. Не то мы видимъ теперь. Наклонность къ перемѣщеніямъ членовъ причта, безъ уважительныхъ причинъ, изъ одного прихода въ другой въ послѣднее время на столько утвердилась въ обычаѣ священниковъ, что многіе наши архипастыри вынуждены бывають прибѣгать къ крайней мѣрѣ, именно: при поступленіи священника на извѣстный приходъ, брать подписку, что онъ прослужитъ въ этомъ приходѣ опредѣленное число лѣтъ. Священникъ, не рассчитывающій жить долго на одномъ мѣстѣ, не прилагаетъ особыхъ стараній, или очень мало, къ пріобрѣтенію своего собственнаго дома. Въ то старое время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, когда священникъ, не задаваясь мыслию о перемѣщеніи, старался пріобрѣсти для себя свой домъ, умиралъ онъ спокойнѣе: онъ зналъ, что онъ оставляетъ хотя какой нибудь уголокъ своему семейству. Теперь духовныя сироты нерѣдко остаются безъ всякаго пріюта. Умретъ священникъ, и его семья въ собственномъ смыслѣ не имѣетъ гдѣ главу поклонить, если отецъ не оставилъ никакого обезпеченія, какъ это всегда почти бываетъ. Крайне непріятно видѣть, какъ нѣкоторые сельскіе причты, не только не стараются сами заводить садовъ, но не поддерживаютъ даже уже существовавшихъ раньше поступленія ихъ на приходъ. „Хорошо было-бы, если бы священники заводились въ приходѣ своимъ домикомъ: это по крайней мѣрѣ удерживало бы ихъ отъ странствованія по епархіи“. Такъ говорилъ недавно почившій въ Бозѣ Кіевскій митрополитъ Платонъ, давая наставленіе ученикамъ, окончившимъ курсъ семинаріи. „Прежде я радъ былъ, продолжалъ онъ, что заводятся дома церковные, но теперь я перемѣнилъ взглядъ. При своемъ домѣ священникъ развелъ бы себѣ и садикъ, и то, и се пристроилъ бы при домикѣ. Вотъ ему нельзя было бы все это оставить. Оставаясь же на одномъ приходѣ, священникъ привыкъ бы къ своимъ прихожанамъ, да и прихожане привыкли-бы къ священ-

нику, считали-бы, какъ его самага, такъ и семейство его своими людьми ¹⁾). Что касается пчеловодства, то и оно въ большомъ упадкѣ: теперь у духовенства пасѣнки рѣдки и по числу ульевъ дов. скромны. Если бы пасѣнки, бывшіе при церквахъ и у духовенства, сохранились до настоящаго времени, онѣ были бы весьма полезны настоящимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ, переплачивающимъ громадныя суммы на покупку воска. Въмѣсто того, чтобы разыскивать воскъ на сторонѣ съ рискомъ сдѣлаться жертвой фальсификаціи, заводъ покупалъ бы у церковныхъ старостъ и духовенства, и воскъ завѣдомо чистый. Нельзя не пожалѣть, что духовенство выпустило изъ своихъ рукъ такую выгодную статью, какъ пчеловодство, при гарантированномъ сбытѣ продукта на собственные заводы — продукта, выработка котораго требуетъ самыхъ ничтожныхъ затратъ и сопряжена не съ трудомъ, а скорѣе съ удовольствіемъ.

Число помѣщичьихъ приходовъ въ Слободской епархіи за время Христофора было почти на половину. Жизнь священника въ помѣщичьихъ селахъ, его покой и довольство, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ владѣльцу села. При болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, священникъ имѣлъ отъ помѣщика даровую квартиру съ отопленіемъ и необходимыя постройки, огородъ и усадьбу, и прислугу, на содержаніе которой экономія выдавала извѣстный паекъ муки, пшена, крупъ, сала и проч. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ священникъ и его семья были свои домашніе люди, ихъ принимали у себя съ почетомъ и радушіемъ, жена помѣщика нерѣдко брала дочь священника въ свой домъ и доставляла ей воспитаніе, равное съ своими дочерьми. Были примѣры, когда священники обучали дѣтей помѣщиковъ и готовили ихъ въ гимназіи, или дворянскій полкъ, или въ кадетскій корпусъ и получаемую платою значительно улучшали свое экономическое положеніе. Такъ напр., помѣщикъ сл. Канлуновки І. В. Перекрестовъ-Осиповъ за пятилѣтнее обученіе двухъ его сыновей Петра и Николая выстроилъ приходскому свящ. Григорію Ракшевскому домъ, который

¹⁾ Рук. для сельскихъ пастырей 1863 г. № 24, стр. 161.

цѣнился тогда въ 500 руб. асс. и подарилъ ему въ вѣчное владѣніе дворъ и усадьбу. Но въ то-же время священникъ въ владѣльческомъ приходѣ вполнѣ зависѣлъ въ своихъ пастырскихъ дѣйствіяхъ отъ воли помѣщика. При отношеніяхъ натянутыхъ, или довольно непріязненныхъ, эта воля помѣщика иногда давала себя священнику сильно чувствовать. Нерѣдко въ самой церкви священникъ былъ несвободенъ: онъ благовѣстилъ къ обѣднѣ въ часъ, указанный помѣщикомъ, облачался въ ризы также имъ указанныя и т. п. Когда въ столкновеніяхъ своихъ обѣ стороны заходили далеко и приходилось обращаться къ епархіальной власти, то въ большинствѣ случаевъ священникъ оказывался безсильнымъ доказать правоту своихъ дѣйствій. Оправдываться ему было весьма затруднительно уже потому, что свидѣтелями при слѣдствіи бывали почти исключительно крестьяне, которые стояли въ зависмыхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Боясь впасть у него въ немилость, послѣдствія которой были-бы для нихъ весьма печальны, они давали пристрастныя показанія. Архіереи видѣли это и, не находя способа къ раскрытію истины, совѣтовали священнику уходить въ другой приходъ. Изъ многихъ примѣровъ беремъ слѣдующій. Владѣлецъ с. Стратилатовки, дворянинъ прот. Андрей Самборскій жаловался Христофору на противозаконныя яко-бы поступки своего священника Семена Огинскаго. Вызванный въ консисторію, Огинскій во взведенныхъ на него проступкахъ признанія не учинилъ. Консисторія постановила, а Христофоръ утвердилъ слѣдующее опредѣленіе. „Хотя свящ. Огинскій во всемъ доносимомъ на него и не признался, но какъ жалоба прот. Самборскаго заслуживаетъ больше вѣроятія, для того ему Огинскому, вмѣнивъ въ штрафъ нахожденіе его подъ наблюденіемъ въ здѣшнемъ архіерейскомъ домѣ, перевести на другое священническое мѣсто, для приисканія коего выдать ему билетъ, а къ свѣдѣнію о семъ послать указъ въ Изюмское духовное правленіе“¹⁾. Къ такому же результату приводила жалоба кого-либо изъ причта на притѣсненія помѣщика, или-же оканчивалась примиреніемъ, какъ-бы ни была тяжела обида, причиненная помѣщикомъ лицу потерпѣвшему. Указываемъ на

1) Дѣло X. Дух. Конс. 1811 г.

елѣдующій примѣръ. Помѣщица с. Марьинского, ген.-лейт. вдова Марія Глазенапъ жаловалась Богодуховскому духовному правленію на приходскаго свящ. Илію Тихоновскаго и, не доказавъ своей жалобы, еще болѣе стала тѣснить его. Свящ. Тихоновскій съ своей стороны принесъ жалобу консисторіи на помѣщицу Глазенапъ: „оная помѣщица, пишетъ онъ, имѣя на меня крайне, безъ всякой моей виновности неудовольствіе, видя неудачу въ ея на меня претензіи, дабы лишитъ меня съ семействомъ и послѣдн ихъ кѣропитанію средствъ, отобрала отъ меня церковный ключъ и собственный мой ящикъ, въ которомъ хранилось св. миро, а тѣмъ самымъ я безъ суда къ крещенію младенцевъ не допущенъ. Кромѣ сего оная Глазенапова неоднократно приказывала мнѣ чрезъ своего управителя Комарева выѣхать мнѣ съ семействомъ изъ Марьинскаго чрезъ одни сутки, оставя тамъ домъ и постройку, въ крайнюю мнѣ обиду и разореніе“. Не смотря на увѣренность въ правотѣ своей жалобы свящ. Тихоновскій счелъ для себя болѣе выгоднымъ предпочесть слѣдствію примиреніе съ помѣщицей, о чемъ тогда же, послѣ подачи жалобы, онъ подалъ въ консисторію заявленіе ¹⁾.

Прот. *Н. А. Лашенковъ.*

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Дѣло X. Дух. Конс. 1809 г., № 7.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КРЕСТЬЯНЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. 1-я.

СТАРОВѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

1.—Никольская волость.

а) Гражданское право.

Право семейственное. Никольская волость состоитъ изъ сл.: Никольской и Шелистовой и х. Нехаева; населеніе — мало-россіяне, бывшіе государственные коннозаводскіе крестьяне. Въ бракъ вступаютъ въ родствѣ кровномъ и свойствѣ въ шестой степени. При опредѣленіи степени родства и свойства руководствуются указаніями старшихъ родственниковъ, передающихъ потомству свое родословіе. Въ народѣ уважается, какъ духовное родство, кумовство. Побратимства не существуетъ. Взаимныя отношенія между родственниками мѣстными выраженіями опредѣляются: девери, невѣстки, ятровки, зовици, зятя, шурины, сваты, свахи. Пріемыши въ крестьянскомъ семействѣ съ принявшими ихъ лицами въ бракъ не вступаютъ, съ дѣтьми же ихъ вступаютъ. Въ браки вступаютъ женихъ 18 и невѣста 16 лѣтъ. Соблюденіе большой разницы въ лѣтахъ жениха и невѣсты не всегда требуется. При заключеніи браковъ: въ семействахъ достаточныхъ, кромѣ хозяйственныхъ соображеній — имѣть работницу, имѣются въ виду и личныя качества брачующихся, а въ семействахъ бѣдныхъ преимущественно занимаютъ одни хозяйственныя соображенія — поскорѣе имѣть работницу. Безъ согласія родителей вступленіе въ бракъ не допускается. Отчимъ, мачиха и другіе старшіе родственники, въ этомъ отношеніи имѣютъ такое же значеніе, какъ и родители только къ вступающимъ въ бракъ несовершеннолѣтними. Согласіе на бракъ воспитателей, опекуновъ и попечителей требуется, а хозяевъ и мастеровъ не требуется. Браки совершаются только съ предварительнаго и обоюднаго согласія, какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и ихъ родителей; убѣгомъ, безъ вѣдома родителей невѣсты, случаевъ совершенія браковъ не было. Если у жениха и

невѣсты нѣтъ отца или матери, или когда они круглые сироты и нѣтъ ни отчима, ни мачихи или другихъ близкихъ родственниковъ, которые могли-бы заступитъ ихъ мѣсто, то мѣсто родителей на время только брака заступаютъ дальніе родственники, воспріемники, опекуны или попечители. Браки не по обоюдному согласію брачующихся, а по соглашенію лишь родителей и даже по принужденію сихъ послѣднихъ бывають въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ за матеріальныхъ расчетовъ родителей; тогда когда сватаетъ богатый у бѣднаго, при какихъ-либо недостаткахъ жениха: калѣчество, малоуміе и другіе. Подобные браки вообще имѣють дурныя послѣдствія на семейную жизнь, нравственность супруговъ и матеріальный ихъ бытъ; часто рѣшаются тѣмъ, что супруги расходятся и ведутъ жизнь раздѣльно. Общества молодыхъ людей вступать въ браки не принуждаютъ. Предъ совершеніемъ брака заключаются словесныя условія, которыми сваты обусловливають: какая сторона, кому и сколько обязывается уплатитъ денегъ, дать подарковъ и приданаго; дѣлается это между состоятельными и бѣдными; по окончаніи сговора невѣста даритъ сватовъ, перевязываетъ рушниками, а въ достаточныхъ семействахъ платками; потомъ гуляютъ сватанье; послѣ этихъ обрядовъ договоръ считается заключеннымъ. Если женихъ или невѣста послѣ сватанья отказывается почему либо отъ вступленія въ бракъ, виновная сторона возвращаетъ обратно подарки, данныя при сватаньѣ, и уплачиваетъ расходы, сдѣланныя на сватанье и угощеніе сватовъ. Такая отвѣтственность падаетъ на родителей, или заступающихъ ихъ мѣсто. Если послѣ сговора женихъ, обезчестивъ невѣсту, оставитъ ее, въ такомъ случаѣ женихъ уплачиваетъ невѣстѣ безчестье. Въ приданое невѣстѣ даютъ: сундукъ съ бѣльемъ и женскими нарядами, состоящими изъ сарафановъ и юбокъ; зажиточные родители даютъ корову, пару бычковъ и овцу, а въ исключительныхъ случаяхъ пару воловъ. Въ послѣднее время вошло въ обычай: родители невѣсты выговариваютъ себѣ съ жениха за невѣсту, хлѣбомъ, водкою и деньгами отъ 10 до 30 рублей. Приданое поступаетъ въ составъ семейнаго имущества и само собою не имѣетъ никакого значенія, и ни мужъ, ни жена самолично не имѣють права распорядиться приданымъ. По смерти жены: при жизни дѣтей приданое остается въ составѣ общаго семейнаго имущества, а если дѣтей не остается, то приданое возвращается той семьѣ, или въ тотъ родъ, откуда взята была умершая жена. Вообще же имущество мужа и жены составляетъ нераздѣльную собственность цѣлой семьи. Доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній поступаютъ въ собственность

цѣлой семьи. Въ народѣ сохраняется сознаніе, что мужъ и жена обязаны жить вмѣстѣ, исполнять свято бракъ до конца жизни, и мужъ долженъ кормить и вообще содержать жену, а жена обязана быть мужу помощницею. Если мужъ бѣденъ, а жена богата, то и въ такомъ случаѣ мужъ бываетъ, какъ старшій въ семействѣ и хозяинъ; только права его ограничиваются по распоряженію имуществомъ жены. Жена въ рабочее время работаетъ по домашнему и въ полѣ: гребетъ сѣно, вяжетъ въ снопы хлѣбъ, вспомоществуетъ мужу въ перевозкѣ съ поля хлѣба и на току во время молотбы; въ осень и зиму приготовляетъ холстъ, сукно и для семейства бѣлье; а за отлучкою мужа смотритъ за скотомъ. Если мужъ уходитъ на заработки и жена исполняетъ за него полевые работы, то жена не должна требовать отъ него вознагражденія, чего въ обычаѣ крестьянъ и не принято. Въ семействахъ крестьянскихъ разводы бываютъ въ рѣдкихъ случаяхъ, преимущественно по причинамъ безвѣстной отлучки одного изъ супруговъ. Вслѣдствіе споровъ и дракъ, супруги иногда расходятся для того, чтобы вести жизнь раздѣльно; въ такихъ случаяхъ дѣти, если они есть, остаются при болѣе нравственной сторонѣ, и мужъ и жена пользуются только имуществомъ каждому въ личную собственность принадлежащимъ.

Юридическое отношеніе членовъ семьи. Въ крестьянскомъ быту значеніе семьи сложное: кровное, хозяйственное и общее по труду. Старшій въ семьѣ замѣняетъ отца. По смерти родоначальника, власть его и права переходятъ исключительно къ старшему въ семьѣ. Власть эта передается по установившемуся обычаю, безъ соблюденія какихъ либо формальностей. Старшій въ семьѣ распоряжается дѣлами, какъ по отношенію къ лицамъ, составляющимъ семью, такъ и по отношенію къ имуществу, только составляющему общее достояніе семьи. Заработокъ, добываемый тѣмъ или другимъ членомъ семьи, поступаетъ въ собственность семьи. Мать семейства при мужѣ въ дѣлахъ семейныхъ и имущественныхъ, своею властію ничего не предпринимаетъ; а мать—вдова заступаетъ мѣсто мужа и распоряжается, какъ отецъ, дѣтьми и другими членами семьи. Имущество матери при жизни ея изъ общаго имущества не выдѣляется, а по кончинѣ ея поступаетъ къ наследникамъ. Супруги владѣютъ имуществомъ нераздѣльно и по смерти одного другой наследуетъ остающимся имуществомъ. Въ отношеніи личномъ и имущественномъ родители, сохраняя за собою старшинство въ семьѣ, имѣютъ попеченіе о дѣтяхъ, содержаніи семейства и о пріобрѣтеніи имущества; а дѣти, служа помощію родителямъ, обязаны почитать ихъ, поддерживать и содержать

При общинномъ владѣніи земля дѣлится на наличное число душъ, безъ ограниченія возраста. Передѣлы пахатной земли, до изданія новыхъ правилъ о передѣлахъ мірской земли, производились чрезъ два года, а иногда и чрезъ одинъ годъ. При общинномъ владѣніи сѣнокосы подвергаются передѣламъ, наравнѣ съ пахатною землею. Общинные лѣса раздѣламъ не подвергаются и состоятъ въ общинномъ пользованіи. При общинномъ владѣніи, пастбища, выгоны и другія нераздѣльныя угодья и водопои, находятся въ общинномъ пользованіи. Рыбныхъ ловель и каменоломень нѣтъ. Обычай, не передѣляя вовсе полей, обрабатывать ихъ сообща всѣмъ міромъ, не существуетъ. Крестьяне на принудительную систему общественной запашки смотрятъ безъ усердія и таковую обрабатываютъ неохотно и небрежно. Домохозяину не воспрещается огораживать отведенный ему участокъ, но огорожа въ данной мѣстности не принята, и можетъ отступать отъ принятой въ обществѣ системы хозяйства. Сроки для полевыхъ работъ сходомъ назначаются весною по окончаніи яровыхъ посѣвовъ, послѣ которыхъ никто не въ правѣ выѣзжать въ поле съ цѣлью пахоты или посѣва, ограждая тѣмъ отъ потравы всходы травы и хлѣбовъ. Домохозяинъ отведенный ему участокъ можетъ отдавать въ аренду на короткій срокъ, съ тѣмъ только, чтобы плата поступала въ уплату податей; закладывать не можетъ, а мѣнять съ односельцемъ можетъ. Для этого требуется согласіе всѣхъ членовъ семьи; участокъ, отведенный въ пользованіе, считается общимъ достояніемъ всей семьи. Отчужденіе земли при общинномъ владѣніи не дозволяется. При выходѣ крестьянъ изъ общества, земли ихъ сдаются въ распоряженіе міру, а міръ, или передаетъ другимъ домохозяевамъ, или обращаетъ къ участкамъ, подлежащимъ передѣлу. Новые члены принимаются въ общину, съ обязательствомъ надѣлить землею. Земельный надѣлъ новымъ членамъ и усадебное мѣсто отводятся сельскимъ обществомъ.

Договоры и обязательства. Заключенію разныхъ договоровъ предшествуютъ словесные переговоры, затѣмъ заключеніе и совершеніе договоровъ сопровождаются рукобитье, молитва и могоричь. По выполненіи этихъ обрядовъ договоръ считается окончательно заключеннымъ. Рукобитіе совершается голою рукою, а у прасоловъ и обернутою рукавомъ, причемъ постороннимъ человѣкомъ разнимаются у договорившихся руки. Передача вещи, какъ обозначеніе заключенія договора, совершается при куплѣ-продажѣ скота и лошади съ полы, врученіемъ налыгача, поводя или узды. Свидѣтели, при совершеніи договоровъ находящіеся, по народному понятію имѣютъ то значеніе,

что они замѣняютъ письменный договоръ. Для засвидѣтельствованія или удостовѣренія сдѣлокъ считается достаточнымъ двухъ свидѣтелей. Данные при договорѣ задатки, имѣютъ значеніе окончательнаго заключенія договоровъ. Задатокъ возвращается давшему его только по добровольному соглашенію договаривающихся, вслѣдствіе невозможности исполнить договоръ по причинамъ, не зависящимъ отъ одной только стороны, а теряется задатокъ вслѣдствіе отказа отъ принятія купленнаго, или исполненія договора. Выполненіе договоровъ и обязательствъ словесныхъ не обезпечивается, а письменные обезпечиваются неустойкою и залогомъ. Вслѣдствіе неисполненія договоровъ тою или другою стороною часто является судопроизводство и взысканіе съ виновной стороны задатка и убытковъ. Между договорами объ установленіи какого либо права на вещь, по покупкѣ или наймѣ имущества, и договорами личными, дѣлается различіе въ томъ смыслѣ, что въ первомъ случаѣ, неисполненіе одною стороною, не прекращаетъ договора, влечетъ за собою принудительное по суду присужденіе къ выдачѣ вещи или денегъ, а во второмъ, прекращается договоръ и опредѣляется взысканіе съ нарушителя. Случаевъ даренія крестьянами имущества въ данной мѣстности не встрѣчалось. Договоръ купли считается совершеннымъ съ окончательною уплатою за купленное имущество денегъ; до того же можно отказываться отъ покупки или продажи. Принадлежностью покупаемой вещи по соглашенію продавца и покупателя бываетъ: образа по покупкѣ дома, узда при покупкѣ лошади, налыгачъ при покупкѣ воловъ или коровы. Условія относительно цѣны и срока уплаты опредѣляются договаривающимися, и такъ бываютъ разнообразны, что не представляется возможнымъ изложить ихъ. Обычаи платить за вещь натурою бываютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Продажи земли, принадлежащей въ личную собственность, въ данной мѣстности не совершалось. Продажа вещей, необходимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, производится владѣльцами безъ всякаго препятствія, и мѣръ не обращаетъ на это вниманія, не принимаетъ мѣръ къ прекращенію продажи и уничтоженію сдѣлокъ. Кромѣ собственно купли-продажи, крестьянамъ неизвѣстна запродажа, т. е. договоръ, по которому стороны обязываются совершить сдѣлки купли какой-либо вещи въ извѣстный срокъ. Поставка, т. е. договоръ о продажѣ вещи, которой можетъ и не быть еще на лицо, но которая должна быть доставлена въ извѣстный срокъ, извѣстна въ народѣ, но въ данной мѣстности непринята. Если продана вещь чужая, то собственникъ вправе требовать безмездной выдачи ея отъ владѣль-

ца—покупщика; а покупщику предоставляется право требовать возврата уплаченныхъ денегъ съ продавца и вознагражденія за убытокъ. Условная продажа, съ сохраненіемъ для продавца пожизненнаго владѣнія не допускается; права обратной покупки допускаются. Права выкупа для родныхъ, проданнаго недвижимаго имущества, допускаются только вслѣдъ за продажею имущества. Старые люди, въ рѣдкихъ случаяхъ продаютъ дома и другое имущество съ условіемъ, чтобы покупатель содержалъ ихъ, кормилъ и поилъ до смерти. Случаи мѣны между крестьянами недвижимыхъ имуществъ, усадебъ, домовъ и проч., бывають часты, преимущественно между малосостоятельными домохозяевами; мѣны полей не бываетъ. Мѣны движимыхъ имуществъ совершаются въ дворахъ, на базарахъ и ярмаркахъ; при мѣнѣ не обходятся безъ барышниковъ, которые стараются извлекать изъ мѣны выгоды, причемъ являютъ поставщиками лошадей, скота и проч. и представляютъ изъ себя посредниковъ между желающими мѣнять. Наемъ или отдача имущества въ содержаніе, состоитъ изъ отдачи въ пользованіе земли, домовъ для квартиры, мельницъ и домашняго скота для работы, названія ихъ: „нанялъ, арендовалъ, купилъ, взялъ въ долгъ, въ боргъ“. Порядокъ заключенія ихъ преимущественно словесный при свидѣтеляхъ и только въ болѣе важныхъ случаяхъ письменный. Неисполненіе тою или другою стороною договора имущественнаго найма, рѣшается добровольно сторонами, бывають случаи, что оканчивается и судебнымъ порядкомъ. На случай перехода отданнаго въ наемъ имущества къ другимъ лицамъ, отдавшій въ наемъ имущество возвращаетъ нанявшему задатокъ, а если сдѣланъ убытокъ, то удовлетворяетъ и за убытокъ. Отдачи въ ссуду на содержаніе, въ смыслѣ безмезднаго пользованія движимымъ имуществомъ, въ данной мѣстности не бываетъ. Въ народномъ быту бывають случаи, что не имѣющіе своего помѣщенія ссыпають въ чужой амбаръ хлѣбъ и ставятъ хлѣбъ на чужомъ гумнѣ, впредь до востребованія; это дѣлается по словеснымъ соглашеніямъ за плату или отработокъ. Займы совершаются по роспискамъ. Кромѣ займа деньгами бывають займы хлѣбомъ и другими жизненными продуктами, съ условіемъ возврата занятаго и въ томъ-же количествѣ. На уплату долга: деньгами назначаются сроки мѣсячные, полугодовые, и годовые, а хлѣбомъ вообще до урожая. Занятые деньги или вещи несостоятельными по договору оплачиваются работою. При займѣ денегъ условливается вернуть долга деньгами, и бывають условія съ тѣмъ, что если денегъ въ срокъ не уплатить, то обязывается за долгъ отдать скотомъ или другимъ

имуществомъ. Цѣна такому имуществу опредѣляется добровольно дающимъ ссуду и заемщикомъ. Займы совершаются только на срокъ. Обычныхъ сроковъ для уплаты, или дней для собиранія долговъ нѣтъ. Безпроцентныхъ займовъ не бываетъ. Проценты берутся, по добровольному условію дающаго ссуду и заемщика, деньгами и доходятъ до 25 копѣекъ на рубль въ годъ; иногда отрабатываются и отдаются землею, но больше всего берутся деньгами. Проценты деньгами взимаются при возвратѣ долга, а отрабатываются до возврата долга. Заимодавцы брать большіе проценты грѣхомъ не считаютъ. Ростовщичество практикуется въ томъ видѣ, что дающій въ ссуду деньги избѣгаетъ долгихъ сроковъ, а даетъ на короткіе сроки, проценты же беретъ, какъ за долгіе; такимъ способомъ въ годъ сдѣлаетъ нѣсколько ссудъ и получитъ до 25⁰/_о. Словесныя обязательства по займу имѣютъ силу предъ крестьянскимъ судомъ, и народнымъ обычаемъ допускается доказывать существованіе такихъ обязательствъ свидѣтельскими показаніями. Свидѣтельскія показанія въ уплатѣ денегъ по роспискѣ не признаются за доказательство уплаты. По понятіямъ въ народѣ личный наемъ обязываетъ нанимающагося исполнять то только, что условлено при наймѣ. Договоры объ услуженіяхъ и о работахъ вообще заключаются словесные и письменные. Въ условіяхъ срокъ найма опредѣляется мѣсяцами, годомъ и иногда праздниками и указывается, когда и сколько уплатить въ счетъ наемной платы. Отношенія договаривающихся между собою опредѣляются договоромъ. Договоры личного найма считаются обязательными для договорившихся, и по народному обычаю на случай невыполненія договоровъ, наследники обязаны возратить полученную и неотслуженную плату. Договоръ подряда отъ договора личного найма народъ отличаетъ. Подрядчиковъ нанимаютъ для возведенія построекъ, обработки полей, перевозки людей и тяжестей, по условіямъ словеснымъ и письменнымъ. Отдача дѣтей въ обученіе отъ личного найма отличается: дѣтей отдаютъ въ обученіе ремесламъ на сроки до 5 лѣтъ; причемъ обусловливается содержаніе дѣтей во время обученія и плата за обученіе. Обычай помогать другъ другу въ полевыхъ и другихъ работахъ, постройкахъ и проч. въ крестьянскомъ быту данной мѣстности не существуетъ. Общихъ помочей, т. е. сперва одному, потомъ другому и т. д. не бываетъ. Не бываетъ и исполненія работъ общими силами. Въ данной мѣстности артелей или товариществъ, для какихъ либо предпріятій или цѣлей не существуетъ. По народному обычаю, причинившій потраву полей или иныхъ угодій убытокъ, обязанъ вознаграждать владѣльца за убытокъ по стоимости потравы. За потраву отвѣчаетъ хозяинъ скота.

б) Гражданское судопроизводство.

Устройство народныхъ судовъ и взглядъ на нихъ народа. Народъ вообще понимаетъ, что судъ долженъ быть правымъ, скорымъ и для всѣхъ равнымъ, въ которомъ каждый, безразлично по состоянію, могъ бы найти справедливую защиту интересовъ и удовлетвореніе жалобъ. Пословицы и поговорки: „По правди говоры, по правди и очи вылизуть. Правда очи коле. За наше жито, та насъ и бито. Кто богатый, той и умный. Шобъ его съ богатымъ не судицьця. За чисте признанье, бувасть и помилованье. Дило по диламъ, а судъ по формѣ“. По понятіямъ народа судъ долженъ бы производиться открыто въ присутствіи постороннихъ, неучаствующихъ въ дѣлѣ людей. Волостной судъ производится въ волостномъ правленіи въ отдѣльной комнатѣ, не менѣе 2 разъ въ мѣсяцъ, а при значительномъ поступленіи дѣлъ и чаще, причемъ особенными формами и обрядами не сопровождается. Въ данной мѣстности формы обычныхъ народныхъ судовъ и самый судъ, съ учрежденіемъ волостного суда, утратили свое значеніе и въ народѣ забываются. Волостные судьи избираются большинствомъ голосовъ. Для избранія въ волостные судьи требуется возрастъ не моложе 35 лѣтъ, грамотность и хорошее поведеніе. Избираются въ волостные судьи домохозяева. Выѣзды волостного суда бывають для осмотра спорныхъ имуществъ, усадебъ, земли и по другимъ по усмотрѣнію суда обстоятельствамъ. Крестьяне смотрять на волостной судъ съ довѣріемъ и ему отдають предпочтеніе предъ судомъ народнымъ и сельскимъ сходомъ.

Порядокъ производства и рѣшенія судебныхъ дѣлъ. Крестьяне при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ на сельскихъ сходахъ и въ обычныхъ народныхъ судахъ, руководствуются вообще исключительно обычаями. При судебномъ разбирательствѣ въ волостномъ судѣ смѣшеніе гражданскихъ дѣлъ съ уголовнымъ бываетъ только по дѣламъ о кражахъ и другихъ поступкахъ, когда жалобщикъ или потерпѣвшій ищетъ съ обвиняемаго убытокъ, причиненный проступкомъ. Иски предъявляются волостному суду словесно и подачею прошеній. Словесныя заявленія и прошенія принимаются во время засѣданія суда предсѣдателемъ, а въ другое время предсѣдателемъ суда, старшиною или писаремъ, и записываются въ книгу завѣдывающимъ дѣлопроизводствомъ суда. Тяжущіеся въ засѣданіе суда вызываются ко времени, назначенному на разборъ дѣлъ и по порядку вступленія дѣлъ, чрезъ мѣстныя сельскія власти и по повѣсткамъ; въ засѣданіе суда назначается къ слушанію число дѣлъ, смотря по числу ихъ поступленія, и бываетъ до 10 и 15 дѣлъ. Дѣла къ

слушанію назначаются по распоряженію предсѣдателя суда. Назначаются дѣла къ слушанію по времени вступленія, а въ случаяхъ спѣшности дѣль разбираются и безъ очереди. За порядкомъ въ судебномъ засѣданіи наблюдаетъ предсѣдатель суда. Разбирательство дѣль состоитъ въ слѣдующемъ: сначала прочитывается прошеніе или словесная просьба, потомъ предлагается истцу объяснить на словахъ свою просьбу и чего онъ желаетъ, а отвѣтчику дать отвѣтъ; спрашиваются свидѣтели по одному, выслушиваются возраженія сторонъ, предлагается примиреніе и если сторонами не заявляются новые свидѣтели, постановляется рѣшеніе. Постороннія лица присутствовать при судебномъ разбирательствѣ не допускаются. Засѣданія при закрытыхъ дверяхъ бывають при разсмотрѣніи дѣль объ оскорбленіи на словахъ женщинъ и семейныхъ. Отсрочки засѣданія допускаются по просьбѣ тяжущихся и по усмотрѣнію суда въ случаѣ неявки тяжущагося, по причинамъ, признаннымъ судомъ уважительными, заявленія сторонами новыхъ свидѣтелей, или доказательствъ, требующихъ повѣрки на мѣстѣ. На случай сумасшествія и смерти одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, волостной судъ въ первомъ случаѣ дѣлаетъ отсрочку разбора дѣла до выздоровленія участвующаго въ дѣлѣ, или до вызова наследниковъ или членовъ семьи, а въ послѣднемъ, т. е. за смертію, прекращаетъ дѣло или вызываетъ наследниковъ. Встрѣчные иски въ волостномъ судѣ предъявляются, въ случаяхъ иска долга и по другимъ денежнымъ расчетамъ, по предъявленіи истцомъ иска, подачею прошенія и при разборѣ дѣла словесно. При производствѣ гражданскихъ дѣль въ волостномъ судѣ, случаевъ вступленія и привлеченія третьихъ лицъ, интересы которыхъ зависятъ отъ рѣшенія дѣль, не было.

О доказательствахъ. По взгляду народа, безъ доказательствъ не представляется возможнымъ заводить судебное дѣло. При разбирательствѣ судебныхъ дѣль въ крестьянскихъ судахъ допускаются свидѣтельскія и письменныя доказательства. Доказательства по тяжбымъ дѣламъ представляются исключительно тяжущимися сторонами. Въ крестьянскомъ судѣ собственное признаніе тяжущихся принимается за доказательство. Признаніе, сдѣланное на судѣ, имѣетъ болѣе значенія противу признанія, сдѣланнаго внѣ суда. Въ народныхъ судахъ за основаніе при оцѣнкѣ доказательствъ принимаются свидѣтельскія показанія, письменныя сдѣлки и договоры. Для удостовѣренія извѣстнаго факта или обстоятельства, опредѣленнаго числа свидѣтелей не требуется. Отводъ свидѣтелей сторонами дѣлается только въ такомъ случаѣ, если свидѣтель является и участву-

щимъ въ дѣлѣ, ожидающій для себя отъ рѣшенія дѣла выгоды. Свидѣтели допрашиваются по одному въ присутствіи тяжущихся. У крестьянъ данной мѣстности изъ знаковъ собственности существуютъ только клейма для скота, овецъ и птицы, которые въ народныхъ судахъ принимаются за доказательства. Народные суды письменнымъ доказательствамъ и документамъ придаютъ большее значеніе, чѣмъ показаніямъ свидѣтелей. Въ народныхъ судахъ кресты и клейма на документахъ не имѣютъ никакого значенія; рубежи, называемыя „бирки“, выдаваемые въ принятіи: пастухами на выпасъ овецъ и овчинниками овчинъ для выдѣлки, принимаются въ соображеніе и служатъ доказательствомъ по спорнымъ дѣламъ. Рѣшенія дѣлъ бросаніемъ жребія не бываетъ. Рѣшеній въ крестьянскихъ судахъ спорныхъ дѣлъ по правилу „грѣхъ пополамъ“ не бываетъ. Въ крестьянскихъ судахъ ссылка на окольныхъ людей, сосѣдей и старожилловъ, за доказательство спорныхъ обстоятельствъ, признается тогда, когда отсутствуютъ свидѣтельскія или письменныя доказательства, и допускаются по дѣламъ спорнымъ за имущества и усадьбы. Если въ судебное засѣданіе не является истецъ и не представитъ уважительныхъ причинъ неявки, то дѣло прекращается; а, если не является отвѣтчикъ безъ уважительныхъ причинъ, допускаются заочныя рѣшенія, которыя постановляются въ обыкновенномъ порядкѣ и объявляются чрезъ посылку объявленія. Дѣлъ, оканчивающихся миромъ, бываетъ изъ ста до 23 дѣлъ. Совѣщаніе волостныхъ судей происходитъ въ той комнатѣ, гдѣ производится разбирательство, безъ постороннихъ лицъ. Рѣшенія суда записываются въ книгу въ слѣдующей формѣ: указывается годъ, мѣсяцъ и число, когда рѣшеніе постановлено; названіе суда, имена и фамиліи судей, участвовавшихъ въ составѣ суда; о чемъ судъ разсматривалъ дѣло, обстоятельства дѣла, на которыхъ основано рѣшеніе, и сущность рѣшенія, въ которомъ излагается сколько и чего, съ кого и въ чью пользу присуждается. Подписываютъ судьи и тотчасъ же рѣшеніе объявляется тяжущимся, подъ ихъ росписку, съ объясненіемъ недовольной сторонѣ о порядкѣ и срокѣ обжалованія рѣшенія. Приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній крестьянскихъ судовъ распоряжается волостной старшина, и объ исполненіи отмѣчается въ книгѣ рѣшеній, по заявленію старшины. Престарѣлый народный судъ отъ теперешняго отличается порядкомъ заявленія жалобъ и формами разбора дѣлъ, что и произошло подъ вліяніемъ учрежденія волостного суда.

О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда.

(Продолженіе).

О порядкѣ наслѣдованія между нисходящими и супругами и о правѣ сводныхъ дѣтей и пріймаковъ на имущество.

(С. Хорошево, Безлодовской вол.).

1. По смерти отца оставшееся движимое и недвижимое имущество наслѣдуютъ дѣти мужскаго пола, причемъ младшій сынъ умершаго остается жить на отцовской усадьбѣ.

2. Дочери, при наличности братьевъ (сыновей умершаго), наслѣдницами не считаются.

3. Дочери, которыя невыданы въ замужество при жизни наслѣдодателя, отъ котораго всегда получаютъ что-либо изъ движимости въ приданое и тѣмъ самымъ выдѣляются,—живутъ при братьяхъ до выхода въ замужество и вправѣ требовать отъ братьевъ дачи приданого (скрыню, кожухъ, телку и пр.), по мѣрѣ средствъ и возможности послѣднихъ.

4. Если сестра-дѣвушка не пожелаетъ жить при братѣ, то и не вправѣ требовать отъ него приданого при выходѣ замужъ.

5. При отсутствіи у наслѣдодателя дѣтей мужскаго пола, ихъ мѣсто въ порядкѣ наслѣдованія заступаютъ дѣти женскаго пола и то лишь по отношенію къ усадьбѣ и движимости. На усадьбѣ родительской дочери живутъ до смерти, надѣловъ же (пахотныхъ, сѣнокосныхъ и проч. угодій) не получаютъ.

6. Если изъ нѣсколькихъ дочерей (при отсутствіи у наслѣдодателя наслѣдниковъ мужск. пола — сыновей, внуковъ и т. д. и въ мужской линіи), однѣ остаются жить на усадьбѣ умершаго, а другія почему-либо уходятъ съ „батьковщины“, то эти послѣднія получаютъ по наслѣдству только части изъ имущества движимаго, но усадьбы или денегъ за нее не требуютъ.

7. Пасынки изъ имущества умершаго отчима получаютъ что-либо (изъ движимости) лишь за труды, если пріобрѣтали въ общее хозяйство; такъ бываетъ при наличности родныхъ сыновей наслѣдодателя.

8. При наличности же дочерей, пасынки считаются наслѣд-

никами, но лишь въ томъ случаѣ, если они одного съ умершимъ общества.

9. Дѣти домохозяина, рожденныя отъ разныхъ браковъ его, въ порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ умершаго сравниваются.

10. Приемныя дѣти вполне приравняются къ роднымъ и наряду съ этими послѣдними считаются наслѣдниками.

11. Приймаку, не усыновленному, при дѣтяхъ принявшаго мужскаго пола, выдѣляется что-либо изъ движимости, онъ же беретъ и все имъ приобрѣтенное на свои средства, не исключая и построекъ.

12. Незаконнорожденные—не наслѣдники.

13. Въ имуществѣ материнскомъ (движимомъ) преобладающее право наслѣдованія имѣютъ ея дѣти женскаго пола, а при ихъ отсутствіи имущество получаютъ сыновья, но бываютъ случаи уравненія.

14. Къ имуществу мачихи наслѣдниками признаются ея родныя дѣти, но не мужъ и пасынки; этихъ послѣднихъ исключаютъ даже наслѣдники рода мачихи.

15. Вдова—домохозяйка, при 2-мъ выходѣ замужъ, теряетъ пожизненное пользованіе имуществомъ 1-го мужа (движ. и недвиж.) и беретъ съ собой свое приданое.

О порядкѣ наслѣдованія между нисходящими и супругами и о правѣ сводныхъ дѣтей и приймаковъ на имущество.

(С. Коротичъ.)

1. По смерти домохозяина и при жизни жены его (вдовы) имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, поступаетъ, и при наличности нисходящихъ обоего пола, въ ея пожизненное пользованіе; то же право имѣетъ и мачиха.

2. Наслѣдниками къ имуществу умершаго являются его сыновья или по праву представительства—внуки.

3. Дочери же при наличности указанной категоріи лицъ—не наслѣдницы, но обладаютъ правомъ жить при братьяхъ на ихъ содержаніи и при выходѣ отъ братьевъ замужъ требовать себѣ приданого изъ движимости по средствамъ братьевъ и принятому обыкновенію. При этомъ брату, у котораго живутъ се-

стры (какъ-бы на сестеръ), причитается нѣкоторый излишекъ въ усадьбѣ, по сравненію съ остальными наслѣдополучателями.

4. Если нѣтъ у наслѣдодателя нисходящихъ мужскаго пола, то въ обладаніе наслѣдствомъ вступаютъ дѣти женскаго пола (въ движимомъ и недвижимомъ); причемъ обыкновенно одна изъ дочерей остается на „батьковщинѣ“ и принимаетъ къ себѣ хозяина-мужа изъ однообщественниковъ, а, при согласіи общества, и изъ постороннихъ крестьянъ. При отсутствіи упомяну- таго согласія общества, вышедшая замужъ за крестьянина дру- гого общества имѣетъ право лишь на движимость, хотя бы она была единственной наслѣдницей покойнаго отца.

5. Приемныя дѣти сравниваются въ правахъ и порядкѣ на- слѣдованія въ имуществѣ усыновителя съ его дѣтьми родными.

6. Зятья при наличности братьевъ ихъ женъ, въ имуществѣ тестя не наслѣдуютъ.

7. Дѣти единокровныя въ правѣ наслѣдованія послѣ своего отца сравнены.

8. Дѣти единоутробныя—не сравнены. Ихъ въ наслѣдованіи исключаютъ дѣти, присшедшія отъ умершаго домохозяина, оставившаго наслѣдство.

9. Если домохозяинъ, при жизни раздѣливъ сыновей, остав- ляетъ часть имущества и на свою долю, то эта послѣдняя, по смерти его, идетъ въ общій раздѣлъ.

10. Незаконорожденные не наслѣдуютъ въ имуществѣ ихъ родителей; если же они узаконены послѣдующимъ бракомъ ро- дителей, хотя бы даже только *de facto*,—то наслѣдуютъ и при наличности послѣдующихъ законнорожденныхъ дѣтей.

11. Если дочь, получившая по наслѣдству, за отсутствіемъ братьевъ, имущество отца, взяла себѣ мужа-вдовца съ дѣтьми, то таковыя не наслѣдуютъ этимъ имуществомъ, а получаютъ его дѣти, прижитыя ею.

12. Младшій сынъ наслѣдодателя обыкновенно остается на отцовской усадьбѣ, если дѣлить ее по маломѣрности нельзя.

13. Въ наслѣдованіи материнскимъ имуществомъ (движимо- сти) дочери исключаютъ сыновей даже въ томъ случаѣ, если онѣ состоятъ въ замужествѣ за крестьянами другихъ обществъ.

14. Материнское имущество (движимое) вообще получаютъ ея дѣти родныя, а не пасынки.

Въ д. *Будахъ* Коротчанской вол., придерживаются тѣхъ же обычаевъ со слѣдующими измѣненіями и добавленіями:

Если при отцѣ жилъ одинъ изъ сыновей, похоронилъ его, а при жизни помогалъ отцу, то часть, оставленная отцомъ на себя, достается цѣликомъ такому сыну. Материнское движимое имущество дѣлится между дѣтьми обоего пола поровну, а скрину, подушки и т. п. чисто женскія принадлежности обыкновенно берутъ себѣ цѣликомъ дочери.

Дочь-дѣвица при братѣ можетъ потребовать материнское движимое имущество (приданое), если осталось.

Приемныя дѣти, въ наслѣдованіи, сравниваются съ родными, хотя бы формальности усыновленія и не были соблюдены.

О правѣ на наслѣдство дочери отъ перваго брака и мачихи съ пасынками.

(Сл. *Борщевая*, Липецкой вол.).

Отцовское имущество раздѣляется пополамъ: дочь получаетъ половину, а вдова съ пасынками другую.

О порядкѣ наслѣдованія между родными дѣтьми обоего пола и матерью.

(Сл. *Безлюдовка*).

1. Мать, послѣ смерти домохозяина—мужа ея, живетъ въ усадьбѣ на правахъ полной домохозяйки и распоряжается недвижимымъ и движимымъ имуществомъ, и отъ ея воли вполне зависитъ раздѣлить дѣтей, или нѣтъ.

2. Надѣль при матери, по ея распоряженію, обыкновенно находится въ завѣдываніи сыновей.

3. Дѣти женскаго пола до замужества живутъ въ семьѣ при матери въ общемъ хозяйствѣ, а, когда выходятъ замужъ, тогда мать, обыкновенно по совѣту съ сыновьями, даетъ имъ что-либо изъ движимости въ приданое, на недвижимость же дочери права не имѣютъ.

4. Если въ общее хозяйство, принятъ былъ зять, который умеръ, а осталась дочь—вдова съ дѣтьми и сынъ, то мать имѣетъ

право выдѣлить дочери изъ движимаго имущества, а недвижимость переходить къ сыну.

5. Мать можетъ взять и на себя изъ поступившей въ раздѣлъ движимости, что захочетъ—по смерти, т. е. можетъ, напр.: раздѣлить всю движимость между собой и дѣтьми по равной части.

6. Когда въ хозяйство къ дочери отцемъ или матерью принимается зять, то родители могутъ, при согласіи сыновей своихъ, завѣщать или опредѣлить по сдѣлкѣ принятому зятю, кромѣ движимости, и недвижимое имущество по равной даже части. При несогласіи же сыновей или при малолѣтствѣ ихъ, родители (оба или одинъ изъ нихъ) могутъ по документу опредѣлить зятю лишь изъ движимости до части равной съ ихъ дѣтьми мужскаго пола.

О правѣ бездѣтной вдовы, вышедшей вторично замужъ, на наслѣдованіе имущества перваго мужа.

(Сл. *Литвы*).

1. Если жена проживетъ съ мужемъ долго, то она должна получить все мужнино имущество, если даже и выйдетъ замужъ вторично, а потомства отъ перваго мужа не останется.

2. Жена, прожившая съ мужемъ нѣсколько лѣтъ, если послѣ него и не осталось наслѣдниковъ, и она вторично выйдетъ замужъ, должна получить извѣстную долю, какъ движимости, такъ и недвижимости.

3. Если семья, которую она оставила, бѣдная, то она, особенно проживши съ прежнимъ мужемъ недолго, беретъ съ собой свое приданое и то, что за это время приобрѣла на себя, а изъ хозяйства ничего не получаетъ. Если семья болѣе состоятельная и она прожила съ покойнымъ мужемъ лѣтъ 10—15, то, сообразно съ числомъ прожитыхъ лѣтъ съ мужемъ, ей выдѣляется часть движимости и недвижимости, не включая сюда усадьбы, переходящей къ родственникамъ покойнаго мужа.

О правахъ „пріймака“ по наслѣдству.

(Сл. *Дементьевка*.)

По обычаямъ, идущимъ „съ давнихъ давень“ отъ „батькивъ—дидивъ“, „пріймакъ“, женившись на дочери, или на одной изъ

дочерей семьи, въ которую онъ принятъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ, со временемъ, всѣ права родного сына и при этомъ беретъ на себя нравственное обязательство, скрѣпляемое, впрочемъ, по большей части письменнымъ договоромъ, докормить стариковъ—отца и мать до смерти и похоронить ихъ по христіанскому обряду. Десять лѣтъ, прожитыхъ „пріймакомъ“ въ семьѣ, считается достаточно для пріобрѣтенія всѣхъ правъ родного сына. Послѣ смерти стариковъ, онъ становится обладателемъ всего имущества этихъ послѣднихъ: хаты, усадьбы, скота и пр.; въ его пользованіе, кромѣ того, переходитъ надѣлъ покойнаго его тестя. Если „пріймакъ“, проживши нѣсколько въ принявшей его семьѣ, безотчетно распоряжается тестевскимъ имуществомъ, грубо и съ неуваженіемъ относиться къ старикамъ, то дѣло оканчивается обыкновенно тѣмъ, что „пріймакъ“ оставляетъ тестя и идетъ съ женой куда-нибудь на заработки. Въ такомъ случаѣ тесть, смотря по тому, сколько времени съ нимъ прожилъ „пріймакъ“, какимъ онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ, самъ-ли онъ его бросилъ или его заставили уйти, выдѣляетъ часть движимаго своего имущества—хлѣбомъ, скотомъ и пр., а на остальное имущество, если у него есть еще дочь, принимаетъ другого зятя, а если дочери нѣтъ—принимаетъ человѣка семейнаго, съ которымъ и заключаетъ такое же условіе, какъ и съ первымъ.

Дочь, при существованіи „пріймака“, въ случаѣ выхода замужъ получаетъ въ приданое ту часть, какая ей обыкновенно назначается при родныхъ братьяхъ: ей даютъ „скрыню“, одежду, и что нибудь изъ „худобы“—телушку, одну или двѣ овцы и пр.

Бываютъ случаи, сравнительно впрочемъ рѣдкіе, что „пріймака“ берутъ въ семью, въ которой есть сыновья, конечно малолѣтніе, неспособные вести хозяйство, въ особенности при старикѣ отцѣ. Въ такомъ случаѣ наследственные права его нѣсколько измѣняются. Пока сынъ или сыновья живутъ вмѣстѣ съ „пріймакомъ“ въ одной семьѣ, всѣ они пользуются и одинаковыми правами: работаютъ, пріобрѣтаютъ и все пріобрѣтенное идетъ въ общее хозяйство, которымъ они сообща и пользуются. Но при раздѣлѣ между ними, при жизни-ли стариковъ, или по смерти ихъ, сынъ получаетъ изъ всего имущества двѣ

части, а „пріймакъ“ одну; при этомъ сынъ получаетъ и усадьбу, если она небольшая и нѣтъ выгоды ее дробить; „пріймаку“ же, или покупаетъ тесть, или онъ самъ пріобрѣтаетъ, или-же ему вырѣзываетъ усадьбу общество, куда онъ и переселяется съ пріобрѣтеннымъ у тестя имуществомъ.

О наслѣдственныхъ правахъ: а) племянника въ усадебной землѣ родного его дяди и в) вдовы въ усадебной землѣ покойнаго мужа, при условіи выхода ея замужъ вторично.

(С. *Непокрытое.*)

По смерти мужа, если отъ него не осталось наслѣдниковъ, все его имущество, заключающееся въ усадьбѣ, хатѣ, надворныхъ постройкахъ, скотѣ и проч., переходитъ въ распоряженіе вдовы. Всѣмъ этимъ имуществомъ, равно какъ и надѣломъ, если исправно уплачиваются за него всѣ платежи, она распоряжается самостоятельно. При выходѣ ея замужъ за односельца, у котораго есть свое хозяйство и усадьба, при отсутствіи наслѣдниковъ со стороны покойнаго мужа, она забираетъ съ собою все движимое и недвижимое имущество (хату, сарай она можетъ продать на сносъ или перенести на новое хозяйство). Усадьба же остается въ распоряженіи общества, которое и поселяетъ на ней того изъ односельчанъ, который не имѣетъ осѣдлости. Если вдова выходитъ замужъ, при наслѣдникахъ со стороны перваго мужа, то, смотря по тому, сколько она лѣтъ прожила съ этимъ послѣднимъ, ей и выдѣляется соответствующая часть изъ всего имущества,—изъ хлѣба, скота, построекъ и пр., а все остальное также, какъ и усадьба, переходитъ въ распоряженіе наслѣдника.

Если наслѣдникомъ является племянникъ покойнаго ея мужа, то ему и переходитъ усадьба, вдова, вышедшая вторично замужъ, теряетъ свои права на нее.

О правѣ а) вдовы на имущество перваго мужа, если она вышла замужъ вторично, и в) родныхъ и двоюродныхъ братьевъ на имущество бездѣтнаго своего брата.

(С. *К.-Лопань.*)

1. Все движимое имущество, нажитое общимъ трудомъ мужа и жены, послѣ смерти перваго, остается за вдовою; прочее-

О наслѣдованіи сводныхъ дѣтей и незаконнорожденныхъ.(С. *Перестыное*).

1. Сводные наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ.
2. Отецъ обязанъ выдать замужъ сводныхъ дочерей изъ своей хаты и прилично снарядить, если онѣ работаютъ на его семью.
3. Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ въ отцовщинѣ, а братья обязаны выдать ихъ замужъ изъ отцовской хаты и прилично снарядить.
4. Дочери въ „материзнѣ“ относительно движимаго и недвижимаго имущества, даже если выйдутъ замужъ, полныя наслѣдницы и даютъ часть братьямъ по своему согласію. При отсутствіи братьевъ, наслѣдуя „материзнину“, онѣ устраняютъ всѣхъ другихъ наслѣдниковъ.
5. Незаконнорожденные, при существованіи законныхъ дѣтей, наслѣдуютъ въ материнскомъ имуществѣ, а законные въ отцовскомъ.
6. Незаконнорожденные не наслѣдуютъ въ имуществѣ мужа ихъ матери, но въ имуществѣ матери, при отсутствіи отцовскаго имущества, наслѣдуютъ незаконныя и законныя дѣти „по братски“, поровну; обыкновенно же мать „за живота“ распределяетъ свое имущество.
7. „Жировыя дѣти“, т. е. дѣти, прижитыя до брака лицами, которыя затѣмъ вступили въ бракъ, признаются наравнѣ съ законными и такимъ путемъ наслѣдуютъ, и при крещеніи обыкновенно записываютъ такихъ дѣтей по фамиліи отца.

О правѣ наслѣдованія отцовскимъ и материнскимъ имуществомъ сводныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей.(Сл. *Синолицовка*).

1. Дѣти разныхъ матерей и разныхъ отцовъ называются „сведени“. Отецъ обязанъ кормить и содержать сводныхъ дѣтей, но каждый изъ нихъ можетъ искать своей „батьковщины“ и идти туда, откуда пришелъ; сводныя дочери выдаются изъ отцовской хаты, если жили при отцѣ.
2. Сыновья вдовца, приставшаго къ вдовѣ съ дѣтьми, не наслѣдуютъ въ имуществѣ послѣдней, а должны искать „батьковщины“.

3. Пасынки въ имуществѣ мачихи наслѣдники только въ томъ случаѣ, если у послѣдней нѣтъ родныхъ дѣтей и если пасынки докормятъ до смерти и похоронятъ ее.

4. Сводные братья и сестры считаются въ близкомъ родствѣ и бракъ между ними возможенъ развѣ только въ 4 колѣнѣ.

5. Незаконнорожденные обоюга пола въ имуществѣ матери, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, полные наслѣдники; въ большинствѣ же случаевъ незаконнорожденные въ имуществѣ своей матери, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, преимущественные наслѣдники передъ законными дѣтьми, которые должны искать своей батьковщины.

6. Незаконнорожденные въ тѣхъ случаяхъ, когда къ матери ихъ присталъ крестьянинъ, неимѣющій своего имущества, при существованіи законныхъ дѣтей, раздѣляются матерью при жизни ея имуществомъ, если же мать не успѣла распределить своего имущества и умерла, то наслѣдуютъ „побратски“, т. е. наравнѣ.

7. Незаконнорожденные въ имуществѣ мужа ихъ матери, при существованіи законныхъ дѣтей, не наслѣдуютъ ни въ движимомъ, ни въ недвижимомъ имуществѣ, хотя случается, что отецъ при жизни, въ тѣхъ случаяхъ, когда законныя дѣти не почитаютъ его и идутъ ему наперекоръ, даетъ часть незаконнорожденному изъ своего имущества, если же не успѣлъ сдѣлать этого при жизни, то законныя дѣти изгоняютъ изъ своей батьковщины незаконнорожденныхъ.

8. Незаконнорожденные отца наслѣдуютъ наравнѣ съ законными въ отцовскомъ и не наслѣдуютъ въ имуществѣ мачихи.

9. „Жировыя“ дѣти, т. е. прижитые до брака, наслѣдуютъ только въ томъ случаѣ, если приписаны установленнымъ порядкомъ къ семьѣ отца и получаютъ его фамилію; если же не приписаны, то обыкновенно отецъ „за живота“ выдѣляетъ имъ часть изъ своего имущества.

10. „Жировыя“ дѣти обоюга пола, въ имуществѣ матери, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, наслѣдуютъ вполнѣ и, если приписаны установленнымъ порядкомъ къ семьѣ отца, то наслѣдуютъ наравнѣ съ законными, если же не приписаны, то наслѣдуютъ, какъ незаконнорожденные.

О правѣ наслѣдованія законныхъ, незаконнорожденныхъ и сводныхъ дѣтей.

(Сл. *Ольшана*).

1. Сестры при братьяхъ не наслѣдницы въ отцовскомъ имуществѣ, а также не наслѣдницы и въ материнскомъ недвижимомъ и движимомъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и даже всегда мать при жизни „росписываетъ“ свое имущество и согласно этой записи дѣти производятъ раздѣлъ; братья и въ этомъ второмъ случаѣ обязаны только выдать сестеръ замужъ, сообразно состоянію.

2. Сестры, невышедшія замужъ, какъ и калѣки, должны жить при братьяхъ, которые обязаны кормить ихъ и одѣвать, причемъ отцовская хата и усадьба, если братья не хотятъ кормить незамужнихъ сестеръ и калѣкъ переходятъ къ этимъ послѣднимъ, а братья должны выйти изъ отцовской хаты и усадьбы, а затѣмъ отцовская хата и усадьба остается за тѣмъ, кто условился докормить до смерти незамужнюю или калѣку и это обязательство выполнилъ.

3. Незамужнія сестры при братьяхъ и калѣки при братьяхъ не имѣютъ права на полевые надѣлы, которые всецѣло переходятъ къ братьямъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ находятся люди, которые за усадьбу и хату соглашаются докормить до смерти незамужнихъ и калѣкъ.

4. Сводные братья (если вдовецъ съ сыномъ женится на вдовѣ съ сыномъ) наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ, точно также и сводныя сестры; сводный братъ обязанъ выдать замужъ сводную сестру изъ отцовской хаты и снарядить прилично состоянію, какъ-бы родную сестру; если у умершаго мужа осталась дочь, а у умершей жены сынъ, то наслѣдницею полною является дочь, а сводный ея братъ уходитъ искать своей батьковщины.

5. Приписанные къ семьѣ наслѣдуютъ вполнѣ, если нѣтъ законныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ и даже всегда приписываютъ только тѣ, у кого нѣтъ законныхъ дѣтей.

6. Пріймакъ наслѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если общество дастъ согласіе на передачу имущества пріймаку и совершенъ документъ въ волостномъ правленіи.

7. Незаконнорожденные числятся за матерью и принадлежатъ къ тому обществу, къ которому мать,—даже если-бы мать вышла замужъ въ другое общество; мать обыкновенно передаетъ свое имущество незаконнорожденному по документу, если же имущество, т. е. земля, не находилось въ пользованіи матери, то незаконнорожденные не имѣютъ права требовать отъ общества земли, но если земля была въ пользованіи матери, то послѣдняя можетъ передать по документу землю незаконнорожденному. Въ большинствѣ случаевъ мать по документу распределяетъ свое имущество между своими законными дѣтьми и незаконными.

8. Сводные признаются близкими родственниками и бракъ между ними можетъ быть только въ 3 колѣнѣ.

9. Единоутробныя дѣти наследуютъ каждый въ своей батьковщинѣ.

10. Единокровныя дѣти признаются равными наследниками въ отцовщинѣ.

О наследованіи между супругами и нисходящими движимаго и недвижимаго имущества и о „прыймакѣ“.

(Сл. *Непокрытая* и *Веселое*).

Въ каждой крестьянской семьѣ есть извѣстный составъ домашняго имущества, часть котораго считается какъ бы достояніемъ матери и носитъ названіе „материзны“, а другая часть—достояніемъ отца и носитъ названіе „батькивщны“. Кроме того, каждая семья располагаетъ однимъ или нѣсколькими душевыми надѣлами, которые, вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ, и даютъ извѣстную экономическую устойчивость семьѣ. Пока семья живетъ нераздѣльно, какъ говорятъ, „у купи“, все имущество считается общимъ: каждый членъ семьи вноситъ въ общее хозяйство свой трудъ, общими усиліями приобрѣтается все необходимое для жизни и хозяйства, и нѣтъ разграниченія, что то принадлежитъ одному, а то другому, хотя между имуществомъ матери—„материзною“, и имуществомъ отца—„батькивщною“ и въ этомъ случаѣ устанавливается извѣстная раздѣляющая ихъ черта, которая обозначается довольно рѣзко при раздѣленіи семьи на части, и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда каждому изъ ея членовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ

семейныхъ или экономическихъ условій, приходится отстаивать то, что перешло ему по наслѣдству или пріобрѣтено личнымъ трудомъ. Дѣвушка, выданная замужъ и получившая въ приданое „скрыню“ съ необходимой женской одеждой, а отъ отца корову или телушку,—что чаще всего бываетъ, считаетъ это своимъ достояніемъ, и вмѣшательство мужа въ это имущество извѣстнымъ образомъ ограничивается; онъ, напр., не имѣетъ право ничего изъ этого имущества продать, не получивши предварительно на то согласія жены. Имѣя у себя полученную въ приданое отъ отца корову, она можетъ заниматься продажей такихъ продуктовъ, какъ молоко, сыръ и пр., считая же вырученныя такимъ образомъ деньги своими—дѣлать маленькія сбереженія и на нихъ пріобрѣтать что-либо, относящееся къ будущему приданому дочери, и никому до этихъ тратъ и пріобрѣтеній нѣтъ дѣла; въ этомъ видна ея забота о дочеряхъ; отецъ же тѣмъ временемъ заботится о сыновьяхъ и объ ихъ обезпеченіи.

По смерти отца, если семья остается нераздѣльной, имущество также точно считается пока общимъ; но отецъ передъ смертію обыкновенно дѣлаетъ распоряженіе относительно всѣхъ членовъ семьи, въ томъ числѣ и жены, опредѣляя ей что-нибудь изъ общаго хозяйства, напр., назначаетъ ей часть хлѣба, что-нибудь изъ скота и пр. При раздѣлѣ все это *вдова* и получаетъ, независимо отъ того, что внесено ею въ хозяйство, какъ приданое, что вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ ей безъ всякаго участія въ долѣ этого имущества со стороны другихъ членовъ семьи. Если при матери—*вдовѣ* остается, напр., два сына, то при раздѣлѣ между ними отцовскаго имущества пополамъ, мать получаетъ по равной части отъ одного и другого, что составляетъ обыкновенно одну треть. Такъ какъ одинъ изъ сыновей въ такихъ случаяхъ идетъ на отдѣлъ, а другой остается при матери, то ея доля и остается при этомъ сынѣ, который на случай ея смерти и наслѣдуетъ эту долю.

Послѣ смерти мужа, неоставившаго потомства, жена-вдова наслѣдуетъ всѣмъ имуществомъ, въ томъ числѣ и надѣломъ, если она его оплачиваетъ. Но это только въ томъ случаѣ, если она остается вдовой и живетъ на усадьбѣ мужа. По смерти та-

кой бездѣтной вдовы, если есть наслѣдники, какъ со стороны ея, такъ и со стороны покойнаго мужа, все имущество переходитъ въ родъ этого послѣдняго. Но при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, по духовному завѣщанію она можетъ передать все имущество и въ свой родъ, или даже совершенно постороннему или вообще тому, кто досмотритъ ее до смерти; въ этомъ случаѣ она можетъ, минуя родъ мужа, передать ему даже усадьбу и надѣль. Такимъ обыкновенно является „прыймакъ“ или усыновленный.

Вдова бездѣтная, вышедшая замужъ въ другую семью, имѣетъ право продать всё, что осталось послѣ мужа въ хозяйствѣ, не исключая и хаты; усадьба-же и надѣль переходитъ или въ распоряженіе свекра, или его сыновей, или, если этихъ родственниковъ не оказывается—въ распоряженіе общества, которое и передаетъ ихъ кому-либо изъ своихъ членовъ. Впрочемъ, если мужъ пожилъ съ женой недолго — годъ, два, три, и жена, похоронивши его, вскорѣ выходитъ замужъ въ другую семью, то въ этомъ случаѣ ей дается только часть движимости, заключающаяся въ хлѣбѣ, скотѣ и пр., всё же остальное, а также усадьба съ хатой остается за свекромъ или вообще за родственниками мужа. Положеніе вдовы въ имущественномъ отношеніи можетъ различнымъ образомъ видоизмѣняться. Изъ всего имущества она вообще наслѣдуетъ движимымъ и въ иныхъ случаяхъ недвижимымъ имуществомъ, усадьба-же переходитъ или обществу, или родственникамъ мужа.

Если въ новой семьѣ крестьянка, вышедшая замужъ, пожила недолго — годъ, два, три, и умерла, не оставивши дѣтей, то приданое ея возвращается назадъ къ ея отцу или матери. Къ приданому этому относится „скрыня“, одежда, подушки и т. п., а если она получила отъ отца или отъ родственниковъ что-либо изъ скота или овецъ (во время „весилля“ зажиточные родственники обѣщаютъ—кто телушку, кто овцу и это носить названіе „дарить“), то и это отбирается назадъ. Бываютъ случаи, что жена при отсутствіи наслѣдниковъ проживетъ съ мужемъ и дольше, напр., лѣтъ до 10-ти; то и по прошествіи такого значительнаго періода времени приданое ея отбирается, хотя, конечно, не всегда въ такомъ видѣ или составѣ, въ ка-

комъ первоначально вносилось въ хозяйство мужа. По прошествіи-же 10-ти лѣтъ обыкновенно родные умершей ничего не получаютъ. Если-же послѣ умершей остается наследникъ (безразлично—мальчикъ или дѣвочка), то мужъ-вдовецъ все приданое оставляетъ себѣ и родные ея ничего назадъ не берутъ.

По смерти родителей или при жизни ихъ между членами семьи обыкновенно происходитъ дѣленіе, что обусловливается достиженіемъ совершеннолѣтія, т. е. женитьбой сыновей и выходомъ дочерей замужъ. Если въ семьѣ, положимъ, есть сынъ и дочь, то дочь выдаютъ замужъ и снабжаютъ ее приданымъ и она, начавши самостоятельную жизнь въ новой семьѣ, считается уже выдѣленной, получивши такимъ образомъ что-либо изъ отцовщины и „материзны“; сынъ-же остается на хозяйствѣ отца. По смерти родителей, обязанность пристроить дочь лежитъ на братьяхъ, причемъ изъ общей части они выдѣляютъ ей все то, что она должна бы была получить и отъ родителей; а если братья дѣлятся и она уходитъ къ тому брату, который заводитъсь новымъ хозяйствомъ, то беретъ туда и то, что ей выдѣлено при раздѣлѣ, и въ такомъ случаѣ обязанность выдать ее замужъ лежитъ уже на этомъ братѣ. Послѣ смерти матери „материзна“ остается въ пользу дочери. Послѣ смерти отца, отдѣленный сынъ, если только не было особаго духовнаго завѣщанія, изъ имущества отца ничего не получаетъ: имущество это переходитъ къ остававшемуся при немъ сыну, на обязанности котораго лежало досмотрѣть его въ старости и похоронить. Одинъ изъ братьевъ, при жизни-ли отца или послѣ его смерти, ходатайствуетъ передъ обществомъ о надѣленіи его усадьбой. Покупки тутъ, конечно, никакой не бываетъ, а все ограничивается тѣмъ, что наиболѣе вліятельнымъ членамъ общества ставится „могорычъ“. Это обыкновенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда усадьба, на которой живетъ семья слишкомъ тѣсна и на ней не можетъ умѣститься хозяйство двухъ раздѣляющихся семействъ. Вообще забота о приобрѣтеніи усадьбы для сына при жизни отца лежитъ на этомъ послѣднемъ, причемъ, если онъ имѣетъ средства, какъ говорятъ „заможный“, то усадьбу такую онъ можетъ приобрѣсть покупкой заблаговременно и на ней ставить прежде всего хату, которая стоитъ

иногда годъ, два и больше, пока дождется новаго своего жильца, а потомъ, по мѣрѣ возможности, строятся и другія постройки, причеиъ капиталъ, затраченный на пріобрѣтеніе усадьбы, постройку хаты и пр.—что отдѣлившійся сынъ на новомъ мѣстѣ будетъ имѣть, приблизительно уравнивается съ той долей всего этого, которая досталась сыну, оставшемуся при отцѣ. Имуществомъ отца, доставшимся на его долю, наследуетъ сынъ, досмотрѣвшій его до старости и похоронившій его, а если отецъ умеръ, пока братья жили въ общей семьѣ, то все имущество отца они дѣлятъ пополамъ.

Если родители имѣютъ двухъ дочерей, то къ одной изъ нихъ они обыкновенно принимаютъ зятя, такъ называемаго „пріймака“, а другую выдаютъ замужъ въ чужую семью. Если дочери при жизни отца и матери оказались неспристроенными, то, въ случаѣ малолѣтства ихъ, какъ къ нимъ, такъ и къ имуществу назначается опека, а по достиженіи ими совершеннолѣтія, имущество это, заключающееся въ скарбѣ, хлѣбѣ, надворныхъ постройкахъ и пр., дѣлится между ними поровну. Если одна изъ дочерей была выдана замужъ при жизни отца и матери, а другая была малолѣтняя, имущества-же оставшагося послѣ смерти ихъ оказалось значительно больше того, сколько получила старшая сестра въ видѣ приданаго, то, за выдѣломъ того, что получила на свою долю эта послѣдняя, меньшей сестрѣ,—все остальное имущество дѣлится между сестрами поровну. Вообще-же, чаще бываетъ, что старшая сестра изъ отцовскаго имущества получаетъ меньшую долю, и это потому, что она шла отъ родителей и не испытывала того сиротства, которое выпало на долю меньшей ея сестры. Усадьба и надѣль, оставшіеся послѣ смерти отца, если въ семьѣ не было „пріймака“, дочерямъ не переходятъ, а остаются въ распоряженіи дядей и другихъ родственниковъ, а если такихъ не оказывается, то поступаютъ въ пользу общества. Но такъ бываетъ, впрочемъ, рѣдко: напротивъ, можно считать общимъ правиломъ, что, при отсутствіи сыновей, дочь, или одна изъ нихъ, принимаетъ къ себѣ на отцовщину (мужа—зятя), который и распоряжается, какъ усадьбой, такъ и надѣломъ.

Послѣ смерти сына, оставшаго вдову и дѣтей, отецъ и

мать ничѣмъ не наслѣдуютъ, такъ какъ все имущество его остается въ распоряженіи вдовы, на которой лежитъ забота воспитать дѣтей и пристроить ихъ. Если вдова бездѣтная, то, живя отдѣльной усадьбой, она принимаетъ обыкновенно на эту усадьбу „прыймака“; слѣдов., и въ этомъ случаѣ отецъ покойнаго мужа ничего назадъ не отбираетъ. Но если вдова, поживши на усадьбѣ, выходитъ замужъ въ другую семью, то она имѣетъ право продать изъ имущества все, что найдетъ нужнымъ, а остальное забираетъ съ собой; усадьба же остается въ пользу отца или поступаетъ въ его родъ. Если невѣстка—вдова жила въ семьѣ свекра и, оставшись бездѣтной, вышла замужъ, то она беретъ съ собой только приданое,—если пожила годъ, два, три; а если больше, то, кромѣ этого, еще что-нибудь хлѣбомъ, скотомъ и пр., смотря по тому, какъ она поставила себя въ семьѣ, какою была работницей, сколько проработала въ общемъ хозяйствѣ и т. д., а все остальное родители оставляютъ себѣ.

Мать, послѣ смерти дочери, прожившей съ мужемъ недолго и не оставившей дѣтей, забираетъ назадъ все приданое; по истеченіи же 10—15 лѣтъ при тѣхъ же условіяхъ не получаетъ ничего, что бываетъ и въ томъ случаѣ, если послѣ дочери остался какой-нибудь наслѣдникъ—безразлично—сынъ или дочь.

„*Прыймакъ*“ берется или въ ту семью, гдѣ есть дочери, а нѣтъ сыновей, или хотя и есть сыновья, но еще несовершеннолѣтніе, а между тѣмъ у отца такое хозяйство, что требуетъ постоянной помощи; или же, наконецъ, при отсутствіи, какъ сыновей, такъ и дочерей, отецъ и мать, желая имѣть опору подъ старость, и, чтобы то имущество, которое ими приобрѣталось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, было кому передать, не пошло, какъ говорятъ, „марно“,—принимаютъ къ себѣ готовую уже семью, т. е. человѣка уже семейнаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ между „прыймакомъ“ и представителемъ семьи, въ которую онъ вступаетъ, происходитъ временное соглашеніе, выражающееся въ особенности въ послѣднее время извѣстной письменной сдѣлкой, по которой „прыймакъ“ обязывается за передаваемое ему имущество тестя докормить его до смерти и похоронить, а при жизни относиться къ нему съ уваженіемъ. Въ домашній этотъ актъ вносятся и другія обязательства, обу-

словливающія взаимныя отношенія сторонъ. Нарушенія этихъ обязательствъ съ той или другой стороны порождаютъ часто несогласіе и раздоры въ семьѣ, оканчивающіеся подчасъ вмѣшательствомъ волостного суда. Такимъ образомъ, „пріймакъ“, вступая въ ту семью, гдѣ нѣтъ сыновей, а есть дочь, на которой онъ женился, при взаимномъ согласіи, пріобрѣтаетъ права родного сына и, похоронивши стариковъ, наследуетъ все имущество ихъ и надѣломъ. Такія права „пріймакъ“ пріобрѣтаетъ и въ томъ случаѣ, если онъ, какъ раньше было замѣчено, вступаетъ въ семью человекомъ уже семейнымъ. Бываютъ случаи, что „пріймакъ“ черезъ женитьбу вступаетъ въ родство съ такой семьей, гдѣ, кромѣ того, есть и малолѣтній сынъ. Если такой затѣмъ оказывается прилежнымъ въ работѣ, хорошимъ семьяниномъ, если онъ съ уваженіемъ относится къ старикамъ, то онъ и при этомъ условіи пріобрѣтаетъ положеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ положенія родного сына. Отецъ, по достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, дѣлитъ между ними имущество поровну; разница тутъ только въ томъ, что при раздѣлѣ сынъ остается обыкновенно на усадьбѣ отца, а „пріймаку“ строятъ хату, или на той же усадьбѣ, если она обширная, или усадьба пріобрѣтается отъ кого-либо покупкой, или же, наконецъ, усадьбу даетъ общество изъ свободной выгонной земли, причемъ, конечно, не обходится безъ „могорыча“. Но не всегда бываетъ такъ, не всегда взаимныя условія, заключенныя между „пріймакомъ“ и принявшей его семьей, выполняются точно. Если „пріймакъ“ въ такой семьѣ прожилъ недолго и самъ неуживчивостью своего характера подаетъ поводъ къ семейнымъ неурядицамъ, то тѣсть, удаливши его со двора, можетъ совершенно отстранить его и отъ имущества, причемъ „пріймакъ“ беретъ съ собой только то, что было имъ принесено къ тѣстю, а жена его свое приданое. „Пріймакъ“, прожившій у тѣстя дольше, лѣтъ 10—15, беретъ съ собой то, что выпадаетъ на долю его личнаго труда. Если поводомъ къ несогласію и неурядицамъ является неуживчивость тѣстя, и этотъ послѣдній удаляетъ „пріймака“ изъ усадьбы, на которой тотъ прожилъ годъ, два, то и въ этомъ случаѣ ничего ему не дается. Но если они пожили вмѣстѣ долго, и „пріймакъ“ успѣлъ за это время кое-что пріобрѣсти своими трудами, то, удаляя его изъ усадьбы, тѣсть дол-

женъ поставить ему хату, дать необходимое въ хозяйствѣ, какъ-то: хлѣба, часть скота и прочей хозяйственной движимости; на мѣсто же его можетъ принять другого, которому и передаетъ все, оставшееся у него имущество.

О правѣ наслѣдованія вдовы и братьевъ наслѣдодателя въ недвижимомъ и движимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ его смерти.

(X. *Сотницькій—Козачекъ*, Одноробовской вол.).

Пока семья живетъ вмѣстѣ—при жизни ли отца, или послѣ его смерти, все имущество считается общимъ, затѣмъ, когда въ семьѣ начинается разладъ или является иная какая либо причина, мѣшающая семьѣ жить вмѣстѣ, между братьями происходитъ дѣлежъ: дѣлается опись всему имуществу, приглашаются отъ 8 и до 10 и 12 человекъ сосѣдей, пользующихся уваженіемъ, дѣлятъ имущество поровну на извѣстныя части и бросаютъ жребій,—кому какая часть выпадетъ, тотъ то и забираетъ. Отъ воли отца (если онъ живъ) зависитъ оставить того или иного изъ сыновей при себѣ, а остальные выдѣляются. Каждый, получившій свою часть, является отъ того времени полнымъ ея распорядителемъ. Затѣмъ, если онъ, поживъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, померъ, то все его имущество переходитъ вдовѣ, и она уже является наслѣдницей этого имущества, и притомъ полной, независимо отъ того, оставить ли покойный мужъ ея наслѣдниковъ, или нѣтъ. Затѣмъ, если она выходитъ замужъ, но при этомъ бросаетъ свой дворъ (чему въ хуторѣ не бывало примѣра) и переходитъ во дворъ второго своего мужа, то свекоръ или его сыновья даютъ ей часть изъ хозяйства: корову, хлѣбомъ и т. п., а остальное остается въ распоряженіи той семьи, изъ которой вышла покойный ея мужъ. Если она остается вдовой и не оставляетъ своего двора, кромѣ того что она является полной хозяйкой въ имуществѣ, она можетъ оставить за собой и надѣль покойнаго мужа, при томъ условіи, конечно, если будетъ исправно уплачивать причитающіеся платежи. На надѣль этотъ и вообще въ хозяйство свое она можетъ принять кого ей угодно, даже крестьянина изъ другой губерніи; и родъ покойнаго мужа не вправѣ вмѣшиваться въ ея имущество и предъявлять какія либо права на ту или другую часть его.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ
КАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНІИ.

ОТДѢЛЪ II-Й.

I.—Ол. Свѣто-Дмитріевъ.

СТАТЬИ ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

Ол. Свѣто-Дмитріевъ (Бриггманъ) Ново-Александровскій уездъ
расположенъ по среднему теченію р. Волги. Заселенъ Свѣ-
то-Дмитріевскъ уездъ болѣе всего въ Петръ-Великомъ
наказаніемъ въ 1719 г. и принадлежалъ до 1725 г. къ
пробирному — казенному уѣду. Дога приближеніемъ въ 1725 г. въ
1716 г. въ немъ была основана первая школа, въ 1725 г. въ
Дмитріевъ митрополита Ростовскаго. Дѣла, относящіяся къ
побольшихъ селеніяхъ въ уѣдѣ отъ времени отъ 1725 г. до
1854 г. Построенъ она была по указу Императрицы.
Въ скорости послѣ основанія широкаго уезда Свѣто-Дмитріевскаго
была образована въ Губерніи въ 1725 г. въ 1725 г. въ
каждомъ уѣздѣ по одному или двумъ школамъ, въ которыхъ
было обученіе, что еще въ 1725 г. было одно училище въ
уѣздѣ, на которомъ была одна школа, въ 1725 г. въ
уѣздѣ школы, въ 1725 г. школы, въ 1725 г. школы
и наконецъ въ 1725 г. школы. Въ 1725 г. школы

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. I.

СТАРОВѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

1.—Сл. Свято-Дмитріевка.

Изъ прошлаго. — Жилище, одежда и пища. — Народная медицина. — Заговоры. — Молитвы. — Религіозность и нравственность. — Свадебные обряды и пѣсни (рушники, оглядины, сватанье, вареники, шишки, подвесилокъ, свадьба). — Обряды и обычаи. — Игры. — Повѣрья. — Пѣсни. — Сказки.

Сл. Свято-Дмитріевка (Капитанова) Ново-Айдарской волости расположена по среднему теченію р. Евсугъ. Заселяться Свято-Дмитріевка начала почти разомъ съ сл. Петро-Павловой, находящейся въ 18 вер. и принадлежавшей одному и тому же помѣщику, — выходцами съ Дона приблизительно въ 1640 г. Въ 1766 г. въ ней былъ освященъ первый храмъ въ память св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Храмъ этотъ находился въ нѣсколькихъ саженьяхъ на югъ отъ теперешняго, освященнаго въ 1864 г. Построенъ онъ былъ помѣщикомъ Петромъ Трубецкимъ. Въ скорости послѣ освященія перваго храма, Свято-Дмитріевка была возвращена кн. Трубецкимъ въ казенное вѣдомство. Никакихъ остатковъ отъ пещеръ или укрѣпленій нѣтъ; хотя крестьяне рассказываютъ, что еще не такъ давно часто находили въ ярахъ, на которыхъ прежде росли большіе дѣса, ямы, наполненныя зерномъ, преимущественно просомъ, уже погнившимъ и негоднымъ къ употребленію. Въ вершинѣ яра, называемаго

„страшнымъ“, находилась громадная пещера, служившая нѣкоторое время убѣжищемъ для шайки разбойниковъ, грабившихъ чумаковъ и проѣзжавшихъ мимо крестьянъ. Входъ въ эту пещеру существовалъ, говорятъ, еще лѣтъ за пять до „чернаго года“, но потомъ мужики, обѣоравши, направили туда стокъ дождевой и весенней воды, и пещеру занесло камнями и пескомъ. Говорятъ, вода шла туда лѣтъ пять. Рассказываютъ, будто находился смѣльчакъ, который, взявъ въ горшокъ углей (огонь въ пещерѣ тухъ), ходилъ въ эту пещеру и потомъ сообщалъ, что находилъ тамъ множество стойлъ и яслей для скота. Крестьяне думаютъ, что разбойники въ лѣсу возлѣ этой пещеры прятали награбленные деньги, и теперь между ними находятся иногда охотники поискать тамъ клада, но вырывать никогда ничего не удавалось.

Сл. Дмитріевка называется такъ по имени церкви, посвященной памяти Святителя и чудотворца Димитрія, митрополита Ростовскаго, называютъ ее въ простонародіи и Капитанова ¹⁾. Кладбищъ въ сл. Свято-Дмитріевкѣ три. Они находятся при выгонѣ слободы, обнесены приличными рвами; два изъ нихъ существовали еще со времени постройки церкви въ этомъ приходѣ (1766 г.), а третье устроено позже. Есть одно упраздненное кладбище, находящееся на лѣвой сторонѣ рѣки Евсуга.

Въ оградѣ при старой церкви погребено замѣчательное доброю жизнью и милосердіемъ къ ближнимъ лицо, — свящ. Василій Пантелеймоновъ (+1861 г. 30 нояб.). Не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о фамиліи Пантелеймоновыхъ, преемственно священствовавшихъ здѣсь около столѣтія, потому что фамилія эта имѣетъ нѣкоторую связь съ исторіей образованія здѣшняго прихода. Вотъ что говоритъ объ этомъ преданіе: около 1750 года проѣзжалъ малороссіянинъ Пантелеймонъ Майборода ²⁾, изъ сл. Бѣло-Куракиной въ Луганскую станицу (Ек. губ.) на ярмарку, лѣвою стороною рѣки Евсугъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь большой мостъ, а тогда былъ бродъ, остано-

¹⁾ По преданію извѣстно, что Дмитріевка была господскою слободою, и что владѣтель ея кн. Трубецкой былъ въ чинѣ капитана.

²⁾ Фамилія Майбородъ и теперь существуетъ въ сл. Бѣло-Куракиной въ званіи вольныхъ хлѣбопашцевъ.

вился кормить лошадь. Онъ былъ съ сыномъ, десятилѣтнимъ Константиномъ (отецъ покойнаго Василя Пантелеймонова). На правой сторонѣ рѣки, въ этомъ мѣстѣ былъ отличнѣйшій лугъ, еще не скошенный въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца; подъ горою стояли три жилыхъ хаты, а прочія мѣста представляли собою дикую степь. Майборода бродомъ перешелъ рѣку и, въ веселомъ расположеніи духа, махая кнутомъ въ травѣ по поясъ, говорилъ: „у, сынку! тутъ-то гárна слобода бѣде!“ и какъ-бы пророчески прибавилъ: „ще ты бѣдешъ тутъ попѣмъ“. И дѣйствительно, чрезъ 22 года этотъ десятилѣтній сынъ Константинъ, по фамиліи Пантелеймоновъ¹⁾, поступилъ уже на второй штатъ священникомъ.

Слобода находится въ 50 вер. отъ уѣзднаго города и въ 45—отъ Луганскаго литейнаго завода; такъ какъ Луганскій заводъ—пунктъ болѣе оживленный, то мѣстные крестьяне всѣ свои продукты, состоящіе преимущественно изъ хлѣба, картофеля и капусты, возятъ для продажи въ послѣдній. Сл. Свято-Дмитріевка расположена по среднему теченію р. Евсуга, у подошвы обрывистаго холма изъ отвердѣлаго мѣла и носящаго мѣстное названіе „Кицай горы“.

Прежде, говорятъ, окрестности Свято-Дмитріевки были покрыты густыми лѣсами, а берега р. Евсуга, прежде глубокой,—прекрасными лугами; теперь-же отъ лѣсовъ остались одни названія, да иногда попадаются пни, а, вслѣдствіе обмеленія рѣки, луга обратились сперва въ степь, а потомъ были распаханы подъ хлѣбъ.

Жители слободы—малороссы; между ними есть нѣсколько семействъ и великороссовъ. Цвѣтъ волосъ жители имѣютъ темно-русый, ростъ средній, глаза сѣраго цвѣта, носъ прямой, умѣренный. Число жителей простирается до 4119 человекъ (2094 м. п., 2025 ж. п.); сверхъ того временно проживающихъ 49 душъ. Языкъ жителей малороссійскій, но на него много повліялъ говоръ донскихъ козаковъ,—это замѣчается во многихъ словахъ, напримѣръ: чаво, „казанъ“ вм. ведро; вліянія же литературнаго языка не замѣчается. Читать крестьяне любятъ и часто

¹⁾ По настоящему Майборода, но отецъ его, желая увѣковѣчить на любимомъ сынѣ свое имя, просилъ—именоваться ему Пантелеймоновымъ, на что и получилъ разрѣшеніе.

обращаются съ просьбою дать имъ какую нибудь книгу для чтенія, но удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, такъ какъ при училищѣ книгъ для чтенія не имѣется. Крестьяне приобрѣтаютъ себѣ книги на ярмаркахъ и у офеней преимущественно духовнаго содержанія, какъ-то: житія святыхъ, Евангеліе, Псалтырь и путеводители по святымъ мѣстамъ. Занятіе крестьянъ—земледѣліе. Прежде, когда луга были не распаханы, и кругомъ росли лѣса, нѣкоторые занимались пчеловодствомъ; въ настоящее время пчеловодства, садоводства и кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Жилище крестьянъ состоитъ изъ большой свѣтлой „хаты“, преимущественно о четырехъ окнахъ (два на улицу и два во дворъ) и большихъ сѣней, которыя часто замѣняютъ собою „коморю“ (амбарь). Убранство крестьянской хаты состоитъ изъ иконъ, занимающихъ иногда почти двѣ стѣны, идущія отъ передняго угла,—и лубочныхъ картинъ. Вдоль стѣнъ, идущихъ отъ передняго угла,—расположены широкія лавки, а въ самомъ углу находится большой столъ, за который сажаютъ почетныхъ гостей. Возлѣ порога помѣщается печь, а рядомъ съ нею по глухой стѣнѣ—„поль“ (помость), предназначенный для ночнаго отдыха всей семьи. Дворъ крестьянина продолговатъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ постройками: возлѣ хаты „повитки“, служащія крестьянамъ вмѣсто подъѣздныхъ сараевъ, рядомъ съ ними „загороды“ для скота, а по другую сторону амбары и погребъ. За постройками вдоль усадьбы расположены токъ и наконецъ огородъ. Въ концѣ тока обыкновенно стоитъ нашенный хлѣвъ, куда крестьянинъ прячетъ отъ непогоды полову и лучшей кормъ. Клуны (ригъ) въ Свято-Дмитріевкѣ, по недостатку лѣса, крестьяне не дѣлаютъ.

Представляемъ планъ двора средняго хозяина.

Мойсѣй! Здравствуйте, дивѣци-трясѣци! Вынимаѣтъ Моисѣй свий мечъ; хѣчетъ ихъ быть и рубѣть. „Стой, Мойсѣй, не рубѣ, не наказывай“. Кто эту „молытву“ будетъ знать, того лихорадка не будетъ ни трусить, ни знобить.

Отъ вывиха: „Не десь и не здесь, а на сынѣму мѣрю лежѣтъ каминь бѣлый. На камини хтось сидѣтъ, высыжжѣе изъ жѣвтой кѣсты цвѣли (гниль), выкликаѣе: „жѣвтая кость, львовъ духъ! Якъ у льву духъ не дѣржыцца, то щобъ такъ у жѣвтой кѣсты (имя) звыхъ не держався. Николаю угѣдныку, мѣсяцю ясный, князю прекрасный, стань минѣ у пѣмощи въ пѣрвый разъ, у дрѣгый разъ, у трѣтій разъ. Аминь“.

Отъ бѣшенства: „Аронъ, Аронъ, Аронъ! Ампаціонъ, Ампаціонъ, Ампаціонъ! Дивхлинъ, Дивхлинъ, Дивхлинъ! Избѣви, Гѣсподы (имя)“. Эти слова 27 разъ написать на хлѣбѣ и дать съѣсть.

Отъ пули: „Гѣбытъ Илья пророкъ на колесницѣ громъ со великымъ дождѣмъ. Туча надъ тѣчей взойдѣтъ, мѣлонья сияѣтъ, —громъ грянетъ, дождь пойдѣтъ—порохъ залѣтъ. Пѣна изыде и языкъ косянъ. Кая раба, рабыца мечѣцца, отъ младенца не разришаѣцца, такъ бы у нѣго бѣлись и томѣлись пули ружейныя и орудѣйныя. Какъ отъ кочета нѣтъ яйца, такъ отъ ружья нѣтъ стрѣлянья. Ключъ въ небѣ, замокъ въ мѣри. Аминь“.

Отъ червей: „Святѣй ѣтче Никѣла, велѣкый пѣмощникъ, Самъ Господъ Саводѣъ и прѣчѣста Бѣжа Мѣты, пѣможѣтъ отъ чѣрвы шѣтѣты. Було чѣрвы 12 братѣвъ. Изъ 12 стѣло 11-тъ, изъ 11-ти 10-тъ, изъ 10-ты 9-тъ, изъ 9-ты 8-мъ, изъ 8-мы 7-мъ, изъ 7-мы 6-тъ, изъ 6-ты 5-тъ, изъ 5-ты 4-ри, изъ 4-хъ 3, изъ 3-хъ 2, изъ 2-хъ одѣнъ, изъ 1-го ни ѣдного у бычка (такой то) шѣрсты“.

Отъ бессонницы у дѣтей: Несутъ „пидъ кѣри“ и говорятъ: „дѣбрый вѣчеръ, дѣбрычки—чорнѣнькѣи, бѣлѣнькѣи й рябѣнькѣи кѣрочки. Возмѣтъ у насъ крыклѣвыци, а намъ дѣйте сонлѣвыци. Кѣры чѣрнии, кѣры бѣлии, кѣры рябии, мы до васъ прѣйшлѣ на вѣчорницѣ, возмѣтъ изъ нѣшого нарѣждѣного, молытвѣного, крѣщѣного (имя) плаксѣвыци, крыклѣвыци—наслани, подѣумани, погѣдани, вѣтромъ повѣяни, а намъ поплѣтъ сонъ со всѣхъ чѣтырѣхъ сторѣнъ“. Послѣ этого сплевывается три раза.

Отъ пліснявки: „Чередà йде до до́му, а пліснявка па́да до до́лу съ ро́жденного, мо́лывеного, крещеного (имя)“.

Молитвы. Часто крестьяне сами слагають молитвы, избѣгая молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, не вполне для нихъ понятныхъ. Напримѣръ:

Молитва на сонъ грядущій: „Крестъ въ головахъ, крестъ у ногахъ, ангелы по бокахъ. Ангелы хранители, храните мою ду́шу зъ вѣчера до півночи, съ півночи до ўтра, а отъ ўтра до скончаныя віка. Амѣнь“.

Молитва на ночь для охраны и муществи: „Сшелъ Іисусъ Христосъ съ небесъ, снесъ свой животворящій крестъ. Огради насъ, Господи, Святымъ Твоимъ Животворящимъ крестомъ. Покрый насъ, Господи, святымы Твоими облаками. Замыкай насъ Господи, своими семидесяти седьми замками. Огради насъ, Господи, святымъ Твоимъ честнымъ градомъ. Сохрани насъ, Господи, святыми Твоими Архангелами, Ангелами и Пресвятою Дѣвою Богородицею отъ змія, отъ звіря, отъ воривъ и розбійныкивъ и отъ всякаго лыходія“.

Религіозность крестьянъ сл. Свято-Дмитріевки видна изъ усерднаго посѣщенія ими храма Божія, заботъ объ его украшеніи, а также и изъ желанія грамотныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ поступать въ монашество, и, если это поступленіе по чьему нибудь невозможно, то „чернычатъ“ дома, т. е. носятъ темнаго цвѣта одежду, читають по умершимъ псалтырь, занимаются чтеніемъ книгъ и распѣвають молитвы и пѣсни. Пѣсни эти большею частью молоканскія, хотя у насъ ни молоканъ, ни раскольниковъ по близости нѣтъ.

Народъ мало развитъ; замѣчаются плутовскія наклонности; ко всему новому относятся враждебно и недовѣрчиво; при старикахъ и даже дѣтяхъ говорятъ, не стѣсняясь, всякія сальности и ругаются площадною бранью. Женщины какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, не ставятся наравнѣ съ мужчинами. Работая на семью, онѣ должны сами себя одѣвать, такъ какъ мужчины на наряды имъ денегъ изъ хозяйства не даютъ, а потому женщины воруютъ сами у себя различные продукты и продають ихъ тайно отъ семьи; проституція и пьянство развиты сильно, пьютъ даже дѣти лѣтъ 14-ти. Въ слободѣ 6 кабаковъ.

„Вечерницы“ начинаются осенью и продолжаются до начала весенних полевых работ. Состоятъ онѣ въ томъ, что дѣвушки собираются въ опредѣленную хату „на прѣхи“. Нерѣдко туда приходятъ парни, и тогда, кромѣ работы, бываетъ пѣніе различныхъ пѣсень и игры.

Свадьба.— „Старосты“ (обыкновенно два) берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстный домъ подъ окно, съ вечера. Старосты здороваются. Хозяйка имъ отвѣчаютъ. „Здоровъ, хазяинъ, пустить, пожалуйста, обигрицьця“. — „А Богъ васъ знае, що вы такѣ за людѣ“. „Та мы охотныкы, ходылы лысыць слидыть, тай збылысь зъ доробы. Пустить обогрицьця“, — „А коли добри людѣ, — йдите“. Войдя въ хату, начинаютъ сватовство, но всѣ переговоры ведутся индифферентно. Хлѣбъ принимается не съ перваго раза, а стараются сватовъ заставить прійти разъ пять. Принятіе хлѣба означаетъ, что родители согласны отдать свою дочь за предлагаемаго жениха. Послѣ этого старосты уходятъ къ жениху и возвращаются съ женихомъ и его родителями къ невѣстѣ. Войдя въ хату, женихъ садится у порога подъ „мѣсникомъ“ и сидитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не войдетъ невѣста. Входитъ невѣста; женихъ встаетъ и становится рядомъ съ нею; подходитъ мать невѣсты и спрашиваетъ у нихъ: „Якъ, сыночокъ, чы ты мою дочку зъ охотою берешъ? чы, може, тебе неволять? Якъ неволять, такъ шукай другу собѣ, сыночокъ“. Женихъ: „Якъ бы я не зъ охотою вашу дочку бравъ, ябъ и старостивъ не присылавъ“. Старосты: „Ну, а ваша-жь дочка якъ?“ Мать: „Якъ ты, дочко?“ Невѣста: „Якъ бѣтько та маты, такъ и я. (Хотя и не согласна)“. Распросивши молодыхъ, зажигаютъ свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолившись, женихъ и невѣста кланяются въ ноги по три раза, сперва родителямъ невѣсты, потомъ родителямъ жениха и наконецъ старостамъ. Послѣ поклоновъ родители договариваются о „подмѣжномъ“ со стороны жениха отцу невѣсты, которое состоитъ въ хлѣбѣ, или деньгами руб. 5—10. Женихъ удаляется, а невѣста даетъ „рушныкы“.

„*Рушныкы*“. Невѣста вноситъ на деревянной тарелкѣ два рушника и подаетъ ихъ старостамъ, которые и перевязываются ими. Рушники, все равно—въ богатомъ или бѣдномъ домѣ, грубые, полотняные и до того короткіе, что ихъ нужно дотачивать ве-

ревками. Повязавшись, старосты благодарят невесту, говоря: „спасиби тобі, дочко, що рано вставала, та рушники намъ пріяла“. Въ то время, какъ невеста даетъ рушники, молодыя дѣвушки поютъ:

„Шо ты думала, Шо ты гадала, Марьичка молодая?“ — „Те и думала, Те и гадала,	Шо не дасть Мене батенько. А мий батенько, Сивъ-голубъ, Все мною	Молодою Старостамъ ручку Тай по рушничку, А Семенкови хусточку“.
--	--	---

Получивши рушники, старосты вынимаютъ изъ кармана бутылку водки и обносятъ всѣхъ присутствующихъ, а отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ на „оглядины“, почему всѣ немедленно поднимаются и идутъ къ нему.

„Оглядины“. На оглядинахъ, гдѣ все раньше готово, родителей и родныхъ невесты сажаютъ за столъ и угощаютъ. На другой день отецъ жениха приходитъ къ отцу невесты и условливается о днѣ сватанья.

„Сватанья“. Сватанье происходитъ въ домѣ невесты такъ: собираются всѣ родные, входитъ невеста, и, поклонившись отцу и матери жениха въ ноги, здоровается съ остальными, цѣлуясь, а съ женихомъ раскланивается такъ, чтобы поклоны ихъ вышли мимо одинъ другого. Мать вноситъ платки и подаетъ ихъ невестѣ, которая повязываетъ ими родныхъ и крестныхъ родителей жениха и старшаго боярина. Платокъ, предназначенный для жениха, старшій бояринъ беретъ у невесты и затыкаетъ ему за поясъ. Перевязавши, невеста подноситъ всѣмъ водки, причемъ ее дарятъ деньгами. Подается обѣдъ, послѣ котораго всѣ идутъ къ жениху, гдѣ и угощаютъ ихъ, стараясь задержать какъ можно дольше, чтобы дать молодежи время наварить въ домѣ невесты варениковъ. На сватаньи поются слѣдующія пѣсни:

„Та даетъ мене, Та мий батенько И самъ бачыть, Шо не разъ, не два Та за мною Тай заплачетъ. Якъ по весни Та садочы	Та цвистынуть, Якъ дивочки Та виночки Та плестынуть, Мымо твоихъ Вориточекъ Тай нестынуть,— Та не будуть	Та до хаты Тай привертаты, Та не будуть Кватирочки одсуваты, Та не будуть Дивы—Марьички Выкликаты“.
---	---	---

* * *		
„Дашь мене,	Ой, уставай же,	И ранними
Мий батенько,	Мий батенько,	И вечерными
Тай оть себе;	Та равенько,	Зирочками
Остаецця	Тай польвай	И своими
Рута мьята	Руту-мьату	Дрибненькими
Уся въ тебе.	Тай частенько—	Слязочками“.

Если невѣста сирота, то поють слѣдующую пѣсню:

„Ой, великий дворъ,	Посылай, Марьичко,
Та маленький збиръ.	Соловья зъ саду
Чомъ не вся родынонька?“	До батенька на пораду,
„Ой, тымъ не вся	Сыву зозуленьку
Та родынонька,	На Вкраицоньку,
Шо немає батенька.	На ридну родыноньку“.
Батенька немає,	Ни соловья зъ гаю,
А чужий не знае,	Ни батенька зъ раю,
Тай порядку немає.	Ни родыны зъ Украины“.

„Варѣньки“. Въ то время, какъ родителей невѣсты угощаютъ въ домѣ жениха, въ домѣ невѣсты невѣста угощаетъ жениха сѣменами подсолнуха; молодежь варить вареники, которые лѣпятся съ сыромъ, мукою, сѣменами, сухимъ горохомъ и даже перцемъ; этими варениками дѣвушки угощаютъ молодыхъ парубковъ—бояръ, подсовывая имъ для смѣха вареники съ мукою, золою или перцемъ. На другой день отцы уговариваются о днѣ свадьбы.

Вѣнчанье обыкновенно бываетъ въ пятницу. Къ вѣнцу идутъ отъ невѣсты, куда раньше приходитъ женихъ. Послѣ вѣнчанія всѣ обѣдаютъ у жениха; пообѣдавши, невѣста уходитъ обратно къ своему отцу, остается тамъ до дня свадьбы и одѣвается такъ, какъ дѣвушка, украшая свою голову вѣнкомъ. Когда возвращаются изъ церкви, поють пѣсню:

„Схылылася верба до кориння.	Прыбрайся, матинко, прыбрайся,
Винчалася (ими) съ ранку до полудня.	Та до себе дружечокъ сподивайся.

„Шышки“. Послѣ вѣнчанья одна изъ родственницъ ходитъ и приглашаетъ знакомыхъ на шишки. Въ пятницу собираются дѣвушки и лѣпятъ изъ тѣста шишки (родъ хлѣбцевъ), а въ субботу собираются для этого исключительно женщины. Лѣпятъ, кромѣ шишекъ, „коровай“ и „лѣжень“, а также убираютъ

тѣстомъ „стѣорожа“ (вѣтки вишни или сосны, убранныя разноцвѣтною бумагою). Въ обоихъ случаяхъ поютъ пѣсню:

„Егорова ненька по улицы ходе	Та калачикивъ дбаты,
Та сусилочокъ просе:	Та порядки даваты;
Сусидоньки, мой голубоньки!	Бо я ий перву отдаю,
Приходить вы до мене,	Тай порядку не знаю,
Не до мене, до мого дятты	Тай до столу не прыступаю“.

„Пидвесилокѣ“. На столъ кладутъ коровай, лежень и хлѣбъ, въ который втыкаются три вишни, съ зажженными свѣчами. Вечеромъ собираются гости; въ сѣни входитъ съ дружкойми невѣста; подружій, пришедшій съ нею, говоритъ старостамъ: „стѣроста, пѣне пидстѣроста, благословѣть отцю, нѣньци въ нѣгы вѣпѣсты“— „Богъ благословѣть и мы благословляемъ“. И въ другій разъ и въ третій разъ— „Богъ благословѣть усѣ три рѣзы“. Послѣ этого „пиддружій“ беретъ платокъ, даетъ одинъ конецъ невѣстѣ, а за другой держится самъ и заводитъ ее за столъ. Дружки садятся кругомъ молодой. Входитъ отецъ и начинаетъ угощать молодую и дружекъ водкою. Невѣста предлагаемую ей водку отсылаетъ своимъ роднымъ. Черезъ нѣсколько времени входятъ старосты со стороны жениха и садятся у „мѣсника“, потомъ встаютъ и начинаютъ требовать, чтобы имъ дали умыть руки, говоря: „давайте намъ воды рѣкы мѣты: мы здалѣко йшли, пѣдалы, та рѣкы замѣзали. Та ще прийшли загадѣть, щобъ на зѣвтра у васъ бѣвъ намъ постоялый дворъ, щобъ бѣло сѣно и овѣсъ“. Подаютъ воду. Старосты моютъ руки, а мать даетъ имъ по рушничку. Дружки въ это время поютъ:

„Мыли старости ручки,	Наши рушнички
Глянули на калочки,	Шойковѣ торочки,
Чы не висѣть рушнички.	Шовкомъ мережени,
	А съ торгу привезени“.

Когда старосты, помывши руки, сядутъ въ ожиданіи закуски,—поютъ:

„Чого, старосты, сидыте?	Та вже, старосты,
Чомъ до домольку не йдете?	Темна ничъ,
А щѣжъ Марьичка	Стуцайте соби
Ваша—не ваша,	Хоть на всю ничъ.
Хоть заручена,	Пора, старосты, до дому,
Та не винчана, *)	Пойшли кони солому;
Вы ий не возьмете.	А якъ будете тутъ ночуваты,
	То будете й купуваты“.

*) Прежде это происходило до вѣнчанія.

Закусивши, старосты уходятъ домой.

Готовится для всѣхъ ужинъ, во время котораго дружки поютъ:

„Ой, на хати зильля,
А въ хати весильля:

Марьяна челядь
Сила вечерять“.

Послѣ ужина молодыхъ ведутъ спать въ отдѣльное помеще-
ніе. Дружки поютъ:

„Ой, у субботу, пидь недилю,
Пишла Марьячка въ шивляю;
А хто мене найде въ ций шивлийци,
Тому я достанусь.

Пишовъ батенько,—не найшовъ,
Вырвавъ квиточку, тай пишовъ.
Квиточка сле, серденько вьяне:
Нема нашої (имя).

Пишла матинька,—не нашла,
Вырвала квиточку, тай пишла.
Квиточка сле, серденько вьяне,—
Нема нашої (имя).

Пишовъ (имя жениха), тай найшовъ,
Взявъ за рученьку, тай пишовъ.
Марьячка моя зарученая,
Мини-жь ты досталася“.

Положивши молодыхъ спать, всѣ расходятся по домамъ.

„Свадьба“. Въ воскресенье гости собираются къ молодому
„выряжать поѣздъ“. Въ хатѣ „боярамъ и свитѣлкамъ“ пришива-
ютъ „квитки“. Дружки поютъ:

„Та звый соби
Симъ сотъ квитокъ
Щей чотыри,

Усімъ боярамъ
Но квитоцьци,
А (имя)

Квитки неѣмае:
(Имя) квитка—
Марьячка дивка“.

Выходятъ всѣ изъ хаты и садятся на повозки. Мать, на-
бравши въ заполь хмѣлю, орѣховъ и старыхъ денегъ, обыска-
етъ поѣзжанъ, беретъ лошадь за поводъ и выводитъ за ворота.
Поѣздъ ѣздитъ цѣлый день, предварительно заѣхавъ въ церковь,
гдѣ женихъ на паперти кладетъ три земныхъ поклона. Выѣз-
жая, поѣзжане поютъ:

„До церкви, сынку,
До церкви;

Помолывшись Богу,
—До дивки“.

Вечеромъ поѣздъ подѣзжаетъ къ двору невѣсты, тамъ ихъ
не пускаютъ нѣсколько разъ. Наконецъ, взявши окупъ, состо-
ящій изъ бутылки водки, впускаютъ поѣздъ во дворъ. Нерѣдко
поѣздъ въ воротахъ невѣсты проѣзжаетъ чрезъ разложенный
огонь. Всѣхъ поѣзжанъ и жениха ставятъ возлѣ порога, уго-
щаютъ водкою и дарятъ платками или лентами. Бояринъ бе-
ретъ жениха за платокъ и заводитъ за столъ. Въ это время
поютъ:

„Дружечкы-паняночки,
Посуньтесъ изъ лавочки,

Нехай цей панъ сяде
Била ции паняночки“.

Отецъ угощаетъ присутствующихъ водкою, а женихъ и невѣста, выражая и свою просьбу выпить, кланяются. Рѣжется, привезенный женихомъ, хлѣбъ и раздается присутствующимъ. Въ это время дружки поютъ:

„Дружко пелехатый Бига коло хаты: „Дежъ мни статы, Коровая краиты,— Чы въ руты, чы въ мѣти,	Чы въ рублений хаты?“ Дружечко коровой крае И семеро дитей мае Та вси съ кошелюми; Увесь коровой забрали“.
---	--

Въ то время, какъ дружко рѣжетъ коровой, бояры крадутъ куски коровой, а дружки поютъ:

„Чы не бачишь, дружко, Що бояры коровой крадуть,	А за насъ захиляюцца, — Короваемъ запыхаюцца“.
---	---

Послѣ этого двѣ свахи, одна со стороны жениха, а другая, со стороны невѣсты, надѣваютъ на голову—одна жениху шапку а другая невѣстѣ вѣнокъ, становятся по сторонамъ невѣсты и начинаютъ расплетать ей косу, снимать съ нея цвѣты и надѣвать на нее „очипокъ“, который невѣста срываетъ съ головы и бросается къ порогу. Надѣвши очипокъ, „покрывають“ невѣсту „серпанкомъ“, а если у ея отца есть пчелы, то накрываютъ платкомъ. Дружки поютъ:

„Покрыванка плаче, Покрывацьця хоче,	Не такъ покрывацьця, Якъ поцилувацьця“.
---	--

Свашки, покрывающія невѣсту, мѣняются головными уборами и цѣлуются. Когда покрываютъ молодую, поютъ:

„Брала Марычка лень, лень, ъ Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ.	На шо було браты, Якъ насъ выгоняты“.
--	--

Дружки выходятъ, а остальные берутъ „дизу“, ставятъ возлѣ порога, накрываютъ рушникомъ и обводятъ вокругъ нея три раза молодыхъ; при чемъ поютъ:

„Старый оселедько Не стое за редьку:	Не вспивъ оженицьця, Стала жинка быцьця“.
---	--

Имущество невѣсты складывается на возы и вмѣстѣ съ невѣстою увозится къ свекру, при чемъ поютъ для матери и невѣсты.

Для матери: „Загрибай, мате, жаръ, жаръ, Колн тоби дочкы жаль, жаль; Кыдай у пичь дрова, Та оставайся здорова“.	Для невѣсты: „Сидай, Марычка, на возы, Та кыдай норовы. Перви норовы—улиця, Други норовы—вычиринци, Третья норовы—куды йшла Батькову худобу занесла“.
---	---

Какъ только молодыхъ подвезутъ ко двору свекра, находящіеся въ поѣздѣ, поютъ:

„Выйди, матинко, огляди,
Шо тоби бояры привезлы.

Привезлы скрыню й перину
И молодую княгыню“.

Въ понедѣльникъ гости собираются дарить молодыхъ. Дарятъ хлѣбомъ, овцами и деньгами; всё подарки дружка записываетъ на стѣнѣ рогачемъ, такъ что послѣ этого всегда приходится вновь обмазывать хату. Подаривши, родичи и сосѣди приглаютъ всѣхъ къ себѣ. Эти приглашенія и переходы для гулянья продолжаются иногда недѣли двѣ и называются „перѣзвами“ или „бесідами“¹⁾.

Расходы на свадьбу простираются отъ 40 до 150 р., смотря по зажиточности, и состоятъ почти исключительно въ покупкѣ водки; водки выходитъ иногда ведеръ 20-ть.

Обряды и обычаи. Существуетъ обычай „размыванія рукъ“ на второй или третій день послѣ рожденія ребенка; состоитъ онъ въ слѣдующемъ: бабка варитъ въ горшкѣ васильки и хмѣль, наливаетъ этотъ отваръ въ тарелку и ставитъ на стулъ; возлѣ стула раскладываетъ васильки, въ видѣ креста, и придавливаетъ ихъ топоромъ. Приготовивши все, она ставитъ роженицу на топоръ и льетъ ей на ладони отваръ такъ, чтобы отваръ сбѣгалъ на локоть, съ локтя бабка подхватываетъ своею ладонью и даетъ пить роженицѣ. Это продѣлывается по три раза съ каждою рукою. Послѣ этого бабка и роженица испрашиваютъ другъ у друга прощенія въ нанесенныхъ другъ другу оскорбленіяхъ. Роженица даетъ бабкѣ мыло, холста на рубаху, подъ видомъ утиранія рукъ, и деньги. Крестьяне вѣрятъ, что, послѣ размыванія рукъ, больной становится легче, и она скорѣе поправляется.

На Рождественскіе праздники дѣвушки „водятъ козла“ т. е. становятся въ кругъ, берутся за руки и перекручиваются чрезъ руки, причемъ поютъ:

¹⁾ Если невѣста окажется потерявшей свою дѣвственность, то ее во время свадьбы заставляютъ носить воду дырявымъ рядомъ, а на ее родителей надѣваютъ хомуты и даютъ имъ водки изъ дырявыхъ рюмокъ.

„Выйды, выйды Пала-
женько
Та визнай свого Иванка.
Твий Иванъ молодець:
На правый руци обидець,

А на ливый килечко,—
До Палажки сердечко.
До Ивана, душенько:
Якъ заспивае,—
Лысты чытае,

Якъ заговоре,—
У звинь звоне,
Якъ засмиецьца,—
Серце вьецьца“.

* *

„Ой, Дунаю, Дунаю!
Не далеко отъ краю
Чабанъ вищи кармае
У дудочку награе,
На молодивъ моргае.
„Ой, выхлопцы-молодци
Накажить вы дивонци,
Що въ зеленій плахотци,
Нехай вона мене не жде
Нехай замижъ иде“.
А дивчына почувла,
Тай зъ улыця майнула.
Добигае до двора—
Заболгла голова,

Добигае до ворить—
Ухватила за живить,
Добигае до тыну—
Заболгла спина,
Добигае до хаты—
Стаза плакаты, рыдаты.
„Ой матусю, матусенько,
Шо мы будемо робыты,—
Неставъ чабанъ любыты“.
—„Бижы донько до млына,
Накопаемъ кореня
Съ пидь билого камня“.
Полоскала на ритьци,
Та настояла въ горильци;

Полоскала на леду,
Та настояла въ меду.
Поставыла на жару,
Сама сила бли жалю.
А ще корень не вкшиивъ,
А вже чабанъ прылытивъ.
„Ой шожъ тебе прынесло,
Чы човнычекъ, чы весло?“
„Привисъ мене сирый
квнъ
До дивчыны прямо въ
двирь“.
А дивчына не знала—
И постеленькы не слаза.“

Подъ новый годъ, въ день св. Меланьи, утромъ дѣти „ме-
ланкуютѣ“.

Мальчики:

„Чы дома, дома
Панъ-господарь.
А я знаю, знаю,
Шо винь дома.
Сыдыть винь
Квици стола,
А ва ёму

Шуба любя,
На шубочци
Калыточка,
А въ калыточци
Симъ шележечкивъ.
А намъ братци
По пирижечку,
А старымъ бабамъ
По палиныци,

Шобъ родылись
Быкы й телыци
И чорни згыныци.
(Если въ домъ есть дѣвушка,
то припѣваютъ:)
Отъ столу до порога,
Шобъ була дивка чорно-
брова.“

* *

Дѣвочки:

„Меланочка ходыла,
Васылечка просыла:
„Васылю, мий батьо,
Пусты мене въ хату;
Я жыта нажала,

Чесный крестъ держала,
Золоту кадильнычку,
Срибну тарыльнычку“.
Радуйтеся, люды:
До васъ Христось буде,
Богу свичку ставте,
А намъ пиригъ дайте,

Хоть маменький,
Та циленький.
Безъ рукъ безъ нигъ,
Шобъ не втикъ у снигъ;
Зъ руками й зъ ногами,
Шобъ бигъ за нами“.

Хозяева даютъ меланкующимъ по прянику или по пампушкѣ.

Вечеромъ взрослые дѣвушки ходятъ *щедровать*, причемъ поютъ:

„Прылытила ластивочка,
Сила, пала на виконечко.
Щедрый вечеръ,

Добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье.

Щей свитлонька та не метена,
Дивка Оксана та не чесана.

(Припѣвъ).

Разгнивалась та на батенька,
Не разгнивалась, та подумала.

(Припѣвъ).

Краялы свитку, та вкорстылы,

Шылы черевычки, та вмазлы.

(Припѣвъ).

Обризочки—та на квіточки,

А краечки—та на полсочки.

(Припѣвъ).

Дай, Боже, вечирь добрый

Хоть маленьку, та циленьку“.

„Сивъ Сусъ Христось та вечеряты,

Прышла къ ёму Божая Маты:

„Ой дай сынку золоты ключи.

Одимкнуты рай и пекло,

Выпустыты гришни души,

Лышь одну та не выпустыты

Шо батька-матирь та налаала,

Не налаала, та подумала“ *).

„Ой, на ричци на Ёрдани

Тамъ Марія рызы прала,

Прала, прала та не вымахала,

Повисыла на камни,

На червоний на малыни.

Де взялся янголята,

Взялы рызы на крылята,

Повеслы рызы по пидь небесамы“ *).

Игры. Дѣти играютъ весною въ игры: въ мячъ, въ чижика и пыжа, состоящихъ въ отбиваніи палочекъ; лѣтомъ—въ креймахы, т. е. въ хватаніе пяти камней по два, по три и врозь; зимою—въ свинки, отбиваніи другъ у друга палками, преимущественно на льду, круглаго чугунаго или деревяннаго мяча. Юноши и взрослые никакихъ игръ не устраиваютъ, хотя иногда присутствуютъ при игрѣ въ мячъ. Танцуютъ преимущественно казачка и метелицу. Музыкальные инструменты: сопила, скрипка, віолончель и барабанъ.

Повѣрья. Народъ вѣритъ въ вѣдьмъ и домовыхъ. Чтобы вѣдьма не дѣлала вреда коровѣ, у коровы проверчиваютъ рогъ, насыпаютъ туда маку и забиваютъ осиновымъ колышкомъ. Чтобы злой духъ не испортилъ скота, то, выгоняя скотъ первый разъ въ поле, перегоняютъ его чрезъ протянутый въ воротахъ поясъ и остро наточенную косу. Народъ вѣритъ, что пожаръ прекращается, если вокругъ него обойдетъ человекъ, читая молитву, которая ему приснилась во снѣ, даже, если молитва эта не похожа на каноническую молитву и въ молитвенникахъ не существуетъ. Когда кругомъ слободы росли лѣса, то иногда залетала птичка ремезъ, которая вьетъ себѣ висячее гнѣздо изъ ваты лозы. Ремезы вьютъ гнѣздо или съ однимъ отверстіемъ, или съ двумя. Существуетъ по этому поводу повѣрье, что, если пара живетъ не въ ладу,

*) Припѣвъ повторяется за каждой строчкой.

Та взяла наварыла.
Та одирвала
Русои косы,
Взяла накурыла,
Та взяла накурыла.
Иде возакъ
Та по улыци
Якъ рыбонька вьецця,
Та якъ рыбонька вьецця.

А изъ го
Молодого
Вся челядь смиецця,
Та вся челядь смиецця.
Та не такъ челядь,
Не такъ челядь,
Якъ тая дивчына,
Та якъ тая дивчына,
Шо любылися,

Та кохалыся
Якъ голубивъ пара,
Та якъ голубивъ пара.
А теперыча
Розійшыся
Якъ чорная хмара,
Та якъ чорная хмара“.

* *
*

„Пыйты, люды, горилочку,
А вы, гуси, воду;
Тяжко жыты сиротини
Безъ ридного роду.
Въ кого батько, въ кого
маты—

Е зъ кымъ розмовляты,
Въ кого браты, въ кого
сестры—
Е зъ кымъ погуляты.
Браты мои, браты дорогие
Чомъ до мене не ходете,
Що я убогая?

— Хоть ты убогая,
Такъ ты не гордал,
Хлиба, соли розгадаешъ,
Тай насъ привитаешъ,
Горилочки роздобудешъ,
Тай насъ почастуешъ“.

* *
*

„А за гаемъ гаемъ
Тры садочки рядомъ,
Та вси зелененьки
Зацвѣлы биленько.
У первимъ садочку—
Зозуля ковала,
У другимъ садочку—
Соловейко щebetавъ,
Въ третимъ садочку—
Маты зъ сыномъ стояла,

Сына правды пытала:
„Скажи мни, мій сыночку,
Хто на свити вирнень-
кай,—
Чы жинка, чы теща,
Чы ненька ридненька?“
„— Теща для привита,
Жинка для совита,
А ненька ридненька
Вся правда вирненька“.

„Якъ я тобой сыну ходыла
Тай свитомъ нудыла;
Якъ порожала,—
Смертеньки бажала;
А якъ породыла—
Тай Бога просыла:
Ой дай, Боже, долю
Моему сыночку
И въ поли, и въ доми,
И въ добромъ здоровьи“.

* *
*

„Галочка мой, галочка чорненька,
Скажи, галочка, де моя мыленька?
А моя мыла въ лузи надъ водою
Умываецця холодною водою,
А втыраецця шитою хустыною,
Малые бровы синею ожною.
Помалювавши, та лягла оддыхаты.
Прийшла свекруха невихну пробу-
жаты:

„Устань, невихно, устань, неробитнице,
Поди коровы, шо отъ батька нагнала,
Вяжыны вивци, шо мате дарувала“.

„Ой, годи, маты, цымъ очи выбиваты,
Я твого сыночка не неволыла браты.
У мене вивци—въ скрынъци у комирци,
А мой волы та коровы—
Биле лычко та чорни бровы“.

* *
*

Весняни.

1) „Та пора тоби вирбыця развыцця,
Та пора тоби, Иванко, женицця“.
— „Та ще мни женыться не пора,
Та ще моя дивчына молода,

Та нехай вона литечко погула,
Та нехай вона кисоньку покоха“.
Встань же, Параско, раненько,
Та вмый лычко биленько,
Та заплыты кисоньку дрибненько“.

<p>2) „Иванко паньчъ Первый павычъ,— Рано, рано Ранесенько. Иванко паньчъ Щей Хведоровычъ,—</p>	<p>Рано, рано Ранесенько. А ему пара, Параска пава,— Рожа, рожа Червоная</p>	<p>По батьоща Щей Ивановна,— Рожа, рожа Червоная“.</p>
<p>3) „Тай облоги, Та чого вы такъ рано облягли, Тай облягли? Тай обложили насъ парубочки, Парубочки. Рубы, рубы, Иванко, комирючки, Комирючки; Та спускай виконця схиць сонця, Схиць сонця. Туды будуть соловейки литаты, Та литаты;</p>	<p>Вони будуть хороше щebetаты, Щebetаты; Та дивку Наталку пробужаты, Пробужаты. Та вставай, Наталко, раненько, Та раненько; Тай умывай личыко биденько, Та биденько; Тай заплыты кисочку дрибненько“</p>	
* * *		
<p>„Ой, мате мой, Малыновий цвить, На шо отдала,— Завязала свить,— За такого Нехорошого.</p>	<p>Очи плачуть, А я сміюсь, Своёму горю Тай не подаюсь. Ой, горе, горе Шо я молода,</p>	<p>Шо я молода Якъ рыба вяла. Якъ рыба въ мори— А я въ гори, Якъ рыба въ пьску— А я въ тоску“.</p>
* * *		
<p>„Слаты минн не хочецьця И сонъ мене не бере; Пишовъ бы я до дивчыны, Та не знаю, де живе. Попросю я товарища, Нехай мене одведе, А товарищъ кращый мене, Винъ дивчыну одибье.</p>	<p>—Свиты, мисяць, свиты, мисяць, Свиты, ясная зоря, Просвѣтыжъ ты дорожень- ку До мылаго до двора. А въ моёго мылого</p>	<p>Кровать нова тесова, Кровать нова тесова, Подушечка пухова, Застелушка шовкова. —Лежыть мыла спочива, Лежыть мыла спочива, Щей дытыночка мала“</p>
* * *		
<p>„Чы я вилыла, чы и вбрыла, Чы мене пидыто, Чы самъ козакъ Не ставъ любыть, Чы ёго отбыто. Ой, одбыла шука-рыба Одь берега рьску; Одобрала дивчыноньва Отъ козака ласку. А я тую дрибну рьску Збыру на запаску,</p>	<p>Табыжъ тому козаченьку Пидйду пидъ ласку. Навидала, кубельчыко, Де утка несецьця; Та почула черезъ люды, Вражый сынъ смвещья Смийся, смийся, вражый сыну, Колы довелося; Колы мое биезъ личыко Съ твоимъ понялося.</p>	<p>Твое личыко, якъ яблочко,— Мое, изъ мамына, Руса коса до пояса, Сама чорнобрыва. Чого жъ зъ мене смиятыся Що тобі зробыла? Хиба того, шо такъ шьро Свиню полюбыла? Смийся, смийся, вражый сыну, Самъ посмихомъ будешъ;</p>

Якъ дамъ тобѣ зъ тыха
 дыха,
 По вѣкъ не забудешъ.
 Хоть я не дамъ, хоть я
 не дамъ,
 Такъ дастъ моя маты;
 Будешъ же ты, вражній
 сыну,

Ще мене й прохаты.
 Смийся, смийся вражній
 сыну,
 За смихъ тобѣ буде:
 Симв годъ трысяця тры-
 сятме
 Тай смерты не буде;
 На постели лежатимешъ,

Смерты бажатимешъ.
 Подай минѣ, стара маты,
 Съ кирця умыващя,
 Нехай зъ мене перестане
 Те стерво смиящя“.

* *

* *

„Уси братычки
 Поженыся,
 Все товарищи
 Подружыся,
 А я молодой
 Не женать хожу.
 Якъ посватався,—
 Тай утратився,
 Якъ оженывся,—
 Тай закурывся.
 Якъ узавъ жону
 Не по любви,—
 Ни биле лычко,
 Ни чорни бровы;
 Ни до батюшки,

Ни до матушки,
 Ни до мылого
 Чернобрывого.
 Запрѣгай, лакей,
 Тройку лошадей.
 Та якъ сядемо,
 Тай поидемо
 У Кытай городокъ,
 Та на ярморокъ.
 Я куплю жони
 Новый корабель,
 А за тотъ корабель
 Полтораца рублей,
 Полтораца рублей
 Щей съ полтыною.

Посадывъ жону,
 Самъ зъ дитыною.
 А корабль плыве—
 Ажъ вода рыве,
 А дитя плаче—
 Ажъ луна иде.
 —Воротысь мыла,
 Покормы сына.
 Не вернусь, муже,
 Бо побывъ дуже,
 Якъ побывъ рублемъ
 Тай вочалкою;
 Щей зовешъ, подлещъ,
 Тай коханкою“.

* *

* *

„У поли, въ широкимъ раздолѣ,
 Вырослы два дубочка,
 Схылыся верхи до купочки.
 Налынулы сиви голубочки,
 Йлы й пылы и врозь политылы.
 А лютучи, ричи говорылы:

„Голубъ сивый, голубка сивыйша,
 Батько ридный, а мате ридныйша.
 Батько й мате та все для порады,
 А дружна для розмовы.
 Горько жыты парню молодому
 Та щей не женатому“.

* *

* *

„А вчера тай зъ вечера
 Тры козаки прыйшло:
 Одынъ Донскый,
 Другый Морьскый,
 Третій Черноморьскый.
 Тай омывъ сядыть

Кинци столу,
 У скрипочку грае;
 Другый сядыть коло ёго,
 Медъ, вино кружае;
 Третій сядыть на перыни,
 Дывчыну пытае:

„Дывчынонька, повна роза,
 Чы свататы гожа?
 —Козаченьку, барвыночку,
 Сватай хоть уведиленьку,—
 Дывчынонька, повна роза,
 Свататы не гожа“.

* *

* *

„Ой пидъ вышнею,
 Пидъ черешнею
 Сидывъ голубокъ
 Изъ голубкою,
 Цылувалыся, мылувалыся
 Тай крылечкамы обнималыся;

Де не взявся сокиль
 Изъ врутыхъ горъ,
 Голуба вбывъ, голубку вловывъ;
 Сховавъ голуба пидъ калыною,
 Голубку называвъ вичъ дружиною;
 Узавъ голубку за билу руку,

Повивъ голубку въ нову свитловку,
Насыпавъ пшеница по сами грудця,
Налывъ водици—по колиночки.

Голубка куде, пшеница не кледе
Та все пидь калыну плакаты иде“.

Таже пѣсня 40 лѣтъ назадъ:

„Та пидь грушицею,
Пидь кудрявою,
Та пидь кудрявою
Та шей кучерявою
Сидила пара голубивъ.
Цылувались,
Мылувались
Та своему жытью
Дывовались.
Та де не взивси
Стрилецъ-молодець,
Розбивъ—розлучивъ
Пару голубивъ.

Голуба вбивъ,
Голубку вловивъ,
Та взявъ голубку
За билу руку,
Та повивъ голубку
Въ нову свитловку;
Насыпавъ пшеници
Повни свитлицы,
Налывъ водици
Повни склянички.
А голубка гуде,
Йистоньки не йде.
Та гуды не гуды,

Йистоньки йды.
Хоть гуды не гуды,
А вжежъ мни
Не первый винецъ;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей мни
Другый молодець;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей нагудешся,
Якъ уловимъ
Та прибаркаемъ,
Та вжей схамнешся“.

Колыбельныя пѣсни.

1. „Коту, коту, котусю
Займи нашу телусю
Та пожены на пашу,—

Дастъ молока на кашу.
Будемъ кашу варить,
Будемъ (имя) кормить;

А дитыночка маненька—
Вона каша раденька“.

* * *

2. „А котыку, китку,
Та вкравъ котыкъ китку,
Та вонисъ до Гали,
Положивъ на лави.

Стала Галя ката быты,
Стала Галя ката вчты:
„Не вчисъ, коту, красты,
Та вчисъ робты—
Черевычки шиты

Та не наскив,
Та черкаськии,
Та не дороги
По тры золотыи“.

* * *

3. „Котыку, котку
Не лизь на колодку,
Розибьешъ головку.
Головка буде болять,

Ничимъ буде завертить.
Одна була хустыночка,
Тай ту дивки вкралы
Та на куклы подралы.

Куколь наробылы,
Кота попобылы,
(Имя) розбудылы“.

* * *

4. „А люлечки люли,
Налитылы гули,
Та силы на люли.
А люля скринъ, скрынъ,

А (имя) спить, спить.
А люлечки, люлечки
Шовковыи вырвечки,
Малёвани быльця,

Пишлы до Кырмльця;
А Кырмлецъ ны гуля,
Черевычки поправля“.

* * *

5. „А въ дивчыны Гапки
Смолини лавкы:
Якъ сивъ, прикипивъ,
Вечериты не схотивъ.

Пишла маты заганяты;
Пидь пилъ пидогнала,
Очкуръ перервала.
Очкуръ зъ бузыны

Матня съ пелены.
Тулу, тулу до дивоць,
Найившыся ягидокъ“.

Шутовская пѣсня.

Ожыився щыголь тай думае,
 Шо женьвса, утратився тай жинки
 ны мае.
 Сыдыть щыголь на пиньку у лодони
 плеще:
 Напиймося, найижмося, е ще.
 Попылы й пойлы, смиху наробылы.
 А вороны на той часъ коровай зли-
 пылы,
 Сороки—пруданки скачуть поверхъ
 лавкы;
 Видна жъ наша голововька, вымае
 кыбалкы (очипка).
 А чайка кыгичить, на высвляя клычить,

А кулычка съ кулычкомъ на высвля-
 лячко разкомъ,
 А чанелька красна на высвля ласа;
 А пчолы та осы тай покусалы чанлю.
 «Туть буду почуваты, до дому ны
 втраплю».
 А пырыпыльця хату вымытае,
 Сыдыть сова квици стола, скоса по-
 глядае;
 А снчъ на порози сыдыть на сторожи,
 А дурный пугачъ бизъ памьтаты лы-
 жить на морози,
 А комарь у лиси гостей зазывае,
 Чмилъ меду додае, зазовивъ ны мае.

Побасенка. „Якъ мы зъ дѣдомъ жылы, ще бѣтька на свѣти
 ны булò; та булò у насъ дви пѣри волѣвъ чужыхъ, а третя ны
 наша. Поѣхалы орѣты мы, люды зъ волѣмы, а мы такъ зъ дѣ-
 домъ. Ну, мы наорѣлы, а чумаки ѣхалы, та нашу оранку на
 колѣса ѣ забрѣлы. А я дѣвчина тодѣ ны вылычка булò, та по-
 бѣгла за чумакамы оранку збѣраты; назбѣрѣла иѣй повну пеле-
 нѣ, принесли до дѣда, тай роскыдѣлы мы ту оранку и насѣя-
 лы грѣчки. Пишлѣ у недѣлю, а вона урòдыла густѣ, а посе-
 рѣдыни пѣстѣ, а по краямъ нымѣ ничòго. Мы зъ дѣдомъ и по-
 жѣлы, наклѣлы на кòмини три екѣрты съ половѣною, а бо щей
 дѣли. А у насъ булò гулевѣ худòба—быкъ—вòша; та якъ по-
 бѣгла кòло стòга, якъ тырнѣцьця обѣ стигъ, тай звалѣла въ по-
 мѣйныцю, а мы зъ дѣдомъ выкыдѣлы, выкыдѣлы снòпыкы, та
 тамъ вчынылы ѣ замисѣлы, а бѣба напеклѣ бѣблыкивъ грычѣ-
 ныхъ. Повызлѣ бѣблыкы въ гòродъ продаваты, хто кѣпе — ны
 кѣпе, а бѣбу по плѣчахъ лѣпе. Попродалѣ бублыкы, узѣлы ѣ
 поѣхалы до дòму. Ёидемъ до дòму, бѣба барышѣ, щытѣе: „у ко-
 гò барышѣ въ кашпѣцѣ, а въ мѣне—мижъ плѣчѣма“. Прѣѣха-
 лы до дòму, а бѣтько тѣлько шо народѣвся та хòде по хѣти
 ны облызанный. Ну шо жъ туть ёмѣ робѣть? Трѣба на ѣлыцю
 нысты, забавляты. Полѣзъ дѣдъ на дѣба яѣць дрѣты, бѣтька
 забавляты; вѣдравъ двòе утѣчыхъ, прынѣсь до дòму тай дѣма:
 шо бѣ ёго посадыты? Прѣѣшлѣ въ двѣрь чужѣ свѣня и завох-
 тѣла. Мы ии посадылы, вона вылупыла двòе утѣтъ на дрѣгый
 день. Мы ихъ выгналы въ черѣдѣ; у вѣчери прѣхòдять: одна

принесла глэкъ молока, а друга—пидъ крыломъ пятака. На другый день мы надоили повну хату молока и двѣри позачинялы и почалы масло колотыть. Выгналы два ополонка вверхъ масла, а останне масло въ погрибъ. А дали вже, якъ прыйдуть, такъ сыръ и масло самѡ пада въ погрибъ. Кинулысь въ погрибъ до масла,—ажъ вонѡ зацвилѡ; мы давай ключкою тягты, та на тынъ вишаты просушуваты. Просушылы, на визь складлы и рублёмъ утяглы; запряглы чужѡго кабанѡ и волѡ и повызлы въ городъ продаваты, а дидъ пишовъ вперѣдъ мѣста одыраты, де зъ масломъ стѡты. Отъ идѹ я на мистѡкъ, а кабанъ та виль заспорылы: той туды, а той туды тягне, тай перекынулы масло въ грязь. Въ городѣ во вси дзвѡны по маслови дзвѡнять, а дидъ дѹма: це ны даромъ такѡ трывога, колыбъ тамъ зъ масломъ чѣгѡ ны случылось. Прыхѡде до масла, а ужѣ масло згасло, пырымишалось съ грязью. Плакалы, плакалы, у лодѡни ляпалы. А дидъ каже: пойдымъ въ Боровѣнку та кѹпымо бжолѹ. Прыйхалы въ Боровѣнку, а чоловикъ зъ Варваривкы прывѣвъ бжолѹ прывязану до вѡза и пыхтырь, шо носе медъ до шѣи прывязанный. Сторгувалы бжолѹ и йдымъ до дѡму. Прыйхалы до дѡму тай послалы бжолѹ у Лозовѡтой за мѣдомъ. Вонѡ набрала повынъ пыхтырь ѣгѡ и нысѣ до дѡму. И напѡлы ии шарѡю собѡкы и розирвалы, пыхтырь порвалы и медъ пойлы. Якъ пишылы мы на другый день, ажъ лыжыть порвана бжолѡ и пыхтырь порѡжнѣй. Такъ мы тодѣ прышылы до дѡму, запалылы хату тай пошыль розвѣялы, шо бъ бѡтковѣ нычѡгѡ ны достѡлось. Ныхай собѣ дба.

Влѣяніе литературнаго языка сказывается въ появленіи новыхъ словъ: предьясныть, облокать, опынація, сторія, шланбовъ (предьявить, адвокатъ, ашеляція, исторія, шлагбаумъ).

Хаты жителей преимущественно деревянные, о четырехъ окнахъ: два на улицу и два во дворъ, обѣ одной комнатѣ съ сѣнями, а нѣкоторыя съ чуланами, устроенными въ сѣняхъ. Избы бѣлятся снаружи и внутри бѣлою глиною или мѣломъ. Въ хатѣ около стѣнъ—двѣ лавки и „поль“, замѣняющій кровать; въ переднемъ углу помѣщаются иконы съ висящею передъ ними лампадою, въ томъ же углу передъ лавками находится столъ. Передній уголъ по бокамъ иконъ оклеиваютъ полосками „шпа-

дерь“ или „квичають“, т. е. раскрашиваютъ синькою и суркомъ. „Квичають“ такъ-же нѣкоторые и коминь печки, находящейся съ правой стороны при входѣ въ избу. При каждой печи устраивается лазная печь и лежанка, которыя часто замѣняютъ кровать. Въ лѣвомъ при входѣ углу помѣщается шкафъ для посуды; для той же надобности надъ дверью или вверху на стѣнѣ придѣлываютъ полку. По праздникамъ около иконъ и вообще по стѣнамъ вѣшаютъ рушники, вышитые разными узорами. Передъ хатою бываетъ палисадникъ, гдѣ разводятъ деревья и разные цвѣты.

Дворъ огораживается плетнемъ; постройки во дворѣ большею частию хворостяныя и только у болѣе зажиточныхъ—деревянные амбары для хлѣба; клуни для молотбы хлѣба устраиваются на столбахъ. Во время военного поселенія, хаты строили съ фронтонами, а въ настоящее время безъ фронтоновъ, а съ подташками на столбахъ (родъ балкона). Оконныя ставни и дверныя притулки окрашены красною глиною. Почти въ каждой хатѣ встрѣчаются одинъ или два крестообразно укрѣпленные подъ потолкомъ сволока.

Одежда. Еще недавно мѣстные жители не отличались изысканностью въ платьѣ, одѣвались очень просто: рубаха, запаска или дергъ и свита—собственного издѣлія—составляли весь уборъ; въ настоящее время, не говоря уже о парняхъ и дѣвкахъ, которые, другъ передъ другомъ стараются блеснуть своими костюмами и пожилые покупаютъ для своего платья: мужчины на ченарки и шаровары, а женщины на сарафаны (юбки) и на юпки (кофты)—разныя матеріи у торговцевъ изъ лавокъ; дѣвушки почти всѣ дѣтомъ носятъ бѣлые миткалевые съ бахромою по краямъ платки, а по праздникамъ повязываются шелковыми платками, сложивши платокъ навось въ видѣ полоски шириною въ ладонь, и на боку прикрѣпляютъ цвѣтокъ, а въ косу влетаютъ много лентъ. Женщины въ праздничные дни носятъ на головѣ парчевые „очипки“, которые, впрочемъ, уже выходятъ изъ моды, повязываются шелковыми платками, а по буднямъ носятъ недавно вошедшіе въ моду капоры, стеганные на пеньковыхъ клочьяхъ или на ватѣ. Верхняя одежда мѣстныхъ жителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, — свиты изъ

бѣлаго сукна, у мужчинъ съ двумя усиками, т. е. сборками; сзади, съ воротникомъ, обшитымъ по краямъ плисомъ, у женщинъ съ тремя усиками и верхнею полою, вышитою черными нитками. Зимною жители носятъ бараньи тулупы, часто домашняго издѣлія; а болѣе зажиточные и молодые носятъ купленные готовыми полушубки. Лѣтомъ мужчины носятъ картузы, причемъ они у парней отличаются бѣльшимъ донышкомъ, чѣмъ у пожилыхъ; зимою носятъ шапки, „капелюхи“, сдѣланныя изъ сукна и искусственнаго барашка. Обувь носятъ какъ мужчины, такъ и женщины щеголеватую, непременно съ высокими подборами и на подковкахъ. У женщинъ лѣтомъ открытыя башмаки. Щеголеватость въ костюмахъ мѣстными жителями занесена изъ донскихъ мѣстъ, куда они на лѣто уходятъ на заработки. Стоимость наряда, какъ мужскаго, такъ и женскаго, простирается приблизительно до 25 р.

У болѣе зажиточныхъ мѣстныхъ жителей въ скоромные дни пищу составляютъ—свиное сало и молоко, а осенью — баранина; у бѣдныхъ пища въ мясоѣды почти ничѣмъ не отличается отъ постной. Постная пища жителей состоитъ изъ хлѣба, картофеля, соленья и капусты. Вообще пища жителей, вслѣдствіе неурожаевъ и скотскихъ падежей, — вмѣстѣ съ оскудѣніемъ матерьяльныхъ средствъ, становится годъ отъ году все однообразнѣе и скуднѣе.

Такъ какъ сл. Ново-Астрахань занимаетъ низменную мѣстность, то изъ болѣзней болѣе всѣхъ здѣсь развита малярія; кромѣ того, вслѣдствіе дурнаго питанія населенія, распространено желудочно-кишечное расстройство. Несмотря на то, что въ послѣднее время мѣстные жители стали гораздо довѣрчивѣе относиться къ медицинскому персоналу и почти всѣ при болѣзняхъ обращаются къ нему за помощью, многіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ мѣстнымъ народнымъ средствамъ. Такъ, при боли живота завариваютъ „сояшныци“, „скыдають глѣчики“, шепчуть отъ „завійнои“, пьютъ сокъ полыня и деревея, разведеннаго съ водою и солью, выливаютъ „вблосъ“ при нарывахъ, шепчуть при испугѣ отъ „переполѣху“, а также отъ вывиха и зубной боли, — дѣтямъ отъ бессонницы, отъ укушенія змѣи; шепчуть и отъ кровотеченія и отъ „прозѣру“ (если кого сглазятъ) и проч.

„Завариваніе сояшницѣ“. — Берутъ глиняный кувшинъ, кладутъ въ него немного конопли и зажигаютъ; на животъ больного ставятъ миску съ водою, переворачиваютъ кувшинъ въ миску и ставятъ вверхъ дномъ, туда же въ миску кладутъ ложку, ножъ и веретено; въ то время, какъ вода, клокоча, поднимается въ кувшинъ, бабка беретъ изъ миски поочереди ложку, ножъ и веретено и чертитъ ими крестообразно на днѣ кувшина. Огонь въ кувшинѣ быстро гаснетъ. Бабка снимаетъ кувшинъ, прибавляетъ конопли и, зажегши, опять ставитъ кувшинъ въ миску и повторяетъ крестообразное черченіе ложкой, ножомъ и веретеномъ на его днѣ. Тоже самое дѣлается и въ третій разъ. Затѣмъ даютъ больному пить изъ миски крестообразно воду съ солью и даютъ ему животъ вынутымъ изъ кувшина и обмакнутымъ въ деготь ключемъ. Все это лѣченіе сопровождается словами: „Сояшницы витрянны и глазныи, зъ сирыхъ глазъ и карыхъ глазъ и прозирни, и водяныи, и простудни. Матери Божій, Мыколая угодныка и всехъ святыхъ просю пособыты, помогты новорожденному, крещеному (имя больного)“.

„Завійна“. — Берутъ качалку, ставятъ на столъ вертикально и закруживаютъ, какъ будто что растирая, при этомъ говорятъ: „Завійна глазна, завійна прозирна, завійна водяна, завійна витряна, завійна полунѣшна. Матери Божій, Царьци небесной и всехъ святыхъ просю и молю пособыты новорожденному, крещеному, старому (имя)“. Послѣ этого бабка обмакиваетъ въ деготь тряпочку и, обсыпавши ее солью, прикладываетъ къ пупу больного.

Взять деревянное ведро, поставить на порогъ вверхъ дномъ, потомъ налить на дно воды, положить „жару“, (раскаленныхъ углей) пшена, соли и говорить: „Ты, завійна, витряна, стріжына, ззидына, прозирна“. Затѣмъ составомъ, находящимся на днѣ ведра, крестообразно напоить больного и, обмакнувъ пальцы въ эту жидкость, провести ими по животу больного.

Отъ боли живота еще пьютъ растертое свяченое пшено или чернушку съ водою и солью. Больныхъ „супротівникомъ“ (конвульси) кормятъ „дарникомъ“ (артосъ) и подкуриваютъ херувимскимъ ладаномъ.

Отъ „переполоху“. Прежде всего нужно посерѣзывать съ рукъ и съ ногъ ногти, потомъ постричь крестообразно волосы на лбу, на затылкѣ, съ праваго и лѣваго висковъ; тогда поставить больного у двери къ притолкѣ и въ томъ мѣстѣ, куда доходить голова больного, просверлить дырочку, положить въ нее, закатанные въ воскъ страстной свѣчи, срѣзанные ногти и волосы и забить осиновымъ колышкомъ со словами: „выклькѣю и вызывѣю изъ парожде́ного раба́ Божого (имя)—супостата, дьявола и заклинаю“! Дѣлать это непременно нужно въ субботу, когда выходятъ изъ вечерни.

„Выливаніе „переполоха“ на воскъ“. Бабка идетъ „по-воду“ и, пришедши къ колодцу, говоритъ: „Здравствуй, вода Ульяна и земля Тытяна, я прышла до тебе воды набрать и здоровья попытать“. Набираетъ воды и несетъ домой. За водой бабка идетъ до свѣта, чтобы набрать „непоча́той“ воды. Наливаетъ въ миску воды и, растопивши воскъ, выливаетъ его въ воду со словами: „Выльвайся, переполохъ, на дороги, на очерета, на болота, на густии миста, де люды ны ходять, чоловічий гласъ ны заходе; и батьківський и материнський, денной и ношной, полуношный, дидівський, бабівський, крылящий и трепетящий, до христьянына ны доступыть, и кровы ны побушувать и кости ны зломить, пыщи ны отбыть и христьянского тѣла ны стрывожыть“. Въ началѣ и въ концѣ читается молитва: „Да воскреснетъ Богъ“.

„Выливаніе переполоха на олово“. Растопить олово, вылить въ воду, говоря: „выходы, переполохъ, съ головы, съ кости, съ мозку, съ рѣсыхъ волось, съ бѣлого лица, съ твоёго сѣрця, я тебе заклинаю на очеретахъ и на болотахъ, на густыхъ листахъ, де люды не ходять и чоловічий гласъ не заходе“.

„Выливаніе переполоха на яйцо“.—Взять куриное яйцо, покачать имъ по лицу, головѣ и всему тѣлу больного со словами: „Туть тобі не стояты, жѣвтой кости не ломаты, чырвоной крови не пѣты, щѣраго сѣрця не вѣялыты, бѣлого тѣла не сушыты, крещёного, рождёного раба́ Божого“ (имя). Затѣмъ взять стаканъ съ водою, поставить на голову больного и на порогъ выпустить бѣлокъ яйца въ воду; тогда смотрѣть въ стаканъ: если больной не выздоровѣетъ, то въ стаканѣ покажется изображе-

ніе священника или могилы, а можетъ показаться и тотъ предметъ, который причинилъ испугъ.

Заговоръ при кровотеченіи. „Гѣсподы, поможѣ отъ крѣви шептáты и молѣтву чйтáты: Отче нашъ“. Прочитавши эту молитву, бабка говоритъ: „Ййхавъ дидъ старъ, пидъ нымъ кинь каръ, а ты чырвѣна кровъ стань. На мѣри два братѣ сичуцьця, рубáюцьця, сестрà прыйшла, кровъ ны пишла“. Эти слова проговорить 3 раза.

Отъ „прозѣру“ (сглазъ). Въ миску налить воды, поставить на столъ и говорить: „Гѣсподы, поможѣ отъ прозѣру шептáты и молѣтву чйтáты: Отче нашъ“. Потомъ бабка говоритъ: „Водà бигуча, водà котюча и водà Йордàнська берегѣ потопыла и лугѣ поломыла, нарождѣному, молѣтвяному, крещѣному (имя) урѣкы отходыла, а урѣкы водяни, витрянѣ и прозирниѣ. Во вики викѣвъ. Амѣнь“. Проговоривши эти слова три раза, умываютъ больному крестообразно лицо, руки, грудь, ноги, затылокъ, мочатъ голову и даютъ больному пить крестообразно изъ миски воду. „Прысвятáя Богорѣдыця, вылыкая помѣшныця, св. Миколáй угѣдникъ, скѣрый помѣшныкъ, святѣи апѣстола, стáньте на помѣчи. Кѣивськи, Охтѣрськи, Печѣрськи, Святогѣрськи, св. Митрофанъ Ворѣнижськѣй, вѣлыкѣй помѣшныку, Мáтерь Бѣжа двохрѣчна, трѣхрѣчна, поможѣте, благословѣте одъ усякои болѣзни, отъ урѣкѣвъ. Вы врѣкы, врѣчыща, витрянѣ, водяни, супротѣвни, спытѣни, зыдыни, мужыцьки, хлопьячи й дивчáчи, тутъ вамъ ны стояты, щѣрого сѣрця ны тошныты, жѣвтои кѣсты ны ломыты, червѣной крѣви ны пыты. Хрыстáмы забывáю, молѣтвамы выкыкáю, вызывáю съ твоѣхъ плычѣй, съ твоѣхъ рѣкъ, съ твоѣхъ ныгъ, съ твоѣхъ пáльцивъ, съ твоѣхъ семыдесяты сустáвцивъ, съ твоѣи головѣ. Идѣть собѣ, врѣкы, врѣчыци, на очеретà, на болѣта, на гныли колѣды, де й вѣтеръ не захѣде, де й пѣвни не спывáютъ, де й огни ны горятъ, лáданы не курятъ, хрыстыяньскѣй глáсъ не захѣде. И во вики викѣвъ. Амѣнь“.

Какъ „скидаютъ глѣчки“.—Животъ больному смачиваютъ и натираютъ мыломъ, на то мѣсто, гдѣ должно ставить кувшинъ, кладутъ немного гущи изъ хлѣбного квасу, вырѣзываютъ кружѣчекъ изъ корки хлѣба, и, укрѣпивши въ мякишѣ по серединѣ небольшую восковую или сальную свѣчку, кладутъ на жи-

вотъ сверхъ гущи, зажигають свѣчку и ставятъ на это мѣсто перевернутый кверху дномъ кувшинъ. При этомъ шепчуть, какъ отъ прозору.

„*Выливаніе волоса*“. Беруть 27 ржаныхъ колосевъ, кладуть на нихъ больной палець, или вообще больную часть тѣла, льютъ сверху теплую воду и говорятъ: „Лійся, волосъ, на колосъ, водяній, витряній, прозірній, подуманій, погаданій, пидстригынній. Тутъ тобі ны стоять и ны бувають, а жовтой кóсты ны ломыть, и бѣлого тѣла ны сушыть, и червóной крóвы ны мутыть, и сустáва ны крутыть“. Эти слова проговорить три раза.

Отъ „*коликѣ*“. — Взять ножъ, слегка дотрогиваться имъ до больнаго мѣста и говорить: „Коліочка волянá и витрянá, прозірна и подумана и погадана, пидстригына, спыгына, зыдына, отъ лыха и отъ чоловіка, и отъ робóты, и отъ усякой забóты. Во віки виковъ. Амѣнь“.

Отъ *нишныць* (бессонницы) у *дѣтей*. — „Гóсподы, поможь отъ нишныць шептáты, мольтву читáты: Отче нашъ“ и т. д. Потомъ бабка говоритъ: „Драствуй, дубе, въ тебѣ сынъ Максѣмко, въ мене дочь (имя ребенка), ныспывка; возьми собі нишныци, ныспывци, шо ны сплять дѣнно и нóшно, я ихъ изсылаю на очеретá и на болотá, де кúры не спивáють и собáки не брѣшуть и дытáчий голосъ не захóде“ (3 раза).

„Чóрнии кúры, били кúры, зозулясти кúры и семенáсти и сидлáсти, возьмите крыкльвця, плаксывця, и подумани, и погадани, и помыслени, наслáни, переслáни, и сонцевѣ, и дощевѣ, витрянѣ, тутъ тобі не стояты, щырого сѣрця не тошныты, жовтой кóсты не ломыты, пиды собі де гылля недылля, де гúсы не ходятъ, де людскый гласъ не захóде. Кúры, кúрыци, возьмѣть отъ хрещёной, мольтвяной (имя) нишныци“ (3 раза).

Отъ „*бышыхи*“ (рожистаго воспаленія). — „Прыйды, Гóсподы, помогáты, отъ бышыхи шептáты. Бышыха, бышыще, болячка, болячыще, нежыть, нежытыще! — и подумана, и погадана, и помыслина, и наслана, тутъ тобі не стояты, щырого сѣрця не тошныты, чырвóной крóви не пыты, жовтой кóсты, не ломыты, пиды собі, де гылля ныдылля, де людськый гласъ не захóде. Бышыха туркѣня, бышыха нимкѣня, бышыха пруська, бышыха

жыдóвська и нѣхрѣщена и немолитвяна“. Эти слова сказать 9 разъ, а потомъ еще 3 раза.

Отъ *заговора отъ зубной боли*: „Звирь у по́ли, ка́минь у мѡри, а мѣсяць на нѣби,—и пособѣты новорождѣному, крещѣному, старѡму (имя). Колы́ци три братѣ зйдуцьця, тодѣ у новорожде-ного, крещѣного (имя) зѹбы болѣтымуть. Новорождѣному, крещѣ-ному (имя) червѡмъ ротѣ замовляты, шобѣ ны зудѣлы въ зубѡхъ“.

При рожденіи мѣсяца надо выйти на дворъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ увидишь луну, остановиться и проговорить 9 разъ слѣдую-щее: „Молоды́че, молоды́че, чы бувъ ты въ старѡго, чы болять зѹбы у мѣртваго? Якъ у мѣртваго ны болять, то такъ и у (имя) не болилы и не щемѣлы, и закамьянилы“.

Отъ *вывиха*. Направлять свихнутую руку или ногу и гово-рить: „ишла корѡва чѣрезъ мисть,—золотѣ рѡгы, золотѣ нѡгы, зо-лотѣ зѹбы, золотѣ гѹбы, золотѣй и хвисть. Исцилы, Гѡсподы, свихнутую, злѡмленную, стревѡженую кисть“ (9 разъ).

Отъ *бѣльма*. „Ййхавъ Юрѣй на конѣ, за нымъ бѣгло три хор-тѣ, одѣнь сѣрый, дрѹтый бѣлый, трѣтѣй чѡрный. Сѣрый склы-каѣ, бѣлый сзывѣѣ, а чѡрный злызуѣ, бѣлый склыкаѣ, чѡрный сзывѣѣ, а сѣрый злызуѣ, чѡрный склыкаѣ, сѣрый сзывѣѣ, а бѣ-лый злызуѣ“ (9 разъ).

Отъ *„свырбѣчки“* (крапивной лихорадки): „Прысвятѡя Богорѡ-дыце, вѣлы́кая помѡщныце, помѡжь, Гѡсподы, цю свырбѣчку зигнѡты, зислѡты на очерѣтѡ, на болѡтѡ, де огнѣ ны горять, де лѡданы ны курѡть и херувѣмскѣй лѡданъ ны захѡде“ (9 разъ).

Отъ *„простуды“*. Покупають въ лавкахъ декохть, леверъ, кал-ганъ, бѣлый инбиръ, рожки, варять все это въ кувшинѣ, накры-томъ деревяннымъ кружечкомъ и замазанномъ тѣстомъ. Лѣкар-ства этого дають пить въ сутки не менѣе кварта. Курсъ лѣ-ченія 12 дней. Если же больной послѣ перваго курса не вы-здоровливаетъ, то лѣчится до 24-хъ дней и до 30. Раны при этомъ засыпають мѣдянкой, а потомъ и прикладываютъ мазь, состоящую изъ свиного и бараньяго сала, лѡдану, воску, смо-лы и глицериноваго мыла.

Отъ *укушенія змѣи*. Давить укушенное мѣсто пальцемъ и говорить: „на Есѣанскѣй горѣ совы́няче гнѣздѡ, а въ тимъ гнѣздѣ царѣця-совы́ця, выймай свои слѹты, выймай свои зѹбы, сѣ-

ри й біли, смугнасти, полосасти, хатни, загатни, лугові, лисові, зымяні и водяні и жовти жовтяныци“ (9 разъ).

Въ чистый четвергъ крестьянки до свѣта прядуть на порогѣ, причемъ веретено крутятъ не въ ту сторону, какъ обыкновенно, а наоборотъ, къ себѣ. Напряденную пряжу сматываютъ на клубокъ и сохраняютъ на случай; если у кого изъ семьи заболитъ рука или нога въ суставѣ, ея перевязываютъ больное мѣсто.

Народное лѣченіе „шептаниемъ“ имѣеть, по всей вѣроятности, нѣкоторое сходство съ лѣченіемъ путемъ внушенія. При немъ также требуется наличность извѣстныхъ, часто субъективныхъ, свойствъ. Шептаніе только тогда приноситъ пользу, „якъ кровь (шептухи) пидь кровь (больного) пидійде, або вѣлосъ пидь вѣлосъ“.

Для лѣченія скота у мѣстныхъ жителей имѣются также свои средства: шепчуть отъ перелоговъ, отъ бѣльма; заговариваютъ кровь, при „чмырѣ“ въ уши больному животному задуваютъ соль и проч.

Отъ „перелогивъ“.—Перевязываютъ больное животное вѣичальнымъ поясомъ и покрываютъ рушникомъ, въ которомъ святятъ пасхи. Обводятъ вокругъ животного мужскою шапкой.

Заговоръ отъ „перелогивъ“: „Гѣсподы, поможы отъ перелогивъ шептаты, мольтву читаты: Отче нашъ и т. д. На мѣри на окіяни, на ѡстрови Буяни тамъ стоявъ дубъ Хвыльщъ, а на тимъ дуби тридевять гнздѣй; де не взялыся тридевять орлѣй, розныздѣлы, розносѣлы; перелѣгы чѣртови въ рѣгы отъ егѣ (названіе масти больнаго животного), отъ червѣной крови, отъ егѣ пѣльцивъ тридевять сустѣвцивъ. (При этомъ надо дунуть и плюнуть, а потомъ продолжать). Водяні, витрянї, подѣмани, погѣдани, пидстритынни, во вѣки вѣковѣ. Амѣнь“. Отъ „перелогивъ“ рогатому скоту: „Пидь горою груша стояла, пидь грушою прыстѣль стоявъ, на прыстѣли Сусъ Хрыстѣсъ спочывавъ и перелѣгы топтавъ: стритынни, зѣдыни, прозирнї, витрянї, водяні“ (9 разъ). Отъ перелоговъ лошадямъ: „Поможы минї, Гѣсподы, и вси святїи и св. Харламшїй. Сыдыть Богъ и Онїсїй, Богови пѣлка, а Онисїеви шапка, а чѣртови перелѣгы“. Отъ бѣльма: „Йїде св. Юрїй чѣрезъ золотїй мистъ на бѣлимъ конї, а за нымъ 12 хор-

тивъ, одѣнь бижѣть, бильмò лыжить, другѣй бижѣть—бильмò лыжить“ и т. д., пока не скажутъ 12 бѣжѣть—бильмò лыжить“. Эти слова говорятъ три раза, подошедши къ больному животному.

„Заговариваютъ кровь“ у скота слѣдующими словами: „На Есианьскій горѣ, на зымлѣ на Тѣньскій, тамъ два брата сичуцьця, рубаюцьця, прѣйшовъ до нихъ Исусъ Христосъ и Матерь Бѣжа: ны сичицьця, братци, ны рубайтѣся, якъ бѣдете сиктыся, рубайтѣся, то такъ Вамъ бѣде, якъ у ныдѣлю дрова рубагы, а жинци сорочкѣ выкыдаты. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Амѣнь“.

На Симона Зилота (10-го мая) рвутъ деревей, рѣзакъ, полынь, который употребляютъ отъ лихорадки, филильникъ и при этомъ говариваютъ: „Рву деревей, ризакъ и проч. для мѣра хрещена“. Деревей и рѣзакъ сушатъ, варятъ и потомъ, посоливши, пьютъ при боли живота. Лопухъ употребляется при опухоляхъ: имъ парятъ, предварительно сваривши его. Пидбилъ (мать-мачиха) употребляется при опухоляхъ у скота, какъ и лопухъ. Корень рухъ-травы копаютъ въ день св. Руѣни (2 сент.), варятъ и даютъ пить страдающему болью въ животѣ.

Набожность, соблюденіе постовъ и другихъ обрядностей и порядковъ церкви уживается съ довольно усерднымъ посѣщеніемъ общественныхъ мѣстъ винопитій и буйствомъ или драками въ компаніи и особенно въ семействѣ.

Промысловые торговые люди, изъ временно проживающихъ здѣсь, значительно развитѣе кореннаго населенья, занимающагося земледѣліемъ. Часть коренныхъ жителей ежегодно отправляется на заработки на р. Донъ; остающіеся дома занимаются извозомъ хлѣба на желѣзную дорогу въ Екатеринославскую губ., оттуда привозятъ уголь, соль, алебастръ, иногда рыбу и пр.

Вслѣдствіе нужды и погони за большими заработками, которые весьма часто не оправдываются, въ послѣднее время вошло въ обычай съ наступленіемъ весны посылать огуломъ почти всѣхъ молодыхъ парней и дѣвокъ на заработки на все лѣто и вообще на все рабочее время до Покрова Пр. Богородицы и даже нѣсколько далѣе. Этотъ обычай крайне дурно вліяетъ на нравственную сторону молодежи: таскаясь все это время внѣ дома, по разнымъ мѣстамъ, молодежь окончательно портится;

парни возвращаются разнузданными, съ дикими и грубыми привычками и приемами, а дѣвки возвращаются домой почти сплошь развращенными, падшими созданіями. Весьма желательно, чтобы подобная отправка дѣтей, которая едва только поднялись на ноги, и въ особенности дѣвушекъ, въ неопредѣленные мѣста, на произволь судьбы, была приостановлена. Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что, по мнѣнію мѣстнаго священника, правительству надлежало-бы обратить на него самое усиленное вниманіе.

До введенія мировыхъ учрежденій, положеніе женщины въ семьѣ было крайне тяжело и унижительно; женщинъ безпощадно били всѣ, особенно такъ называемыхъ невѣстокъ, не опасаясь никакой отвѣтственности за это. Съ этого же времени семейное положеніе женщины улучшилось до весьма значительныхъ размѣровъ, и ея общественное положеніе возвысилось, не въ смыслѣ вліянія или участія въ дѣлахъ общественнаго управленія, а вообще въ томъ кругѣ дѣятельности, какой женщина занимаетъ среди народонаселенія, какъ добрая совѣтница, помощница и даже, въ иныхъ случаяхъ, распорядительница въ бытовомъ хозяйственномъ положеніи мужчинъ.

Родители со свойственною имъ любовью относятся къ дѣтямъ, заботятся о нихъ, стараются воспитать добрыхъ христіанъ и трудолюбивыхъ и полезныхъ членовъ семьи и общества. Что же касается дѣтей, то частыя отлучки ихъ на заработки, къ сожалѣнію, подрываютъ добрыя отношенія ихъ къ родителямъ. Находясь долгое время внѣ семействъ и вращаясь среди разнаго сброда, они теряютъ страхъ Божій и, забывая обязанности свои къ родителямъ, обнаруживаютъ непочтительность къ нимъ и охлажденіе къ роднымъ; на это приходится весьма часто слышать скорбныя и горькія жалобы родителей.

Перехожу къ народнымъ обрядамъ. Если *родится* неживой ребенокъ, то его „откликаютъ“: если мальчикъ, то кричатъ на ушко ребенку мужскія имена въ семьѣ, если же дѣвочка, то женскія. При завязываніи пуповины у родившагося, повивальная бабка говоритъ: „пупъ завъязую, а умъ розвъязую“. На третій день послѣ рожденія ребенка больная сливаетъ воду на руки бабкѣ, а бабка больной. За водой для этого ходитъ сама

бабка. Пришедши къ колодцу и набирая воду; она говоритъ: „Изъ усыхъ гирь, изъ усыхъ джириль (родниковъ) вода въ колодязи прибавляецця; у новорождёной, молитвенной (имя больной) шобъ такъ покормъ для дятыты прибавлявсь“.

Когда *умретъ* человекъ, то въ томъ домѣ ставятъ на окно въ стаканѣ медь, который стоитъ до 40 дней, затѣмъ дѣлають коливо и поминають покойника. У мѣстныхъ жителей есть обычай „причитать“ надъ покойникомъ. Если, напр., умретъ женщина, оставившая дочь сироту, то послѣдняя, хороня мать, такъ голосить: „Моя нэнъко, моя риднёнъка, моя зозуленька сывёнъка, колы жъ я тебе буду въ гости дожыдаты? (Если время подходитъ къ Свѣтлому Празднику): Стѣжки, дорѣжки водою залыюцця, (а къ Троицѣ:) стѣжки, дорѣжки травѣю заростуть. Та я жъ буду ходыть, та я буду розгортать, свой нёнъки стѣжычку шукать; а соловейка дожду, буде щебытатъ, а моёи жъ нёнъки нымъ, ни съ кымъ минёи буде розмовлять. И зозуленька сыва буде куваты, а менё моя нёнъка не буде пытаты: якъ моя жизнь невесёла, горькая и тѣгосная безъ нёнъки риднёнъкой“.

На первый день Рожд. Хр., вечеромъ парни и дѣвки ходять по хатамъ и *колядуютъ*, причёмъ, подошедши къ хатѣ, говорятъ: „Бѣже, дай вѣчиръ добрый! чи заколядоваты?“ Если изъ хаты отвѣтятъ, чтобъ колядники колядовали, то они поютъ: „Пане, господарю, застылай столы, посвיתי свичи, клады калачи, буде до тебе трѣе гостей: первыи гость у св. Рождество,—радость прынысло, другый гость у св. Васыля,—зъ Новымъ годомъ, трѣтье Рождество—Иванъ Хрыститель воду охрыстывъ. Дайте перигъ довгый, бизъ рукъ, бизъ нигъ, шобъ ны втикъ у снигъ. Бѣже, дай вѣчиръ добрый.“

При этомъ колядникамъ даютъ деньги, пряники, пироги и т. п.—Въ послѣднее время уже немногіе колядуютъ. Подъ Новый годъ дѣти ходять по хатамъ и говорятъ:

Мыланка ходе,	Чесный хрестъ держала.
Васылечка просе:	Радуйтсыя, людъ,
Васылечку татку,	До васъ Хрыстось буде.
Пусть мене въ хатку,	Богу свичку ставте;
Я жыта не жала,	А намъ перигъ дайте.

„Щидровка“ также выходитъ изъ обычая. На Новый годъ мальчишки ходятъ по хатамъ и посыпаютъ различными хлѣбными зернами со словами: „А въ полі, полі самъ Богъ хѳде, а Бѳжа Мате йісты носыла, Бѳга просыла: уроды, Бѳже, жыто, пше-ныцю, всяку пашныцю. Зѳ колоскѳ жмѳнька, а зѳ сноцѳ мѳрка. Здрѳвствуйте, зѳ прѳздныкомъ, зѳ Велыкымъ Васіліемъ“.

Въ періодъ времени отъ всеядной недѣли до масляной, дѣвки „водятъ козла“: берутся за руки, и крайнія съ одного конца начинаютъ проходить подъ руками двухъ дѣвушекъ, стоящихъ на другомъ концѣ этой дѣни, пока не пройдутъ всѣ, потомъ вывертываются и повторяютъ тоже самое. При этомъ поютъ:

„По улицѳ драбня, драбня,
Тамъ Тытянка ходыла, ходыла,
За собою Павлечка водыла.
«Постой, постой ты Тытянко не
тикай,
Бо я тебе дожыну, дожыну
И жѳ тоби русу косу роспую,
роспую».

«Бодай же ты, Павлечко, не дждавь,
Шобъ ты мѳни русу косу роспускавь,
Бо ты жѳ мѳни ня не кохавъ
И що суботоньки не чысавъ,
Що—недильньки не зряжавъ;
А я косу кохала
И що—суботоньки чесала,
А що недильньки зряжала».

Когда *садыт капусту*, дѣлаютъ такъ: посадивши на каждую грядку первый стебелекъ разсады, накрываютъ его ведромъ, которое остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не засадыт всей грядки. По народному мнѣнію это значитъ: какъ велико ведро, такой величины долженъ быть каждый качанъ капусты. Въ день пр. Ильи у мѣстныхъ жителей есть обычай до свѣта идти на огородъ и, пригнувши молодые листочки капусты, говорить: „Св. Илья, завывай головья“. При этомъ чмокаютъ въ воздухъ губами.

Существуютъ обычаи *при посѣвѣ и жатвѣ хлѣба*. Въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго поста крестьяне пекутъ изъ тѣста кресты и кладутъ ихъ въ закромъ съ пшеницею, гдѣ они сохраняются до времени посѣва. Когда сѣютъ пшеницу, то берутъ съ собою въ поле эти кресты и кладутъ ихъ по угламъ назначенной для посѣва нивы. Въ началѣ работы и по окончаніи ея кладутъ по три земные поклона и говорятъ: „Роды, Бѳже, жыто, пше-ныцю, всяку пашныцю на всякого дѳло“. По окончаніи работы вѣдятъ кресты.

При жатвѣ хлѣба, первый сжатый снощъ кладутъ на возъ и везутъ домой, обмолотятъ и полученныя зерна и солому упо-

требляютъ, какъ лѣкарство, при боли въ груди и горлѣ; зерна варятъ и дѣлаютъ припарки, а наваръ соломы пьютъ. Последній снопъ пшеницы, когда кончаютъ жатву, привозятъ домой, вносятъ въ хату, кладутъ на столъ и говорятъ: „нате вамъ, тѣту, и вамъ, мамо, обжыношный виндкъ“. При этомъ дѣтей благодарятъ и награждаютъ подарками.

Повѣрья. По мнѣнію болѣе пожилыхъ мѣстныхъ жителей, которые еще вѣрятъ въ существованіе вѣдьмъ, ушырей, вовкулакъ, водяныхъ русалокъ и пр., вѣдьма часто является въ видѣ собаки, свиньи, лошади, гуся, кошны, двигающейся по улицѣ, или катящагося клубка, иногда въ видѣ палки, которая бьетъ встрѣтившагося человѣка по ногамъ, катящагося колеса, или наконецъ, женщины съ распущенными волосами.

Коровъ доить вѣдьма ходитъ больше собакою, а доѣнку несетъ въ зубахъ; потомъ становится женщиною, сдаиваетъ корову и спѣшитъ уйти, пока запоютъ пѣтухи: вѣдьма боится, чтобы не поймали ея. Вѣдьма часто перевязываетъ дойки конскимъ волосомъ и такимъ образомъ портитъ коровъ, такъ что у нихъ не стаетъ молока.

Привожу нѣсколько рассказовъ. У одного крестьянина была испорчена корова. Пригласили знахаря, который лечитъ коровъ. Знахарь велѣлъ набрать изъ трехъ колодезей воды въ 1 ч. пополуночи. Утромъ на другой день, когда пришолъ знахарь, то потребовалъ эту воду, обмылъ ею всю корову, сбрызнулъ ее свяченою водою и, вынувъ изъ кармана найденный имъ на дорогѣ сучекъ съ дырочкой, началъ сквозь дырочку сучка доить корову. Знахарь не хотѣлъ указать вѣдьму, испортившую корову, а сказалъ, что она сама прійдетъ, какъ только сдоенное молоко поставить на сковородкѣ въ печь на жаръ и при этомъ непременно ворочать ворота, чтобы въ воротахъ вертѣлась пятка. Такъ и случилось: не успѣло закипеть молоко, а мальчикъ только что началъ ворочать ворота, какъ поденщицѣ, мазавшей на лѣстницѣ домъ снаружи, сдѣлалось дурно; она, еле держась на ногахъ, вошла во флигель и стала кричать и метаться отъ боли во всѣ стороны. Хозяйка дома велѣла вынуть изъ печки молоко и перестать ворочать ворота на загородѣ, а женщинѣ дала выпить лѣкарства, и та стала здоровою и продол-

„Зажурився соколовько,
Бидна его головонька,
Шо винь рано зь Вырря (югъ,
теплый край) вийшовъ.
Ще по горахъ сингы лежать,
А по долинамъ воды стоять,
А по шляхамъ маки цвितуть.
То-жь не маки,
То чумаки зь Крыму идуть.

Зь Крыму идуть и ренське везуть.
Мате сына признавала,
До домоньку завертала:
„Вернись, сынку, до домоньку,
Змыю тобі головоньку“.—
Измый, мате, сама соби,
А миня змые дрибный дощикъ,
А росчешуть густы терны,
А розмають буйни витра“.

Весенняя пѣсня.

„Соловей мой, вольна пташка, перепелка!
Полты жь ты, вольна пташка, во зеленъ садъ“.
Сила, пала, вольна пташка на кусточку, на крайнему листочку.
„Вы запойте, вы заграйте свою пѣсню“.—
„Наша пѣсня не долгая, короткая,
Начиналась наша пѣсня объ Юрью,
А кончалась наша пѣсня у Петровъ день, у Петровку“.

Осенняя пѣсня.

„Ой ты, дубе кучерявый,
Лысть на тобі широкий.
Молоденький козаченько,
Дурный розумъ у тебе.
Ты клявся, ты й божився
Шо „не покину я тебе“,

А теперя покидаешъ,
Соби вичую шукаешъ.
Шукай, козаченько,
А я буду молода (невіста),
Якъ будешъ ты женытись,
А я йтиму отъ винця,
Покотяцьця дрибни слезы
Зь твого било лица,

Мишається, мишається
Въ лицо кровь;
Скажуть люды и говорить,
Була мѣжь ными любовь.
Разлучила насъ неволя,
Чужа дальня сторона,
Якъ выйду я на гироньку
Не видно мого батенька“.

Историческая пѣсня. „Пишетъ письма воръ Салтанъ турецкій къ билому царю:
„О царь билий! отдай свою землю пидъ собою при славной Москви. Якъ не отдашь, въ розоръ розорю, всю Россіюшку наскрозь пройду и въ каменну Москву стоять зайду, разставлю свое сильное войско по всей каменной Москви. А штабъ-офицери въ разставлю по кунеческимъ домамъ, а самъ стану, воръ Салтанъ, да турецкій, въ Николаевскомъ во славномъ дворци. Стосковался Александра, ходя по Москви, проесть рѣчи у сенаторовъ: „посоветуйтесь, братцы, вы со мною: пишеть воръ Салтанъ турецкій письма, хочеть землю отобрать при славной Москви“.
Обозвався только графъ Паскевичъ, сидя за столомъ: „Не журися, батюшка Императоръ, ни объ чемъ, Господь да поможетъ, не допустымъ до этого“.

Приказни.

„По огороду ходыла,
Лобидоньку ломыла (полола).
Чы я въ тебе мий мыленький
Зв наймычку робыла?
Колы въ тебе за наймычку,
То ты миня заплаты,
Колы въ тебе за мыленьку,

Черывычки кумы.
Бо ты жито продаешъ,
А мни грошей не даешъ.
Прийшли жыды по должокъ,
Взялы въ мене симъ ложокъ,
Ще й кочергу й помело,
Мене дома не було.

Ой ты, жиду, кадукъ ма,
 Не на те жь я пыла,
 А я жь пыла на той сыръ,
 Шо мий пивень наносывъ.

Сыдыть пивень на чети,
 Нанисъ лець трь копы,
 А я яйца продала,
 Жидамъ должокъ отдала“.

Однажды пришли сватать молодую дѣвку за человека, который нѣсколькими годами былъ старше ея (у крестьянъ существуетъ обыкновеніе женить сыновей очень молодыми, такъ что почти всегда женихъ и невѣста бываютъ ровесниками), она не согласилась и говоритъ:

„Я бо въ середу родилась,
 То тожь мни й горе,
 Не пиду бо за старого,

Бородою коле,
 А ажъ пиду за такого,
 Шо не мае й уса,

То винъ кивне й моргне
 на мене,
 А я й засмиюся“.

У-ца М. К. Стороженко.

3.—Сл. Ш у л и к а.

Поселеніе.— Одежда.— Пища.— Занятіе.— Свадебные обряды.— Танцы и игры.—
Иѣси.

Сл. Шулика лежитъ на лѣвой сторонѣ небольшой рѣки Сухого Обитока, на низменномъ мѣстѣ, и примыкаетъ къ лугу; въ слободѣ имѣется небольшой холмикъ, на которомъ построены церковь, нѣсколько крестьянскихъ избъ, домъ священника и народное училище. Слобода, получившая свое названіе отъ перваго поселенца Шулики, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 50 вер., а отъ торговой сл. Бѣловодска въ 12 верст.

Разсказываютъ, что въ сл. Шуликиной въ старину обитали шайки разбойниковъ, скрывавшіяся въ оврагахъ („балкахъ“) и стѣнкахъ“, заросшихъ кустами и лѣсами, которые истреблены, были болѣе, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ. Почва мѣстности глинистая, солонцоватая; по лугамъ и огородамъ растутъ вербы, лоза и сродные имъ талы; садовъ нѣтъ, въ 7 верст. находится небольшой, молодой лѣсокъ („Саивскій“ по народному), принадлежащій казѣ. Отъ с.-з. къ с.-в. тянутся мѣловыя горы (отроги Карпатовъ: „Макортеты“). Жителямъ онѣ приносятъ огромную пользу, такъ какъ даютъ матеріаль для изгороди, построекъ и т. п. Въ весеннее время, какъ только обсеются, нѣкоторые изъ крестьянъ набираютъ мѣлъ цѣлыми возами и отправляютъ его въ Донскія и Приволжскія мѣста; тамъ продаютъ его, или обмѣниваютъ на хлѣбъ (зерно), горохъ, пшено, сало и т. п. Занятіе это служитъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, такъ какъ даетъ возможность крестьянину заработать 10—30 р., самому прокормиться и прокормить скотинку.

Въ сл. Шуликиной считается 1,351 д. об. п. Населеніе средняго роста, крѣпкаго сложенія; цвѣтъ кожи свѣтлый и здоровый, встрѣчаются и блѣдныя лица, вслѣдствіе малокровія отъ скудной пищи (среди бѣдныхъ), волосы на головѣ почти у всѣхъ темнорусые, рѣдко свѣлорусые и черные.

Одежда. Въ праздничный день, въ лѣтнее время, крестьянина можно видѣть въ „капотахъ“, т. е. кафтанахъ, которые шьются изъ синяго или чернаго сукна, шерстяной и „шведской“ черной матеріи; иногда же просто въ „жулеткѣ“ (жилетка), сшитой изъ плису, сукна и шерстяной матеріи. Въ будничный день крестьянинъ надѣваетъ „куцыну“ (вродѣ короткаго капота), которая шьется изъ „шведской“ ткани, большею же частью ходитъ въ сорочкѣ, надѣвая сверху еще и жилетку. Зимой крестьяне носятъ „кожухи“, покрытые сукномъ, черкасиномъ и шведской матеріей; „тулуы“ съ большими смушковыми „видлогами“ (воротниками съ кашононами); „свитки“ изъ самодѣланнаго бѣлаго или чернаго сукна, которыя иногда надѣваютъ на кожухи или полусубки, „юбки“ (вродѣ кожуха), сшитые изъ такого-же сукна, какъ и свитки, и отдѣланныя плисомъ на рукавахъ и воротникахъ. Кожухи, юбки, тулуы и капоты подпоясываютъ широкими, разноцвѣтными, шерстяными поясами. На головѣ носятъ лѣтомъ картузы, а зимою шапки, „капелюхи“ съ большими наушниками, которые заворачиваются наверхъ, а во время холода откачиваются внизъ на уши. Капелюхи отдѣлываютъ смушкомъ или просто барашкомъ („плетенкой“).

Въ праздничный день, крестьянки одѣваются въ разноцвѣтныя шерстяныя, атласныя, бумазейныя и ситцевыя „шарофаны“ (платья), „юбки“ (кофточка), „корсеты“ (родъ юбокъ, только безъ рукавовъ) и „теплушки“, сдѣланные изъ плису, ситцу, бумазеи и шерстяной матеріи. Въ будничный день крестьянку можно видѣть въ одномъ старомъ шарафанѣ, или дергѣ и въ теплушкѣ. Зимой женщины носятъ кожухи, „байбарáки“, т. е. кожухи, крытые сукномъ или черною шведскою матеріею, съ „комирами“ (стоячими воротниками), пальто изъ самодѣльнаго бѣлаго сукна, синіе или черныя суконныя „халаты“, которыя, по большей части, надѣваются весною, осенью и лѣтомъ. На головѣ носятъ разныхъ цвѣтовъ платки: шелковыя, атласныя, шерстяныя, бѣлыя миткалевые и шалевые, т. е. не просто гладкіе, а съ „разводками“ (цвѣтками). Большинство женщинъ надѣваетъ на голову „очипокъ“ (головной уборъ изъ золотой или серебряной парчи); по очипку завязываются платкомъ такъ, чтобы конецъ („хвостикъ“) платка висѣлъ сзади, а другіе два

конца кладутся по бокамъ такъ, чтобы они тоже висѣли. Дѣвушки также повязываются платками, но только не по очипку, — онѣ складываютъ платокъ въ ленту и обвязываются имъ вокругъ головы; сзади сплетаются волосы въ одну косу въ 20 или больше пасмъ, старааясь заплести пошире; въ косу вплетаются по нѣсколько красныхъ или голубыхъ „кисеникѣвъ“ (лентъ), а иногда просто покрываются платками. Въ настоящее время вошли въ моду холодныя кофточки изъ разноцвѣтной шерстяной матеріи и ситца, теплыя кофточки изъ бумазей, кофточки и пальто на ватѣ, крытыя атласомъ, шерстяною матеріею и нанбукомъ, ботинки на каблукахъ и бѣлыя чулки. Старинныхъ одеждъ совѣкъ не встрѣчается, хотя сохранились у нѣкоторыхъ „дѣрги“, которыя ткются изъ овечьей шерсти.

Стоимость крестьянской одежды различна: полушубокъ стоитъ 7—15 р., юбка изъ самодѣльнаго сукна 7 р., кожухъ съ воротникомъ 15 р., крытый 20 р., будничная „куцына“ 2 р. и 1 р. 50 к., суконный капоть 10—12 р., шерстяной 6 и 7 р., капелюхи, отдѣланные смушкомъ, бывають въ 1 р., плетеной въ 70 к., или 60 к., картузы въ 1 р., 50 и 70 к., шапки—1 р. 50 к.—2 руб. Женская „парочка“, т. е. кофточка и „шарафанъ“, стоитъ 2—7 р., платки 3—6 р., а подшальнички (платочки) 1 р.—1 р. 50 к., миткалевые 30—40 к., женскіе смушковые кожухи въ 15 руб., если смушокъ изъ шкурокъ маленькихъ ягнятъ, и 7 р., если изъ старой овцы, байбаряки (кожухъ, крытый сукномъ) 20 р., пальто изъ самодѣланнаго бѣлаго сукна 3 р. 50 к., а пальто на ватѣ, крытое матеріею, 5 и 7 р., халаты—15 р. и 16 р., кофты на ватѣ 2—3 р., очипокъ 70 к., для старухъ 30 к., „кисныкѣ“ (ленты) въ 30, 45 и 50 к. за арш.

Пища. Въ нашей мѣстности крестьяне, какъ бѣдные, такъ и богатые, ѣдятъ почти одинаковую пищу, только богатые варятъ борщъ, юшку (наваръ изъ картофеля), лапшу, кулишъ, галушки съ мясомъ и саломъ, а бѣдные все это ѣдятъ только съ саломъ или безъ него. Кромѣ того, въ скоромные дни варятъ лапшевникъ, (бросаютъ лапшу въ кипящую воду, а затѣмъ запекають ее съ яйцами), жарятъ баранину, голубей, варятъ молодыхъ поросятъ на холодное и ѣдятъ со сметаною. Въ постные дни бывають блинцы, ладики (алады), кисель, узваръ;

варятъ горохъ, фасоль, чечевицу, галушки и „затирку“ (растираютъ муку, смоченную водою, чтобы она превратилась въ мелкія катунки тѣста, и варятъ), квашу (льютъ теплую воду въ муку, ставятъ на печь солодѣть, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного окисло; на другой день эту жидкость варятъ вмѣстѣ съ вишнями и сливами), лемишку (кладутъ муку въ чугунокъ, ставятъ на жаръ и держатъ, пока она высохнетъ, затѣмъ вливаютъ въ нее кипяченую воду, мѣшаютъ и ставятъ въ печь; когда она будетъ готова, то мажутъ масломъ). На все это употребляется пшеничная мука. Пища крестьянъ съ нѣкотораго времени ухудшилась, благодаря постояннымъ неурожаямъ. Въ населеніи распространено чаепитіе, причѣмъ богатые покупаютъ чай, а бѣдные вмѣсто него употребляютъ липовый цвѣтъ, сушеную розу, мяту и полынець; воду для чая кипятятъ въ самоварѣ, или же въ чистенькомъ чугункѣ. Хаты свои крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами, нѣкоторые каганцемъ.

Занятіе. Кромѣ земледѣлія, лѣтъ 10, 12 тому назадъ населеніе занималось еще кустарными промыслами, но теперь эти занятія оставлены. Въ весеннее время, какъ только обсеютъ, многіе изъ мужиковъ и женщинъ идутъ на покосъ въ Донскія мѣста, ѣдутъ на шахты за углемъ, чтобы на мѣстѣ купить подешевле, а затѣмъ продать его съ прибылью, большею же частью отправляются на сторону съ мѣломъ, горшками и тамъ продаютъ свой товаръ или же мѣняютъ на хлѣбъ, соль, пшено и т. п. Въ осеннее время большинство крестьянъ занимается извозомъ, т. е. берутъ хлѣбъ у купцовъ и доставляютъ его на Кантемирову или Черткову станцію.

Свадьбы у крестьянъ по большей части бывають осенью. Когда крестьянинъ задумаетъ посватать дѣвку, приглашаетъ себѣ въ сваты кого-нибудь изъ знакомыхъ или родичей, и съ палицей (хлѣбомъ) они идутъ къ невѣстѣ. Подойдя къ избѣ, они не входятъ въ хату, а подходятъ къ окну и говорятъ: „Бóже, дай вѣчиръ добрый! Пустить обигрицьця“. Имъ отвѣчаютъ: „милости прóсьмъ, якъ шо вы дóбри люды“. Сваты входятъ; ихъ приглашаютъ садиться. Отецъ невѣсты беретъ хлѣбъ отъ сватовъ, цѣлуетъ его и кладетъ на столъ. Затѣмъ сваты говорятъ:

„Спрашивайте—чогò мы до васъ прийшли; кажутъ, що у васъ дівка є, а у насъ парубокъ“. На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „мòже й наша дівка вáшному парубку не понаравыцьця, ну такъ давайте жь свого парубка“. Въ это время въ хату входятъ парень и дѣвка. Невѣстинъ отецъ, обращаясь къ парубку, говоритъ: „дывись на мою дівчину, чи понаравыцьця, чи ни“. Онъ смотритъ на дѣвку и, если она ему понравится, говоритъ: „Наравыцьця“. Если-же не понравится, то незамѣтно для всѣхъ наступаютъ свату на ногу, давая ему знать, что дѣвка не нравится; сваты берутъ хлѣбъ и отправляются въ другую хату. Также спрашиваютъ у молодой, и, если ей понравится парубокъ, то она говоритъ сватамъ: „тамъ бáтько зна, та мáты“; если же нѣтъ, то убѣгаетъ изъ хаты. Сладивши дѣло, сваты говорятъ: „ну теперъ ходимъ до дому зъ семействомъ совѣтовацьця, та шòбъ домашни прибыралысь“. Встаютъ съ лавокъ и отправляются домой, оставляя у невѣсты хлѣбъ. Посовѣтовавшись дома, старосты берутъ хлѣбъ и снова идутъ къ невѣстѣ; подходятъ къ окну, здороваясь, какъ и въ первый разъ; потомъ входятъ въ избу, кладутъ хлѣбъ на столъ и говорятъ: „Ну шо-жь, добри люды, затиялы, такъ давайте-жь, мабуть, кончатъ“. На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „якъ шо вы согласни, такъ давайте-жь грòшивъ 50 рубливъ, такъ будемо сватами“. *) Тѣ вынимають деньги, кладутъ на столъ и бьютъ другъ друга по рукамъ, какъ купцы во время продажи товаровъ, и говорятъ: „Ну теперъ давайте, мабуть, хлиба-соли порижемо, та дитей сберемо; хай дівчина иде собирать дружокъ (подругъ)“. Невѣста отправляется по слободѣ собирать дружокъ и уже къ вечеру приходитъ вмѣстѣ съ ними домой. Какъ только станетъ темнѣть, въ хату начинаютъ сходитьсь родичи, сосѣди; зажигають передъ иконами свѣчи, становятъ молодыхъ посреди хаты, приказывая ударить три земныхъ поклона, за ними молятся и всѣ гости. Затѣмъ невѣстинъ отецъ обращается къ свату, т. е. женихову отцу, говоря: „становыцьця, свату, хай диты кланяюцьця“. Молодые кланяются, а онъ благословляетъ ихъ хлѣбомъ. Этою же паляницею молодые благословляются отцомъ и матерью мо-

*) Иногда соглашаются на 25, 30, 35, 40 р.

лодой и всѣми родичами. Помолвившись Богу, молодой вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (товарищемъ, который во время свадьбы ухаживаетъ за нимъ больше всѣхъ) садится за столъ, за ними садятся всѣ его гости, а гости молодой разсаживаются гдѣ попало. Въ это время дружки поютъ:

„Ой гораздъ тоби, мой ненько,
Мое сватанье лить,
Та не гораздъ гоби, мой ненько,
Мое дило робиты,
Та въ печи тоиты,
Тай воду носиты
И на ричку ходиты,
— Въ печи затоплю
И воды принесу,
А на ричку не пиду,—
Есть у мене периминочка,
Молодая невесточка.
Я й не знала, не видала,

Виткиль свашенька найихала,
Хорошая да списивал.
Да ще къ тому чернобривал.
Зойди, зойди ты, Оляно, ты Ва-
силъениа,
Зъ високого терема,
Приголубь соби хоть ясного сокила,
Ясного сокила залитяго,
Доброго молодця привзжого;
Та й Гаврилку, тай Ивановича“.
— Ой, рада-бъ я приголубить ёго,
Живить, сердце не обернецьи,
Розумъ въ головущи мишаецьи“.

Молодая съ старшею дружкой становится около стола, дружка наливаетъ въ рюмку водки, ставитъ ее на тарелку, и не вѣста прежде всего идетъ къ женихову отцу; онъ беретъ рюмку въ руки; молодая перевязываетъ его платкомъ и кланяется въ землю, въ это время онъ пьетъ водку и бросаетъ на тарелку деньги *). Такимъ образомъ молодая обходитъ всѣхъ по-ряду и уже въ послѣдній разъ подходитъ къ молодому и подноситъ ему водку; молодой, взявши въ руки платокъ, беретъ рюмку и выпиваетъ, а молодая въ это время даетъ старшему боярину небольшую „хустку“ (платокъ), тотъ затыкаетъ ее въ жениховъ поясъ. Обойдя всѣхъ, не вѣста выпрашиваетъ у свекра водки, и вся молодежь отправляется на дворъ, гдѣ она начинаетъ угощать ихъ, а гости, оставшіеся въ хатѣ, вечеряютъ. Послѣ „вечери“ всѣ отправляются къ свату, т. е. къ женихову отцу, а молодежь входитъ въ хату, начинаетъ лѣпить и варить вареники и угощать другъ-друга. Молодой, наливая въ рюмку водки, говоритъ: „желаемъ добра!“ Выпиваетъ самъ, потомъ на-

*) Недавно на сватаньѣ повелся новый обычай: когда молодая подойдетъ къ матери жениха и поднесетъ ей рюмку водки, то свекровь, взявъ рюмку, ставитъ ее на столъ; молодая въ это время перевязываетъ мать платкомъ, а она ее; затѣмъ свекровь пьетъ, а молодая кланяется до земли.

ливають другу ю и отсылають ее молодой; затѣмъ пьетъ старшій бояринъ и наконецъ всѣ гости. По окончаніи угощенія, молодой встаетъ изъ-за стола, приглашая всѣхъ словами: „ну, теперь милости просимо, на прохолодъ!“ Всѣ встають и выходятъ на дворъ. Прохолодившись, молодежь отправляется по своимъ мѣстамъ, и уже на другой день гости собираются у невестинаго отца, куда и молодой приходитъ похмелять всю „бѣсиду“ (гостей).

Черезъ нѣсколько времени, а именно въ среду, жениховъ отецъ и мать ѣдутъ къ свату съ $\frac{1}{2}$ квартой водки на совѣтъ и тамъ выговариваютъ себѣ съ молодою по платку рубля въ 3, а невестина мать выговариваетъ себѣ со свата „чоботы“ (сапоги). Посовѣтовавшись между собою, въ пятницу у жениха и невесты собираются родичи и знакомые, дѣлятъ „шишки“, „каравай“, „лѣжинь“ и „калѣчь“, а въ субботу молодая беретъ шишки и въ сопровожденіи дружокъ (подругъ) идетъ по слободѣ и заходитъ въ каждую знакомую хату. Войдя, она говоритъ: „прохавъ бѣтько и маты, и я просю на хлибъ, на силь, на пидвисилокъ“. Потомъ три раза кланяется въ землю, цѣлуется, отдаетъ шишку и уходитъ. Если есть родичи и въ другой слободѣ, молодая отправляется и туда. Также ходитъ со своими боярами (товарищами) и молодой. Къ вечеру молодая съ дружками идетъ къ свекру; тамъ, помолясь Богу, заводятъ молодую съ дружками за столъ и угощаютъ. Въ воскресенье, послѣ утрени или послѣ обѣдни, женихъ въ сопровожденіи старостовъ отправляется къ молодой, беретъ ее и везетъ въ церковь. Послѣ вѣнца молодой со сватами ѣдетъ домой, а молодая съ дружками идетъ къ своему отцу и обѣдаютъ тамъ. Затѣмъ молодая должна непременно идти къ сосѣдямъ и быть у нихъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ за нею поѣздъ. Молодой въ это время катается по слободѣ съ боярами, свашками и „свитѣлками“ (дивчатами) и уже къ вечеру пріѣзжаетъ за молодою. Когда онъ ѣдетъ, въ это время молодую гонитъ „дружкѣ“ и „пиддружій“ отъ сосѣдей. Молодая приходитъ къ своему отцу во дворъ, здороваётся со всѣми, идетъ въ хату, молится Богу, и пиддружій заводитъ ее за столъ, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Старосты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Пиддружій

обращается къ сватамъ со словами: „Благословить молодѹ за стиль посадыть“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить тричи разомъ“. Затѣмъ дружка (женатый) выходитъ изъ хаты и встрѣчаетъ поѣздъ молодого. Молодой въѣзжаетъ во дворъ, встаетъ съ тарантаса, или повозки, становится въ ряду съ свашками; теща выходитъ на встрѣчу и выноситъ ему хмель; женихъ, взявши рюмку, чрезъ руку выбрасываетъ хмель, а чрезъ лѣвое плечо бояринъ беретъ у него рюмку. Затѣмъ сваха угощаетъ жениха и весь его поѣздъ. Въ это время дружки поютъ:

„Иди синими, иди синими, Иди ореховыми, Ой тамъ тещенько Зитенька витала, Витала, витала,	Та все его питала: „Зитеньку, Гаврилку, Чи любишь-ли Олянку“. — „Якъ бы я не любывъ,	Богъ бы мнѣ ни судывъ, А то я люблю, Богъ мнѣ судывъ (объ- щаль)“.
---	---	---

По окончаніи угощенія, молодой входитъ въ хату, а молодая наклоняется на столъ, старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, и дружки поютъ:

„Глянь-же ты, Оляно, иди калачъ,	„Карыми очима заплачь“!
----------------------------------	-------------------------

Въ это самое время дружка тоже долженъ бы былъ ввести молодого за столъ, но около молодой на лавкѣ въ правомъ углу („на покутяхъ“) стоитъ нѣсколько дѣтей съ „кійками“, (палками, на которыхъ навѣшены пучки житной соломы) и бьютъ дружка по головѣ за то, чтобы онъ даромъ не вводилъ молодого за столъ, а далъ бы имъ по копѣйкѣ и шишкѣ. Дружка, раздавъ дѣтямъ требуемое, гонитъ ихъ, говоря громкимъ голосомъ: „долѣй съ покути“! Молодой тотчасъ заходитъ за столъ; старшая дружка, снявъ съ головы молодой калачъ, подводитъ ее къ молодому, и они цѣлуются. Дружки поютъ:

„А въ саду соловейко защебетавъ,	„А Гаврилко Олянку поцалувавъ“.
----------------------------------	---------------------------------

Затѣмъ тестъ и теща начинаютъ угощать молодыхъ и всѣхъ гостей, а сами въ свою очередь тоже остаются не безъ подарковъ: отъ свашекъ получаютъ по шишкѣ, а отъ молодого теща получаетъ выповоренные чоботы; въ это самое время невеста даетъ боярамъ, свашкамъ и свитилкамъ по кумачевой „стрижки“ (лентѣ), а сестра ее (если только у нея есть она) беретъ шапку молодого, пришиваетъ къ ней вѣнокъ и вмѣстѣ съ подружками поетъ:

„Глянь-же ты, зятеньку, на мене, Краще е свистонька (жена) отъ тебе, На свистци шлычокъ-золпачокъ, Готовъ зятеньку шосточокъ, Якъ не буде шосточка, Пойдешъ отъ тестя безъ шмычка (шапки),	Безъ дротинного виночка, Безъ калыновой квіточки, Безъ ций Олянки дивочки. А зять на мене дивится косо, Що на печи просо, Коли-бъ, Господы, утѣты, Щобъ ни заставили товкты“.
---	---

Пришивши вѣнокъ, она отдаеть шапку дружку, тотъ беретъ шапку, кладеть ее на тарелку; откуда уже старшій бояринъ беретъ ее себѣ и передаетъ жениху, а на эту тарелку кладутся шишки и ставится рюмка съ водкою; затѣмъ все это угощенье подносятъ родичамъ; за что они въ свою очередь кладутъ деньги въ пользу тѣхъ, которыя пришивали къ шапкѣ вѣнокъ. Послѣ этого дружко вноситъ каравай, рѣжетъ его на куски и раздаеть гостямъ, а сподку выноситъ на дворъ и отдаеть дѣтямъ. Когда дружко войдетъ въ хату, свашки „покрывають“ молодую платкомъ. Прежде покрывали не однимъ платкомъ, а надѣвали на голову очипокъ, который покрывался „серпанкомъ“ (кисеею), и кругомъ головы обвязывали красною лентою, но теперь этого не дѣлають. Покрывши молодую, дружко говорить: „Господи Исусе Христе, Сыне Божій; благословыть молодыхъ изъ-за стóлу вывести“. Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословыть!“ Молодые выходятъ изъ-за стола и идутъ на дворъ. Молодая садится въ тарантасъ, а молодого дружко обводитъ три раза вокругъ тарантаса. Дружки поють:

„Мисляць дорогу освятывъ, Братца сестрицю выпроводивъ; Оце тоби, сестриця, дорога, А иль до свекра здорова,	Ой будь здорова, якъ вода, А будь богата, якъ земля, А будь красна, якъ весна“.
--	---

Затѣмъ онъ садится и весь поѣздъ отправляется къ его родителямъ. Когда молодые вѣдутъ во дворъ, то ихъ на порогѣ встрѣчаютъ отецъ и мать. Въ это время свашки поють:

„Найхала та тетеречка (невѣстка) Не вчора, а теперичка, Ни кишкайте, ни полохайте, Нехай ваша тетеричка Привыкае теперичка“.	„Свекруха невихны (невѣстки) бажала, До купки пирижки складала, До купки пирижки, до купки Для своей невихны, голубки“.
--	--

Свекоръ подходитъ къ невѣсткѣ и беретъ у нея икону; свекруха даеть ей хлѣбъ, а молодому даеть хлѣбъ отецъ; послѣ

этого они всѣ входятъ въ хату и начинаютъ ужинать. По окончаніи ужина, молодые молятся Богу, кланяются родителямъ. Свашки поютъ:

„Та й кланяйся ты, Оляно,
Напередъ Господу-Богу,
Отцю, невѣца въ ноги;

А матыни та низесецько,
А къ серденьку близесецько“.

Молодые уходятъ, а гости остаются гулять всю ночь.

Въ понедѣльникъ молодая, перевязавъ дружка платкомъ, ѣдетъ съ мужемъ „снѣдать“ (завтракать) къ своему отцу, а оттуда обратно къ свекру. Здѣсь молодые угощаютъ водкою своего батька, мать, „крѣстныхъ“, т. е. крестнаго отца и мать—молодого и всѣхъ гостей. Затѣмъ молодая одаряетъ платками свекра, свекровь и крестныхъ молодого, а они ее. Послѣ этого, отецъ молодого встаетъ изъ-за стола и перевязываетъ всѣхъ гостей платками; молодая въ это время идетъ угощать водкою женщинъ, а молодой-мужчинъ, за что они „даруютъ ихъ“ (т. е. дарятъ) пшеницею, деньгами, полотномъ, матеріею и т. д. Поподчивавъ своихъ гостей, молодые съ дружкомъ отправляются къ тестю и вмѣстѣ съ нимъ, его родичами и гостями прѣзжаютъ къ свату. Всѣ эти гости также обдариваютъ молодыхъ, какъ и тѣ, но сами никакихъ подарковъ не получаютъ. Во вторникъ-же молодой ѣдетъ съ дружкомъ, зоветъ къ себѣ въ гости родныхъ и знакомыхъ, разрѣзываютъ „лѣжинь“ и подчуютъ всѣхъ гостей. На этомъ и кончается крестьянская свадьба. Расходъ на свадьбу равенъ 100 или 150 руб.

Въ этой мѣстности существуютъ слѣдующіе **танцы**: раскомарскаго, казачка, польки, дудочки, барыньки и чижики; музыка почти та-же самая: польки, раскомарскаго, казачка, барыньки, дудочки, дѣдушки, сѣрые гуси, машина и чижики. Мѣстные музыкальные инструменты: гармонія, скрипица, балабайка, сопилка, или дудочка и „вигрань“.

Игры.—Въ зимнее время взрослые, юноши и дѣти въ праздничный день выходятъ на *кулачный бой* и бьются каждый отдѣльно, т. е. взрослые съ взрослыми, юноши съ юношами, а дѣти съ дѣтьми. У людей средних лѣтъ и постарше, кромѣ этой забавы, нѣтъ никакихъ развлеченій, у молодыхъ парней и дѣтшекъ весною и лѣтомъ бывають слѣдующія игры:

Въ „скраки“: нарѣжутъ 10 „рубончиковъ“ и раскладываютъ на двѣ кучки одна отъ другой, какъ можно подальше; становятся каждый около своей кучки и бьютъ палками по кучкамъ до тѣхъ поръ, пока на томъ мѣстѣ не останется ни одного рубончика.

Въ „шара“: дѣлаютъ круглую, деревянную свинку на подобіе мяча, одинъ мальчикъ подкидываетъ ее, а другой бьетъ „шаромъ“ (такъ называютъ длинную закругленную палку), остальные стоятъ „въ полѣ“, затѣмъ, кто стоялъ въ полѣ, идетъ бить свинку, а кто билъ свинку, идетъ въ поле.

Въ „переборца“: на просторномъ мѣстѣ (на выгонѣ), собираются дѣвки и парни, берутъ другъ-друга за руки и составляютъ кругъ, но такъ, чтобы одна половина круга состояла изъ парней, а другая изъ дѣвокъ. Одна изъ послѣднихъ входитъ въ средину круга; когда онъ начинаетъ пѣть: „Оцѣ буде мій батенько, а це буде мой маинька, а ты, батенько, не гнѣвайся, змѣлуйся, я вчора пьянъ бувъ, промовывся (проговорился), зять дурень, зять нерозумный; я молодець, тихій переборець“. Дѣвка въ это время кланяется кругу по старшинству.

Въ „перепелки“: та самая, которая стоитъ въ кругу называется перепелкой. Когда кругъ начинаетъ пѣть: „у нашей перепелочки, та голѣвка болѣтъ; тутъ була перепелочка, тутъ була бѣля зорюшки,—въ это время „перепелка“ беретъ за голову, затѣмъ за плечи, ноги и руки. Причемъ каждый разъ поется одно и то же, но когда начинаютъ пѣть: „а у нашей перепелочки старъ муженѣкъ“,—она плачетъ. Кругъ поетъ: „а у нашей перепелочки молодой муженѣкъ“,—она танцуетъ въ кругу. Затѣмъ въ послѣдній разъ поютъ: „а у нашей перепелочки крылѣчки рябѣньки“, она поднимаетъ руки, изображая себя летающею, и старается вылетѣть изъ круга; если ее выпустятъ, то игра кончается.

Въ „гусы“ дѣти играютъ такъ: одинъ изъ мальчиковъ бываетъ волкомъ, другой хозяиномъ, третій пастухомъ, а остальные гусями; пастухъ гонитъ своихъ гусей пастись, говоря: „гиль, гиль!“ Волкъ стоитъ въ сторонѣ; когда придетъ время, идти домой, то хозяинъ кличетъ гусей: „гусы, до дому!“ Они отвѣчаютъ: „для чоґо?“—Хозяинъ: „для вѣвка!“ Гуси: „а де

вовкъ?—Хозяинъ: „за горбою сѣру гуску скубѣ, тикайте, а то й васъ поскубѣ“. Гуси бѣгутъ и кричатъ: „га—га! га—га!“ Въ это время вольнъ ловить ихъ.

Въ „чайки“ или „мушки“: берутъ палку и втыкаютъ ее въ землю; палку эту называютъ чайкою; съ обѣихъ сторонъ ея становятся одни дѣти (дѣды съ шапками), а другіе бросаютъ палками издали въ чайку и когда ее собьютъ, то всѣ бѣжатъ за палками, хватаютъ ихъ и несутъ на то мѣсто, откуда били.

—Въ „подбѣзья“: одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ на землю палку, остальные становятся недалеко отъ нея и бросаютъ подъ нее палки, чтобы подъ лежащую палку подсунуть брошенную.

Въ „цурки“: выкапываютъ небольшую ямку; одинъ изъ мальчиковъ становится съ палкою въ рукахъ и кладетъ на нее цурку, (маленькую палочку), подкидываетъ ее палкой и бьетъ; другіе мальчики стоятъ въ полѣ; если цурка полетитъ туда, то поднявшій ее выходитъ изъ поля и бросаетъ ее къ ямкѣ. Если цурка попадетъ въ ямку, то онъ уже идетъ бить ее.

Въ „креймахы“: садятся въ кружокъ, берутъ 5 креймаховъ (черепяные или каменные кружки); одинъ креймахъ подкидывается, а остальные 4 хватаютъ въ руки, играютъ такъ до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ креймахъ изъ руки, или не ухватить всей кучки, или того креймаха, что подкидывалъ.

Крестьяне пользуются для чтенія книгами церкви, гдѣ съ разрѣшенія священника, берутъ: „Житія Святыхъ“, „Прологи“, „Троицкіе листы“, которые присылаются причту, „Поученія Тихона Задонскаго“ и другихъ Св. Угодниковъ Божіихъ и даже „Библию“ въ русскомъ переводѣ. Книги эти иногда берутся домой, большею частью въ воскресные и праздничные дни; между утренею и обѣднею, крестьяне собираются въ караулкѣ (въ церковной сторожкѣ), причемъ одинъ изъ болѣе грамотныхъ читаетъ, а остальные слушаютъ. Крестьяне еще заимствуютъ книги изъ волостнаго правленія, которое собственно для чтенія выписываетъ житія св. и др.

Сообщу одну народную загадку, нѣсколько пословицъ и пѣсень.

Загадка: Я идѹ, а женцы жнутъ; я и здравствуюсь: „Богъ на помичь!“ Они отвѣчаютъ: „Спасибо!“—„Кто косить? Мужъ

съ женюю или братъ съ сестрою“. Женщина, которая косила съ мужикомъ, отвѣчаетъ: „Не мужъ съ женюю и не братъ съ сестрою; а егò мѣтерь моёй мѣтери родная свекруха была. (Она, т. е. эта женщина была родною дочерью жнеца).

Пословицы: По языци ротъ. По Сѣвци свѣта, по старцеви тóрба. Який ийхавъ, таку встривъ. Якъ пыть, такъ и кобылку пропыть. Гуляй, Маша, коли воля наша; якъ зѣмижъ отдадуть, годи воли не дадуть. Хоть по шёю у вóду, да до ридного рóду. Есть нашей свѣсци по ковбѣсци.

Т у м а н ь .

„Туманъ яромъ, туманъ дольною
валегаетъ,
Та помежъ тми туманами
Связь-голубчикъ летаетъ,
Та важко, тяжко буркатаеть,
Та все крылушками блудить.
По—идь мостомъ травка ростеть,
Водичку покрываетъ;
Та помежъ тою травичкою

Шука-рыба трае.
То й не шука и не рыба.
А зъ миленькимъ разлука.
Та разлучила насъ неволя,
Та чужедальняя сторона.
„Умри-жъ ты, мой миленькій, зъ ве-
чера на зори,
А я на свиточку,
Та й поховають насъ у гробочку,
У вишневому садочку“.

* *
*

По—надъ садомъ, садомъ шелковая
травка,
Я й по той травѣ не нахожусь,
Кого вирно люблю, то я й не на-
смотрюсь.
Вотъ я вижу, вижу Таничку свою,
Что ходе, гуляе у зеленомъ саду;
Щинае, ломаетъ спилый виноградъ,
Кидае, бросае Вани на кровать;

„Кушай, кушай, Ваня, спилый виноградъ;
Какъ будешь кушать,
Та й буду ломать“.
Якъ возьму я Таничку
За билу ручку
Та й поведу, поведу Таничку
Къ батеньку своёму,
Та й посажу Таничку
За лубовый столъ“.

* *
*

К а л и н а .

„Ты калинушка, ты ма-
линушка
Ни стой на гори крутой,
Та не спускай листа.
По синему морю
Корабель плыветь;

А въ томъ кораблю,
Три полка солдатъ,
Молодыхъ ребятъ.
Охвицеръ-маеръ Богумо-
лицца.
Рядовой солдатъ домой
просицца:

„Охвицеръ-маеръ, отпу-
сти домой,
Къ отцу-матъ родной“.
Не доходить до ворить,
Та й питаецца де мий
ридъ“.

* *
*

С а д ь .

„Ой, ты садъ, ты мий
садъ,

Садъ—зеленькій вино-
градъ,
Почому ты такъ нерано
цвѣтешъ,

Ой цвѣтешъ, не цвѣтешъ,
осыпаешся;
Ской дзече, мий другъ,
убираешся:

Чи у ходъ, чи въ походъ,
Чи на службицу идешь?
Ой, съ чужими людьми
Все прощаешься,
А зо мной молодой

Все ругаешься.
Не ругайсь, не бранись,
Скажи: „милая“, простись!
Та лятала пава
Черезъ три поля,

Та й пронвля пава
Съ крыла перушко,
Та й не жаль мени
пера,
Жаль мени много дружка“.

* *

„Ой, давно, давно я въ
невьки була,
Бесидовала, одвидовала,
Якъ бы въ мене крылечка
Стрепенула-бъ я, поль-
нула-бъ я.
Ой, де летвля,—травка
шумила,
Де спочивала,—риченька
стала.

Якъ сяду, впаду у невь-
ки въ саду
Сивою зозуленкою та й
закую;
А якъ закую,
Весь садъ разовью,
А якъ заплачу,
Неньку побачу.
„Сосидочки, голубочки,
Слушайте сюда

Шось у моему садку
Пташка куе,
Та то-жъ и не пташка,
То-жъ мой дочка
Безсчастночка:
Якъ-же тией пташечци
На былиноньци,
Такъ мой дитыноньци
На дужиноньци“.

* *

Любивъ, та кохавъ.
Соби дивчину мавъ,
Да не довелось взаты,
За лыхими людьми, да за воротами
Довелось покидаты.
„Покидаешь ты мене, серденяточко мое,
Та й на кого урочаешь?“
„Урочаю-жъ я тебе, серденяточко мое,
Та й на Единого Бога;
А самъ я пиду у Крымъ за водой,
За быстрою рикой.

Сподивайся мене, серденяточко-жъ мое,
Та й не скоро въ гости:
Сподивайся къ Пречистий,
А якъ не буде мене и къ первой
Пречистий,
Сподивайся къ Покрови;
А якъ не буде къ Покрови,
Сподивайся къ Миколи;
А якъ не буде къ Миколи,
Такъ не буде николя“.

Р. А. Коробова.

4.—Сл. Мостки.

Поселеніе и его происхожденіе.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Здоровье.—Занятіе.—Нравственное и умственное состояніе.—Положеніе женщины.—Обряды при крещеніи ребенка.—Вечерница.—Похороны.—Обряды и пѣсни въ праздничные дни.—Игры.—Ярмарки.—Псалмы.—Повѣрья.

Сл. Мостки расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки Боровой, берущей начало изъ родниковъ за хуторами круглыми, отстоящими отъ слободы въ 15 вер. Слобода находится отъ г. Старобѣльска въ 28 вер., отъ г. Харькова въ 216 вер. Сообщеніе между Мостками и Харьковомъ ведется по—такъ называемой—большой столбовой дорогѣ, идущей отъ Харькова на сл. Бѣловодскъ Старобѣльскаго же уѣзда. На юго-западѣ отъ Мостковъ находится неглубокая балка, называемая „Большой-Боровикъ“. Балка эта отъ Мостковъ отстоитъ на $12\frac{1}{2}$ верстѣ, и служитъ границею между уѣздами: Старобѣльскимъ и Купянскимъ. Сл. Мостки тянется приблизительно на 8 вер. и расположена почти на ровномъ мѣстѣ, только нѣкоторыя части ея находятся у горъ незначительной величины. Близъ Мостковъ на юго-западѣ лежитъ два небольшихъ лѣска; лѣтъ 12 тому назадъ здѣсь росли солидныя деревья, въ настоящее же время эти лѣски похожи скорѣе на балки, заросшія мелкою порослью. Одинъ лѣсъ, лежащій ближе къ дорогѣ въ сл. Екатеринославъ, называется „Средній“, а другой, который лежитъ южнѣ Средняго,—„Крайній“. Рѣка Боровая имѣетъ маленькій притокъ, который называется Баглай. Та часть слободы, которая лежитъ около этого притока, называется также Баглай; часть, которая расположилась выше рѣки, называется „Верхній планъ“, ниже рѣки „Нижній планъ“; остальные части слободы имѣютъ тоже свои названія: Старобѣльская, по названію дороги, ведущей въ г. Старобѣльскъ, Крейдянка, расположенная около мѣловой горы, Андреевка,—по фамиліи поселянъ, впервые поселившихся на этомъ мѣстѣ. Андреевы, какъ говорятъ, пересе-

которыми первое мѣсто занимаютъ: Житія святыхъ, различные романы, вродѣ: Битва русскихъ съ кабардинцами, Англійскій Милордъ, Гуакъ и проч. Но главное мѣсто занимаютъ слѣдующія книги: Псалтирь, Евангеліе и даже Библия; хотя у нихъ есть повѣрье, что кто прочитаетъ всю Библию, не пропустивши ни одного слова, тотъ сойдетъ съ ума. Книги религіозныя и глубочныя покупаются и вымѣниваются у „щетинниковъ“ или „котолуповъ“, которые, кромѣ книгъ, носятъ и другія мелкія вещи: крестики, кольца и проч., и обмѣниваютъ ихъ на щетину отъ свиней, покупаютъ кошачьи шкурки и проч. Книгами торгуютъ, въ большинствѣ случаевъ на ярмаркахъ, еще Суздальцы, которые, кромѣ книгъ, продаютъ также и корзины. Все эти книги читаютъ только крестьяне „мужики“, мѣщане-же, купцы и богатые крестьяне, все, кому позволяютъ средства, выписываютъ „газеты“: Свѣтъ, Родину и т. п. дешевыя изданія.

Жилище.—Крестьянская небольшая хата имѣетъ въ длину 8 арш., а въ ширину 7 ар., большая—въ длину 10 ар., а въ ширину 8 ар. съ сѣнями въ длину 6 ар., ширину 8 ар. Въ большой хатѣ имѣются черезъ сѣни двѣ комнаты. Входная дверь ведетъ въ большія сѣни безъ потолка, въ сѣняхъ помещается труба отъ печи, въ которую проходитъ дымъ, сама же печь устраивается въ хатѣ. Труба не закрывается, а затыкается тряпкой изъ сѣней; дѣлается труба изъ мелкаго хвороста и обмазывается бѣлою глиною. Если крестьянинъ бѣдно живетъ и не имѣетъ амбаровъ, то въ сѣняхъ дѣлаются закромы, куда ссыпаютъ зерновой хлѣбъ; въ сѣняхъ же ставится деревянная посуда, кадка съ водою, ссыпается тутъ же въ уголокъ песокъ для зимы; около трубы стоитъ лѣстница, которая ведетъ на горище (чердакъ). У нѣкоторыхъ крестьянъ часть сѣней отгораживается и служитъ кладовою, она носитъ названіе „хѣжки“. У богатыхъ сѣни дѣлаютъ тоже большія, но въ нихъ, кромѣ кадки съ водою, да лѣстницы на чердакъ, ничего нѣтъ. Крыша надъ хатою и сѣнями всегда соломенная; весь чердакъ увѣшивается различными сухими цвѣтами, травами, ягодами калины и лѣкарственными растеніями; тамъ же складывается прядиво (пенька), иногда, если нѣтъ амбаровъ, а въ сѣняхъ не оказывается мѣста, на чердакъ же ссыпается зерновой хлѣбъ. Изъ сѣней ведутъ двери

въ хату. Вблизи дверей устраивается печь, которая иногда занимает $\frac{1}{4}$ часть хаты; вдоль и поперекъ стѣны стоятъ ослоны, т. е. лавки, которыя сходятся подъ образами; передъ лавками стоитъ столъ, накрытый бѣлою скатертью хотя изъ толстаго, грубаго холста; на столѣ всегда долженъ лежать хлѣбъ и стоять солонка съ солью. Мѣсто за столомъ подъ образами называется „покутемъ“. Это самое почетное мѣсто, гдѣ сажаютъ жениха съ невестою, кумовьевъ и вообще почетныхъ и желанныхъ гостей. Уголь этотъ и почти вся стѣна противъ дверей бываетъ увѣщана иконами и самыми разнообразными картинами, иногда иконъ бываетъ до 20-ти и болѣе; послѣ иконъ идутъ раскрашенные портреты: Государя Императора, Государыни Императрицы, Великихъ Князей, генераловъ, затѣмъ изображенія воиновъ, тутъ же можно встрѣтить романы и пѣсни въ лицахъ; кромѣ картинъ, стѣны украшаются „шпалерами“, эти шпалеры (обои) прибиваются подъ образами, — „коло богивъ“. Иконы украшаютъ рушниками (полотенцами) и цвѣтами: гвоздиками, (самые любимые цвѣты малороссовъ), васильками, калиною и крокосомъ; крокосъ иногда обмачиваютъ въ разведенный мѣлъ, для того, чтобы онъ былъ бѣлый, а не красный. Калина служитъ здѣшнимъ дѣвушкамъ украшеніемъ: ею онѣ убираютъ голову. Вся хата, стѣны и потолокъ вымазаны бѣлою глиною; печь обыкновенно аршина на $1\frac{1}{2}$ отъ земли вымазывается землею или „кизякомъ“; коминъ, т. е. верхняя часть печи, разукрашивается красною и желтою глиною и синькою въ видѣ какихъ то безформенныхъ пятенъ, которыя соединяютъ узенькими полосками, предполагая, что эти кляксы похожи на деревья съ листьями, и называютъ ихъ „сосенками“; крупныя кляксы изображаютъ птицъ. За печью оставляютъ пространство для кровати, „поль“, или „пиль“ (нары), представляющей нѣсколько досокъ, довольно широко намощенныхъ, гдѣ зимою спать. Доски эти не закрываются ничѣмъ, а остаются голыми, на нихъ лежатъ кожухи, свитки, подушки, стоитъ „дижа“ (кадушка, въ которой заквашиваютъ хлѣбъ); надъ ними привѣшивается жердь, на которой висятъ клубки, пасмы нитокъ и прочія принадлежности пряжи. Поль („доливка“) въ хатахъ всегда земляной, вымазанный поверхъ земли кизякомъ. Окна въ хатахъ бываютъ

небольшія, трехъ четвертей вышины и двухъ—ширины, они не растворяются, а всегда отодвигаются (отсуваются). Это типъ самой простой хаты; существуетъ еще другой,—болѣе сложный, встрѣчающійся у болѣе зажиточныхъ людей. Подобная хата устраивается такъ:—посрединѣ строенія находятся сѣни безъ потолка, изъ сѣней идутъ двери,—однѣ на право въ „хату“, а другія влево въ „кимнату“ или „хатыну“; въ хатѣ принимаютъ гостей, да обѣдаютъ, но постоянно не живутъ въ ней. На такихъ хатахъ бывается двѣ дымовыя трубы, потому что дѣлаются двѣ отдѣльныя печки. Крыша на хатѣ лежитъ не непосредственно на стѣнахъ,—она отводится отъ стѣнъ на аршинъ или полтора, упирается на вѣнцы, а края поддерживаются нетолстыми колоннами: эта часть называется „поддѣшками“ и имѣетъ видъ галлерей; поддѣшки идутъ вокругъ трехъ стѣнъ: около „причилка“ (лицевой стороны хаты),—противуположной причилку и на стѣнѣ, въ которой сдѣланы двери; четвертая сторона не имѣетъ ни оконъ, ни дверей, ни поддѣшекъ и называется „глухою стѣною“. Хаты болѣею частию ставятся глухою стѣною на улицу или въ сосѣдній дворъ. („Намъ надо смотрѣть не на улицу, а въ свой дворъ, чтобы видѣть, какъ стоитъ сѣно и другой кормъ, какъ стоитъ скоть и проч.“). Оконъ бываетъ два, а въ послѣднее время и три: на лицевой сторонѣ, гдѣ дверь, дѣлаютъ число окошекъ, смотря по величинѣ хаты, одно или два, иногда дѣлаютъ одно маленькое окно и въ глухой стѣнѣ. Постройки во дворахъ ставятъ безъ особаго плана, но замѣтно, что чистенькія зданія ставятся впереди, напримѣръ амбары ставятся не только впереди, но нерѣдко и на улицѣ противъ дома; остальные постройки: загороды (базы), хлѣвы (сарай) и проч. ставятся сзади: такимъ образомъ скрывается та грязь, которая находится во дворѣ крестьянина; постройками, кромѣ того, защищаютъ зимою скоть отъ холоднаго вѣтра. Улицы въ Мосткахъ обстраиваются болѣею частью въ одинъ рядъ, а не въ два. Огородъ всегда бываетъ отгороженъ отъ двора; въ огородѣ помѣщается токъ (гумно); на току складывается сѣно и вообще всякій кормъ, приготовленный на зиму для скота. Необходимая принадлежность тока—клуня, или половникъ. Клуня строится двойнымъ образомъ: въ землю вкапываются строила (крѣквы) безъ стѣнъ, къ нимъ прибиваются латы изъ нетолстыхъ жердей, и потомъ

кладется крыша до самой земли. Больше совершенный вид клуни таковъ: закапываются столбы, на которые кладутъ окладины, на окладины — балки, въ балки задѣлываютъ кроквы; между столбами заплетаютъ плетень хворостомъ и замазываютъ глиною; кроютъ клуни камышомъ или соломой.

„Одежа“ мужчинъ состоитъ изъ рубахи (сорочки) грубаго, домашняго приготовленія, холста; обшлага, воротникъ и подоль рубахи обыкновенно вышиваются красными и синими нитками, которыя приобрѣтаются отъ „гончурниковъ“, собирающихъ „ганчирки“ (тряпки), обмѣнивая ихъ на крестики, мѣдныя кольца и заполочь (нити). Въ последнее время встрѣчается много ситцевыхъ рубахъ „зъ маньшками“ у молодежи. Штаны изъ набойки совсѣмъ почти исчезли, изъ холста попадаются тоже рѣдко, только на дѣтяхъ и старикахъ штаны полотняныя, а на молодежи всегда „набирани“, т. е. набранныя въ лавкѣ; цвѣта всегда чернаго или коричневаго. Сапоги огромной величины для того, чтобы можно было надѣть побольше бонучей (портянокъ), обыкновенно нога обворачивается двумя портянками, полотняною и суконною; отъ тяжести на ногахъ, походка бываетъ лѣнивая, развалистая. Сапоги дѣлаются съ очень длинными голенищами; у молодежи сапоги на очень высокихъ каблукахъ съ двумя или тремя подковами, лежащими одна на другой; „эта мода вышла“, какъ здѣсь говорятъ, „зъ Дону“, т. е. тотъ типъ сапоговъ позаимствованъ отъ донскихъ козаковъ, къ которымъ они отправляются каждое лѣто на заработки, или по мѣстному выраженію „на закоски“. Верхняя одежда состоитъ изъ жилета по возможности плисоваго или суконнаго, украшеннаго металлическими пуговицами и расшитаго различныхъ цвѣтовъ нитками; поверхъ жилета надѣвается въ теплое время года „чинарка“, родъ поддѣвки. Чинарка непременно должна быть подпоясана; поясъ носятъ краснаго и зеленаго цвѣтовъ, шириною въ $\frac{1}{2}$ арш., а длиною 3 ар. Головной уборъ — лѣтомъ — картузь съ большими козырькомъ и донышкомъ. Осенью одежда та же, что и лѣтомъ, только поверхъ чинарки надѣвается свитка, у мужчинъ чернаго, у женщинъ бѣлаго цвѣта; зимою надѣваются „кожухъ“, свита съ громаднымъ воротникомъ, подшита холстомъ, „накожни“ — кожанныя рукавицы и „кацелюхи“, — колпакообразная съ

наушниками и надзатыльникомъ, подобная чернымъ или сѣрымъ барашкомъ, шапка; говорятъ, будто кацелюха заимствована у калмыковъ. Мужчины обуваются еще въ „черевьки“, — нѣчто средни женскимъ башмакамъ. Нога обматывается портянкою („онуча“) до колѣна, потомъ обматывается веревкою („волоки“) или ремешкомъ, а потомъ уже надѣваются „черевьки“, привязываемые къ ногѣ тоже бичевкою. Эта обувь употребляется во время полевыхъ работъ, у пастуховъ, у бѣдныхъ взрослыхъ крестьянъ; только немногіе изъ подростковъ ходятъ въ сапогахъ, остальные носятъ „черевьки“. Одежда женщинъ въ Мосткахъ неизящна: „спидница“ (юбка) очень короткая, почти до колѣнъ; „корсетъ“, на подобіе чинарки, только гораздо короче и съ застежкой сбоку на груди; грудь въ корсетѣ расширяется цвѣтными шнурками и кантами, зубцами и пуговицами; назади поперекъ талии довольно густо нашиваются бѣлыя пуговицы. Корсетъ шьютъ съ рукавами и называютъ „юбкою“. Ноги обуваютъ въ грубые неуклюжіе полусапожки; туфель, т. е. башмаковъ, здѣсь уже не носятъ; носятъ толстые чулки изъ простой шерсти. Голову дѣвушки повязываютъ платкомъ такъ, что верхняя часть головы бываетъ совсѣмъ открыта, а бахрама платка опускается на шею и слегка на лобъ; поверхъ платка надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ искусственныхъ и узенькихъ лентъ. На шеѣ носятъ множество разноцвѣтныхъ монистъ, между которыми помѣщаются мѣдные, бронзовые и серебряные кресты. Косу заплетаютъ въ „дрибушки“, не въ три пасма, а пасма въ двадцать и болѣе, а въ конецъ, косы вилетаютъ множество лентъ — „кишеньки“. Какъ только начинается весна и появляются цвѣты, дѣвушки, молодая женщины и дѣвочки подростки ходятъ въ церковь съ букетами въ рукахъ; если нѣтъ цвѣтовъ, то вмѣсто нихъ берутъ траву или зеленую вѣтку; вообще женщины считаютъ неприличнымъ ходить весною въ церковь безъ цвѣтовъ или растительности. Лѣтомъ и осенью у замужнихъ женщинъ головной уборъ бываетъ трехъ родовъ: „очинокъ“ изъ парчи съ небольшими ушками и двумя лунообразными полукругами, отчасти напоминающій собою сѣдло, отчего и называется „сидластымъ“; „каноръ“, въ видѣ шапки Павловскаго гвардейскаго полка, только передній выступъ его вдвое ниже, и „каноръ“, въ видѣ мѣщанской „наколки“;

плотно обхватывающей, съ небольшимъ помѣщеніемъ сзади для волосъ. Замужняя женщина волосъ не заплетаетъ со дня выхода замужъ; вѣря, что если она заплететъ косу, то у ней «заплетется разумъ»; незаплетенныя волосы подбираютъ и укладываютъ на головѣ въ видѣ современной прически у интеллигентныхъ женщинъ; сверху нихъ надѣвается очипокъ. «Плахта», «запаска» и сафьяновые сапоги совсѣмъ вышли изъ употребленія; запаски встрѣчаются теперь очень рѣдко и только у богатыхъ. Очень рѣдко встрѣчается «габова свита», — верхняя одежда изъ синяго сукна, длинная, имѣющая видъ большого халата. Юбки и корсеты шьютъ преимущественно изъ матерій ярко-краснаго цвѣта, рѣже желтаго и зеленаго. — Городъ отчасти оказалъ вліяніе на измѣненіе одеждъ; у женщинъ появляются юбки длиннѣе мѣстныхъ и кофта «баска», такъ что мнѣ приходилось слышать такія заявленія отъ пожилыхъ женщинъ: «теперь у насъ у слободы не знаешь де баришня, а де проста дівка». *Мѣстныя названія: Мѣстныя названія: Мѣстныя названія.*

Пища, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, разнообразна: у богатыхъ — борщъ, каша или вареный картофель, а въ праздники пироги, блины, орѣшки; у бѣдныхъ — борщъ безъ мяса и сала, картофель, хлѣбъ ячменный или ржаной. При хорошемъ урожаѣ проса, бѣдняки ѣдятъ кашу. Всю зиму дѣти, которые остаются ночевать въ школѣ, ѣдятъ только хлѣбъ и картофель. Мнѣ приходилось слышать въ школѣ, какъ дѣти бѣдныхъ крестьянъ говорили, что во всю зиму они не видали мяса и сала и что ѣдятъ они борщъ съ бураками да картофелемъ. Лѣтомъ у всякаго есть арбузы, дыни и огурцы, потому что каждый сѣетъ бахчу. Только въ годовые праздники бѣдные крестьяне покупаютъ баранину и варятъ съ нею борщъ, а пироги пекутъ съ неочищеннымъ картофелемъ, перемѣшаннымъ со свинымъ саломъ, утверждая, что въ пирогахъ неочищенный картофель настолько вкусенъ, что трудно узнать, что это картофель, а не одно сало. Собственно говоря, это дѣлается изъ экономіи, чтобы меньше выходило картофеля. Чай употребляется у крестьянъ фруктовый и изъ различныхъ травъ, собранныхъ весною и лѣтомъ. Его варятъ въ чугунахъ и въ горшкахъ, за неимѣніемъ самоваровъ.

Благодаря лавкамъ, крестьяне могутъ достать керосиновую дешевую лампу, чай, сахаръ, спички, а съ открытiемъ земскихъ школъ, почти во всякой хатѣ можно найти карандашъ, бумагу, перо и чернило. Раньше здѣсь освѣщались каганцами. Въ обломокъ горшка накладывали бараньяго сала — и помѣщали узкій, длинный кусочекъ полотняной тряпки, одинъ конецъ котораго клали такъ, чтобы онъ висѣлъ изъ черепка и его зажигали, а другой конецъ его оставался въ салѣ. Отъ этого освѣщенiя было страшно много вони, а свѣта слишкомъ мало. Спички замѣнили „кресало“, благодаря тому, что всегда можно достать ихъ въ здѣшнихъ лавкахъ, а въ послѣднее время шведскiя спички начали вытѣснять сѣрные.

Здоровье.— Жители слободы, въ особенности дѣти, имѣютъ изнуренный видъ: изъ сотни мальчиковъ, посѣщающихъ училище, только три свѣжихъ—румяныхъ; остальные же всегда блѣдные. Это, вѣроятно, происходитъ отъ плохой пици и спертаго воздуха въ ихъ хатахъ. Лѣтъ 6 назадъ въ сл. Мосткахъ появился дифтеритъ, и смертность была такъ велика, что во многихъ семьяхъ, гдѣ было человекъ 8 дѣтей, не оставалось ни одного; съ этого года дифтеритъ въ слободѣ не прекращается. Весною 1893 г., вслѣдствiе неурожая 1892 г., появилась цынга, но скоро была прекращена. Знахарей, лечащихъ травами, въ Мосткахъ нѣтъ; есть только такiе знахари, которые *заговариваютъ* болѣзнь зубовъ, отъ укушенiя змѣи и проч. Около раны, гдѣ гадина впустила жало, — окружаютъ три раза правымъ мизиннымъ пальцемъ и, ведя пальцемъ, шепчутъ: *за моремъ гора, а на той горѣ дубъ стоитъ, а въ тимъ дуби бараново руно, а въ тимъ руни лежитъ змя скорпия, Марья; прощю я выйди змя скорпия, погулай на йнна, на болотѣ, на очеретѣ, на осѣннии покосы, на холѣдныи воды; отзови свой лѣтый гадъ: изъ гнѣбевъ, изъ приспъ, изъ хлибѣвъ, изъ лисѣвъ, изъ чѣрной и бѣлой, и рябой, и половѣй, и сѣрой, и перистой, гнидистой, зузулястой; выйми жало-жалище, а не выймешъ ты жало-жалище, то буду я просить Ангела, Архангела, шобъ тебе избыть громомъ и молнiей. А не послушаешъ цегѣ, то буде тобі то, шо тому чоловіку, шо въ оскрѣсный день дрова рубывъ, а не послушаешъ цегѣ, то буде тобі то,*

по тому чловову, по въ оскресный день дровá ломáвъ“. Чтобы избавиться отъ лихорадки, нужно рано утромъ выкупаться и то, чѣмъ вытирали тѣло, старую рубаху или „рушныкъ“, выбросить на дорогу; вѣрять, что болѣзнь перейдетъ на того, кто подыметъ эту рубаху или полотенце. Отъ головной боли парятъ голову хрѣномъ, любисткомъ и другими травами. Больные теперь стали рѣже обращаться къ бабкамъ. Раньше они не вѣрили въ докторовъ, а теперь, если лечитъ докторъ и болѣзнь оканчивается смертію, то не говорятъ, что докторъ не сумѣлъ вылечить, а говорятъ, что онъ не захотѣлъ дать дорогого лекарства. Когда въ 1892 г. была здѣсь холера, крестьяне не вѣрили, что ихъ не могутъ вылечить; они увѣряли, что ихъ не хотятъ лечить, а хотятъ уморить, „шобъ не голодály“. Изъ болѣзней скота чаще другихъ бываетъ „ящуръ“, когда, какъ здѣсь говорятъ, „скотина хвѳра на роты“. Ящуръ лечатъ дегтемъ съ солью: деготь крѣпко солятъ и натираютъ больному животному языкъ, десны и небо. Во время сильныхъ засухъ иногда скотъ начинаетъ хромать; болѣзнь эта лечится тоже дегтемъ, которымъ смазываются копыта и подошвы заболѣвшаго животного. Интересно лечатъ мостовчане скотъ отъ „обдуванья“. Какъ только замѣтитъ хозяинъ, что у него „обдулась“ корова или быкъ, то онъ старается заставить скотину бѣгать, садится на лошадь и гоняетъ больного вола, потомъ даетъ ему слабительное изъ огуречнаго рассода съ тертой солью, который, размѣшавъ его хорошенько, заливаютъ больному изъ бутылки въ ротъ; если это средство не подѣйствуетъ, то нарѣзываютъ стараго, свиного сала небольшими кусочками и вкладываютъ въ ротъ животному, заставляя его ѣсть это сало; если и это не помогаетъ, то берутъ тонкій съ острымъ концемъ ножъ, обворачиваютъ его тряпкой и съ размаху загоняютъ его въ пахъ больнаго. Газы отъ этого выходятъ и животное почти всегда выздоравливаетъ. Во время чумы, даютъ скотинѣ пить деготь, глотать тертую ржавую селедку и заговариваютъ. Заговоры этихъ я не могла узнать потому, что существуетъ примѣта, будто, если передать заговоръ другому, то заговоръ этотъ теряетъ свою цѣлебную силу.

Земледѣліе—главное занятіе жителей Мостковъ. Сѣютъ обыкновенно пшеницу, ячмень и просо, рожь сѣютъ рѣже, а овесъ

совсѣмъ рѣдко. Пчеловодство въ большомъ упадкѣ, такъ что пасѣка въ 20 ульевъ считается большой. Хорошихъ садовъ нѣтъ; очень немногіе имѣютъ садокъ, состоящій изъ вишневыхъ деревьевъ, 5—6 яблонь, 2—3 грушевыхъ дерева. Кустарныхъ промысловъ не было и нѣтъ. Народъ ходитъ на заработки на Кубань, на Донъ и на шахты. Единственный заработокъ крестьянъ зимою—возка хлѣба на вокзалъ ж. д. въ Лисичанскъ за 60 в. На вокзалъ возятъ хлѣбъ, который скупаютъ здѣсь прїѣзжіе кушцы; въ Лисичанскѣ набираютъ каменный уголь для топки печей или для продажи. Года три назадъ, за неимѣніемъ дровъ, вошло въ употребленіе у нашихъ крестьянъ отапливаться углемъ. Печи для угля устраиваютъ такимъ образомъ: берутъ старый разбитый чугунокъ, выбиваютъ изъ него дно и вмазываютъ его глиной около печи на кирпичахъ или камнѣ; отъ дна чугуна проводятъ трубу изъ глины или камней, обмазанныхъ глиною, въ большую вариетную печь.

Нравственность.— Народъ въ Мосткахъ религіозный и набожный; не ходитъ въ церковь считается большимъ грѣхомъ. Не смотри на всю религіозность здѣшняго крестьянина, у насъ существуютъ всѣхъ сортовъ воры; обмануть самаго лучшаго прїятеля тоже ничего не стоитъ. Мостовчане, однако, народъ сострадательный: не дать куска хлѣба нищему считается дѣломъ въ высшей степени нехорошимъ; не похоронить умершаго прохожаго, не помочь погорѣльцамъ, не накормить странника—считается большимъ грѣхомъ; выбрать кума или куму, которые воспринимали ребенка, считается грѣхомъ, хотя украсть у нихъ, напр., лошадь не считаютъ грѣхомъ. Сострадательность мостовчанъ наблюдается въ дѣтяхъ. Многіе изъ учениковъ моихъ остаются почевать въ инколѣ, всю осень, зиму и во время грязи, весною, всякій день остается человекъ до 20-ти. Въ это время я замѣчала, какъ заботятся старшія дѣти о меньшихъ и богатыхъ о бѣдныхъ. Когда вечеромъ и утромъ дѣти богатыхъ родителей варятъ кашу себѣ, они всегда варятъ на долю бѣдняковъ, и, наѣвшись, богатый передаетъ ложку одному изъ бѣдняковъ, уступая ему свое мѣсто; оставшаяся отъ утра каша никогда не оставляется на вечеръ, а всегда отдается бѣднякамъ. Меня всегда удивляло, что мальчикъ, кормившій всю зиму

голодающего, никогда не упрекнетъ своего нахлѣбника кускомъ, какъ будто онъ даже и не замѣчаетъ, что дѣлаетъ благодѣяніе. Отдѣльнаго помѣщенія для ночлега дѣтей—въ школѣ нѣтъ, а потому они ложатся подъ партами на полу; здѣсь оиять видна забота старшаго о младшемъ: тѣ, у которыхъ имѣются большія свиты и шубы, ложась, укладываютъ въ средину маленькихъ и тѣхъ, которымъ нечѣмъ укрыться.

Въ слободѣ встрѣчаются пьяницы среди „миройдовъ“, людей почти всегда довольно зажиточныхъ, а потому въ обществѣ имѣющихъ голосъ. Если выбираютъ старшину, старосту, нанимаютъ сторожей, дѣлать дугъ,—то ставятъ „могоричъ“ т. е. покупаютъ водку и угощаютъ народъ. Эти мироѣды всегда пьютъ могоричъ, а потомъ ужъ сами на свои деньги покупаютъ водку и пьютъ нѣсколько дней. Какъ мужчины, такъ и женщины не отличаются особенно высоконравственными супружескими качествами, но простигудци профессиональной нѣтъ.

Мѣстные крестьяне развитѣе крестьянъ сосѣднихъ деревень, молодежь развитѣе стариковъ. Нѣсколько разъ мнѣ говорили, что рѣка въ Мосткахъ была очень глубокая и по ней ходили барки; теперь же эта рѣка шириной въ полсажени, а глубиной въ $\frac{1}{4}$ ар. Я спрашивала у стариковъ: отчего это рѣка стала такъ мелка? они отвѣчали: „Богъ его зна, чого воно такъ! мабудъ Господь за грихи наши одибравъ у насъ воду“. Тутъ же сидѣлъ парень 25 л.; дослушавъ рассказъ старика, онъ сказалъ: „Шо Богъ, то Богъ, а то таки и люди виноваты. Рѣчка наша стала мѣлкою видтого, що стали ораты ярѣ, зъ которыхъ иде весною и въ дощи вода, въ слободѣ вербами берега засажують, луга повспахивалы, капустныки до самои воды копають; отъ йийи и позамуловало, а якъ бѣгла вода по твердѣй землі, то муду не було“.

Въ земской школѣ, при двухъ учительницахъ и законоучителѣ, больше ста учениковъ не бываетъ, потому что помѣщеніе мало. Дѣти охотно поступаютъ въ земскую школу; зимою всегда школа биткомъ набита учениками; въ началѣ же весны, даже въ концѣ февраля, родители нанимаютъ своихъ дѣтей въ работу и потому берутъ изъ школы; къ экзамену едва можно набрать 5—8 человекъ и то подъ условіями такого рода: отецъ обѣщаетъ отпускать

сына въ школу только въ праздники и въ дурную погоду, а въ будни и въ хорошую погоду заставляеть работать дома. Почти-всегда, получая извѣщеніе о томъ, когда будетъ экзамень, волостной старшина, по просьбѣ моей, посылаетъ сотскихъ собирать по слободѣ тѣхъ дѣтей, которыя должны держать экзамень. „Хорошо если выдержитъ, а какъ нѣтъ, говорятъ родители: ему и мині стѣдно буде, що учѣвся, учѣвся тай не здержавъ кзамента“. Большихъ усилій стоитъ уговорить ихъ отнукать дѣтей на экзамень; не обходится и безъ расходовъ, особенно если ученикъ разъ уже не выдержалъ экзамена. Дѣвочекъ мало ходитъ въ школу: въ продолженіе 10 лѣтъ моей службы, въ этомъ училищѣ больше восьми дѣвочекъ не было никогда. Въ 189²/₃ г. открыта у насъ церковно-приходская школа, въ которой обучается 15 учениковъ. Родители сами приходятъ ко мнѣ и просятъ, чтобы я позволила ихъ дѣтямъ ночевать въ школѣ; часто бываетъ такъ, что дѣти приходятъ въ школу въ понедѣльникъ, а уходятъ только въ субботу. Учительница и школа пользуются полнымъ довѣріемъ крестьянъ. Приводи ребенка въ школу, они говорятъ: „зділайте мѣлость, не балуйте его, заставляйте учитьца всему. Намъ хорощѣ, якъ винъ читаетъ въ церквѣ и дома, и „артыметыка“ намъ здорово нужна. Самы мы и у церкву прійдемъ, то якъ „Божій быкъ“ стоишь ничего не розбырѣнь, а винъ розкаже, той розбырѣнь що вонѣ и къ чому. Теперъ у насъ и старшина свий грамотный, и староста, и писарь, и всякій сотскій грамотный, а прѣжде надо було чужого брать. Теперъ наши и въ лавки поступають и въ писаря на сторону, и въ фельдерскую школу, а слободѣ польза“. Съ большимъ удовольствіемъ смотрятъ крестьяне, какъ дѣти парами, по возможности стройно, идутъ въ церковь. Ни одного слова грубаго я не слышала отъ крестьянъ во всю бытность мою въ Мосткахъ. Школа содержится не особенно аккуратно, вслѣдствіе неурожаевъ въ послѣдніе годы и большихъ расходовъ, которые были сдѣланы на постройки церквей.

Женщины ставятся ниже мужчинъ. Хозяйка, напр., принимая у себя гостя, не должна садиться; даже обѣдая въ своей семьѣ, она не садится, а вѣсть стоя; если мужа нѣтъ, то она сидитъ за столомъ во время обѣда; совѣта ея не спрашиваютъ

никогда; если, при угощеніи водкой, гости вздумаютъ обратиться къ хозяйкѣ съ приглашеніемъ выпить, то она должна отказываться. Въ церкви мужчины и мальчики стоятъ впереди, а женщины и дѣвочки стоятъ въ притворѣ, или какъ онѣ говорятъ въ „бабийкѣ“. Старая женщина пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ, она даетъ совѣты молодежи, учитъ дѣтей молиться Богу; мужъ ея, умирая, все распоряженія по хозяйству даетъ ей; она иногда и немолодаго сына можетъ побить, если находитъ его виноватымъ,—и этотъ человекъ полный силъ и здоровья безпрекословно исполняетъ волю матери или терпитъ побои ея, боясь даже сказать ей какую нибудь дерзость. Родители вообще обращаются строго съ своими дѣтьми; сынъ, пока онъ не женатый, не имѣетъ никакого голоса; онъ дѣлаетъ все то, что прикажутъ ему; какъ только его женили, такъ онъ начинаетъ подавать совѣты и даже высказывать неудовольствіе, хотя отецъ почти никогда не обращаетъ вниманія на его неудовольствія. Когда сынъ его проживетъ женатымъ нѣсколько лѣтъ, тогда начинаютъ совѣтоваться съ нимъ, или же, когда замѣчаютъ, что сынъ хорошій хозяинъ.

Крестины. Какъ только родился ребенокъ, отецъ идетъ приглашать кумовьевъ; новорожденного спѣшатъ скорѣе окрестить; не крестить ребенка нѣсколько дней считается грѣхомъ. За страшный грѣхъ считается произносить при новорожденномъ слова: чертъ, бѣсъ, дьяволъ и проч.; вѣрятъ что до крещенія въ дитя можетъ вселиться нечистый духъ. Когда приходятъ кумъ и кума, то приносятъ съ собою по хлѣбу. Баба повитуха кладетъ на землю шубу, мѣхомъ наверхъ, шуба, непременно должна быть съ чернымъ мѣхомъ, на шубу полагаетъ спеленатаго ребенка и, беря съ кумомъ за противоположные концы шубы, передаютъ его кумъ, а бабка въ это время говоритъ: „отдаю младенца некрещеннаго, немолитвеннаго“. Отецъ отдаетъ куму два хлѣба и деньги за крестины (за дѣвочку 15 к., а мальчика 20 к.) и отправляетъ ихъ къ священнику. Окрещеннаго ребенка бабка такъ-же принимаетъ на тотъ-же разосланный кожухъ; но теперь ужъ кожухъ берутъ кумъ и кума, и, передавая ребенка бабкѣ, кума говоритъ: „у васъ брали некрещена, немолитвена, а вамъ принесли „крещеннаго и молитвеннаго“, при

этомъ говорить имя ребенка. На другой день крестинъ собираются къ родильницѣ замужнія женщины „въ рай“, какъ онѣ называютъ это собраніе гостей. Здѣсь гости садятся за столъ и ихъ угощаютъ: водкой, пирогами, „вареной“, т. е. наваромъ вишенъ, подаваемымъ въ чайныхъ чашкахъ. Во время угощенія баба, повитуха выводитъ къ столу роженицу, ставитъ корыто, кладетъ въ него васьковъ, косу, топоръ; роженица должна стать въ корыто правой ногой, а повитуха сливаетъ ей воду на руки: эту воду, она должна спускать до локтей и подставляя горсть подъ локоть, собирать ее, а изъ горсти пить. Это дѣлаютъ для того, чтобы у роженицы прибавлялось молоко— „пѣкормъ“, такъ выражаются бабы, а ногою становятъ роженицу въ корыто—чтобы ея никто не могъ сглазить.

Дѣвушки начинаютъ засиживать „вечерницы“ съ 8 сентября. Выбирается одна какая-нибудь немолодая вдова, у которой собираются дѣвушки и парни, дѣвушки шьютъ или прядутъ, а парни играютъ въ карты: въ дурака, своего козыря, мельника и фильку. Въ большіе праздники дѣлается складчина, всякая дѣвушка беретъ изъ дому, что можетъ: муку, сало, яйца, украденую курицу; парни же покупаютъ водку, орѣхи, пряники, конфеты. Не принести лакомства на вечерницы считается не приличнымъ, дѣвушки засмѣютъ парня, который прійдетъ съ пустыми руками, а потому парни крадутъ у родителей пшеницу, куръ, гусей, и, продавъ это, покупаютъ лакомства. Украсть для вечерницъ не считается преступленіемъ. Родители знаютъ, что у нихъ крадутъ, но не бываютъ за это въ претензіи. На вечерницахъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„Тамъ дичина по грибы ходила,
Въ зеленому гаю заблудыла;
Приблудылась къ зеленому дубу,
Ой тутъ же я ночуваты буду;
Я думала що дубъ зелененькій,
Ажъ то стоитъ гайдарь молоденькій.

„Ой, гайдаре, молодой гайдаре!

Ой выведи мене съ цего гаю!

Ой далеби дорожки не знаю.“

„Ой, якъ бижъ ты дорожки не знала,

Тобъ ты мене гайдаремъ не звала,

Тобъ ты мене серденькомъ назвала.“

* * *

Якъ выйду я на улицю гуляю,
гуляю.

Выйде мате въ хату звати,

А я шей выляю.

Поютъ еще: „туманъ яромъ налегзе“ и др.

Похороны.— Когда человекъ сильно боленъ, то сосѣди, родственники и кумовья приходятъ къ больному, прощаются съ нимъ и передаютъ поклонъ своимъ умершимъ роднымъ и знакомымъ. Когда человекъ умираетъ, то кладутъ его на землю; какъ только онъ умретъ, то на окнѣ, которое находится ближе къ покутю, ставится чашка съ водой; чашка должна оставаться на окнѣ до шести недѣль, такъ какъ душа будетъ прилетать и купаться въ этой водѣ, т. е. обмываться въ ней отъ грѣховъ. Только что умершаго человекъ обмываютъ, одѣваютъ и кладутъ на лавку подъ образа головою. Читальники читаютъ надъ покойникомъ псалтырь; если умершій человекъ зажиточный, то приглашается священникъ и погребеніе совершается священникомъ на кладбищѣ, а если бѣдный, то его везутъ въ церковь и тамъ отправляется погребеніе священникомъ, а на кладбище везутъ безъ священника, только въ сопровожденіи крестовъ, хоругвей и фонаря; кресты перевязываются полотенцами. Существуетъ обычай отвозить покойника на кладбище на коровахъ или на волахъ, но ни въ какомъ случаѣ не на лошади. Если негдѣ занять воловъ или коровъ или дорога очень испорчена, то въ сани запрягаются мужики, а на сани ставятъ „догomyну“ (гробъ) и везутъ покойника на кладбище. Надъ покойникомъ „тужать“ родственники, т. е. поютъ и приговариваютъ. Въ этихъ пѣсняхъ высказывается сожалѣніе о томъ, что онъ покинулъ ихъ сиротами, не распорядился хозяйствомъ, не далъ совѣта, какъ жить; часто бываетъ, что умершій распорядился во всемъ, но родственники все-таки приговариваютъ тоже. Чѣмъ громче и чище у кого голосъ, чѣмъ больше кто приговариваетъ, тѣмъ больше его хвалятъ, говоря: „охъ, гáрно плаче“. Бываетъ иногда, что и мужчины тужать. Передавая мнѣ процессію похоронъ, одинъ крестьянинъ замѣтилъ: „мáбутъ и мáте такъ не затужить, якъ я умію тужить“. Покойниковъ опускаютъ въ могилу на полотнѣ; это полотно отдаютъ тѣмъ людямъ, которые копаютъ могилу. Поминовенія бываютъ въ девятый день, сороковой и въ годовщину. На помины приглашаютъ сосѣдей, знакомыхъ, родственниковъ и нищихъ; готовятъ для нихъ обѣдь, за столомъ даютъ водку, но не много.

Праздники и пѣсни. Наканунѣ Рождества Христова бываетъ

„богатый святъ вечеръ“; послѣ ужина хозяинъ идетъ въ загороду, гдѣ находится скоть, и смотритъ, куда корова лежитъ головой; если на востокъ, то это означаетъ, что она приведетъ теленка утромъ, на сѣверъ,—такъ въ полночь, на югъ—въ полдень, на западъ—вечеромъ. Въ этотъ же вечеръ выходятъ воръ, невѣста или женихъ съ пирогомъ слушать за глухой стѣной. Если услышатъ разговоръ, въ которомъ говорятъ „иди“, то тотъ, кто слушаетъ, смѣло можетъ надѣяться на исполненіе задуманнаго: невѣстѣ—выйти замужъ, жениху—жениться, а вору будетъ удача въ воровствѣ. Въ день Рождества Христова поютъ: „коляды“, тропарь Рождеству Христову и кондакъ тому же празднику. Подъ Новый годъ „щедруютъ“, т. е. поютъ пѣсни! На новый годъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„На ривѣ на Ордани“, „Миланка ходила, Василька просила“.

„Во поля, поля самъ Богъ ходи, За нимъ ходила Божая Матерь. Иветы носила, Бога просила: Зароды, Боже, жито-пшеницю, Всяку пашницю.	Ходи Илля на Васыли, Косе пашницю жытваную; И сюды махну, и туды махну. Будьте здоровы, съ праздникомъ, Та зъ Васылемъ“.
--	--

„На счастье, на здоровье, роиъ Боже Жито пшеницю, всяку пашницю.	Будьте здоровы, съ новымъ годомъ, Та съ праздникомъ поздравляю“.
---	---

На масляницѣ поютъ такъ:

„Ой за нашимъ садомъ Три мѣсяца рядомъ,— Ладомъ, ладомъ, Три мѣсяца рядомъ. Три мѣсяца добрыхъ, Три молодца красныхъ— Ладомъ, ладомъ, Три молодца красныхъ.	Первый мѣсяцъ (имя пар- ни), Второй (имя) и третій (имя). Ладомъ, ладомъ и т. д. Ой за нашимъ садомъ Три зирочки рядомъ,— Ладомъ, ладомъ,	Три зирочки рядомъ, Первая зирка (имя дѣ- вицы), Вторая и третья (то же имя), Ладомъ, ладомъ (имена дѣвицы), Ой ладомъ, ладомъ Три мѣсяца рядомъ.
--	--	---

При *постѣ* существуетъ единственный *объѣдъ* у жителей Мостковъ; именно, на четвертой недѣлѣ Великаго поста въ среду некутъ крестъ и прячутъ его въ зерновой хлѣбъ; въ закромъ; когда вдутъ первый разъ въ поле сѣять, то мальчикъ долженъ носить подъ рукой крестъ, а взрослый ходить за нимъ и разсѣваетъ зерно. 24 іюня празднуется „Ивана купала“. Въ этотъ день дѣвушки отправляются въ лѣсъ или степь и вьютъ изъ

цвѣтовъ себѣ вѣнки, а вечеромъ вмѣстѣ съ парнями собираются на гору, приносятъ соломы, раскладываютъ костры, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ огонь. Дѣвушки приходятъ въ вѣнкахъ на головѣ, и, прыгая черезъ горящій костёръ, вѣнки разрываютъ и бросаютъ въ огонь.

Игры, танцы и музыка. Проводы мяса празднуются такимъ образомъ: собираются дѣвушки, парни и дѣти, берутся за руки и становятся, изображая фигуру „глаголь“. Первая пара поднимаетъ руки, а остальные, начиная съ послѣдней пары, проходятъ подъ руками первой пары. Когда пройдутъ все, то пара съ поднятыми руками выворачивается, а послѣдняя пара поднимаетъ руки, все же остальные опять идутъ подъ руки, какъ и въ первый разъ; такъ проходятъ они всю слободу. Во время этой игры поютъ пѣсню:

„Скочивъ козель въ огонь, Пойивъ лукъ, чеснокъ; Вышла бабуся, Взяла козла за рожокъ, Повела козла на торжокъ, Продала козла за рубля; Пришла до дому, загула,	Дешево козла продала: Будо-бъ узаты три рубля, Та выораты три поля, Посияты три зела: Черне зело бѣлыло, дру- ге красило, А трете черныло. — Чего миленька бѣленька?	— Сударь, мучицю сѣла, Свое личенько убѣлила! — Чого миленька красенка? — Сударь, я у пичи топыла, Свое личенько спалила! — Чого миленька черненька? — Сударь, сажу друссыла, Свои бривоньки черныла“.
---	---	---

Дѣти играютъ въ мячъ, въ цурки, въ „довгон лозы“ (въ чехарду) и въ „гусаря“. Въ гусаря играютъ такъ: отмѣряется на ровной площади квадратъ шаговъ въ 20-ть; по угламъ его становятся четыре человѣка, а на плечи имъ садятся такъ-же четыре человѣка; сидящіе верхомъ бросаютъ другъ другу мячъ; если кто-нибудь изъ сидящихъ верхомъ не поймаетъ мячъ, то тѣ, на которыхъ сидятъ, сбрасываютъ своихъ всадниковъ и стараются поднять мячъ и имъ кого-нибудь ударить изъ всадниковъ. Тогда всадники преобразуются въ лошадей, а лошади въ сѣдоковъ или гусаровъ, какъ ихъ называютъ. Если три раза подрядъ сѣдоки не переменяются, то они начинаютъ развязку игры: каждый проѣзжаетъ нѣсколько разъ верхомъ по четырехугольнику на своемъ конѣ. Самый распространенный танецъ въ Мосткахъ—козачекъ; его танцуютъ дѣти, взрослые и старики, дѣвушки и парни: это ихъ любимый танецъ; его танцуютъ парами и по одиночкѣ. Музыкальные инструменты на свадь-

бахъ: скрипка, басъ; любимый музыкальный инструментъ мостовчанъ „сопѣлка“, родъ дудки или волюнки. Существуютъ артисты, которые действительно артистически играютъ на сопѣлкѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ. На гармоніи играетъ только молодежь.

Ярмарки считаются особеннымъ праздникомъ мостовчанъ; всякій считаетъ чуть-ли не обязанностью своею побывать на ярмаркѣ. Купить-ли что или продать нужно хозяину или хозяйкѣ, они откладываютъ до ярмарки; переменить-ли нужно воловь, лошадь или корову, крестьянинъ ждетъ ярмарки; если онъ долженъ кому-нибудь—отпрашивается до ярмарки: „переминю, говоритъ, волыкивъ, продамъ, куплю дешевле и отдамъ долгъ“; мать, уговаривая ребенка, обѣщаетъ ему купить на ярмаркѣ бубликовъ; парень дѣвушкѣ говоритъ: „выходи на ярмарку, канхвѣтивъ куплю“; всякій ярмарки ждетъ съ нетерпѣніемъ, на ярмаркѣ всякій старается чѣмъ-нибудь „заработать“; и въ рѣдкихъ случаяхъ ему не удается заработать, тѣмъ болѣе, что обмануть посторонняго человѣка не считается грѣхомъ. Вотъ разсказъ одного крестьянина, почему обмануть на ярмаркѣ можно: „Апостоль Павелъ (а другіе говорятъ Лука) повелъ на ярмарку продавать быка, быкъ этотъ былъ старый и слѣпой; къ нему подходятъ покупатели и спрашиваютъ: „что за быкъ? нѣтъ-ли пороковъ какихъ?“ Апостоль говоритъ: „старый и слѣпой мой быкъ“; покупатели отходятъ. Наконецъ нашелся покупатель, который взялъ быка за очень дешевую цѣну. Когда апостоль вернулся, Христосъ и спрашиваетъ: „за сколько онъ продалъ быка?“ Апостоль разсказалъ, почему такъ дешево продалъ быка. Спаситель выслушалъ и говоритъ: „глухой ты человѣкъ, нужно было хвалить быка и даже побожиться: вѣдь на то ярмарка, чтобы бѣдный человѣкъ хоть „трѣшки починовся“ (т. е. поправилъ свои дѣла). Откуда взята эта несообразная легенда, я не могла узнать.

Къ пѣніямъ въ Мосткахъ можно причислить такъ называемыя „псалмы“ которые поютъ всѣ: дѣвушки, парни и старики. Кѣмъ составлены эти „псалмы“, неизвѣстно, но содержаніемъ ихъ всегда является какая-нибудь сцена или моментъ изъ библейской жизни. Вотъ „псалмы“, которые мнѣ удалось записать.

Б.—Сл. Танюшевка.

Название слободы.—Свадебные обряды и пѣсни.

Слобода расположена въ долину между невысокихъ горъ, которыя окружаютъ ее съ трехъ сторонъ: сѣверной, западной и южной, а на восточной сторонѣ ея находится дугъ, который отдѣляется отъ слободы рѣкою Айдарь. Название свое слобода Танюшевка получила отъ имени жены кн. Куракина, Татьяны, въ то время, когда князь владѣлъ этою слободою, въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ наст. столѣтія. До князя Куракина Танюшевка называлась Березовой, по имени рѣчки, которая протекала между горъ съ юго-западной стороны и впадала въ Айдарь; въ то время рѣчка эта была довольно глубока, а теперь остался только ручеекъ, да и тотъ во время лѣтней жары высыхаетъ. Въ настоящее время слобода эта пишется Танюшевка, а жители ея, крестьяне, и до сихъ поръ называютъ ее Березовой. Отъ уѣзднаго города она отстоитъ въ 60-ти вер.

Сообщу о томъ, какъ крестьяне сватаются. Какъ сыну исполнится 18 лѣтъ, такъ отецъ начинаетъ думать о его женитьбѣ. Въ началѣ осени крестьяне сватаются, а послѣ Покрова Пресвятыя Богородицы играютъ свадьбы, такъ какъ въ то время они покончатъ всѣ главныя работы, молотьбу и паханье подъ яровое. Обмолотивши хлѣбъ, часть его они продаютъ и запасаются деньгами для свадебныхъ расходовъ. Задумавъ женить сына, отецъ проситъ двухъ родственниковъ или хорошихъ сосѣдей быть сватами за его сына. Эти два лица называются „старостами“. Старосты берутъ хлѣбъ и въ сумеркахъ отправляются къ родителямъ той дѣвушки, которую должны высватать. Подойдя къ хатѣ, они стучатъ въ окно и говорятъ: „добръ вѣчирь, добрый вѣчирь, пустить погрицьця!“ Хозяева отвѣчаютъ изъ хаты: — „Милосты просьмъ“. Иногда старосты застаютъ хозяевъ спящими, тогда имъ приходится нѣсколько разъ повторить свое привѣтствіе, чтобы разбудить ихъ. Невѣсты дома не бываетъ,—она или на вечерницахъ, или

у сосѣдки сидитъ съ работой. Войдя въ хату, старосты осѣнятъ себя крестомъ и говорятъ: „здорови булы, съ поныдѣлкомъ, будьте здоровы!“ Хлѣбъ старосты отдають отцу или матери, тѣ кладутъ хлѣбъ на столъ, а старостовъ просятъ сѣсть за столъ. Сначала разговоръ идетъ посторонній, а потомъ постепенно переходятъ къ дѣлу. Старосты говорятъ за чьего парня они хотятъ сватать дѣвушку. Если родители согласны отдать свою дочь, то сейчасъ посылають за нею, чтобы спросить ее — согласна-ли она. Если-же не согласны отдать, то мать прямо говоритъ: — „идить, добри люды, тай не прыходьте, бо все равно дѣла не бѣде, дочки я не отдамъ“. Иногда въ одно время приходитъ нѣсколько паръ старостовъ, отъ трехъ или четырехъ жениховъ, и за кого изъ нихъ невѣста согласна выйти замужъ, хлѣбъ того оставляетъ, а остальнымъ отдаетъ. Последнiе уходятъ домой, а кому дано согласiе, тѣ остаются пить могорычъ; водку и вино на могорычъ старосты приносятъ съ собой.

На другой день эти старосты приходятъ съ отцомъ и матерью жениха, для окончательнаго рѣшенiя дѣла. Въ это время посылають за женихомъ и спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ жениться на этой дѣвушкѣ и, когда женихъ скажетъ свое согласiе и невѣста тоже самое объявитъ, что и она согласна, тогда послѣдняя отправляется собирать подругъ или „дружекъ“ и вмѣстѣ съ ними приходитъ домой. Идя по улицѣ, дружки поютъ:

„Та бережися, бережися	Уловить, та молодую Явдошку
Та бизалъ рыба,	Уговорать, та за добраго
Хочуть тебе, та билую рыбку	Молодця Петрушку“.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ обыкновенно приговаривають имя жениха и невѣсты. Съ пѣсней дѣвушки входятъ во дворъ. Войдя въ хату, онѣ находятъ большое собранiе родныхъ, сосѣдей и прiятелей. Всѣ гости сидятъ, а женихъ стоитъ у порога. Когда невѣста съ подругами входитъ въ хату, мать ея зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ иконѣ. Женихъ съ невѣстой становятся рядомъ посреди хаты и кладутъ три земныхъ поклона; всѣ присутствующiе тоже молятся, а потомъ опять садятся по своимъ мѣстамъ, а женихъ садится на лавкѣ возлѣ порога. Мать даетъ невѣстѣ два полотенца, а невѣста

кладеть ихъ на тарелку и подносятъ ихъ старостамъ и при этомъ кланяется до земли. Старосты берутъ „рушныки“, перевязываются ими черезъ плечо и говорятъ:—„спасібо, дѣчко, що рано вставала та тонко прѣла“. Послѣ этого мать ставить закуску на столъ, а старосты своею водкою начинаютъ угощать сначала невестиныхъ отца и мать, брата и невестку, если есть, потомъ жениховыхъ отца и мать, за тѣмъ жениха, невесту и дружекъ, послѣ чего молодежь удаляется на вечерницы, а сваты, старосты и гости остаются и у нихъ продолжается угощеніе до позднихъ сумерокъ, а потомъ жениховы отецъ и мать всю эту компанію просятъ къ себѣ.

Сватанье. Въ день назначенный для сватанья, хозяева готовятъ лучшія угощенія, а невеста заботится о чистотѣ и убранствѣ хаты. Къ этому дню стѣны хаты бѣлятся снаружи и внутри, земляной полъ смазывается и усыпается пескомъ, столъ покрывается чистой скатертью на которой лежитъ хлѣбъ-соль, на образахъ и возлѣ оконъ висятъ вышитыя полотенца. Въ этотъ день къ вечеру приглашаютъ родичей, крестныхъ отца и мать невесты и хорошихъ сосѣдей. Всѣ ожидаютъ старостовъ. Прежде всѣхъ приходитъ женихъ и старшій бояринъ, — шаферъ, съ хлѣбомъ-солью; поздоровавшись, женихъ хлѣбъ отдаетъ отцу. Отецъ благодаритъ за хлѣбъ и кладетъ его на столъ, а зять угощаетъ водкою. Поднося рюмку съ водкою говоритъ: „милосты просю, Ивановичъ, откушать“. А зять говоритъ: — „А я вашей милосты просю“.—Отецъ выпиваетъ, а ему наливаетъ другую, онъ такимъ образомъ, какъ и отца, проситъ мать и всѣхъ близкихъ родныхъ невесты, а послѣ всѣхъ выпиваетъ самъ и уходитъ изъ хаты во дворъ къ молодежи, гдѣ между говоромъ и смѣхомъ слышны звуки гармоники, вѣрно исполняющей комаринскую. Въ скорости послѣ жениха приходятъ старосты, перевязанные черезъ плечо полотенцами, и сваты съ женатыми сыновьями и замужними дочками. Поздоровавшись, гостей просятъ сѣсть въ красный уголъ. Потомъ входятъ женихъ, невеста и дѣвушки. Молодыхъ ставятъ рядомъ посреди хаты, зажигаютъ свѣчи у образовъ, снимаютъ икону, благословеніе невесты, и начинаютъ благословлять. Послѣ благословенія, женихъ съ старшимъ бояриномъ са-

дятся за столъ, а невѣста начинаетъ давать подарки свекру, свекрови, жениху и роднымъ со стороны жениха. Потомъ невѣста подчуетъ всѣхъ водкой и виномъ, поднося всякій разъ тарелку съ налитыми рюмками жениху, женихъ молча кланяется и этимъ даетъ знакъ, чтобы она сначала подносила отцу, матери и роднымъ. Последнюю рюмку выпиваетъ женихъ. Каждый, кому подноситъ невѣста рюмку водки или вина, даритъ ее деньгами, а свекровь даритъ ей ситцу на платье. Когда невѣста начинаетъ давать подарки, дѣвушки поютъ:

„Не просватуй, мій батенько,
Свата мнѣ молодой не завязуй.

— Не завяжу, на другу нидиленьку
тай одложу.

— Чи я тобі, мій батенько, надо-
кучила?

— Ны ты мнѣ надокучила,
А твои старостоньки надокучили.

Та за ними зюходячи,

Воритечки зачинаючи,

И выконци затулючи,

И словечко промовляючи“.

Или поютъ:

„Чи зумишь, моя ненько,

Мои змовыгы пыты,

Въ пичи затонять,

Водыци принести,

На кладочку сходять

И свекорку угодать.

Синички мой рубленне,

Теперь, вы не будете метенне,

А въ свекорка хоть заплетени,

Та будуть—що дня метени“.

Послѣ жениха, невѣста угощаетъ своихъ подругъ, а потомъ ее заводятъ за столъ, садится она рядомъ съ женихомъ, а возлѣ нея подруги. Отецъ невѣсты начинаетъ угощать невѣстину родню, послѣ этого подають ужинъ, состоящій изъ борща, лапши, жареной баранины и молошной каши. Ужинають только старосты, сваты и родичи, а женихъ, невѣста и дѣвушки идутъ къ сосѣдкѣ и варятъ у нея вареники, сюда приходятъ паробки, которые приносятъ водки къ ужину. Послѣ ужина жениховъ отецъ всю компанію проситъ къ себѣ, гдѣ гуляютъ всю ночь.

Дружбины (вечерыны).—Они бывають подъ день свадьбы. Въ этотъ день съ утра у жениха и невѣсты пекутъ „шишки“,—маленькіе калачи. Для приготовленія шишекъ приглашають женщинъ, такъ какъ ихъ пекутъ очень много. Невѣста-же идетъ звать къ себѣ подругъ, которыя должны убрать ей косу гарусомъ и лентами. Придя съ подружками домой, невѣста одѣвается въ лучшее платье, садится посреди хаты на скамьѣ, а дѣвушки на лавкахъ и мать начинаетъ чесать ей волосы. Дѣвушки поютъ:

„Ой, тихо, тихо Дунай воду гоне,
А въ ще тихие Ядошка косу чеше;
А вона чеше, зривае, та на Ду-
най пускае.

Ой, пльвы коса, пльвы руса
До свекора въ двирь проста.

Ой, слухай, послухай
Шо свекорко говоре.

А свекорко каже: „добрая годинка,
Иде до мене чужая дитянка,

Ны zobуавъ, ны зодигавъ,
Е кимъ замышлито!“

А батенько каже: „лхая годинка,
Яжъ и zobуавъ, яжъ и зодигавъ,

Та никимъ замышлито!“ —

Во все время этой пѣсни мать и дочь плачуть. Мать разче-
шетъ и заплететъ косу, а дѣвушки уберуть ее лентами, голову
повяжутъ лучшимъ платкомъ, а поверхъ платка надѣнутъ вѣ-
нокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Потомъ невеста надѣваетъ
„халагъ“, а мать подвязываетъ ее вышитымъ полотенцемъ, при-
чемъ дѣвушки поютъ:

„Матя Ядошку родила
И мисцемъ обгородила,

Рушникомъ видчерезала,
По дружки послала.“

Послѣ этого дѣвушки уходятъ; старшая дружка, „шаферина“,
носитъ шишки, раздаваемая невестою роднымъ и знакомымъ.
Проходя по улицамъ, дѣвушки поютъ разные пѣсни.

1) „Горохъ по дорози, Мий батько въ дорози Винъ того не знае, Шо дочка гадае,	А дочка гадае, Дружечекъ сбывае.“	Девгенькій носокъ кулы- чекъ, Чи далеко чутъ друже- чекъ.“
	2) „Ой скокы, скокы сорокы, Нызьки поклонны,	

Проходя по улицамъ, дѣвушки заходить къ роднымъ, знако-
мымъ, а также въ дома мѣстной интеллигенціи, подходя ко двору
дружки поютъ:

„Обмытайте дворы,
Застылайте столы,—

Дружечки идутъ
Молоду ведутъ.“

Невеста съ старшей дружкой входятъ въ домъ или хату, а
остальные дѣвушки остаются за дворомъ. Входя, невеста кре-
стится и кладетъ три земныхъ поклона къ образамъ, потомъ
кланяется хозяину и хозяйкѣ, каждому по три раза, и гово-
рить:— „просывъ батько, просыла маты и я просю на дружбыны!“
Даетъ каждому по шишкѣ и уходитъ. Отходя отъ двора, дѣ-
вушки поютъ:

„Спасибо за дружку,
За лийя послужку,

За пани панечки,
За ваши дружечки.“

Послѣ всѣхъ невеста идетъ къ своей будущей свекрови; под-
ходя къ ея двору, дѣвушки поютъ:

„Ой, матенько ютко, Сонячко нязенько, Сонячко ще пажче,
Ворочайся прутко, Дружечка близенько Дружечка ще бажче“!

Свекровь угощаетъ всѣхъ водкой, даетъ по шишкѣ и затѣмъ дѣвушки уходятъ и поютъ:

„А мы у свекрухи булы, Горилочки ни чарочки ни пылы!

Уже въ сумеркахъ невѣста съ дружками идетъ домой. Къ этому времени собираются родные и сосѣди. Невѣсту заводятъ за столъ, а дѣвушки поютъ:

„Та йде Явдошка на посадъ, Съ долею счастливою,
Та зустріча вй Господь Богъ, Съ доброю годиною“!

И садятся возлѣ невѣсты за столомъ. Отецъ угощаетъ ихъ водкой; первой подноситъ невѣстѣ, она отказывается; отецъ выпиваетъ самъ, а потомъ вторично подноситъ невѣстѣ, она выпиваетъ и начинаетъ угощать своихъ подругъ. Такимъ же образомъ и мать подчуетъ невѣсту, а невѣста дружекъ. Дѣвушки поютъ:

„Ой рясна, красна колыновка въ А передь столомъ батенько частуе,
лузи, Счастенъ даруе.
Ряснише, краснише Явдошкинъ по- Отгадай донько—чия доля лучшая!
садъ, Чи Божая, чи батенькова?
Явдошкинъ посадъ дружечки кра- Божая доля—доля лучшая,
сать, Чимъ батенькова,
По виконицямъ анголи сидять, Божая счастлива,
На дверичкахъ самъ Господь стоять, Батенькова вродлива“!

Если невѣста сирота, то еще поютъ:

„Явдошкына ненька стоить Чи хороме зряжено,
На передь Господа Бога, Чи въ часъ-то посажено.
На вхрестъ ручки держить. Та зряжено, якъ паньнятко,
Та спусти мене, Боже, зъ неба Сыдыть, якъ сиротятко,
на землю, Та зряжено, якъ квіточка
Подвзяюсь я на свое дитятко Сыдыть воно, якъ сирвоточка“.

Возлѣ печки на дижѣ, кадкѣ съ крышкой, четыре женщины лѣпятъ „коровай“, „калачъ“ и „лежень“ и, когда дѣвушки окончатъ свои пѣсни, бабы поютъ:

„Хороши коровайниці, Горщикъ масла,
Хорошо коровай лѣпять, Дижка сыра,
Сыромъ накладають, Та все на коровай“!

Когда коровай, калачъ и лежень посадятъ въ печь, тогда коровайниці носятъ джину и поютъ:

„Стоить пичь на сохахъ, Пече дижа, пече“!

При последнемъ словѣ дижу подбрасываютъ вверхъ и цѣлуются. Каравайницъ угощаютъ водкой, ужинаютъ и расходятся. Такія же дружбины бываютъ и у жениха.

Свадьба. Отъ вѣнца молодые, старшій бояринъ, дружка и поручители идутъ къ невѣстѣ обѣдать. Послѣ обѣда расходятся по домамъ, а невѣста съ старшей дружкой идетъ собирать друзей и, собравшись, поютъ:

„Схлылася верба сверху до корня,
Винчалася Явдошка зъ ранку до по-
лудня!

Пинь винчавъ, небогато взявъ,
Пивзолото, коня вороного,
Ще й мало!—

Погулявши, дѣвушки идутъ къ какой-нибудь родственницѣ подалеже отъ своей хаты, чтобы не знали, гдѣ именно онѣ находятся. А женихъ вмѣстѣ съ боярами ѣдетъ кататься верхомъ или на тройкахъ. Верховые ѣдутъ одинъ за другимъ, одѣтые въ черныя чинарки, подпоясаны, красными кушаками; у бояръ на шапкахъ съ лѣвой стороны приколоты розетки изъ красной ленты. Если на тройкахъ, — то сбруя на лошадяхъ убирается красными лентами, дуга обвивается краснымъ поясомъ. На одной тройкѣ садятся женихъ и бояре, а на другой „свитилка“ и „свашка“, кто-нибудь держитъ „гильце“—сосну, убранную цвѣтными лентами, калиной, бумажными цвѣтами. Во время катанья свашки и свитилки поютъ:

„Издзли бояре улицами кисными,
Вырвали квичочку голубую,
Пилманулы Явдошку молодую“.—

Подѣзжая къ церкви, „поѣздъ“ останавливается, женихъ и старшій бояринъ на паперти у западныхъ дверей кладутъ по три земныхъ поклона и по копѣйкѣ денегъ. Поѣздъ катается до захода солнца, а потомъ ѣдетъ ко двору невѣсты, гдѣ его не пускаютъ до тѣхъ поръ, пока бояре не угостятъ водкой, когда поѣздъ вѣдетъ во дворъ, „подружій“,—братъ невѣсты или родственникъ съ ея стороны, идетъ искать невѣсту; узнавъ это, дружки съ невѣстой начинаютъ прятаться, перебѣгая изъ хаты въ хату. Прійдя домой съ невѣстой и дружками, подружій становится на порогъ хаты и говорятъ:—„Господы Іисусе, сыне Божій, помилуй насъ“; а старосты, сваты и гости, собравшіеся къ этому времени сидятъ въ хатѣ и кто нибудь изъ нихъ отвѣчаетъ:—„аминь“. Подружій продолжаетъ: „староста паны-

пидстароста“, тѣ говорятъ:—„до кого“?—„до вашего здоровья“!— „А мы ради слухать“! Поддружиі говоритъ: „благословить Богу и отцу, неньки поклоницця.“ Тѣ отвѣчаютъ:—„Богъ благословить и мы благословляемъ“.—И въ другой разъ, и въ третій разъ, старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Невѣста входитъ въ хату, кланяется къ образамъ три раза, потомъ отцу, матери и близкимъ роднымъ. Дѣвушки поютъ:

„Кланяйся Явдошка
Напередъ Господу Богу,
Отцу, неньца въ ногу,
Въ нижечки низенько,

Серденько близенько,
Нижечки ще нижче,—
Дружечки ще ближче“.

Когда невѣста поклонится всѣмъ роднымъ, тогда подружіі возвышаетъ голосъ и говоритъ: „Староста паныпидстароста“!— „До кого?“—„До вашего здоровья,—благословить молодую княгиню за столъ завесты.“ Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ.“ Тогда подружіі подаетъ невѣстѣ конецъ носоваго платка и три хлѣба, а другой конецъ платка держитъ въ своей рукѣ и ведетъ молодую за столъ, а за нею дѣвушки, которыя поютъ:

„Та йде Явдошка на посадь“, в т. д.

Невѣста садится подъ образами, хлѣбы кладетъ на столъ, а дѣвушки садятся съ лѣвой стороны и поютъ:

„На посади систя

| На суженому мисци“.

Заведя невѣсту за столъ, подружіі выходитъ изъ за стола. На столѣ, накрытомъ скатерью, лежитъ коровай (большой калачъ), въ которомъ воткнуто гильце, и калачъ (меньше коровай), на немъ лежитъ двѣ деревянныхъ ложки, связанные лентой. Калачъ украшаютъ калиной. Когда жениха угостятъ водкой передъ порогомъ хаты, то дружка, братъ его, или хорошій знакомый становится на порогъ хаты и говоритъ: „Господи Іисусе и т. д. благословить молодого князя за столъ завесты“. Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Въ это время невѣста наклоняетъ голову до самого стола, къ головѣ ея ставятъ калачъ и покрываютъ платкомъ, а дѣвушки поютъ:

„Глянь ты, Явдошко, кризь калачъ
Карими очима, тай не плачь,—
Ось тий иде, размай русу косу

| По червоному полюсу,
По тий часті трахти,
По зеленой запасци“.—

При концѣ пѣсни платокъ снимають, а дѣвушки поютъ:

„Ой у саду соловейко защебывавъ | Петрушка Явдошку поцелувавъ“.

Въ это время женихъ и невѣста цѣлуются. Дѣвушки поютъ:

„Литылы галочки у три рядочки, А зозули попереду, Вся галочки силы у лужечкахъ, А зозуля на казыни. Шли дружечки рядочкомъ, А Явдошка попереду, Галочки закрычали;	А дружечки заспывали, А Явдошка заплакала; Дружечки силы по лавочкамъ, А Явдошка на посади. На посади светы На суженому місци“.
--	--

Потомъ начинаютъ пришивать къ жениховой шапкѣ, или фуражкѣ, розетку, за это подносятъ рюмку водки и шишку, а потомъ отецъ начинаетъ подчивать своихъ старостовъ и даетъ каждому по шишкѣ. Невѣстина сестра, пришивая квитку, или розетку поетъ:

„Чого зять засупротывився, Чемъ на мене не подивисей? Чи ты мене нышкомъ лаешъ, Що на мене не поглянешъ? Ой зятю хороший, Готовъ кону грошей	Ты жъ копою не отбудешъ, Хиба минн жуланъ купышъ. Казали люди зять богатъ, Та казали люди грошей мыхъ Та дае конийку, якъ на смихъ“.
---	--

Потомъ матери невѣстиной отъ зятя даютъ въ подарокъ сапоги; получивши ихъ, она поетъ:

„Ой чоботы, чоботы вы мой, Чемъ дила не робите вы минн! Оце жъ тин чоботы шо зять давъ, А за тин чоботы дочку взявъ. Повисыла чоботы на кылокъ,	Сама лиыла гулиты у шынокъ. Высать мой чоботы скрипучи, А я иду изъ рички плачучи. А за ту прокляту шкапыну, Отдала я ридную дытну“.
---	--

Дружки поютъ, обращаясь къ свашкѣмъ:

„Наша Явдошко душечко, Чи писня спиваты, Чи свашки прохаты.	Свашечко, сватылочко, Биле лычко, заспывай намъ писенькы, Хоть одинн веселон“!
---	--

Свашкы отвѣчаютъ:

„Дружечкы, голубочки, Ни смиемо, ни вниемо, Далекъ переиздъ, далека дорога;	И шо вмилы, перепилы, И шо зналы, позабувалы,— Спывайте самы“!
---	--

Послѣ этого дружка вноситъ на тарелкѣ очипокъ и говоритъ: „Господи Исусе и т. д. благословить, мы по чужымъ жбнамъ покрасу маемъ и соби желаемъ“. (Это повторяетъ онъ три раза). Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Тарелка съ очипкомъ ставится на столъ и дѣвушки поютъ:

„Шось тоби внесено,
 Нь стиль положено,
 Якъ билъ билесеньке,

Якъ гай зеленесеньке!
 Ця парчъ неленюча,
 Всимъ дивчатамъ нымнуча“.

Потомъ свашки, замужнія молодыя женщины, одна со стороны жениха, другая со стороны невесты,—заходятъ за столъ, снимаютъ вѣнокъ съ невесты, расплетаютъ ей косу, а дѣвушки поютъ:

1) „Насияла Явдошка нагидокъ,
 Не вродылись нагидки,
 Та вродылись полуницы,
 Мнянулись твои досвятки и ве-
 черницы“.

2) „Якъ бы ми схотѣли,
 Такъ мы бь розвиртили,
 Дивкою бь нарядили,
 Съ собою посадыли“.

Какъ расплетутъ косу, надѣнутъ парчевый очипокъ, такъ и начинаютъ покрывать, причемъ одна свашка надѣваетъ на голову шапку жениха, а другая кладетъ на голову ленты изъ косы невесты, берутъ кусокъ кисеи аршина 1¹/₂ и, держа за противоположные концы, то поднимаютъ, то опускаютъ надъ головами молодыхъ и поютъ:

„Покриванка плаче,
 Покриваться хоче,

Не такъ покривацьця
 Якъ намъ поцилувацьця“.

Цѣлуются и обмѣниваются шапкой и лентами три раза. Покрывши поверхъ очипка, завяжутъ невесту этой кисеей, причемъ невеста плачетъ. Послѣ этого она начинаетъ подчивать своихъ подругъ въ послѣдній разъ, прощается, плачетъ, а дѣвушки поютъ:

„Прошло твое дивованье
 По столу, та по ослоу
 Медь вино попываючи,
 Дивованье спомынаючи!

Дѣвушки уходятъ и поютъ:
 Ты прощай, прощай,
 Явдошко, та вже ми йдимо
 За собою дивованье
 Тай занесемо“!

Подойдя къ окну дѣвушки стучать и поютъ:

„Бери гребень, Явдошко,
 Та днеше,
 Та йди на вычирници“.

А за дворомъ поютъ:

„За воритечками
 Чырвона калына стояла,
 А на тий калыни

Сыва зузуля кувала,
 Вона ны кувала,
 Правдовьку казала“!

Послѣ этого молодыхъ везутъ къ свекру.

М. М. Иннокова.

6.—Сл. Каменка.

Изъ прошлаго.—Разбойникъ Крупка.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Болезни и ихъ леченіе.—Занятіе.—Религіозность.—Нравственность.—Вечерниці.—Свадебные обряды и пѣсни.—Народный календарь.—Сказки и пѣсни.

Слобода наша расположена на ровномъ мѣстѣ. Съ западной и сѣверо-восточной стороны ее окружаютъ песчанья, каменистыя и мѣловыя горы, а съ юго-восточной и южной стороны—равнина, на которой крестьяне сѣютъ хлѣбъ. Камень, добываемый изъ горъ, идетъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, церковныхъ оградъ, стѣнъ, сараевъ и т. п. Подъ горой протекаетъ рѣка—Каменка, берущая начало въ концѣ этого села изъ горы. Рѣка мелка и маловодна, почему и рыба въ ней не водится; впадаетъ она въ р. Айдаръ въ сл. Осиновой, находящейся въ 25 в. Въ давнее время на западной сторонѣ Каменки были дремучіе лѣса, въ которыхъ водились дикіе кабаны, олени и дикія козы; теперь же лѣса представляютъ незначительные кустики, которые со временемъ вовсе уничтожатся. И теперь уже вырываютъ корни оставшихся пней. Лѣса—хранители водъ, а потому рѣка была прежде многоводнѣй и въ ней водилась рыба. Каменка получила свое названіе отъ множества камня, добываемаго въ горахъ. Она находится отъ Старобѣльска въ 55 в., отъ Харькова въ 250 в., отъ торговой сл. Бѣловодска въ 50 в., отъ торговой сл. Кантеміровой въ 35 в., куда проходитъ вѣтвь желѣзной дороги и гдѣ устраивается элеваторъ. По разсказамъ нѣкоторыхъ, въ лѣсахъ было много разбойниковъ, которые не давали проходу ни конному, ни пѣшему. Цѣлые обозы они раззоряли,—людей убивали, а добро забирали себѣ. Изъ разбойниковъ особенно помнятъ Крупку. И до сихъ поръ еще есть холмы подъ названіемъ „Крупкины могилы“, образовавшіеся отъ земли, насыпанной надъ землянками, въ которыхъ жилъ Крупка. Онъ жилъ въ лѣсу подъ сл. Марковкой почти самъ, а свиту свою разсылалъ по разнымъ дорогамъ. Если онъ не могъ одолѣть

самъ прохожихъ или проѣзжихъ, то свисткомъ давалъ знать другимъ, которые налетали со всѣхъ сторонъ на помощь.

Все жители были кирасирами, и особенно помнятъ завѣдывавшаго ими пана Сугака, который, по рассказамъ, былъ человекъ злой, часто употреблялъ въ наказаніе розги, за что его называли мучителемъ.

Въ Каменкѣ было уже четыре холеры, за память одной 80-лѣтней старухи, которая мнѣ говорила объ этомъ; 60 лѣтъ назадъ былъ въ Каменкѣ „голодный годъ“, когда люди ѣли полову, крейду, луку съ проса и проч.

Жителей $3\frac{1}{2}$ тысячи. Большая часть—малороссы. Цвѣтъ кожи бѣлый, глаза по большей части сѣрые, пріятные, носъ ровный. Волосы мужчины подрѣзываютъ кругло по брови; женщины и дѣвушки носятъ длинные волосы, заплетенные въ косы. Все мужчины носятъ бороду и усы. Молодые парни часто бороды брѣютъ. Есть великороссы въ маломъ количествѣ; они называютъ себя русскими, а малороссы—москалями; живутъ здѣсь также турки, —которыхъ прислали сюда послѣ Севастопольской войны на время, т. е. пока за нихъ будетъ полученъ выкупъ, но они просили оставить ихъ здѣсь навсегда, что и было исполнено. Ихъ надѣлили землей, приписали къ крестьянскому сословію. Они отличаются смуглой кожей, большимъ толстымъ носомъ, суровымъ взглядомъ и сердитымъ характеромъ. Ихъ было всего нѣсколько семей; современемъ они переродятся, такъ какъ вступаютъ въ бракъ съ туземными жителями, и теперь уже настоящаго турка не отыщешь, развѣ найдешь какую нибудь отличительную черту въ характерѣ или въ наружности. Отношенія малороссовъ и великороссовъ дружелюбныя. Изъ 164 фамилій по ревизіи 1858 года 25-го сентября обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія фамиліи: Бруховецкій, Бѣлянскій, Гужвинскій, Дворецкій, Жигайло, Землянскій, Зикраневъ, Краснянскій, Каруна, Татарчуковъ, Трояновскій, Шкурапатскій.

Къ Камянской волости причислены, лѣтъ семь назадъ вновь образовавшіеся хутора: Чикирячинъ, Терновскій, Кабанскій, Поповскій и Новоглуховскій хутора. Въ нихъ были поселены безземельные солдаты, служившіе за Императора Николая I-го изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній. Въ Каменкѣ кирасир-

ская земля, отобранная въ казну, сначала отдавалась въ аренду крестьянамъ и купцамъ, теперь же на ней поселены упомянутые солдаты, которымъ надѣлили по 4^{1/2} дес. на душу. Каменскіе крестьяне обѣднѣли потому, что у нихъ мало пахатной земли, а сѣнокосной и вовсе нѣтъ.

Языкъ малороссійскій, съ примѣсью литературнаго. Малороссійскій языкъ болѣе выражается въ грубой или дерзкой формѣ рѣчи, напр., „я тебѣ якъ мазну по пици“ (по лицу), а литературный—въ ласковой формѣ; напр., „мой дѣточка манѣсенка“. Въсто овса говорятъ вивса, жена—жинка, ледь—лидъ, синяго сынѣго, зеленый—зелѣный, его—ѣго, въ соборѣ—въ собори, тополя—тополи, ангель—анголь, одинъ—одынъ. Звукъ *и* почти всегда выговаривается *ы*; серьги—сѣргы, сѣрѣжки, дѣти—дѣты; говорятъ: хорошо—гѣжо, гоженъко, огурцы—огирки, видѣль—бачивъ, Андрей—Андрій. Послѣ гортанныхъ произносится *ы*, напр. кѣслый, нехорошо-гѣдко.

Великороссійскій языкъ отличается вообще растяжимостью рѣчи и особымъ, не поддающимся перу, выговоромъ. Въсто голова говорятъ—голова, хорошо—харашо, огурцы—агурцы, того—таво, или—али, идетъ—идѣтъ, овесъ—авесъ, зеленый—зелѣный, медовый—мядѣвый, большущій—большущій, дубъ—душь, повѣрьте—павѣртя, пшеница—пшаница, еще—ишо, глубока—глыбакѣ, себѣ—сабѣ, тебѣ—табѣ, его—яво, кого—каво, того—таво, Россія—Рассея, пойдѣ—пади, тамъ-то—тамъ-та, теперь—теперича. „Тѣтушка мая, безъ Бѣжяго дозволѣнїя и вѣлосъ съ головы не упадѣтъ“, „ня знѣ вѣнъ ничавѣ“. Привожу великорусскую пѣсню.

„Свѣтитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Былъ снакойный вѣтерокъ;
Вдругъ подвѣило волной,
Принесло съ моря челнокъ.
Въ челнокѣ сидитъ малютка,
Тяжко править оуъ весломъ.
Мнѣ малютку жалко стало:
Сѣлъ я въ лодку, взялъ весло.
Тонкій парусъ распустили,

Мы стрѣлою павели,
Вдоль по рѣчушкѣ помчались,
Съ потишеньемъ быстрыхъ рѣкъ,
Приплывали къ бережочку,
Край зеленого лужка.
Какъ во етихъ во лужечкахъ
Стоять дѣвки во кружку,
Поютъ пѣсни харашо“.

Народъ читаетъ съ удовольствіемъ сказки, нѣкоторыя повѣсти, но предпочитаетъ читать псалтирь, Евангеліе и вообще книги духовно-нравственнаго содержанія, которыя покупаетъ на

свои средства у книжныхъ разнощиковъ и на ярмаркахъ. Читаетъ также книги, которыя даются въ школѣ ученикамъ.

Избы строятся въ рядъ одна подлѣ другой, такъ что улицы выходятъ довольно ровныя и каждая изъ нихъ имѣетъ какое нибудь названіе. Ровныя улицы крестьяне называютъ „планомъ“. Избы бывають деревянныя, мѣловыя и глиняныя; кроются соломой или камышомъ. Прежде избы дѣлались очень просто: громадныя сѣни, отъ которыхъ въ одну сторону шла одна комната, а въ другую другая, и выходило двѣ комнаты черезъ сѣни, у бѣдныхъ же одна комната и большія низкія сѣни; да и вообще избы были низкія. Теперь хаты строятся въ двѣ—три комнаты съ высокимъ досчатымъ крылечкомъ; часто большая комната дѣлится досчатой перегородкой на двѣ, въ которой дѣлается и дверь. Прежде рубилось 3—4 окна въ избѣ, а теперь 5—7 довольно большихъ, сравнительно, оконъ. Въ главной комнатѣ посрединѣ стоитъ столъ, вокругъ него лавки, у бѣдныхъ безъ спинокъ, а у богатыхъ съ рѣшетчатыми спинками, на подобіе диванчиковъ. У одной стѣнки, такъ называемый „пиль“, служащій вмѣсто кровати и устроенный очень незатѣливо: нѣсколько колевъ, вбитыхъ въ землю, на которые положены доски. На этомъ „полу“ всегда въ углу стоитъ сундукъ, а днемъ кладется верхняя одежда, какъ то: тулупы, поддевки, платки, шапки. Въ главномъ, красномъ углу ставятся иконы, межъ которыми вѣшаютъ въ большіе праздники вышитые рушники числомъ 6—10, а въ будни 3—2. У бѣдныхъ въ праздники вѣшаютъ 3—2 рушника, а въ будни совсѣмъ не вѣшаютъ. Когда у нихъ бываетъ веселье, „рада“, или же „бесѣда“, то въ главный уголь сажаютъ за столъ почетныхъ дорогихъ гостей. Печь имѣетъ особое значеніе во время свадьбы; около нея сидятъ почетныя женщины и старухи, родныя или близкія жениха и невесты. Дворъ обносится плетнемъ или каменной стѣной. Надворныя постройки ставятся такъ, что дворъ выходитъ четырехугольный. Близъ воротъ или же въ концѣ хаты ставится сарай—„повітка“, въ которомъ женщины осенью готовятъ коноплю для пряжи, а мужчины занимаются домашнимъ плотничествомъ; за нимъ кошара и загорода для скота. Противъ дома въ нѣкоторомъ разстояніи—амбаръ, дальше—„пашенный

хливъ" каменный или мѣловой, служащій вмѣсто кладовой, а у бѣдныхъ вмѣсто амбара; дальше погребъ подъ навѣсомъ или же выходной. Ставни раскрашиваются разной краской; печь тоже раскрашивается синькой; иногда и стѣны главнаго угла украшаются раскрашенными цвѣтами. Въ кухнѣ находится передняя часть печи, а вся печь выходитъ въ главную комнату. Рѣзба встрѣчается очень рѣдко и только на деревянныхъ перегородкахъ въ главной комнатѣ. Надписей на сволокахъ нѣтъ никакихъ, а есть сволоки немазанные, но мытые. Можно найти хать пять съ мытыми стѣнами и сволоками. Курныхъ избъ нѣтъ.

Праздничная одежда мужчинъ состоитъ изъ такъ называемыхъ „чинарокъ“ черкесиновыхъ, мельтоновыхъ, у богатыхъ—суконныхъ; молодежь сверхъ чинарокъ надѣваетъ красные, синіе, зеленые пояса. Всѣ носятъ подъ чинарками жилетки плисовые или мельтоновыя; шаровары у всѣхъ широкіе, вбираются въ сапоги. Въ будни,—вмѣсто чинарокъ и разноцвѣтныхъ поясовъ, надѣваютъ „свытынки“ изъ сукна домашней работы. Въ холодное время, сверхъ описаннаго костюма, надѣваютъ свитки, зимою полушубки; молодежь сверхъ полушубковъ—пояса. Въ теплое время всѣ на головѣ носятъ картузы, а зимою шапки, капелюхи. Женщины и дѣвицы носятъ ситцевыя, шерстяныя кофточки, юшки, а на ногахъ полусапожки, у бѣдныхъ же сапоги; а женщины сверхъ такого костюма надѣваютъ въ церковь „халаты“ черкесиновые, мельтоновыя и суконныя, а когда станетъ холодно, то и дѣвушки надѣваютъ халаты. Въ будничные же дни носятъ запаски, шитыя, какъ юбки, со сложенными сзади складками; эти юбки шьютъ изъ сукна собственнаго издѣлія. Зимой сверхъ этихъ одеждъ надѣваютъ кожухи бѣлые или крытые черкесиномъ, сукномъ. Женщины въ праздники носятъ на головѣ очипки изъ парчи, а сверхъ очипковъ шелковые или шерстяныя платки, старыя—черные платки. Дѣвки въ праздники голову повязываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ такъ, что макушка головы остается неповязанная, а сверхъ платка—вѣнки изъ разнообразныхъ цвѣтовъ, въ косѣ шелковыя ленты. Въ будничные дни цвѣтовъ и лентъ почти не носятъ. Изъ старинныхъ одеждъ остались плахты, вродѣ юбокъ, изъ шелковой, шерстяной матеріи въ клѣтку. Плахты не сшиваются, какъ

невѣста съ подругами идетъ по родственникамъ и знакомымъ, кланяется въ ноги по три раза и приглашаетъ на сватанье: „мѣлосты прѣсимъ на свѣтанья“. А въ это время женихъ, свекоръ, свекровь, крестная мать жениха и его бояринъ дожидаются у невѣсты, конечно за угощеніемъ, пока она прійдетъ домой. Потомъ ставятъ рядомъ посреди хаты жениха и невѣсту и заставляютъ кланяться сначала свекру, свекрови, потомъ родителямъ невѣсты, а затѣмъ всеѣмъ остальнымъ гостямъ; послѣ сажаютъ молодого съ бояриномъ за столъ, а невѣста беретъ тарелку и подноситъ на ней жениху платокъ; бояринъ беретъ платокъ, затыкаетъ жениху за поясъ и при этомъ женихъ съ бояриномъ встаютъ, кланяются въ поясъ невѣстѣ и кладутъ на тарелку отъ 5 до 20 коп. Потомъ на тарелкѣ свекру подносятъ „рушникъ“ и кланяется одинъ разъ въ ноги. Свекоръ беретъ рушникъ со словами: „спасѣби тобі дѣчко, що ранѣнько вставала, та тонѣнько прѣла“ и кладетъ ей на тарелку отъ 1 до 2 р. Дальше съ земнымъ поклономъ подноситъ свекрови платокъ, а та ей даритъ на сарафанъ, или на юбку, иногда и на всю пару или платокъ рубля въ три. Потомъ крестной матери съ земнымъ поклономъ подноситъ платокъ, а та ей даритъ деньгами коп. 50 или на юбку. Старостамъ безъ поклоновъ подносятъ рушники, и они ей ничего не дарятъ. Потомъ ставятъ на тарелку двѣ рюмки, наливаютъ водкой, выпиваютъ женихъ и невѣста и цѣлуются черезъ столъ, взявшись за руки, а подруги-дѣвки поютъ:

„Заручена Марьечка, положила билу
ручку

Чи буде така била у свекорка.

Та на переручку.

— Якъ будешъ ты, Марьечка, у свекорка
покирненька,

Билесенька мол ручка у батеньки,

Буде й твои ручка биленька“.

Во время этой пѣсни невѣста подноситъ гостямъ водку, а они ей кладутъ на тарелку отъ 1—10 коп., а дѣвки поютъ:

„Чого старосты сидите,

Уже старосты темна ничь.

Чого до дому вы йдете,

Вамъ до дому на всю ничь,

Старосты отвѣчаютъ:

„Мы жъ не боимся темной ночи

Но й Боже вамъ на поможу“.

Дѣвки продолжаютъ:

„Пора старосты до дому,

Щей гречяну полову,

Пойлы кони солому, пойлы кони

А якъ будите тутъ почуваты,

солому

Такъ будите кулуваты“.

Послѣ этого женихъ съ невѣстой и вся молодежь за ними идутъ на вечеринку въ другую хату, а нѣтъ другой своей, такъ въ чужую. Тутъ женихъ съ невѣстой подносятъ всѣмъ по рюмкѣ водки, потомъ сидятъ всѣ, разговариваютъ, танцуютъ подъ балалайку. Между тѣмъ старые садятся за столъ (родичи и сосѣди), имъ подаютъ пироги съ картофелемъ или мясомъ, подносятъ водку, потомъ подаютъ капусту, галушки. Послѣ угощенія свекоръ и свекровь уѣзжаютъ со всѣми гостями къ себѣ домой. А молодежь является, садится вечеромъ тоже самое, что и старые; женихъ съ невѣстой подносятъ водку. Потомъ молодежь уходитъ по своимъ домамъ, исключая приближенныхъ жениха и невѣсты, которые остаются ночевать у невѣсты. Женихъ выбираетъ невѣсту, бояринъ его—старшую дружку и т. д.

На другой день женихъ приноситъ водки и угощаетъ всѣхъ, кто есть у невѣсты, его также угощаютъ, и онъ всѣхъ опять приглашаетъ къ себѣ, и всѣ ѣдутъ къ нему. У жениха бываетъ приглашеніе всѣхъ со стороны невѣсты и всѣ гурьбой ѣдутъ обратно, и все это время, какъ у жениха, такъ и у невѣсты бываетъ пиршество. Недѣли черезъ двѣ или три—свадьба. Приѣзжаютъ свекоръ и свекровь узнать, когда будетъ свадьба. За день до свадьбы у жениха лѣпятъ шишки, каравай, лежень, а у невѣсты лѣпятъ шишки наканунѣ. Въ калачѣ бываетъ разница: у невѣсты его лѣпятъ бубликомъ, а у жениха круглый, полный, какъ хлѣбъ. Въ день свадьбы женихъ ѣдетъ на тройкѣ съ колокольчиками съ боярами къ невѣстѣ, беретъ ее и ѣдутъ вѣнчаться. Нарядъ жениха: чинарка, или полушубокъ, подпоясанный краснымъ или синимъ поясомъ, и новая шапка; а невѣста въ тудунѣ или халатѣ, подпоясана рушникомъ, коса мелко заплетена и увѣщана лентами, бантами, а если она сирота, то коса ничѣмъ не убрана; на головѣ повязанъ въ кружокъ шелковый или шерстяной платокъ, а на платкѣ приколоты шпильками съ праваго боку головы, сдѣланныя изъ лентъ красныхъ, два вѣночка съ васильками; на шеѣ много разнаго наместа. Послѣ вѣнчанія женихъ съ невѣстой, бояринъ и старшая дружка ѣдутъ къ жениху обѣдать, а потомъ невѣсту везутъ домой, гдѣ она съ дружками идетъ прятаться, а у жениха въ это время готовятъ поѣздъ. Запрягаютъ въ каждую

телѣгу по нѣскольکو лошадей (до трехъ), гостей перевязываютъ платками, а нѣкоторымъ прикалываютъ красныя ленточки къ головѣ. Женихъ садится со своимъ товарищемъ и свашкой на первую тройку, а остальные лошади занимаются гостями; когда всѣ посадились на лошадей, мать жениха ходитъ кругомъ поѣзда и обсыпаетъ хмѣлемъ, орѣхами и конфетами, которые подбираютъ маленькіе зрители. Это для того, чтобы у жениха всего было много. Лошадей украшаютъ лентами, кумачемъ. Послѣ обсыпанія мать беретъ переднюю тройку за поводъ и выводитъ за дворъ. На послѣдней тройкѣ везутъ сундукъ. Наканунѣ свадьбы у жениха и невѣсты устраиваютъ „пидвисилокъ“, гдѣ жениха садятъ за столъ, угощаютъ водкой и украшаютъ „гильце“, сдѣланное изъ сосны или вишни, вродѣ вѣтки,—калиной, разноцвѣтными бумажками и лентами; а у невѣсты: ее съ дружкой посадятъ за столъ и угощаютъ водкой.

Поѣздъ съ женихомъ ѣдетъ кататься; накатавшись, отвозятъ „гильце“ къ тестю и спрашиваютъ—гдѣ невѣста; иногда имъ правду скажутъ—гдѣ невѣста, а иногда нѣтъ, и они ѣдутъ искать ее. Нашедши, бояринъ загоняетъ ее и въ уплату за невѣсту даетъ дѣвкамъ шишку, чтобы отпустили невѣсту. Она идетъ со всѣми дивчатами, здороваается и цѣлуется съ женихомъ и со всѣми съ нимъ находящимися, потомъ идетъ къ себѣ домой, куда вслѣдъ прѣзжаетъ и женихъ. Невѣста тамъ кланяется своимъ роднымъ, а потомъ ее садятъ за столъ. Женихъ съ боярами стоитъ на дворѣ у порога съ праваго его боку бояре, а съ лѣваго свашки. Выходитъ теща пугать жениха, выносить хмѣлю въ рюмкѣ, даетъ ему и онъ беретъ не голой рукой, а съ платочкомъ и забрасываетъ рюмку черезъ плечо такъ, чтобы хмѣль полетѣлъ, а рюмка осталась въ рукахъ жениха; ее беретъ бояринъ. Теща въ другой разъ выходитъ съ водкой, наливаетъ въ рюмку и угощаетъ жениха, а потомъ его гостей и проситъ въ хату. Дружка ведетъ жениха и надъ порогомъ въ сѣни женихъ наклоняется, а двѣ молодыя женщины, родички невѣсты, а со стороны жениха свитылка и свашка съ хлѣбомъ, цѣлуются между собою по три раза навѣрестъ надъ наклоненнымъ женихомъ и перемѣняются хлѣбомъ.

Послѣ идутъ всѣ въ хату, дружка ведетъ жениха за плато-

чекъ и на порогѣ говоритъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; отвѣчаютъ: „аминь“.—„Благословите молодого князя за стиль посадить“; отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ“. Тогда дружка ведетъ молодого, а старшая дружка невесты поднимаетъ калачъ и велитъ ей смотрѣть сквозь него на жениха, а дѣвки поютъ:

„Глазъ же ты, Марьечко, скривъ
Калачъ
Карыми очами, та й за плачь:
Ось иде—

Размай косу,—
Загубивъ красу,
Завязавъ свиточекъ“.

Женихъ садится возлѣ невесты рядомъ, поднимаетъ ее отъ калача и цѣлуетъ, а дѣвки поютъ:

„Въ саду соловейко не щобытавъ,
Иванко Марьечки не цылувавъ,

Въ саду соловейко защебетавъ,
Иванко Марьечку поцѣлувавъ“.

Имена пригѣваютъ, смотря по тому, какъ зовутъ жениха и невесту. Бояре садятся противъ молодыхъ на лавку, двѣ свитылки возлѣ жениха, а возлѣ нихъ свашки, у которыхъ—„торба съ шишками, теремками“. Дѣвки поютъ:

„Здвигнулася стинь,
Якъ бояре сили,

Ще й дуще здвигнутя,
Якъ пыва напьюця“.

„Мыръ мыромъ пироги съ сыромъ, вареныки въ масли, бояре прекрасни.—Мыръ мыромъ пироги съ сыромъ, пироги въ мысци, бояре соплысты“. Бояре имъ отвѣчаютъ:

„Раки, дружечки, раки,
Брешете, якъ собаки,
А въ води раченята,
Брешете, якъ цуцянята“.

„Старшая дружечка татарыця,
Старшаго боярына торопыця,
А старшій боярынъ, якъ болванъ,
Вытрищивъ очя, якъ баранъ“.

Мирятся бояре съ дружкамы. Подружій со стороны невесты держитъ тарелку, а со стороны жениха дружка беретъ изъ торбы большія шишки, украшенные рожечками изъ тѣста, называемыхъ „теремками“ и раздаетъ, кладя на тарелку, родственникамъ невесты. Послѣ надо пришить жениху къ шапкѣ вѣнокъ, который снимается съ головы невесты, а старшая дружка не даетъ вѣнка, его надо выкупить; ей подносятъ шишку, водки, а она велитъ подносить всѣмъ дѣвкамъ; потомъ кладутъ на тарелку вѣнокъ и шапку жениха и передаютъ на пиль, гдѣ его пришиваютъ молодыя молодыци, и при этомъ поютъ:

„Изъ Кнева швачка
По торгамъ ходыла,

Шовкы скупувала,
Винкя прышивала“.

Тѣ, которыя пришиваютъ вѣнокъ, поютъ пѣсню:

„Зять на мене та й не дивитця, Винь на мене супротывитця;	Косо поглядае, Винь мене вышкомъ лае“.
--	---

За шапку надо дружку дать денегъ на очинокъ невестинной замужней сестрѣ, а дѣвкѣ ленту. Выкупивши шапку, три раза примѣряютъ, бояринъ ее держитъ въ рукахъ, а мать невесты беретъ невестинъ платокъ, даетъ боярину, который перевязываетъ его накрестъ другимъ платкомъ, такъ какъ родная мать его еще раньше перевязала тоже платкомъ; потомъ кладутъ каравай на крышку джы, сверху стелятъ два рушника накрестъ, а на нихъ кладутъ очинокъ изъ парчи, въ очинкѣ серпанокъ (родъ кисей). Одинъ рушникъ беретъ дружко, а другой подружій и перевязываются, потомъ одна сваха со стороны жениха и родичка со стороны невесты лѣзутъ къ ней по лавѣ, разбираютъ голову: снимаютъ вѣнокъ, платокъ, ленты и вѣночки съ косы и расплетаютъ косу. Косу скрутятъ, надѣваютъ очинокъ и завязываютъ платкомъ кругло по очинку, а дѣвки поютъ.

„Прійхалы, моя ненька, шось за паны, Взялы мою кисоньку видъ жупаны, Сталы мою кисоньку тришаты, Стала моя матника плакаты.	Та не плачь, матинко, по коси, Та заплачь, матинко, по мини. Чи лучше жъ мини у очинци, Чимъ у тебы, моя ненько, въ квітци“.
---	---

* * *

„Коса жъ моя руса, я жъ тебе кохала, Шо суботыньки чесала, Шо недиленьки зрякала,	А якъ расплуталы,—порвали, Пидъ очинокъ клалы,—зломалы, Такъ мою кисоньку стирали“.
---	---

Потомъ женщины берутъ въ руки серпанокъ, махають надъ головой невесты и поютъ:

„Ой ты, душенько, Наша Марьечко, Покривалочка плаче,	Покривацьця хоче, Не такъ покривацьця, Якъ поцилувацьця“.
--	---

Въ рукахъ свахи со стороны жениха шапка съ вѣнкомъ, а въ рукахъ дружки со стороны невесты вѣночекъ, они между собою три раза перемѣнятся вѣнкомъ и шапкой и цѣлуются черезъ молодыхъ. Невѣсту завязываютъ сверхъ платка серпанкомъ, а вѣнокъ прикалываютъ невестѣ къ платку съ правой стороны. Дружко вырѣзываетъ изъ середины каравая шишку, которую оборачиваютъ концемъ серпанка на молодой и кладутъ за „пазуху“; потомъ рѣжутъ каравай на кусочки и

раздаютъ всѣмъ родичамъ. Дѣвки уходятъ изъ хаты, а молодичи садятся и поютъ пѣсни, во время которыхъ невеста плачетъ. Дальше угощаютъ всѣхъ сначала отецъ, а потомъ мать невесты водкой. Отецъ беретъ икону—благословеніе а мать два хлѣба, молодые выходятъ изъ за стола, отецъ и мать сидятъ на лавкѣ, молодыя ему поклонятся и лежатъ у ногъ на полу, а онъ въ это время благословляетъ и читаетъ наставленіе; встанутъ молодые, крестятся, цѣлуютъ икону, потомъ отца,—прежде женихъ, а потомъ невеста; потомъ икону беретъ мать и также ихъ благословляетъ, какъ и отецъ. Отдаютъ дочери икону, а жениху два хлѣба и вѣдутъ ихъ на дворъ, гдѣ у порога на дворѣ стоитъ „дижа“, а на дижѣ „хлибына“ и водятъ ихъ вокругъ дижи. Сначала идетъ дружка, за нимъ женихъ и невеста, потомъ двѣ свашки—гуськомъ и поютъ пѣсни:

„Старый оселедько
Не стое за рѣчку,
Ны всшвъ ожныцьця,
Стала жинка быцьця.

— А якъ буде быты,
Я буду терпыты,
Прійде темна нивчка
Е съ кымъ говорыты“.

Дальше невеста садится въ тарантасъ, а дружка водить жениха за платѣчекъ кругомъ поѣзда женихъ бьетъ кнутомъ по невестѣ, если нелюбимая, или по свашкамъ и по тарантасу. Послѣ этого женихъ садится рядомъ съ невестой, обнимаетъ ее и ѣдутъ съ гостями въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ иконой, хлѣбомъ и благословляютъ. Тутъ начинается угощеніе, а молодыхъ вѣдутъ въ другую хату. На другой день молодые съ дружкомъ ѣдутъ въ домъ невесты рано утромъ снідать, потомъ ѣдутъ назадъ, тутъ ихъ дарятъ, кто чѣмъ можетъ. И продолжается веселье почти недѣлю. Водки выпивается отъ 3 до 20 ведеръ, готовится много мяса, хлѣба, такъ что свадьбы обходятся отъ 30 до 150 р.

Этнографическій календарь. *Январь.* На Новый годъ мальчишки 7—15 лѣтъ, утромъ, ходятъ изъ хаты въ хату „посыпать“. Набравши въ торбочку зеренъ ячменя или пшеницы и вѣшедши въ домъ, разбрасываютъ ихъ, приговаривая: „на щастя, на здоровья, на нѣвый годъ, роды, Боже, жыто, пше-нѣцю и всяку пашнѣцю!“ — Здравствуйте, съ празникомъ, зъ Нѣвымъ гѣдомъ, зъ Васылемъ“. При этомъ бабы застав-

ляютъ перваго посыпавшаго сѣсть на порогѣ хаты и квок-тать по кѹриному, „щобъ цыплѣта въ тимъ годѹ булы ранни“. Разсыпанныя зерна хозяева собираютъ и даютъ курамъ „шобъ лучше несльсь“. Посыпальникамъ за ихъ трудъ даютъ по копѣйкѣ или по бублику, пампушкѣ, пирожку; собранное они дѣлятъ поровну между собою. Соломою и соромъ, собираемымъ цѣлую недѣлю на святкахъ, на Новый годъ окуриваютъ сады, чтобъ хорошо родилы.

5-го—голодный святъ вечеръ, голодна кутя“. Съ утра до освященія воды постятся. Хозяйки въ тотъ день пекутъ пироги съ фасолью, горохомъ или чечевицею; изъ сушеныхъ плодовъ варятъ „озварь“, а изъ пшеничныхъ зеренъ варятъ „кутю“. Смотря по состоянiю, къ ужину готовятъ и горячiя блюда безъ рыбы. Когда къ ужину все готово, вносятъ въ домъ немного сѣна и разстилаютъ его „на покути“, въ святомъ углу. На это сѣно ставится кутя, озварь, одинъ печеный хлѣбъ и сверху его немного соли. Здѣсь все это находится до окончанiя обѣда въ день Богоявленiя Господня. Кто-нибудь изъ семейства—обыкновенно старики—съ бутылкой, кувшиномъ или кубышкой идетъ за освященной водою. Этою водою старшiй въ домѣ окропляетъ всѣ хозяйственныя постройки и скоть, а также вливаетъ ее крестообразно въ колодезь, если онъ есть; затѣмъ пишетъ мѣломъ кресты не только на воротахъ, дверяхъ и окнахъ, но и на всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ. Первые кресты ставятся на горшкахъ куты и озвара. Затѣмъ въ домѣ предъ иконами зажигаются свѣчи или лампадка, всѣ молятся Богу и садятся на столъ. Старшiй въ домѣ, обратившись лицомъ къ ближайшему окну три раза „кльче мороза вечеряты“, каждый разъ приговаривая: „морозе, морозе! йды до насъ вечеряты! Та не морозъ у насъ ни людѣны, ни скотѣны, ни хлѣба, ни стрѣвы!“ Кто-нибудь изъ членовъ семьи, уполномоченный старшимъ прогонять мороза, выходитъ на дворъ и стучить три раза въ ворота, приговаривая: „морозе, морозе! йды кутю йисты! нейдѣшь? нейдѣшь? нейдѣшь якъ ны пидышь, ны ходыжь ты ни на гарбузы, ни на огырки, ни на всяку городню овощъ!“ Послѣ этого уже молятся и садятся за столъ. Передъ ужиномъ каждый испиваетъ немного святой воды, а за-

канчивается онъ кутьею и озваромъ. Съно изъ подъ кутьи на покути даютъ скоту.

6-го—„Хрещенія“. Для водоосвященія крестьяне рубятъ на льду рѣки или пруда крестъ; пробоина въ вырубленномъ крестѣ, послѣ погруженія креста въ воду затыкается коломъ, который носитъ названіе „чопъ“. Коль этотъ стараются пріобрѣсти голубятники, кладутъ его въ голубятникъ, чтобы голуби не улетали въ чужія голубятни навсегда.

Освященную въ этотъ день воду сохраняютъ въ теченіи цѣлаго года: ей приписывается цѣлебное дѣйствіе во всѣхъ болѣзняхъ. На „Иордани“ (тотчасъ послѣ освященія воды) стрѣляютъ изъ „ружья, щобъ вовкы пугалысь“, и пускаютъ голубей. Послѣ освященія воды, на крещеніе, духовенство ходитъ по нѣкоторымъ домамъ, священникъ кропитъ святой водой дома и постройки, а псаломщикъ пишетъ на дверяхъ мѣломъ шестиконечный крестъ, который, по уходѣ духовенства, немедленно затирается, щобъ куры неслись.

7-го—„Ивана Крестытеля“. Въ этотъ день хозяинъ даетъ скоту по куску святковаго хлѣба, лежавшаго на покути еще со времени богатой кути и немного соли, „щобъ домивку и хозяина знали“.

8-го приступаютъ къ обыденнымъ работамъ. Женщины начинаютъ прясть. Есть поговорка на этотъ день: „тикъ и при-тикъ, починокъ приволикъ“.

Февраль. 2-го—„Стриченія“. „Зима зъ литомъ стричаеца: сонце на лито, зима на морѣзи“, „половина зимы, половина зимовки,—бережѣ зйиды коровки“.—„Стриченська свята вода“ употребляется для окропленія новорожденныхъ телятъ и другихъ животныхъ.

11-го—народъ празднуетъ. Власій считается покровителемъ скота, и ему молятся, „щобъ коровы булы ласкови“. Сырная недѣля—„Масныця“. Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ обыкновенно ходятъ по хатамъ и привязываютъ колодки батькамъ и матерямъ, которые не женили сыновей или не выдали замужъ дочерей. Въ воскресенье—заговѣнье на Великій постъ, ходятъ прощаться. Съ понедѣльника первой недѣли поста женщины начинаютъ ткать полотно. На первой недѣлѣ Великаго поста

никто не ѣстъ горячей пищи и рыбы, ѣдятъ больше одинъ хлѣбъ, иногда съ капустой, но безъ масла. На этой недѣлѣ нанимають рабочихъ до Филипповскихъ заговѣнь.

Мартъ. 1-го—народъ празднуетъ начало весны. „На Евдокии курица напѣецъца водицы на порѳози“. Съ этого дня бабы начинаютъ прятать на чердакъ золу, для бученья холстовъ. 9-го.—„Сороки святыхъ“. Въ этотъ день пекутъ изъ пшеничнаго тѣста жаворонковъ, такъ какъ они къ этому времени прилетаютъ—первые вѣстники весны,—и кресты, которыя ѣдятъ на нивѣ, пріѣхавши съять. Птица наноситъ сорокъ палочекъ въ гнѣздо. Квочекъ сажаютъ на яйца. 17-го.—„Теплый Ольксій“. Народъ празднуетъ этотъ день. 25-го.—„Благовищенна“. Въ этотъ день, если тепло, выставляютъ пчель изъ зимнихъ квартиръ въ лѣтнія. Для перваго кормленія пчель готовится такая смѣсь: въ медъ вливаютъ немного водки и св. крещенской воды: всыпаютъ туда горсть, стертой въ порошокъ, благословенной просфоры, напитанной виномъ, столько же артоса и немного горькаго перцу; затѣмъ все это варятъ и кормятъ такимъ составомъ пчель. Нѣкоторые всыпаютъ еще порошокъ засушенной свѣжей щуки „щобъ бжолà моторнѣша була“. 26-го. „Благовистителя“. Съ этого дня уже производятся весенніе посѣвы. „Якъ посиешь ячень, та овесь у грязь, такъ воны тебѣ нарядятъ въ жупанъ“, „сій мене въ грязь, такъ будешь князь“. Крестопоклонная недѣля—„Средокрестна“. Въ среду на этой недѣлѣ пекутъ кресты, первый оставляютъ до времени посѣвовъ, и сѣдаютъ въ полѣ предъ посѣвомъ. Пришедшіе изъ церкви отъ заутрени въ вербоное воскресенье, слегка бьютъ вѣтками освященной вербы своихъ домашнихъ, приговаривая: „верба бѣе, не я бью; за тыж-день Велькъ день! Осъ недалекко красне ячко“. Вербою прокалываютъ верхушки пасокъ или садятъ ее въ землю. Въ чистый четвергъ на страстной недѣлѣ купаются до разсвѣта для исцѣленія отъ разныхъ болѣзней. Остатокъ свѣчи, горѣвшій во время чтенія страстныхъ Евангелій, хранятъ по нѣсколько лѣтъ. На сволокѣ пламенемъ свѣчи дѣлаютъ крестъ, остающійся до дня отданія праздника Пасхи. Страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами, когда на живущихъ въ домѣ нападаетъ страхъ, напр., во время грозы и т. п., для исцѣленія отъ болѣзней. Особенно

дорожать свѣчею, горѣвшей въ церкви три года кряду. Первый день пасхи.— „Велыкъ день“. Въ ночь подъ этотъ день, „шукуютъ шкарбы“. Какъ пропоютъ „Христось Воскресе“, раскрывается земля и показывается кладъ. На разсвѣтѣ наблюдаютъ „якъ сонце грае“. Первое яйцо, полученное въ этотъ день послѣ перваго христосованья, хранится для отвращенія всякой напасти „одъ лихого человека“. Такое яйцо служитъ для прекращенія пожара. Дѣвицы употребляютъ первое яйцо при умываньи „щобъ кращими буты“. Второй день Пасхи называется днемъ Богородицы, въ который обыкновенно раздають милостыню нищей братіи. Великодни святки продолжаются съ перваго дня пасхи до Фомина воскресенія включительно. Въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ „поминають рѣдычивъ, — „проводы“.

Апрѣль 1-ое. Въ этотъ день бабы ничего не работаютъ, а также и во всѣ пятницы впродолженіе года не прядутъ, не ткуть, боясь, чтобы дѣти не родились калѣчками. Засима и Савватій (17-го) считаются покровителями пчель. 23-го — „Ягорій“. Считается онъ покровителемъ скота, и скоть его стараются въ этотъ день освободить отъ работы. Народъ празднуетъ. На „праву середу“ (преположеніе пятидесятницы) освящаютъ воду въ рѣкѣ или колодцѣ. Народъ празднуетъ.

Май 1-ое. Гуляютъ въ саду, варятъ кашу, встрѣчаютъ „Мая“. 9-го „Миколая“. Народъ празднуетъ. Около же этого времени уходятъ на лѣтніе заработки на Донъ. Послѣ Николаева дня запрещается пастьба скота на сѣнокосныхъ лугахъ и производится стрижка овецъ. 10-го, въ день ап. Симона Зилота, народъ празднуетъ. Въ этотъ день собирають травы и коренья, приносящія пользу отъ многихъ болѣзней. 11-го — „Обновленіе Царяграда“, народъ празднуетъ, „щобъ градъ хлѣба не побѣвъ“.

Вознесеніе Господне, „Вшестя“, „До Вшестя пора обейяцця“, Пятидесятница — день св. Троицы и Сошествія Св. Духа. „Зелена или квичальна недѣля“. „Зелени святки“ продолжаются три дня. Въ этотъ праздникъ жилища украшаются „квичаломъ“ (древесныя вѣтки) и зеленью; вѣтки осины имѣютъ особенное значеніе. Такая вѣтка прикрѣпляется на воротахъ, „щобъ видьма не ходыла въ двирь и не лѣртыла коровь“. Осиновая вѣтка непременно ставится около конюшни, „щобъ домовою конивъ

не гонивъ“. Если листья квичальной осины, поставленной въ хатѣ, засохнуть и почернѣютъ въ теченіи трехъ дней праздника, то въ семьѣ въ томъ году будетъ покойникъ. Зелень которою украшаютъ хаты, собирается для подстилки подъ хлѣбные стога, „щобъ мыши не плодѣлись и нейлы хлиба“. На зелѣнии недѣли не треба купанця.—бо русалки залоскочуть: тоді бува русальчинъ велькъ-день“. „До Св. Духа не скидай кожуха“.—Въ четвергъ передъ Троицею,—„русальчинъ велькъ-день“,—не ходять купаться, не работаютъ на огородахъ. Петровъ постъ,—„Петрівка“. Въ понедѣльникъ, послѣ заговѣнья „жинки глѣчки полощуть“: собирается нѣсколько женщинъ и, сдѣлавъ „складчину“, „пьють горилку“. Есть поговорка: „Петривка—голодівка, мала ничка“. Втеченіе Петровки производится распашка земли для озими, и такая распашка называется „Петривня рилля“.

Іюнь. Съ первыхъ чиселъ этого мѣсяца начинается покосъ травы. 24-го—„Ивана Купала“. Ночью въ 12 часовъ, по народному повѣрью, расцвѣтаетъ „панортъ“ (паноротникъ); этотъ цвѣтокъ обладаетъ чудесною силою и съ помощью его можно добиться всего: богатства, почестей, любви и т. п., а также отыскивать клады. Цвѣтетъ онъ „якъ жаръ горыть“. Сорвавши цвѣтокъ, надо бѣжать домой безъ оглядки, потому что „нечиста сила“ будетъ преслѣдовать сорвавшаго и стараться разными способами заставить его оглянуться; креститься при этомъ нельзя, такъ какъ цвѣтокъ теряетъ свою силу. 29-го—Петра и Павла. Народъ празднуетъ. Съ этого дня начинается „жнива“ (страдная пора полевыхъ работъ). „Идутъ жнива,—жинка наче не жива“. 30-го, Соборъ всехвальныхъ Апостоловъ,—„Полупетра“.

Іюль. 20-го „Иллі Гризного, що по небу гримъ розвѣзыть“. Пчеловоды считаютъ этотъ день послѣднимъ срокомъ для выгонки роевъ: „рой тильки до Илли“. „Якъ приїде Илля, наробе гнилля“.—„Писля Илли вода похолоднѣша“. Народъ перестаетъ съ этого дня купаться. Кто окончилъ жатву, тотъ, возвращаясь съ поля, везетъ крестъ, сдѣланный изъ колосьевъ. Крестъ хранится на покути до молотѣбы. Не возятъ сноповъ съ поля, „бо Илля спалыть и визь, и хлибъ“. 27-го „Палія“. Въ этотъ день ничего не работаютъ, „щобъ гримъ не попа-

лѣвъ кипѣть. Въ этомъ мѣсяцѣ производится уборка хлѣба, вывозка сноповъ съ поля и молотба „жита на сийбу“.

Августъ. 1-го „Маковія“, „Спасъ на води“. Ъдятъ маковики (шудики) приготовляемые такъ: пекутъ тонкіе, посыпанные макомъ, „коржи“, ломаютъ ихъ на маленькіе кусочки, бросаютъ въ воду, смѣшанную съ медомъ и макомъ, ѣдятъ прежде другой пищи. Съ этого дня по 15-е число продолжается Успенскій постъ: „Спасивка“—„ласивка“. 6-го „Спасъ на горѣ“. „Прійшовъ Спасъ, держи рукавици про запасъ“. Въ этотъ день освящаются садовые плоды и медъ; до Спаса употребленіе яблокъ и грушъ считается грѣхомъ. 15-го „Перва Пречиста“. Народъ празднуетъ. 16-го „Спасъ на полотни“. Съ этого дня начинается сборъ „матирки“—пеньки. 18-го освящаютъ воду въ колодцахъ и окропляютъ ею лошадей, такъ какъ муч. Флора и Лавра считаются ихъ покровителями. 29-го „Голово-сика“. Строгій постъ. Въ этотъ день ничего круглаго (арбузовъ, дынь, картофели и особенно капусты) ни рѣжутъ на части, а все заготавливается съ вечера. Запрещается брать въ руки ножъ. Нельзя убивать животныхъ.

Сентябрь. 1-го „Семена“, „Семень день“, начало осени. Въ этотъ день „засиживаютъ вечера“, т. е. начинаютъ работать по вечерамъ при огнѣ. 6-го „Михайлово чудо“. Въ этотъ день не работаютъ, особенно въ полѣ, боясь наказанія. 8-го „Друга Пречиста“. 9-го Богоотецъ Іоакима и Анны,—народъ празднуетъ. 14-го „Здвиженья“. Въ этотъ день не ходятъ въ лѣсъ, „бо въ сей день въ лѣси збираюцьця гáды на зиму зо всего свѣту“.

Октябрь. 1-го „Покрова“. Съ этого дня начинаются сватанья. „Пришла Покрова, дивка заревла, якъ корова“;—„посылають свативъ“. 14-го „Перви пятинки“. Это праздникъ „Пятницы“. Обыкновенно въ пятницу въ теченіи всего года женщины не прядутъ и не волятъ бѣлья, боясь, что за это „приключицьця болисть“. „Мытрова суббота“,—день поминовенія усопшихъ предъ 26-мъ Октября. 28-го „Други пятинки“.

Ноябрь. 1-го Космы и Даміана. Въ субботу предъ этимъ днемъ поминаютъ усопшихъ. 14-го „Заговини“. Заговѣнье на Рождественскій постъ, „Пылишивку“. Въ этотъ день кончается срокъ найма нѣкоторымъ рабочимъ. 21-го „Введення“, 24-го

Мученицы Екатерины. Народъ празднуетъ. Въ этотъ день дѣв-
вицы гадаютъ: срѣзываютъ вѣтку вишни и ставятъ въ плечикъ
съ водою; если до Рождества вѣтка зацвѣтѣтъ, то загаданная
выйдетъ замужъ въ слѣдующемъ году. Въ Ноябрь производится
рубка и вывозка хвороста.

Декабрь. 1-го Пророка Наума. Народъ празднуетъ. Начало
зимы. „Пророкъ Наумъ наставляетъ на умъ“. 4-го Великом.
Варвары. Народъ празднуетъ. „Варвара ночи ввирвала“. 5-го
Преп. Саввы Освященнаго. Народъ празднуетъ. 6-го „Мико-
лая“. 12-го „Свиридона солнцеворота“, — „Солнце на лито, зима
на морозъ“. 24-го „Богатый святъ вечеръ“ — „Богата кутя“.
Хозяйки съ утра еще готовятъ кушанья для „вечери“. Старики и старухи ничего не ѣдятъ до звѣзды. Передъ захо-
домъ солнца постилаютъ самое лучшее сѣно въ видѣ гнѣзда
въ переднемъ углу; на этомъ сѣнѣ ставятся „кутя и озварь“. По
заходѣ солнца всѣ молятся и садятся вечерять. „Вечеря“
заканчивается кутей и озваромъ. 25-го „Риздво“. Съ этого дня
до 7 Января, включительно, продолжаются „Риздвяни святки“. Рано
утромъ мальчики ходятъ изъ хаты въ хату „вершуваты“. Вечеромъ
молодежь колядуетъ. Съ этого дня до Новаго года не выносятъ
сору изъ дому: „такъ годыщця“. 31-го „Меланки“. Вечеромъ въ
этотъ день ходятъ по двору и по двору и щедруютъ парубки и
дивчата. Родители послѣ ужина дарятъ своихъ дѣ-
тей, чѣмъ могутъ (теленкомъ, овцою, поросенкомъ и т. д.).

На масляной вводятъ козла: поберутся за руки парни и
дѣвки, а одинъ изъ парней, представляющій изъ себя козла,
идетъ впередъ, при этомъ всѣ поютъ пѣсню: „а надъ нашимъ
садкомъ три мѣсяца рядкомъ. Первый мѣсяць яснѣй (имя па-
рубка изображающаго козла) хали рѣжа. Пали рѣжа, хали
травы, мали права, сѣвомъ крыломъ, чирвонымъ пыромъ, золо-
тыми пырцями“. Далѣе впереди идетъ другой парень, и повто-
ряется все въ прежнемъ порядкѣ.

На Ивана Купала (очень рѣдко) прыгаютъ черезъ огонь.
Дѣлаютъ куклу „Марину“, топятъ ее въ рѣкѣ и поютъ: „Ку-
павей Иванъ, тащй въ воду купавъ, скривъ вода шынула, на
море хвыля была, на Дунай разсыпала, тамъ дивчина по-
пала, на Ивана Купала“.

Обыкновенныя куриныя яйца окрашиваются въ желтый, красный, синий, зеленый цвѣтъ и называютъ „крашенкой“, „краснымъ яичкомъ“. На крашенкахъ иногда пишутъ крестики, цвѣточки, вѣточки, или острой водкой пишутъ, что понравится, напр. „Христосъ Воскресе“ или же какія нибудь изображенія. Такія крашенки называютъ „писанками“. Первая писанка, полученная отъ перваго съ кѣмъ нибудь христосованья, сохраняется, такъ какъ существуетъ повѣрье, если во время пожара съ нею обойти вокругъ какого зданія, то оно останется цѣло.

Въ прежнее время гораздо больше вѣрили въ злыхъ духовъ и особенно въ вѣдьмъ. Въ колдуновъ вѣрятъ и теперь.

1) Сказки. „Упобли надъ дорѣпою була груша; пидъ грушею була пѣтолочъ. Людямъ захотѣлось узнѣть, шо воно тамъ робыщця пидъ тиєю грушею. Началы выбирѣть чоловіка, шобъ пишѣвъ туды дознѣть ночью, и обещалысь наградыть его хлѣбомъ. Согласывся йти туды одынь биднякъ. Пишовъ, злизъ на грушу и сидывъ до смѣрку. Нѣчью бѣче идуть два чоловіка; прийшлы пидъ грушу, посидалы на стулкъ. Одынь выймае кныжечку и читае, а другий пматокъ хлѣба. Тоді стали сходыщця вовкы,—той виттиля, а той виттиля. Одынь чоловікъ трѣшки прочита, а другий отлѣме кусочекъ хлѣба, дасть вѣвку и скаже ему, де и шо въ цю ничъ братъ (кому вивцю, кому быка, кому дуже далѣко, кому блызко), и такъ роздавъ усимъ увесь хлѣбъ. Одынь чита, а другий роздае. Вовкы получаютъ кѣждый свий кусочекъ и росходыщця. Тоді пишлы и ци два чоловікы. У рѣнци той чоловікъ устѣвъ зъ груши, прийшовъ и розскадавъ, шо бачивъ, а вони его наградылы хлѣбомъ. Тоді вони послалы друтого провѣреть, чи правда томъ, шо винъ бачивъ. Другий прийшовъ, злизъ на грушу, бѣче идуть два чоловікы и повторилось то, шо и зъ первымъ. Той, шо роздававъ хлѣбъ (у его остався кусочекъ хлѣбця) и пыта: „чи уже вси получили“, а той, шо читавъ, и каже: „ни, Господы, ще кривый (вовкъ) лежитъ“; шо хлѣбъ дававъ и каже: „а томъ той, шо на груши сидытъ“. Тоді усй поросходылысь, а кривый вовкъ остався пидъ грушею, а мужыкъ на груши. Якъ у рѣнци люди йихалы на поле, та й прогналы вѣвка, чоловікъ слизъ съ груши и пишѣвъ до дому и скадавъ, шо все правда. Его тоже такъ наградылы. Пѣсли

винъ дня тры дѹже берігся, нікѹды не ходѣвъ, а потѹмъ пищѹвъ съ жінкою на двірѣ вѣчеромъ; тѣлько вѣйшлы, а вовкѣ егѹ схватѣвъ и поивъ“.

2) „Нанѣвъ чоловікъ чоловіка собѹкою гѹвкати на цѣлу ничѣ за мѣрку жѣта. Полягѹлы спати. Нанѣтый собѣ леи въ вѣкнѹ и въ дѣвери; а хозѣева слѹхають, та й кѹжуть: ба, якій у насѣ гѹрний стѹрожѣ“ . А винъ велѣвъ своймѣ сынѹмъ приѣхати и набрѣти два вѹза пшенѣци; ти приѣхали, набрали и поѣйхали. На ѹтро хозѣева дѣвляцѣця, шо усѣ комѹри поодчѣняти, та й спрашивають у своѣго стѹрожа, (а винъ собѣ лежѣтъ на соломи, та й мовчѣтъ): „шо це у насѣ покража е, а ты наймѣвся стерегѣтъ“, а винъ мовчѣтъ, нічого не кѹже. Хозѣинѣ ставѣ егѹ ругѣти, а винъ тодѣ и кѹже: „хѣбѹ собѹка балака съ хозѣинѹмъ“. Тодѣ хозѣинѣ начѣвъ изѣ нѣмѣ судѣцѣця за покражу, а той и кѹже: „я бувѣ собѹкою, не мѹжу сказѣти, хто покравъ“. И присудѣлы хозѣина стѹрожу отдѣти мѣрку жѣта“.

П ѣ с н и.

„И сусѣды близьки,
Перелазы нѣзьки:

А за тѣмъ перелазомъ

Стоитѣ горничка нова,

Нова вѣстроена,

Сругомъ вѣстругана.

А въ тѣй горнички

Стоитѣ столѣкъ дубовой,

Ножеи точеныя,

Позолоченыя.

А за тѣмъ столѣкомъ

Сѣдѣтъ дѣвка съ казѹкомъ.

Дѣвка взоры вишивала,—

Дѣвка взорунка.

Дѣвка нѣтки потирала,—

Дѣвка нѣточка.

А за тѣй сыни нѣтки

Хоче маминѣка быти.

„Стой, маминѣка, не бѣй!

Сударыня, пожалѣй!

Я поутру найду,

Сыни нѣтки найду“.

Я поутру пѣшла,

Сыни нѣтки пѣшла;

Сыни нѣтки пѣшла,

И до дому пѣшла“.

* * *

„Тутѣ и рѣчка, тутѣ и мѣсть,

Тутѣ хорѹший перевѣздѣ.

Тутѣ я свою раздѹшенькѹ

Тѣй на ручкахѣ перенѣсъ.

Перенѣсъ парѣнь дѣвчѹнку,

Перенѣсъ красавѣцѹ,

Перенѣсъ, перескочивѣ,

Нѣчего я не вмѹчивѣ.

Когда рубѣ, когда два,

Когда рубля полтора,

Тѹльки усѣго й уропѹ,

Шо бѣшмакъ упѣвъ у воду.

Бѣшмакъ бѣтѣнька купѣвъ.

Чѹлокъ мѣлый подарѣвъ.

Не жалко бѣшмѣчка,

Жалко мѣлого чѹлка.

На квѣтырушку ходѣвъ,

За квѣтырушку платѣвъ,—

Когда сѣтѣю на рубѣшку,

Когда сала кусѹкъ,

Когда гривенчикъ,
Семигривенничокъ,
Когда сыню бумажку,

Когда мыла брусокъ,
Когда тив безчастной
Чечевицы мишокъ“.

* *
*

„Ой по мосту, по мосту
По казньовому,
По другому, по малому,
По малыновому,
Сюда йшовъ, пришовъ купецъ,
Разудалый молодець;
Разудалый, та удалый,
Та головунка твоя

Не великий капиталъ.
На ёмъ голубой кафтанъ
Раздымашуецца, полы машуецца,
А на шеюшкѣ платочекъ,
Будто аловый цвѣточекъ,
А въ карманѣ другой,—
Разноцвѣтный дорогой“.

Въ прежнее время были игроки на гусяхъ, цимбалахъ и гитарѣ, а теперь подобной игры не услышишь: молодые парни и дѣти играютъ на гармоніяхъ, балалайкахъ, сохилкахъ и всевозможныхъ пицикахъ самодѣльной работы. Есть также игроки на самодѣльныхъ скрипкахъ. Играютъ нѣкоторыя пѣсни и что нибудь веселое для танцевъ во время свадебъ. Одинъ слѣпой, умершій года три назадъ, игралъ, подѣвая, на гусяхъ нѣкоторыя „псалмы“. Я могла узнать только нѣсколько словъ одной „псалмы“:

„Съ другомъ я вчера сидѣлъ,
Нынѣ смерти зрю предѣлъ.
О, горе мнѣ! горе великое!
Мимо царства прохожу,

Горько плачу и гажу;
Въ пламени стою,—
Огонь и смолу пью“.

О. Бородавкина.

врачамъ народъ обращается охотою, но къ сожалѣнію врачей мало, и народъ нерѣдко прибѣгаетъ къ знахарямъ на сторону, такъ какъ мѣстныхъ нѣтъ.

При лѣченіи больного скота употребляютъ домашнія лѣкарства: синій камень, росоль, мыльную воду и т. д.; женщины подкуриваютъ скотъ травами, парятъ на кирпичахъ и нашептываютъ свои неизвѣстныя молитвы.

Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе; въ прежнее время многіе занимались пчеловодствомъ, но, по уничтоженіи лѣсовъ, луговъ и вслѣдствіе частыхъ засухъ, занятіе это упало. Сады есть и хорошіе; кустарныхъ промысловъ не было и теперь нѣтъ.

Народъ религіозный; съ усердіемъ посѣщаетъ храмъ, любитъ путешествовать въ прославленные святынями монастыри, какъ напр: Кіевскій, Воронежскій, Святогорскій. Когда находится крестьянинъ въ достаткѣ, то съ любовію и другимъ благотворитъ. Сектантовъ нѣтъ.

Въ слободѣ существуетъ съ 1867-го года народная школа, грамотныхъ много; народъ относится къ школѣ и учителю съ любовію и довѣріемъ.

Женщина въ семьѣ и обществѣ пользуется любовію и уваженіемъ. Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ семейные раздѣлы стали обычнымъ явленіемъ, что вредно отзывается на благостояніи населенія. Пьянство развито.

Существуетъ обычай при крещеніи дѣтей. Когда несутъ крестить дитя, то кума непременно беретъ съ собою кусокъ ржаного хлѣба, а по крещеніи, когда въ домѣ бываетъ угощеніе гостей, то кладутъ отцу дитяти въ рюмку водки стертаго хрѣна и мягкой соли, и это онъ долженъ выпить. Бабка повитуха, подавая дитя кумѣ на руки, когда его несутъ къ священнику крестить, говоритъ: „даю вамъ новорожденного, а вы прине- сите мини крещеннаго“, и наоборотъ,—возвращаясь, кума от- даетъ ей-же дитя и говоритъ: „брала у васъ новорожденного, а вамъ принесла крещеннаго.

Перехожу къ свадебнымъ обрядамъ и пѣснямъ. „Змовины“. Къ крестьянину, у котораго есть „дивчина“, приходятъ старос- ты съ хлѣбомъ, останавливаются возлѣ хаты подѣ окномъ и говорятъ: „добрый вечеръ, пустите насъ погрицься“.—„А

шо вы за люди, чии вы, видкиля идете?—„Пустить насъ у хату мы вамъ разскажемъ“.—„Войдите, люди добри“. Старосты входятъ и говорятъ: „пустить насъ у гости“.—„Мылосты просимъ“. Одинъ крестьянинъ изъ числа сватовъ подаетъ хлѣбъ хозяину, или хозяйкѣ, называя ихъ мамою, или татою.

Кто нибудь изъ тѣхъ беретъ хлѣбъ и кладетъ на столъ. Начинается разговоръ, сваты говорятъ: „мы чулы, що у васъ е дивчина, що можно отдать, мы прійшли свататы“.

Тѣ отвѣчаютъ: „Вона таки е, та мы ще не радылись; приходьте люди добри завтра, мы порадымся“, отдають хлѣбъ, и они уходятъ. Приходятъ сваты на другой день утромъ, а эти уже „порадылись“ (посоветывались) и принимаютъ гостей уже ласковѣе, хлѣбъ не отдають, а оставляютъ и просятъ на вечеръ пыть могорычь, т. е. пропывать дивку, и „змовляюща“—на когда сватанье, согласны ли дѣти. Приходятъ сваты вечеромъ съ женихомъ, входятъ „дивчина“, здоровається, и, когда ее спросятъ, „наравится-ли йи хлопецъ“,—она „засоромищца, одвернещца до припичка“, (такъ какъ всегда стоитъ она вдали отъ стола, за которымъ сидятъ старосты), и колупа припечекъ. Нѣсколько разъ обращаются къ ней съ этимъ вопросомъ, и если женихъ ей не нравится, она говоритъ: „не хочу иты за ёго“, или совѣмъ убѣгаетъ къ сосѣдямъ. Случается, что молода не хочетъ выходить, капризничаетъ, плачетъ, уходитъ, но батько уговариваетъ и приказываетъ. Если-же молодой, понаравився „молодой“, она изъявляетъ согласіе, и батько „свите свички передь образы“. Къ каждой иконѣ прилѣпляють свѣчку, и молятся Богу, кладутъ земные поклоны; женихъ и невѣста „кланяются батькови, матери и сватамъ всемъ по тричи“. „Садыщца вечерять и совитующца на колы сватаня“.

„Сватанья“.—Сватанье бываетъ обыкновенно въ „недильнюку“ (воскресење) вечеромъ. Молода идетъ съ дивчатами, которыя въ это время зовутся „дружками“, къ родичамъ и сосѣдямъ; приглашая ихъ на сватанье, говоритъ: „просывъ батько, мате и я просю на сватанье“. Молода одѣта парадно. Когда идутъ по улицѣ, то всѣ поють, а молода идетъ впереди одна и не поеть.

„Тай или дружечки,
По пидь вышневымъ садочкомъ,
Тай вырвали квиточку зелененьку,

Тай свинчали Марьечку молоденьку съ
Василечкомъ“.

Когда молода созоветь всѣхъ родичей, то заходитъ къ сосѣду и ожидаетъ молодого. За нею приходитъ „молодой“, зоветъ ее, и они идутъ, входятъ въ хату молодой, молятся и кладутъ три поклона, кланяются въ ноги батькови, матери и старостамъ и батькови и матери молодого; потомъ молодого и его родителей и старостовъ приглашаютъ сѣсть за столъ, молодого на первое мѣсто, т. е. въ уголь, въ которомъ на стѣнѣ висятъ иконы; молодой даютъ тарелку, на ней рушникъ, она подаетъ его „свѣкрови“ т. е. отцу молодого, а онъ даритъ ей рубль - бумажку, случается и серебряный; „свикруси“ подаетъ на тарелкѣ сирпаноукъ т. е. бѣлую плохую кисю или марлю, старостамъ тоже даритъ рушники, и они говорятъ: „спасибо дочка, що раненько вставала, та рушнички довгеньки пряла“, а потомъ подаетъ молодому „хусточку“ и „чарку горилки“; онъ отдариваетъ, кладетъ на тарелку денегъ нѣсколько копеекъ. Потомъ угощаетъ всѣхъ водкой, а они дарятъ ей мелкія монеты. Дружки все это время стояли молча, теперь начинаютъ пѣть пѣсни.

„Що ты думала,
Що ты галага
Марьечка молодая,
— Те я думала,

Те галага,
Що ни отдасть мене
Мий батько“.

*
**

„Не вивайся, мий батенько,
Чужу сторонунку,
Чужа сторона безъ витру шумить,

Чужий батько, чужа мате
Не бже, тай болить“.

Потомъ угощаетъ отецъ всѣхъ гостей: старики, сваты вечеряютъ, а молодые и молодежь уходятъ въ другую хату. Молодые уходятъ домой, а молодежь веселится всю ночь: поютъ, танцуютъ, парубки играютъ на гармоніяхъ и балалайкахъ. „Дивчата“ здѣсь-же варятъ вареники: ужинаютъ и расходятся. На другой день молодой зоветъ батька и матирь „у сваты“, т. е. въ гости къ нему и тамъ угощаютъ ихъ. Сватанье кончилось.

Послѣ сватанья черезъ двѣ недѣли, или черезъ недѣлю сваты идутъ до молодой на „домовины“, т. е. на совѣтъ, и въ это время совѣтуются, накогода свадьба и какіе кому готовить подарки. Когда уговорятся въ какой день вѣнчаться и въ какой день свадьба, то уходятъ.

Въ назначенный день для „вѣнца“, молодой идетъ въ церковь съ „боярами“, т. е. шаферами, а молодая приходитъ отдѣльно съ „дружками“ и съ ними по два старосты. Послѣ вѣнца, если молодой живетъ близко, то зоветъ молодую обѣдать, а она уходитъ домой, онъ уговариваетъ ее пойти обѣдать и наконецъ беретъ ее за руки и безцеремонно тянетъ; бояры его толкаютъ дружокъ и, поцеремонясь, они отправляются къ молодому всѣ обѣдать; если же молодой живетъ далеко, то расходятся по домамъ. Послѣ вѣнца свадьба бываетъ черезъ недѣлю, или дня черезъ четыре, или недѣли черезъ двѣ, рѣдко случается, что въ одинъ день бываетъ и вѣнецъ, и свадьба.

За два дня до свадьбы, молода зоветъ дивчатъ, сосѣдъ и лѣпять изъ тѣста маленькія булочки, которыя состоятъ изъ узкихъ полосокъ съ вырѣзанными на концахъ зубчиками; хлѣбъ этотъ называется „шишками“; когда ихъ лѣпять, „дивчата и молодцы“, то поютъ:

„Тай Марьечина пенько (мать)	Не до мене, до мого дитяти,
Тай по улици ходе,	Тай калачикивъ дбати,
Сусялочекъ просе:	А шишочекъ липнати,
Сусидочки мои, голубочки,	А дружечекъ дарити“.
Приходьте до мене,	

Лѣпятъ еще „каравай“, большой хлѣбъ съ такими-же украшеніями изъ тѣста, какъ и шишки, и еще пекутъ „калачъ“ и украшаютъ его краснымъ гарусомъ. Передъ тѣмъ, какъ сажать этотъ каравай въ печь, мужчина выметаетъ печь помеломъ, потомъ садятъ каравай въ печь, а джугу, т. е. кадку, что была съ тѣстомъ, берутъ на руки четыре женщины, носятъ по хатѣ и поютъ:

„Вермень пичь выметавъ,	Пичь ходе на ногахъ,
А верменка поглядала,	Джугу носятъ на рукахъ.
Чи гораздъ вермень пичь вымета.	Пичись каравай, щобъ печений бувъ“.

Женщины, которыя носятъ его, спѣшатъ поцѣловаться на крестъ, и зато первой изъ нихъ подносится „чарка горилки“. Послѣ этого угощаютъ всѣхъ ихъ водкой; пообѣдаютъ, получаютъ по шишкѣ и уходятъ. На другой день, т. е. подъ день свадьбы, вечеромъ молодая идетъ съ дружками: беретъ съ собою нѣсколько шишекъ и идутъ „по родычамъ“ и просятъ такъ: „просивъ батько, мате до хлиба, до соли на вычирыны, или на пидвисилокъ“.

даетъ шишку и при этомъ въ каждой хатѣ каждому члену семьи кланяется въ ноги. Когда проходятъ по улицѣ, поютъ:

„Тай стрибная сережечка Марьечка, Золотый обидецъ Василько,	Тай обвився коло ручки, Коло косы, росы“.
--	--

Обойдя она своихъ родичей, то идутъ до свекрухи; войдя въ дворъ, всѣ останавливаются и поютъ:

„Обметайте дворы, Застилайте столы,	Идутъ до васъ дружечки, Паняночки“.
--	--

Свекруха выходитъ и зоветъ ихъ; входятъ, — молодая кланяется свекрухѣ 3 раза; садятся за столъ, ихъ угощаютъ пирогами со сметаною, потомъ свекруха даетъ имъ по шишкѣ и посылаетъ молодую къ своимъ уже родычамъ, приглашать и ихъ къ ней на „подвисілокъ“.

Приходитъ молодая домой позднимъ вечеромъ, приходитъ и молодой съ боярами, свашками и „свитылкою“, т. е. дѣвочкой, которая садится на „покуть“, — мѣсто за столомъ въ углу, и держитъ пучокъ „василькивъ“; въ серединѣ пучка стоятъ двѣ восковыхъ свѣчи. Молодой съ молодою стоятъ возлѣ порога, а дружко стоитъ за ними и говоритъ: „благословить молодій княгини и молодому князю гильце выть тричи разомъ“. На лавкѣ сидятъ старосты и отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Послѣ этого они садятся, за столъ: на столѣ стоитъ „гильце“, т. е. небольшое сосновое дерево, украшенное гарусомъ, ленточками бумажными, цвѣтами, — и молодой начинаетъ его вить, т. е. кончаетъ его украшеніе: беретъ „василькивъ“, три колоса жита, вѣтку калины и привязываетъ этотъ пучекъ на верхнюю вѣтку гильца. Такой же букетъ составляетъ молодая и привязываетъ его туда-же на гильце. Отецъ угощаетъ ихъ водкой, потомъ угощаетъ свитылку, свашокъ и всѣхъ родычей. Дружки въ это время стоятъ и поютъ:

„Легила черезъ хату гуска, А въ хати зъ перцемъ, зъ пибер- цемъ	Кипила капуста Зъ Марьечкинымъ щирымъ сердцемъ.“
---	---

* *
*

„Зйилы бояри цилого вола, — На стола ни рисочки, Пидъ столомъ ни кисточки,	Зйилы дружечки пивъ голубонька, — На стола повненько, Пидъ столомъ чистенько“.
--	--

Въ этой пѣснѣ дружки подсмѣиваются надъ боярами, что

когда ихъ угощали водкой, они заѣдали мясомъ и мною съѣли мяса. „Молоди“ и молодежь уходятъ въ хатыну, а сваты и родичи вечеряютъ и расходятся. Молодежь входитъ и веселится по своему безъ присутствія стариковъ: поютъ, танцуютъ, играютъ на балалайкѣ, гармоникахъ; потомъ молодая съ дружкойми варить капусту и вареники и всѣ ужинаютъ. Въ это время происходитъ особенная церемонія: „молодой“ беретъ въ ложку капусту, подноситъ ко рту „молодй“, а она набираетъ въ свою ложку и подаетъ ему и опять такъ-же; бояры кормятъ дружокъ, а дружки ихъ, и такъ весь вечеръ продолжается; потомъ расходятся. Если-же молодой живетъ въ другой слободѣ, то у него бываетъ „пидвисилокъ“ отдѣльно со всѣми обычаями, какъ и у молодой, а на другой уже день онъ прѣзжаетъ за молодой.

Свадьба. На другой день послѣ „пидвисилка“ соберутся къ молодой ея родичи, а къ нему—его, происходитъ угощеніе, обѣдъ; семья жениха выпроваживаетъ жениха съ боярами, свашками и свитилкою за молодою, а молода съ своими гостями обѣдаетъ раньше, чтобы „поиздъ“ этотъ не засталъ ихъ за обѣдомъ, и тогда уходитъ съ дружкойми къ сосѣдамъ, а гости остаются. Когда молодой собирается ѣхать за молодою, послѣ обѣда помолются всѣ, кто есть изъ родичей.—онъ садится въ экипажъ и мать посыпаетъ ему на голову немного хмѣля, конфетъ и мелкихъ монетъ. Дѣти спѣшатъ идти въ ту хату, гдѣ есть женихъ, зная что жениха будутъ обсыпать хмѣлемъ и пр., которое позволяется имъ подбирать. У жениха, по обычаю, бываетъ меньше причудъ, чѣмъ у невѣсты. Прѣзжаетъ „молодой“, заѣзжаетъ къ сосѣдямъ, беретъ „молоду“ съ дружкойми и ѣдутъ къ церкви; останавливаются противъ западныхъ дверей, встаютъ, подходятъ къ дверямъ, кладутъ три земныхъ поклона, пожатъ шишку на порогъ и ѣдутъ кататься. Когда прѣдутъ ко двору молодой, всѣ встаютъ, входятъ во дворъ, подходятъ къ порогу и тутъ только молодая „здоровкается“ съ ними; идетъ съ „дружкойми“ и „дружкомъ“ въ хату, на порогъ стоитъ молода, а онъ впереди и говоритъ: „благословить молодй княгини Богу помолниця и вѣнци въ ноги поклонниця тричи разомъ и благословить молоду княгиню за столъ замясты“. Старосты

отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословимъ“, и она садится за столъ. Потомъ дружка беретъ маленькій кувшинъ, наливаетъ въ него воды; кладетъ на кувшинъ шишку, уходитъ изъ хаты и говоритъ: „прощайте“. На дворѣ передъ порогомъ хаты стоитъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, и на немъ лежитъ хлѣбъ, передъ столомъ стоитъ молодой, два старосты, свашки и ожидаютъ, когда пригласятъ ихъ въ хату; наконецъ дружка подходитъ къ нимъ, здоровается съ ними и даетъ выпить изъ кувшина; тѣ выпиваютъ по глотку, онъ прощается, уходитъ, входитъ въ хату, здоровается и предлагаетъ выпить; потомъ проситъ „старостивъ“, молодой, которые за нимъ выходятъ; онъ заставляетъ этихъ старостовъ здороваться съ тѣми; тутъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и эти старосты приглашаютъ тѣхъ, говоря: „милости просимъ до нашего батька въ хату“, входятъ и садятся на лавкѣ, а дружка говоритъ: „Де наша маты?“ Старосты старостовъ зовутъ въ хату, а зятя—мать; мать беретъ въ рюмку хмѣля и меду, выходитъ къ зятю, здоровается и даетъ ему въ руки чарочку съ хмѣлемъ, а онъ отдаетъ боярину, т. е. хлопцу, который держалъ вѣнецъ; тотъ переноситъ чарку черезъ правое плечо и высыпаетъ все изъ чарки подъ правую ногу жениха, угощаетъ молодого „горилкой“ и всѣхъ членовъ обряда и приглашаетъ въ хату. Идетъ впереди молодой и останавливается на порогѣ, наклоняется, а свашки его цѣлуются на крестъ съ свашками невесты и мѣняются хлѣбомъ; ея свашки садятся на мѣсто, а дружка стоитъ впереди молодого и говоритъ: „благословить молодого князя у сей домъ увесты, Богу поклоніица и нѣнци трічи разомъ“. Молодой кланяется, цѣлуетъ молодую и садится рядомъ съ нею; когда молодой вошелъ въ хату, молодая наклоняетъ голову на столъ, а старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, украшенный гарусомъ; когда молодой подходитъ къ молодой цѣловать ее, дружка принимаетъ съ головы калачъ, а остальные дружки, смѣясь, поютъ:

„Тоби дружка не дружковаты,
Тоби свини пасти,

Молодому завертаты,
Що не вміе молодонцилувати“.

Тогда дружка молодого беретъ подарки у свашекъ и подаетъ матери чоботы, невесткамъ серебряныя серги, если у нея есть се-

стры, то имъ „кисники“, т. е. ленты; беретъ у молодого шапку, а у молодой съ головы „квитку“ и отдаетъ свахкѣ; пришиваютъ эту квитку къ шапкѣ и поютъ:

„Изъ Кіева швачка,
Купечеська дочка,—
По городу ходыла,

Шовки куповала,
Квитки пришивала“.

Потомъ беретъ дружкó шапку, подаетъ боярину, а тотъ надѣваетъ на молодого, снимаетъ и т. д., до трехъ разъ. Дружко беретъ у жениховыхъ свашекъ шишки, раздаетъ всѣмъ родичамъ и спрашиваетъ: „довольны батьковымъ хлѣбомъ?“—тѣ отвѣчаютъ: „довольны“.

Дружко говоритъ: „готóвъ, мáте, що молодій робыты“. Мать идетъ въ „хижку“, т. е. кладовую, беретъ каравай, кладетъ на него рушники, очипокъ и серпанокъ, это все дружко кладетъ на голову, идетъ въ хату и говоритъ: „благословить молоду княгиню покрыть тричи разомъ“, старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить тричи разомъ“. Въ это время дружки поютъ:

„Чи не бачишь, диво,
Що несуть твое дило,

Якъ биль билесеньке,
Якъ гай зеленесеньке“.

* *
*

„Насіяла Марьечка квиточекъ,
Не вродылись квиточки,

Тай вродылись полуныци (клубника),
Минается твое дивованье й вечерниці“.

Послѣ пѣнія свашки расплетаютъ косу молодой, смачиваютъ волосы водкой, завязываютъ волосы по срединѣ головы въ одинъ пучекъ, надѣваютъ очипокъ и повязываютъ сверхъ очипка платокъ; молодая плачетъ, нѣсколько разъ снимаетъ очипокъ и бросаетъ на землю, но свашки надѣваютъ снова. Дружки въ это время поютъ:

„На гори дощыкъ иде зъ росюю,
Говорила Марьечка съ косою:
Тай коса-жъ моя кохвна,
Та не годь я тебе кохала,
Що суботоньки чесала,

Що недиленьки квичаза;
Якъ расплitalы,—порвалы,
Пидь очипокъ клалы,—зломалы,
Такъ мою косоньку потеряли“.

Послѣ этого, двѣ свашки берутъ за концы серпанокъ и покрываютъ головы молодыхъ серпанкомъ, сами-же поютъ:

„Ой душенько, Марьечко!
Покриванка плаче,
Покривацьця хоче,
Не такъ покривацьця,

Якъ намъ поцизувацьця;
Съ кныша поляныця,—
Съ дивчыны молодныця“.

Сейчасъ-же этимъ серпанкомъ обвязываютъ ей голову, какъ платкомъ, и говорятъ: „за цю висть чарокъ по шисть, хоть по одной, тай по повній“. Ихъ угощаетъ дружка, они уходятъ на свои мѣста, а молодой даютъ водку, и она угощаетъ всѣхъ.

Послѣ этого бояре идутъ къ дружкѣ „полудновать“, а мать даетъ молодымъ вечерять; послѣ ужина отецъ беретъ образъ— благословеніе, а мать палку, садятся на нѣсколько минутъ; всѣ молятся Богу, а затѣмъ молодые кланяются въ ноги родителямъ; батько говоритъ: „глядь, дѣчка, щобъ винъ бувъ тобі чоловікъ, а тобі, сѣну, щобъ вона жінка була“, мать тоже повторяетъ; бьютъ ихъ по разу палкой и говорятъ: „вставайте диты“. Молодые встаютъ и цѣлуются; молодà беретъ икону, а отецъ говоритъ: „Богъ благословить и я—хорошо вамъ, диты, житы“. Выходятъ, садятся и ѣдутъ къ молодому; когда выѣзжаютъ изъ двора, свашки поютъ:

„Выгребай, мате, жаръ,
Колы тобі дочки жаль,

Кыдай у пичь дрова,
Оставайся здорова“.

А дорогою поютъ:

„Ой вы, кони, ведмеди
Чи надіетесь вы на сылу,
Чи довезете нашу княгиню

Черезъ гороньки крути,
Черезъ риченьки быстры“.

Когда приѣзжаютъ ко двору, то поютъ:

„Свекруха нывисточки бажала,
До купки пережечки складала,

Бля своей нывисточки, голубочки“.

* *
*

„Выйды, матенько, обгяды,
Що тобі бояры привезлы“.

„Воны мини нывисточку привизлы
И скрыню нову“.

Входятъ въ хату, ихъ угощаютъ, свашки поютъ:

„Треба тобі, нывисточка, три нага-
лчки,—

А гретію щобъ умила со свекромъ ко-
сподарете (говорить),

Одну щобъ раненько вставала,
Другу щобъ пизненько легала,

Раненько вставала,
Рушничокъ подавала
Биле личко утерате“.

Послѣ этого расходятся.

На другой день гости сходятся къ молодому, ихъ угощаютъ, а они дарятъ молодыхъ, кто чѣмъ богатъ: кто овцу, кто теленка, кто полотно, кто денегъ. Свадьба крестьянину обходится отъ 50 р. до 150 р., смотря по состоянію. Такой расходъ вызываетъ

ся угощеніемъ гостей и сватовъ водкой, конечно, считая угощеніе съ самаго начала „змовинь“. Если невѣста бѣдная, то при сватаньи отецъ невѣсты выговариваетъ себѣ „пидстожнаго“, т. е. беретъ деньги со свата для расходовъ по свадьбѣ.

Въ заключеніе сообщу двѣ уличныхъ пѣсни.

„Прилтавъ соловейко,

Соловейко до выконьчка припадавъ,

Жалибненько щebetавъ,

Жалю дивчини завдававъ:

„Гуляй, гуляй, дивчино помы твоя во
люшка,

Иы накрыта твоя головушка,

Иы пидобрана руса коса,

Иы завезена въ чужу сторону.

Тай расироклыта сторона,

Куда мыне мате завдала,

Де я зъ роду иы була,

Цего горичка иы знала“.

*
*

„Охъ, мате, хочу йвсти,

Та боюся въ погрибъ лизты,

Та боюся щобъ невпала,

Щобъ капуста иы пропала.

Жаль, мате, капусточки,

Жаль, мате, бурякивъ,

Жаль, мате, помыдате

Черноморьскихъ казакывъ“.

А. Шальнева.

8.—Сл. Петро-Павловка.

Свадебныя пѣсни.—Коляды.—Щедровка.—Загадки.—Прибаутки.—Сказки.—

Пѣсни.

Свадебныя пѣсни.

1.

А Пáвлеко у тѣстенька
 Пье—гүляе,
 Попереду сокóленька посылае.
 Леты, леты, сокóленько,
 До бáтька мого,

Нехай дворы, частокóлы обми-
 тають,

Нехай столы тесóвыи застыла-
 ють,

Нехай мене молодóго дожида-
 ють.

А тепèрь молодéнькій

Не самъ я бѹду,

А я соби Олénку добѹду.

2.

Та й ужè жъ, нéнько.

Та неранéнько

Чомъ не вчишь мене,

Нéнько, не навчаешъ,

Якъ свекóркови годыты?

Ой, дóньку мой,

Самà не манéнька!

Будь соби розумнéнька,—

Встань ранéнько,

Умыйся билéнько,

Швядéнько иды,

Повнéнько беры,

Щобъ вечирéньку застала;

Тільки вступыла у синечки,
 Брязнули зъ столу тарилочки.
 Та й не гнивайся, чужбе дытя,
 Що вечерять забулы оставыть.
 У свéкра вечеря
 Зъ мáсломъ печéна.

Та зъ дрибными слéзáмы;

А въ бáтька вечеря

Съ пёрцемъ печéна,

Та зъ лáсковыми словáмы.

3.

Ой, рáно, рáно борáмы

Тамъ стояла калына рядáмы,

Тамъ збырала Гáлечка

Дружечóкъ юлечкамы.

Посадыла дружечóкъ

Рядóчками.

Самà сила вѣще всіхъ,

Наклоныла голóвоньку,

Ныжче всіхъ,

Задумала вона думоньку,

Бильше всіхъ.

4.

Вѣйды, ты, мáтенко,

Прóтивъ насъ,

Глянь, ты, мáтенко,

По всіхъ насъ.

Крáщая Гáлечка

Одо всіхъ насъ.

Не вгадала маты
Своего дытаты,
Чи за дружечками,
Чи за слизочками.

5.

Поплыла утка
Поплыла сира,
Та й на море почувать,
Ой, рано, рано почувать.
А за нею плыве, наздогоняе
Сызый селезень.
Та по стой утко,
Та постой, сира,
Зь тобой пощелкочимь!
Бувь я на ставку
Слыхавь я славку,
Про тебе, сира утка.
Плывуть же сити
И на твой диты.
Хочь нехай плывуть,
Хочь перестануть,
Бо вони мене
Не вниймають.

6.

Шиють кыбалочку
На твою головочку,
А у недилечку,
Пидь понедилочокъ
Вони на тебе надинуть.
Глянь на поригъ, диво,
Несуть твоє дило:
Якъ биль, билесеньке,
Якъ гай, зеленесеньке,
Вонò жь тоби зеленущее,
Вонò тоби немнущее.

7.

За туманомъ свита не видно,
По долини пидокъ несє,
Тамъ Василько волькивь пасє,
А Дуняшка водыцю носє,
А Василько водыци просє.
Якъ ухвате за видеречко:

Здоровь, здоровь, моє сердечко!
Якъ и буде, маты пытагы,
Та й не буду правды казаты.
Та й полынұлы гусы изь броду.
Скаламұтылы съ пискомъ вòду.

Схватылы, помчалы,
Спасиби не сказалы.

8.

Кудрявый погончикъ,
Та ще кучерявый!
Держи ужй ровно,
Та вдарь коня больно,
Що бь побигъ конь бодро,
Що бь я не слыхала,
Якъ батюшка плаче,
Маменька рыдає,
Звычайо не знає.

9.

Та ниhto того
Хорошого произда не знає,
Та тилько знає, тилько вдає
Молода Марьечка.
Ой, рано, рано, маерь,
Мителыця промытає,
Та по полю по чистому
Маерь, метелыця промытає.

10.

Свапка не липашка,
Шинокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла,
Одну излипыла
Зь зеленого сина,
Та й ту сама зыла.
Брешиты, дружки, раки,
Брешиты, якъ собаки.
Бигла сучка яромъ,
А за нею дружки рядомъ,
Думалы, що маты,
Зачалы ий сцаты.

11.

Свѣтѣлочка пѣшна,
 Якъ у саду вишня.
 Свѣтѣлочка гѣрда,
 Якъ у свынѣ мѣрда.

12.

Отдаешъ менѣ, мой нѣнько,
 Та й отъ себѣ,
 Остаецця рѣта—мѣята
 Вся у тебѣ.
 Уставай же, мой нѣнько,
 Та й ранѣнько.
 Поливай же рѣту—мѣяту
 Та й частѣнько.
 И ранними, вечерними
 Зоречками,
 Дрибнѣнькими, горячими
 Слизоньками.

13.

Перенѣсь, перескѣкъ
 Та й ничѣго не замѣкъ,
 Тѣлько минѣ одна шкѣда,
 Щѣ впустивъ башмакъ у воду.
 Минѣ не жалко башмака,
 Жалко бѣлого чулка.
 Башмакъ батенька купивъ,
 Чулокъ мѣлый подаривъ.
 А чия жъ то дивчинонька,
 Щѣ на углѣ хата?
 Гарнѣсенъка дивчинонька,
 Тѣлько не богата.
 Ой, радъ я любить
 Тай Морѣдь не велѣть,
 Якъ побачу, тай заплачу,
 Та й жывѣтыкъ заболѣть
 Та й сердѣнько защемѣть.
 Ой, чия жъ то трава
 Та некѣшеная
 И не громажена?
 А тий удовѣ
 Щѣ взяли въ солдаты сына.
 А де два,—тамъ нема,

А де тры, ти втеклы,
 А де пять,—тамъ не брать,
 Де чотыри,—не велѣть,
 А въ удовѣ одѣнь сынъ
 Тай той пишовъ пидъ аршинъ.

14.

Та даешъ менѣ,
 Мий батенько;
 Та й самъ бачишь,
 Не разъ, не два
 Та й за мною
 Та заплачешъ.
 Якъ по веснѣ
 Тай садѣчки цвистѣмуть,
 А дружечки винѣчки плыстѣ-
 муть,
 Мѣмо твоихъ ворѣтечокъ
 Та й нестѣмуть,—
 Та й не бѣдутъ
 До хаты привертаты,
 Щѣ никого на ўлицю
 Выклькаты.

15.

Ой, зятю хорѣший,
 Гѣтовъ кѣпу грѣшей:
 Кѣпою не отбѣдешъ,
 Хибѣ минѣ жупанъ кѣпышь.
 Зять на мене та не дѣвыцьця:
 Винъ на мене супротѣвыцьця,
 Винъ на мене кѣсо поглядѣе,
 Винъ мене нѣшкомъ лае.

16.

Дружечки, паняночки,
 Устаньте зъ лавочки,
 Пустѣть цѣго пана
 До ций паняночки.

17.

Отдаешъ менѣ, мий батенько,
 Молодѣю!
 Купы, купы зозѣленьку луговѣю,
 Прыбѣй у кимнати

Кры кровати
Вона буде ранесенько
Куваты,
Менè молодую
Розбужаты.

18.

Та й ходыла, тай Галечка
По крутий горі
Зобачила селезеня
На тыхий воді.
Плывы, плывы селезеню,
Тыхо по воді
Прыбұдь, прыбұдь,
Мий батенько, тепера ко мни.

К о л я д ы.

1.
Ой, рясно, красно
Калынонька въ лүзи.
Ой, дай, Бóже!
А ще красниша
У Ягóрки дочка.
Ой, дай, Бóже!
Ягóрки дочка—
Дівка Галечка;
По двору хóде,—
Якъ зóря зóйде,
Въ присночки йде,—
Якъ мисяць изойде,
Ой, дай Бóже!
До цёрковки йде,—
Якъ сонечко зóйде.
Ой, дай Бóже!
Стрїлкою засвистывъ,
Братцивъ побудывъ,
Ой, дай Бóже!
Вставайте, братци,
Кóни сидайте.
Ой, дай Бóже!
Ой, я жъ тамъ назнавъ
Коня въ дёреви,
Дівку въ тереми.
Ой, дай Бóже!

Ой, дай мині порáдоньку
Бадний сыроті.
Ой, радъ бы я, дытя моє,
Прибұты къ тоби,
Насыпано сырои земли
На рўки мой;
Склыпылыся ясни óчи
Не бачуть тебе.
Нехай тебе поряжають
Дядьки та титки
И ріднии, не ріднии
Сестрыци твоей.
Но нихтò не дасть порáдоньки
Такои, якъ ты.

Ой вамъ же, братци,
Коня въ дёреви,
А мині, братци,
Дівка въ тереми.
Ой, дай Бóже!

Ой, рано, рано
Кўры заплы,
А ще ранише
Павлеко уставъ,
Лучкомъ забряцавъ,
Ой, дай Бóже!
Паны встричають,
Шапки скидають.
Ой дай Бóже!

3.

Колядь, колядь, коляднїця,
Дóбра зъ макакомъ налянїця,
А писная не такая.

4.

А въ лиску, лиску,
На жóвтимъ писку
Тамъ хóде нава,
Пирьячко збыра,
Въ рукава склада.
Ой, дай Бóже!

Щ е д р и в к а.

1.

Та й сивъ Исусъ Христось
 Та й на виконечку.
 Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
 Добрымъ людемъ на здоровье!
 Та пришла къ Нему,
 Та Божая Матерь.
 Щедрый вечеръ...

2.

Щедрикъ, Педрыкъ,
 Дайте варёныкъ,
 Грудочку кашки,
 Кильце ковбаски.
 Ще й того мало,

Дайте кусокъ сала
 Щобъ маты не знала,
 А батько не чувъ,—
 Пидь призбою заснѹвъ.

3.

Мыланка ходыла
 Васылька просыла,
 Васылько, мий сынокъ,
 Пусты мене въ хатку.
 Я жыта не жала,
 Чесный крестъ держала;
 Креститыся, люде,
 До васъ Христось буде,
 Богу свичку ставте,
 А намъ калачъ дайте.

З а г а д к и.

„Пришла шалда-балда, взяла штрыкы-брыкы, а мякыныки по-
 чѹлы, та сказаы жытныкамъ: сидайте, жытныки, вивсяныкывъ,
 наздоганайте шалдѹ-балдѹ, отнимайте штрыкы-брыкы? (Волкъ,
 овцы, собаки, люди, кони). Четыре четыренки, а два хведорѣн-
 ки тягнуть рулѣцю на улыцю? (Возъ, быки, колеса). Четыре
 четырки, дви ростопѣрки, а седьмой вертѹнь? (Баранъ). Приш-
 ла кумѹ до кумѹ: дай, кумѹ, ляпоты, поляпаты, тай иды? (Си-
 то). Пришла кумѹ до кумѹ: дай, кумѹ, шылы-былы, похитаты
 свой жылы? (Ступа). Кругле, та не мѣсяць, зелѣне, та не ди-
 брѹва, зъ хвѹстыкомъ, та не мѣша? (Кавѹнь или гарбѹзъ).
 Одно каже: стиймо, друге каже: ходимо, а третье каже: давай
 Богу моыцьця? (Земля, вода, очерѣтъ, или камышь). Два бра-
 та летятъ, а зъ ихъ кровь капотытъ? (Вѣдра). Сирый воыще
 черезъ горыще дрыще? (Дымъ). Гаврыло — замазане рѣло?
 (Лампа). Вертъ—вертъ, а въ чыршѹчку смерть? (Завертка)
 Бижать кони воронѣ, на ихъ узды порванѣ, ихъ стать пере-
 нятъ, вонѣ йысты не хотятъ? (Хмары или тучи). Повзѹнь повзѣ,
 горшки везѣ? (Ежъ). Манѣньке, рудѣньке по кутѹчкахъ бѣга?
 (Вѣникъ). За бѣлою горѹю талалай плѣще? (Языкъ). Одынь
 каже: свитай, Боже; другый каже: не дай, Боже, а третий ка-
 же: мини все ривнѹ, що въ день, що въ ночѣ? (Окно, свѹлокъ,

двери). У города рубають, а за городомъ триски литаютъ? (Письмо). Изъ трема дубамы, загрузло теля зъ зубами? (Сокира или топоръ). Среди леса—стоитъ джакъ съ тистомъ? Рыля биле? (Джакъ, квашня). Чорне насинья, хто его вмие, той и посие? (Читать). Сире сукино лизе въ викно? (Свѣтъ). Среди леса—леса висить красне платячко? (Калина). Въ маненькому горщечку солоденька юшечка? (Орѣхъ). Игнать дубинать, его при земли не знать? (Погребъ). Кынувъ я не палку, убывъ я не галку, скубу не пирья и йимъ не мясо? (Рыба). Онъ и чорень, та не воронъ, и зъ рогами, та не быкъ? (Жукъ). Простылю рожку, посыплю горошку, положу хлеба окраецъ? (Небо, звѣзды, мѣсяцъ). Среди поля—поля стоитъ красна комора? (Солнце). Онъ зеленый, та не лугъ, зъ хвостомъ, та не мышъ? (Кавунъ, арбузъ). Два узлыки усѣ поле засиялы? (Глаза). Симъсотъ поросятъ, та вси рядомъ лежатъ? (Сволочки). Стоитъ баранъ, не стільки вовны, скільки ранъ? (Дривышня). Два брата втика, а два наздогоня? (Колеса). Маненьке, тоненьке, его постоянно скрозь тынь тягають? (Иголка)“.

П р и б а у т к и.

„Ой, тиори, тиори, тиори,	А кобою шубу шылы,
Бакайвськи дивки дуры,	Долотомъ дрова рубалы
Решетомъ воду носылы,	Шиломъ жыто косылы“.

Дивчата—курчата, не бачилы зайця?—Пусть келеньку пройты, а въ келеньку не зайты.—Я сама балакуха.—Глисті подгалісті.—Гололончикъ—бубубунчикъ!—Ой, моя цыганко, ой, моя коханко! беры ключи струбови, одмыкай скрини золоты.—Доць иде, доць иде, стрихота льецця, хозяина дома нема, хозяйка смеецця.—Обитреецця, обимнеецця и по старому нойдеецця.—Вороне, вороне! що ты робышь? Пичку копаю. На що вона тобі? Окринецъ грить, дятямъ очи заливать, щобъ не лазылы въ горобы; а якый въ тебе городецъ?—Старша дружка, дай я тебе пересадю черезъ городецъ.—Параско! мене была маты.—Защо?—Щобъ на улыцю неходыла.—Йыхала Хыма зъ Ерусалыма, таратайка теркоче, кобыла йыхать не хоче; нишла Хыма до хаты, кия шукаты, кобылу убываты.—По холоди, по молоди пывка зузультка, силки не тильки! Печу, печу по грѣбени, та нікуды вйты старому Петровичу Бычовичу; шишоль,

вышолъ, вонъ пошолъ.—Заяць—мисяць, де болисяць, шóли-пóли травку—муравку, штыхиль напель, пель-пузырь.—Хохóль! беры косу, молотокъ, отправляйся въ холодокъ! Разъ, два, три, четыре, пять,—вышолъ зайчикъ погулять, вдругъ охóтныкъ выбигае, прýмо въ зайчика стреляе: пихъ,—пахъ, о-ё-ё-ой! пропавъ зайчикъ мой.

А на горí звонять, та звонять,
Ужè мою Настю хоронять;
На горí дощъ, та калюжа,

Дидь бабу товчè, товчè,
Що не скóро блянцi печè.

Якъ у васъ, такъ и въ насъ
Морóзь у Питрiвку,

Ужè мой Настя не здужа;
А на горí пiвчи спивають,
Ужè мою Настю ховають.

Постой, дiду, не бисысь,
Якъ напечу, такъ найисысь.

Зморóзылы на пичi
Пáрубка и дiвку.

Ой, хлóпци ребьята! де вы паслы телята? На поповий могiли.—Чи, чи, чи, чи сорóка, а де булa? Далёко,—у Ливóна на току. Что-жъ ты дiлала? Узду плыла. А де жъ та узда? На коня пишла. А де жъ той кинь? За воротa пийшовъ. А де жъ ти воротa? Вода вынесла. А де жъ та вода? Быкi вышылы. А де жъ ти быкi? На гóру пийшлы. А де жъ та гóра? Чёрвы выточили. А де тii чёрвы? Гýсы выкловалы. А де тii гýсы? У пона на печi. А де жъ тотъ попь? По квiтки пийшовъ. А де тii квiтки? Дiвки вырвали. А де тii дiвки? За мужья пишлы. А де ихъ мужья? На войну пишлы. А де жъ та война? У козла та барана.

С к а з к и.

1. „Жывъ собi мужыкъ, и булò въ ёго тры дочки; томú мужыку трéба йты на службу. Старшaя дочь говóре: „я пиду, папаша, за васъ служыть“. Осидлала коня и пойixала; выйixала вона за слóбоду, чýе: стучить, грючить, хто зна й де, вона и вернулася. Средняя дочка говóре: „я пойду за васъ служыть“. Одiлася и пойixала; идè, идè, выйixала за слóбоду и чýе: стучить, грючить; она и вернулася. А меньшaя дочка булa дурочка и кáже: „я пойду за васъ служить“. Батько и кáже: „ужè ти побоялысь, а тоби шкóда рунаты изъ дóму“.— „Ни, пойду, тай пойду“; напалась, одiлась и пойixала. Выйixала за слóбоду, чýе, десь стучить, грючить, а она таки собi

„Нехай тебе задни вóзвмутъ“. Лытять други, а винъ и каже: „гúсы, гúсы, гусенята“ и т. д. Лытять трéти, взяли егò, на крыла, тай понесли до бáтька и до матèри. Вотъ вони прынеслы, тай сiлы на горiци и винъ сивъ. Вотъ маты напекла, прижечкивъ, тай каже: „оцè тоби, дiду, а це минi“, а Ивашко каже: „м-и-н-и“. Бáба каже: „а ну цыть, що вонò такè“,—и опьять дiле: „це тоби, а це минi“, а вонò каже: „а м-и-н-и“. Вотъ шишлы егò шукать и нашлы, взяли въ хáту; гúсямъ насiпалы прóса, вони найлысь, напылысь и гáрни стáлы; а Ивáнка тóже обмылы и винъ все розказавъ, якъ булò дiло“.

4. „Якъ бувъ собi дидъ, та бáба, а въ йихъ дитèй нема зрòду. Бáба напáлась: „затыши, тай затыши изъ дрючечка дытынку“. Винъ узявъ, тай затесавъ; „зробы, дiду, колысочку“. Вона ту дытынку колыше и колыше, а вона стáла дытынка. Вони поiхалы косыть, а хлòпчикъ дóма остався. Прышлы до иихъ старци мýлостыни просыть, дáлы томú хлòпчику красненьке яблочко, а винъ то яблочко впустивъ, а вонò кóтицьця и кóтицьця за тiми старцями. Хлòпчикъ бижыть за нымъ, та влись, а тамъ тры голубки купáлысь. Такà однà сáма лúчна, сáма крáща, а винъ и вкравъ плáтья, тай понiсь до-дóму, утикъ отъ старцивъ назáдъ. Та бáрышня, якъ вылизла, нема плáтья, тай бижыть за нымъ и каже: „озвицьця,—той, бóде мужъ и бáтенько, и брáтець“. Винъ не озывæецьця. Вона за нымъ бижыть и бижыть, та въ хáту.—„Отдай плáтье“.—„Ни, не отдáмъ, якъ будешь мой жiнка, такъ отдáмъ“. Вона сказáла, що бóде. Винъ узявъ плáтье, замкнóвъ у скрiню. Прыизжають зъ пóля и пытáюцьця: „де ты взявъ, сiныку, Ивáныку, собi жiнку?“—„Васъ не булò дóма, я й собi посвáтавъ“. Пойiхалы вшыть на пóле, а вони остáлысь у двоухъ дóма; вона зачала ёгò прохать: „покажи минi хотъ плáтье, а то я забóла, якè вонò и есть“. Винъ показавъ, а вона ужè давнò викнò отсúнула, тай каже: „дай минi въ рúки подержать“; винъ давъ въ рúки подержать; вона взяла те плáтье, стáла голубкой, порхнула и вливила въ викнò. Винъ вийшовъ, стоить и плаче. Идуть съ пóля: „Чогò ты сiнку, плачешь?“ Винъ каже: „якъ минi не плакать,—була въ мéне жiнка, а тецèрь нема“.—„Цыть, сiнку, не плачь: упыять ожéнымъ“.

5. „Жило шість братівъ и вси Кондраты. Пойіхали на Риздво ораты: на первый день оралы, на другый—плугъ поламалы, на третій зробылы, на четвёртый воливъ загубылы, на пьятый нашлы, на шобтый до дому пришли. Забулы зъ дому огню взяты, послалы самого старшого огню добуваты. Пишовъ, не добувъ. Прышовъ, сыдыть дидъ: „Здоровъ, диду“— „Здоровъ, сыну“— „Дай диду огню“.— „Дай ногу загну“.— „Не велила маты ноги загынаты“.— „Умиешь казки, та приказки, та небылицы казаты?— „Ни, не вмию“. Прышовъ до бративъ, а ты пытаюцьця: „чогò не приниешь огню“?— „Тогò, що не дыйишовъ“. Послалы самого меншого огню добуваты. Пишовъ и дойшовъ: „Здоровъ, диду“!— „Здоровъ, сыну“.— „Дай, диду, огню“.— „Дай, ногу загну“.— „Не велила маты ноги загынаты“.— „А вмиешъ казки, приказки, небылицы казаты“?— „Умию“.— „Ну, кажи, якъ що умиешь“.— „Тилько гляды, диду, щобъ не казавъ, брешишь. — Ишовъ я по-надъ лисомъ, стоить чотыре кози на одной нози. Правда, диду“?— „Правда, сыну“.— „Ишовъ я, захотилось меду, дывлюсь стоить дубъ дупнатый, слухаю гудуть пчолы, я пидыбравъ и ни одна не вкусыла“.

6. „Одынъ разъ прышовъ Грыцькò до жидівки у лавку, тай каже: „а ну, лишень, подавай мині товару свого“. Вона подала товаръ, а винъ и каже: „а стике буде ёму цина“? а вона каже: „гривеныкъ за пивъ аришина“, а Грыцькò и каже: „а стике буде стобить за те, що я отутъ вырижу кружалочку мойй дитыни на шапочку?“ Якъ зачиркотала жидівка, тай каже: „цегò ты сюды притаскався изъ своєю дытынною? иды отсюда геть“! Грыцькò и пишовъ тоди до дегтю, тай каже: „а хозяйинъ де? мині треба дегтю“. А хозяйинъ каже: „кушы“, а винъ его пыта: „а стилько буде стобить, якъ и изъ ногами улизу у твий шаплыкъ“?

7. „Колысь якъ ходылы Иисусъ Христòсь и Петро, та идутъ по полю, а тамъ воли паслыся, а Петро и каже: „шо воно оцè такè, Господы? що не чоловікъ, его бачъ ударь, такъ винъ одийде“. А Господь и каже: „я создавъ ихъ, воливъ цихъ“, а виль и притовкнўвся до ноги Петровои, а Петро, якъ ударе по голови воловои. Тутъ бижить пастухъ, тай каже: „на що вы отбылы голову волови“? та кричить и кричить: „пиду, та ще батькови скажу“.

П Ъ С Н И.

1.

„Ой, чи воля, чи неволя,
 Нихтò не зна мого гóря.
 Чи я въ пóли родылася,
 Чи я въ лiси хрестылася,
 Чи я въ мóри купалася,—
 Що я въ гóре попалася?
 Я жь мóре перецльвү
 И все гóре переживү;
 Яка була, така й бóду,
 Повикь гóря не забóду.
 Ишла вдова дольною
 Зь маненькою дытною,
 Стáла вдова спочивати,
 Малé дятя перегортати,
 Стáло дятя промовляти:
 „Ой, гóре, ненько,
 Сь маненькими диточками,
 А якъ побильшають,
 Тай погиршае“.

2.

„Уродывся Травынь
 На свить бийый самь одынь.
 Та й зачавь Травынь
 Думы думать самь одынь:
 И якъ мині, Травыню
 Жить на свити одному?
 Пийшовь же Травынь
 Въ чисте поле самь одынь,
 Изийшовь же Травынь
 На могылу самь одынь,
 Тай заглядивь Травынь
 Табунь коней самь одынь.
 И зачавь Травынь
 Думы думать самь одынь:
 И якъ мині, Травыню
 Занять табунь одному?
 Повернувся Травынь,
 Занявь коней самь одынь,
 Та й погнавь же Травынь,
 Та на ярмарочокъ,
 Табунь коней самь одынь.“

И зачавь Травынь
 Думы думать самь одынь:
 И якъ мині, Травыню
 Продать табунь одному?
 Повернувся Травынь,
 Продавь табунь самь одынь.
 И немнóжечко узявь
 Восимь тысячь серебрòмь.
 И зачавь Травынь
 Думы думать самь одынь:
 И якъ мині Травыню
 Прожить казню одному?
 Та й узявь пятачокъ,
 Тай пийшовь въ кабачокъ“.

3.

„Кóло рiчки, кóло брòду
 Два голуба пылы вóду.
 Вони пылы, воркутылы,
 Встрепенулысь, политылы;
 Крылечками встрепенулы,
 Про любовь вспомьянулы.
 Вы, сестрицы, вы, подружки,
 Вы не дiлайте того,
 Не влюбляйте одного.
 Отъ любви въ зéмлю йдутъ;
 Отъ болизни люды знають.
 А по стéжци, по дорóжци
 Коляска бижала,
 А въ тий колясоньци
 Иванько сыдыть,
 На правой рúченьци
 Марычку держать.
 Отворю я клитку нову,
 Выпустю пташку на волю,
 Два словéчка ий скажү:
 Лети, пташко, во зелéный садъ,
 Що мий мылый поливэвь“.

4.

„Я не всыдю, я не влэжу,
 Я роскидаю одéжу.
 Якъ вийду я на гóру,
 На гóру крутýю,

Чи не йде, чи не йіде,
 Чи не перечую.
 А винъ, мылѣнькій, идѣ,
 Ступає дрибнѣнько,
 Чомъ не парень, чомъ не бравый,
 Дывись, моя нѣнько,
 Нѣнька віры не вняла,
 Не за любого дала;
 Нѣнька мині приказала,
 Щобъ я ёго шанувала.
 А я ёго шаную,
 Якъ собаку рудую,
 До прикорня припынала,
 Зъ лоханочки напувала“.

5.

„Не ходи жъ ты по-надъ моремъ,
 Бо у морѣ упадешъ;
 Не свѣтай же богатую,
 Бо убѣгую возьмешъ.
 Богатая—горбатая,
 Убѣгая — пышна,
 Якъ у саду вишня.
 Вишню маменька садила,
 Мині лицѣ зукрасила,
 А сестриця поливала,
 Мині лицѣ маловала“.

6.

„Ой, мамаша, мамаша!
 Купи мині жиниха,
 Хочъ дорого денегъ дай,
 Чорнявого выбрай.
 Щобъ чорнявий, щобъ хозяинъ,
 Щобъ и водочки не пывъ,
 Цыгарочки не курывъ,
 Табакъ не нюхавъ,
 Чужихъ жонѣкъ не любивъ,
 Дураковъ не слухавъ.
 Чужа-мужняя жена
 Горше травы полыня,
 Якъ заставыла шатацця
 По чужихъ сторонахъ,
 По трахтирахъ, кабакахъ“.

7.

„А зза гѣрки, зза крутой
 Ийшовъ молодець домой,
 У новому сиртуці,
 Балалаечка въ руці.
 Балалаечка бренитъ,
 До дивчѣнки говорить:
 — Ты дивчѣнка, ты чорнявка,
 Ты неправдою живешъ:
 Говорила: любишь буду,
 А теперъ замужь идешъ.
 — Не сама я дівка-вольна,
 Родители въ мене есть.
 Вонъ родитель, вонъ учитель,
 Вонъ насыльно отдають,
 Вонъ на слѣзы не вдаряють,
 Не за милого дають.
 Була улыця любвима,
 А теперъ я пройду мимо,
 Пройду улыцю садами,
 Оболью ии слѣзами.
 Осеннии нѣчки тѣмни
 Все прольвий дощъ идеть;
 А въ милого чѣрни бровы,
 Онъ спокѣю не дають.
 Ййхавъ Ванька изъ Ризанки,
 Пивтораста рубливъ сѣнки,
 Шистьдесятъ рубливъ дуга,
 Парень дѣвушкы слуга“.

8.

„А у полі, въ полі
 Хведѣты не дѣты!
 Привязавъ конька до дѣты,
 А самъ пийшовъ
 По-пидъ тынюю рѣчки
 До тий до Параски, швачки.
 Отчини жъ ты, Паранько, син-
 ци,
 Бо вжежъ менѣ комарыки зби-
 — Нехай тебѣ хоть собаки зби-
 дять,
 Кѣло менѣ три жупаньця си-
 дять.“

Розсуньтесе, жупанци, по
ла́вци,
Нехай сяде Сызонько на лавци,
Нехай сяде, та присунецьця,
Съ Паранькою поцилуецця.

А хлибъ у печі вышикаецця,
А Василь на пичі высмихаецця.

А хлибъ глевкий и Василь
гладкий.

Я хлибъ на стиль,
А Василь за стиль,
Сюдѣ—тудѣ повернѣсь,

До Василя засмиѣсь,
Я й на хутори була,

Конопельки терла;
Не бачила Василя,
Тай трѣшки не вмѣрла“.

9.

„А въ Завѣди рѣдко звѣнять,
Мою мѣлочку хорѣнять.

Ой, я пийду, пообѣдаю,
Мѣлку свою провѣдаю.

И къ намъ, четырёхъ,
Приходѣли вечерѣмъ,

А мы имъ, четыри,
Горѣлки купѣли

И зъ нѣми вѣшыли,
Танцюватъ пийшли.

Танцювалы, пѣсни граы,
А насъ маты ругала.

—Ужъ ты мать, наша мать!
Перестань ты насъ ругать.

А на двѣри сѣльный дощъ,
Большѣи калѣжи.

Якъ росѣрдыласъ
Та й женѣ на мѣжа,

Якъ залѣзла на пичъ,
Плакала не дѣже.

—Не ты менѣ колыхавъ,
Не ты менѣ нянчивъ?

Колыхала менѣ родѣмая маты,
Досталася дуракѣви

Рѣки потыраты.

Потырай, потырай
Колы довелѣся,—

И старѣ, и малѣ
У бѣки вѣзлѣся“.

10.

„Ой, на горѣ нѣвка,
Скраю матерѣнка,

Тамъ дѣвчина жѣто жала,
Самѣ чернобрѣвка.

Тамъ дѣвчина жѣто жне,
Козакъ дорѣгою йдѣ.

—Здрастуй, здрастуй,
Молодѣ дѣвчина!

—Здорѣвъ, козакъ сердце“.

11.

„Ой, чѣй жъ то сѣры волы—
По горѣмъ ходѣлы?

Ой, це жъ тогѣ козаченька,
Щѣ тры дѣвчины любѣлы.

Первая полюбѣла,
Кольцѣ ему подарѣла,

А другѣя полюбѣла,
Любѣвъ егѣ обѣяснѣла,

А трѣтя полюбѣла,
Та й причарувала.

— Ой, тепѣрь же, мой маты,
Не перейду я хаты.

— Ой чогѣ жъ ты, мѣй сынѣ-
чокъ,

Такъ скѣро помыраѣешь?
На когѣ жъ, мѣй сынѣчокъ,

Цѣ багѣцтво вручаѣешь?
—На щѣ жъ минѣ це багѣцтво,

Бѣде зъ мѣне трѣшки.
Дадѣть минѣ сѣжень землѣи,

Щѣ й чѣтыре дѣски“.

12.

„Ой, дѣсь мѣй мѣлыи
Та далѣко орѣ,

А я за нѣмъ не скучѣю.
Якъ приѣде винъ до дѣму,

Я словечками влещаю,
 Винъ же бѣжецьця, клянѣцьця,
 Кивнѣ, моргнѣ, засмиѣцьця,
 На другий бикъ обвертае,
 Однѹ дивчѣнку пытае.
 У ёго губы пышнѣсенъки,
 А бривочки чорнѣсенъки,
 И словечка вирнѣсенъки“.

13.

„Ишла горѣю, ишла нѣзомъ,
 А въ Сохвѣйки домъ зъ кар-
 нѣзомъ,
 И огѣнь горѣть пидъ нѣзомъ.
 Огѣнь горѣть, свича тѣе,
 А собачка у ворѣтъ дѣе;
 Ой, того жъ вона ругѣе,
 Що Сохвѣичка хворѣе.
 —Сохвѣичка, дѹшечка!

Нѣтъ ли въ тебѣ трѣшнычка?
 —Ни трѣшнычка, ни гроша,
 Тѣлько слава хороша.
 Сонѣорочка, алый цвѣтъ,
 Ни копѣйки дѣнегъ нѣтъ“.

14.

„Я въ лѣси бувавъ,
 Берѣзу рубавъ,
 Берѣзу рубавъ,
 Въ метѣлки вязавъ,
 На возѣчокъ клавъ,
 Сижѣнку впрягавъ,
 Въ Москвѹ отправлѣвъ.
 Тай дѣвку видавъ,—
 Сыдѣть надъ викнѣмъ
 Игрѣе цвитѣмъ.
 — Дивчѣнка моя! чи любышь
 менѣ?
 — Люблю я тебѣ, пойду за тебѣ“.

15.

„Якъ пидѹ я на базарѣ,
 Трубочку купуваты,—
 За трубочку копѣечку,
 За чувѣчокъ грѣшыкъ“.

Якъ пидѹ жъ я до Мыкѣтки
 Трубочку курѣты,
 Винъ, сѹкынъ сынъ,
 Изнявъ свѣту,
 Тай хотѣвъ ще бѣты.
 Якъ побѣгъ я утикаты
 Та черѣзъ горѣды,
 Уплѣтався въ гарбѣзъ-дѣню,
 Та й нарѣбѣвъ шкѣды.
 Якъ побѣгъ я утикаты
 Черѣзъ перелѣзы,
 Якъ удѣрѣвъ дѣдько цѣпомъ
 Та чѣтыри рѣзы.
 Якъ побѣгъ я утикаты
 Пидъ дѣдьковы ясла,
 Якъ удѣрѣвъ дѣдько цѣпомъ,
 А я й засмиѣвся“.

16.

„Вѣтеръ вѣе, вѣтеръ вѣе,
 Викѣныци шатаѣюцьця,
 Кого люблю, поцилѣю,
 Ажъ губѣчки злыпѣюцьця.
 Ахъ, ты жъ, Ванька Коротчѣнъ-
 ский,
 Што жъ ты бѣешия, колѣ-
 тишия?“

У ворѣтъ побывѣешия,
 Сирѣтѣю назывѣешия?
 Я й на хвѣбрикахъ бувавъ,
 Рѣзныи сѣтець набывавъ,
 Получавъ дѣнегъ по-мнѣго,
 Сотъ по вѣсѣмъ рублѣвъ въ годъ.
 Рубъ на цѣрковъ,
 Два въ кабакъ,
 А три рублѣ на табакъ.
 Ой да тѣра, тѣра—ѣра,
 Полюбѣла старѣвѣра,
 А ще къ томѹ тарѣ—ра,
 Полюбѣла москалѣ.
 Москалѣ лѣптями торгѣе,
 Ще й парчатки продаѣе,
 Калачѣмы дѣвокъ мѣне,
 Ще й на бѣблѣки дѣе.

Ой, дивчино, дивчино, чия ты?
Чи вийдешь на улыцю гуляты?
Ой, хлопчику, хлопчику, а ты
чий?

Чи вийдешь на улыцю на по-
чинь?"

17.

„Годуду, годуду,
Вродылася на биду,
Горшкѣмъ воду носыла,
Соломою топыла,
Черезъ грѣблю Мыкытыну
Ведуть Гапку пидтыкану,
Крычить Гапа, репетуе,
Нихто ии не ратуе;
Треба Гапи уставаты,
Били ниженьки каляты“.

18.

„Какъ я нѣньче, та надылала
биды,

Пишла по воду, та побыла
казаны.

Казаныки мой мидненькии,
Карамислицы зелененькии.

Посіяла лебеду, лебеду,
Посіяла лебеду на биду.

Лебедушка росте, стелецьця,
Одынъ любе, двое сѣрдяцьця.

Одынъ каже: я косочку отрижу,
Другий каже: я мамани скажу,

Третий каже: за себя замужь
возмю“.

19.

„Какъ бы мині да хорѣшая жена,
Такъ я бѣ ии не бывъ, не жу-
ривъ,

А я бѣ ии во колясочкахъ во-
звѣвъ,

А зимою да во писанныхъ са-
няхъ,

А весною въ каюкѣ на рѣкѣ.
Вдоль по рѣчушки

Сизъ голубъ плыветь,
Выше бережка головушку не-
сетъ.

По бережку сиротыночка идетъ,
Сиротыночка бабочка.

На бабочкѣ кумачная рубашка,
А платочокъ на ней бѣленькій.

Онъ бѣленькій, да съ обдѣлочкой.
Полобывся парень съ дѣвочкой.

—Кабѣ знала, не любила бѣ я
тебе,

Моѣ сѣрце не болило по тоби,
А тепѣрь болыть, побалываетъ,

Менѣ маменька побранываетъ.
Не велыть мині на улыцю хо-
дыть,

Не велыть мені хорѣшого ло-
быть.

Не ходыла на улыцю, не пийду,
Не любила хорѣшого, не люблю“.

20.

„Ишовъ козакъ дорѣгою,
Дорѣгою ширѣкою,
Могилою высѣкою.

Зийшовъ козакъ на могилоньку,
Глянувъ козакъ у долиноньку;

А въ долиноньци
Огни горятъ, турки сыдятъ,

Посередъ турчыны,
Молода дивчино,

Вона сыдыть, косу чѣше,
Чѣше косу грибинкою,

Примочуе горилкою.
Кому жъ ты, коса, досталася?

Ой, досталася горькій пьянѣци;
Горька пьянѣця наругѣецьця“.

21.

„Ишовъ Грицькѣ въ вечернѣци
Темнѣнкою нѣчи;

Сыдыть гуся на дорѣзи,
Вылупыла бѣчи.

А я кажю: гыля, гыля!

А вона присіла,
Якъ бы въ мене не палычка,
Вона бь мене зъйла“.

22.

„Ой, мамаша, мамаша!
Купы мині жыныха,
Хочь дорого денегъ дай,
Красывого выбрай.
Онъ красывый, онъ хоробый:
Роззучецця, прийде бобый.
Щобь шпору не гарчалы,
Щобь пидкювки не бринчалы,
Щобь и маты не знала,
Сь кимъ я сю ничь ночувала.
Ночувала одну ничь,
Тай не знала, якъ ричь.
Ходе, ходе по леду, не про-
валыцця.“

Чи ты мене вѣрно любышь,
Чи ты чванышся?

—Вѣрно люблю, вѣрно люблю,
Побый мене Бюже.

Якъ у саду соловейко,
Тай нащетався;

Соловей щебече,
Зузюля кувала.

Бодай же ты не дождавъ,
Щобь я роззувала.

Наймы хлопчика,
Хоть манисенького,

Щобь винь тебе роззуавъ
Молодисенького.

Якъ будешь мий,
А я буду твоя,

Годі буду роззувати,
Якъ невбленька моя“.

23.

„Али, али сѣры гусы,
Али до броду,
Доведецця мандрувати
Мині самий оть роду.
Али, али, сѣры гусы,
Али до броду,
Доведецця мандрувати
Мині самий оть роду.“

Али до воды,
Доведецця мандрувати
Мині зь слободы“.

24.

„Ходе Иванъ по базарю,
Шукае товару;
Не найшовъ Иванъ товару,
Найшовъ гостру косу.
На що жь, Иванъ,
Гострышь косу,
Бо нема покосу?
Чужу траву Иванъ косе,
А своя сохне, вяне,
Чужихъ Иванъ бабивъ любе,
На свою не гліне.
Текла ричка невеличка
Въ саду—вынограду;
Клыкавъ парень дивчиноньку
Къ соби на пораду.
Порядь, порядь, дивчинонька,
Якъ ридная маты“!

25.

„Намъ Прокюпиви не въ мѣду,
Солонивци ни-по-чомъ,
Мы полюбымъ, мы полюбымъ
Бакаивцивъ молодцювъ.
Бакаивци молодци,
Вони ходять, якъ купци;
Вони ходять шаромъ-баромъ,
Десь ночують пидъ заборомъ;
Вони ходять по ночамъ,
Не вважають богачамъ.“

—Продай, батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

Продай батенька, корову,
Выдай денегъ на дорѣгу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

26.

„Выходывъ пастухъ на лужокъ,
Та й загравъ же во рожокъ“.

Выгоняйте, вы, скотыну,
 На широкую долину,
 Гонять бабы, гонять дивки,
 Гонять стары старыкы.
 Мижь этими, мижь дивками
 Одна дівка весела,
 Веселый усихъ була.
 Въ карагодъ пишла плясать,
 Вона пляше, рукой маше“.

27.

„Де Ростовська, де Московська,
 Петербурьская столбовъ?
 А якъ будешъ, мыйый, йихать,
 Зайижжай ко мнѣ на гробъ.
 На гроби черныи хрестъ,
 А на хресту подишь есть,
 Кто не знае, прочита,
 Чи мамаша померла.
 Померла наша Манура
 Померла наша любовь.
 Уси люди исказали,
 Що погибшая душа
 Изъ любви померла“.

28.

„Ой, у лузи, лузи,
 Лузи зеленомъ,
 Тамъ хODE, гуляе
 Завдалый молочикъ.
 Охъ, и лели, лели
 Завдалый молочикъ.
 Винъ хODE, гуляе,
 Дѣвку выкыкае.
 Выйды, выйды, дѣвко,
 Ко мнѣ за ворота.
 Съ тобой, съ тобой дѣвка,
 Съ тобой поговоримъ.
 Дѣвка выходила
 Речи говорила“.

29.

„Ой, на гори калына,
 Пидъ горюю малына.
 Ой, жаль мое, жаль мое, малына“.

Тамъ дивчонка ходила,
 Калынушку ламала.
 Ой, жаль мое, жаль мое, ламала.
 У пучечки вязала,
 На кроватку складала“.

30.

„Якъ посию овесь, тай до зер-
 на увесь—

До зерна, до зерна, до зерна
 увесь.

Якъ скося я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѣвъ).
 Якъ звяжу я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѣвъ).
 Якъ привезу я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѣвъ).
 Якъ смолотю я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѣвъ)“.

—

„Ой, грай, колы граешъ,
 Колы чорни бровы маешъ,
 Колы такы, якъ у мене,
 То и сядь била мене.“

31.

„А я вчора три дни
 Дома не була,
 Прийшовъ мыйый,
 А я губы надула:
 Тонкий та высokyнький,
 Гинкий, худоцокынький,
 Та безъ верхней губоньки.
 Цилувала его въ зубоньки“.

32.

„Сыдыть голубъ, та голубочка,
 Цилуюцьця, та мылюцьця,
 Самы собі дывуюцьця.
 А въ голуба та сыза голова,
 А въ голубки та построченая.
 А Хвылонько черезъ тынь за—

глядъ,
 Якъ бы минь та Хвеклочка була;
 Ябъ ии цилувавъ, мылувавъ,

А до печи куховарку нанявъ,
А до столу прибыральнычку,
А до хаты вымитальнычку,
До колыски колыхальнычку.
Я бѣ самъ по водѣцю ходѣвъ
И барыню за рѣчку водѣвъ,
За рѣчку за билесеньку,
За Хвѣкычку молодесеньку“.

33.

„За горбю, за крутбю,
Тамъ стоялъ вокзальный домъ,
Обшалёванный кругомъ.
Обшалёванъ, обмалёванъ
И окбшечка хрустальни.
И завѣсочки висѣть,
По три барышни сидѣть.
Одна Саша, друга Маша,
Третья дѣшенька Наташа.
А въ нашей Наташечки
Золотыи глазочки,
Чёрни бровы по природи,
Золотыи глаза въ модѣ“.

Бигъ я чѣрезъ рѣчку,
Та й не умывався,
Ой, дывѣся, дивчинонько,
Якій я удався“.

34.

„Прогуляла бабѣночка
Не то день, не то два,
Не то дня пивтора.
Тѣмна нбченька настала
Женѣночки нѣжно стало.
Сѣредь бѣлого дня
Пишбвъ жбночку иськѣть;
Пишбвъ, жбночку иськѣть,
Шинкарочку пытѣть.
— Шинкарочко, жидбвочко,
Ой, дежъ мой жинѣночка?
— Твоя женѣ въ кабацѣ
У зелѣномъ калпацѣ,
Держить чѣру во рѣцѣ.
Изъ чѣшечки тѣне,
Въ окбшечко глѣне.“

Чи не йдѣть ли нхтб,
Не несѣть ли чогб?
Идѣть, идѣть, мужичѣще,
Тѣне хлуделѣще;
Однб суковѣте,
Друге дрямувѣте,
То жъ на мбѣ тѣло биле,
Та й ще маловѣто.
Зачѣвъ жинбчку прохѣть,
По бокѣмъ ий валять.
Чимъ я тобѣ не жонѣ,
Объ чомъ не хозяйка?
Три дни дбма не будѣ,
Три дни хѣты не мелѣ.
Завелѣ я сбру
Пидъ сѣмыи лѣвки,
Пидъ ясни окбшки.
Москѣль вбду пывъ,
Хѣту лѣнтѣми збывъ“.

35.

„Петрѣвочка—малѣ нѣчка,
Не вѣспаласѣ нѣша дѣвочка,
Не нагулѣласѣ,
Съ козѣченькомъ не настѣласѣ
Къ чѣреди гнѣла, та й задримѣла
На пѣнькѣ нбжки позбывѣла“.

36.

„Ой, ты, сѣвая зузѣля,
Не куй рѣно у дѣбрѣви,
Не збудѣ менѣ молодб;
А я молодѣнька, послушнѣнька.
Я встану ранѣше тѣбе,
Рѣнню рбсу побывѣть,
Капѣсточку поливѣть.
Петрѣвочка мынѣецѣя,
Сѣвая зузѣля ховѣецѣя“.

37.

„Вербѣ, вербѣцѣ,
Порѣ тобѣ розвѣцѣя.
Порѣ тобѣ, Павлѣко, ожынѣцѣя.
Ой минѣ жынѣцѣя ще не порѣ,
Ще жъ мой Лукѣрька молодѣ,
Нехѣй вонѣ хотѣ лѣтечко погулѣ“.

38.

„За річкою Лопотою
Живуть люды слободою,
А ти жъ люды—супостаты,
Беруть Ваню у салдаты,
Нікому Ваню оплакаты.
Де не взялася дівка Марья,
Оплакала Ваню-парня,
Тільки Ваня за лисокъ,
Дівка Марья въ голосокъ“.

39.

„Жила молодà вдова,
Двухъ кунчикивъ любила,
У полони водила,
Двухъ синивъ родила,
Иванушку и Васыля.
У пеленочки звила,
У лавочку ступила,
Китаёчки купила.
И на море носыла,
Кораблыка просыла:
— Ой, ты кораблыкъ-корабелъ,
Заберы мойхъ дитей!
Ой, ты рыба, ты тарань,
Ты дитокъ мойхъ не лай!
Ой, ты рыба, ты сула,
Кормы дитокъ мойхъ сама.
Ой, ты чистая вода,
Промывай дитямъ глаза.
На тридцять седьмому году
Пшла вдова по воду;
Стала воду наберать,
Ставъ кораблыкъ приплывать.
А на томъ кораблѣ
По два молодця сыдять,
Вдови рѣчи говорять:
— Ой, ты вдова, ты вдова!
Чи пойдешъ замужъ за меня?
Стойть козакъ на лану,
Тай дывиця на вдову
Ой, ты вдова, ты вдова!
Дурна въ тебе голова
Оце твоихъ два сына!“

40.

„У городи бузына чомъ не стѣ-
лецьця?
Шолудыва парубота чомъ не
жѣныця?
Ой, да тира, тира, тира!
Соловей щобытавъ,
Зузуля кувала,
Бодай же ты не дождала,
Щобъ я тебе роззувала.
Ой, да тира, тира, тира!
На городи бузына,
Пидь горою редька,—
Трѣхъ копѣишый кавалеръ,
Сторублева дівка.
Ой, тира, тира, ой, да тирара!
На тарильци канхвѣты,
Наши хлѣнци патрѣты,
Ой, тира, тира, ира!
Висыть рушникъ на килѣчку,
Въ его бровы на шнурѣчку.
Ой, тира, тира, тира!
У городи бузына,
Та й не зъ шовкамы,
Шолудыва парубота,
Гербуе дивкамы.
Ой, да тира, тира, тира!
Тѣрла лѣнь, тѣрла лѣнь,
Та й на терныци,
Та й не давъ минѣ Богъ
Жить на мельници.
Ой, да тира, тира, тира!
На тарильци мнатына,
Наши хлѣнци якъ картына.
Ой, тира, тира, тира!
Сѣрый кинь, сѣрый кинь,
Сѣрая кобыла,
Та й не давъ минѣ Богъ,
Когд я любила.
Ой, тира, тира, тира!
У городи бузына,
Чѣрне насѣбня,
Шолудыва парубота
Хѣде на весѣлья.“

Ой, тіра, тіра, тіра!
 Муюю набиліюся
 Съ тебе, мый, насмнюся.
 О, тіра, тіра, тіра!
 У городи бузына червоністая,
 Шолудыва парубота наровы-

стая.
 Ой, тіра, тіра, тіра!
 Бровы сажою намажу,
 Тобі, мый другъ, не вважу!
 Ой, венько, моя ты родытылька!
 —А я донька твоя, разорытелька.
 Ой, тіра, тіра, тіра!
 На тарильци по хати
 Наши хлопци зубати.
 Ой, тіра, тіра, тирара!

41.

„Сонъ мой мый
 Сонъ щастливый,
 Воротися сонъ назадъ,
 Здѣлай, здѣлай
 Дѣвушку щастливой,
 Хоть у жизни одиць разъ,
 Перелѣтны кукучечки
 Часто по-нолю лѣтять,
 Дви несчѣстныя подружки
 Подъ окочечкомъ сидять,
 Со слезами Бога просятъ,
 Про мыленькихъ говорятъ:
 — Десь мой мый другъ далѣко,
 За тысячу двести вереть,
 Ны письма мині не пише,
 Ны покловна мині не шлетъ“.

42.

„Туманъ яромъ—доліною на-
 лягае,
 Та по мыжъ тымы туманами
 Сыз голубчикъ литае.
 Винъ литае, воркутае,
 Та все крылочкамы блуде;
 Такъ тяжко, такъ важко,
 Кого вірно любе,
 Та ще тяжче, та ще важче,

Кого хто покидае.
 Пидъ мостомъ щука рыба грае,
 Та то й не рыба щука,
 Тожъ намъ зъ мылымъ разлука,
 Розлучае насъ съ тобою
 Чужа дальня сторона“.

43.

„Де мий мый орѣ плугомъ,
 Понесу ему йисты,
 Чи не скаже, ди мині сѣсты.
 Найвися, напывся, на борозну
 похылвися,

—Чого лежишь, чого не орешъ?
 Чомъ до мене не говоришь?

—А я лежу, думаю.
 Не до мысли жону маю.
 Чужа жінка волівъ гоняе,
 А своєї дома не мае.
 —Який тобі дідько винень,
 Що вродився чорнобривый;
 А я въ русу родылася,
 Чорнявому судылася.
 А я въ русу приберуся
 На чорнявыхъ не дывлюся,
 А своєю сажу мажу.
 Чорняву переважу“.

44.

„Туманъ яромъ по долини,
 Шырокий лѣсть на калыни,
 А ще ширше на дубочку,
 Зманывъ голубъ та голубочку!
 Не такъ свою, якъ чужую,
 Прыды, сердце, поцилую,
 На що чужу цилуваты,
 Свой жалу завдаваты?
 Текла ричка риковая,
 Вышла дівка молодая.
 Не плачь, дівка, не журися,
 Я й самъ молодець не жинывся;
 А якъ буду жинытыся,
 Прыды, сердце, дывытыся;
 А якъ буду винчатыся,
 Прыды, сердце, прощатыся;

А якъ буду на посади,
 Прийди, сердце, на досади;
 А якъ буду свальбу граты,
 Прийди, сердце, танцоваты“.

45.

„Туманъ по горяхъ,
 Та й ще по долинахъ,
 Сызъ голубчикъ литае.
 Винъ литае, та все воркутае,
 Сызон голубоньки шуктае.

Та й сустрівся сизый голу-
 бонько

Съ буйными витрами:
 — Ой, вы, витры, витры буйни!

Вы скризь побуваы,
 Можеть вы выдалы,
 Або де слыхалы
 Про мою голубку?

— Можеть мы выдалы,
 Можеть мы слыхалы,
 Но не знаемъ якая.

— Моя голубонька,
 Сызза білокрыла,
 Лычкомъ, якъ калына;
 Въ неи руса коса до пояса,
 Въ русий коси лѣнта.

— Мы жъ не выдалы,
 Мы жъ не слыхалы
 Про таку голубку“.

46.

„Не сѣтечкомъ сие
 Видромъ польвае,
 Братъ сестру кохае.
 Сестра, моя рідна!
 Росты ты большая,
 Отдамò тебе замижъ,
 На чужу сторонку,
 У великую семью,
 Та де бьюцьця, деруцьця,
 Топорамы сикучьця“.

47.

„Ой зима моя,
 Зима лютая!

Та не зморозь мене
 Съ походу идучи,
 Коня ведучи, сбрую несучи.
 Ты сброя моя, предорогая,
 Ты дівчина моя, ты молодая“!

48.

„Жыто поспило,
 Та нікому жаты,
 Пытаецця сынъ матери,
 Которую браты?

Ой, чи тую богатую,
 Що маты велила?

Ой, чи тую сыротыну,
 Що сердцемъ болила?

Богатая богатыня
 Все буде спысыцьця,
 А вбогая сыротына
 Усімъ покорыцьця.

За яромъ брала дівка лень
 Вона брала, добырала,
 Ще й до дому поспинала.

Та й подуй вѣтеръ
 Зъ глыбокого яру;
 Прыбудь, прылынь,
 Мий мыленький,
 Зъ далѣкого краю“.

49.

„Мальчишечка, бидняжичка,
 Склонивъ свою голóвушку,
 На правую сторонушку.
 На правую, на лѣвую,
 На грудь мою на бѣлую.

Якъ я лежавъ, увесь дрожавъ,
 На утро вставъ, прощай, ска-
 завъ.

Прощай, прости, красавица,
 Бо твой краса не правицьця
 До инчои жоласцьця.

До инчои, до кращои
 Та й до кращои, до багатчои.
 Якъ я любывъ,

Щастливый бывъ;
 Любыть не ставъ,

Рознещастный ставъ,
 Въ тюрмѣ понавъ.
 Я въ тюрмѣ сыжѣ.
 Въ окно гляжѣ:
 Чи не йдетъ моя любовъ прѣж-
 ная,
 Не несеть она цвѣту алаго?
 — Какъ пойдѣ въ садокъ,
 Да сорвѣ цвѣтокъ,
 Да совью винокъ
 Своемѣ дружкѣ
 На голѣвушкѣ.
 Носи, дружокъ, не скидывай
 Любы миня, не покидывай“.

50.

„Ходывъ чумакъ симъ годъ по
 Дѣну
 Та не случалось емѣ причины
 на вику,
 Та случилась причина
 На прыбитому шляхѣ.
 Похворалысь та сирьи волю,
 А самъ чумакъ благый
 Пидъ вѣзомъ лежить.
 Та нихтѣ въ ёго не спытае,
 Що въ ёго болыть.
 Та болять рѣчки,
 Та болять нѣжки,
 Та болыть въ ёго голова,
 Що рѣду нема.
 Нема рѣду, ни родыны,
 Ни вирной дружыны.
 Товарышу, ридный брате!
 Бери зъ мене сриблѣ, златѣ,
 Тай поховай мене
 У вышнѣвому саду“.

51.

„Якъ прыйхавъ,
 Та мий мыйль съ пѣля,
 Та й привязавъ коня до порога,
 А самъ пийшовъ,
 Чи мила здорова,
 Ой, коню, мий коню,

Кѣню воронѣнький!
 Чогось мой мила заболыла.
 Чи я ий по лыченьку вдарывъ?
 Чи я ий здоровьячко змалывъ?
 Ой, умрѣ жъ я, мий мыйль,
 умрѣ,
 Зробы минѣ ялынову трунѣ.
 Надинь минѣ крамнѣю сорочку,
 Сховай мене у вышнѣвому са-
 дочку.

Будешъ мыйль
 По саду ходыты,
 Малыхъ дитокъ
 За рѣчку водыты.
 И тодѣ будешъ
 Мылюю просыты:
 Устань, мила, устань, дорогая!
 Рослакалась дытына малая.
 Булѣ-бѣ, мыйль,
 Тодѣ не вѣываты,
 А зо мною вику доживаты“.

52.

„Ой, давно, давно
 Я въ нѣньки була;
 Та вжежъ мой стѣжечка
 Терномъ заросла.
 Та терномъ, терномъ,
 Ще й шипчиною,
 Якъ була я въ нѣньки
 Ще й дивчиною.
 Та де я почувала,
 Крейныця стояла,
 А въ тий крейныченьки
 Холодна вода,
 Ажъ до самаго дна“.

53.

„Чи я брела, чи я плыла,
 Чи мене пидлыто,
 Чи самъ козакъ не ставъ хо-
 дыть,
 Чи егѣ одбыто?
 Ой, одбыла щѣка—рыба
 Отъ бѣрега ряску,

Одобрала дивчинонька
 Отъ козакá ласку.
 А я тую дрибну ряску,
 Зберу на запаску,
 Такè жь тóму козаченьку
 Пидойду пидь ласку.
 Та вжежъ ти дивчиноньки
 Не на лыхо пишло,
 Що учóра изъ вéчера
 Три козакá прийшло.
 Одíнь стоить пидь викóнцемъ,
 Дóбрий вéчерь каже,
 Дрúгый сыдыть кинци стóлу,
 Медь выно кружае,
 Трéтий сыдыть съ дивчиною,
 Правдоньки пытае.
 — Ой, дивчино, пóвна рóжа,
 Чи свáтаты гóжа?
 — Козаченьку—барвиноньку,
 Свáтай мене въ недíленьку.
 — Ой, дивчино, пóвна рóжа,
 Въ недíлю не гóже.
 — Бодай же ты, козаченько,
 Тодí оженýвся,
 Якъ у млыни, на камени
 Кукиль уродýвся.
 — Бодай же ты, дивчинонько,
 Тодí замижъ пишла,
 Якъ у пóли край дорóги
 Рута—мьята зийшла.
 Доци пишлы, мьята зийшла,
 Дивка замижъ пишла;
 А у млыни на камени
 Кукиль не вродýвся,
 И той дóси козаченько,
 Та й не оженýвся.

54.

„Ой, гóре, гóре,
 Що чужая украина,
 А ще гирше,
 Що не вирна дружина!
 Ой, вона мене изсушила, скру-
 шила;

Ой, вона жь мене
 Зь бiлыхъ нiжокъ звалыла.
 Ой, якъ пиду я,
 Тай до брóду по вóду:
 Чи не ввыжу,
 Свогò мýлого на врóду?
 Ой, ажъ мий мýлий,
 Та по садóчку хóде,
 Винь чужу мýлу
 Та за рúченьку вóде.
 Ой, чужа мýла,
 Та въ голубомъ жупáни,
 Вона жь ему
 Пидийшла пидь пáру.
 Чужа мýла
 Въ червóнимъ намысти:
 Ой, вона жь ему
 Пидийшла пидь мýсли.

55.

„Ой бóду жь я, бóду
 Недíленьки ждáты,
 Та чи не прýйде моя нéнька,
 Менè одвидáты?
 Недíля мынае,
 А нéньки немае,
 Тоскà, печàль на сёрденьку
 Та нихтò не знае.
 Прýйхала нéнька,
 Стоить у порóзи,
 А дочкà стоить кинци стóлу
 Прольвае слéзы.
 Бóде й тоби нéнько,
 Дрибни слéзы лыты,
 Та порáдь мене,
 Моя нéнько,
 Якъ на свiти жыты?
 Ой, чи жыты, жыты,
 Ой, чи горювáты,
 Та чи, обнявши голóвоньку,
 Тай помандрувáты?
 А хочъ же я помандрую,
 Та й назáдь верну́ся,
 Все на себе молодую

Славы наберуся.
 Не такъ славы, а якъ поговору
 Все жъ на тую дивчиноньку,
 Що чорнии бровы“.

56.

„Ой, на горі дощ льюцьця,
 А жъ бульбашки дмуцьця!
 То за мною, сиротою,
 Все родычи бьюцьця.
 Бийся, бийся, мий родонько,
 Бийся, побывайся.
 Якъ пийду я на Украину,
 Та й не сподивайся.
 Де я не ходыла, де я не бродыла,

Не нашла я тиі неньки,
 Що менє вродыла,
 Не нашла я того щастья,
 Що змалу згубыла.
 Тилько нашла чисте поле,
 Та синеє море.
 Жалуй, жалуй, мий родонько,
 Теперъ мині горе!
 Ой, якъ тебє жалуваты?
 Якъ тебє кохаты?
 Що ты въ щастьи родылася,
 А въ роскоши зросла,
 Ледачему досталася
 Гора набралася“.

57.

„Изъ-за горы, изъ-за кручи
 Вылетѣлы гусы
 То жъ не гусы, то сиры,
 Слуги дорогіи.
 Запрягайте тройку коней,
 Коніи вороніи.
 Та й поїдемъ доганяты
 Літа молододіи.
 Якъ нагналы літа мой,
 На дибровимъ мости.
 Ой, верницьця, літа мой,
 Хоть на часъ у гості.
 Не вернемось, не вернемось,

Булó бъ шануваты.
 Якъ вѣрву я квітку зъ рóжи,
 Тай пустиò на воду
 Плывы, плывы, квітка зъ рóжи
 Та до мого рóду.
 Плыла, плыла зъ рóжи квітка,
 Та й стала кружницьця;
 Вышла мати воды браты,
 Та й стала журыцьця.
 Отчóго жъ ты, зъ рóжи квітка,
 На воді завьяла?
 Отчóго жъ ты, донько мой,
 Така стара стала?
 Ой, тымъ же я стара стала,
 Що добра не выдала.
 Я жъ думала: въ батька горе,
 Въ свєкра погуляю,
 А у свєкра, гирше пєкла,
 Добра не згадаю“.

58.

„Ишовъ козакъ съ Дону,
 Изъ Дону до дому,
 Та й сивъ надъ водою,
 Проклынає долю,
 Доле мой, доле!
 Доле нещастлива,
 Чомъ ты не такая,
 Якъ доля чужая?
 Що люды не рóблять,
 Та й хорóше ходять,
 Якъ я заробляю,
 Та й въ себє не маю.
 Обизвалася доля
 По тимъ бóци моря.
 Козаче, бурлаче!
 Дурный рóзумъ маешъ,
 За що долю лаешъ?
 Не вѣнна доля,
 А вѣнна свой воля,—
 Все що заробляешъ
 Та й все прощываешъ“.

59.

„Вітеръ повивєе,

75.

„Два кулыка чаечку любылы,
Зеленую ленту кунылы;
Оце жъ тоби, чаечка, плата,
Що на тоби голівка чубата,
Оце тоби, чаечко, за тее,
Що на тоби пирьячко рябее“.

76.

„Якъ пийдѹ я въ садъ-выноградъ,
Та й зорвѹ я зъ рѹжи квітку
И пустиѹ на воду.
Плывы, плывы, зъ рѹжи квітка,
Та до мѹго рѹду;
Де пѹвна крыиця.
Вышла маты воды браты,
Та стала журыця:
Чогѹ, чогѹ зъ рѹжи квітка
На водѹ завьяла?
Ты де жъ, мой дытынонька,
Тры годы лежала?
Не лежала, мой маты,
Ны дня, ны годыны,
Та й попалася, мой ненько,
Невѹрний дружыни.
Та винъ мене не бѹе, не лае,
Та винъ мене, мой ненько,
Словамы доймае“.

77.

„Сѹколь зъ вѹрономъ злита-
юця,
Сѹколь вѹрона пытаецця:
Ой, чимъ поле окрашаецця?
Цвитѹчками, васѹлечкамы,
Все цвитѹчкамы билозѹровымы,
Буграмы и долынамы
И высѹкымы мѹгыламы.
Серѹдь поля кустъ ракытовъ,
Подъ тымъ подъ кустѹмъ,
Младъ сѹзой орѹль;
А въ кигтяхъ держить
Чѹрного вѹрона,
Брата рѹдного.
Онъ не бѹеть и не клюѹть,

А все распрашиваетъ:
Де жъ ты бувъ—пробувавъ?
Ой я бувъ—пробувавъ
У дѹкыхъ степяхъ,
У тѹмныхъ лисахъ.
Ой, я бачивъ,—младецъ,
Все дѹкѹвынку:
Пидъ кустѹмъ лежить
Тѹло бѹлое,
И ниhto жъ къ томѹ тѹлу
Не привѹрнецця.
Прылители къ тѹлу,
Та тры ластушки:
Первая ластушка—
Рѹдная матушка,
Другая ластушка—
Сѹстра рѹдная,
Третя ластушка—
Жена молодѹхонька“.

78.

„Ой, ты петухъ, петушокъ,
Ой, ты мѹленькѹй дружѹкъ!
Що ты рано встаѹшь
Мѹлой спать не даѹшь?
Ты тогда мене збуди,
Когда сѹлышко взойдетъ,
Роса на зѹмлю падѹть“.

79.

„Якъ бы минѹ крылушка,
Голубыни глаза,
Полынула бѹ я млада туда,
Де драгуньскѹй славный
Полкъ стоявъ,
Тамъ мой мѹлый убитый ле-
жавъ.
Я жъ егѹ кѹсточки собрала,
Въ сырѹ зѹмлю сховала.
Заростѹ, мѹлой,
Полевой травѹй“.

80.

„Хѹде сова по кѹмнати,
У вокѹшечко гяне,

Чи вси жъ, чи вси жъ, див-
чаточка,
Чи вси нарумѣни?—
Одна, одна та Явдошка,
Одна нарумѣна.
Вона нарумѣна, вона набилѣна,
А за нею той Алѣко,
Винъ за нею хѣде.
Винъ за нею хѣде
Кушнѣнь воды нѣсе,
Брусъ мѣла пидносе.
Ой, умѣйся, та Явдошка,
Будешъ помылѣе,
Будешъ бадѣрнѣе“.

81.

„Ой, мѣла плѣтъя мѣла,
А я любовѣвся,
Ой, мѣла воду брѣла,
А я й засмѣвся“.

82.

„Сѣвѣй кинь, сѣвая кобыла,
Та й не давъ минѣ Богъ
Когѣ я любила.
Тѣрла лѣнь, тѣрла лѣнь,
Та й на терлыци,
Ой, не давъ минѣ Богъ
Жыть на мѣльницы.
Тѣрла лѣнь, тѣрла лѣнь,
Та й не цокотѣла,
Та й не давъ минѣ, Богъ
Когѣ я хотѣла“.

83.

„Ты куда лѣтышь, кукушечка,
Кукѣ, кукѣ, кукушечка!
Я тудѣ лѣчѣ, куда схочѣ,
Кукѣ, кукѣ, кукушечка.
А въ томъ лѣсѣ соловѣй поѣють
Кукѣ, кукѣ, кукушечка“!

84.

„Птѣшки, канарѣйки
Вси жалѣбно поѣють,
И намъ съ тобѣй, мой мѣлой,

Разлѣку предаѣють.
Разлѣка, разлѣка,
Чужѣя сторона!
Нихтѣ насъ не розлѣче,
Ны мѣсяць, ны лунѣ,
Розлѣче насъ одна
Сырѣ землѣ“.

85.

„Колѣ хѣдышь чѣрезъ двѣрь,
Не кыдѣй каблѣчку,
Не свѣтаешъ менѣ,
Свѣтай мою сѣчку.
А я свѣтаты не бѣду,
Та й напѣяло халабѣду;
А зъ запѣски зрѣбымъ двѣри,
Щѣ бѣ ходѣлы ковалѣры,
А зъ пѣяса зрѣбымъ ключѣ,
Любѣ, сѣрце, хочѣ замѣчѣ“.

86.

„Бувѣ собѣ Лѣзарь,
Попѣдъ тѣню лѣзывъ.
Та вылазывъ свѣтку
Сѣру сѣресеньку,
Бѣлу билѣсеньку.
Дивчѣата вкрѣлы,
На кѣклы порвѣлы,
Кѣклы порѣбылы
И Лѣзара вбѣлы“.

87.

„По тѣмъ бѣци Дунѣю,
Недалѣко отъ краѣю,
Чабѣнъ вѣвци карѣѣе,
У дѣдѣчку игрѣе,
На мѣлодцивъ моргѣе.
Ой, вы хлѣпци, молѣдци,
Накажѣте дивѣнѣци,
Нехѣй вона менѣ не жде,
Нехѣй вона зѣмижѣ идѣ,
Дощѣ идѣ, дощѣ идѣ,
Стрихѣтѣ лѣецѣця,
Хѣяина дѣма нѣтъ,
Хѣяйка смѣецѣця“.

—88.

„Черезъ лисъ, черезъ поле,
Черезъ синее море,
Тамъ лежала досточка,
Досточка дубовая,
Переходъ сосновенький.
Шовъ-перешовъ той Иванко,
Винъ перевивъ ту Марьечку,
Лукірю Ивановну.
Винъ перевивъ, ще й пытае,
Ще й дүшкою называе.
— Дүшка мой ты, Марьечка,
Серце мое, Ивановна!
Чи ты вмієшь гостей зваты?
Чи умієшь привитаты?
— Я й не вмію гостей зваты,
Я й не вмію привитаты,
Тільки вмію білою вмывацьця,
Та зъ Иваномъ цилувацьця,
Тільки вмію постіль слаты,
Та зъ Иваномъ спать лягаты“.

89.

„И брычка зелена,
Пара коней, ще й Олена;
И на брычки стояла,
Пару коней продавала.
Изъ корытычка умывалась,
Полотенечкомъ утыралась.
Що субботеньки,
Та й чоботеньки,
Що неділеньки—чирвычки“.

90.

„Умерь, умерь нашъ хозяинъ
Изъ походу идучи,
Остаецья хозяйошка,
Зъ маненькими дитымы.
Поховалы хозяина
Во зеленому саду,
Посіяла черемушку
На его гробу.
Росты, росты, черемушка,
Тонка, высoka,
На листь шырока“.

91.

„Чомъ гармонька не играешь?
Или въ тебѣ тону нѣтъ?
Чомъ дивчонка не выходишь,
Али тебѣ дома нѣтъ?
Али тебѣ дома нѣтъ,
Залитила на той свѣтъ.
Наташичка, худѣ жизнь,
Потихоничку ложись“.

92.

„Жыто, жыто, не пшеница,
Чомъ дивчину не любыть:
Вона чипурыцьця.
Жыто, мате, жыто, мате,
Жыто не полова,
Чомъ дивчину не любыть:
Вона черноброва?
По тимъ боци, по толочи,
Тамъ дивчата, хлонци;
Менѣ мате не пуска,
Що въ чорний сорочци“.

93.

„Дүмушку я дүмавъ,
Та все тяжело,
Знать, время хорощее,
Доброе прошло.
Что жъ ты за солобыюшка,
Пѣсни не поєшь?
Звѣсилъ ты головушку,
Зерна не клюєшь?
Спивавъ бы я пѣсенку,
Та гóлосу нѣтъ,
Клѣвавъ бы я зернышко,
Да волюшки нѣтъ.
Зеленая вѣточка
Менѣ веселыть,
Золотая клѣточка
Помереть велыть.
Скованъ, скованъ
По бѣлыхъ рукахъ,
По бѣлыхъ ногахъ,
Важки железочки
Брязчатъ на ногахъ“.

94.

„Ой, Бóже, Бóже!
 Колы той вѣчирь бóде?
 Колы про мене
 Наговóряцьця люды?
 Ой, Бóже, Бóже!
 Що не рідная мáты,
 Не вычѣрjala, та такъ лягаю
 спáты.“

Не вѣчѣрjala, не бóду й обидать,
 Пусты, мылѣнький,
 До рóду отвидать,
 А у мене рóду
 Та два брáтики зрóду.
 Въ тýхому брóду
 Бóнивъ напувáють,
 Воны про мене розмовлáють:
 Десь у насъ сестрá,
 Та хорóшого рóду,
 Та впáла вонá,
 Якъ рýбонька въ вóду“.

95.

„Ой, тамъ сидíла пáра голубíвъ,
 Цилувáлыся, мылувáлыся,
 Своёму житью дывувáлыся.
 Де не взявся стрилéць—моло-
 дець,
 Гóлуба убíвъ, голубку вловíвъ,
 Прыни́сь до дóму,
 Пусти́въ до дóлу,
 Насы́навъ пшени́ци
 Пóвни свитлýци,
 Налýвъ водýци
 Пóвни скляннýци.
 А голубка гуде,
 Водýци не пье,
 Зерна́ не клое.
 Та чо́гожъ ты гуде́шь?
 Водýци не пьeшь,
 Зерна́ не клоeшь,
 Та все жу́рышся?
 На мойй головí
 Чотýри журбý:“

Пѣрвая журба—гóлуба нема,
 Дрýгая журба—самá молодá,
 Трѣтья журба—дитей капéлля,
 Четвѣрта журба—дítямъ хлíба
 нема.

Ой, леты жъ ты, голубко,
 Ой, тамъ на дубу
 Сыдыть симьсотъ голубíвъ.
 Постой, полытý,
 На ихъ посмотрию.
 Не такѣ крыльчакó,
 Не такѣ пírьячакó,
 Не такый носóчокъ,
 Не такый чубóчокъ,
 Не такый голосóчокъ“.

96.

„Ой, ты табáкъ, табачóкъ
 Весѣлая трáвка!
 Безъ тебá мнѣ, табачóкъ,
 Великая скýка.
 Скóлько разъ я зарика́вся
 По той úлици ходыть,
 По той úлици ходыть
 Однý пóдлюю любыть,
 Я не могъ ee забыть“.

97.

„Сыдыть дѣвка, сыдыть красна
 Кóло ясного викнá,
 Вонá шíла, вышивáла
 Тонкí, бѣлы рукавá,
 Вонá ждáла, дожидáла
 Сибѣ дружкá на покой.
 Не могла́ дружкá дождаться,
 Потуши́ла, спать лягáла.
 Стучíть, грючíть о пивнóчи,
 Дóбрый мóлодець идеть.
 — Ой, де шлáвся, волочíвся,
 Що й до мене опизнíвся?
 — Въ насъ зъ закóбною жонóю
 Въ насъ побрáннице былó“.

98.

„Охъ, ты жъ, воля, моя воля!
 До чо́го жъ ты довела́?“

Довелà воля до гóря,
 До позóру, до стыдà.
 Шахтёръ пьяный повсегдà,
 Шахтёръ пьяный, шахтёръ
 пьеть,
 Шахтёръ на бандеръ садится,
 Съ гóря писеньку поётъ,
 Ажъ у гóру луна идётъ“.

99.

„На пригóрку кабачòкъ,
 Молодёнъкий чумачòкъ!
 Давай, Вáнька, зайдёмъ,
 Наборъ вóдки наберёмъ.
 Наборъ вóдки наберёмъ
 Красныхъ дéвокъ напоёмъ.
 Красны дéвушки напьóтся,
 Поляжyтся усé спать,
 А мы зъ Вáнею гулять.
 Догулялысь до зорé,
 Спать ложылысь на дворé,
 Жилéточки въ головý;
 Жилéточки въ головàхъ,
 Гармóнии во рукахъ.
 А въ гармóнии тонкóй басъ,
 Приходé, мылый, до насъ.
 Ты не свáтайся ночьюé,
 Распросéся ты ричьмé;
 Ты не свáтайся у день,
 Роспытайся ты людéй“.

100.

„Я ишòвъ въ Москвú станéцю,
 Та й зайшòвъ же въ городòкъ,
 Тамъ прекрасная дивчòнка
 Продаётъ слáдкий медòкъ.
 Я спросéль въ неè напытьця,
 Вонà, стérво, не даётъ,
 Я спросéль съ нею пройтытьця,
 Вонà съ радóстью идётъ“.

101.

„Не на что я не вдарéла,
 Какъ на этòтъ большóй домъ,
 Не по комъ я не страждàла,

Какъ по мýломъ по своёмъ.
 Миль у́халь, меня брòсилъ,
 Ще й малютку на рукахъ;
 Однесу сестрú малютку,
 Самà вйду на крыльцò,
 Простужу своё б́лое лицò.—
 Посмотрю я по улйчкфъ,
 Гдф мýлмй другъ идётъ.

— Ты жъ не зви меня дру-
 жб́чкомъ,

Я теперича не твой,
 Ожын́вса на другóй.
 Ожын́вса, перемин́вса,
 Не по собé жену́ взявъ,
 Не пидь мýсли, не по сёрцу
 своему“.

102.

„Ты калынушка, ты малынушка,
 Ты не стой, не стой
 На гори крутой;
 Прóтивъ сòнечка,
 Прóтивъ яснаго,
 Не пускай лйствя по сйнемъ
 мóрю.

Борабель плывётъ,
 Ажъ водà ревётъ,
 А на томъ корабли
 Тры полкà солдàтъ,
 Молодыхъ ребьятъ;
 Охвицёръ, маёръ
 Бóгу мóлыщця
 Рядовóй солдàтъ
 Бóгу мóлыщця,
 Домóй прóсыщця:
 Къ мáминькфъ роднóй,
 Женé молодóй,
 Къ мáлымъ дéточкамъ—
 Соловьёточкамъ!“

103.

„Душà Мáша!
 Не вздыхай такъ тяжелò;
 Ну, конéчно, дружкà жáлко,

Надо его забывать.
 — Ни, тогда дружка забуду,
 Когда смертнымъ сномъ засну.
 Ручки, ножки одоимутся,
 Ротъ завьяне, якъ трава.
 — Наныши, мила, записку
 Своёй правою рукою,
 Прочитай, мила, записку
 Своёй горькою слезой.
 — Я читала, говорила
 Не пойду я въ садъ гулять:
 Въ Александровскомъ садочку
 Шляхъ убытый, столбовой,
 Въ Александровскомъ садочку
 Растётъ бѣленькій лёнокъ“.

104.

„Понапрасну, мальчикъ, ходишь
 Понапрасну ножки бьешь,
 Ничего-жъ ты не получишь,
 Дуракомъ домой пойдешь.
 Нанавѣрно про то знаю,
 Що не любе винъ меня,
 Онъ не любе, злой мальчишка,
 А мнѣ его больно жаль.
 Наступала сinya хмара,
 Якъ ударе сильный дощъ;
 Ты, дѣвица-красавица,
 А я мальчикъ взрѣлыхъ лѣтъ.

Лучше, лучше соловью навѣткѣ,
 Чимъ у кльточки новѣй.
 Лучше, лучше у бѣтька жить
 Чимъ солдаткой молодѣй.
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть черныльнаго пера,
 Ростарайся, канарейка,
 Хотя бумажечки клочокъ,
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть вороного коня.
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть черкѣскаго сидла“.

105.

„Ходыла дѣвушка по базарю,
 Купыла сѣлезня краснаго,
 Та прынысла его до дому;
 Та поставыла до долу,
 Та насыпала шненьци,
 Та поставыла водыци.
 Кўшай, кўшай, сѣлезенько,
 Та чубѣтый, волохѣтый.
 Роспустывъ волѣса,
 Зъ музументу кѣса.
 Чѣрну кѣсу заплита,
 На дѣвущекъ поглядѣ.
 Що жъ то, мате, за гулянье:
 За ворѣта, та й вертанье“?

А. И. Ткаченко.

9.—Сл. Богдановка.

Поселеніе. — Малороссы и великороссы. — Заговоры.

Сл. Богдановка лежитъ отъ Старобѣльска на юго-востокъ на разстояніи 50 вер. Рѣки въ ней нѣтъ, но почти въ каждомъ дворѣ имѣется колодезь, а подлѣ каждой хаты—садикъ. Въ окрестностяхъ ея есть нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, по мѣстному названію „балокъ“. Старики разсказываютъ, что, когда населялась Богдановка, то эти лѣса были настолько велики, что ихъ рубили на постройку хатъ, амбаровъ и т. п. И теперь еще есть амбары, рубленные изъ дубовъ, вывезенныхъ изъ этихъ лѣсовъ. Въ одномъ изъ лѣсовъ были даже медвѣди, отъ чего за одной балкой и теперь осталось названіе „медвѣжьего“ лѣса. Названіе свое Богдановка получила по фамиліи перваго поселившагося малоросса Богдана.

Народонаселеніе Богдановки состоитъ изъ малороссовъ и великороссовъ. Первыми начали селиться малороссы; потомъ уже, когда Богдановка была хуторомъ, хатъ въ тридцать, изъ Московской губ. пришли великороссы. Церковною и поперечною улицею Богдановка раздѣляется на двѣ части; на сѣверъ отъ церкви живутъ малороссы, на югъ—великороссы. Великороссы и малороссы, хотя уже взаимно женятъ и отдаютъ замужъ своихъ дѣтей, все таки не хотятъ вполне сблизиться. Такъ, у нихъ два сельскихъ старосты (малороссъ и великороссъ), общественныя дѣла рѣшаются у нихъ отдѣльно; даже въ церкви они становятся не вмѣстѣ, а какъ расположены ихъ хаты, — на сѣверной сторонѣ церкви становятся малороссы, на южной великороссы.

Въ Богдановкѣ есть земская школа, три мелочныхъ лавочки и двѣ винныхъ. Въ школу дѣтей своихъ они посылаютъ охотно, но, какъ только дѣло коснется траты денегъ на школу, какъ то: на ремонтъ, тошку и т. п., то высказываютъ неудовольствіе. Къ учителю большая часть изъ нихъ относится хорошо.

Мѣстность въ Богдановкѣ здоровая, но жители небрежно относятся къ своему здоровью, часто простуживаются. Лѣчатся они сами, скотъ свой лѣчатъ большею частію у знахарей. Къ врачамъ обращаются рѣдко и то съ недовѣріемъ, при чемъ лѣкарство, данное врачомъ, послѣ одного приема оставляется безъ вниманія, на томъ основаніи, что не помогло отъ одного раза. Въ знахарей же они вѣрятъ; съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ относятся къ нимъ.

Знахари лѣчатъ заговорами.

Отъ „бышыхи“ (рожи): „Первымъ разомъ ййхавъ чоловікъ на пусту ныву, пустымъ конемъ, пусту пшеницю сѣять. Пустый чоловікъ, пуста ныва, пуста пшениця, пустый кінь,—и породило пусте корыння. Тутъ тобі не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣной крѣвы не смоктать (имя больного)“. Это говорятъ три раза и при томъ по больному мѣсту крестообразно давятъ пальцемъ. Потомъ говорятъ: „Инымъ часомъ, четвертымъ разомъ пособи, Матерь Бѣжа. Пойхавъ чоловікъ на бѣлу ныву, бѣлымъ конемъ, бѣлои пшеници сѣяты. Бѣлый чоловікъ, бѣлый кінь, бѣлый вѣзь, бѣла борона, бѣла ныва, бѣла пшениця (имя больного). Тутъ тобі не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣной крѣвы не смоктать! Я тебе высылāju, я тебе вышпую; тутъ тобі не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣной крѣвы не смоктать!“ И дуютъ крестообразно на больное мѣсто.

Остановитъ кровь послѣ ушиба или разрѣза: „Гѣсподи Іисусе Хрыстѣ, Бѣже мий, Пресвятая Дѣво, Маты Бѣжая, благослови мині сию кровь замѣвыть. Ййхавъ гѣсть чѣрезъ калынивъ мистъ поганѣнькою кобылкою, кобыла стала и кровь стала, а не станешъ, то бѣде тобі те, що томѣ чоловікови, шо въ пятницю спива, а въ недѣлю нѣгти зрѣзуе изъ жилъ, изъ сустовивъ (имя больного)“.

Отъ зубной боли. 1) „Місяць у нѣби, рыба у мѣри, вѣвкъ у полі. Коли ци браты зойдѣцьця, тоді у мене зѣбы бѣдутъ болѣть. Ангель мий изъ евангелія съ главы, помѣщъ мой отъ Ангела“. При этомъ больное мѣсто крестообразно давятъ рукою, дуютъ и плюютъ въ сторону.

2) „Михайлъ Архангелъ, поможи мині грѣшній рабѣ свой,

яко избáви мя отъ трѹса, потóпа, отъ напрасныя смѣрты, отъ всякаго зла, отъ врагá льсты́вого, отъ бѹри носѣ́мая, отъ лука́вого избáвы, велькѣ́й Михаѣль Арха́нгель, сидáние Господне, во вѣ́ки вѣ́ковъ, аминь“.

Отъ „*вывиха*“. 1) „На мóри—мóри, на окия́ни сыды́ть дѣвка на ка́мени, шóвкомъ шы́е, вышы́вае, кровь разгоняе“. Три раза безъ передышки прочесть.

2) „Ййхавъ Господь на ослáти, а св. Петро на лошáти, а Юрыкъ (Георгѣй побѣдоносець) на ко́ныку, на пѹзыку. Ко́ныкъ звыхнѹвся, а звышекъ мынѹвся“. Три раза безъ передышки.

Отъ „*сояшныцы*“. 3) (Спазмы въ желудкѣ). На животъ больнаго ставится миска съ водою, туда кладутся веретено, ножъ и ложка, потомъ говорится слѣдующее: „Сояшныцы нуднѣ, сояшныцы тошнѣ, сояшныцы витровѣ и водяни! Тутъ вамъ не стоять, жóвтой ко́сты не ломѣть, червóной крóвы не вѣялыть. Идѣть въ очеретá, въ болотá, де лю́ды не хóдятъ, куды хрыстыя́ньскѣй гласъ не захóде!“ Послѣ этого на ладонь больнаго ставится веретено и ложкою изъ миски льется на него вода; больной долженъ вышить эту воду съ руки. Тоже самое продѣлывается и съ ножемъ.

„*Съ глазъ*“. Надъ больнымъ говорится слѣдующее: „Пѣрвымъ рáзомъ, Господнимъ чáсомъ, не я пособля́ла, Мáтырь Бóжу на по́мощь призы́вала. Ури́ки—ури́чища, подѹмани, погáдани, наговóрени, витрянѣ, водяни, встрѣ́чни, хто (имя больнаго) врѣ́че, той за собою поволóче“.

Отъ „*икоты*“. Берутъ кружку воды, крестятъ ее и говорятъ: Хы́ковка, хы́ковка, пиды́ до воды, когò нѣбу́дь напады́, хотъ волá, хотъ корóву, хотъ дѣвчыну чернобрóву“. Потомъ навкрестъ пьютъ изъ кружки воду.

Если грудной ребенокъ не спитъ, то его несутъ въ тотъ сарай, гдѣ ночуютъ куры и говорятъ: „Добры́ вѣчирь вамъ, куры! Здрóво! Чы вы спытѣ?—Спымò. Чорни, рябѣ, пошѣльна́сти, бѣли, возми́ть у насъ крыклѣ́вци и плаксѣ́вци, а намъ да́йте сонлѣ́вцивъ, дрымлѣ́вцивъ, новорожденóму, хрещѣ́ному, мольтвьянóму (имя ребенка).“

„*Перелогамы*“ крестьяне называютъ боль въ желудкѣ у лошадей, когда лошади не ѣдятъ корму, падаютъ на землю и ка-

чаютъ. Шепчуть: 1) „На мѣри, окияни, на ѳстрови Буяни, тамъ стойтъ дубъ, на тимъ дубѣ дванадцать гиль, на кѣжний гильци по дванадцать гнздь, и прылытыть по дванадцать орливъ; вонѣ ци перелѣги роскѣдають и розгрыбуть, по камышамъ, по болотамъ, по нецѣхлямъ. Тутъ вамъ не стойтъ, жѳвтон кѳсты не ломытъ, червѳнои крѳвы не пыть изъ жыль, изъ еуставивъ, изъ пожыль (название скотины по шерети)“.

2) „Йшовъ пинъ, за пономъ дьяконъ, за дьякономъ дьяволъ; пинъ найшовъ куныцю, дьяконъ рукавыцю, а дьяволъ перелѣги, тай ветромывъ чѳртови въ рѳгы“.

Отъ „*зкушенія зми*“. 1) „Розлылѳсь сѣнее мѳре. На сѣнимъ мѳри стойтъ дубъ; пидъ тымъ дубомъ лыжытъ змиѣ неусыщущая. Загадай ты своимъ панамъ, десѣтныкамъ и звелѣ усѣмъ своимъ ныщымъ, нехай прыйдуть возьмуть зѳбы и стыповымъ, и луговымъ, и кѳцымъ, и сѣмымъ злѳчымъ, нехай прыйдуть, возьмуть зѳбы отъ шереты (название скотины по шерети)“.

А. М. Иннокова.

10.—С. Никольское.

Гл. 1-я.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Что читаетъ народъ.—Жилище и связанныя съ нимъ примѣты и поговорки.—Одежда (бѣлье, верхнее платье и обувь), примѣты и поговорки.—Пища, примѣты и поговорки.—Народная медицина, постоянныя, временныя, весеннія и случайныя болѣзни и ихъ лѣченіе.—Заговоры (молитвы).—Народная ветеринарія.—Поговорки о болѣзняхъ.—Земледѣліе, ичеловодство и др. занятія.—Религіозность, пословицы, народныя молитвы, разсказъ.—Школа и ея исторія, поговорки о грамотѣ.—Нравственное состояніе (положеніе женщины, отношеніе родителей къ дѣтямъ, проституція, преступность прежде и теперь), поговорки.—Беременность, обряды при рожденіи дѣтей и повѣрья.—Вечерицы.—Свадебныя обряды: обрядъ сватовства, обрядъ „пидвисилка“, обрядъ свадьбы; свадебныя расходы; пословицы.—Похоронныя обряды, причитанья и поминки.

—Село расположено по вершинѣ р. Камышной, съ обѣихъ сторонъ ея, и по ярамъ,—съ лѣвой, т. е. восточной стороны,—Лѣсковомъ, Долгомъ и Глиняномъ, а съ правой—по Парневомъ, Нехаевомъ и Липовомъ. На Нехаевомъ яру находится х. Нехаевъ, съ которымъ село въ послѣднее время соединилось своими постройками. Ближайшіе къ селу города: Старобѣльскъ—100 в., Богучарь—70 в. и Павловскъ—120 в.

О происхожденіи вышеупомянутыхъ селеній народъ говоритъ, что х. Нехаевъ старѣе села Никольскаго и что первый его поселенецъ былъ выходецъ изъ Марковки и назывался „Нехай“, отъ котораго и хуторъ получилъ свое названіе. Названіе же села одни изъ жителей объясняютъ какимъ-то „Мыколою“, поселившимся здѣсь раньше другихъ, а другіе—именемъ храма, освященнаго въ честь святителя Николая въ 1782 г. Послѣднее объясненіе гораздо вѣроятнѣе, такъ какъ до построенія церкви селеніе называлось „хуторомъ Великоцкимъ“, по имени первыхъ поселенцевъ Великоцкихъ, съ фамиліей которыхъ и теперь много въ слободѣ. Выселившись отсюда, они же образовали теперешнюю сл. Великоцкую Стрѣльцовой волости.

Вообще, на основаніи мѣстныхъ преданій и нѣкоторыхъ записей, сохранившихся въ церкви, нужно заключить, что заселеніе здѣшняго края началось съ первой половины прошлаго вѣка. Первые поселенцы, состоявшіе изъ казаковъ (въ церковныхъ запискахъ сказано, что первые поселенцы были „черкасы“), бѣглыхъ людей и разныхъ бродягъ, занимались воровствомъ, грабежами и разбоями. Мѣстные старожилы рассказываютъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ было много вольной, первобытной, петропуптой степи, много лѣсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые теперь совершенно исчезли; была рѣка, заросшая камышами и никогда не пересыхавшая и множество озеръ, тоже поросшихъ камышами, осокою и другими водяными растеніями. Теперь все измѣнилось: степи распаханы, лѣса уменьшились, рѣка уничтожилась и самое русло ея занесено землей; озеръ и камышей не осталось, и только кое-гдѣ по бывшему теченію рѣки можно видѣть жалкіе остатки единичныхъ камышей.

Число жителей въ слоб. Никольской по провѣркѣ, сдѣланной 1 іюня 1891 г., равнялось 4,957 д. об. п., въ т. ч. 2,531 муж. и 2,426 жен., дворовъ 624. Въ х. Нехаевѣ было 755 жителей,— 382 м. и 373 ж., дворовъ 70. Всѣ коренные жители по происхожденію и по наружности принадлежатъ къ малороссійскому населенію. Ростъ они имѣютъ средній или даже выше средняго, худощавы, глаза по большей части сѣрые и карые, носъ правильный и умѣренный, волосы свѣтлорусые и темнорусые. Въ наружности замѣтнаго вліянія инородческихъ примѣсей не обнаруживается. Всѣ мѣстные жители какъ слободы, такъ и хутора говорятъ на малорусскомъ **языкѣ**, хотя сравнительно съ другими мѣстами Старобѣльскаго уѣзда, довольно нечисто. Впрочемъ, особенностей мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ можно найти не мало. Часто народъ выговариваетъ слова съ такими звуками, для изображенія которыхъ въ русской азбукѣ не существуетъ и знаковъ. Вотъ, на примѣръ нѣсколько словъ, въ которыхъ „г“ выговаривается какъ латынское „g“, а „дз и дж“ выговаривается особенными собственными народу звуками „дзвинь“—колоколъ, „дзвидь“—очепъ у колодца, которымъ тянуть воду, „дзыга“—дѣтская игрушка „гызда“—наростъ на тѣлѣ, „дзеркало“—зеркало, „гудзыкъ“—пуго-

вица; „гыла“—мѣра палкой при игрѣ въ скракли, „гулуй“—однорогій (воль), „герлыга“—палка пастуха („вивчаря“), „гугля“—наростъ на тѣлѣ, „гаджуеть“—бьетъ, „бджолы“—пчелы, „адже“?—такъ ли? „аджеба“—такъ, такъ, да—да. Много у крестьянъ и своихъ мѣстныхъ словъ и выражений, напримѣръ: „нидбо“—неправда, „гожо“—хорошо, „чухно“, „мяло“—лѣнтяй, неподвижный, „жодный“—каждый, „мерщій“—скорѣй, „катрага“—шатерь, балаганъ, „шутый“—безумный, „шуркаты“—когда роги сходятся вмѣсто одинъ къ другому, „лончатый“—когда одинъ рогъ зашелъ за другой (о волахъ), „контуйтесъ, прозволяйтесъ“—кушайте, ѣшьте, „не вживаю“—не употребляю, „перебаранчаеть“—перебиваетъ, мѣшаетъ, „порадыцця“—посоветоваться, „пробують“—требуютъ, „виковуша“—старая дѣвушка, „байстрючка“—одиночка, женщина безъ мужа, „клымата завжде така“—климатъ всегда такой. Много въ народномъ языкѣ извращенныхъ литературныхъ словъ, напримѣръ: „вермень, верменшка“—армянинъ, „окиндать“—кандидать, „облокать“—адвокатъ, „заментъ“—экзамень, „шпехторъ“—инспекторъ, „левизоръ“—ревизоръ, „фитфебельщикъ“—фельдфебель, „пидвальщикъ“—подвальный, „ныкодемія“—академія, „гивназія“—гимназія, „притенденція“—претензія, „кулушубокъ“—полушубокъ, „застелка, застела“—подстилка, „канпузыты“—канфузить, „вчитель“—учитель и др. Привожу нѣсколько поговорокъ: „хрестъ хрестомъ та ше й зашморгомъ“ (такъ нѣкоторые божатся), „мотаецця якъ воръ по ярмарку“, „набравсь малый, якъ май грушъ“ (говорятъ о пьяномъ или отягоченномъ ношею), „де було литомъ,—не зимою, якъ упалы ящыкы зъ неба зъ водою“, „ны Кулына й голосъ ны йийи“, „такъ зумие и чередныкова Хымка“, „брехня колы не стрине, такъ дожене“, „казало лыхо що не буде добра“, „съ чужого возу хочъ середъ калу“ (грязи), „кому, а тоби змелетця“, „выртытця якъ швайка“.

Въ заключеніе нужно сказать, что старые люди гораздо лучше говорятъ по малороссійски и глаголы неопредѣленнаго наклоненія выговариваютъ на „ты“; молодое же поколѣніе утрачиваетъ чистоту малорусскаго языка и приближается по своему выговору нѣсколько къ языку литературному, всегда оканчивая вышеупомянутую форму глагола на „ть“ и проч.

Народъ читаетъ въ зимнее время разныя книги, какія только можно гдѣ-либо достать. На первомъ планѣ у него книги религіознаго содержанія: Евангеліе, дѣяніе св. апостоловъ, псалтирь, житіе св. Алексія, человека Божія, Николая Чудотворца, Варвары великомученицы и т. д. Затѣмъ крестьяне любятъ читать книги историческаго содержанія, въ которыхъ выражается геройство и твердость русскаго народа, напр.: о Владимірѣ Равноапостольномъ, Ярославѣ, Владимірѣ Мономахѣ, Александрѣ Невскомъ, Дмитріи Донскомъ, Мининѣ и Пожарскомъ, Петрѣ Великомъ, Суворовѣ, Кутузовѣ и мн. др. Съ большою охотою читаютъ они книги сельско-хозяйственнаго содержанія, но къ сожалѣнію таковыя книги рѣдко приходится имъ доставать. Самое же низшее и послѣднее мѣсто въ народѣ занимаютъ книги, въ которыхъ помѣщаются сказки, повѣсти, анекдоты и проч., называя ихъ „брехеньками“. Отрадно смотрѣть, когда зимою, проходя по улицѣ, увидишь какъ за столомъ сидитъ грамотный членъ семьи, по большей части ученикъ, и читаетъ любимую народомъ книгу; остальное же семейство усядется вокругъ него и со вниманіемъ слушаетъ.—Нѣкоторыя книги для своего чтенія народъ получаетъ изъ училища; но такъ какъ при нашихъ училищахъ библіотекъ не существуетъ, то онъ по большей части покупаетъ ихъ на ярмаркахъ и базарахъ и разныхъ книгоношъ и въ большинствѣ случаевъ переплачиваетъ за книгу противъ ея стоимости вдвое и даже втрое. При этомъ замѣчено, что крестьяне по своей неграмотности и неопытности покупаютъ иногда куда негодную или даже вредную для дѣтей книгу,—какую нибудь повѣсть или романъ дешеваго изданія. Въ такихъ книгахъ, которыя мнѣ приходилось просматривать, не имѣется не только чего-нибудь интереснаго для народа, но даже нѣтъ смысла, кромѣ разной любовной галиматии. Газетъ и журналовъ никто изъ народа не читаетъ и на чтеніе ихъ не изъявляетъ охоты.

Жилище крестьянъ состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ деревянной просторной хаты, расположенной своею длиною съ улицы во дворъ и имѣющей два или три окна на улицу, два во дворъ и одно или два на глухую стѣну, въ чужой дворъ. Въ прежнее время, когда здѣсь было много крупнаго лѣса,

хаты всегда строились дубовыя, теперь-же рѣдко строятся изъ дуба, больше изъ вербы, которой здѣсь не мало растетъ въ огородахъ, изъ глины и кое-гдѣ изъ саману. Крыши на всѣхъ хатахъ соломенные. Большинство хатъ по своему устройству раздѣляется на двѣ половины: первую половину, отъ улицы, занимаетъ главная большая комната съ четырьмя или пятью окнами, въ которой помѣщается все семейство, а другую половину занимаютъ: небольшая комната—кухня, съ однимъ или двумя окнами, и съ поломъ (кроватью), чуланъ („хыжка“), въ которомъ помѣщается нѣкоторая одежда, съѣстные продукты и проч. мелочь, и сѣни, нерѣдко загроможденные разнымъ домашнимъ скарбомъ: мѣшками, коробками, лопатами и т. п.

Въ главной комнатѣ „на покутти“ (въ переднемъ углу) и около него по обѣимъ стѣнамъ разставлены иконы, число которыхъ бываетъ различно, отъ 5 до 20 и болѣе; предъ ними виситъ 1 или 2 лампады. Въ другомъ, „причилковомъ“, углу, устроена досчатая „пиль“ (кровать), на которой спятъ; рядомъ съ нимъ въ третьемъ углу стоитъ большая печь, а въ четвертомъ—„мысникъ“, т. е. шкафикъ, прикрученный къ стѣнѣ, и дверь, ведущая въ сѣни. По двумъ стѣнамъ стоятъ лавки (скамейки) для сидѣнія, сходящіяся вмѣстѣ на покути, гдѣ передъ ними стоитъ единственный въ комнатѣ столъ. Изрѣдка попадаются на стѣнахъ дешевыя картины, но чаще тамъ ничего нѣтъ, кромѣ одной или двухъ „полицъ“ (полокъ) для складыванія хлѣба и проч. Въ большіе праздники около иконъ вѣшаютъ „рушныкы“.

Передній уголъ въ хатѣ имѣетъ религіозное и почетное значеніе: въ немъ стоятъ иконы, виситъ лампадка, хранятся просфоры, артось, книги и проч.; здѣсь ставятъ пасху и кутью, сажаютъ дорогого и почетнаго гостя, а во время свадьбы, „свитылку и стороживъ“ (мальчиковъ съ палками, обмотанными соломой и репьями)—отсюда, вѣроятно, и поговорка произошла: „на покути—колы не кутя, такъ дуракъ безъ путы“.

Дворы у крестьянъ болѣе или менѣе окружены со всѣхъ сторонъ разными хозяйственными постройками: амбарами и хлѣвами для ссылки хлѣба, хлѣвами для храненія дровъ, навоза, земледѣльческихъ орудій и т. п., конюшнями, птичниками, ко-

морями и повѣтками для рогатаго скота. У большинства хозяевъ амбары для хлѣба („комори“) и токи устраиваются вдали отъ дворовыхъ построекъ—на выгонѣ, если можно, или на противоположномъ концѣ усадьбы, если обѣ стороны улицы застроены хатами. Старыхъ неперестроенныхъ хатъ нигдѣ не сохранилось, но говорятъ, что онѣ имѣли одну комнату, съ однимъ окномъ на улицу и однимъ или двумя во дворъ, а въ большихъ семействахъ—двѣ подобныхъ комнаты, раздѣленныхъ сѣнями, которыя имѣли двое сквозныхъ дверей, одну во дворъ, а другую на глухую стѣну. Потолки въ такихъ хатахъ дѣлались изъ досокъ и мылись. Труба въ старыхъ хатахъ дѣлалась изъ дерева (хвороста) и обмазывалась глиной, а закрывалась (затыкалась) изъ сѣней пучкомъ тряпокъ („заткаломъ“). Въ настоящее время такія трубы почти перевелись и замѣнились кирпичными, правильно устроенными. Хаты теперь начинаютъ строить на подобіе городскихъ домиковъ: длиною по направленію улицы, куда выходитъ отъ трехъ до пяти оконъ, устраивается корридорчикъ со стекломъ или крыльцо съ красивыми колонками и со „сходцами“ (лѣстницей). Крыша бываетъ красиво подмалевана, ставни и окна растворчатые. На подмалевкѣ, ставняхъ и оконныхъ заличкахъ часто дѣлается красивая рѣзьба, которая иногда бываетъ и на дверяхъ. Во многихъ хатахъ подъ лавками (скамейками) и на стѣнкахъ, гдѣ полъ (кровать), высотой въ одинъ аршинъ бываетъ помазано желтою глиною, сверхъ которой проводятъ верхковую полоску (шнурокъ) красною глиной. На верхнемъ карнизѣ камина проводятъ красную полоску, подъ ней желтую, все же поле камина (въ нѣкоторыхъ хатахъ и всѣ стѣны) раскрашивается разноцвѣтными пятнами и зубчиками, для чего употребляютъ, кромѣ глины, синьку, сурикъ и фуксинъ. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ бываютъ полы въ хатахъ деревянные, а стѣны, сволоки и два или три сволочка около иконъ хорошо выглажены, вычищены и вымыты водой. Надписей на сволокахъ не бываетъ.

Съ печью въ народѣ связано множество повѣрій, примѣтъ и поговорокъ. Во время кладки печи стараются задобрить и угостить печниковъ. Иначе они могутъ такъ сложить печь, что

она никуда не будетъ годиться, или вмажутъ въ нее живого серебра (ртути), отчего во время топки будетъ сильно гудѣть.

Въ первый разъ топятъ въ новой печкѣ житною соломою, положивъ туда нѣсколько прутиковъ свяченой вербы. Въ печи во всякое время находится одно или нѣсколько полѣнъ дровъ и вода: „огонь пыть хоче“. Если въ печкѣ сбѣжить молоко, то это мѣсто посыпаютъ солью, „шобъ дѣйки у коровы не ренались“, (не трескались). Когда дѣвочка учится прясть, то первую свою работу она должна бросить въ печь, чтобы быть хорошею пряхою. Если человѣкъ или скотъ заблудится, или долго не возвращается домой, кричатъ въ трубу или коминь, чтобы скорѣе возвратился.—Беременной женщиной не слѣдуетъ мазать печи: ребенокъ будетъ удушливый. Подъ припечкомъ, говорятъ, прячутъ клады. Если во время топки печи выско-чить искра,—будетъ гость. „Жиноцька ричь коло прыщичка“. „Старій баби и на печи ухабы“. „На мини тилко пичь та ступа не була“. „Дивчиною — повна вулиця, а жинкою — повна пичь“. „Чоловика 20 годивъ гриеть кровь, 20—кожухъ, а дальше вже, якъ не пичь, такъ ништо не нагире“. „Якъ Богъ не годить, такъ и огонь не горить“. „Чужыми руками тилко жаръ загрибать“. „Силь тоби въ зубы та пычына, та болячка мизь очыма“ (говорятъ тому, кто завидуетъ).

На порогѣ грѣхъ садиться и становиться, а въ особенности „распынацьця“ (стать на порогъ и руками взяться за притолки). Черезъ порогъ не слѣдуетъ ничего подавать и соръ („смиття“) мести изъ хаты, а беременной женщиной лить воду: дитя будетъ страдать рвотами. Торговцы прибываютъ на порогѣ найденную подкову, чтобы больше привлечь покупателей. Въ окно не плюютъ, не выпускаютъ и не впускаютъ кошки, и не подаютъ милостыни. Вечеромъ и ночью не слѣдуетъ растворять оконъ, „ато ввійде нечысть“. По заходѣ солнца не слѣдуетъ смотрѣть въ окно: „диты не будуть спать“. Въ праздники и въ особенности въ поминальные дни, вынувши изъ печи хлѣбъ, разламываютъ одну паляницу на куски и кладутъ ихъ на окна и столъ, чтобы души умершихъ питались тѣмъ паромъ, который идетъ изъ горячаго хлѣба. Говорятъ, что одна женщина, засыпанная глиной, была въ глиницѣ цѣлый годъ,

платѣ иглу вверхъ жаломъ. Замужняя женщина не должна ходить безъ платка, въ особенности въ сѣни: „домовой за волоса потягне на горище“. Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу, которую можно предотвратить, завязавъ узелокъ въ платкѣ. „Шапку не годицьця класты на стиль и вертиты въ рукахъ: голова болитыме“, „дивчатамъ не годицьця шапку надиваты,—коса не ростыме, а хлопцямъ очипка и намыста: кобыла голову откусе“, „новый чобитъ не годицьця въ первый разъ надиваты безъ онучи и вустилкы: холодный буде“, „праву ногу треба впередъ вбуваты, шобъ чоботы не кривылысь“.— „Къ Риздву хочъ сырову, та абы нову (сорочку), а къ Великодню хочъ стареньку, та абы биленьку. Своя сорочка блыжче къ тилу. Сыроти тоди й недилля, якъ сорочка била. Якъ кожухъ та свыта, такъ и душа сыта. Купуй хату крыту, а шубу шыту. По Савци свыта ешыта. По Савци свытка, а по Кулыни колпакъ. Капотъ наробывъ хлопотъ. Казавъ панъ, дамъ жупанъ, ёго й слово тепле. На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Надивай штаны шаровары, шобъ дивчата шанувалы. Кто праздника пыта, той штаны лата. Холодно одившысь у одно, а въ двое та въ худое, такъ усе равно. Тонко прясты,—довго ждаты“.

Пища мѣстныхъ крестьянъ, вообще говоря, самая простая и довольно незавидная по своему качеству. Впрочемъ, богатые и достаточные люди никогда не голодаютъ, имѣя возможность по своему состоянію разнообразить пищу; зато бѣдные голодаютъ и въ праздники, и въ будни, и въ скоромные, и въ постные дни. Они только тогда наѣдятся, когда работаютъ у богатаго, нескупого хозяина. Пищу крестьянъ составляютъ слѣдующія кушанья: борщъ, квасокъ, каша, „кулишь“, „юмка“ (супъ), „галушки рванци и галушки крышени“ (лапша), „затирка“, „кваша“, „путря“, „кутя“, „озваръ“, „лемишка“ и „вареныкы“; варятъ также горохъ, фасоль и чечевицу, кушая ихъ въ видѣ похлебки и въ пирогахъ; ѣдятъ вареный и печеный картофель и употребляютъ его въ пироги и вареники. Мною по возможности перечислены всѣ кушанья, какія готовятся крестьянами въ продолженіи года. Квасокъ, состоящій изъ кваса и мяса съ приправами, готовится рѣдко,—въ большіе праздники и на заго-

вѣны; узварь, кутья, путря, кваша и лемишка употребляются въ пищу по большей части въ посты; галушки, „затирка“, кулишъ и супъ готовятся на завтракъ или на ужинъ, когда отъ обѣда мало остается кушанья. Борщъ же, каша и картофель служатъ ежедневной пищей крестьянина. Въ праздничные скоромные дни у богатыхъ бываетъ борщъ съ мясомъ, каша съ масломъ или молочная („молошни галушки“) и какое нибудь третье изъ вышеупомянутыхъ кушаній, въ будничные—борщъ и каша съ саломъ, а въ степи—одна каша (иногда варятъ и двѣ кашки,— „круту и ридку“). Въ постные же дни готовятъ тѣ же самыя кушанья съ масломъ или безъ масла („оли“), прибавляя къ нимъ селедку, капусту, огурцы, арбузы и проч., а въ степи, если нѣтъ каши, ѣдятъ сухари съ водой и солью. У достаточныхъ крестьянъ хлѣбъ бываетъ или чисто пшеничный, или пшеничный съ примѣсью ячменя и жита, а у бѣдныхъ—житный или ячменный; борщъ же и каша у нихъ почти всегда готовится безъ сала и масла, а мясо они ѣдятъ весьма рѣдко, только въ большіе праздники. Пища крестьянская съ каждымъ годомъ ухудшается, что происходитъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій, происходящихъ отъ неурожаевъ и недородовъ хлѣба, а часто и огородныхъ овощей, и отъ уменьшенія скота и птицы. Никакого посторонняго вліянія относительно пищи не замѣчается.

Лавокъ въ слободѣ имѣется четыре: двѣ большихъ съ мануфактурнымъ товаромъ и всякою мелочью, употребляемою крестьянами, и двѣ малыхъ съ бакалейными и мелочными товарами. Торгуютъ довольно порядочно, въ особенности мануфактурнымъ товаромъ, который сбывается не только мѣстнымъ жителямъ, но и пріѣзжимъ изъ другихъ окрестныхъ селеній. Всякіе товары, потребные въ крестьянскомъ быту, имѣются въ мѣстныхъ лавкахъ; но къ сожалѣнію продаются въ большинствѣ случаевъ по весьма дорогимъ цѣнамъ, отбирающимъ у крестьянина послѣдніе остатки.

Почти все дома освѣщаются керосиномъ, который наливается въ небольшія лампы со стекломъ („пузыремъ“); но нѣкоторые бѣдняки, не имѣющіе на керосинъ денегъ, освѣщаютъ свои хаты овечьимъ, говяжьимъ и свинымъ саломъ, наливаемымъ въ „ка-

ганци“ (плошки). Керосиновое освѣщеніе стало появляться здѣсь около 20 лѣтъ тому назадъ, а прежде всѣ „свитылы каганцямы“, употребляя, кромѣ вышеупомянутыхъ матеріаловъ, ежеевое сало, для чего нѣкоторые хозяева ходили по лѣсамъ и ловили множество ёжей.

Повѣрья, примѣты, пословицы и поговорки. Нѣкоторые крестьяне вѣрятъ, что теперь дни стали короче, чѣмъ были встарину, въ доказательство чего они говорятъ: „Встарину люди снідали, подобидувалы, обідалы, полуднувалы, пидвечиркувалы и вечерялы, та все кашу круту и ридку съ саломъ або олією, а теперь тилко тры раза за день йидять: снідають, обідають и вечеряють,—та й то одну ридку кашу безъ сала и оліи; або сухари зъ водою и силлю“.—„Въ понедилокъ и въ четвергъ не годытьця уваривать сиривцю (квасу), а то туда влизе яка-нёбудь гадына: жаба, мыша, тараканъ“. Одна женщина рассказывала: „Уварыла я въ четверъ сиривецъ и поставыла ёго въ сїняхъ, а сама лягла спать. Слухаю,—ажъ ноччу прыйшовъ четверъ, улизъ у сиривецъ и давай булькотить; и такъ пробулькотивъ цилиснѣнку ничъ. Вранци встала я, подывылась на сиривецъ,—колы винъ увесъ осугою покрывся; такъ я взяла та й вылыла ёго геть“. [Разбрасывать хлѣбъ и въ особенности топтать ногами—великій грѣхъ. „Кваша у того удаецця, у кого пьяты довги“. Когда насыпать соль,—нужно смѣяться, чтобы не было ссоры. „За хлѣбъ, та за сіль, та за шынышни мукыци булы поминныци“, такъ говорятъ о той хозяйкѣ, у которой работаютъ чужія. „Хлѣбъ та сіль!—йймо та свій, а ты у порога постій“. „Не про те тоби говорятъ, шо помного йидять, а про те—де мыкрушки (куски) дивають“. Йдешъ на день, а харчей (пици) беры на недилю. Кваша—маты наша. На чужый коровай очей не порывай, а соби дбай (пріобрѣтай). Хлѣбъ та вода—молодецька йида. Лучше у писокъ умычь кусокъ, та въ тыхомыретви ззйиты. Не плачь—мате спече калачъ. Сербай, Мартыне, маты ще пидкине. Пирогы—обиду ворогы. Поганому жывоту и пирогы въ досади. Тымъ козакъ и гладокъ, шо найивсь-нашывсь та й на-бокъ. Кто не заляже (послѣ пици), тому Богъ сала не завьяже. Товкны у губу, та й кыдатымышъ якъ у грубу. Шо за быда, шо пьецця

вода,—я зѣйивъ пивбыды, та ѳ напывся воды. Чай пыть—не дрова рубыть. Налупывся (наѳлся),—ажъ свить помутывся. Оглядѣлась якъ найилась. Умна жона, якъ бочка пшона, а щель була умниша, якъ бы—повниша.

Всѣ болѣзни, свойственныя слободѣ Никольской, можно подраздѣлить на четыре группы: 1) Болѣзни постоянныя, т. е. такія, которыя всегда бывають въ слободѣ, къ нимъ принадлежатъ: ревматизмы, катаральное состояніе желудка и сифились; 2) болѣзни временныя, къ которымъ принадлежатъ: тифъ, дифтеритъ, скарлатина, корь, оспа и глазныя болѣзни; 3) весеннія болѣзни, между которыми чаще другихъ свирѣцствуютъ лихорадки, заушница (свинка, паратитъ), жаба, цынга и куриная слѣпота и 4) случайныя болѣзни, бывающія у дѣтей и взрослыхъ; ихъ весьма много и называются онѣ различно, чаще народными именами, какъ напримѣръ: „переполохъ“, „нишныци“, „сплишныкъ“, „сухоты“ и др.

Болѣзни постоянныя. Ревматизмы, называемые вообще „ломотою“, лѣчатъ ваннами и настоями, приготовленными изъ разныхъ травъ, которыхъ рвутъ на Симона Зилота, и мазями изъ оподельдока.

Отъ болей желудка, называемыхъ „сояшныцями“ и „завѣйною“, существуетъ у народа множество средствъ, главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Насыпають соли въ пухъ и на колѣно, съ котораго стараются слизать ее языкомъ; 2) берутъ сухой коровій навозъ, растирають его, разводятъ водой и эту жидкость проливають въ ту „дирку вѣйя, куды закладаетца прытыка“, и даютъ пить больному; 3) заваривають „сояшныци“: зажигаютъ „клочча“ и кладутъ его въ „гличыкъ“, который перевертываютъ вверхъ дномъ въ чашку съ водою, отчего происходитъ „клькотанье“, въ продолженіи котораго лѣкарка ножемъ и веретенемъ или ложкою проводятъ на днѣ кувшина крестообразныя знаки. Этою водою мочатъ и напайвають больного. Кромѣ того, наговаривають воду, шепчуть отъ сибирки, „скыдають“ (ставятъ) на живить гличыкы“ (народныя банки), даютъ пить больному сильно пересоленный медъ. Если же у дитяти (мальчика) рѣжетъ въ желудкѣ, то собирають около мельницы клинчики и тридевять соломинокъ, кладутъ ихъ въ ванну, въ которой и купаютъ ребенка.

Сифилисъ („нечыста бѣлиеть, нечысть“) лѣчатъ слѣд. образомъ: 1) „Сажаютъ на зилля“, т.е. дѣлаютъ „гнздо“, изъ разныхъ травъ, настоянныхъ на водкѣ, которое и даютъ пить больному; 2) покупаютъ декохтъ, селитру, „яръ“ (мѣд. окисъ), синій камень и сулему,—все это кипятятъ и пьютъ, а также парятся травами 12 дней, въ продолженіи которыхъ дѣютъ одинъ прѣсный, не-соленый коржъ.

Временныя болѣзни. Тифъ лѣчатъ пареньемъ, ваннами и шептаньемъ отъ сибирки.

Горловыя болѣзни, къ которымъ принадлежитъ жаба, „заушница“ и дифтеритъ, называемый народомъ „давіемъ и дигтяріемъ“, лѣчатся безъ различія рода болѣзни, одними и тѣми же средствами: 1) даютъ „глотку“ большимъ и безымяннымъ пальцами правой руки тѣмъ изъ людей, кто задавилъ этими пальцами „зильске щеня“ (крота); 2) даютъ глотку утромъ и вечеромъ три раза о край стола, о припечокъ и объ „воритныцю“, а также въ продолженіи трехъ зорь поднимаютъ теменемъ „ключину“ въ хлѣбѣ; 3) мажутъ глотку снаружи и внутри керосиномъ и раздавливаютъ въ ней пузыри (налеты при дифтеритѣ).

Скарлатины, кори, оспы и „гвиздкивъ“ (болѣзнь, при которой все тѣло покрывается острыми прыщиками) ничѣмъ не лѣчатъ, но стараются не застудить больного.

При глазныхъ болѣзняхъ умываются въ скотскомъ корытѣ, мочатъ глаза водкой и каплями воды, вытянутой на зарѣ изъ колодезя ключомъ безъ ведра, а также мажутъ глаза взбитымъ яичнымъ бѣлкомъ, смѣшаннымъ съ галуномъ (квасцами).

Весеннія болѣзни. Отъ куриной слѣпоты („куряча слѣпота“) дѣютъ печенку со всякаго животнаго, а въ особенности съ черной курицы, и парятся надъ ея горячимъ паромъ; смотрятъ въ „мазныцю“ и на солнце, когда оно восходитъ, стараясь не мигать глазами.

Отъ цынги лѣтомъ рвутъ траву „бабки“, засушиваютъ ее, завариваютъ, когда нужно, и пьютъ какъ чай и полощутъ во рту.

Отъ лихорадки („лыхоманка, поганка и пропасныця“) есть много способовъ лѣченія, а именно: 1) надѣваютъ на мизинецъ правой руки кожицу съ того яйца, изъ котораго вывелся цыпленокъ; 2) когда весною въ первый разъ услышатъ крикъ ку-

кушки, берутъ изъ подъ правой ноги немного земли, кладутъ за „пазуху“; потомъ завязываютъ ее въ платочекъ и привѣшиваютъ на шею больному, къ крестику; 3) отсчитываютъ 77 зеренъ пшена по числу существующихъ лихорадокъ, идутъ къ какой-нибудь водотокъ (ручейку) и бросаютъ ихъ туда черезъ голову, говоря: „Вась симдесять-симъ, нате вамъ по пшаньни всимъ“; 4) „зnezнимкы“ (неожиданно) обливаютъ больного холодною водою, „шобъ винъ злякався“; 5) обмываютъ „гнить“ и эту воду даютъ пить натошакъ и передъ пищей (отъ „гнитухи“); 6) носятъ на шеѣ шкурку съ гадуки; 7) пугаютъ живою жабою; 8) велятъ во время параксизма ходить до изнеможенія; 9) даютъ пить настой изъ полыни, спичекъ, горчицы съ водкой, ржаваго желѣза съ старой подошвой и кусковъ дегтя, упавшихъ съ колесъ на дорогѣ; 10) подкуриваются собачьимъ каломъ; 11) пьютъ стружки изъ церковнаго колокола; 12) наговариваютъ воду для питья и смачиванія и шепчутъ народныя „молитвы“.

Случайныя болѣзни. При „переполохѣ“ (испугѣ): 1) надѣваютъ сорочку назадъ пазухою; 2) измѣряютъ высоту больного заполочью (ниткою), которою отмѣряютъ такую же высоту на дверной притолкѣ, гдѣ просверливаютъ дырку, куда затыкаютъ упомянутую заполочь, сръзанные на рукахъ и ногахъ ногти и волосы съ головы больного, на крестъ сръзанные,—все это забиваютъ „осыковымъ килкомъ“. Когда больное дитя переростетъ этотъ колышекъ, тогда пройдетъ испугъ. 3) Берутъ свяченой и непечатой воды, херувимскаго ладону, по тридевять зеренъ чернушки и пшеницы „соборной“ (той, которая употребляется при соборованіи),—все это смѣшиваютъ и ставятъ на девять дней, послѣ чего эту смѣсь пьютъ и смачиваются ею. 4) Если испугъ произошелъ отъ собаки, то одни вѣрятъ, что онъ самъ собою пройдетъ—„собака выбрыше“, а другіе лѣчатъ шептаніемъ:

„Бигла сучка черезъ мистъ, Несла чотыри ноги, пятый хвистъ,	Шѣста голова. Нехай тоби Богъ помога!“
---	---

Отъ „нишныць“ (бессонницы): 1) Носятъ или водятъ „пидь куры“, т. е. туда, гдѣ онѣ ночуютъ; причемъ не только маленькихъ водятъ, но и взрослыхъ и пожилыхъ. При этомъ трижды

говорятъ слѣдующія слова: „курѣци, курѣци! нате вамъ нишныци, а рабу (имя) дайте сонныци“, потомъ, выводятъ изъ хлѣва и, увидя гдѣ-нибудь огонь или дымъ, говорятъ трижды: „огныци, огныци! (или дымныци, дымныци!) нате вамъ нишныци“ и т. д. Затѣмъ входятъ опять въ хлѣвъ и еще трижды говорятъ, обращаясь къ курамъ, какъ и въ первый разъ. Если это средство не поможетъ, тогда берутъ старую „мазныцю“, вбрасываютъ въ нее что-нибудь зажженное, заставляютъ смотрѣть туда страдающаго бессонницей и говорятъ трижды: „мазныце, мазныце! возьми соби у раба (имя) нишныци, а ёму дай сонныци“.

2) Мать ребенка или кто другой обходитъ три раза вокругъ хаты и каждый разъ говоритъ въ „предпичне вѣкно“: „Помогай-би!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ кто-нибудь изъ хаты.—„Чы дома ваши нишныци?“—„Пишлы на вечерныци“.—„Нехай же малѣньки диты сплять!“

Отъ „сплишныка“ (болѣзнь при которой корчится дитя, деретъ назадъ голову и лежитъ больше на головѣ и ногахъ): 1) вынимаютъ изъ печи паялицу, раньше другихъ туда посаженную, сыроватой, поднимаютъ верхнюю корочку, берутъ оттуда горячее тѣсто, скатываютъ изъ него „трычи по девять“ комочковъ и катаютъ ими по спинѣ больного дитяти; 2) готовить въ ночвахъ купель для ребенка, разстилаютъ чистенькую пеленку, просѣваютъ на нее „попилу“ (зола) чрезъ сито, которое держатъ руками съ вывороченными въ стороны ладонями, заворачиваютъ эту золу въ пеленку, на которой и купаютъ больное дитя.

При „сухотахъ“ (сухость, чахлость ребенка: 1) какъ только увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, обливаютъ больного ребенка водой на томъ же мѣстѣ и бросаютъ его рубашечку тутъ же; 2) идутъ въ лѣсъ, разщепляютъ деревцо, протягиваютъ больного туда и обратно три раза такъ, чтобы въ послѣдній разъ, протянувъ ребенка, оставить его сорочку въ деревѣ, въ которое вкладываютъ шалочку и поясокъ дитяти, сами же уходятъ оттуда, не оглядываясь и не здороваясь ни съ кѣмъ.

3) На мѣстѣ, гдѣ лежитъ „дрѣветня“ (колодка, на которой рубятъ дрова), копаютъ ямку, въ которую кладутъ больного, поливаютъ его тепленькимъ кулишомъ, снимаютъ съ него платье, оставляютъ его тутъ, засыпаютъ землей и сверху опять кладутъ

дрыветню“. 4) „До схиць сонця“ баба кладеть или сажаеть больное дитя въ печь, а на припечкѣ разводить огонекъ; затѣмъ мать больного или приглашенная вдовушка говорить съ бабой въ трубу: „Помогай-би тобі!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ баба.—„Шо ты робышь?“—„Дытыну гнытю“.—„А хто въ свити выдавъ, шобъ дытыну гнытылы?“—„А хто въ свити выдавъ, шобъ дытыну сухоты нападалы?“ Такъ онѣ говорятъ три раза, послѣ чего вынимають изъ печи больного ребенка.

При „плиснивки“ (болѣзнь языка): 1) натоцакъ крестообразно лижетъ языкомъ „коминь“ и волосами труть языкъ, 2) дуютъ больному въ ротъ и шепчуть: „Вацю, свыни, до корыта, жабы до болота, а плиснивка зъ рота“, или: „дымъ угору, череда додому, а плиснивка додолу“. „Плиснивка буваеть отъ того, шо грыбишокъ берутъ у ротъ“.

Отъ „урокивъ“ („зглазь“) поятъ, умывають и смачивають разными водами: свяченой, наговоренной, непочатой и полученной отъ обмыванія особенно чтимой иконы, а также шепчуть молитвы.

При зубныхъ болѣзняхъ заговаривають зубы, читають молитву Господню на молодыкѣ, парятся надъ кипяченымъ дурманомъ, кладуть на больной зубъ ладонь, а также срываютъ „трыдевять“ стебельковъ молочая, варятъ ихъ въ горшкѣ три раза въ продолженіи трехъ дней; затѣмъ переливають отваръ въ кувшинъ, парятся надъ нимъ и во рту полощатъ, стараясь при этомъ не пролить ни одной капли отвара. Когда напарятъ и выполощутъ ротъ, выливають эту молочайную воду туда, гдѣ сходятся три плетня вмѣсто.

При болѣзняхъ груди и простудѣ: 1) идутъ натоцакъ въ хлѣвъ или повитку и давять грудью объ соху, 2) пьютъ, какъ чай, настой липоваго цвѣта, бузины и травы „буквици“.

Отъ поноса—рвутъ деревей, толкутъ его, настаивають и пьютъ; ѣдятъ сухари и груши, а дѣтямъ перевязываютъ мизинецъ правой руки заплочью съ свадебнаго калача.

Отъ золотухи—шепчуть и моють голову отваромъ ивы („ывыны“).

„Огныкъ“ (сыпь на лицѣ) засыпають золою изъ пережженнаго помела, крешуть кресаломъ противъ лица черезъ порогъ или

черезъ ручеекъ, гдѣ есть вода, и скатываютъ „тридевять комочковъ изъ клочча“, катаютъ ими по лицу и потомъ бросаютъ въ печь.

При ломотѣ спины (боль поясницы, „свихъ“), срывають мышку, давятъ „поперѣкъ“ (поясницу), стряхиваютъ, пьютъ мѣдныя стружки изъ старыхъ монетъ и поднимаютъ телѣгу или плетень, когда весною услышатъ въ первый разъ громъ.

Порѣзы закладываютъ паутиной и цвѣточками „петроваго ба-тога“, а зимой смачиваютъ раны отваромъ изъ него.

Обжоги мочатъ гущей и кислымъ молокомъ.

Отъ „бышыхи“ (рожи) подкуриваютъ вощиной отъ мертвыхъ пчелъ, „свяченою лупшыною“ (скорлупою) изъ яйца и ладаномъ, а также шепчутъ, говоря: „Ставь дидь Клымъ шептаты, стало лыхо всыхаты“.

Больныя ноги мажутъ керосиномъ.

Заговоры. Мѣстными знахарями, относительно лѣченія, заговариванія зубовъ и наговариванія воды для людей и скота, чаще бываютъ женщины, пользующіяся большимъ довѣріемъ народа. Свои знанія онѣ держатъ въ секретѣ, а лѣкарственныя „молитвы“—всякіе заговоры и слова, произносимыя во время лѣченія, называются у нихъ молитвами—шепчутъ про себя, начиная всегда словами „Господы помози“ и „дай, Боже, часъ добрый“, и сопровождая затѣмъ крестными знаменіями и земными поклонами.

При заговариваніи зубовъ, берутъ слегка за щеки больного и говорятъ слѣдующую „молытву“: „Мисяце Адаме! бувъ ты на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Шо въ ихъ зубы болять?—Не болять.—Такъ шобъ и въ раба (имя) не болилы, не щимилы, а якъ у камини стрымили—судъ судомъ, викъ викомъ. Цѣму слову аминь. Помози, святой Антоній“.

При заговариваніи крови („кровъ замовыть“,—остановить) людямъ и скоту: 1) Сначала читаютъ молитву Господню, а потомъ говорятъ слѣдующія слова: „Ишла Пречыста Маты черезъ мисть, поставила трость; трость стала, а кровь перестала“; 2) Говорятъ трижды или девять разъ: „на гори на Осіянски, тамъ стояла скырта соломы. Кровъ червона! Стой кровь, не йды! Буде тобі, крове, те, шо тій души, шо въ нидиллю

рано йисть та пье. Не соби замовляю, а рабу Божому“ (имя).
 3) „Ишло дви сестри по Божій пути, несли два ножи,—цю-
 каюцьця, рубаюцьця и кровь не йде“. Эта молитва говорится
 много разъ безъ передышки.

Если кто перепугается или кого „пидвие витромъ або вых-
 ремъ“, того берутъ за голову руками и лѣчатъ, говоря: „Спа-
 сы, Господы, и помылуй одъ витру и выхрю, одъ огню и пу-
 жарю, одъ воды и потону, одъ лыхого лыходия, одъ злого чо-
 ловика, и одъ скорбїи и болїзни, и одъ великои напасты“. Эту
 молитву „одъ выхрю и витру“ читають, кромѣ лѣченїя, утромъ
 и вечеромъ, когда Богу молятся.

Народъ вѣритъ, что многіе люди страдаютъ болѣзнями го-
 ловы и костей „одъ закрутѣкъ“, насылаемыхъ мстительными
 знахарками „по злоби“. Вотъ одинъ рассказъ нехаевской кресть-
 янки, записанный мною со словъ ея, въ которомъ сообщается исто-
 рїя болѣзни и ея лѣченїе. „Одна жинка женыла сына. Писля свай-
 бы вона захворала: болыть та й болыть у неи поперекъ, якъ
 цуркую круте. Стала вона людимъ хвалыцьця. Люды посовету-
 вали позвать ворожку-знахурку. Позвали. Та подывылась, ска-
 зала, шо це закруткы и велила распороть подушкы. Распоро-
 лы, подывылись, ажъ тамъ накручено: и обрѣвочки, и солома,
 и ганчыркы, и чого тамъ нема вмисти съ пирьемъ! Знахурка
 выбрала ци закрутки, забрала ихъ въ платокъ та й каже:
 „Та вжежь и сукина дочь! Мабудь годивъ на двѣ закрутыла.
 Прынесыть мيني соломки изъ свынѣчаго барлогѣ; —я оци за-
 крутки съ тиею соломкою возьму додому и тамъ спалю ихъ,
 воно Богъ дастъ и полегша тобі“.

„Непечатá вода“ добывается при слѣдующихъ условїяхъ. Жен-
 щина знахарка надѣваетъ на себя все чистое, какъ въ празд-
 никъ, и ночью, когда не слышно людского говора и шума,
 идетъ въ сопровожденїи кого-нибудь брать воду изъ трехъ ко-
 лодезей. Предъ каждымъ колодеземъ кладетъ она три земные
 поклона и говоритъ: „Господы Иусе Хрысте, Сыне Божый,
 помылуй насъ, аминь. Здоровъ, земля Тытяно, а вода Оляно!
 Благословы мيني, Господы, водыци набраты рабу Божому (имя,—
 а если воду берутъ для скота, то говорятъ: жывотнїй рыжий
 или чернїй скотыныни) для пѣмочи,—тыхой й смърнои—изъ гиръ,

изъ яривь, изъ Дону, изъ моря. Создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ грѣшныхъ, обрадуй насъ праздничкомъ святымъ, краснымъ ячкомъ. Пошли жъ Ты, Господы, рабу Божому (имя) чого винъ у Бога просе“. Если воду берутъ для скота, тогда послѣ словъ „изъ Дону, изъ моря“, говорятъ такъ: „Пошли жъ Ты, Господы, Божую росыцю ций животнїй скотыныни бля хозяена, хто йийи пое й корме. Просю я Тебе, Господы, пошли жъ Ты бля малѣнькихъ дитей и бля старыхъ людей, бля прыбувающихся и бля прыхожающихся, бля ныцы братїи и бля всехъ православныхъ христїанъ“. Набравши воды, говорятъ трижды: „слава Тоби, Господы, слава Тоби“; потомъ идутъ домой, не оглядываясь и не разговаривая ни съ кѣмъ, и всю дорогу читаютъ молитву Господню и другїя молитвы и крестятъ воду. Придя домой, ставятъ воду на столъ, зажигаютъ восковую свѣчу, проводятъ ею крестообразно надъ кувшиномъ съ этой водой, и потомъ ставятъ свѣчу къ иконамъ. Начинаетъ знахарка класть поклоны и читать всякія молитвы, какія она знаетъ, а въ заключенїе читаетъ слѣдующую „молытву сглазь“: „Божа Маты на престоли стояла, молытву читала, по всему свиту разсылала и веимъ православнымъ христїянамъ для помощи посылала. Спасы, Господы, и помылуй отъ урокивь нишныхъ и полунишныхъ, отъ вечирнихъ, денныхъ и полуденныхъ. Хрестомъ охрещаяся, хрестомъ ограждаюся, хрестомъ це горе проганяю. Оступыся ты, горе, нерадивое, отъ чотырехъ головъ храменныхъ... Тутъ есть домъ Божїй. Тебе, горе, закlynаты живымъ Богомъ, ниякои пакосты не сдилаты рабу Божому (имя);—на ёму Духъ Святъ спочывае, Тройця Святая просвищае. Во имя Отца и Сына, аминь. Царыця преблаженная, надежна Богородыця, прїятелице скорбящїи радости, поможы, яко немощна накормы, яко странна беда иса разлушы; яко живольше, нема мини помочи ни отъ кого, якъ одъ Бога, Матери Спасытеля небеснаго. Яко Господь милосерднїй сокрыеть и покрыеть насъ грѣшныхъ. Господы, Боже милосерднїй! создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ грѣшныхъ; возрадуй Ты насъ, Господы, праздничкомъ святымъ, краснымъ ячкомъ, годовымъ праздничкомъ; порадуи Ты, Господы, раба Божого или рабу Божу (имя) здоровьемъ, аминь“.

Прочитавши эту молитву, обмываютъ „наговоренною водою“ святую икону, послѣ чего вода становится годною къ употребленію людямъ и скоту отъ болѣзней. Такою водою поятъ, смачиваютъ и окропляютъ людей (и скотъ), страдающихъ „уроками, переполохомъ, супротивнымъ“ и другими болѣзнями. Если больной („спорченный“) скотъ дѣлается злымъ, реветъ и не допускаетъ къ себѣ лѣкарки съ водою, то она для укрощенія его нѣсколько разъ читаетъ: „Помьяны, Господы, царя Давыда и кротость его“.

Къ врачамъ народъ относится неособенно довѣрчиво и обращается къ нимъ только при опасныхъ болѣзняхъ и операціяхъ или когда, испробовавъ всѣ лѣченія мѣстныхъ знахарей и знахорокъ, ничто не помогаетъ.

Народная ветеринарія.—Почти отъ всякихъ болѣзней скотъ подкуриваютъ чѣмъ нибудь „свяченнымъ“ и окропляютъ святой водою, а также шепчутъ молитвы и наговариваютъ воду. Отъ чумы заливаютъ въ ротъ скоту бураковый квасъ съ солью и разныя слабительныя масла и проч. Отъ жабы накалываютъ языкъ иглой и затаптываютъ солью.

„Перелогѣ“ лѣчатся молитвами и прикладываніемъ на крестъ дѣтской шапки между рогами, ногами и вокругъ всего тѣла, бьютъ по бокамъ животнаго пустымъ мѣшкомъ. Если быкъ истощаетъ и ничего не ѣстъ („нападае кровь“), то отрѣзываютъ ему наискось ухо, бьютъ по немъ палочкой и выпускаютъ кровь. Отъ вздутія живота мажутъ бока дегтемъ, гоняютъ скотъ, заливаютъ квасомъ съ солью и насыпаютъ соли въ уши. „Курдюкъ“ (ящуръ) засыпаютъ пережженными конскими костями и пережженнымъ пшеномъ. Когда скотъ болѣетъ „на ротъ и ноги“, тогда мажутъ таковые дегтемъ и квасомъ съ галуномъ. Больныя копыта у рогатаго скота мажутъ свинымъ саломъ, распускаемымъ на горячей полосѣ желѣза, поставленной между больными копытами. „Скала“ (трещина и загниваніе на нижней сторонѣ копыта) вырѣзывается ножомъ и „запкваривается“ саломъ, послѣ чего больныя ноги подковываются. Опухоль у рогатаго скота давится зубами найденной конской челюсти, послѣ этого челюсть кладется на старое мѣсто такъ, какъ лежала прежде. Раны скота заливаютъ скипидаромъ, дегтемъ и купо-

роснымъ масломъ, а также затаптываютъ известью („вапною“), синимъ камнемъ и порошкомъ изъ перетертыхъ и просѣянныхъ травъ „ранныку, фелільныку и гирчаку“. Запоръ лѣчатъ наговариваніемъ воды и молитвами, а также заливаютъ мыломъ и „оливою“, роспущенными въ водѣ. Поносъ лѣчатъ питьемъ изъ свареннаго дерева, а теляткамъ перевязываютъ хвостъ заполочью изъ свадебнаго калача и затягиваютъ въ ухо шелковую ниточку. Стертую у бычка шею („прыпоръ“) мажутъ ежевымъ саломъ. Отъ укуса гадюки лѣчатъ молитвами, травами и деревяннымъ масломъ, настоящимъ паукомъ (тарантуломъ). Бѣльмо у рогатаго скота и у лошадей задуваютъ сахаромъ и солью. Если лошадь падаетъ на землю, качается, бьется и водить головою въ разныя стороны („бьетъ шутъ или грець“), то ее напайваютъ бураковымъ квасомъ съ солью, а также шепчутъ молитвы. „Лопотуха“ (омертвеніе) лѣчится прикладываніемъ раскаленнаго желѣза къ пухлымъ мѣстамъ.

Свиной лѣчатъ отъ рвоты и тошноты питьемъ, свареннымъ изъ травы „свинячаго глыстняка“ и настоемъ изъ стараго ржаваго желѣза, которое бросаютъ въ помой.

Пословицы и поговорки о больняхъ.— Хвороба не сморыть, а зноровыть. Хворать хворае, а хлибъ безъ памьяты йиеть. Хвороба никого не красыть. Личиннымъ конемъ не довго йиздытымышъ. Болятъ ручки и ножки и въ животи трошки. Хворому хохлѣ помажь губы саломъ, а козаку кыслымъ молокомъ, такъ воны и одужаютъ. Чоловикъ жинку любе здорову, а братъ еестру богату. Зажыве якъ на собаци (порѣзы, уколы). Чуже лыхо за сахаръ. Чужу быду руками разведу, а свой ума не прыложу. Глухый не дочуе, та прыбычуе (прибавить).

Занятіе никольскихъ жителей главное и почти исключительное — *земледѣіе*, чему способствуетъ здѣсь весьма жирная, черноземная почва, на которой произрастаютъ всякія хлѣбныя растенія. Посѣва у каждаго крестьянина бываетъ различное количество, — отъ 3 или 5 до 50 десятинъ и болѣе, смотря по количеству рабочихъ рукъ и по достатку; въ среднемъ хозяйствѣ сѣется отъ 10 до 20 десятинъ разнаго хлѣба. Изъ хлѣбныхъ злаковъ первое мѣсто по количеству посѣва занимаетъ пшеница гарновка, идущая въ продажу и для пищи; ячмень,

жито, просо и овес сѣются каждымъ крестьяниномъ въ небольшомъ количествѣ для своихъ домашнихъ потребностей; остатки нерѣдко продаются. Осимой пшеницы и красной (гирки) здѣсь почти не сѣютъ, а гречихой, кукурузой, свекловицей, рапсомъ, рыжеемъ и посѣвными травами вовсе не занимаются. Изъ маслянистыхъ растений понемного сѣютъ для себя и для продажи ленъ, коноплю и подсолнухъ. Что же касается гороха, фасоли, чечевицы, бакшъ и огородныхъ овощей, то онѣ сѣются и садятся исключительно для своихъ домашнихъ потребностей.

Пчеловодствомъ въ прежнее время занимались многіе, но теперь оно, вслѣдствіе неблагоприятныхъ годовъ, упало; въ 1893 г. пасѣки опять нѣсколько возросли. Старинныхъ пасѣчниковъ въ слободѣ и хуторѣ насчитывается не болѣе 20 человекъ. Изъ нихъ два имѣютъ болѣе, чѣмъ по 100 колодокъ-дулянокъ, три—отъ 50 до 100, семь—отъ 25 до 50, а остальные имѣютъ менѣе, чѣмъ по 25 семействъ. Пчеловодство у всѣхъ пасѣчниковъ самое простое, первобытное, безъ всякихъ измѣненій и усовершенствованій. Пчелиныя семейства помѣщаются въ дулянкахъ, о рамочныхъ же ульяхъ пасѣчники и понятія не имѣютъ. Зимую пчелы сохраняются въ омшанникахъ (погребахъ), построенныхъ на возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ. Около Благовѣщенья ихъ вынимаютъ оттуда, ставятъ въ саду или огородѣ и закармливаютъ сьтой, въ которую одни изъ пасѣчниковъ подмѣшиваютъ водку или вино, коричку и гвоздичку, а другіе „дарныкъ“ (артось), благовѣщенскую просфору и другіе освященные предметы. Въ апрѣлѣ или маѣ, когда отцвѣтутъ сады, вывозятъ пчелъ въ лѣса на лѣтній взятокъ, гдѣ онѣ и роятся. При уборкѣ роевъ употребляютъ святую воду, окропляя ею улей, въ который сажаютъ рой, и мѣсто, гдѣ его ставятъ. Тутъ же и перегоняютъ пчелъ,—т. е. выгоняютъ ихъ въ пустой улей, куда онѣ должны на зиму наносить себѣ корму, а съ прежняго улья выбирается весь медъ для продажи. По прекращеніи взятка привозятъ пчелъ домой и ставятъ на старыя мѣста. Въ первой половинѣ октября, въ хорошую погоду, пчелъ кладутъ въ зимнія помѣщенія. Нѣкоторые изъ пасѣчниковъ

считаюся знахарями, могущими произвольно послать своихъ пчель на чужую пасѣку для ограбленія и т. п. Относительно пчель говорятъ: „бджолы—Боже созданія, ихъ грѣхъ быть и душиль“; „якъ бджолы прыеняцьця, такъ къ умеруцому“; на бджолу грѣхъ казать „пропала або здохла“, а треба казать „умерла“, якъ чоловікъ; „захотивъ кануну зъ мертвыхъ бджилъ“.

Садоводствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать кое у кого маленькихъ домашнихъ садиковъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только здѣшній волостной писарь (попечитель училища), который самъ развелъ прекрасный садъ со всякими плодовыми деревьями. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ, существуетъ небольшая торговля скотомъ, птицей и яйцами, собираемыми прїѣзжими и своими торговцами (часто крестьянами) по окрестности и отправляемыми для продажи въ Москву, Ростовъ и другія мѣста, а также мелкая торговля керосиномъ, дегтемъ, постнымъ масломъ, спичками, ремнемъ, сапогами и проч. Отхожіе же промыслы на Донъ и Кубань существуютъ ежегодно въ большомъ количествѣ: туда чаще отправляется молодежь послѣ весенняго Николая и нанимается въ большинствѣ случаевъ до Покрова.

Религіозное настроеніе народа наглядно выражается частымъ посѣщеніемъ храма Божія, который въ зимнее время по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ едва вмѣщаетъ молящихся. Молится народъ и дома, но старые неграмотные люди по своей простотѣ и невѣдѣнію сильно извращаютъ церковныя молитвы и выдумываютъ свои. Вѣру отцевъ своихъ народъ хранитъ крѣпко и ни въ какой расколъ не совращается. Здѣсь нѣтъ сектантовъ, кромѣ трехъ семействъ старовѣровъ-торговцевъ, переселившихся сюда изъ Стародуба (Черниговской губ.) и принадлежащихъ къ поповцамъ австрійскаго толка.

Особенно чтимыхъ или замѣчательныхъ своею древностію иконъ, церквей и монастырей не имѣется; старыя же книги прошлаго вѣка есть въ церкви, а именно: 1) Ирмосій, напечатанный въ Москвѣ 1767 г., 2) Требникъ, напечатанный

тамъ же въ 1771 г. и 3) Минея мѣсячная, служебная, напечатанная тоже въ Москвѣ въ 1781 г.

Крестьянская благотворительность выражается въ приѣмѣ къ себѣ сиротъ, въ подачѣ милостыни нищему, въ разной помощи во время нужды, несчастія и т. п.

Пословицы и поговорки: „Эй Богу и дѣлыби, хрестъ на лоби, хрестъ хрестомъ, та ще й зашморгомъ (божба). Завсегда годицьця Богу молицьця. На Бога полагайся—не погыбшый будешъ. Богъ не безъ мылосты,—козакъ не безъ щастя. Богъ богатый, та й намъ дастъ. Кто сѣрять питае, того Богъ не забувае. Якъ Богъ дастъ, такъ и въ вишко подасть. Винъ жывыи до Бога лизе. Сыдыть и Богъ баче. Шо Богъ то Богъ, та й самъ не будь плохъ. Не хвалысь богатствомъ,—не взявъ Бога за бороду. Богъ не Мыкытка,—зъ Нымъ не шуты. Богъ не теля,—Винъ баче видтиля. Зъ голого, якъ съ святого. Святъ, святъ—горшки летять. У ёго ангельскій голосокъ, та чертова думка. Душа християньска, та совисть цыганьска. До церкви близько та слызько, а до кабака далеко та легко. Який цинъ, таке й благословення“.

Молитвы.—Молитва утренняя и вечерняя: „На гори на Осіянески, тамъ стояло капарысне дерево; пидъ тымъ деревомъ прыстоль, пидъ тымъ прыстоломъ Божа Маты спала-спочивала. Пришовъ до неѣ Кий и Самъ Сусъ Хрытосъ. Маты жъ моя, Диво Марие, чы Ты слышъ, чы такъ лежышъ?—Сыну мий и Боже жъ мий, я не спала, страсть во снѣ выдала, якъ жыды Суса Хрыста на муку брали, на деревѣ руци й нози роспыналы, гвѣздемъ руци й нози прыбывалы, терновый винець на главу накладалы, коньемъ ребра пробывалы, кровь испускалы. Ангелы зъ небесъ излиталы, слизно плакалы-рыдалы, золоти кубѣчки пидставлялы, восточнои крѣви до земли не допускалы.—Не есть же це, Маты, сонъ,—есть же це ыстына правда“.—„Хто буде цю молытву рано й вечеръ чытаты, буде ёго Господь зоберегаты одъ огню и одъ воды, и одъ всякои быды, одъ наглои смерты. Намъ на вики викомъ, аминь“.

Молитва вечерняя: „Ходыла Божа Маты, Марія, по Божому городѣ, лягла на прыстоли, немного спочывала, во снѣ

выдала; прійшли три Кии и трое жидовять, взяли Исуса Христа та пидь били руки, повелы на дерево, стали распы-
наты, руци й нози гвоздями прыбиваты; стали ангелы зъ
небесъ злитаты; золотіи кубкы пидь Хрыстову кровь пидстав-
лялы, Хрыстовои крови до земли не допускалы.— Збережы,
Боже, наши души до пивночя, изъ пивночи до свита, одъ
свита Самъ, Исусъ Хрыстосъ, до вику. Аминь“.

Молитва на сонъ грядущій: „Хрыстомъ охрыщаюсь, хры-
стомъ спаты лягаю, хрестъ пры мини, пры моему снѣ. Пры-
чыста въ головахъ, ангелы по бокахъ. Сторожи Божи, сто-
рожи добри! Стерезить души до пивночи, а съ пивночи до
свита, а одъ свита до нѣни, а одъ нѣни до вика викомъ, аминь“.

Привожу одинъ характерный разсказъ: „Якъ Богъ зъ св. Пет-
ромъ ходывъ по земли, такъ тоди Петръ побачывъ погану
собаку и сказавъ: „Господы! онъ скажена собака“. На це Гос-
подь одвичавъ: „Ничего, св. Петре, сотвори воскресну молитву
и вона насъ не зачепе“. Пишлы вони дальше. Побачывъ Петръ
пьяного чоловіка и каже: „Господы! пьяный чоловікъ иде“.
Господь сказавъ: „Эге, св. Петре, давай обидымъ: „пьяный
чоловікъ хуже скаженои собаки“. Петръ удивывся цымъ сло-
вамъ Господа. Упросылысь вони ночувать въ одномъ доми.
Хозяинъ цего дома бувъ пьяный и начавъ быты свою жинку.
Св. Петро сказавъ: „Господы! якый же дурный пьяный чо-
ловікъ, шо такъ здорово бьецьця. Шо якъ бы, Господы, жинка
була старше, вона бъ такъ не былась“. Господь и каже Пет-
ру: „Та жинка булабъ дурниша отъ цего чоловіка. Ну, нехай
на время буде старша жинка“. Петръ обрадовався и пишлы
вони своею дорогою. Сталы вони у одномъ доми просыцьця
ночувать, а хозяинъ и каже: „Та я бъ васъ, добри люды, пу-
стывъ, та боюсь жинки: вона въ кабаці и якъ прійде, то
шобъ не была мене й васъ“. Господь и Петръ упросылысь такы
и лягли спать на полу (кроватьи): Богъ лигъ пидь стивку, а
Петръ скраю. Ночьчу прыходыть изъ кабака жинка, стучыть,
грючыть и крычыть: „Одчынай! та давай мени вечеряты!“ Чо-
ловікъ одчынывъ, засвитывъ свитло, а вона сила на лави и
крычыть: „Давай мени вечеряты! Сыпъ борщъ, клады кашу,
подай воды, ходы сюды, стий тутъ“! Замотався бидный чоло-

Г. Х. Федоровъ (1870—1872 г.), 2) діаконъ Н. А. Яблоновскій (1872—1877 г.), 3) К. Ѡ. Ермаковъ (1877—1879 г.), 4) С. Костиковъ (1879—1881 г.), 5) Г. И. Платонова (1881—1883 г.) и 6) Г. А. Калашниковъ съ 1883 г. по 1885 г., а съ 28 окт. 1885 г. съ помощницей учителя, А. М. Калашниковой. Въ этотъ періодъ времени учащихся по годамъ было: въ 186^{8/9} учеб. году—19 м., въ 186^{9/10}—28 м., съ 187^{0/1} до 187^{8/9} учебн. года бывало отъ 25 до 40 душъ, въ 187^{9/80}—было 37 м. и 10 д., въ 188^{0/81}—32 м. и 11 д., въ 188^{1/2}—34 м. и 3 д., въ 188^{2/3}—47 м. и 7 д., въ 188^{3/4}—49 м. и 10 д., въ 188^{4/5}—64 м. и 8 д., въ 188^{5/6}—90 м. и 13 д., въ 188^{6/7}—123 м. и 17 д., въ 188^{7/8}—117 м. и 17 д., въ 188^{8/9}—131 м. и 13 д., въ 188^{9/90}—111 м. и 9 д., въ 189^{0/91}—80 м. и 6 д., въ 189^{1/2}—108 м. и 15 д., въ 189^{2/3}—106 м. и 13 д.

Неизвѣстно еще, оканчивалъ ли кто-нибудь курсъ ученія въ Никольскомъ училищѣ до 1880 года; начиная же съ этого года, получено свидѣтельствъ на льготу по 4-му разряду—72, свидѣтельствъ объ окончаніи курса—9 и похвальныхъ листовъ—24.

Пословицы и поговорки. „Викъ живы, викъ учысь, а дуракомъ умрешъ. Чому навчышся, того съ собою не носыть. Много чытать—зачытаешся (т. е., помѣшаешся). Богато будешъ знать, — скоро состарышся. Шо напысано перомъ, того не вырубашъ тупоромъ. Ученого учыть—тылько портыть. Незнайка лежыть, а знайка бижыть. Знаеть вынь, якъ йндыть, та ёму не дають. Въ умілого руки не болять. Умъ хорошо, а два лучче. У ёго ума палата. По одежи встрычають, — по уму провожають. Кто богатый, той и умный. Братъ мый, а розумъ у ёго свый. Нужда учыть розуму. Мужыкъ мужыкомъ (говорять „дуракъ дуракомъ“) во выкы выкомъ. Малъ золотныкъ та дорогъ, а велька фыгура (фыдура) та дура. Высокій до неба, а дурный якъ треба. Дурный якъ пробка. Молодчына! Дать ёму два чына—дуракъ и дурачына. Пошлы дурного, а за нымъ другого. У богатого мужыка не визнаешъ сына дурака“.

Въ нравственномъ отношеніи здѣшнихъ жителей можно подраздѣлить на двѣ ватегоріи, рѣзко отличающихся одна отъ другой. Къ первой принадлежать хозяйственные люди, почти

всегда живущіе дома и не странствующие по чужимъ сторонамъ. Они отличаются хорошею нравственностью и набожностью. Ко второй категоріи относятся тѣ изъ людей, которые почти ежегодно шатаются по бѣлу свѣту, нанимаясь въ работники на Дону и на Кубани, гдѣ нерѣдко и обкрадываютъ своихъ хозяевъ, что видно изъ архивныхъ дѣлъ Никольскаго правленія. Въ большинствѣ случаевъ эти люди бываютъ нравственно испорчены и развращены: не уважаютъ родителей, бросаютъ своихъ супруговъ, бродяжничаютъ и т. п.

Положеніе женщины въ семьѣ вполне зависимое отъ мужчины. Безъ согласія мужа, нерѣдко деспотичнаго и грубаго, она ничѣмъ не можетъ распорядиться въ домѣ, даже не можетъ продать на свои надобности десятка яицъ или курицу. Въ обществѣ тѣмъ болѣе женщина не имѣетъ никакой силы и ни малѣйшаго значенія. О женщинѣ говорятъ даже, „что жинка не чоловікъ, а баба и бабскій у неі разумъ“. Пожилая женщина имѣетъ только силу и власть надъ меньшими членами семейства: дѣтьми, невѣстками и внуками. Но въ этомъ случаѣ мать часто начинаетъ злоупотреблять своею властью и поэтому служитъ первой причиною семейнаго раздора.

Дѣтей своихъ родители любятъ и стараются научить ихъ чему нибудь хорошему и полезному; но опять таки по своему невѣдѣнію и грубости нравовъ часто развращаютъ ихъ, говоря въ присутствіи ихъ нескромныя слова и дѣлая непотребныя дѣла. Кромѣ того нѣкоторые родители весьма грубо и безсердечно обращаются съ дѣтьми: бьютъ и наказываютъ ихъ за всякіе пустяки. Послѣ этого неудивительно, что подобныя дѣти, сдѣлавшись взрослыми, начинаютъ сами точно также поступать, оскорбляютъ своихъ родителей и доводятъ ихъ до слезъ, за что послѣдніе проклинали дѣтей и всячески осуждаютъ.

Къ работникамъ хозяева относятся вполне по семейному, требуя отъ нихъ только послушанія, старательности и умѣлости въ дѣлахъ. Хозяинъ и работникъ всегда за однимъ столомъ обѣдаютъ и вмѣстѣ работаютъ. Всякое упущеніе со стороны работника наказывается однимъ выговоромъ хозяина

или, въ крайнемъ случаѣ, вычетомъ изъ жалованья; крупныхъ же карательныхъ мѣръ хозяева не употребляютъ: тогда никто изъ работниковъ не будетъ у нихъ жить.

Кабаки, т. е. винныя лавки, въ слободѣ и хуторѣ уже два года закрыты по общественному приговору; но, не смотря на это, водка и вино все время продаются тайнымъ образомъ, что и было причиной уничтоженія общественнаго приговора по этому дѣлу. Впрочемъ, за послѣднее десятилѣтїе на слободу и хуторъ не бывало болѣе 4 или 5 кабаковъ, производившихъ самую умѣренную торговлю, изъ чего и можно заключить, что между здѣшними жителями сравнительно большаго пьянства не бываетъ.

Проституціи, въ смыслѣ обращенія разврата въ ремесло, въ нашемъ краѣ не имѣется, а секретная проституція частенько встрѣчается. Этими позорными дѣлами между мужчинами занимаются парубки, вдовцы и нерѣдко женатые развратники, по большей части „дончаки“; между женскимъ поломъ—солдатки, дѣвки, вдовы и иногда замужня. Молодежь („челядь“) болѣе всего развращается изстари заведеннымъ обычаемъ ходить ночью на „вулицю и вечерныци“, гдѣ „парубкы и дивчата“ держатъ себя вполне свободно и безконтрольно, позволяя между собою не только шутить, говорить и ругаться непристойно, но и ночевать вмѣстѣ. Женатыхъ мужчинъ помогаетъ развращать старинный обычай ходить вечерами куда-нибудь „на посыдѣнькы“ (посидѣть и поговорить отъ нечего дѣлать), а иногда и прямо на вечерниці къ женщинамъ плохого поведенія, что нѣкоторыми и родителями не воспрещается; но къ счастью послѣдній обычай теперь выводится. Не смотря на такія вольности и происходящій по причинѣ ихъ развратъ, незаконнорожденныхъ дѣтей бываетъ совсѣмъ не много: среднимъ числомъ такихъ рожденій отъ дѣвиць и солдатокъ ежегодно по одному. Такое малое количество незаконныхъ рожденій объясняется мѣстными жителями тѣмъ, что многія развратныя женщины пьютъ порошокъ и сулему, чтобы не забеременѣть.

Сказавъ о теперешнемъ состояніи нравственности, нельзя не прибавить, что въ прежнее время между здѣшними степ-

никами она стояла еще гораздо ниже, и что тогда совершались такія преступленія, о которыхъ въ настоящее время никто и не говоритъ, что подтверждается разсказами старожиловъ и справками изъ штрафныхъ книгъ и дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ Никольскаго волостнаго правленія, гдѣ ежегодно встрѣчаются дѣла о прелюбодѣянїи, изнасилованїи, распутствѣ, бродяжничествѣ, кражахъ и т. п. Въ подтвержденіе сказаннаго привожу нѣсколько выписокъ изъ упомянутаго архива по разнымъ родамъ преступленія. 1823 года никольскій крест. А. Великоцкій по указу Воронежской Палаты былъ наказанъ 20 ударами розогъ за кражу 7 лошадей. 1836 г. дѣвка слоб. Никольской Ульяна за рожденіе ребенка и брошеніе его въ воду была наказана 15 ударами плетей. За 1837 г. привожу цѣликомъ всѣ 7 наказаній: 1) 9 февраля Нехаев. кр. Е. Косенко и В. Пшеняникъ были наказаны за воровство лошадей плетями по 30 ударовъ; 2) 14 марта Ник. кр. А. Ландарь за подачу прошенія Мин. Финансовъ наказанъ 30 ударовъ палокъ; 3) 27 марта Ник. кр. Е. Косенко и Ник. кр. Кучеръ наказаны: 1-й за кражу овчиннаго полушубка 20 уд. батожья, а 2-й за воровство 2 фун. мыла 15 уд. розогъ; 4) 27 марта Ник. кр. Кучеренко и Колесниковъ за самовольную отлучку безъ письменныхъ видовъ наказаны по 25 ударовъ; 5) 28 апрѣля Ник. солдатка Е. Мартыненкова наказана за прелюбодѣянїе 20 уд. плетей; 6) 18 мая Ник. кр. С. Дегтяревъ за подачу прошенія Мин. Финансовъ и ложное названіе себя выборнымъ наказанъ 25 уд. плетей и 7) тогда же семь Ник. кр. за такое же дѣло посажены въ тюрьму на 10 дней. Въ 1845 г. 1) Ник. кр. М. Масликъ за покушеніе на растлѣніе 4-лѣтней дѣвочки оставленъ въ сильномъ подозрѣнїи, а за разнообразныя показанія наказанъ 20 уд. розогъ и отданъ подъ строгій надзоръ полиціи; 2) крест. Прищепенко за „побѣгъ изъ жительства“ и прїобрѣтеніе фальшиваго билета наказанъ 55 уд. розогъ и арест. ротами на 1½ года. за 1849 г. есть дѣло о воровствѣ Ник. кр. у казака —хозяина 180 р. денегъ и другихъ вещей. Въ 1852 г. Ник. кр. С. Лимарь за 10-лѣтнее пьянство, буйство, безчинство, непристойное ругательство и нехозяйство наказанъ 60 уд. розогъ

и записанъ въ штрафную книгу. За 1853 г. есть дѣло объ изнасилованіи 17-лѣтней дѣвки, окончившееся миромъ. Въ 1854 г. дѣвка Ткачева, 17 лѣтъ, за 2 лѣтнее безпаспортное бродяжничество, во время котораго она оказалась беременною, посажена на 3 дня подъ арестъ. Въ 1855 г. Нех. кр. Родченкова оштрафована на 100 р. за передержку бродяги Сяницына. Въ 1856 г. два лѣсника за продажу казеннаго лѣса осуждены къ ссылкѣ въ Сибирь. Въ 1856 г., при лѣсничемъ Аврамовѣ, было самовольныхъ порубокъ дерева въ казенныхъ и казенно-крестьянскихъ лѣсахъ Бѣловодскаго лѣсничества на 5,449 р. 15¹/₄ коп. До 60 годовъ преступленія, подобныя приведеннымъ здѣсь, встрѣчаются ежегодно.

Пословицы и поговорки. „Шо городъ то й норовъ, шо голова то й разумъ. Шукай соби добра, а другому не жалай зла. Не конай пидь людей ямы, бо самъ попадешъ. Смилый въ турми, здоровый въ земли, а хто жыветь простѣ, той прожыветь годивъ сто. Жаль тебе, та не такъ якъ себе. Ходимъ на нызъ, шобъ выхто головы не грызъ. Сама себе раба бье, шо нечысто жне. Спыть сова та й куры баче. Казало лыхо, шо не буде добра. Своя воля доведе до горя. Винъ мягко стеле, та твирдо спать. Скажешъ гопъ, якъ выскочышъ. По правди говоры, по правди й очи вылизуть. Брехать не ципомъ махать. Языкъ безъ костей, шо хоче те й лопоче. Хто бреше, тому легче, а хто виры нейме, того въ десятеро зогне. У ёго на недилы симъ пятныць. Йижъ пиригъ съ крунами, та держы языкъ за зубамы. Хлибъ-силъ йижъ, а правду рижъ. Якъ нема, такъ купывъ бы, а якъ е, такъ убывъ бы. Любыть якъ душу, а трясетъ якъ грушу. Хвалько поке нахвалыцьця, а батько набъецьця. Це не драка, а смертоубийство. Два бъецьця,— третій не мишайсь. Въ дракѣ волосся не жалиють. Бьють, та й плакать не дають. За наше жыто, та насъ и быто. Вони такъ жывуть, якъ собака съ кишкою. У бабы волосъ довгый, та умъ короткий. У дорози и батько за товариша. Гуртомъ можно й батька быть. Не вжалиешъ батька въ наймахъ, колы найнявсь такъ ныхай служе. Нанявсь—якъ продавсь. У кого ненька ридненька, у того й головка гладенька. Здумала баба диверя, шо

добрый бувъ, та й давай плакать. Всякъ баче, якъ сирота скаче, а ниhto не баче, якъ сирота плаче. Цянство до добра не доведе. Пыть до дна,—не выдать добра. Пьяный, якъ сапожныкъ. У ёго золоти руки, та дырѣвый ротъ. Водку пый та ума не пропый. Водочку пый, а въ новій шуби бабака (опушки) не оббый. Пьяный свички не поставе, а все звале. Пьяный проспыцьця, а дуракъ никогда. Не хвалы въ три дни, а похвалы въ три годы (о невѣсткѣ). Гуляй, дивко, та дильце помлы. Пый, дивко, винцо, та помлы дильцо“.

Обряды при рожденіи дѣтей. Солдатки и дѣвушки, въ предупрежденіе беременности, боясь позора, пьютъ одинъ разъ въ мѣсяць порохъ и сулему, а также пьютъ эти вещества, когда замѣтятъ свою беременность, за что платятся иногда не только плодомъ своей любви и здоровьемъ, но и жизнью своей. Беременная женщина не должна бить собаки и кошки ногою: отъ этого родившійся ребенокъ будетъ болѣть „сплишныкомъ“. Беременной женщинѣ не слѣдуетъ переступать черезъ коромысло и топтать ногами помело: трудные будутъ роды. Рассказываютъ, что одна неопытная женщина всегда затаптывала помело ногами. Ей говорили знающія бабы: „ты бѣ, молодыце, не топтала его ногами: негодыцьця, грихъ!“ На такія слова она всегда отвѣчала: „Таке! хто замича, той и одвича“. Наконецъ, настало время родить ей, но роды ея были такіе трудные, что не смотря на всѣ средства помощи, никто не могъ освободить ее отъ мученій. Тогда баба сказала ей: „мабудь ты, дочко, топтала помело“! И когда получила утвердительный отвѣтъ, велѣла ей кланяться помелу и Богу. Родильница исполнила приказаніе и потомъ разрѣшилась отъ бремени. Если беременная женщина лицомъ худая и блѣдная, то у нея родится сынъ, а если полная и красная,—будетъ дочь. Нѣкоторыя женщины передъ родами говѣютъ и, почувствовавъ симптомы родовъ, прощаются со всѣмъ семействомъ и родными. При началѣ родовъ, родильница снимаетъ съ себя кольца и серги, развязываетъ поясъ и всякія ленты, растегиваетъ все, что на ней застегнуто, а также отпираетъ всѣ замки и растворяетъ сундуки, двери, шкафы и все, что

въ домѣ затворено, — все это дѣлается ею (или мужемъ и бабою, если она не въ состояніи) „шобъ роды лёгчи булы“. Если же роды бываютъ трудные, тогда для ускоренія ихъ заставляютъ родильницу кланяться „батькови и матери“; обводятъ ее три раза вокругъ стола, причемъ она должна переступить черезъ пустой мѣшокъ, положенный на „доливку“, зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи и молятся Богу, а также идутъ къ священнику, прося его отворить Царскія двери и помолиться за освобожденіе отъ мученій.

При родахъ крестьяне не приглашаютъ медиковъ и акушеровъ, а всю помощь „породили“ (родильницѣ) возлагаютъ на бабу „пупоризку“, которая служитъ акушеркой и прислугой при родахъ. Какъ только родится ребенокъ, даютъ „породили“ для подкрѣпленія рюмку водки. Если родится мальчикъ, то ему баба отрѣзаетъ „пунь до сокиры, шобъ майстеръ бувъ“, а если дѣвочка, — „до гребинки, шобъ пряха була“. Дѣтское мѣсто обмываютъ, насыпаютъ житою и закапываютъ въ землю тамъ, гдѣ родился ребенокъ, причемъ кладется оно пуповиной вверхъ, „шобъ ще диты булы“, а если баба закопаетъ его пуповиной внизъ, то у родившей не будетъ уже больше дѣтей. — Въ тотъ домъ, гдѣ произошли родины, не пускаютъ дѣтей, говоря имъ: „не ходить туды, ато баба зниме поясъ и шарафанъ, або порве поясъ и очкуръ“. Если младенецъ, родившись, умираетъ, баба нарекаетъ ему имя и хоронитъ его, или въ хатѣ подъ столомъ, гдѣ онъ „охрещаецця“, когда батюшка молитву даетъ, или на „поду“ (мѣсто стога), гдѣ онъ „охрещаецця“, когда первые снопы кладутъ „навхрестъ“. Если же роды и ребенокъ благополучны, тогда отецъ новорожденнаго приглашаетъ воспріемниковъ съ себѣ въ домъ, гдѣ баба отдаетъ новорожденнаго куму и говоритъ: „нате вамъ новорождѣнне, а намъ принесить молѣтвенне и хрещене“. Воспріемникъ беретъ у нея дитя и передаетъ кумѣ, а самъ получаетъ отъ хозяина два хлѣба, или, по бѣдности, одинъ, и идутъ къ священнику. По возвращеніи отъ священника, воспріемникъ беретъ у кумы дитя и передаетъ его бабѣ со словами: „Брали у васъ новорожденнаго, а вамъ прынесли молѣтвеннаго и хрещенаго“ (говорится имя). Баба беретъ у кума

младенца и кладетъ его на приготовленное для него мѣсто или относить къ матери. Въ это время собираются на крестины гости — женатые и замужнія, приходящіе попарно, причемъ мужъ несетъ хозяину цѣлый хлѣбъ, который принимаетъ баба, а жена — кусокъ хлѣба, пирожокъ или „дробокъ“ (кусочекъ, грудочку) соли и отдаетъ „породили“, которая принимаетъ, засушиваетъ все это и грызетъ на „тщѣсерце“ (натошакъ), „шобъ лучшей бувъ покормъ дытны“. Когда соберутся гости, зажигаютъ лампаду и свѣчи, распускаютъ ладонь, молятся Богу и садятся за столъ. При этомъ кумъ и кума сидятъ рядомъ на первомъ мѣстѣ, на „покути“. Хозяева начинаютъ угощать гостей закусками, водкой и обѣдомъ. Гости берутъ въ руку рюмку, желаютъ новорожденному счастья, а „породили“ поскорѣе выздоровѣть, выпиваютъ водку, а оставшуюся выплескиваютъ на потолокъ, „шобъ новорождене пидскакувало“. „Породили“ кума даетъ первой всякаго кушанья и напитковъ, „шобъ покормъ для дытны увеличывся“. Когда кумъ и кума подносятъ по рюмкѣ, тогда они и гости дарятъ новорожденного нѣсколькими копѣйками, а, когда передъ узваромъ, называемымъ „опеньками“, подносить по рюмкѣ баба, тогда дарятъ и ее за труды, у кого же нѣтъ денегъ, тотъ говоритъ бабѣ: „я вамъ, бабусю, прійду завтра цыбулю полоть“. Обычай дарить новорожденного и бабу въ послѣдніе годы сталъ выводиться; бабу благодарятъ теперь сами родители новорожденного, давая ей за труды хлѣбъ, полотно и иногда деньги.

На второй или третій день послѣ родовъ собираются однѣ женщины на „злывки“ (или иначе въ „рай“), состоящія въ томъ, что баба изъ кувшина льетъ „породили“ на ладонь „непчатѣ воду“, смѣшанную съ хмѣлемъ и конопляннымъ сѣменемъ, а та, стоя правою ногою на вѣникѣ, положенномъ на „сокры“ (топоръ), подхватываетъ другою рукою съ локтя эту воду и пьетъ ее; это дѣлается на обѣихъ рукахъ три раза (2 раза на правой и 1 разъ на лѣвой), послѣ чего „породила“ можетъ безбоязненно вставать съ постели, гулять съ бабами и работать, если только въ состояніи. Во время „злывокъ“ на столѣ лежитъ хлѣбъ съ кусочкомъ соли сверху. Хлѣбъ этотъ беретъ себѣ баба по окончаніи „злывокъ“, а соль — „породила“, которая за-

вязываетъ ее въ пазуху сорочки и грызетъ на „тщѣсерце“, „шобъ прибавылось молока“. Во время „злывокъ“, баба смачиваетъ „породили“ водой изъ кувшина лицо и руки, „шобъ ништо не зглазывъ“, а грудь, „шобъ бувъ лучшей подкормъ“.

Послѣ родовъ „породила“ втыкаетъ себѣ въ пазуху вверхъ жаломъ иголку, „шобъ ништо не зглазывъ“; выходя же ночью на дворъ, она беретъ съ собою чаплійку, рогачъ или кочергу, „шобъ не случилось якого зла, або шобъ витромъ не пидвняло“.

Въ шесть недѣль родильница, сходявши въ церковь за молитвою, провѣдываетъ куму и бабу; къ послѣдней ходитъ она съ дѣтьми и гостинцами и на Богородицу (2-й день святокъ); въ это время баба старается угостить своихъ внучатъ.

Говорятъ, что женщины иногда портятъ, давая имъ что-то въ пищѣ или питьѣ, (отравляютъ или насылаютъ на нихъ), отчего у нихъ могутъ завестись въ животѣ, который сильно растетъ, мыши, жабы, черепахи и гадюки, иногда откликающіяся оттуда своимъ голосомъ.

Дѣти, родившіяся „въ сорочкахъ“, считаются счастливыми. Сорочку эту берегутъ и, когда вырастетъ ребенокъ, зашиваютъ ее въ поясъ или одежду его, которую онъ носитъ изрѣдка, по праздникамъ, и надѣваетъ въ особенно важныхъ и нужныхъ случаяхъ въ жизни, чтобы была удача и счастье въ предпринятомъ дѣлѣ. Иногда бабы или женщины крадутъ у неопытныхъ родильницъ эту „сорочку“, и даютъ ее носить своимъ дѣтямъ, вѣря, что къ нимъ перейдетъ то счастье, которое принадлежало родившемуся „въ сорочкѣ“.

Пуповину, которая отпадаетъ у ребенка съ завязанной коноплей, тоже берегутъ и даютъ развязать ее дитяти тогда, когда оно уже сдѣлается смышленнымъ; дѣлается это почти всегда передъ началомъ какого нибудь важнаго дѣла дитяти, „шобъ ёму було щастя въ цимъ дили и въ другихъ дилахъ“. Въ самый день рожденія младенца (также и скота) ничего изъ дома не даютъ и не продаютъ,—„шобъ дытына домивку знала“. Вообще не слѣдуетъ купать дитя въ тотъ день, въ какой оно родилось: утонетъ рано или поздно. По захожденіи солнца не слѣдуетъ поднимать дѣтей выше головы: не будутъ спать. Не

слѣдуетъ смѣшить дѣтей, „ато нападуть крыкльвици“. Когда ребенку исполнится годъ, стригутъ его на кожухѣ, разостланомъ вверхъ шерстью, и остриженные волосы втыкаютъ въ плетень, „шобъ кучерявый бувъ“, или въ коровій навозъ, „шобъ чорнявый бувъ“. Для того, чтобы были у человѣка крѣпкіе и долговѣчные зубы, онъ долженъ въ дѣтствѣ выпавшіе молочные зубы бросать въ сѣняхъ черезъ голову на чердакъ и говорить такъ: „Мышка, мышка! нѣ тоби костяный зубъ, а мини дай зализный“. Жениться на кумѣ нельзя: будетъ жизнь несчастлива или кто нибудь изъ женившихся умретъ, или сдѣлается калѣкой, или дѣти будутъ калѣки и пр.

Вечерницы въ настоящее время почти перевелись, и рѣдкіе родители отпускаютъ на нихъ своихъ дочерей. вмѣсто же вечерницъ дѣвушки, съ согласія родителей, ходятъ зимою въ семейные дома, гдѣ есть подруги, и тамъ работаютъ въ присутствіи всего семейства; иногда же, въ особенности по праздникамъ, „парубки“ и „дивчата“ вечерами собираются на такъ называемую „вулицю“ (собраніе), гдѣ вмѣстѣ и проводятъ время до полуночи, занимаясь пѣснями, шутками, игрой на гармоникѣ и т. п.

О сохранившихся же до сего времени вечерницахъ скажу слѣдующее. Дѣвушки избираютъ у кого-нибудь изъ малосемейныхъ хату, куда и собираются вечеромъ прясть и шить. Сюда вечеромъ сходятся и парубки, разговариваютъ съ дѣвушками, шутятъ, поютъ, играютъ и танцуютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, у которыхъ есть любимыя дѣвушки, остаются здѣсь и ночевать. Парубки уходятъ домой раньше, а дѣвушки—позже, иногда и позавтракавъ здѣсь, если принесутъ для этого чего-нибудь изъ дому; но во всякомъ случаѣ, какъ тѣ, такъ и другія, стараются уйти домой до свѣта, чтобы люди не видѣли. Опоздавшую дѣвушку пожилые люди осуждаютъ, а молодежь можетъ проводить свистками и „улюлюканьями“. Если какой парубокъ, не имѣющій сочувствующей ему дѣвушки, самовольно останется ночевать на вечерницахъ, то „дивчата“ для смѣха нашиваютъ ему на спинѣ разныхъ лоскутковъ, съ которыми онъ и домой идетъ, или насыпать въ шапку его сажу, толченаго мѣлу и т. п.

Лѣтъ 20 или 30 тому назадъ здѣсь вечерницы, рассказываютъ, были не такія. Тогда „дивчата“ тянули изъ дому на

вечерницы все, что возможно было: муку, пшено, сало, яйца, курей и т. п., а „парубки“ для вечерницъ покупали водку и нерѣдко, говорятъ, занимались для этого воровствомъ. Парубкамъ, пришедшимъ на вечерницы съ чужой улицы, рвали „очкуры“ (веревочки, которыя затягивались въ поясъ штановъ для поддержанія таковыхъ на тѣлѣ; теперь ихъ не носятъ) и часто били ихъ, да и вообще драки въ то время между молодежью были частыя. Стѣны же тѣхъ хатъ, въ которыхъ собирались вечерницы, почти каждую ночь парубки обмазывали дегтемъ и „расколупывали“ (ковыряли) вилами и кольями, что „дивчата“ старались замазать до свѣта. Въ дворахъ родителей, у которыхъ были дѣвушки, они часто ставили вѣхи, вѣшали люльки (порочной дѣвушкѣ) и уносили ворота, изъ которыхъ дѣлали на улицѣ загороду, куда загоняли скотъ, клали ему солому и т. п. Въ настоящее время о такихъ продѣлкахъ молодежи нигдѣ не слышно.

Свадебные обряды. *Обрядъ сватовства.* Когда сыну исполнится 18 лѣтъ, отецъ приглашаетъ двухъ родственниковъ или сосѣдей, называемыхъ въ этомъ случаѣ „старостами“, и посылаетъ ихъ къ отцу намѣченной невѣсты сватать своего сына. Тѣ приходятъ подъ окно и говорятъ: „добры-вечирь! пустить погрицьця!“ Имъ отвѣчаютъ: „мылосты просымъ, люды дѣбри!“ „Старосты“ съ палками и хлѣбомъ подъ рукою входятъ въ хату и привѣтствуютъ хозяина такъ: „здоровы днювалы, Боже поможы вамъ!“ Тотъ отвѣчаетъ: „спасыби, Боже й вамъ поможы“. Хлѣбъ старосты отдають хозяину, который кладетъ его на столъ, а ихъ приглашаетъ садиться на лавку. Они садятся, держа палки въ рукахъ, и говорятъ: „пытай, насъ, свату, чо́го мы до тебе прыйшли? Хочъ свать—не свать, а такъ добрый чоловікъ“. „Скажете, а я и буду знать“, отвѣчаетъ хозяинъ. „Мы чулы, шо у васъ есть дивчына, а у насъ хлопець, такъ чы не будемъ мы сватамы?“ „Та чо́гожь! якъ дило пидходяще, то й посватаемся. Тилко мы не знаемъ, чи понаравыцьця наша дивчына ваиному хлопцеву, ёго батькови и матери, а нашій дивчыни вашъ хлопець?“ Старосты при этомъ увѣряють, что „дивчына“ нравится „хлопцеву“ и его родителямъ, въ доказательство чего и посылають за ними. Тѣ приходятъ и на воп-

рось, предложенный имъ, отвѣчаютъ: „якъ бы ваша дивчына намъ не наравылась, такъ мы бь и старостивъ не прысылалы. Мы согласни зь вами посватацьця, тилко треба спытать согласія дитей.“ Въ это время женихъ сидитъ на лавкѣ, переминая въ рукахъ шапку, а невѣста стоитъ около печки и обязательно ковыряетъ пальцами глину въ стѣнѣ комина. Прежде спросятъ жениха, а потомъ невѣсту, которая, если ей женихъ нравится, отвѣчаетъ: „якъ батько й мате скаже, такъ и я“; если же ей женихъ не нравится, она убѣгаетъ изъ дому, прячется и плачетъ. Ее ищутъ и, нашедши, велятъ идти домой, но она со слезами говоритъ, что не пойдетъ туда. Получивъ согласіе молодыхъ людей, родители начинаютъ уговариваться о свадебныхъ подаркахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Условившись относительно подарковъ, свѣтятъ лампаду и свѣчи, молятся Богу, рѣжутъ принесенный старостами хлѣбъ (иногда этотъ хлѣбъ рѣжетъ сама невѣста или другіе съ ея позволенія, что означаетъ ея согласіе), ставятъ женихову водку, начинаютъ пить „могорычъ“ и даютъ „рушныкы“ или платки, т. е. подарки старостамъ, а если разомъ бываетъ и „сватанье“, то даютъ подарки жениху и родителямъ его. Если же родителямъ невѣсты нужно распроситься, то они оставляютъ хлѣбъ, отпускаютъ „старостивъ“ и приглашаютъ ихъ приходить въ другой разъ; затѣмъ въ 3-й, 4-й и т. д., пока порѣшатъ дѣло или совсѣмъ откажутъ. Запивши въ домѣ невѣсты „могорычъ“, родители жениха просятъ къ себѣ сватовъ и другихъ присутствующихъ на „разглядны“, что здѣсь въ насмѣшку называется „грызты пичъ“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ „могорыча“ и „разглядны“, гуляютъ „сватанья“, начинающееся тѣмъ, что родители посылаютъ невѣсту собирать „дружокъ“ (подругъ), съ которыми она ходитъ къ своимъ „родычамъ“ и знакомымъ и говоритъ имъ такъ: „просывъ батько й мате и я просю до насъ на сватанья“. Возвратившись съ „дружками“ домой, гдѣ уже собрались гости, невѣста здоровается съ будущимъ свекромъ и свекровьею земнымъ поклономъ, а съ остальными пояснымъ. Затѣмъ мать даетъ невѣстѣ тарелку съ подарками, которые та подноситъ свекру и свекрови, кланяется имъ въ ноги и перевязываетъ ихъ. Тѣ

благодарятъ за подарки и взаимно дарятъ ее: свекоръ кладетъ на тарелку 1 р. или нѣсколько коп., а свекровь перевязываетъ будущую невѣстку платкомъ. Потомъ невѣста подноситъ платокъ „старшему боярыну“ (шаферу), который беретъ его и вѣшаетъ „молодому князю“ (жениху) за поясъ, за что онъ тоже кладетъ на тарелку нѣсколько коп. Послѣ этого невѣста даетъ подарки „боярыну“ и близкимъ „родычамъ“, которые также бросаютъ ей по нѣсколько коп., что называется „подаркомъ на винóчки“.

Обдаривши кого слѣдуетъ, невѣста начинаетъ всѣхъ „часту-вать“ (угощать, подносить) рюмкою водки, которую наливаетъ „старшая дружка“ (шаферица). „Дружки“ же въ это время стоятъ среди хаты и поютъ:

„Заручена Марьечка, заручена
Положила билу ручку на за-
ручку.

Ручка моя билесенька у ба-
тенька,

Чы буде же така била и въ
свекорка?

Якъ будешъ ты, Марьечко, по-
кирненька,

Буде жъ твоя та рученька все
биленька.

Панóчокъ Иванко, панóчокъ
Изнявъ зъ Марьечкы та винóчокъ,

Пославъ до батенька гостыно-
чокъ.

Полынулы голубóнькы въ поле
годúчы,

Марьечкыно дивування та ны-
сúчы,

А за нымы Марьечка та й пла-
чучы,

Ридненького батенька та й про-
слычы:

— Переймай же, мій батеньку,
тíи голубы,

Воны жъ мое дивування съ со-
бою взяли.

— Высоко, дытя мое, полынулы,
Пидъ крылечко дивування пид-
горнулы.

Полынулы, дóнько моя, на ты-
хий Дунай;

Теперь же, дытя мое, хочъ не
переймай“.

Когда всѣмъ поднесутъ нѣсколько разъ по рюмкѣ и закусятъ, тогда отецъ жениха приглашаетъ сватовъ и гостей къ себѣ, а вся молодежь остается у невѣсты „вареныкы йисты“. Старшая дружка начинаетъ мѣсить тѣсто на вареники, всѣ остальные лѣпятъ, варятъ и подаютъ ихъ на столъ. Сначала подаютъ не-много варениковъ, которые начинаютъ ѣсть женихъ и невѣста, за ними же вся остальная молодежь быстро расхватываетъ ва-реники и расходится по домамъ. Остаются съ „молодыми“ толь-ко три или четыре „дружки“ и столько же парубковъ, въ числѣ

жениха, которые благодарятъ, даютъ ей взаменъ пару своихъ шишоекъ, сажаютъ ее съ дружками за столъ и угощаютъ водкой и пирогами, послѣ чего она уходитъ домой съ дружками, которыя поютъ:

„Мы въ свекрухы були,	Солодѣсенько та добрѣсеньке,
Перижѣчки йшли,	Ще й зъ медкомъ“.
Медъ-выно пылы	

Отецъ и мать встрѣчаютъ невѣсту въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью, она имъ кланяется и цѣлуетъ. Затѣмъ „пиддружый“ (у невѣсты „пиддружый“, а у жениха „дружко“—это по большей части родственники, опытные и знающіе люди, приглашенные хозяевами для распоряженія на свадьбѣ) беретъ полсть и говоритъ въ сѣняхъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“ Ему изъ хаты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Потомъ онъ продолжаетъ: „староста, пани—пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашого здоровья;—благословить въ сей чѣстный и важный домъ съ повѣстю ввійты!“ Ему отвѣчаютъ старосты: „Богъ благословить и мы благословимъ!“ „Пиддружый“ вноситъ полсть и разстиляетъ ее на „посадѣ“, т. е. на „причилковой“ лавкѣ за столомъ, гдѣ молодые будутъ сидѣть (это дѣлается будто бы для богатства). Послѣ этого „пиддружый“ беретъ пучокъ житной соломы, которая въ этомъ случаѣ называется „покрасою“, становится у дверей и проситъ у „старостивъ“ благословенія (какъ и при входѣ съ полстью) войти въ домъ съ „покрасою“. Получивъ благословеніе, онъ входитъ въ хату, вѣшаетъ солому на гвоздяхъ около иконъ, затыкаетъ ею бутылку водки или узварной юшки и ставитъ на столъ, гдѣ уже лежатъ три хлѣба: коровай, лежень и калачъ, украшенный калиною и заполочью; на немъ лежитъ пара ложекъ, связанныхъ краснымъ гарусомъ. Въ „лежень“ втыкаютъ „рясне“—терновое или вишневое деревцо, украшенное разноцвѣтной бумагой, гарусомъ, заполочью и соломой. Управившись съ „покрасой“, „пиддружый“ идетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ невѣста съ дружками, беретъ ее за платочекъ, держимый ею въ рукахъ и говоритъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“ Старосты, сидящіе около стола, отвѣчаютъ: „Аминь!“ „Пиддружый“ продолжаетъ: „спасеть Богъ за аминь, за родительську молитву. Ста-

роста, пани—пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашего здоровья;—благословить въ сей чёсный и важный домъ молодую княгиню за стиль завесты, и въ другой разъ, и въ третій разъ!“— „Богъ благословить и мы благословымъ трычи разомъ!“ отвѣчаютъ старосты. Получивъ благословеніе, „пиддружый“ ведетъ „молоду“ въ хату и сажаетъ на „посадъ“, гдѣ съ лѣвой стороны садятся и „дружки“. Отецъ и мать „частуютъ“ гостей водкой, поднося каждую рюмку невѣстѣ, которая стоитъ и кланяется съ старшею дружкой, пока родители выпьютъ и обнесутъ всѣмъ гостямъ. Поподчивавъ всѣхъ гостей, подносятъ невѣстѣ, которая беретъ рюмку платочкомъ, выпиваетъ, сколько можетъ, отдаетъ обратно и садится; тогда подносятъ дружкамъ. Послѣ этого хозяева „отклоняются“ (извиняются), а „пиддружый“, испросивъ благословеніе, выводитъ „молоду“ изъ-за стола и провожаетъ ее съ дружками на вечерницы. Хозяева, по уходѣ невѣсты, „частуютъ“ опять гостей, даютъ имъ ужинать и „отклоняются“, послѣ чего они расходятся по домамъ. Женихъ, у котораго подъ руководствомъ „дружка“ дѣлается все то, что у невѣсты, приходитъ съ „боярами“ на вечерницы къ своей невѣстѣ. Здѣсь они пьютъ по рюмкѣ, бесѣдуютъ, ужинаютъ и ложатся спать также, какъ послѣ сватанья.

Обрядъ свадьбы. Если во время вѣнчанія, которое у крестьянъ чаще всего бываетъ въ день свадьбы (въ воскресенье), у кого изъ новобрачныхъ потухнетъ свѣча или больше сгоритъ, тотъ скорѣе умретъ. Кто изъ новобрачныхъ при вѣнчаньѣ раньше станетъ на „рушныкъ“ или платокъ, тотъ будетъ старшинствовать въ домѣ.

Нѣкоторые бѣдняки не гуляютъ свадьбы, а послѣ вѣнца зовутъ къ себѣ невѣсту и ея родителей, выпиваютъ, закусываютъ, дарятъ и привозятъ невѣстино приданное, а на другой день похмѣляются, чѣмъ и кончается подобная свадьба. При такихъ условіяхъ невѣста, выходя изъ церкви старается незамѣтно уйти домой; чтобы этого не случилось, женихъ долженъ не зѣвать и беречь ее, а иначе ему или боярину придется порядочно нагрѣть чубъ, догоняя невѣсту, бѣгущую по улицѣ. Если вѣнчаются за нѣсколько дней до свадьбы, то новобрачные послѣ вѣнца отправляются обѣдать къ тѣмъ родителямъ, какіе жи-

ки вводятъ въ стыдъ; бываютъ же и зубастыя, оскорбившись, онѣ поютъ въ отвѣтъ:

„Щуки, дружечки, щуки, Брешети якъ ти суки,	Е на мори раки, Брешете, якъ собаки“.
--	--

Если дружки, сидящія рядомъ съ невѣстой за столомъ, не поютъ, стыдись бояръ, то тѣ дружки, которыя стоятъ передъ столомъ, поютъ на ихъ счетъ:

„Дружки муку йилы, Тымъ и понимилы; Ой, дайты имъ йисты	За доброй висты, Ой, дайте имъ пыты, Шобъ умилы говорыты“.
---	--

Тѣ, если не струсятъ, отвѣчаютъ:

„Лозы, бояре, лозы! Рубайты занозы:	Дружокъ запрягаты На ленокъ ораты“.
--	--

Подобныя пѣсенныя перебранки продолжаются иногда до тѣхъ поръ, пока хозяева или старики начнутъ унимать и стыдить дружокъ, которыя тогда поютъ:

„Мыромъ мыромъ, Перижечки съ сыромъ,	Варенычки въ масли, Бояры прекрасни,—помыримся“.
---	---

Когда отецъ, а за нимъ мать поднесутъ по рюмкѣ, тогда старшая дружка разряжаетъ невѣстѣ голову, снимая всѣ ленты, кромѣ платка и „виночка“, а другой „виночекъ“ подаетъ свашкѣ, стоящей на лежанкѣ (сестра невѣсты), которая пришиваетъ его къ жениховой шапкѣ и поетъ:

„Зятю хороший, Готовъ копу (15 коп.) грошей,	Та копою не одбудешъ, Хиба мини жупанъ купышъ“.
---	--

Затѣмъ подають шапку на тарелкѣ „боярину“, который три раза надѣваетъ ее на голову жениха и снимаетъ; дружка же даетъ невѣстиной сестрѣ условленные деньги (1—2 руб. или нѣсколько коп.), шишку и „чарку горилки“. Получивши плату, она поетъ:

„Казалы бояры,— Зять богатый, Та казалы бояры,—	Грошей михъ, А винъ положывъ полушку, Якъ на смихъ“.
---	--

Послѣ этого дружка, начинаетъ давать роднымъ невѣсты подарки“, выговоренные на могорычѣ: матери чоботы (3 р.), сестрамъ по 3 арш. хорошей ленты (90 к.), бабѣ платокъ (1 р.), братьямъ, которые еще не получали, по 1 руб. денегъ и проч.

Получивъ отъ зятя подарки, родители невѣсты взаимно дарятъ сватовъ, что дѣлается такъ: дружка держитъ палку, а мать невѣсты вѣшаетъ на нее „подарки“ (платки и рушники), которыя подаются на палкѣ—сначала жениху (платокъ), котораго перевязываетъ боярынь, потомъ дружку, старостамъ, свашкамъ, свитылкѣ и въ заключеніе боярамъ—коротенькія красныя ленточки. Въ это время дружки поютъ:

„Не подывуйте боярочки,
Шо коротенькы подарочки:
Конопелькы маленькы,
Подарочки коротеньки.

Повна була скрыня,
Теперь половина:
Надобрала мате
Боярь дарувате“.

Сваты, принимая подарки, говорятъ: „Спасыби сватови, сваси и молодой княгиви, шо рано вставала, та подарки пряла, и насъ дарувала“. Затѣмъ женихова свашка вынимаетъ изъ мѣшка, привезеннаго отъ родителей молодого, по парѣ шишекъ, кладетъ на тарелку и подаетъ дружку, а этотъ послѣдній—свату и свахѣ, крестнымъ отцу и матери и всѣмъ ихъ роднымъ и близкимъ, и наконецъ дружкамъ; если же имъ не дадутъ, то онѣ опять поютъ, „свашка не липашка“ и проч. Потомъ дружка начинаетъ рѣзать коровай, куски котораго кладетъ на тарелку и подаетъ молодому и молодой, свату и свахѣ, крестнымъ, всѣмъ родственникамъ, старостамъ, свашкамъ, свитылкѣ и „запорожцямъ“, т. е. чужимъ, пришедшимъ посмотреть на свадьбу и стоящимъ за порогомъ, въ сѣняхъ; сподку, оставшуюся отъ коровай, даютъ „визныци“, т. е. ямщику, который повезетъ невѣсту. Когда дружка рѣжетъ коровай, бояре хватаютъ куски, прячутъ себѣ, даютъ дружкамъ, которыя поютъ:

„Чы не бачышь ты, дружка,
Шо бояре коровай крадутъ,
Та въ михъ, та въ кышеню—

Батьковина вечерю,
Та въ михъ, та въ рукавыци—
Дивчатамъ на вечерныци“.

Дружка продолжаетъ рѣзать, бояре же, не переставая хватаютъ, почему онѣ говорятъ: „Тикайты, хлопци, руки порижу! Прыймайты руки,—порижу!“ Дружки продолжаютъ пѣть:

„А казала дружка старъ, старъ,
А винъ молодесенькый,
Якъ гай зеленесенькый;
А на ему каптанъ, каптанъ

Соломою напханъ, напханъ;
Очи въ клоччи,
А зубы въ ремени,
Носъ въ попері,

Мочулою борода сшита, | Лычкомъ подперызався,
Обручамы голова збыта; | Къ короваю прибрався“.

Управившись съ короваемъ, начинаютъ опять вышивать и закусывать; и если дружка не спѣшитъ и замѣшкается, то дружки поютъ:

У синечкахъ голубонько гуде, | Шобъ зъ дороженькы та не
А въ свитлоньку голосокъ иде, | зблудыты,
То жъ не голубонько гуде, | А Марьечки та не загубыты.
То жъ Иванко съ тестемъ го- | Не бийсь, затю, темной ночи,
воре: | Даю тобі провиднычѣнька,
Ты тестѣньку, ты мий батѣньку, | Вороного та конычѣнька
Давай же намъ та вечеряты: | И шабельку для охотонькы,
Теперь ничка та темнѣнькая, | И Марьечку для размѣвонькы“.

Потомъ дружки встаютъ изъ-за стола и старшая изъ нихъ тянетъ за собою невѣсту, которую женихъ придерживаетъ; невѣста въ это время плачетъ, а дружки поютъ:

„Прощай прощай, | Мы жъ твое дивування соби
Марьечко, сестро наша; | беремо,
Мы не твои дружечкы, а ты не | Молодого та Иванка тобі да-
наша; | рымо“.

Уже жъ мы идемо,

Идя изъ хаты, они поютъ слѣдующія пѣсни:

„Брала Марьечка лень, лень, | Якъ насъ выгоняты
Выгоняла дружечекъ вонъ, вонъ; | Зъ рубленой хаты?“
На щобъ було браты.

„Сердѣнько, мыленько! | Будемъ говориты,
Присунься близенько,— | Якъ на свити жыты“.

„Жаль же намъ, Марьечко, тебе, | А теперь же намъ розлука зъ
Шо зазвала насъ до себе, | тобою,
Якъ зъ ридною сестрою“.

„Пшло жъ твое дивуваннячко | Медь-выно вышиваючи,
По столамъ та й по ослонамъ, | Дивування вспоминаючи“.

Во дворѣ онѣ поютъ:

Сидай, Марьѣчко, на возы,	Други наровѣ — вечерниці,
Кыдай бѣтковы наровѣ:	А трѣти наровы — куды йшла
Первѣ наровѣ — вулиця,	Бѣткову худобу рознесла“.

Вышедши за дворъ, поють послѣднюю пѣсню:

Загрибай, маты, жаръ, жаръ,	Кыдай у шчъ дрѣва,
Колы тоби дочки жаль, жаль;	Оставайсь сама здорова“.

Разомъ съ дружками уходятъ бояре и свитылка, а около плачущей невѣсты садятся женщины-свашки и поють:

О, уже жъ, ненько,	— Доненько моя! сама нема-
Уже не раненько;	ненька,
Чомъ ты не вчышь, ненько?	А будь соби розумненька:
Чомъ мене не вчынь,	Годы, доненько моя, старому и
Чомъ не навчаешъ,	малому,
Якъ свѣкорку годыты?	И Иванкови молодому“.

Затѣмъ подають ужинъ, послѣ котораго двѣ свашки становятся на лавку и начинаютъ „покрывать молоду (этотъ обрядъ выводится): снимають съ нея платокъ, смачивають водкою волосы, подбирають ихъ по женски, надѣвають „очинокъ“, берутъ въ руки за концы снятый съ нея платокъ (раньше брали серпанокъ), кладутъ себѣ на голову — одна женихову шапку съ „виночкомъ“, а другая снятый съ невѣстинаго платка „виночекъ“, начинаютъ махать надъ головою невѣсты платкомъ и поють:

„Покриванка плаче,	Не такъ покрывацьця,
Покривацьця хоче,	Якъ поцилувацьця“.

Въ это время свашки цѣлуются, перемѣняются шапкой и виночкомъ и опять также продолжаютъ до трехъ разъ; послѣ чего этотъ платокъ сворачивають, какъ нужно обвязываютъ имъ „очинокъ“ на головѣ невѣсты, которая все время плачетъ, съ правой стороны прикалываютъ виночекъ и говорятъ:

„Мы такъ зробылы,	За цю висть
Якъ самы схотилы:	Чарокъ шість,
Съ кныша наляницю,	А съ шесты
Зъ дивчыны молодыцю.	Хочъ по одній шиднесты“.

По окончаніи „покривання“ дружка просить у старостивъ благословенія „вывести дитей изъ за стола, Богу помольцьця, отцю — неньци въ ноги поклоньцьця“, и, получивъ таковое, выводитъ молодыхъ и ставитъ среди хаты. Около стола становятся отецъ съ иконой Божіей Матери и мать съ хлѣбомъ;

молодые кланяются три раза отцу, цѣлуютъ икону и его, потомъ—матери, получившей икону, также кланяются и цѣлуютъ. Затѣмъ отецъ, отдавъ дочери икону, а зятю два хлѣба, говоритъ: „Наты, диты, хлѣбъ—силь, дбайты и майты, до цѣго хлѣба прибавляйты. Слухайты батька й матери, и добрыхъ людей; другъ друга любить и почитайты“. Выслушавъ наставленіе, молодые, въ сопровожденіи пріѣхавшихъ сестры или родственницы невесты, называемой „приданкою“, выходятъ изъ хаты и садятся въ тарантасы и на лошадей, а бояре выносятъ невестино приданое: сундукъ, одежду, двѣ подушки и проч. Невѣста, слѣзши на тарантасъ, крестится на всѣ четыре стороны и стоитъ съ иконой, а около нея садятся свашки и „свитылка“. Дружокъ же, взявъ за поводъ коня, обводитъ жениха вокругъ тарантаса три раза; женихъ каждый разъ бьетъ свою невесту плетью, причемъ достается иногда свашкамъ и свитылкѣ; послѣ третьяго раза невеста крестится и садится въ срединѣ между свашками. Женихъ и бояре, сидя верхомъ на лошадяхъ, обнажаютъ головы, крестятся и такъ выѣзжаютъ на улицу, гдѣ опять крестятся, надѣваютъ шапки и ѣдутъ впередъ, а за ними невеста и свашки, которыя поютъ:

„Кони, кони—ведмѣди,
Чы надіетесь на сылу,
Чы довызете княгыню
Черезъ тую гірочку крутую,
Та въ тую свитлѣньку новую?

А въ тий свитлѣнци медь-
выно пьютъ,
Тамъ тебе, Марьечко, давно
ждуть“.

„Помалу, бояры, помалу!
Та не выломить терныны,
Та не выпустить звырыны.

Мы свои коныченькы пото-
мылы,
Поки цю звырыну уловылы“.

Проводивъ поѣздъ, родители невесты и оставшіеся гости входятъ въ хату. Мать невесты плачетъ, старыя бабы поютъ:

„Пожалуйте вы мене, мои сусі-
дочки,
Шо нема у мене теперъ дочки:

Та никому мини хаты тошыты
И воды носыты, и на ричку
ходыты“.

Послѣ этой пѣсни пьютъ водку, ужинаютъ и расходятся по домамъ, получивъ приглашеніе хозяина придти на другой день. Въ это время (ночью) поѣздъ ѣдетъ къ церкви, объѣзжаетъ ее одинъ разъ (всѣ поѣзжане крестятся на всѣхъ четырехъ

сторонахъ церкви) и ѣдетъ домой. Подъ ѣзжая къ двору жениха, свашки поютъ:

„Одчынй, батѣньку, новій двирь,	Буде тоби до вику слугою;
Йиде до тебе сынокъ твий	Буде тоби до вику службыты,
Изъ молодою жонюю,	Шобъ у тебе чѣстоньки зажыты“.

Заслышавши приближеніе поѣзда, гости разводятъ на воротахъ огонь, будто бы очищающій отъ всякихъ чаръ и заговоровъ; поѣздъ переѣзжаетъ черезъ него и останавливается около порога, гдѣ собравшіяся „дивчата“ поютъ:

„Десь нерада маты,	Шось тоби бояры привезлы.
Шо не выйде съ хаты	Привезлы скрыню, пырыну
Оглядить дытаты.	И молодую княгыню“.
Выйды жъ ты, матинко, огляды,	

Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ на дворѣ съ хлѣбомъ-солью и вводятъ ихъ въ хату. Женихъ кладетъ привезенный хлѣбъ на столъ, а невѣста отдаетъ „благословення“ (икону), обернутое рушникомъ, свекру, который беретъ, цѣлуетъ и ставитъ на „покути“. Заводятъ молодыхъ за столъ, даютъ по рюмкѣ, и закусываютъ пирожками; послѣ чего дружка и свашки ведутъ молодыхъ къ сосѣдямъ спать, гдѣ невѣста по обычаю должна раззуть жениха. Гости еще нѣсколько выпьютъ и закусятъ, а потомъ расходятся по домамъ до слѣдующаго дня. Ночью дружка извѣщаетъ родителей невѣсты о ея цѣломудрїи, которые весьма радуются этому. На другой день (въ понедѣльникъ) гости начипаютъ собираться чуть свѣтъ и говорятъ: „Спасыби за вчерашне, а сегодня дайты“, и начинаютъ похмѣляться. Собираясь и здороваясь, они обязательно цѣлуются. Собравшіяся женщины поютъ „свекрусї“:

„Невѣсточка-переміночка,	Хату топы, воду носы
Перемины мое ділечко:	И на ричку ходы“.

Невѣста, вставши въ этотъ день, вѣшаетъ къ иконамъ свои „рушники“, застилаетъ столъ своею скатертью, даетъ утиральникъ и проч. Когда всѣ гости порядочно подгуляютъ и закусятъ медомъ и другими кушаньями, тогда они берутъ красный флагъ на шестѣ, „водку, закуски, большую шишку отцу невѣсты, украшенную калиной, и съ музыкой ведутъ новобрачныхъ „снидать“ (завтракать) къ родителямъ невѣсты. Пришедши сюда, они выпиваютъ, рѣжутъ „лежень“, ѣдятъ его

съ медомъ и затѣмъ просятъ родителей и всѣхъ ихъ гостей къ себѣ, говоря: „Мылосты просымъ въ отѣцкій домъ,—не выборно, а всихъ покорно“. Это называется „перезвѣю“. Затѣмъ новобрачные съ гостями возвращаются домой раньше, а тесть и теща съ своими гостями приходятъ послѣ. Какъ только возвратятся молодые, мать жениха начинаетъ давать „подарки“ (платки и платочки), вѣшая ихъ на палку дружкову, который подаетъ и кричитъ—такому-то! Обдаривши всѣхъ подарками, начинаютъ подчивать водкой, наливая по двѣ рюмки и поднося попарно—сначала родителямъ, потомъ крестнымъ жениха, близкимъ роднымъ и гостямъ. Новобрачные всѣмъ кланяются въ ноги, прося ихъ выпить; тѣ пробуютъ напитокъ, поднося его къ губамъ, и говорятъ: „гѣрко“, чѣмъ заставляютъ молодыхъ цѣловаться. Отецъ жениха, дая дѣтей, говоритъ: „Дарую васъ, диты, щастемъ—здоровьемъ, умомъ добрымъ и виномъ довгымъ. Шо въ мене е, то й ваше. Не забувайте батька й матери: почитайте недѣли, празнікы, посны дни и старыхъ людей“. Мать же говоритъ такъ: „Дарую я васъ, диты, щастемъ—здоровьемъ, а тоби, дочко, рогачъ та кочергу“. Когда свои обдарятъ, приходятъ родители невесты съ гостями, начинаютъ и тѣ дарить; родители дарятъ новобрачнымъ пару воловъ, корову или телицу, а гости, какъ тѣ, такъ и другіе, дарятъ: мужчины—овцу, ягненка, мѣшокъ пшеницы или по 1 р. денегъ, а женщины—полотна или ситцу на сорочку или на рукава, причемъ всѣ мужчины и женщины кладутъ на тарелку по мѣдной монетѣ, говоря: „Дарую васъ щастемъ—здоровьемъ и червонцемъ“. По окончаніи „даровъ“ пьютъ, ѣдятъ, поютъ, танцуютъ, бьютъ горшки и другую посуду, послѣ чего расходятся по домамъ. Во вторникъ приходятъ „похмыляцця“, купаютъ свекруху и выводятъ ее на улицу, чтобы потанцевала. Купаютъ такъ: кладутъ ее въ рядно, выносятъ во дворъ, обливаютъ водою и надѣваютъ на нее невестино платье и все ея украшеніе. Въ среду дѣлаютъ „складку“, что называется „съ носа по грошу“ и производятъ „забѣвыны“, т. е. ходятъ по приглашенію къ сватамъ, дружку, свашкамъ и другимъ; это продолжается и въ четвергъ, а кое-гдѣ и въ пятницу, чѣмъ и кончается свадьба.

Подсчитаемъ теперь свадебные расходы, начнемъ съ расходовъ со стороны жениха. На могоричѣ во время сватовства пьютъ женихову водку и еще выговариваютъ съ него за невесту: 1—2 ведра водки (10 р.), мѣшокъ пшеничной муки (3 р.) и деньгами, смотря по состоянію сватающихся, отъ 5 до 100 р.; кромѣ того выговариваютъ подарки, которые даются на свадьбѣ: матери красные „чѣботы“ или деньгами 3 р., братьямъ деньгами, что называется „на коня“, отъ 50 коп. до 1 руб. каждому, сестрамъ, смотря по ихъ возрасту, по 3 арш. хорошей ленты, по платку или деньгами, отъ 50 к. до 2 р. каждой и тремъ „сторожамъ“ по 5 к. каждому. Въ понедѣльникъ во время „даровъ“ родственникамъ своимъ даютъ рублевые платки и дорожки, а гостямъ — платочки по 15 или 20 коп. Водки и вина, смотря по богатству хозяина и количеству гостей, выходитъ: на могоричѣ и сватаньѣ отъ 1 до 5 вед., а на „пидвесилку“ и свадьбѣ до конца ея—отъ 3 до 15 и болѣе ведеръ. Муки пшеничной расходуется за всѣ свадебныя гулянья отъ 5 до 15 пуд.; изъ мясного рѣжутъ на богатой свадьбѣ до 5 шт. овецъ, кабана и разной домашней птицы до 20 шт. Музыкантамъ платятъ за свадьбу отъ 5 до 10 р., но они не на всякой свадьбѣ бываютъ. Лошади на свадьбѣ бываютъ свои, т. е. собранныя у родственниковъ, на кормъ которыхъ выходитъ хозяйскаго сѣна руб. на 10; одна же тройка нанимается подъ „молоду“ за 3 руб. Подводя общій выводъ расходовъ на свадьбѣ средняго достатка, включивъ сюда и тѣ расходы, о которыхъ выше не было сказано, получимъ:

- 1) За вѣнчаніе, вѣнцы и свѣчи и т. п. . . . . 15 р.
- 2) Средняя плата родителямъ за невесту . . . . . 20 „
- 3) Свадебныхъ подарковъ родителямъ и родственникамъ невесты . . . . . 8 „
- 4) Разнаго хлѣба за всю свадьбу . . . . . 10 „
- 5) Разнаго мясного, сала, масла и т. п. . . . . 20 „
- 6) Водки, вина, браги, меду и проч. . . . . 50 „
- 7) Подарковъ, даваемыхъ въ понедѣльникъ родственникамъ и гостямъ . . . . . 10 „
- 8) Музыкантамъ, за лошадей и на сѣно сборнымъ лошадямъ . . . . . 17 „

Всего 150 руб. Этотъ расходъ средней крестьянской свадьбы кажется большимъ; но онъ уменьшается тѣмъ, что въ понедѣльникъ гости всегда возвращаютъ половину расходовъ стариваніемъ хлѣба, овецъ, ягнятъ, телятъ, денегъ и проч.

Свадебные расходы со стороны невесты гораздо меньше расходовъ жениха, если не считать ея приданого, состоящаго, какъ уже сказано изъ сундука (4 р.), двухъ подушекъ (6 р.), трехъ кожуховъ (25 р.), двухъ свитъ (8 р.), пальто (10 р.), двухъ паръ „чобітъ“ (5 р.) и прочей мелочи (около 20 р.), а также коровы (20 р.), которую въ понедѣльникъ даритъ отецъ своей дочкѣ. Вотъ общій приблизительный выводъ расходовъ на свадьбѣ невесты тоже средняго достатка:

- 1) Разныхъ подарковъ во время могорича, сватанья и свадьбы . . . . . 6 р.
- 2) Разнаго хлѣба за сватанье, подвесилокъ и свадьбу. . . . . 6 „
- 3) Разнаго мяеного, сала, масла и проч. . . . . 15 „
- 4) Водки, вина, браги, меду и проч. . . . . 20 „
- 5) Сѣна на кормъ лошадямъ за все время сватовства и свадьбы . . . . . 7 „

Всего 54 р. Итого съ обѣихъ сторонъ 204 руб.

Пословицы и поговорки, относящіяся къ свадьбѣ и женитьбѣ:
 „Свайба сорочку найде. Женыцця не напасть, та якъ бы, ожившысь, не пропасть. Кто рано женыцця, — никола не каецця. Винъ тоди буде женыцця, якъ бугаи начнутъ тельцця. Суженого конемъ не обидешъ. Який ѣхавъ, таку ѣ встривъ. Есть каятьтѣ, та нема воротѣтѣ. Невиста безъ миста, а женихъ безъ ума. Зъ Богомъ. Параско, колы люди трапылысь (нашлысь). Хочъ за старця, абы не остацця. Де не ходывъ, а чарочку заробывъ“.

Похоронные обряды, причитанія и поминки. Когда чело-вѣкъ умираетъ, то съ нимъ прощаются всѣ члены семейства; если умираютъ родители, дѣти просятъ у нихъ благословенія себѣ на самостоятельную жизнь, а если кто изъ дѣтей умираетъ, то родители снимаютъ со стѣнки икону, проводятъ ея крестообразно надъ кончающимся и говорятъ: „Господь тоби, дятя, благословыть и я благословлю на вишне жытїя“. Такъ какъ, по народной вѣрѣ, на постели и въ особенности на „по-

душкахъ“ трудно умирать, то кончающагося снимаютъ съ постели и кладутъ на „доливку“ (земляной полъ), подостлавъ подъ него „рядно“ или что нибудь изъ платья, а въ руки даютъ „страшную свичку“. Какъ только скончается человѣкъ, зовутъ сосѣдей и съ помощью ихъ обмываютъ умершаго, расчесываютъ, надѣваютъ на него чистое платье, крестикъ на шею и слабенько подвязываютъ ленточкой изъ какой нибудь матеріи, а на ноги надѣваютъ чулки. Затѣмъ взрослыхъ кладутъ на „лавѣ“ (скамейкѣ), а малыхъ на столѣ; складываютъ имъ руки, связываютъ ноги, чтобы не расходились, закрываютъ глаза и ротъ, для чего нерѣдко подвязываютъ подбородокъ платочкомъ. Съ правой стороны, подъ поясъ, покойнику „подтыкаютъ хустку“, въ которую увязываютъ мѣдную монету (1, 2 или 3 к.), „шобъ було чымъ откуныцца на тимъ свити, якъ ходытыме душа по мытарствамъ“; все тѣло до рукъ покрывается „серпанкомъ“ (кисеею); въ лѣвую руку даютъ восковой крестикъ, а правая, лежащая на лѣвой, остается свободной, потому „шо нею прыйдецца хрестыцца“; на голову же надѣваютъ вѣничикъ, въ который цѣлуютъ родственники и знакомые, приходящіе проститься съ умершимъ и приносящіе при этомъ въ даръ ему ладонь, хлѣбъ, деньги и полотно. Кромѣ вышесказаннаго убранства, женщинамъ надѣваютъ на голову „очинокъ“, а если его нѣтъ, обвязываютъ голову платкомъ, сверхъ которыхъ повязываютъ вѣничальнымъ (если онъ есть) или куцленнымъ для этого „серпанкомъ“; дѣвушкамъ же повязываютъ голову шелковымъ или другимъ хорошимъ платкомъ, убираютъ ее вѣнками изъ разныхъ ленточекъ и „подпиризуютъ рушныкомъ“ безрукавую юшку или обыкновенную кофту; ихъ надѣваютъ и на умершихъ женщинъ. Послѣ этого, если есть въ домѣ зеркало, оборачиваютъ его стекломъ къ стѣнѣ, или закрываютъ его чѣмъ-нибудь; вѣшаютъ на стѣнѣ, около иконъ, одинъ рушникъ, на которомъ душа умершаго въ продолженіи шести недѣль садится, когда прилетаетъ въ свой домъ, и ставятъ въ головахъ покойника чашечку съ медомъ, къ которой лѣпятъ зажженную свѣчу. Эта чашечка стоитъ на окнѣ или около иконъ 6 недѣль; утромъ и вечеромъ зажигается около нея свѣча, потому что въ это время душа умершаго прилетаетъ и „йистъ медокъ изъ неи“.

Убравши покойника, распускаютъ ладонь, зажигаютъ лампаду и свѣчи около иконъ и молятся всѣ, находящіеся здѣсь, за упокой новопреставленной души. Затѣмъ извѣщаютъ о смерти священника, который назначаетъ время погребенія, и церковнаго сторожа, чтобы онъ прозвонилъ по умершему; приглашаютъ „чернычку“, а въ рѣдкихъ случаяхъ псаломщика, читать по покойнику псалтирь, что къ сожалѣнію не всегда дѣлается, и зовутъ соседей дѣлать „доломыну“ (гробъ) и рыть „яму“ (могилу).

Во время пищи въ домѣ, закрываютъ лицо покойника „серпанкомъ“. Если умершій „дывыцьця однимъ окомъ“, то въ этомъ семействѣ будетъ еще одинъ покойникъ, если обоими,—будетъ два, а если, кромѣ этого, все тѣло мертвеца мягкое, руки расходятся и не держатся на своемъ мѣстѣ, то въ этомъ домѣ многіе поумираютъ.

До погребенія надъ покойникомъ читаютъ псалтирь, если есть кому читать, плачутъ и тужать родственники, а также поютъ бабы слѣдующую „псалму“:

„Господи Боже мій, Царю!	Шо стины,—то сусиды мои,
Прыймы одъ мене писнь сню:	А червія,—то друзья мои,
Взойду-жъ я на гору высокую,	А сыпучий песокъ,—то по-
Та глянѹ въ долину глыбокую;	стеля моя,
Тамъ увыжу я свій вышній	А сыра земля,—то маты моя.
гробъ.	Прыймы-жъ мене, яко чадо
Гробе мій, гробе, предвышній	Твое,
доме!	На вышне жытія“.

Когда сдѣлаютъ „доломыну“, кладутъ въ нее, гдѣ будетъ лежать голова покойника, древесныя стружки, васильки (они негниющіе) и подушечку съ нашитыми по угламъ и посрединѣ крестиками, набитую тоже васильками. Затѣмъ окропляютъ „доломыну“ святой водой, накуриваютъ ладонемъ и застилаютъ полотномъ; послѣ чего кладутъ туда умершаго, покрываютъ его „покрывцемъ“ (холстомъ) и закрываютъ крышкой, на которую кладутъ для духовныхъ три „покрывця“, два „правиднычкы“ (свѣчи) съ платочками и еще одинъ платокъ подъ евангеліе. По бѣдности можно ограничиться и однимъ „покрывцемъ“, положеннымъ на „доломыну“, но вовсе безъ нихъ нельзя хоронить. Одна женщина, когда хоронила своихъ дѣтей, по скупости не

положила „покрывцивъ“, говоря: „це все лышне: выдумалы духовни бля своей нажывы“. И что же? Каждую ночь стало ей сниться, что приходятъ къ ней умершия дѣти и говорятъ подъ окно: „Мамо, мамо! чомъ ты не дала, чого намъ треба“? Дошло до того, что женщина не могла уже и спать, и только тогда прекратились сновидѣнія, когда она, по совѣту людей, наняла читать по своему дѣтямъ псалтирь и раздала „покрывци“ на погребеніе чужихъ дѣтей.

Какъ только покойника вынесутъ изъ хаты, сейчасъ же кто нибудь сыпетъ жито (и терень) на столъ и на лавки, „шобъ жывымъ гожо (хорошо) жылось“, а когда вынесутъ изъ двора, то затворяютъ ворота и завязываютъ ихъ поясомъ, „шобъ хвороба не вернулась и мертвецъ не ходывъ“.—Хозяева, мимо которыхъ несутъ покойника, тоже „зачыняють ворота и хвѣртку (калитку), шобъ хвороба не ввалылась“. Черезъ дворъ, огородъ и садъ хозяева не позволяютъ нести умершаго, потому что отъ этого „садокъ омертвіе и не буде родыты: тоди хочъ вырубай ёго“.—Если „молодій княгынь“ (невѣстѣ) перейдутъ дорогу съ покойникомъ, то „не буде ий щастя и доли въ замужестви“.

Провожая на вѣчное житіе своихъ родителей, мужчины всегда плачутъ тихо, а женщины по большей части громко тужать и причитываютъ такъ: „Моя ненько, моя жъ ридненько! Моя зузуленька сывесенька, моя правдонька вирнесенька! Та зузуленька въ саду та раненько куде, а моя жъ ненька въ доми та порядки дае“.—„Мій таточку, мій риднесенькій! Мій соловейко сывесенькій! Соловейко въ саду та раненько встае, а батёнько въ доми та порядки дае“. — „Хто жъ насъ буде въ гѣстоньки ждаты, та хто жъ насъ буде встричаты, хто жъ намъ буде воріточки одчиняты, та хто-жъ насъ буде витаты (угощать, привѣтать), хто-жъ насъ буде провожаты, та хто-жъ намъ буде правдоньку казаты? Мы-жъ съ тобою, моя ненько, якъ побалакаемъ, такъ якъ у скрыню положымъ. Та теперь же, моя ненько, позаростають стежкы и дорожкы, куды мы въ гѣстоньки ходылы, та куды мы правдоньку носылы. Та будемъ мы ту травку прогортаты, та будемъ, моя ненько, слидочка твого шукаты, та будемъ зузуленькы пытаты: ты

зузуленько рябесенька, чы не бачыла, де-жъ моя нёнъка риднесенька? Та ты-жъ далеко литаешъ, та ты-жъ багато дыва выдаешъ, та чы не бачыла моей нёнъкы ридненькы?—Та який же далекий и край! Та видтиль и поклёны нейдутъ и письма не шлють. Мий братику (или: „моя сестрыця“, если кто изъ нихъ отсутствуетъ), мий риднесенький! та мий голубчыку сывесенький! Та прылынь же ты та сывымъ голубомъ, та выпроводымъ свою нёнъку ридненьку, та въ далеку сторону! Говорять, что „якъ хто дуже убываецця и туже за мертвымъ, такъ треба взятъ земли зъ ёго ямы и положить ему за комирь: отъ цёго, якъ рукамы зниме, перестане плакать и убываецця“. За дѣтьми говорятъ грѣхъ плакать. „Якъ мате плаче за дитьмы, такъ нынче корова реве, а якъ диты плачуть, такъ нынче зузуленька куче“. Перваго умершаго ребенка мать не должна провожать на кладбище, а также не слѣдуетъ ей обмывать и убирать своихъ дѣтей, а отцу нельзя дѣлать „доломыну“ и копать „яму“, „шобъ диты не мерлы“.

Возвратившись съ кладбища, начинаютъ поминать новопреставленнаго раба Божія, говоря при этомъ его имя. Сначала поминаютъ „кануномъ“, который берутъ ложкой три раза, а затѣмъ ѣдятъ пироги, лапшу, борщъ и узварь или горохъ. Передъ пирогами подносятъ по рюмкѣ водки, а въ достаточныхъ домахъ и по двѣ. Рабочимъ даютъ за труды по платочку или по кусочку полотна, а если стараго челоуѣка опускаютъ въ яму на полотнѣ, то они получаютъ это полотно себѣ за трудъ. Этими и заканчиваются первыя поминки умершаго, за которыми у богатыхъ и набожныхъ людей слѣдуютъ подобныя въ 3, 9, 20 и 40 день, а также въ полгода и въ годъ смерти покойника. Нѣкоторые нанимаютъ сорокоусты служить въ церкви и читать псалтирь 40 дней. Бѣдняки же въ упомянутые дни или вовсе не поминаютъ, или поминаютъ только тѣмъ, что раздають нѣсколько кусковъ хлѣба нищей братии и служатъ въ 40 дней панихиду.

Пословицы и поговорки: „Нехай умырають, та й насъ дожидають. Нехай мруть, та й намъ дорожку труть; а мы сухары-кивъ насушымъ, та й соби туды рушымъ. Мертвого одъ гроба не несуть. Мертвый живого заставыть. Одъ смерти и въ пичи не замажышься. Говорыла покойныця до самои смерти. Якъ не

хворала, а хорошо вмерла. Сюды-туды верть,—въ черыпочку смерть. Якъ козынячый кужухъ та осыкови дрова, такъ неначе й смерть готова. Шо то за похороны, шо не плачуть, и шо то за свайба, шо не спиваютъ? Писля смерти нема покаяння. Его тилько за смертю посылать“.

Гл. 2-я.

Этнографическій календарь.—Постоянные праздники и соединенные съ ними повѣрья, обряды и пѣсни.—Масляница, великій постъ, пасха.—Дни недѣли.—Примѣты о погодѣ.—Писанки.—Земледѣльческіе обряды, пословицы, пѣсни и рассказы.—Хлѣбъ.—Игры малолѣтнихъ и взрослыхъ.—Музыка.—Народныя бѣдствія: холера, надежъ скота, пожаръ и др.—Торговые обычаи и примѣты.—Народная демонологія: вѣдьма, вѣдьмицъ, вовкулака, колдунъ, доля, русалка, домовой, злой духъ и рассказы про нихъ.—Народная зоологія: животные, птицы, гады и насѣкомыя,—пословицы и загадки.—Народная ботаника: деревья, хлѣбныя и огородныя растенія, травы и цвѣты.—Народная поэзія: сказки, пѣсни, поговорки, загадки.—Причарованіе.—Малороссы, великороссы и цыгане.

Этнографическій календарь. — Январь. 1-го „Новый годъ, празныкъ Васылія“. Подъ этотъ день молодежь гадаеть. Парубокъ или дѣвка беретъ подъ мышку пирогъ или паляницу, выходитъ на дворъ, становится около передняго угла и слушаетъ: въ какой сторонѣ впервые услышитъ лай собаки, крикъ, разговоръ или другой какой звукъ, оттуда придется взять жену или выйти туда замужъ. Выходятъ на дорогу, снимаютъ сапогъ или башмакъ и бросаютъ черезъ голову: куда онъ упадетъ носкомъ, въ той сторонѣ живетъ будущая жена или мужъ. Считаютъ тридевять колевъ въ плетнѣ: если послѣдній колъ припадетъ съ корою, будетъ жизнь богата, а если безъ коры—бѣдна. Берутъ съ „сидала“ курицу, какая попадется, вносятъ въ хату, гдѣ ставятъ воду и сыпятъ зерно. Если курица начнетъ пить воду,—будетъ мужъ пьяница, а если будетъ клевать зерно,—будетъ „хлиборобъ“. Ложась спать, кладутъ въ одинъ сапогъ кусокъ хлѣба, а въ другой кусокъ „печыны“. Если на другой день, во время обуванія, первымъ попадется сапогъ съ хлѣбомъ, то обладателю его долго жить, а если съ „печыною“, то онъ умретъ въ томъ-же году. Въ день Нового года стараются пораньше встать и пойти въ церковь, „шобъ увесъ годъ рано вставать и ходыть до цѣрквы“. Народъ вѣритъ,—чѣмъ займешься въ этотъ день, тѣмъ будешь заниматься и цѣлый годъ.

Постели подъ этотъ день не стелятъ, „шобъ не привыкать мяко спать“. Утромъ мальчики ходятъ посыпать, желая урожая въ новомъ году. Набираютъ въ торбочку или въ рукавицу разнаго зерна (пшеницы, ячменя, жита, гороху, проса и проч.), входятъ въ хату, останавливаются около порога, бросаютъ зерно въ передній уголъ и говорятъ: „На щастя, на здоровья, роды, Боже, жыто, пшеницо и всяку пашыню! Съ празникомъ будьте здорови, зъ Новымъ годомъ, та зъ Васылляемъ“. При этомъ нѣкоторые хозяева заставляють посыпальника садиться на лавкѣ или на порогѣ и „квоктатъ“, „шобъ булы курчата ранни“, а другіе просятъ посыпать садъ, „шобъ плоды уродылысь“; молодежь же спрашиваетъ перваго посыпальника, какъ его имя, вѣря, что это имя будетъ именемъ будущаго супруга. Есть такіе хозяева, которые во время посыпанья садятся на покути и держатъ руки вверхъ ладонями: сколько зеренъ жита попадется на ладони, столько лѣтъ жить загадывающему. За посыпанье мальчики получаютъ отъ хозяевъ деньги, пряники, конфекты, пирожки или хлѣбъ. Зерна, оставшіяся послѣ посыпальниковъ, собираютъ и даютъ домашней птицѣ, „шобъ раньше начала нестысь. Нѣкоторыя хозяйки въ продолженіи святковъ собираютъ „смиття“ (соръ) подъ припечекъ, а на Новый годъ подкуриваютъ этимъ соромъ деревья въ саду „шобъ черва не заводылась. Женскому полу рано на Новый годъ „не гоdyщця“ ходитъ въ чужіе дома: къ кому въ этотъ день впервые придетъ женщина (а не мужчина), у того будетъ несчастье въ новомъ году. На Новый годъ въ продолженіи обѣда молодымъ людямъ нельзя выпускать изъ рукъ ложки, т. е. класть ее на столъ, „ато черезъ це пастухъ литомъ потиряе палку, чоловикъ—вылы, а жинка грабли“.

5-го „Голодный святъ-вечиръ“, „голодна кутя“. Въ этотъ день строго воспрещается кому бы то ни было ѣсть до освященія воды. Хозяйки съ утра готовятъ кушанья: „кутю“ изъ пшеничныхъ зеренъ, „озваръ“ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, вишенъ и терну, „густу капусту зъ олією“ (масломъ) и пироги съ горохомъ, фасолью или чечевицей. „Кутя и озваръ“ ставятся на „покути“, на сѣно, которое не прибирается со времени „богаты кутя“. Изъ этого сѣна дѣлаются крестики, которые

ставятся въ узварь и втыкаются въ кутью. Кто-нибудь изъ хозяевъ идетъ въ церковь, затѣмъ на водосвятіе, откуда приносятъ въ ведръ или въ кувшинѣ освященную воду, которую прежде всего („непечатую“) наливаютъ въ бутылки для храненія на цѣлый годъ, употребляя ее отъ разныхъ болѣзней, затѣмъ пьютъ освященную воду, наливаютъ въ миску или тарелку, берутъ кропило изъ васильковъ и начинаютъ окроплять и домъ, и дворъ, и скоть, и всѣ хозяйственныя принадлежности. Въ это же время кто-нибудь съ пирогомъ въ рукахъ пишетъ кресты на всѣхъ домашнихъ предметахъ, начиная съ „кути“; причемъ онъ кусаетъ пирогъ, по пословицѣ: „хрестъ пыснѹ и ширігъ куснѹ“. Мѣлъ, которымъ пишутъ кресты, хранятъ и употребляютъ отъ „загы“ (изжоги). Написавъ кресты и все окропивъ св. водою, зажигаютъ лампаду и свѣчи предъ иконами, молятся Богу и садятся за столъ. Главный хозяинъ беретъ паляницу, обращается къ окну и три раза „клыче мороза вечерять“, говоря: „Морозе, морозе! иды до насъ вечерять, та не поморозь намъ ни людей, ни скотыны, ни хлеба, ни травы, ни овощи!“ Послеъ этого начинаютъ вечерять, кушая сначала пироги, потомъ капусту, кутью съ медомъ и узварь. Кутьи и узвара понемногу оставляютъ на другой день. Въ миску, гдѣ была кутья, кладутъ ложки всѣхъ вечерявшихъ вверхъ вышуклостью, накрываютъ цѣлымъ хлѣбомъ и оставляютъ на ночь на „пѣкути“ или на столѣ. Чья ложка окажется на другой день перевернувшеюся, тотъ скорѣе умретъ. По окончаніи вечери старики говорятъ молодежи: „а ну, хлопци, берить макогѣны, та прогоняйте кутью“. Мальчики берутъ „качалки, кійки“ или палки, идутъ къ воротамъ и, ударяя въ нихъ по нѣскольку разъ, говорятъ: „геть, кутя, съ покутя, а озварь на базарь!“ — Послеъ вечери не позволяется „чмакать рѣтомъ“, т. е. что-либо ѣсть и даже брать въ ротъ, „шобъ нишо погане не зайшло въ двирь“. Въ этотъ же „святъ-вечирь“ снимаютъ съ кути пригорѣвшій вершокъ и на Крещеніе, какъ только освятятъ воду и выстрѣлятъ изъ ружья, спѣшатъ сыпать его курамъ, „шобъ скорышъ неслысь“.

6-го „Хрещенія“. Въ сл. Никольской, за неизмѣнимъ рѣки и озеръ, освящаютъ воду въ колодезѣ. Во время погруженія

да и то такъ, чтобы они не знали, какое оно есть. У одной женщины было два куска полотна поднято вихремъ и закручено около яблони. Сняли полотно, побрызгали св. водою и подкурили ладономъ; послѣ этого женщина, по своей скупости, одинъ кусокъ продала, а другой употребила на подушки своей дочери. Какъ только дочь легла въ первый разъ на эти подушки, такъ сейчасъ же и заболѣла, слѣдствіемъ чего было то, что она осталась „кривовъязою калікою“ на всю жизнь.

11-го „Царагряда“. Этотъ день большинствомъ народа празднуется, „шобъ градъ (градъ) хлиба не побывъ“.

Июнь. Въ первой половинѣ этого мѣсяца начинаютъ косить траву. Выпроводивъ первый разъ на степь косарей, пожилыя бабы, оставшіяся дома, собираются у кого нибудь въ домѣ и начинаютъ „гладить покосы“, т. е. устраиваютъ пирушку, во время которой пьютъ водку, поютъ пѣсни, ѣдятъ яичницу, узваръ и проч.

24-го „Ивана Купала“. Въ цей день до схида сонця косятъ траву и нею заготовуютъ скотыну, якъ ставлять на загороду, шобъ вона не худала“. Вечеромъ подъ этотъ день дѣвушки плетутъ вѣнки изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, а парубки и подростки несутъ изъ дому солому, разстилаютъ ее на выгонѣ, поджигаютъ и начинаютъ перепрыгивать черезъ горячіе костры, „шобъ дивчата и хлопци любылысь“. Если парубокъ, разогнавшись, побойтса перепрыгнуть черезъ усилившейся огонь, то это означаетъ, что онъ не можетъ жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, и поэтому долженъ искать другую; а если у дѣвушки во время прыганья спадетъ съ головы вѣнокъ, то это для нея самый плохой признакъ: любимый ею и любящій ее парубокъ обязательно долженъ разлюбить ее, хотя и станетъ ее мужемъ. При этомъ могутъ присутствовать и женатые и замужнія, но они не должны прыгать черезъ огонь. Ночью, около 12 час., говорятъ, ходятъ добывать цвѣтъ „папороти“ (папоротника), имѣющій чудодѣйственную силу.

28-го „Троеручицы иконы Божіей Матери“. Съ этой иконой связано слѣдующее народное повѣрье: „Якъ хто заблуды въ степи, або въ лиси, такъ ему слідуеть згадаты, у кого есть образъ Троеручицы, и тоди винъ найде дорогу и вѣрнецьця благополучно до дому“.

29-го Петра и Павла. „Зузуля куе тилько до Пётра, а якъ писля Петра ще недиллю покрычыть, такъ це означае, шо осинь тепла буде“. Съ этого времени начинаются „жныва“.—косить жито. Подъ этотъ праздникъ, ёдучи съ поля, говорятъ тёмъ, кто косить: „Буде вже вамъ косыть, оставте Петрови на бороду“.

30-го „Полупетра“. Этотъ день празднують, но не всѣ.

Юль. 8-го „Прокипя“. Около этого дня, празднуемаго всѣми, начинаютъ выбирать „поскинъ“, перегонять пчелъ и косить ячмень, почему сложилась и поговорка: „Якъ прыйде Прокипя,—не буде бизъ кипя.“

15-го „Владымыря“. Всѣ празднують.

19-го „Мокрины“. Хотя этого дня народъ не празднуетъ, но примѣчаетъ, что если на Мокрины и на слѣдующій день (20) будетъ хорошая, ясная погода, то ждуть сухой осени, а если дождь,—мокрой.

20-го „Пророка Иллі“. Всѣ празднують и вѣрятъ, что „прыйде Илля,—наробы гнылля“. Съ Иллі, говорятъ, вода сдѣлается холодною, начнетъ прибавляться—„наверхъ иты“, и купаться послѣ этого дня не слѣдуетъ: „голова болитымы“. Народъ вѣритъ, что пророкъ Иллі завѣдуетъ громомъ, „йизды по небу на огненій колесныци, розвѣзе калачыки (траву) и пускае въ лукавыхъ (бѣсовъ) стрилы“, которыя вылазять изъ земли черезъ 7 лѣтъ и употребляются людьми для прикалыванія „колючкы“ и опухоли. Во время грозы слѣдуетъ креститься, „шобъ лукавый не заховався пидъ чоловіка“, и чтобы чрезъ это Илля не убилъ и чоловіка, пуская стрѣлы въ злого духа; если же громъ убьетъ чоловіка, то онъ считается святымъ, какъ и женщина умершая отъ родовъ. Во время сильной грозы, а въ особенноти „горобыной ночи“, которая бываетъ въ спасовку, въ семь лѣтъ одинъ разъ, зажигаютъ передъ иконами страстныя свѣчи и молятся Богу.

24-го „Хлибо-Борыса“. Такъ какъ около этого времени бываетъ самая горячая, рабочая пора, то большинство народа не празднуетъ и говоритъ объ этомъ днѣ такъ: „Прыйде Хлибо-Борыса—за хлибъ берыся“.

27-го „Пантелеймона или Палія“. Этотъ день люди празднують и молятся св. Пантелеймону, чтобы онъ не допустилъ по-

жара, такъ какъ, по народной вѣрѣ, этотъ святой наказываетъ имъ тѣхъ изъ людей, кто работаетъ въ этотъ день.

30-го Ивана Воина. Хотя народъ этого дня и не празднуетъ, но молится Ив. Воину и служитъ молебны, чтобы онъ помогъ отыскать украденное.

Августъ. 1-го „Маковія, первый Спасъ“. Празднуя этотъ день, ѣдятъ „шулькы“, т. е. тонкіе прѣсные коржи изъ пшеничной муки, разломанные на мелкіе кусочки и положенные въ „сыту“ (медъ съ водою), куда примѣшиваютъ макъ. Съ 1 по 15 продолжается постъ—„Спасивка“, въ продолженіи которой начинаютъ молотить и сѣять жито.

6-го „Другой Спасъ“. „Прыйшовъ Спасъ,—держи рукавички про запасъ“. Въ этотъ день освящаютъ медъ и яблоки. Старые люди и тѣ, у кого умирали дѣти, до Спаса не ѣдятъ яблокъ, вѣря, что въ этотъ день на томъ свѣтѣ собираютъ всѣхъ дѣтей вмѣстѣ и раздаютъ имъ яблоки; не даютъ только тѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ ѣли до Спаса, почему они неутѣшно и сильно плачутъ.

13-го „Тыхона Задоньскаго“. Всѣ празднуютъ.

15-го „Перва Прычыста“. Разговѣвшись въ этотъ день, хозяйки стараются дать свиньямъ варениковъ или другой скоромной пищи „шобъ воні гладкі булы“.

16-го „Рукотворѣннаго Образа“. Кто этотъ день празднуетъ, у того не будетъ на тѣлѣ и въ особенности на рукахъ и пальцахъ нарывовъ.

29-го „Писній Иванъ, Головосіка“. Въ этотъ праздникъ соблюдается строгій постъ; не варятъ борща и не рѣжутъ капусты и другихъ круглыхъ предметовъ, похожихъ на голову.

Сентябрь. 1-го „Сѣмена“. Если на Симеона будетъ сѣверный вѣтеръ, слѣдуетъ ожидать холодной зимы. Послѣ этого дня люди начинаютъ вставать и работать „вдосвита“; рабочимъ же не даютъ полудновать.

6-го „Мыхайлово чудо“. Въ этотъ день не работаютъ, боясь наказанія, „бо цей празныкъ часто караеть“. Въ особенности боятся на „Мыхайлово чудо“ сѣять и волочить (боронить). Рассказываютъ, что одинъ человекъ ѣхалъ сѣять, а другой, повстрѣчавшись съ нимъ, спросилъ: „Куда ты йдишь?“—„Сиять“,

отвѣчалъ первый. — „Та сѣгодня Михайлово чудо“! — „Чудно буде, якъ посию жыто“. Приѣхалъ онъ на свою ниву, разсѣялъ жито и началъ волочить; затѣмъ взялъ онъ на плечи борону и такъ проходилъ до самаго вечера, не будучи въ состояннн снять ее съ плечъ. О происхожденнн этого праздника нѣкоторые крестьяне рассказываютъ слѣдующее: ѣхалъ „гончаръ“ съ горшками на парѣ лошадей, одна изъ которыхъ была бѣлая, а другая—черная. Остановился онъ около лѣса, выпрягъ лошадей и пустилъ пастись, а самъ легъ подъ возомъ отдохнуть. Въ это время выскочилъ изъ лѣса волкъ, поотривалъ лошадямъ головы и опять скрылся. Стоитъ „гончаръ“ около коней и плачетъ. Приходитъ къ нему незнакомый человекъ и спрашиваетъ: „Чого ты добрый чоловиче, плачешъ“? — „Та якъ же мнн не плакать? Тилко и худобы було, шо двое коней, та й тыхъ вовкъ подушывъ“! — „Не плачь;—бери головы и прывставляй до туловища: вони оживуть“. Гончаръ схватилъ вторыхъ голову бѣлой лошади и прывставилъ къ туловищу черной, а голову черной—къ туловищу бѣлой. Головы сейчасъ же проросли, лошади ожили и встали. Послѣ этого незнакомецъ сказалъ „гончарю“: „Теперь йидь, добрый чоловиче, и роскажи всемъ людямъ про це чудо, шобы вони кáжннй годъ празнували сѣгодняшннй день и называли ёго Михайловымъ чудомъ, потому шо я архангелъ Михайлъ“. Сказавши эти слова, архангелъ скрылся, а „гончаръ“ началъ рассказывать всемъ людямъ о чудѣ, явные слѣды котораго остались на лошадяхъ. Съ этого времени и стали праздновать „Михайлово чудо“.

8-го „Друга Прывчиста“. Съ этого времени начинаютъ свататься, почему сложилась и поговорка: „Прывшла Прывчиста, прывнесла старостивъ нечывста“. Рассказываютъ, что въ этотъ день одна бѣдная женщина, собирая сына и невѣстку на Донщину, дѣлала щелокъ и стирала имъ на дороге бѣлье. Выстиравши, что было нужно, она помолилась Богу и сѣла около стола отдохнуть. Сидитъ она и видитъ незнакомую дѣвушку, идущую къ ней въ хату мимо оконъ. Заскрипѣла дверь въ сѣняхъ, заскрипѣла и другая дверь, ведущая въ комнату, гдѣ сидѣла женщина, а никого не видно. Потомъ она увидѣла, какъ кто-то махнулъ три раза передъ ея глазами бѣлымъ платкомъ и больше ничего и никогда не видѣла: она ослѣпла.

14-го „Вздвѣженна“. Строго соблюдается постъ. Съ этого дня все начинается „двыгацьця: птыци летять у вѣрий (теплымъ страны), гадуки ховаюцьця въ землю“ и проч. На этотъ праздникъ не ходять въ лѣсъ за грушами, „бо тамъ збыраецьця всяка гадына, и не тягнуть конопель: гадука вкусе“. Разсказываютъ, что „на Вздвѣженна одна дивка ходыла за грушами, провалылась въ ліси въ яку-то яму, и тамъ зъ гадуками зимувалась и зъ ными лызала каминь замѣсто пыщи, а на Руфы (8 апр.) выйшла видтиля, та жовта якъ вискъ“.

26-го „Покровского Ивана“. Этотъ день всѣ празднують.

Октябрь. 1-го „Покрова“.—„Прыйшла Покрова, зарывла дивка якъ корова“. Въ этотъ день „збырають старостивъ на поряду,—куда йты сватацьця“.—Откуда вѣтеръ дуетъ на Покровъ, оттуда будетъ дуть и всю зиму. „До Покрѣвы ненужно топыть въ грубкахъ, а то зимою холодно буде, а на Покрову трѣба вытопыть до свита. Кто до Покровы вымажыть хату, у того зимою тепло и сухо буде“.

22-го „Казаньска Божа Маты“. Этотъ день всѣ празднують.

26-го „Дмытра“. „До Дымытра дівка хытра, а після Дымытра,—сякій-такій, абы бувъ, та шобъ хлиба роздобувъ“. Передъ Димитріемъ бываетъ первая поминальная суббота, которая называется „Дымитровою суботою“. Подъ поминальныя субботы „не годыцьця брать глины, ато бувають нещастя зъ людьмы“. Въ одномъ семействѣ братъ и сестра не вѣрили этому и, несмотря на предостереженіе матери, поѣхали за глиной. Только что начали они брать ее, вдругъ обвалилось глинище и засыпало ихъ. Сбѣжались люди, откопали ихъ и нашли сестру совсѣмъ мертвою, а брата живымъ, но только искалѣченнымъ. Мать этихъ дѣтей разсказывала, что „пивень“, предвѣщая несчастіе, все время, когда они поѣхали за глиной, кричалъ безпрестанно подъ окнами.

Ноябрь. 1-го „Кузьмы и Демьяна“. Передъ Косьмою и Даміаномъ бываетъ вторая поминальная суббота, называемая „Кузьминою суботою“.

8-го „Михаила“. Передъ этимъ днемъ, празднуемымъ почти всѣми, бываетъ третья поминальная суббота, которую называютъ „Михайловою суботою“. Въ каждую изъ трехъ вышеупо-

мянутыхъ субботъ народъ служитъ въ церкви панихиды и поминаетъ своихъ усопшихъ родственниковъ. Около праздника Михаила заканчивается пастьба овецъ и дѣлается расчетъ съ пастухами.

13-го „Ивана Златоуста“. Всѣ люди празднуютъ.

14-го „Пылыпа“. „Заговинны на пылыпивскій пиеть“. Такъ какъ большинство работниковъ нанимаются въ срокъ до заговѣнь, то они въ этотъ день получаютъ расчетъ отъ своихъ хозяевъ.

21-го „Введеннѣ“.

23-го „Мытрофана Воронежскаго“. Святителя Митрофана всѣ празднуютъ, какъ великаго чудотворца.

24-го „Катерыны“ („Катри“). Меньшинство празднуетъ.

30-го Андрея Первозваннаго, — „Андроса“.

Декабрь. 4-го Варвары. Большинство празднуетъ этотъ день и говоритъ о немъ такъ: „Варвара ночи ввирвала, дня доточыла“.

5-го Саввы. Праздникъ препод. Саввы считается бѣльшимъ, чѣмъ праздникъ Варвары, но, не смотря на это, нѣкоторые работаютъ и о празднующихъ говорятъ такъ: „Було бѣ тоби не савыте, не варварыте и не андросыте, та на сорочку кундосыте“ (прясть).

6-го „Зимній Мыколай“. Этотъ храмовой праздникъ съ храмовою ярмаркой также проводится, какъ и весенній.

12-го „Свырыдона“. Хотя Спиридона не празднуютъ, но говорятъ, что съ этого времени „возвратъ сонця на лито: сонце на лито, зима на морозъ“. Почему-то существуетъ еще такая поговорка: „Свырыдонъ повизъ сорочки на Донъ“. Этотъ праздникъ считается послѣднимъ передъ Рождествомъ Христовымъ.

24-го „Богатый святъ-вечиръ, богата куття“. Въ этотъ день не соблюдаютъ поста, почему онъ и называется „богатою куттею“. Хозяйки утромъ готовятъ тѣ же самыя кушанья, какія готовятся на „голодный святъ вечиръ“. Куття и узваръ варятся обязательно въ новыхъ горшкахъ. Если сварившаяся куття выйдетъ съ верхомъ, то будетъ урожай, — „верховати стогы“, а если безъ верха, — неурожай. Передъ вечеромъ кто-нибудь изъ дѣтей семейства несетъ въ хату чистенькое сѣно, кладетъ его на „покутти“ и при этомъ „квокчетъ“ — (кво, кво, кво) „шобъ куры квокталы и курчата водылысь“. Затѣмъ хозяйка беретъ куттю,

несетъ ее и ставитъ на „покуття“, приговаривая: „собъ, куття, на покуття, а озварь на базарь“. Нѣкоторыя женщины, неся кутью на „покуття“, дергаютъ дѣтей за волосы спереди, сзади и сбоковъ, приговаривая: „шобъ булы (курчата) чубати, шобъ булы хвостати, шобъ булы вухати“. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ передъ иконами лампаду и свѣчи, молятся Богу и садятся вечерять; все это начинается старшій въ домѣ, а за нимъ и всѣ прочіе члены семейства. Вечеря въ достаточномъ семействѣ состоитъ изъ пироговъ, помазанныхъ медомъ или постнымъ масломъ, густой кашусты съ масломъ, жидкой похлебки изъ размятаго гороха, чечевицы или „квасоли“, кутьи и узвара. Во время вечера не пьютъ воды, „шобъ литомъ въ поли не було жажды“. (Для этого же не пьютъ воды на „голодный святъ-вечирь“, на Рождест. Христово и на Пасху). Если кто изъ дѣтей чхнетъ за вечерею, тотъ будетъ счастливымъ и его дарятъ чѣмъ нибудь.—Въ мискахъ оставляютъ понемногу кутьи и узвара для „доли“ (счастья), „атó може вона голодна, цілий годъ не йшла“. По окончаніи вечерней пици дѣти „носятъ вечерю“ крестнымъ, родственникамъ и сосѣдямъ. Принесши въ мискѣ, накрытой паляницей и обвязанной полотенцемъ, кутью съ медомъ, дѣти подаютъ ее въ руки, напримѣръ, крестному отцу и говорятъ: „Прыславъ батько й маты съ хлибомъ и силою, на те вамъ, тату, вечерю“! Тотъ принимаетъ, благодаритъ, отвѣдываетъ вечера, подсыпаетъ кутьи и меду, перемѣняетъ хлѣбъ, даетъ деньги (2, 3 или 5 коп.), гостинцы и отпускаетъ. Говорятъ, что прежде ходили и ѣздили съ вечерей не только дѣти, но и взрослые. При этомъ они шли водку, брали съ собою и того хозяина, къ которому являлись съ вечерей и такъ продолжали гурьбою странствовать изъ хаты въ хату всю ночь, до утренняго благовѣста.

25-го „Риздвó“. Съ этого дня и до 8 января продолжаются „Риздвяни святкы“, въ продолженіи которыхъ многіе ничего не работаютъ, говоря: „Поки вода не освятыцьця нельзя и сокыры въ руки брать“. Съ Рождества люди, сознавая, что половина зимы уже прошла, начинаютъ говорить такъ: „Хочь дуй, хочь не дуй,—не къ Риздвú (йде), а къ Велькодню,—цыганъ уже и кожухъ продавъ“.

Утромъ мальчики ходять по хатамъ Христа славить, „вершувать“, за что получаютъ деньги, пряники, конфекты и хлѣбъ. Ходя по домамъ, они читають тропарь праздника и поздравляють съ Рождествомъ Христовымъ, а нѣкоторые говорятъ слѣдующую виршу:

„Малѣнький хлопчыкъ
Родився въ вивторчыкъ,
А въ середу рано
Въ школу оддано.

Винъ чытаетъ, читаетъ,—
Ничого не знае,
Тилькы азъ та буквы....
Пожалуйты пятачокъ у руки“!

Вечеромъ „парубкы, дивчата и молодыци“ ходять по дворамъ и „колядують“ подъ окнами, за что получаютъ деньги, сало, хлѣбъ и проч. Прежде всего спрашиваютъ позволенія: „Дай, Боже, вечеръ добрый! Чы заколядуваты вамъ“? И когда получаютъ согласіе хозяевъ, начинаютъ большею частію слѣдующія колядки:

1) „Ишла Дива Марія лужкомъ
бережкомъ,
Та й зострила трое жыдовьятъ:
— Чы вы, жыдовьята, Суса
Хрыста мучылы?
— Не мы мучылы Хрыста, а
наши диды.
На кругий гори кряжі кряжуютъ,
церквы будуютъ;
А въ тыхъ церквахъ тры гробы
лежать:
Въ первомъ гроби Сусъ Хрыс-
тось лежить,

А въ другомъ гроби Иванъ
Хрестытель,
Въ третьемъ гроби Дива Марія.
Надъ Сусомъ Хрыстомъ та
кныгы чытають,
Надъ Иваномъ Хрыстытелемъ
свѣчи палаютъ,
Надъ Дивою Марією рожа про-
цвитае.
А съ тии рожи та й вылетивъ
птахъ,
Тай полетивъ по пидъ небысамы.
Юсі небеса ростворылыся,
Юсі святі поклонылыся“.

Послѣ cadaго стиха прищвается „алылуя“ трижды. Одна изъ колядующихъ заканчиваетъ всякую колядку слѣдующими громко произнесенными словами: „Дай, Боже, вечеръ добрый! та вынести перигъ довгий, та не ламайте, а цилѣнькій да-вайте: зъ рукамы, зъ ногамы, шобъ гнався за нами; безъ рукъ, безъ ногъ, шобъ не загрузъ у снигъ“!

2) „На гори на Осиянски,
На земли на Брытаньски (на
Прыпотяци).
Тамъ Божая Маты походыла,
Тамъ шовкова трава уродыла,

Тамъ Сусъ Хрытось прыпочы-
вае.
Збыралось все жыдовья,
Хочуть Хрыста уловыты,
Уловыты, умертвыты;

На древо пидиймалы,
Гвоздями руци й нози пры-
бывалы.

Копьемъ ребра пробывалы,
Терновый винець накладалы.
Ангелы зъ небесъ злиталы,
Золотни чаши пидставлялы,
Крѳви на землю не пускалы.
Прийшла Дива Марія, Божая
Маты.

— Ой, Сынку Ты жъ мий воз-
любленный!

За шо, Сынку, страсть прий-
маешъ?

— Яжъ тоби, Моя Маты, отно-
видаю:

Не на вики, Маты, помыраю,
На тры денечкы въ грѳбъ лягаю:
На третій день воскресуся,
На небеса вознесуся.

Принявъ Хрыстосъ муку и стра-
сты,

Избавыть насъ одъ напасты,
Одъ велькои пропасты.

Слава Тоби, Боже нашъ,
И помылуй насъ“.

При этомъ говорятъ: „Дай, Боже вечеръ добрый, та выне-
сить перигъ довгий“ и проч.

31-го „Мыланкы“. Если въ этотъ день будетъ иней, то это
хорошій признакъ,—къ урожаю. У кого есть садъ, тѣ хозяева
ходятъ въ этотъ день (а нѣкоторые на Новый годъ во время
трезвона къ обѣднѣ) „лякать яблуню, шобъ лучше родыла“: бе-
ретъ мужчина топоръ, идетъ въ садъ и, ударяя слегка топо-
ромъ по яблонѣ, говоритъ: „Будешъ, яблунька, рожаты,—не
буду рубаты; а якъ не будешъ рожаты,—буду рубаты“. Кто къ
Рождеству колодь свинью, тѣ въ этотъ день начиняють и жа-
рятъ свинья кишки и желудокъ, который народъ называетъ
„богомъ“: кишки начиняются кашею, а желудокъ свининою и
саломъ. Какъ кишки, такъ и желудокъ ѣдятъ въ продолженіи
нѣсколькихъ дней, и при этомъ считается обязательнымъ при-
глашать для этого кушанья родственниковъ, знакомыхъ и со-
сѣдей: „такъ годыцьця“.

Вечеромъ на „Мыланкы“ молодежь ходитъ подъ окнами „щед-
ривать“, получая за это хлѣбъ, сало, колбасу, деньги и проч.,
что относится ею на вечерницы. Подойдя подъ окно, одно лицо
изъ щедрующихъ говоритъ: „Дай, Боже, вечеръ добрый! Чы заще-
дриваты вамъ?“ Если хозяева позволяютъ то молодежь начи-
наетъ чаще всего слѣдующую „щедривку“:

1) „Ой, на рици та й на Ярдани, | Вона прала, прала та вымахала,
Тамъ Пречыста та рызы прала, | На ялыну та вывишала.“

<p>Та десь юзалось три янголы, Та взяли рызы на крылята, Та й понесли по пидь небесамы. Юсі небеса растворилися, Юсі святи поклонилися. Де не взялася щебетушечка, Та й въ свитылоныку поглядае: Ше свитылоныка та й не метена,</p>	<p>А Оксанка (имя дѣвки хозяина) не чесана, не заплетена; А батенько та сукно крае: Старши сестры укоротылы, А менши сестры остановылы — Обризо́чки на поясочки, А гаплы́чки на черевычки“.</p>
--	---

Послѣ каждого стиха припѣваютъ: Щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на здоровья“!

Всякую щедровку, какъ и колядку, заканчиваетъ одно лицо словами: „Дай, Боже, вечеръ добрый“ и проч., а нѣкоторые прибавляютъ къ этому: „Дайте ковбасу,—я додому понесу, дайте кѣшкы,—я ззимъ у затышкы“!

<p>2) „Мыланка ходыла, Васылька просыла: Васыльку, мий батьку! Пусты мене въ хатку; Я жыта не жала, Чесный хрестъ держала, Золотую кадильницу. Радуйтеся (кадитеся) люды:</p>	<p>До васъ Хрыстосъ буде; Богу свичу ставше, А намъ перигъ дайте,— Зъ рукамы, зъ ногамы, Шобъ бигъ за нами, Бизъ рукъ, бизъ нигъ, Шобъ не загрузъ у снигъ“.</p>
--	---

Переходящіе праздники. Масляница. Приготовительныя къ посту недѣли народъ называетъ такъ: „всѣйдна, ряба и мѣсныця“. „Примичають, шо якъ на всѣйдний недили будутъ на стрѣси и на вѣкнахъ соплякы (ледяныя сосульки), такъ уродыщця лень“. Последній день „рябой“ недѣли называется „нижковѣми заговинамы“, потому что къ этому дню готовятъ „холодці“ изъ свиныхъ ножекъ. Въ этотъ день послѣ обѣда, зятя съ своими женами отправляются въ гости къ тестю, обязательно съ хлѣбомъ-солью, гдѣ проводятъ время до вечера или до другого дня. Всякое кушанье, приготовленное для заговѣнъ, стараются закончить въ этотъ день; если за ужиномъ не поѣдятъ, то относятъ его немущимъ, бѣднымъ сосѣдямъ, или сами встають ночью и доѣдаютъ, говоря: „Хочъ пузо роздайсь, а Божій даръ не останьсь“. Въ продолженіи масляницы народъ лакомится „вареныкамы“ съ соленымъ сыромъ и „млынцѣмы“ (блинами) изъ пшеничной и пшеничной муки съ масломъ, почему сложилась и пословица: „Вареныкы доведуть, шо й хлиба не дадутъ“. Если на масля-

ницѣ будетъ снѣгъ или дождь, то уродится, говорятъ, хорошее просо. Женщины во всю масляницу не прядутъ, „шобъ червы не завѣдылысь у масли и шобъ телята булы ласкави“. Въ первый день масляницы ходятъ по домамъ и вяжутъ „колодки“ вдовцамъ и родителямъ, имѣющимъ взрослыхъ холостыхъ дѣтей. Тѣ откупаются, угощая пришедшихъ водкой, и даютъ имъ понемногу пшеницы, муки, картофеля, денегъ или чего другого. Собранные матеріалы продаются, а вырученные деньги пропиваются. Еще на масляницѣ ходятъ „цыганки“, т. е. женщины, одѣтыя по-цыгански: съ распущенными волосами, съ выпущенной пазухой, низко подпоясанныя и т. п. Ходятъ онѣ по домамъ, ворожатъ, смотря на ладонь руки, просятъ сыра, масла и муки на вареники и кричатъ: „Масныця, масныця! яка ты мала, якъ бы тебе симъ недѣль, а по́сту одна“.

Въ продолженіи трехъ недѣль, начиная со всеѣдной, молодежь вечерами „водитъ козла“. Такъ называется игра съ пѣніемъ, состоящая въ томъ, что дѣвушки становятся въ рядъ или въ кругъ, берутся за руки, идутъ по улицѣ или стоятъ на мѣстѣ и поютъ: „Та вскѣчывъ козелъ у горѣдъ, у горѣдъ, та пойивъ козелъ лукъ-чеснокъ, лукъ-чеснокъ“. Иногда при этомъ одни изъ нихъ поднимаютъ руки, а другія проходятъ у нихъ подъ руками. Кромѣ упомянутой пѣсни, продолженія которой не пришлось узнать, дѣвушки поютъ много другихъ, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія:

„Якъ пиду я у козла,
А за мною тры посла:
Первый посель—нагайка,
Другый посель—шабелька
Третій посель—самъ иде,

Соби дивчыну веде.
Я нагаечку спало,
А шабельку изломлю,
Постиль билу постело,
Сама у козла пиду“.

* * *

„Камышаньки парубки
Пойихалы на ловы
У зелени дибровы
Рудыхъ лысыць ловыты.
Не вловылы лысыци,
Та вловылы комаря,
Велького сподаря;
Та й повезлы до пана,

Сталы суды судыты,—
Комарыка дильты;
Усимъ, братци, по стегну,
А намъ, братци, по ребру;
А одному голова,—
Шо винъ парень бизъ ума,
А другому ошѣкь,—
Винъ здоровый нешвыдокъ,

А третему плычци,—
 Въ ёго кари очыци,
 Четвертому нижечкы,—
 Въ его чорни бривочкы,
 А пятому печинка,—
 Шо винъ упавъ съ прычылка,
 А шостому лопата,—
 Буде жинка горбата,
 Я сэмому хвостыще,—
 Куды не йде все свыще,
 А восьмому ратычкы,—

Эта пѣсня появилась въ послѣднее время и поется со многими варіаціями; вмѣсто же словъ „одному, другому“ дѣвки говорятъ имена парубковъ.

Ой, крокосе, крокосе!
 Ты развыйся хороше.
 Ой, люли та люлі,
 Ты развыйся хороше.
 Я на наший юлыци
 Все купецки молодці.
 Ой, люли та люлі,
 Все купецки молодци.
 Нема купнишаго купця
 Надъ Ивана (имя).
 Ой, люли та люлі,
 Надъ Ивана молодця.

„Вулыця моя нешырокая,
 Рано—нерано, нешырокая.
 Кто тебе, вулыця, все топче?
 Рано—нерано все топче.
 Стопталы мене парубочки,

„Рябына, рябына!
 Рябына кудрява,
 Та ще й кучерява.
 А на тий рябыни
 Чотыри цвоточки,—
 Чотыри парубочки.
 Та первый цвоточекъ
 Тymoшка (имя) молодчыкъ.
 Та Тymoшка каже:

Шобъ лобылы дивочки,
 Девьятому весь окість,—
 Буде грызты цилый пистъ.
 Коло млына калына,
 На калыни соловья,
 А на гори дивчата,
 Пидъ горою хлопьята.
 Де не взявся та Иванъ,
 Усыхъ дивчатъ розогнавъ,
 А соби Марьечку взявъ
 И зъ вулыци побижавъ“.

Не одну стѣжку втопче.
 Черезъ тещинъ двиръ ходяче.
 Ой, люли та люлі,
 Черезъ тещинъ двиръ ходяче.
 Шобъ и теща хвалыла
 И Марьечка лобыла.
 Ой, люли та люлі,
 И Марьечка лобыла.
 Шобъ Марьечка лобыла,
 Золотый перестень дарыла.
 Ой, люли та люлі,
 Золотой перстень дарыла“.

Рано—нерано парубочки.
 Парубочки чобиточкамы,
 Рано—нерано чобиточкамы.
 А дивочки черевычкамы,
 Рано—нерано, черевычкамы“.

— „Я Орыну люблю,
 Та й за себе возьму,
 Та й очинокъ куплю,—
 Въ ныдиленьку зрядю,
 И въ гостонькы пошлю.
 Иды жъ ты, Орыно,
 Иды, не барыся,
 Шобъ я молоденький
 Та й не зажурывся“.

„Молодая молодычко!
 Выйды до насъ, выйды до насъ.
 — Рада бѣ я, мои подружки,
 Выйты до васъ, выйты до васъ,
 Та въ пичи, мои подружки,
 Огонь горыть, огонь горыть,
 А на прыщичку, подружки,

Борщыкъ кыштыть, борщыкъ кы-
 штыть,
 Въ колысци, мои подружки,
 Дытя крычыть, дытя крычыть.
 На пичи, мои подружки,
 Свекоръ ворчыть, свекоръ вор-
 чыть“.

„Ой, вы, гусы-лебеди,
 Привыкайте на води.
 Ой, люли та люли,—
 Привыкайте на води.
 Якъ мы были молодымы,
 Та й привыкували.
 Ой, люли та люли,—
 Та й привыкували.
 Я свѣкрови угодо:
 Въ голѳвоньци поглядю,
 Ой, люли, та люли,—
 Въ голѳвоньци поглядю.
 Я свѣкриси угодо:
 Билу постель постелю.
 Ой, люли та люли,—
 Билу постель постелю.
 Я диверю угодо:
 Рано коня напою.

Ой, люли та люли,
 Рано коня напою.
 Рано коня напою
 И синечка пидложу.
 Ой, люли та люли,
 И синечка пидложу.
 Я золѳвци угодо:
 Дрибно косу заплету.
 Ой, люли та люли,
 Дрибно косу, заплету.
 Росты, коса, до пояса,
 До чырвѳныхъ чобитѳкъ.
 Ой, люли та люли,
 До чырвѳныхъ чобитѳкъ.
 До чырвѳныхъ чобитѳкъ,
 До золотыхъ пидковѳкъ.
 Ой, люли та люли,
 До золотыхъ пидковѳкъ.“

„Зѳговины на пистъ“. Вечеромъ въ этотъ день молодежь „за-
 копуеть козла“. Берутъ двѳвушки какое нибудь полѳвно, несутъ
 его на выгонъ, закапывають его въ снѳгъ и поють:

„Пора козла брать за хвистъ,
 Шѳбъ не водить увѳсь пистъ:
 Въ пистъ не бѳдемо сивать,

Будемъ козла забувать.
 Теперь козла закопалы
 И вулецю розигналы“.

Послѳ этого онѳ прощаются и расходятся по домамъ. Про-
 щаясь въ этотъ день, люди кланяются въ ноги одинъ другому
 (въ домахъ по три раза, а на улицѳ по одному разу) и гово-
 рятъ при этомъ: „Просты мене! и въ другой разъ, и въ третій
 разъ“.—„Богъ простыть и я прощаю. Просты и мене!“ Послѳ
 ужина полощуть ротъ водою, „шѳбъ винъ очыстывся одъ ско-
 ромнаго“.

„Великій пиеть“. „Не все коту масныця,—прыйде и велькій пиеть“. Въ первый день Великаго поста, который называется „жылявымъ по недилкомъ“, женщины пекутъ „жыляныкы“—житные коржи, которые и ѣдятъ въ этотъ день съ хрѣномъ и рѣдкою. Нѣкоторые изъ людей ничего не ѣдятъ въ продолженіи цѣлаго дня, отчего у нихъ тянетъ жилы и почему и день этотъ называется „жылявымъ“. Мужчины, которые были на заговѣны пьяными, въ понедѣльникъ полощутъ ротъ водкой, иногда напиваясь допьяна. Женщины въ этотъ день не должны ходить по чужимъ домамъ, такъ какъ онѣ, по народному повѣрью, разносятъ въ это время „всяку хворобу“. Въ продолженіи первой недѣли рѣдко кто употребляетъ вареную пищу; всѣ же питаются хлѣбомъ, хрѣномъ, рѣдкою, капустою, огурцами, арбузами и картофелемъ безъ масла. Почему и говорятъ: „У пиеть рѣдки хвистъ“. Со вторника нѣкоторые начинаютъ ходить въ церковь; большинство же начинаетъ говѣть съ среды и четверга, въ который идти къ вечернѣ считается обязательнымъ. Въ пятницу каждый говѣющій, идя исповѣдываться, что здѣсь называется „возытъ пона“, прощается со всѣми взрослыми членами семейства. При этомъ онъ кланяется старшимъ по три раза въ ноги, а младшимъ въ поясъ и говоритъ: „Проститъ мене, тату! и въ другый разъ, и въ третій разъ“. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ простытъ, и я прощаю“. Послѣ исповѣди священникъ не долженъ ничего ѣсть и пить, потому что „винъ берѣ на себѣ грехы всехъ сповидавшихся у ёго людей“.

Въ субботу, послѣ причащенія св. Таинствъ, выходятъ изъ церкви; но потомъ каждый спѣшитъ поспѣтъ на молитву и затѣмъ, выходя изъ церкви, „познаменовацьця“, т. е. поцѣловать крестъ или икону, потому что „хто бизъ благословення и не познаменовавшись иде, того молитва не прыймецьця и не запышецьця на нѣби, все одноъ якъ винъ и въ церкви не бувъ“. Въ этотъ день „спасѣнныкамъ“ разрѣшается выпить дома три стакана водки; плевать же имъ нельзя одинъ или три дня,—„грехъ, прычастя выплюешъ“, и спать въ этотъ день не слѣдуетъ: „ангелы прычастя вкрадуть“. Всякій говѣвшій обязательно долженъ пойти къ вечернѣ, что называется „однести пры-

часть“. Если же кто не пойдетъ, о томъ говорятъ, „по винѣ укравъ причастя“.

Четвертая недѣля поста называется „средохрѣсною“. Въ среду на этой недѣлѣ сѣютъ макъ, „шобъ нечервѣвый бувъ“, и пекутъ „хресты“ (крестообразный хлѣбецъ, въ видѣ калача), одинъ изъ которыхъ засушиваютъ и хранятъ до посѣва, а остальные поѣдаются семействомъ. Вечеромъ этого дня, во время „поклоненія“ (Андреево стояніе), никто изъ остающихся дома не долженъ работать; часто случаются несчастія съ работающими людьми.

Пятая недѣля называется „похвальною“ и признается самою теплою изъ всѣхъ постовыхъ недѣль. Шестая же называется „вербною“ и считается холодною, почему о ней и говорятъ: „Якъ прійде вербычъ, такъ кожухъ и свыту налычъ (надѣнь)“. Въ Воскресенье этой недѣли, пришедши изъ церкви и принеши вербу, крупную освященную вербу, годную для посадки, оставляютъ на дворѣ, „шобъ лучше прійнялась, якъ посадятъ“, а съ мелкою идутъ въ хату и бьютъ ею, шутя, кого-нибудь приговаривая: „Верба бѣе, не я бью, за тѣждень-Велѣкдень. Ось недалечко красне яечко!“ Небольшія вѣточки вербы оставляютъ для прикалыванія шишекъ на пасхахъ, для „загничеванія“ ихъ и для лѣкарства отъ головной боли (варятъ ее и отваромъ мочатъ голову), а остальную сожигаютъ въ печкѣ, считая большимъ грѣхомъ бросать ее и потомъ топтать ногами.—Гдѣ въ вербное воскресенье загремитъ громъ, тамъ будетъ урожай.

„Страшна недѣля“. Въ эту недѣлю также строго постятся, какъ и въ первую недѣлю поста. Въ четвергъ, который называется „чистымъ“, всѣ по возможности стараются обмыться къ празднику, а больные, „нечестю“ купаются ночью, „поки воронъ дитей не куна“, чтобы очиститься отъ болѣзни; затѣмъ изъ чанка (перерѣза), въ которомъ они купались, набираютъ ведро воды, выносятъ на „перехрѣсну“ дорогу и выливаютъ, „шобъ тамъ все лыхо осталось“. Вслѣдствіе этого утромъ осторожные люди боятся выходить или выѣзжать изъ дому, „шобъ не напасты на хворобу“, которая можетъ перейти на нихъ. Въ этотъ же день, на разсвѣтѣ, женщина садится

хранятъ, какъ лѣкарство: настой изъ полыни употребляютъ отъ „сояшныцъ“, щебрець нюхаютъ тѣ, у кого испортилось обоняніе, а другія травы употребляютъ для мытья больной головы и для купанья новорожденныхъ дѣтей и родильницъ. Въ Троицѣ крестьяне украшаютъ свои хаты и постройки „клечаннемъ“ (древесными вѣтками), которое рубятъ въ саду и въ лѣсу. Вѣтки осины, воткнутыя въ ворота и углы загороды, охраняютъ дворъ и скотъ отъ вѣдмы. Если листья „клечала“, поставленнаго въ хатѣ, почернѣютъ въ теченіе трехъ дней, то въ этомъ году въ домѣ будетъ покойникъ, т. е. кто-нибудь изъ хозяевъ умретъ. Ложась спать подь этотъ день, нѣкоторыя хозяйки постели не стелятъ. Если ночью подь Троицу (и подь другіе большіе праздники) произойдетъ въ домѣ необъяснимый стукъ или шумъ, или упадетъ икона, лампада, то это говорятъ, передъ „прычною“ или смертью. Утромъ стараются пораньше встать, „шобъ недримлывымъ быть“. Кто на Троицу и вообще въ большіе праздники, стоя въ церкви, не приклоняетъ головы во время большого выхода съ Св. Чашею, тотъ „уриклывый“ буде“. Эти святки, называемыя „Троецкымы“, празднуютъ три дня, по прошествіи которыхъ хатній соръ собирается, выносятся въ садъ и подсынается подь плодовые деревья, „шобъ червѣ на нихъ не завѣдылась“. Въ четвергъ на этой недѣлѣ бываетъ „русальчынъ велькдень“, когда боятся ходить въ лѣсъ, садъ и даже огородъ, „шобъ русалка не залоскотала“. Въ продолженіи всей этой недѣли не подсынаютъ „квочекъ“, „а то не выведуцця курчата, а якѣ й вылуныцця, такъ буде каликою“. Во всю недѣлю вечерами не работаютъ, потому что „грихъ“,—„святѣ вечера“.

„Десята пѣятныця“ (послѣ Пасхи). Этотъ день всѣ празднуютъ, рассказываютъ много несчастныхъ случаевъ съ тѣми, кто работаетъ въ этотъ день,—„карае святѣ Пятинка“.

„Петривка, петривскій пистъ“.—„Петривочка—мала ничка“. Въ петровку производится покосъ сѣна и поэтому весь сильный людъ находится въ степи; дома же остаются старыя бабы и дѣти, справляющія домашнія работы: бабы доятъ коровъ, собираютъ масло и сыръ, полятъ огороды и т. п., а дѣти помогаютъ имъ, выгоняютъ скотъ въ череду, пригоняютъ его и т. д. Вотъ и пѣсня о такой помощницѣ:

„Маленька ничка—петривочка, Не выспалась наша дивочка, И якъ къ чѣреди гнала,—	Задримала, На пенькы ноги позбывала, На шпычки очи повыймала“
--	---

Дни недѣли. Въ „недѣлю“ (воскресенье) ничего не работаютъ, „ато чымъ небудь, а покара свята Неділенька“. Рассказываютъ, что одинъ человекъ въ этотъ день рубилъ дрова, вслѣдствіе чего у нихъ вывелись „все гусята съ перерубанными головками“.

„Понедѣлокъ—самый важкый день“, въ который не начинаютъ никакого важнаго дѣла. Есть люди (въ особенности женщины), которые въ этотъ день „понеделкуютъ“, т. е. постятся и не ѣдятъ скоромной пищи.—„Вивторокъ, четверъ и субота“ признаются легкими днями, въ которые можно начинать всякія дѣла, если только воспоминаемый въ нихъ святой не мученикъ.

Подъ пятницу и въ пятницу не прядутъ, льну не быютъ и не золятъ (бучатъ) бѣлья. Кто въ пятницу золить, „того на тимъ свити будутъ позилками (золою) годувать“, а чтобы этого не случилось, женщина должна вышить 3 ложки жидкой золы. Рассказываютъ, что одна женщина золила подь пятницу, и вотъ ночью, когда она уже спала, „жлукто“ само собою падало три раза съ страшною силою. Это такъ напугало ее, что она съ этого дня перестала золить въ пятницу. Другая женщина прядла подь пятницу: „Отъ одынъ разъ сыдытъ вона и пряде. Открываецця викно, кыдаеть ий хто-то кучу веретень и каже: „Ты щыра прясты,—напряды жъ за ничъ уси веретена!“ Жинка узала йихъ и давай прясты и намотувать: на те нытку, на те дви, а на те тры; пообмотувала все веретена и выкинула за викно. Вранци вона выйшла съ хаты, подывылась, ажъ ничого нема била виконъ“. Говорятъ, что если бы эта женщина не догадалась такъ поступить, то ее „покара́ла бы свята Пятыця“, которая представляется народомъ въ видѣ молодой дѣвушки.

Въ пятницу и среду женщинамъ не полагается чесаться: зубы будутъ болѣть. Женщина, вѣнчавшаяся въ среду, останется вдовою, а мужчина, повѣнчанный въ пятницу, останется

вдовцомъ. Такъ какъ въ субботу приходится раньше обыкновеннаго заканчивать свои дѣла, то поэтому народъ и говоритъ: „суббота—не работа“.

Примѣты относительно погоды. Передъ дождемъ: свиньи хрюкаютъ и бѣгутъ домой, кошки и собаки спятъ, лошади фыркаютъ; ласточки летаютъ низко, воронъ кричитъ, воробьи купаются въ пыли, цыплята пицать, пчелы гуляютъ безъ времени, блохи кусаются, дремается, въ ушахъ чешется, поясница болитъ, спину ломитъ и вообще болятъ поврежденные члены, солнце садится за тучи, дымъ стелется по землѣ, небо желтовато-зеленаго цвѣта, соль мокрѣетъ. Передъ вѣтромъ: вечерняя заря горитъ, мѣсяцъ въ кругу, небо желто, въ трубѣ гудитъ, грачи и галки кружатся по воздуху, шумя крыльями. Передъ морозомъ и холодомъ: кошка прячется въ теплое мѣсто и свертывается, солома, перегорѣвшая въ печкѣ или грубкѣ, свертывается въ комки-клубки, снѣгъ подъ ногами скрипитъ, около солнца появляются столбы или кругъ. Передъ мятелюю: собаки качаются по снѣгу, грачи и галки кричатъ и летаютъ, шумя и нечасто махая крыльями, волю бѣгаютъ и брыкаютъ. Передъ тепломъ: кошки лежатъ на полу, вытянувшись во весь ростъ.

Если зима будетъ теплая и тихая, то и лѣто будетъ теплое и тихое, а если холодная и вѣтреная,—и лѣто будетъ холодное и вѣтреное. Если въ филипповку будутъ сильные морозы, то во время жатвы будутъ сильные жары. Чѣмъ больше зимою будетъ падать инея, тѣмъ лучшей будетъ урожай. Въ какой сторонѣ загремитъ первый громъ, тамъ будетъ урожай. Если на зимняго Николая (6 дек.) напыется пѣтухъ около порога, то будетъ хорошій урожай. Если 9 марта будетъ морозъ, то отойдетъ, говорятъ, 40 морозовъ, а 40 еще останется; если же не будетъ, то останутся все 80 морозовъ и поэтому весною долго будетъ продолжаться холодъ.

Къ свѣтлому празднику готовятъ писанки и крашенки. Писанки, приготовляемыя въ нѣкоторыхъ домахъ съ помощью воска, съ рисунками въ видѣ крестика, сосенки, полосокъ, пятенъ, кривулেকъ и т. п., дѣлаются для дѣтской забавы и не имѣютъ въ народной жизни никакого значенія; крашенныя же яйца имѣютъ нѣкоторое значеніе и съ ними связано нѣсколько

повѣрій, обрядовъ, поговорокъ и проч. Крашенки готовятся въ субботу, потому что яйца, окрашенные въ пятницу, скоро портятся, а окрашенные въ субботу сохраняются въ теченіе всѣхъ святокъ.

Красятъ ихъ въ красный, желтый, зеленовато-синій и золотистый цвѣта: для краснаго цвѣта берутъ въ лавкахъ красную краску и фуксинъ, для желтаго употребляютъ траву „свѣрбель“ и яблонувую кору, для зеленовато-синяго рвутъ и варятъ пролѣски, а для золотистаго покупаютъ порошки, спеціально для этого приготовленные. Но такъ какъ для пріобрѣтенія краски и фуксина требуются деньги и кромѣ этого для окраски яицъ нужны еще квасцы и водка, то бѣдные крестьяне въ большинствѣ случаевъ употребляютъ для этого домашнія матеріалы, между которыми, кромѣ упомянутыхъ, извѣстны: бузиновыя ягоды, окрашивающія яйца въ сизо-пепельный цвѣтъ, „цыбульница“ (кожица съ лука), придающее имъ желто-красный цвѣтъ и просеяная и гречневая солома, отъ которой они получаютъ желтоватый цвѣтъ съ бѣловатыми пятнами. Яйца, окрашенные вышеупомянутыми домашними матеріалами, хотя не такъ красивы, но за то не требуютъ никакого расхода. Яйцо, выкрашенное и вынутое изъ краски первымъ, хранятъ для подкуриванія имъ отъ лихорадки. Красить яйца въ черный цвѣтъ „не годыцца“: это напоминаетъ кровь лукаваго (злаго духа); окрашенные же въ красный цвѣтъ напоминаютъ кровь Спасителя.

Существуетъ повѣрье, что когда-то Іисусъ Христосъ на зеленой травкѣ раздавалъ дѣтямъ крашенныя яйца, чему они весьма радовались. Съ этого времени и люди стали готовить къ празднику крашенки. Давая дѣтямъ по крашенкѣ, родители рассказываютъ имъ это преданіе и прибавляютъ: „Прійде Христосъ, дастъ и вамъ по красному яечку“!

Если подъ „Велыкдень“ выстоишь въ церкви всю ночь съ крашенкой въ карманѣ и выслушаешь, не дремая, утреню и обѣдню, такъ тогда смѣло держи это яйцо въ продолженіи многихъ лѣтъ: оно не испортится; а если съ однимъ и тѣмъ же яйцемъ выстоишь въ церкви подрядъ 20 лѣтъ, тогда увидишь всѣхъ вѣдьмъ, которыя будутъ приставать къ тебѣ, чтобы получить это яичко. Если же уйдешь изъ церкви домой, не вы-

слушавъ дѣяній, „поки дочытающыя до Христа“, и положишь яйцо, бывшее въ карманѣ, на столъ, то оно послѣ обѣдни окажется другого цвѣта, напр., изъ краснаго превратится въ желтое и наоборотъ: значить вѣдьма перемѣнила твое яйцо на другое. Когда ночью на „Велькдень“ встають, то кладуть въ миску съ водою, которою умываются, красное яйцо и мѣдную монету; это дѣлается для того, чтобы красивымъ быть. Кто позже всѣхъ встанетъ и умоется, тому достанется яйцо и монета.

Яицъ въ каждомъ семействѣ освящаютъ на Пасху 13, по числу 12 апостоловъ и Спасителя. Пришедши изъ церкви, одно яйцо откладывають отдѣльно, и потомъ, какъ только разговѣются, беретъ его хозяинъ, идетъ въ загороду и, проводя имъ крестообразно по спинѣ cadaго животнаго, говоритъ: „Христось воскресъ!“ Затѣмъ одни изъ хозяевъ возвращаются въ хату, очищаютъ это яйцо отъ скорлупы, крошатъ его на мелкія части, смѣшиваютъ съ отрубями и даютъ поѣсть скоту, а другіе привѣшиваютъ его цѣленькимъ „лидъ повѣткою“, т. е. подъ сараемъ. И то, и другое дѣлается съ тою цѣлью, „шобъ скотына булâ благополушна и здорова“. Свяченныя яйца нѣкоторые люди сохраняють изъ года въ годъ, и, если случится пожаръ, перебрасываютъ ихъ черезъ огонь, вѣря, что онъ отъ этого можетъ потухнуть. Употребляютъ ихъ и отъ разныхъ болѣзней: кладуть скорлупки свяченаго яйца на огонь, и дымомъ ихъ подкуриваются отъ лихорадки, отъ куриной слѣпоты и отъ зубной боли, а также зашиваютъ яйцо въ платочекъ, вѣшаютъ на шею и носятъ его до тѣхъ поръ, пока лихорадка броситъ.

Яйцо, полученное на Пасху при первомъ христосованьи, можетъ пролежать много лѣтъ, не подвергаясь порчѣ. Рассказываютъ, что одна дѣвушка пошла на „Велькдень“ въ хлѣвъ и забрала въ ведро снесенныя курами яйца. Возвращаясь съ ведромъ яицъ въ хату, она повстрѣчала около дверей странника и сказала ему: „Христось Воскресъ!“—„А хйба сегодни Велькдень, шо ты хрыстоскаешся?“ спросилъ странникъ.—„Велькдень“, отвѣчала дѣвушка.—„Не повирю! хйба оті яйца, шо ты несешъ, пороблящыя краснымы, тоди повирю“, сказалъ странникъ. Смотрятъ,—дѣйствительно всѣ яйца въ ведрѣ превратились изъ бѣлыхъ въ красныя. Тогда странникъ отвѣтилъ дѣвущкѣ: „Воистину воскресъ!“ И пошли оба въ хату.

Шутя съ дѣтьми и равными себѣ, говорятъ: „поцѣлуй мене въ лобъ и лѣсенку,—дамъ тобі яйце й писанку“. Крашенины яйцами дорожатъ гораздо болѣе, чѣмъ бѣлыми. „Дорогѣ яйце якъ крашене, а биле и въ писть бачылы, та ще й у петривку побачымъ“. Во время какой либо игры за красное яйцо даютъ два бѣлыхъ. Игры же на крашенки продолжаются все святки. Играетъ не только молодежь, но и взрослые женатые мужчины. Играютъ чаще „навбытка“ и въ „котка“. Игра „навбытка“ состоитъ въ томъ, что одинъ держитъ въ рукѣ яйцо, носкомъ вверхъ, а другой бьетъ носкомъ своего яйца; затѣмъ бьетъ другой по обратной сторонѣ: чье яйцо разобьется съ обѣихъ сторонъ, тотъ и проигрываетъ его. Игра же въ „котка“ заключается въ томъ, что по наклонному мѣсту съ преградой внизу катаютъ яйца, одно за другимъ, по очереди, попадая своимъ въ чужое: кто чаще попадаетъ, тотъ больше выигрываетъ. Кладутъ нѣсколько шапокъ, подъ одной изъ которыхъ находится крашенка: кто угадаетъ подъ какой шапкой яйцо, тотъ выигрываетъ его. Еще кладутъ на извѣстномъ мѣстѣ яйцо, въ десяти шагахъ отъ котораго стоитъ играющій человекъ; затѣмъ завязываютъ ему глаза, и онъ такимъ образомъ отмѣряетъ ногами 10 шаговъ, оставливается, развязываетъ повязку и, не сходя съ мѣста, достаетъ положенную писанку, если это возможно; если же нельзя ее достать, значитъ онъ проигралъ и долженъ отдать свою. Играютъ также на святкахъ въ „орла“, т. е. подбрасываютъ монету и угадываютъ, какою стороною къверху упадетъ она: если угадаетъ,—получить яйцо, а не угадаетъ,—отдаетъ свое. Наконецъ играютъ еще въ „кыдка“. Игра эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ кладетъ двѣ крашенки на такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы между ними не могло прокатиться яйцо; другой же становится въ саженомъ разстояніи отъ нихъ и бросаетъ туда свою крашенку; если попадетъ разомъ въ оба яйца, то выигрываетъ ихъ себѣ, а если попадетъ въ одно или вовсе промахнется, то отдаетъ свои двѣ крашенки.

Земледѣльческіе обряды, пословицы, пѣсни и рассказы. Когда въ первый разъ собираются ѣхать орать, то зажигаютъ свѣчу передъ иконами и все семейство молится Богу; затѣмъ

окропляютъ воловъ св. водою, „шобъ вони благополѹшни булы“, и уѣзжаютъ, не забывъ побольше захватить харчей, согласно пословицѣ: „йидышь на день, а харчей беры на недиллю“.

Привожу два разсказа, въ которыхъ выражается народная надежда на помощь Божию. 1) Одинъ человекъ очень старательно пахаль добрую землю. Идетъ Господь со св. Петромъ и говоритъ ему: „Здравствуй! Боже тоби поможы“.—„Та тутъ така гѣжа земля, шо и бизъ Бога вроде“, отвѣчалъ человекъ. Господь пошелъ дальше, увидѣлъ другого человека, кое-какъ пашущаго плохую землю, поздоровался съ нимъ и спрашиваетъ: „Шо ты, чоловіче, такъ плохо орешъ?—„Та земелька плоха, такъ я йи и орю кой-якъ! Може Богъ дать хочъ зѣрнечко вѣрнецьця“. Въ послѣдствіи оказалось, что у перваго не уродился хлѣбъ, кромѣ полоски, гдѣ Господь съ св. Петромъ прошелъ, а у втораго былъ прекрасный урожай. 2) Св. Петръ увидѣлъ пашущаго человека и сказалъ ему: „Боже поможы!“—„Мини вже Богъ помогавъ, я самъ собі дужче поможы!“ отвѣчалъ грубый человекъ. Св. Петръ ушелъ, а у человека сейчасъ же издохъ волю.

Когда доорются до дороги, нѣкоторые „орачи“ почему-то имѣютъ обыкновеніе говорить такія слова: „Оравъ я въ чыстому поли, та доорався до дороги, найшовъ шапку й палку и поповы рызы. Буды мини въ поли ораты,—пиду я въ Полтавъ городъ молитвы даваты. Зайшовъ я въ перву хату,—дають мини кусокъ сала, ще й поляныцю, и кону грошей, за те шо я пишъ хорошій“.

„Мои малі погоньчи
Пойихалы орать;
Воны не вмилы паняты,
Та не вмилы и крычатъ.
Воливъ плугатырь патурывъ,
Погоньчивъ погубывъ.

Ставъ мий плугатырь орать,—
Никому воливъ паняты;
Начавъ плугатырь серчацьця,
А погоньчи збигацьця,—
Панялы и гукáлы,
Покры плугъ поламалы“.

„Въ понедѣлокъ пойихалы,
А въ вивторѣкъ прыйихалы;
Вранци въ середу оралы,
Въ четверъ вже плугъ поламалы,
Въ пятныцю воливъ погубылы,
Въ субботу воливъ найшлы

И до дому пишлы.
Тутъ прыйшовъ и пишъ,
Шобъ до церкви йты.
Иды, пишъ, колоты,
А я лапти доплету,
Тоди й до церкви пиду“.

Привожу народный рассказъ о томъ, какъ орали птицы. „Одинъ разъ орали—перепелѣця, куришка (куропатка), деркачъ (коростель) и прыпутьень (дикій голубь): перепелѣця вела переднихъ воливъ, куришка—пидпереднихъ, деркачъ—колишѣнныхъ, а прыпутьень за плугомъ ишовъ. Перепелѣця веде та посвѣстуеть, куришка веде и крычыть: „турѣ зъ горѣ! турѣ зъ горѣ! Деркачъ крычыть: „тиру! тирю! тирю! А прыпутьень за плугомъ ренетѣе: „пришени! ршени, прышени“! Перепелъ прѣйшовъ подывыцѣця. — иде ззади и говоре: „такъ орать, плугы ломать, дни терять! тутъ, тутъ, тутъ!“

Весною, какъ только сойдетъ снѣгъ съ земли, крестьяне въ первое воскресенье или праздникъ приглашаютъ послѣ обѣдни священника и служатъ на площади молебень съ освященіемъ къ предстоящему посѣву хлѣбныхъ зеренъ. Когда же подсохнетъ, мужчины собираются ѣхать сѣять и надѣваютъ на себя тѣ сорочки, въ которыхъ они причащались, когда говѣли (сорочки эти они снимаютъ по приходѣ изъ церкви и хранятъ до времени посѣва). Дѣлается это для того, „шобъ не було будяківъ и бурьянѣ мизъ хлибомъ“. Затѣмъ все семейство молится Богу; берутъ съ собою мужчины „хрестъ“, испеченный на средокрестной недѣлѣ, и уѣзжаютъ. Упомянутый „хрестъ“ долженъ храниться до этого времени въ амбарѣ или закромѣ между хлѣбными зернами. Если до него доберутся мыши и погрызутъ, то это означаетъ, что въ наступившемъ году будетъ много мышей. Прѣѣхавши на мѣсто посѣва, берутъ „хрестъ“, кладутъ его на „зворотахъ“ въ борозду той нивы, которую будутъ сѣять, и начинаютъ работать. Сѣяльщикъ становится на востокъ лицомъ, читаетъ „Отче нашъ“, беретъ мѣшокъ съ зерномъ и начинаетъ свою работу. Во время посѣва онъ одинъ разъ бросаетъ зерно „навхрестъ“ и говоритъ: „Уроды, Боже, и на чужу долю!“ По окончаніи посѣва начинаютъ волочить и обошедши одинъ разъ ниву, останавливаются около „хреста“, берутъ его, перекрестившись, размачиваютъ водою и ѣдятъ всѣ участники посѣва.

Засѣвать первую ниву слѣдуетъ натошакъ, чтобы лучшій хлѣбъ уродился. Кто сѣетъ съ молитвою, тому Богъ посылаетъ хорошій и чистый хлѣбъ; кто же ругается, а не молится, у

того бывает плохой хлѣбъ, съ большимъ количествомъ будяковъ и бурьяну, которые съѣтъ дѣволъ, ходя вслѣдъ за ругающимся, человѣкомъ. Если земля рыхлая и хорошо обрабатывается значитъ будетъ урожай. Кто чиститъ сажу и потомъ ѣдетъ сѣять, у того заводится и въ хлѣбныхъ колосьяхъ сажа, т. е. „зона“. Кто хочетъ приобрѣсть хорошаго пшеничнаго зерна для посѣва, тотъ срываетъ на добрыхъ нивахъ тѣ колоски, которые наклонились на югъ и съ нихъ собираетъ зерно для завода. Есть повѣрье, что изъ плохого всхода выходитъ лучшей хлѣбъ, чѣмъ изъ хорошаго, потому что послѣдній „урикають люды, зозихая на ёго“.

Пословицы и поговорки о посѣвѣ: „Сий овесъ та ячмѣнь у калѣ (грязь), такъ винъ тебе наряде у жуванѣ. Сий мене хочъ въ золу, та въ пору (о ячменѣ). Уроды, Боже, добрый овесъ на мий хрестѣ. Уроды, Боже, съ сивкѣ тры мишкѣ: мирочку попови, коробочку дякови, а кившыкъ питухови, за те ёму, шо винъ пиесеньку спивае, хозяена урожаемъ розвеселяе“.

Если между выросшимъ хлѣбомъ попадаются двойные колосья то говорятъ, что онъ выйдетъ добрый на зерно. Хлѣбные колосья грѣхъ срывать, „а то якъ зѣрвешъ и повие витеръ на соломьну бизъ головы, такъ вона буде крычать: „прыдай, прыдай смѣрты! прыдай, прыдай смѣрты“! Во время жатвы и вообще при уборкѣ хлѣба по колосьямъ и по зерну могутъ ходить только тѣ, кто убираетъ его; остальнымъ же, неработающимъ, ходить и топтаться по немъ „не годыщяца,—грихъ“. Если во время жатвы (и въ другое время) придется переходить или переѣзжать „перехресну дорогу“, то слѣдуетъ говорить такъ: „Господы Исусе Хрысте! Перехресна дорога! Дай, Боже, здоровья въ ручки, въ ножки и въ жывить трѣшкы“ или: „Помьяны, Господы, въ царствѣ небесномъ нехрещѣныхъ дитей“!

Когда на нивѣ окончатъ работу, молятся Богу и говорятъ: „Нывко, нывко! верны мою сылку“! Въ доказательство того, что, работая, всегда нужно надѣяться на помощь Божию, рассказываютъ слѣдующее: „Одна дивка дожнынала до обидъ свою ныву. Идетъ Богъ и св. Петро и кажутъ ий: „Здоровъ, дѣвчыно“!—„Здрастуйты“! „Боже тоби поможы“!—„Та въ мене вже тутъ трѣшкы осталось, я й бизъ Бога дожну“, одвичала вона. Богъ и св. Петро нишлы,

а йи заразъ же схватѣлы сѣяшныци, и вона въ цей день не дожала своей полосы, а оставалось всего не билшь, якъ на два снѣпы“. Если уродится хорошей хлѣбъ, тогда говорятъ: „Самъ Богъ походывъ по ниви“; а если плохой, то говорятъ, что „роботныка посылавъ.“—Хлѣбныхъ растений, оставшихся въ полѣ нескошенными, грѣхъ, говорятъ, сожигать, потому что тамъ Господь отдыхаетъ.

Пѣсни, пословицы и проч. о косовицѣ и жатвѣ: „Косывъ батько, косывъ я, та выкосывъ соловья, здорового—якъ и я. Косыть косы, а йисты не просы. Наскочыла коса на каминь. Пишла ганжѣ жыто жаты, та забула серпа взяти. Пройшла косовиця и жывовиця, стала жинка красовиця“.

Косари косятъ,
Витеръ повивае;
Десь моя мыла
Зъ инчимъ размовляе.
Якъ пиду я яромъ,

Яромъ долиною
До зрублыной кривниці
Братъ холодной водици,
А тамъ берутъ воду
Чужи молодыци“.

Передъ завтракомъ поють дѣвки:

Заскрыпили воритечка,
Лыбонь на морозъ;
Зашумили густы лозы,
Лыбонь буде дощъ.
Не дай, Боже, морозоньку,
Та дай, Боже, дощъ,—
Сино примочыть,
Грыбцямъ отпочыть;
На панове сино,
Шобъ тамъ воно сило,
На панивъ овесъ,

Шобъ тамъ сивъ увесъ.
Та вже вѣронъ литае,
Винъ снідаты шукае:
Ой, дай, пане, дай
Та снідаты намъ,
А якъ не дасы,—
Робыть не просы;
Ой, дай, дай, панѣчку,
Намъ хочъ по шматѣчку,
А ты, паненя,
Дай (хочъ) пивъ сухаря“.

Позавтракавши, поють такъ:

„Ой, спасыби хозяену
За хлѣбъ и за силь,
И за водоний,
Шо нагодувавъ
И понапувавъ,
А отдыхнутъ не давъ.“

А въ нашего прыкажчыка
Нема штанивъ ни клаптыка:
Сама очкурня;
А въ нашего прыкажчыка
Кобыла ряба,
Прывалу нема“.

„Брала дивка лень, лень,
Та ще й конопельки,

Не вывчылась на роботу,—
Та на вытрыбѣньки;

Брала дивка лень, лень,		Та не вчылась на роботу,
Брала чечевыци,—		Та на вечерныци“.

Въ достаточныхъ семействахъ жатва и перевозка хлѣба съ поля на токъ идутъ почти одновременно. Когда въ первый разъ везешь хлѣбъ съ поля и обломаешься или перекинешься, то это плохой признакъ: „будешь всю возовыцю обламувацьця и перекидыцьця“. Если къ такому человѣку, который ругается во время „возовыци“, прилетитъ птичка, сядетъ на возъ и защебечетъ (ее Богъ посылаетъ), то это значитъ, что онъ непременно обломается дорогою. Кто ругается дома, скидая снопы, у того мыши поѣдятъ хлѣбъ. Если изъ колосьевъ сылется зерно и остается на возу, когда скидаютъ снопы, то это считается вѣрной примѣтой хорошаго и обильнаго умолота. Хрѣнъ, освященный вмѣстѣ съ пасхой, и косточки съ освященнаго поросенка, хранятъ до урожая и кладутъ ихъ на „пидъ“, подъ первый стогъ хлѣба, „шобъ мыши ёго не йилы“. Привезши въ первый разъ хлѣбъ, берутъ одинъ или нѣсколько сноповъ, обмолачиваютъ ихъ пораньше утромъ, чтобы никто не видѣлъ, и затѣмъ вымолоченное зерно понемногу разсыпаютъ во всѣ закрома и амбары, „шобъ меньше було мышей“.—„Бизъ мыши хлиба не зйисы, а бизъ жабы воды не нашьенся“. Впрочемъ, есть такіе знахари, у которыхъ мыши не ѣдятъ хлѣба въ стогахъ, но за это, говорятъ,—великій грѣхъ. Одинъ такой человѣкъ повезъ два воза хлѣба въ даръ монастырю и говоритъ монаху: „Я привизъ вамъ такой пшеныци, шо й мыши йи не йилы“. Монахъ отвѣчалъ: „Если её не ѣли мыши, то она не годна и людямъ“, и не принялъ подарка. Если въ праздники мелютъ муку, то въ ней заведутся „шашели“ (червечки). О спѣшной работѣ говорятъ такъ: „оры, мелы,—йижъ“.

Хлѣбъ.—Когда сѣютъ муку, то передъ началомъ всегда крестятся, а по окончаніи проводятъ на ней пальцемъ правой руки крестообразный знакъ и накрываютъ чѣмъ-нибудь, если не сейчасъ готовить тѣсто; накрываютъ для того, чтобы кошка не понюхала, „ато нѣжень нападѣ“. Когда же сажаютъ хлѣбъ въ печь, тогда на первой паляницѣ сверху проводятъ опять такой же крестъ, что обязательно дѣлается всякою опытною хозяйкою. Вынимая изъ печи хлѣбъ и пробуя, вышекся онъ или

нѣтъ, не слѣдуетъ стучать „по спідци, ато ёму бѣльно“, а нужно стучать по верхушкѣ. Народъ вѣрить, что „хлебъ живый, пока ёго покосятъ, повозятъ, помолотятъ и помелютъ, а якъ спечуть, такъ тоди вже винъ мертвый“. Вынувши изъ печи ржаной хлебъ, верхушку его мочатъ водой, „щобъ помынались гришні родичи на тимъ свити и щобъ Богъ давъ имъ хлеба и воды“. Вообще вѣрятъ, что души умершихъ питаются и поминаются паромъ вынутаго изъ печки хлеба, и въ особенности разломаннаго и разложеннаго по окнамъ. Кто будетъ ѣсть цѣлой и поджаренный хлебъ, тотъ будетъ умѣть хорошо плавать, а кто въ хлебѣ съѣстъ песчинку, тотъ утонетъ. Нѣкоторые, смотря и указывая на паланицу, говорятъ шутя: „Я оцю ззимъ, та ще симъ; гляну на сволокъ, та ще сорокъ; гляну на польцю, та ще паланыцю; гляну на жертку, та ще четвертку“ (четверть). Если найдешь хлебъ, — будетъ счастье и удача, а если желѣзо, — несчастье и неудача. Найденный сухарь сохраняютъ и подкуриваются имъ отъ лихорадки и ѣдятъ его, когда болитъ животъ. „Добрый хлебъ удався, — шидь шкурунку хочъ заховайся“! Рассказываютъ, что одинъ „вивчаръ“ былъ два раза женатъ. При первой женѣ онъ привыкъ, выгнавши овецъ въ степь, класть хлебъ въ воду ставка, гдѣ таковой зарыналь, раскисалъ и былъ всегда готовымъ, когда бы онъ не вздумалъ его ѣсть. Умерла эта жена, и „вивчаръ“ женился въ другой разъ. Напекла хлеба другая жена. „Вивчаръ“ погналъ овецъ, положилъ по привычкѣ хлебъ въ ставокъ и пошелъ съ овцами дальше. Напасши овецъ, онъ возвратился къ ставку, чтобы пообѣдать. Сюда-туда, — нѣтъ хлеба: онъ всплылъ и былъ поклеванъ воронами. Такъ „вивчаръ“ и остался голоднымъ, за что наказалъ свою жену, когда возвратился домой, доказывая ей, что она не умѣетъ хлеба печь такъ, какъ покойница пекла.

Между народными играми и забавами имѣютъ нѣкоторый интересъ игры дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ. Чѣмъ старше этого возраста дѣти, тѣмъ игры ихъ дѣлаются блѣднѣе и постепенно теряютъ свой интересъ. Самое благопріятное время для игръ — весна, начиная съ праздника Пасхи и кончая Троицею; затѣмъ, по благопріятности, идутъ лѣто, осень и зима. Зимой рѣдко можно видѣть дѣтей, играющихъ во что нибудь;

вся игра ихъ въ это время заключается въ играньи въ „свын-
кы“, въ куклы, въ жмурки (въ „кузьмиркы“) „въ панаса“, если
у кого есть свободная комната, и въ катаньѣ съ горъ въ са-
лазкахъ.

„Свынку“ (деревянный шаръ) гоняють по улицамъ „кйкѣмы“
(палками съ головкой) и „ковызками“ (палками, загнутыми въ
видѣ трубки), не только мальчики, но и взрослые мужчины.
Игра въ „жмурки“ производится на току и состоитъ въ томъ,
что одинъ изъ играющихъ жмурится, т. е. становится около
соломы или сѣна, закрывъ лицо руками, пока его товарищи
попрячутся, и затѣмъ идетъ изъ своего мѣста, называемаго
„городомъ“, отыскивать попрятавшихся дѣтей, которыя въ это
время стараются прибѣжать обратно въ городъ. Если жмурив-
шійся никого не словить, то онъ опять жмурится, а если сло-
вить, тогда жмурится пойманный и т. д. Игра въ „панаса“
заключается въ томъ, что одному изъ дѣтей завязываютъ въ
комнатѣ глаза, ставятъ его около порога и говорятъ: „Панасъ,
Панасъ! не ловы насъ. На тоби коробочку грушь, та мене не
ворушь“. Послѣ этого дѣти тихонько ходятъ по комнатѣ, а
Панасъ, разставивъ руки, ходитъ по хатѣ и старается словить
когонибудь. Кого онъ словить, тому и Панасомъ быть. Въ
жмурки и въ панаса играютъ мальчики и дѣвочки.

Теперь опишу нѣсколько главнѣйшихъ дѣтскихъ игръ, про-
изводимыхъ большею частію весною. Игра „въ гусей“ или „гү-
сочки“. Этой игрой забавляются мальчики и дѣвочки: приче-
мъ одинъ мальчикъ бываетъ волкомъ, одна дѣвочка хозяйкой, а
другая, ея дочь, пастушкой, всѣ же остальные дѣти гусями.
Волкъ отходить и ложится гдѣ-нибудь въ ямкѣ или за бугор-
комъ, а мать говоритъ пастушкѣ: „Гоны, гоны, дочко, гусей на
поле!“ Та гонитъ, говоря: „Гыля, гыля!“ Дѣти отойдутъ и нач-
нутъ щипать траву руками, а пастушка садится недалеко отъ
нихъ. Хозяйка кричитъ: „Гусы, додому!“ Одна дѣвочка (гуска)
отвѣчаетъ: „Не смію!“ „Бля чо́го?“ „Бля вовка!“ „А де вовкъ?“
„За горою!“ „Шо винъ робе?“ „Гуску скубе!“ „Чыю та чыю?“
„Попову та дякову!“ „Гусы додому!“ Дѣти бѣгутъ къ хозяйкѣ, а
волкъ въ это время выскакиваетъ, хватаетъ одного или двухъ
изъ нихъ, ведетъ къ себѣ и ложится на своемъ мѣстѣ. Хозяй-

ка снова посылаетъ пастушку гусей пасти, и опять повторяется, тоже самое пока волкъ выловитъ всѣхъ гусей. Послѣ этого пастушка приходитъ и говоритъ: „Мамо! нема гусей“. „А де жъ вони“? „Хто и зна, не бачыла. Ихъ мабудь вовкъ похватавъ“! „А ну ходимъ пошукаемъ“! Идутъ обѣ къ волку и хозяйка говоритъ ему: „Здоровъ вѣвчыку“! „Здоровъ“! отвѣчаетъ волкъ. „Чы не бачывъ ты моихъ гусятъ“? „А яки твои гусята“? „Билѣньки, сирѣньки и загрывеньки“ (нестрые, съ бѣлой шеей). „Пишли билѣнькою, сирѣнькою и загрывенькою дорожкой“. Хозяйка съ пастушкой поворачивается и идетъ отъ волка, а дѣти въ это время хлопаютъ въ ладоши. Она опять возвращается и говоритъ волку: „Неначе гусы захопалы крыламы“? „Ни, нема“! „А шо то у тебе биліе“? говоритъ хозяйка, указывая на дѣтей. „То паньски прачкы сорочкы труть“. Хозяйка, не вѣря волку, идетъ туда, узнаетъ своихъ гусей и, хватая каждаго ребенка за ухо, говоритъ: „И цѣ мое! и цѣ мое“! „А ну, ну! давай спорить. Вони й мои е“! говоритъ волкъ. Въ это время дѣти закладываютъ пальцы за пальцы, ладонь къ ладони и сидятъ, а хозяйка беретъ каждаго изъ нихъ за руки и начинаетъ разнимать. Какое дитя поддается разнять руки, то принадлежитъ ей, а какое не поддается, то-волку. Затѣмъ проводятъ на землѣ черту (межу), находятъ палку, за которую хозяйка и волкъ берутся обѣими руками, а за нихъ сзади берутся одно за другое ихъ гуси, и, стоя волкъ на одной сторонѣ черты, а хозяйка на другой, начинаютъ перетягиваться. Если хозяйка съ своими гусями перетянетъ волка за черту, то всѣ будутъ въ раю, а если волкъ съ своими гусями перетянетъ ее за черту, то всѣ будутъ въ пеклѣ.—Игра въ „хронона“, или въ „хрѣна“ (хрѣна).—При этой игрѣ одна дѣвочка—мать садится на землю, протянувъ ноги, на которыя ложится другая, а около нея садятся остальные, кромѣ одной, которая идетъ вокругъ нихъ и поетъ: „Хрононы, хрононы! хто жъ тебе посадывъ?—Посадывъ мене Иванъ, Харіѣнь поливавъ, Харіѣнова жонá абсажувала и обряжувала; вона на дорожци жыла, трое дитокъ прывыла... Нема попа, ни дяка, ни серебряныка. Продай, бабо, хронъ“! Затѣмъ, поющая дѣвочка беретъ съ собою другую, сидящую съ краю, и вдвоемъ обходятъ вокругъ съ

этой же пѣсню; дальше третью и опять обходятъ и поютъ, и т. д., пока она заберетъ всѣхъ дѣтей, чѣмъ и кончается игра.

Игра „въ перепелки“.—Берутся дѣвочки за руки, становятся кружкомъ, въ которомъ находится одна ихъ подруга, представляющая собою „перепелку“, и поютъ: „Я въ перепелки та головка болыть. Тутъ була, тутъ була перепельця; тутъ була, тутъ була, билозбрюшка. Я въ перепелки та очыци болять; я въ перепелки та плечыци болять; я въ перепелки та ручыци болять; я въ перепелки пиднойска болыть; я въ перепелки та старый чоловікъ; я въ перепелки молодой чоловікъ; я въ перепелки нижкы коротенькы“. Послѣ каждаго предложенія поется: „тутъ була, тутъ була“ и т. д. Сообразно словамъ пѣсни „перепелка“ беретъ за голову, глаза, плечи, руки и поясицу, а когда поютъ „старый чоловікъ“, она закрываетъ лицо руками и плачетъ; когда же „молодой чоловікъ“ и „нижкы коротенькы“, тогда она смѣется и танцуетъ.

Игра „въ зайшкы“.—При этой игрѣ дѣти становятся также, какъ и при игрѣ „въ перепелки“ и поютъ: „Зайшка, чы не бѣтюшка, по пужарыку ходывъ, били ножечкы томывъ. Оце тоби, зайшка, тры дороженькы, куды схочь, туды скочь, возьмы соби дивочку, та за билу ручку, поведы въ комірку, постелы постільку, та й уложи спаты, а самъ тикай съ хаты. Зайшка молодой по гброду ходывъ, били ножкы томывъ, то въ той городокъ, то въ той городокъ. А у насъ города все турецкыи, а у насъ замкы все немецкыи. Та нікуды зайшкы та ны выскочыты, та нікуды зайшкы та ны вышлыгнуты. А ну, зайка, поскачы, а ну, зайка, попляшы; а ну, зайка, скокомъ-бокомъ передъ майымъ карымъ окомъ, а ну, зайка, оберныся, зъ дивчонкою обнимыся“. Въ это время зайшка обнимается съ какой-нибудь дѣвочкой, которая послѣ этого становится въ кругъ и играетъ за зайчика.

Игра „въ бакшѣвныка“.—Во время этой игры одинъ мальчикъ, считающійся волкомъ, садится гдѣ-нибудь за бугоркомъ или въ ямкѣ, а остальные дѣти начинаютъ рвать руками траву и говорятъ: „Ирвѹ, ирвѹ орѣшечкы, не боюсь вовка ни трѣшечкы: вовкъ за горою, а я за другбю; вовкъ у жупани, а я въ шарафани“! Послѣ этого дѣти бѣжать, а волкъ гонится, ло-

пришлось здѣсь видѣть ни одного танцующаго крестьянина, если не считать какой нибудь пьяной личности, топающей ногами на одномъ мѣстѣ. Музыка, какъ инструментальная, такъ и вокальная, тоже весьма плохо развита. Здѣсь за рѣдкость приходится услышать поющихъ мужчинъ — молодыхъ и пожилыхъ. Если же кто поддерживаеъ пѣніе, такъ это именно дѣвушки, которыхъ, хотя и не часто, но всетаки можно слышать поющими. О музыкѣ инструментальной приходится, къ сожалѣнію, сказать почти тоже, что и о танцахъ. Если бы кому потребовалась музыка, то въ нашей слободѣ нельзя найти музыкантовъ, — ихъ почти нѣтъ, а нѣтъ потому, что они не требуются: здѣсь и свадьбы въ большинствѣ случаевъ гуляютъ безъ музыки. Доказательствомъ сказаннаго мною будетъ то, что на всю слободу и хуторъ имѣется два „баса“ (віолончели), изъ которыхъ одинъ уже давно не годится, и 5 скрипокъ, самыхъ дешевыхъ и плохихъ, съ простыми струнами и самодѣлковыми или поломанными смычками. Кромѣ упомянутыхъ музыкальныхъ инструментовъ можно найти нѣсколько „балабаекъ, сопилокъ“ и одни „цымбалы“. Чаше другихъ встрѣчается гармонія, на которой парубки играютъ разныя простенькія пѣсенки. Мнѣ пришлось видѣть въ слободѣ „басъ“ (віолончель), принадлежавшій человѣку не нашего села, сдѣланный изъ листоваго желѣза.

Пословицы: „Пой пѣсни, хочъ трісны, а йисть не просы. У дурного соловья дурна й пиеня. Трусь въ карты не граеть“.

Народныя бѣдствія, какъ напр. людской морь, падежь скота, пожары, неурожай, наводненія, градъ и проч., люди всегда объясняютъ наказаніемъ Божиимъ за грѣхи; но не смотря на это, — они все-таки возлагаютъ нѣкоторую надежду и на свои знанія. Рассказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ былъ сильный „миръ“ (морь) на людей, отъ котораго ничѣмъ нельзя было избавиться и вылѣчиться. Кто заболѣвалъ въ это время, тотъ, пролежавъ недѣли три, обязательно умиралъ, послѣ чего тѣло его дѣлалось чернымъ, какъ уголь, и даже чернѣлъ гробъ, въ которомъ лежало тѣло такого покойника. Тогда умершихъ клали въ гробъ не руками, а крючками, причемъ старались стоять за вѣтромъ, а кто становился противъ вѣтра, у того

сейчасъ же чернѣла палка (крючекъ), по которой болѣзнь переходила на руки и затѣмъ на все тѣло. Даже носилки, на которыхъ несли мертвеца къ могилѣ, чернѣли за дорогу и дѣлались заразительными. Эта болѣзнь, о которой рассказываетъ 40-лѣтній крестьянинъ, въ настоящее время не появляется. вмѣсто же нея явилась, говорятъ, холера, занесенная изъ Турціи, тоже неизлѣчимая. Многіе же вѣрятъ, что холеру можно излѣчить и даже предупредить ея появленіе,—для чего употребляются средства, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано.

Холера—женщина, которая ѣздитъ на черной коровѣ. Она боится, чтобы не повстрѣчаться самой съ другой холерой, и поэтому ее можно испугать, вымазавъ грудь и мѣста подъ руками дегтемъ и надѣвъ на себя черный кожухъ, вывернутый вверхъ шерстью. Тотъ же человекъ, котораго уже напала холера, долженъ сверхъ вышесказаннаго взять въ руки палку, ходить по хатѣ и махать ею, чтобы испугать холеру, послѣ чего она бросаетъ человека и уходитъ. Холера и другія болѣзни боятся дегтя и сажи, и поэтому, кто внутри хаты обмажетъ этими веществами „одвѣрки“ на окнахъ и дверяхъ, въ томъ семействѣ никто не заболѣетъ ею и даже домъ этотъ она будетъ далеко обходить. Если въ какомъ семействѣ появится холера, то больные и всѣ здоровые должны пить „добрый“, т. е. чистый деготь: первые для того, чтобы излѣчиться, а вторые, „шобъ на нихъ не перейшла холера“. Въ каждомъ домѣ и во всякое время держать за образами или въ другомъ мѣстѣ „нехворощу“, „шобъ вси булы здорови и шобъ не нападала болѣзнь“. Въ холерное же время для этой цѣли носятъ „нехворощу“ въ карманахъ и забиваютъ ее въ просверленную въ хатнихъ дверяхъ дырочку. Еще для лѣченія холернаго берутъ ржавое желѣзо, кладутъ его въ воду, обмываютъ и оскабливаютъ, и этою ржавою водою обмываютъ все тѣло больного. Кто ѣстъ „часныкъ, дыбулю и стрючковатый перецъ“, пьетъ водку и куритъ „дыгарку“, тотъ не заболѣетъ холерою.

Если весною не пронесетъ льда и примулитъ его, то въ этомъ году будутъ болѣзни и моръ на людей, который бываетъ въ спасовку. Если на Евдокію повѣетъ вѣтеръ съ юга, такъ

будеть нездоровое на людей лѣто. Когда спишь весною, во время поѣва, и сквозь сонъ услышишь, что тебя называетъ кто-то по имени, такъ не откликайся, „ато захвораешь: то хвороба тебѣ зве“. Если спишь весною на соломѣ и къ тебѣ прійдетъ какое нибудь животное, напр. пѣтухъ, свинья и проч., такъ не прогоняй его и ничего не говори, „ато поганка нападе“. Больной человекъ, услышавшій во снѣ плачь, умретъ, потому что „тѣ за нымъ плаче его доля“, а услышавшій пѣніе, выздоровѣетъ, то „доля“ поетъ и радуется его выздоровленію. Кто на ночь подмететъ хату, а утромъ увидитъ на полу какія нибудь хлѣбныя зерна, тотъ не долженъ подметать ее до захода солнца, а если подмететъ, то захвораетъ: тѣ зерна разбрасываетъ вѣдьма, чтобы похворались. Если больному приснится, что онъ ѣздитъ на лошадахъ, заѣдетъ въ кручу и тамъ ихъ броситъ, а самъ вылѣзетъ, то это означаетъ, что его броситъ болѣзнь и онъ выздоровѣетъ. Когда здоровому человеку приснится, что онъ лѣзетъ въ окно, то это къ его хворобѣ, а если приснится, что развалится хата или погребъ, а таже окно выпадетъ, значитъ умретъ старшій въ домѣ; если же приснится, что зубъ выпалъ, умретъ дитя.

О скотскомъ падежѣ слѣдуетъ сказать, что народъ раздѣляетъ его на „падежъ“ и на „чуму“. Вотъ что говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ крестьянинъ: „падижъ и чума не все одно, це рѣзныця: одъ падижа хочъ и боліе скотына, та не вся, и хвѣра не вся пропадае, а одъ чумы, котѣра занесена зъ Лыніи (Кавказа), вся подохне, яка заболіе, и вся заразыцьця одъ одній хвѣрой. Колысь давно хворала у насъ скотына животомъ, но Богъ мылувавъ—не падала. Такъ тоди кой-яки люды бачылы шо ця болізнь ходыла по слободи и була похожа на людыну; и якъ влизе було вона нѣчью въ загороду до кѣго, такъ вся скотына перехворѣецця. Ще часто хворѣе скотына на роты, такъ це така роса падае на траву. И якъ скотына пойистъ ции травы, такъ заразы же и захвора на ротъ. Одъ цией болізни вѣрють чыстый деготь съ сынимъ камнемъ и мажутъ въ роти, — проходе“. Скоть, у котораго большая, длинная шерсть и между рогами нѣтъ углубленія, или ямочки, не подвергается заболѣванію заразительными болѣзнями и не

пропадаетъ. Когда появится въ слободѣ падежъ или чума, тогда говорятъ, слѣдуетъ пораньше утромъ, чтобы никто не видѣлъ, выгнать скотину на степь и тамъ ее оставить до прекращенія падежа. Если такъ сдѣлаешь, то она останется жива и здорова, и даже зараженная и больная „выходыщца“. Если лѣтомъ по утрамъ замѣтитъ хозяинъ на какомъ-нибудь скотѣ большую росу и поднятую, взерошенную шерсть, то такой скотъ нейдетъ ему въ руку, не по двору ему; за то этотъ же самый скотъ во время падежа остается живымъ и тогда, если весь остальной пропадетъ. Если на черного вола сядетъ сорока и будетъ на немъ стрекотать, то онъ обязательно издохнетъ.

Пожары, по своимъ причинамъ появленія, раздѣляются на три рода: отъ неосторожности, отъ грозы и отъ неизвѣстной причины; но всѣ они считаются наказаніемъ Божиимъ за грѣхи. Какъ только увидишь гдѣ-нибудь пожаръ, сейчасъ же слѣдуетъ положить три поклона и сказать: „Господы! помылуй насъ грѣшныхъ и всихъ православныхъ христіянъ одъ нещаснаго случая“. Затѣмъ слѣдуетъ бросить дѣла свои и бѣжать избавлять людей отъ несчастья. Кто стоитъ на пожарѣ и не тушитъ, тому,—говорятъ, большой грѣхъ. Чтобы уменьшить пламя пожара и не дать ему распространяться дальше, берутъ икону Божіей Матери, называемую „Неопалимая Купина“, или икону великомученика Пантелеймона, и спѣшатъ поскорѣе обойти съ иконою вокругъ пожара; а нѣкоторые берутъ кувшинъ молока, полученнаго отъ черной коровы и называемаго „Божьей росыцей“, и съ нимъ тоже три раза обходятъ вокругъ пожара, читая трижды, молитву: „Да воскреснетъ Богъ“, и затѣмъ выливаютъ молоко на огонь, вѣря, что онъ отъ этого можетъ постепенно ослабѣвать. Если кто на пожарѣ прочитаетъ три раза назадъ „Отче нашъ“, начавъ со слова „дукаваго“ и окончивъ словомъ „Отче“, то пожаръ прекратится. Кто подъ „Велькдень“ съ крашенкой въ карманѣ выстоитъ въ церкви, не дремая, дѣянія, утреню и обѣдню, тотъ долженъ хранить эту крашенку и бросать ее во время пожара въ огонь, отчего онъ долженъ вскорѣ прекратиться. Говорятъ, что если при сильномъ пожарѣ собрать трехъ священниковъ (число трехъ лицъ Божества) и служить въ церкви молебны, такъ пожаръ самъ

собою утихаетъ. Во время пожара въ сосѣднихъ домахъ затапливаютъ печи для того, чтобы хаты не загорѣлись. Украсть на пожарѣ какую-нибудь вещь считается большимъ грѣхомъ; поэтому, взявшему, рано или поздно не миновать бѣды,—пожара: если не погоритъ самъ укравшій, то его дѣти или внуки погорятъ.

Пожара, происшедшаго отъ грозы, не тушатъ,—нельзя, грѣхъ, да его и не затушишь: это Богъ запалилъ. Во время такого пожара, говорятъ, сгоритъ только то, что запалено, а дальше горѣть не будетъ.

Пожаръ, происшедшій отъ неизвѣстной причины, народъ объясняетъ такъ: кто собираетъ по воскресеньямъ и праздникамъ топливо, какъ на примѣръ „кизяки“, палочки и т. п. и складываетъ ихъ въ кучку въ продолженіе 6 недѣль, у того собранное топливо на 7-й недѣль обязательно загорится само собою, безъ поджиганія; это значитъ, что собранное и пріобрѣтенное въ праздникъ „некорыено“, не пойдетъ въ прокъ. Напротивъ даже, за него Богъ наказываетъ пожаромъ, отнимая и трудомъ пріобрѣтенное.

Замѣчено людьми, что человекъ, пострадавшій отъ пожара, начинаетъ скоро богатѣть.

Если пѣтухъ бьется въ окно и кричитъ, значитъ быть пожару,—хата сгоритъ, а если кричитъ въ хлѣвъ и тамъ роется носомъ,—хлѣвъ сгоритъ. Когда приснится, что сидитъ на хатѣ красный пѣтухъ, то будетъ пожаръ, а если приснится пожаръ,—будетъ въ домѣ ссора и драка.

Относительно неурожайныхъ и голодныхъ годовъ есть повѣрье, что Господь посылаетъ таковыя людямъ за то, что они хоронятъ на кладбищѣ самоубійцъ. Существованіе этого повѣрья можно подкрѣпить тѣмъ, что въ 1891 г. нѣкоторыя крестьянки собирались было вырыть изъ могилы и перенести за черту кладбища одного человека, по имени „Салыфона“, повѣсившагося лѣтъ 12 назадъ и отличавшагося безыраственной жизнью. (Онъ былъ похороненъ внѣ кладбища, но потомъ оказался въ немъ, когда послѣднее пришлось расширять).

Во время разныхъ несчастій, кражъ, убійствъ, нападенія разбойниковъ и проч., читаютъ 90 псаломъ,—„Живыи въ по-

моци Вышняго“, отъ чтенія этого псалма люди, совершающіе упомянутыя преступленія, слѣпнутъ на время и не видятъ нападаемаго человѣка. Восьмой псаломъ, — „Господи, Господь нашъ“, читаютъ для того, чтобы скотъ былъ смиренный и не бился, а 50 псаломъ читаютъ, чтобы избавиться отъ бессоиницы.

Базаръ въ сл. Никольской открытъ въ 1865 г., а ярмарка въ 1893 г. Но какъ тотъ, такъ и другая находятся въ зачаточномъ состояніи, вслѣдствіе чего обычаи и повѣрья относительно ихъ мало развиты. Для того, чтобы была большая ярмарка и базаръ, слѣдуетъ на мѣстахъ, гдѣ они собираются, закопать бычачью и лошадиную голову. Свиной торговцы называютъ „рыльскими кушцами“, и вѣрятъ, что если таковая зайдетъ въ строящуюся балаганъ или почешется о колесо воза, на которомъ пріѣхали на базаръ или ярмарку, то будетъ хорошая торговля и барыши. Во время ярмарки всѣ торговцы шапками и картузами открываютъ свою торговлю разомъ, когда соберется народъ, раньше же полнаго сбора ярмарки никто изъ нихъ не торгуетъ. Если кто ѣдетъ на ярмарку или на базаръ, и въ это время перейдетъ дорогу кошка или человѣкъ съ пустыми ведрами, то ему хоть возвращаться назадъ: не будетъ удачи ни въ чемъ. Если лошадь, передъ веденіемъ ея на ярмарочную продажу, покачается и перекинется черезъ спину, то это хорошій признакъ, — къ прибыли. Купленную же лошадь, приведши домой, пускаютъ вольно по двору, гдѣ она покачается, тамъ слѣдуетъ строить конюшню: „щаслыве мѣсто“.

Купивши крупный скотъ, воловъ или лошадей, покупатель принимаетъ ихъ отъ продавца „съ полы“, и затѣмъ беретъ рукою землю, растираетъ ее на спинѣ купленнаго животнаго и говоритъ: „Будь сытъ, якъ земля водою, и здоровъ, якъ вода землею“. Ведя съ ярмарки домой купленныхъ воловъ, нѣкоторые хозяева кладутъ въ своихъ воротахъ топоръ остриемъ вверхъ и на него поясъ, и черезъ нихъ переводятъ воловъ, а послѣ этого подъ воротами закапываютъ подкову. И то, и другое дѣлается для того, „щобъ куплена скотына была здорова, прынесла пользу хозяину и щобъ ни не врыклы люды, якъ будутъ дывыцьця и захихать на неи“. Если купленные волы и кони уходятъ къ старому хозяину, то, чтобы этого не было,

нужно спалить тотъ поводокъ, съ которымъ они куплены. Если будешь на ярмаркѣ покупать корову и увидишь, что хозяйка этой коровы сидитъ на возу и не встаетъ съ него, то не покупай такой коровы, „вона́ вже спѣрчена, одібрано у неї молоко“. Для того же, чтобы у покупаемой коровы хозяева не отобрали молока, слѣдуетъ при расчетѣ, сверхъ стоимости коровы, дать хозяину кошѣйку или двѣ и сказать: „То я заплачу за корову, а це на́ тобі за молоко“.

Нѣкоторые люди говорятъ, что иногда ярмарочный шумъ и гамъ стихаетъ на мгновеніе, т. е. настаетъ безусловная тишина, которая считается ими несчастнымъ временемъ.

Пословицы и поговорки: „Трусльвому торгашу ни убытку, ни барышу. Не хоче коза на торгъ ити, та йи ведуть. Пропавъ, якъ собака въ ярмарци. Базаръ цїну найде. Своеи цїны не вставышь. За спання не купышь коня. Купывъ бы село, та денегъ голо. Торгонувъ, якъ баба на Велькдень горохомъ“.

Народная демонологія. *Вѣдьмой* называется женщина, обладающая способностью оставлять ночью свое тѣло, а духомъ летать въ разныя стороны, донти и портить чужихъ коровъ и дѣлать людямъ разныя непрїятности и пакости. Днемъ она занимается лѣченіемъ людей и скота, а ночью, отправляясь на промыселъ, можетъ принять на себя по своему желанію видъ собаки, кошки, свиньи, копы сѣна, клубка, иглы и т. п. Женщины вѣдьмы имѣютъ большой ростъ, блѣдное, морщинистое и некрасивое лицо, длинныя растрепанные волосы и большіе глаза, которыми онѣ могутъ смотрѣть на солнце, не закрывая вѣкъ. Въ церкви вѣдьмы не могутъ стоять во время пѣнія „Херувимской пѣсни и Достойно есть“: у нихъ въ это время болитъ голова, кружится свѣтъ, и кажется имъ, что церковь горитъ или валится. Если подъ воскресенье пойти къ жилищу вѣдьмы, стать спиной къ глухой стѣнѣ, повернуть назадъ голову, подуть, плюнуть три раза и дать туда дулю, то это такъ скверно на нее подѣйствуетъ, что она обязательно придетъ утромъ ругать тебя и скажетъ: „на шо ты мини дули дававъ“?

Вѣдьмы бываютъ двухъ родовъ: „родыми и научени“. Первые имѣютъ небольшой черный хвостикъ, считаются выше вторыхъ и больше ихъ знаютъ, но вреда людямъ онѣ дѣлаютъ меньше:

Чтобы сдѣлаться вѣдьмой, для этого слѣдуетъ поставить на улицѣ ножъ вверхъ носкомъ и перекинуться черезъ него три раза, произнося при этомъ какія-то тайныя слова и читая назадъ молитву Господню, начавъ со словъ „лукаваго отъ“ и т. д. При этомъ должна присутствовать старая вѣдьма и наставлять свою ученицу, объясняя ей таинственныя слова и дѣйствія. Уходя за молокомъ, вѣдьма превращается въ собаку или кошку и старается идти въ тѣни, подъ плетнями и постройками; когда она придетъ въ загороду, то дѣлается изъ животнаго (у котораго всегда бабье лицо) опять бабой и начинаетъ доить корову. Выдоивъ корову, она опять превращается изъ женщины въ животное, беретъ кувшинъ съ молокомъ за „матузочку“ (веревочку) въ зубы, несетъ домой и ставитъ это молоко „пидъ верхъ“, (подъ старинную трубу, или „бевдуръ“) или „пидъ кóминъ“, гдѣ оно сейчасъ же окисаетъ и превращается въ сметану. Идя въ чужую загороду доить коровъ, вѣдьма всегда беретъ съ собою маленькую „палынычку“ (хлѣбецъ), которую она отдаетъ хозяину или хозяйкѣ, если эти послѣдніе захватятъ ее въ загородѣ. Человѣкъ, получившій отъ вѣдьмы „палынычку“, оцѣпенѣваетъ и не можетъ сойти съ мѣста, пока вѣдьма уйдетъ изъ загороды. Подъ нѣкоторые праздники вѣдьмы летаютъ въ Кіевъ, для чего онѣ „гріють окріпъ“ (кипятокъ), дѣлаютъ какую-то мазь и смазываютъ ею подъ плечами, что видѣлъ солдатъ, ночевавшій въ домѣ „родымой вѣдьмы“, къ которой собирались всѣ вѣдьмы, чтобы вмѣстѣ летѣть въ Кіевъ. Когда вѣдьмы намазали подъ руками и улетѣли въ трубу, тогда сдѣлалъ то же самое и солдатъ, вылетѣлъ въ трубу и догналъ ихъ на дорогѣ. Увидѣвши солдата, вѣдьмы закричали: „Де ты взявся! Чого тобі треба“?! Затѣмъ они дали ему липовую палочку и приказали на ней возвратиться на квартиру, что солдатъ и исполнилъ. Вѣдьмы мстительны: онѣ, за оскорбленіе, ночью сбиваютъ съ ногъ людей, портятъ коровъ и т. п. Корова, испорченная вѣдьмой, даетъ красное молоко, да и то въ маломъ количествѣ. Излѣчить ее можетъ только другая вѣдьма, или „видымычъ“. Кромѣ коровъ вѣдьмы доятъ еще кобылъ, козъ, собакъ, кошекъ и проч. Если подъ пятницу и подъ середу говорить о вѣдьмахъ, то имъ все извѣстно будетъ. Когда найдешь на дорогѣ или на выгонѣ

иглу, то не бери ее, „ато вона прыросте до пальця: то видьма“. Вѣдьмы, говорятъ, жарятъ и ѣдятъ лягушекъ, но стараются это дѣлать такъ, чтобы никто изъ домашнихъ не зналъ. Одинъ человекъ сталъ замѣчать, что его жена „видьмуе“. Разъ ночью онъ прислушался, — жена не дышетъ, взялъ и повернулъ ее тѣло туда головою, куда оно лежало ногами. Въ полночь, когда прокричали шѣтухи, прилетѣла золотистая мушка и стала жужжать и кружиться около ногъ. Эта мушка (душа вѣдьмы) летала возлѣ ногъ до тѣхъ поръ, пока мужъ повернулъ тѣло своей жены такъ, какъ оно лежало прежде; тогда мушка влетѣла въ ротъ и жена сейчасъ же ожила. Послѣ этого, говорятъ, мужъ сильно побилъ жену-вѣдьму, и она бросила „видьмувать“. Еще говорятъ, что если подоить испорченную корову, налить этого молока на сковороду, перекипятить его и потомъ вылить подъ порогъ, то въ это время придетъ вѣдьма, испортившая корову, и скажетъ: „на шо вы мучите скотину“?

Вѣдьму называютъ „волоціогой“, за то что она волочится или таскается по ночамъ. Ее можно ударить только „навидли“, т. е. наотмашь или назадъ рукой. Причиняютъ вѣдьмѣ нѣкоторый вредъ и тогда, когда въ лунную ночь бьютъ ее тѣнь осиновымъ коломъ. Если нападетъ вѣдьма, то отъ нея можно отбиться исключительно палкой, сдѣланной изъ „клевальной осыки“, которой слѣдуетъ махать вокругъ себя. Такъ какъ вѣдьмы умираютъ долго и страшно страдаютъ, то, чтобы избавить ихъ отъ мученій и ускорить смерть, вертятъ буравчикомъ сволокъ, сволочекъ или притолокъ въ хатѣ и забиваютъ туда „осыку“. Чтобы вѣдьмы послѣ смерти не ходили беспокоить живыхъ людей, что онѣ часто дѣлаютъ, забиваютъ въ гробъ и могилу осиновые колья.

Вѣдьма часто бываетъ неосторожна и безпомощна, что видно изъ слѣдующихъ небольшихъ народныхъ рассказовъ. Катится клубокъ по дорогѣ, а парубки увидѣли и начали его бить колями, но онъ все катится. Тогда одинъ парубокъ взялъ его, принесъ домой и прибилъ гвоздями къ стѣнкѣ. Утромъ всталъ, посмотрѣлъ, на стѣнкѣ виситъ женщина-вѣдьма, у которой прибиты гвоздями руки къ стѣнѣ; она начала проситься, и парубокъ вынулъ гвозди, снялъ ее и отпустилъ. — Гуляютъ парубки

и видятъ, что по дорогѣ катится клубокъ; взяли они его, поперерѣзывали „пасма“ и бросили. Утромъ оказалось, что у матери одного изъ парубковъ всѣ пальцы на рукахъ порѣзаны.—Разъ ѣхали съ поля люди, смотрятъ,—катится за ними „кѣтвыця“ (колесо безъ обода); взяли они ее, протянули въ колодку веревочку, привязали къ возу, привезли въ слободу и привязали черезъ улицу, концами веревки къ плетнямъ. На другой день посмотрѣли, а тамъ стоитъ привязанная женщина, съ протянутою въ уши веревкою.—Идутъ парубки, повстрѣчали собаку, словили ее, отрѣзали ей ухо и носъ и пустили, а сами разошлись по домамъ. На другой день мать одного парубка оказалась безъ уха и безъ носа.—Идетъ солдатъ съ топоромъ, повстрѣчалъ свинью, вспрыгнулъ на нее верхомъ и началъ рубить ее между ушами. Свинья превратилась въ „чурбакъ“ (полѣно); солдатъ не испугался этого и продолжалъ рубить его. Затѣмъ бросилъ и ушелъ домой. На другой день приходитъ къ нему женщина съ порубанною и обвязанною головою и говоритъ: „На шо ты мене поколотывъ“? — „А када я тебе калатилъ“?—„А, ты й не знаешъ, якъ ты мене сикірою, сикірою“!—Одинъ человекъ увидѣлъ свинью съ кувшинчикомъ, словилъ ее, надѣлъ ей на шею „матѹзку“ кувшинчика и пустилъ. Утромъ всталъ онъ, смотритъ,—женщина съ кувшиномъ завязла въ воротахъ, не могли пролѣзть сквозь нихъ.—„Гулялы парубкы на вульци, дывлюцьця,—собака йде, воны вловылы ии, поодризувалы ий передни лапы и бросылы. Уранци вставъ одынь парубокъ, колы маты его лежыть на печі бизъ рукъ“.—„Идутъ парубкы, побачылы кобылу зъ лошамъ, уловылы ихъ и лоша зануздалы, а кобылу повелы до кўзни, пидкувалы ии на вси ногы и пустылы. На другый день узналы, шо маты одного парубка лежыть на полу занузданою, а маты другого—пидкованною на руки и на ногы“.—„Умерла одна жинка—видьма, и стала вона ночью ходыть додому, та мыть дитей и сорочкы имъ бѣли давать, отчогó диты стáлы жовти, якъ вискъ и звельсь на сухарь. Узнала про це сусидка, кума умершою, надила на себе билу сорочку, збрызнула ии свяченою водою, набрала сѣмня (конопляныхъ сѣмянъ), пишла до дитей, ссла на сѣнному порóзи и йистъ сѣмня. Опівночи явлася

умерша, остановилась коло порога и каже: „Геть, ато сорочку зниму“!—„Попробуй, попробуй!“—у мене сорочка трудовá“! каже кума.—„Шо ты йисы“!—„Вóши“, отвичала кума. Писля цего умерша начала впять прогонять куму и лякать ии, шо сорочку зніме, но пидойты до неи боялась: свячена вода не пускала и страшыла ии. Такъ воны спорылы до петухивъ, а якъ тико петухы проспывалы, заразъ же видьма счезла и билшь вже не являлась“.

Упыри въ здѣшной мѣстности называются „видьмычами“. Они также, какъ и вѣдмы, бывають „родыми“ и „научени“, и обладають всѣми свѣдѣніями и свойствами вѣдмы, только гораздо въ большей степени. „Видьмычъ“ отличается отъ вѣдмы тѣмъ, что онъ гораздо добрѣе ея, меньше дѣлаеть зла людямъ и не ходитъ доить чужихъ коровъ. Корову, которую испортила злая вѣдма и которую никакая женщина не можетъ излѣчить, одинъ только „видьмычъ“ въ состояніи исправить. Вѣдмы боятся вѣдмычей, и поэтому никогда не оскорбляють ихъ и всячески стараются угодить имъ.

„Вовкулаки“ дѣлаются изъ людей, мужчинъ и женщинъ. Людей превращають въ „вовкулакивъ“ колдуны (а въ рѣдкихъ случаяхъ и „видьмычи“), по большой части послѣ вѣнчанья, когда молодые выходятъ изъ церкви и во время свадьбы, когда „молоду“ везуть въ домъ жениха. Рассказываютъ, что лѣтъ 40 или болѣе тому назадъ въ сл. Никольской весь поѣздъ, съ женихомъ и невѣстой, былъ превращенъ въ „вовкулакивъ“. Одни изъ нихъ въ скорости опять подѣлались людьми, другіе—черезъ годъ или два, третьи совсѣмъ погибли безъ вѣсти, а одинъ черезъ 5 лѣтъ забрался въ кошару къ овцамъ, перепугалъ ихъ и, когда на шумъ выскочилъ хозяинъ съ палкой, хотѣлъ было перескочить черезъ плетень; но въ это время на немъ лопнулъ поясъ, осыпалась шерсть, и онъ сдѣлался человекомъ въ убранствѣ жениха, — „съ квиткою на шапкѣ“ (это и былъ женихъ). Хозяинъ поднялъ было палку и намѣревался бить волка, но этотъ, сдѣлавшись человекомъ, закричалъ: „Постой! не бий: я такой же чоловікъ, якъ и ты“! Хозяинъ опустилъ палку, ввелъ бывшего „вовкулаку“ въ хату и началъ его спрашивать о томъ, что съ нимъ было. Тогда злосчастный женихъ расска-

заль слѣдующее: „Якъ женився я и йихавъ съ пойиздомъ, такъ тоди поробивъ намъ колдунъ такъ, шо мы вси подилалысь вовкамы и разбиглысь, шобъ насъ люды не добылы. Я побигъ въ лисъ и тамъ все время живъ зъ вовкамы, но пыщи ихъ не йивъ: вона мини протывна була. Пытався жъ я въ лиси зѣленню и кориннямы, а якъ колы прыходылось забигты въ жыллѣ, такъ йивъ вмисти съ свынямы те, шо люды имъ выносылы, або старався шо небудь украсты изъ людской пыщи. Я все знавъ и понимавъ, тилко не могъ говорыть. Така жизнь мини обрыдла за 5 годивъ, и я пишовъ въ слободу и зализъ въ кошару, тилко не за вивцямы,—я ихъ николы не трогавъ,—а для того, шобъ мене або вбывъ хто, абощо: такъ надоила мини жысть. Якъ же ты, добрый чоловіче, выйшовъ съ палкою, такъ мини мѣторошно стало и я начавъ утикать“.

Когда человекъ дѣлается „вовкулакой“, то на немъ моментально вырастаетъ волчья кожа съ шерстью. Эта кожа держится на человекѣ какимъ то волшебнымъ поясомъ, насылаемымъ на него знахаремъ. Обратить вовкулаку въ человекѣ можетъ только колдунъ, вѣдьмичъ или „родыма видьма“. Если же таковыхъ не найдется, тогда человекъ будетъ вовкулакой до тѣхъ поръ, пока на немъ порвется самъ собою упомянутый поясъ, что рано или поздно, но всегда бываетъ, если только никто не убьетъ вовкулаку.

„Колдуны“—это люди знающіеся съ нечистою силою, которая помогаетъ имъ въ ихъ страшныхъ и нечистыхъ дѣлахъ, даетъ имъ деньги и открываетъ будущее и тайное. Теперь колдуновъ, говорятъ, мало, а въ прежнее время они часто встрѣчались. Колдуны также, какъ вѣдьмы и вѣдьмичи, бываютъ „родыми“ и „научыни“. Когда родится дитя колдунъ, такъ оно сейчасъ же начинаетъ лазить. Чтобы сдѣлаться колдуномъ, нужно, говорятъ, вызвать „нечыстаго“, заключить съ нимъ условіе, которое подписывается кровью, полученною изъ мизинца будущаго колдуна, и состоящее въ томъ, что колдунъ обязывается, по прошествіи условленнаго числа лѣтъ, отдать свою душу нечистому. Вслѣдствіе такихъ страшныхъ обязательствъ, колдуны, умирая, сильно мучатся и страдаютъ. Крышку на гробъ умершаго колдуна прибываютъ „осыковыми килкамы“, а

на его могилѣ забиваютъ большой осиновый колъ, что дѣлается для того, „шобъ умершій колдунъ не ходивъ ночью до живыхъ людей“.

Разсказываютъ, что жилъ здѣсь колдунъ, который былъ мастеръ на всякую пакость. Разъ шелъ онъ навеселѣ изъ кабака, нагналъ его другой человекъ и они пошли вмѣстѣ. Смотрятъ, поднялся большой вихрь и несется прямо на нихъ. Колдунъ снялъ съ себя поясъ и положилъ на дорогѣ; затѣмъ выпросилъ у своего спутника крестикъ и ножъ и положилъ ихъ „навхрестъ“ на поясъ, а самъ отошелъ въ сторону и смотритъ. Прошелъ вихрь. Колдунъ взялъ ножъ, показалъ на немъ кровь своему товарищу и сказалъ: „Це я око выколовъ нечистому духу“. Тотъ испугался, увидѣвши кровь на ножѣ, и убѣжалъ домой. Колдунъ, пришедши домой, пообѣдалъ и погналъ воловъ пасти на „Сухой яръ“. Въ самую полночь пришелъ къ нему злой духъ и началъ требовать выколотый глазъ. Мучился, мучился колдунъ и воротился съ волами домой. Послѣ этого онъ погналъ пасти воловъ въ „Дибривный лисъ“, но злой духъ и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ: явился къ колдуну въ полночь и выдавилъ ему одинъ глазъ. Этотъ самый колдунъ, говорятъ, ходилъ по слободѣ, нюхалъ землю, предсказалъ „черный годъ“, сказалъ, что „тутъ буде плохо жыть, потому шо землю будутъ дилыть такъ, якъ четвертямы“, собралъ свои пожитки и уѣхалъ съ однимъ глазомъ куда-то на жительство, откуда уже и не возвращался.

Еще разсказываютъ, что одинъ человекъ, натерпѣвшись нужды и голода отъ бѣдности, рѣшился пойти въ „Даныльчынъ лисъ“ и попросить у „нечистого“ чего-нибудь изъ трехъ: „колдовства, грошей, або добраго чоловика, шобъ найнявъ его въ роботныкы“. Пришелъ онъ въ лѣсъ и ждетъ. Смотритъ,—идеть къ нему посиѣшно какой-то человекъ, подошелъ, поздоровался и говоритъ: „Хрыстысь! ты бачышь, шо ото таке стоитъ?“ Онъ ему указалъ на „нечыстаго“, но тотъ не увидѣлъ злого духа, сколько не пялилъ глазъ. Затѣмъ пришедшій нанялъ искателя приключеній въ работники и этимъ спасъ его душу отъ вѣрной гибели.

Доля есть у каждаго человека,—это его счастье или не-

счастье. Доля заботится о человѣкѣ, помогаетъ ему и жалѣеть его; но только не доля человѣка ищетъ, а человѣкъ долженъ искать свою долю. Кто найдетъ свою долю, тому во всемъ удача и онъ богатѣетъ, а кто не найдетъ, „той бѣецца якъ рыба обь лидъ“, и все-таки ничего не приобрѣтетъ и не разбогатѣетъ. Если больной человѣкъ передъ выздоровленіемъ услышитъ ночью, что его кто-то подь окномъ называетъ по имени, это значитъ, что къ нему „доля прійшла и здоровья принесла“. Быль здѣсь, рассказываютъ, большой лѣсъ, въ которомъ жилъ страшный разбойникъ. Когда онъ шелъ однажды на разбой, вдругъ выскочилъ изъ дуплистаго дерева человѣкъ, весь въ шерсти, съ длинными костлявыми ногами и съ кошачьимъ носомъ и говорить: „Покайся, брате, ато Богъ мене проклина за твои беззаконія“! Явленіе это исчезло, а разбойникъ не послушался и сдѣлалъ опять преступленіе, послѣ чего легъ спать. Во снѣ ему вторично явилось то же самое видѣніе, повторило прежнія слова и велѣло креститься, что онъ и исполнилъ. Послѣ крещенія разбойникъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ—христіаниномъ. Это, говорятъ, доля ему являлась, чтобы спасти его отъ гибели. „Косыло два чоловіка: одынь, шо скосе, то й складе; а другый,—якъ скосе, заразъ и спаты ляже, а доля ёго прійде и складе въ кóпы. Первый замитывъ це, пидсивъ, уловывъ долю и пытае ни: „Де моя доля?—скажи“!—„Твоя доля въ кабаці“.—„Въ якому“.—Доля сказала въ якому гóроди и въ якому кабаці. Тоди винъ пишовъ въ городъ, найшовъ той кабакъ, сивъ тамъ торгувать и разбогативъ“.

„Русалки“—дѣти, умершія до крещенія. Живутъ онѣ въ водѣ и въ лѣсахъ, гдѣ ихъ можно и теперь видѣть. Русалки-мальчики имѣютъ короткіе, рыжіе и курчавые волоса, а русалки-дѣвочки—ровные бѣлые волоса, въ видѣ льняныхъ волоконъ, и длинные до самой земли. Русалокъ видятъ въ лѣсахъ, въ видѣ маленькихъ дѣтей, которыя часто кричатъ такъ: „Дайты хрестыкъ! дайты хрестыкъ“! и затѣмъ скрываются. Родителямъ, у которыхъ умирали некрещенныя дѣти, грѣхъ за это, а чтобы простилъ Богъ этотъ грѣхъ, нужно въ субботу (подь Троицу и на „троецькихъ святкахъ“ поминать некрещенныхъ дѣтей, а также дать на этихъ святкахъ богомольцамъ руб. 3—5

на монастырь и вообще на церковь, за что тоже прощаетъ Господь родителей. Кто же поминаетъ въ эти дни русалокъ, тотъ можетъ „выхрестыть ихъ и ввести въ царство“, а въ особенности для крещенія русалокъ полезно купить матери, имѣющей умершихъ некрещеныхъ дѣтей, 12 крестиковъ, по числу 12 апостоловъ, и раздать ихъ на Троицу чужимъ дѣтямъ. Вслѣдствіе этого 12 дѣтей будетъ выкрещено по молитвамъ апостоловъ. Въ четвергъ послѣ Троицы бываетъ „русальчынъ великдень“. Въ этотъ день нельзя купаться и ходить въ лѣса, сады и огороды, „ато русалка залоскочетъ“. Въ особенности онѣ стараются щекотать тѣхъ своихъ родственниковъ, которые не поминуютъ ихъ. Если же кому необходимо нужно пойти, то онѣ, чтобы предохранить себя отъ русалки, долженъ идти въ лѣсъ не иначе, какъ взявъ съ собою той полыни, которую на Троицу разбрасываютъ по хатѣ и подъ столомъ. Одна женщина, еще и теперь живая, рассказываетъ, что она въ дѣтствѣ своими глазами видѣла въ Данильчиномъ лѣсу, въ озерѣ (теперь высохшемъ), русалокъ-дѣтей, купавшихся тамъ и смѣявшихся. Она подошла ближе и увидала голыхъ женщинъ, съ распущенными волосами, сидѣвшихъ на берегу, кормившихъ грудью малыхъ дѣтей, смѣявшихся и звавшихъ и ее къ себѣ. Женщина, не помня себя, убѣжала домой. Другая женщина рассказываетъ, что она въ дѣтствѣ, съ мальчиками и дѣвочками, пасла овецъ около лѣса, гдѣ близко никого не было. Вдругъ на опушкѣ лѣса неизвѣстно откуда явился голый мальчикъ и, прокричавъ: „Молицыця Богу! молицыця Богу!“ незамѣтно скрылся.

Домовой—злой духъ, живущій на „горици“ (на чердакѣ) въ каждомъ домѣ, который онѣ оберегаетъ отъ несчастныхъ случаевъ. Домовой живетъ „на горици“ не въ одномъ мѣстѣ, а каждый годъ переходитъ изъ одного угла въ другой по порядку. По наружному виду онѣ похожъ на животное или на человека, только безъ головы. Если ночью застучитъ кто-то или назоветъ тебя по имени, не откликайся до трехъ разъ; въ третій же разъ, когда отзовешься, такъ слушай, какой звукъ издаетъ домовой: если онѣ скажетъ звукъ „д“, то это къ добру, а если звукъ „х“, то къ худу. Когда построишь новую хату и въ ней домовой закричитъ или заплачетъ, значитъ будетъ въ

новой хатѣ несчастье, а если онъ засмѣется,—будетъ счастье и веселье. Ложки и всю посуду на ночь слѣдуетъ перемывать или накрывать; „ато ихъ домовый буде вылизывать“. Говорятъ, что если въ четвергъ, послѣ страстей, полѣзешь на чердакъ съ непотухшею изъ церкви свѣчей, такъ увидишь лежащаго домового: если онъ будетъ весь въ шерсти,—хозяинъ дома будетъ богатъ, если одна только сторона въ шерсти,—будетъ имѣть средній достатокъ, а если совсѣмъ голый,—значитъ хозяинъ будетъ бѣденъ. Слезить съ „горища“ слѣдуетъ задомъ, чтобы смотрѣть на домового, а если полѣзешь передомъ, „такъ винъ такъ тебе въ спыну пернѣ, шо й дуба дасышь“, что въ Николаевкѣ и случилось съ однимъ человѣкомъ. Убить домового нельзя, а можно только испугать его крестнымъ знаменіемъ. „Голычурва“ (вверхъ лицомъ) нельзя спать, „ато домовый буде душитъ“, что онъ частенько дѣлаетъ съ людьми. Когда онъ душитъ, слѣдуетъ читать молитву и креститься; но бѣда въ томъ, что въ это время человѣкъ не можетъ ни повернуться, ни рукъ поднять.

Кричитъ домовый ночью—къ смерти, плачетъ—къ веселью, а давить спящаго хозяина — къ продажѣ скота. Домовые часто дѣлаются изъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ степи на западъ головою нельзя ложиться спать, „ато прыйде домовый, шо съ человека зробывся, нальлетъ въ вѣхо якои-то жыдкосты и превратыть въ домового“.—„Ишли степомъ дви дивкы, и захотилось имъ воды, дывляцця, колы сыдыть надъ кручою дидъ коло крйницы. Воны попросылы у ёго воды, напылысь прямо съ крйницы и поробылысь домовымы“.—„Ишовъ солдатъ со службы до дому, зостривъ чоловіка, та такого здорового, и поздоровкався зъ нимъ, а той, не здоровкаясь, схватывъ ёго ззади, прыдавывъ, застогнавъ и счезъ. Прышовъ солдатъ додому, а жинка хвѣра лежыть, а потимъ и вмерла“. Это, говорятъ, солдатъ повстрѣчался съ домовымъ, который предвѣщалъ ему несчастье, ожидающее его дома. Если домовый не взлюбитъ лошади, т. е. шерсть ея не понравится ему, то онъ будетъ на ней кататься каждую ночь, отчего лошадь будетъ мокрая; а если ему не понравится шерсть другого скота, то таковой будетъ изводиться и пропадать.

денную подкову варять и эту воду даютъ свиньямъ съ помоями для того, чтобы скорѣе жирѣли; а нѣкоторые хозяева такую подкову задалбливаютъ въ корыто, чтобы собаки и свиньи не бѣснлись. Есть еще такія знахарки, которыя наговариваютъ на хлѣбъ и даютъ его съѣсть свиньѣ, чтобы она хорошо ѣла, за определенное время ожирѣла и годилась колоть на сало. Рассказываютъ, что одна женщина наговорила такъ на кускѣ хлѣба, положила его на столъ и собиралась дать кабану, чтобы онъ черезъ два мѣсяца годился для колки на сало. Мальчикъ, сынъ этой знахарки, схватилъ упомянутый кусокъ и съѣлъ; послѣ чего онъ сталъ такъ сильно ѣсть и жирѣть, что черезъ два мѣсяца, когда пришло назначенное для убоя кабана время, онъ умеръ отъ жира.

Собака. Собака, родившаяся первою, называется „ярчукомъ“. Она страшно злая, имѣетъ волчій зубъ, беретъ волка и даже мѣшаетъ вѣдьмамъ ходить въ чужую загороду; поэтому онѣ всячески стараются истребить ярчука еще маленькимъ. Собаку не слѣдуетъ бить изъ ружья: оно испортится и не будетъ годиться для охоты. Если собака воетъ, поднявши голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ,—къ покойнику. Когда забѣжитъ собака, такъ слѣдуетъ трижды крикнуть въ трубу: „цюцю, на!“ и она возвратится. Если прибудетъ собака,—къ богатству и къ благополучію. Кто обдеретъ собаку, тому цѣлый годъ нельзя ходить въ церковь, „грнхъ“. Если кого укуситъ собака, то ее стригутъ и пережженною ея шерстью засыпаютъ рану. Отъ бѣшенства даютъ собакамъ майки.

Кошка. Какой шерсти уживается въ домѣ кошка, такой масти и скотъ слѣдуетъ держать: „домовый заразъ же задѣше кншку, якъ шо ему не полюбнцьця ни шерсть“. „Якъ кишка перебижыть кому дорогу, такъ тому буде неудача, або кинь здохне; а шобъ цѣго не случылось, такъ трѣба кннуть палку такъ, шобъ вона перелетѣла навхрестъ черезъ слидъ кншки. Хто спыть съ кншкою або напыецьця тии воды, шо вона пыла, того нежень нападе. Якъ куды йдешъ, такъ не беры съ собою кншки, ато шкѣпа (лошадь) прыстане. До кого прыблуднцьця кншка, той чоловикъ обидниє“. Если кошка умывается

и имѣть при этомъ горячую лапу,—будетъ родной или дорогой гость, а если холодную,—чужой.

Волкъ. Когда является много волковъ,—будетъ голодь; если же волкъ перебѣжалъ дорогу, то это къ счастью.

Заяцъ. „Якъ заецъ кому перебижить дорогу, такъ буде ёму быда, або невдача въ тимъ дили, за якимъ йиде“.

Кроликъ. У кого есть кролики, у того не будетъ разводиться (плодиться) скоть.

Мыши. Если зимой много мышей,—на слѣдующій годъ будетъ урожай; если они чаще грызутъ верхнюю часть печенаго хлѣба, то тоже къ урожаю, а если нижнюю,—къ неурожаю. Чтобы мыши не истребляли хлѣба, нужно на „Маковія“ (1-го августа) принести освященной въ этотъ день воды, пойти съ нею въ хлѣбное помѣщеніе, окроплять его и говорить: „Мыши! не ходите въ комбрю: васъ не пусте сюда маковийска вода“. „Якъ уловышь мышу, треба ии прысмалыть и тоди пустыть, такъ вони скочують; а якъ пидкуривать мышей табашнымъ дымомъ, такъ вони будутъ пропадать“.

Медвѣдь. „Видьмидь—изъ чоловіка“. „Разъ прыйшовъ въ одну хату прохатырь, той шо просе на церкву, а хозяень, шобъ злякати цего прохатыря, взявъ та й заховався на покутті, за образами; за це его Богъ и обратывъ въ видьмидя. Того видьмидь и рвещя завсегда на покутті, якъ его приведуть у хату“. „Якъ видьмидь потопче спыну, такъ вона николи не болытyme“.

Байбакъ. На зиму „бабакъ“ засынаеть, на Срѣтеніе перевертывается на другой бокъ, а на Евдокію (1-го марта) свиснетъ въ первый разъ и опять заснетъ, если холодная погода; если же теплая, то онъ встаетъ и начинаетъ прохаживаться.

Ежъ. Сало „йижака“ идетъ на лѣкарство для скотскихъ ранъ, въ которыхъ заводятся черви, и на освѣщеніе. Послѣ Покрова онъ залегаетъ въ берлогу, по отверстию и по мѣсту которой предугадываютъ силу зимы и зимнюю погоду. Если логовище ежа съ краю лѣса,—будетъ теплая зима, а если въ срединѣ,—холодная. Вѣтеръ и снѣгъ зимою должны быть съ противоположной стороны отверстию берлоги.

Слѣпышъ. „Не трогай зиньского щеняты, ато въ вичи плег-

нѣ: воно сердыте. Якъ бы у ёго были здорови очи, такъ вонобъ и людей йило. Зиньске щени просыло у Бога такихъ очей, якъ у вола, такъ Богъ сказавъ ему: „Нарый стилко кучокъ, якъ на неби зирочокъ, такъ тоди дамъ“. Съ того времени оно и старается побольше нарыть кучекъ, чтобы получить большіе глаза.

Летучая мышь. „Кожаны“ дѣлаются изъ мышей: если не обвязывать и не беречь пасхи и другихъ освященныхъ предметовъ, то ихъ могутъ ѣсть мыши, которыя отъ этого будутъ превращаться въ „кожановъ“. Около церкви потому много „кожановъ“, что тамъ во время посвященія всегда остаются кусочки пасхи, съѣдаемые обыкновенными мышами, и превращающимися въ летучихъ мышей. „Кожана“ засушиваютъ и носятъ на шеѣ отъ лихорадки. Если скотъ, предназначенный въ продажу, закормить сушенымъ „кожаномъ“, то онъ скоро и сильно жирѣетъ; но за это великій грѣхъ: такой скотъ скоро погибаетъ. Человѣкъ, котораго укуситъ кожанъ, умираетъ.

2) *Птицы. Куры.* Когда Спаситель прятался отъ жидовъ, тогда куры выгребли Его своими ногами. За это курей не святятъ на Пасху и не ѣдятъ ихъ ногъ,—онѣ прокляты Господомъ; сама же курица благословенна за яйца, которыя она несетъ и которое святятся вмѣстѣ съ пасхой. Яйцо, снесенное курицей на Благовѣщеніе и на Пасху, не кладется подъ насѣдку: изъ него выйдетъ калѣчка. Чтобы курица раньше „заквоктала“ и сѣла на яйца, для этого нужно ее „пидъ Риздво звалыть съ сидала помеломъ“. „Якъ сыдытъ курка, або друга птыця на яйцяхъ, такъ нельзя сажитруситъ: яйца почорниють и спортыця, и нельзя тоди пекты яецъ и бросать лушпыну въ огонь, ато зародыши запечуця и не вылуцяця.—Якъ спивае курка, такъ це вона вищуе нещасте,—треба ни заризаты, або взять ни и змирять одъ стола до порога: якъ прыйдеця головою, такъ голову отрубать, а якъ прыйдеця хвостомъ, такъ хвостъ“. Съ какой стороны дома поетъ пѣтухъ, съ той стороны будетъ гость. Ему приговариваютъ въ это время: „Якъ дорогой гость,—нехай тобі золотый хвостъ, а якъ плохий гость, такъ нехай отпаде и той хвостъ“. Если пѣтухъ поетъ вечеромъ,—веселая и теплая будетъ нѣчь, если ночью,—ничего не бойся, утромъ и

днемъ, — будетъ хорошая погода, на покутти и на порогѣ, — будутъ гости, а если часто поетъ около окна, — къ несчастью или кто нибудь умретъ. Отъ соленого куры болѣютъ и погибаютъ; спасти ихъ можно гуцей изъ кваса. — Вечеромъ „кудахчуть“ куры — къ несчастью, а утромъ — къ благополучію.

Гуси и утки. „Ця птыця благословенна на пыщу за те, шо вона Спасителя прыкрыла соломкою, якъ Винъ ховався одъ жыдивъ. Гусей бя завода треба купувать зъ вершыны, за водою, такъ вони лучче плодытмуцьця“. Кушленныхъ для завода гусей и утокъ (а также всякую птицу и мелкій скотъ) долженъ ловить покупатель, а не продавецъ. Когда выведутся гусята, прижигаютъ имъ страстною свѣчею пушекъ на головкахъ, „шобъ шулика не хватала“. „Якъ у гусака вырвать изъ крыль навхрестъ по три пирыйны, такъ винъ пропаде“. Играя весною, дѣти поютъ слѣдующую пѣсенку объ уткѣ: „Селезень, селезень! догоняй ютку. — Пойды, ютыця, домой, пойды, сызая, домой; въ тебе семеро дитей, а восьмой селезень, девятая ютка, десята Анютка“.

Индѣйки. „Ындюшка сама ѳтла и врыкыва птыца. Шобъ вона не пропадала, такъ треба ии загодувать свяченымъ и брызгать свяченою водою, а вылупывшимся ындюшатамъ нужно прыпалювать пушокъ на потылицы страшною свичкою“.

Голуби. „Голубьячой головы не йидять: вона проклята Богомъ за те, шо голубъ розсмыкавъ ту солому, де ховався Хрыстось одъ жыдивъ. Шобъ завесты голубивъ, треба въ стриху хлива, де вони будутъ, заткнуть кусочекъ тии палочки, шо лежить пидъ хрестомъ, якъ святять воду; купыть пару голубивъ, и якъ пошнуть вони плодыцьця, такъ первыхъ голубьятъ оставыть для заводу, а другыхъ заризать и головкы повстромлять въ стриху хлива; а также якъ найдешъ на дорози чоку, возьми ии, неси додому не оглядаючысь, и встромы въ стриху голубьячого хлива: не будутъ залитать голубы, а все до себе будутъ прыманювать. А якъ зробышь изъ клечальной осыкы хрестъ, та встромышь его въ гнздо свойыхъ голубивъ, а потимъ найдышь квачъ зъ мазныци, та встромышь его въ стриху чужого хлива, де голубы плодыцьця, такъ тоди до тебе перелетять изъ того двора вси голубы, тилко не разомъ, а по пари каж-

ный мисяць. Голубьяче пирья не годытьця класты въ подушкы: голова болитыме. У кого плодяцьця голубы, у того не буде пужарю“.

Павлинъ. Иногда дѣвушки перьями павлина украшаютъ иконы, но опытные люди воспрещаютъ дѣлать это, говоря: „Нашо вы оце робыте? Павычъ погана птыця,—ёго мяса и собаки не йидять“.

Воронъ. Воронъ проклятъ за то, что онъ вырылъ изъ копны Иисуса Христа, когда онъ прятался отъ евреевъ. Еще говорятъ, что воронъ когда-то взялъ своихъ дѣтей, понесъ къ рѣкѣ и посадилъ одного на берегу, а съ другимъ поднялся надъ рѣкой, и спрашиваетъ его: „Будешъ мене хлибомъ годувать? Якъ будешъ—перенесу“!—„Буду, та своихъ дитей“, отвѣчало то. Воронъ бросилъ его въ воду, а другое, сидѣвшее на берегу, само утонуло.

Орелъ. Если найдешъ гнѣздо орла и разоришь его, такъ тамъ можно найти деньги или другія цѣнныя вещи.

Сова. Совъ бываетъ два рода: одна бѣлая, весенняя, которая называется „иржунъ, вона иржé якъ кинь“, и плодится въ бурьянахъ, а другая сѣрая, которая выводитъ своихъ дѣтей на дубѣ, въ гнѣздахъ.

Коршунъ. Коршунъ въ здѣшней мѣстности называется „шуликой“. „Шулика зйила чоловіка“.

Котчикъ. Когда дѣти увидятъ летящаго котчика, тогда они, желая, чтобы онъ остановился на воздухѣ высматривать добычу, что здѣсь называется „плетеніемъ лаптей“, кричатъ ему нараспѣвъ: „Кобчыку, кобчыку! сплеты мини лапти, — не велики, не мали, щобъ булы одъ неба до земли“.

Сычъ. „Якъ сычъ крычыть на хати, або въ двори, такъ це передъ нещастемъ: умре хто-нёбудь, або захворае, або пужаръ буде“.

Удодъ. „Якъ разорышь гнѣздо додыка, такъ винъ полетыть въ степъ, украдетъ у кашоваривъ огня, принесетъ его и положить на хату, щобъ згорела. У ко́го сядыть на хати додыкъ або буде стукать у двори, тамъ хто-нёбудь умре, або друге нещастя случыцьця“.

Кукушка. Когда весною въ первый разъ услышишь крикъ

кукушки и будутъ у тебя въ карманѣ деньги, такъ будешь цѣ-
 лый годъ при деньгахъ и не будешь нуждаться въ нихъ. Дѣ-
 ти, увидѣвши кукушку, кричатъ: „Зузѹле, зузѹле! скажи,—скѣл-
 ко мини годъ жыть“? и потомъ считаютъ: сколько разъ она
 крикнетъ, столько лѣтъ жить спрашивавшему дитяти. Иногда
 одно изъ ссорящихся говоритъ, вмѣсто бранныхъ словъ: „шобъ
 ты зузѹли не почувъ“! а другое въ такомъ случаѣ говоритъ въ
 отвѣтъ: „та мини й додыкъ закуе“.

Граш и галки. Говорятъ, что у „гракивъ“ и галокъ есть об-
 щественный судъ: иногда они всѣ гуртомъ убиваютъ одного
 изъ своихъ членовъ.

Воробей. Когда Христа распяли, тогда на крестъ сѣло два
 воробья, —красный и сѣрый: первый кричалъ: „пóмеръ, пóмеръ“!
 а второй кричалъ: „жывъ, жывъ“! тогда одинъ воинъ ударилъ
 Спасителя копьемъ въ бокъ. За это Господь проклялъ воробь-
 евъ, не благословилъ въ пищу и спуталъ ихъ, „шобъ вони не
 ходылы по земли, а пльгáлы“. Нѣкоторые люди все таки ѣдятъ
 ихъ. „Якъ бѣецця горобецъ у викно, такъ буде письмо“.

Ласточка. „Якъ ластивка змóсте пидъ хатою гнздо, такъ це
 щастя буде тому домови, и разорять его не годыщця. Хто ра-
 зорыть ластивку и забере ячка, того нападе ластивьяче рябо-
 тыння, або пролетыть ця ластивка пидъ коровою трычи, а вона й
 спортыщця,—покрасние молоко и мало ёго буде, такъ шо й
 телятко пронаде; а то такъ ластивка прынесё съ поля огню и
 спалыть хату тому, хто побье ластивьятокъ. Хто убье ластивку,
 у того други ластивкы по сердцахъ будутъ доить (сосать) и пор-
 тыть коровъ. Якъ весною побачешъ въ первый разъ ластивку,
 возьмы изъ подъ правой ноги земли и подывысь: якого цвиту
 въ земли попадется шерсть, такой масты и скотыну держы;
 умыйся ще въ це время молокомъ, шобъ быть билолыцему, та
 ще утрысь тымъ рушныкомъ, въ якому паску носылы святыть,
 такъ пройде ластивьяче ряботыння“.

Жаворонокъ. „Якъ жайворонки не прылетять на сорокъ свя-
 тыхъ (9 марта), такъ тоди за нихъ спиваютъ посमितьюхы;
 за це жайворонки, якъ уроде хлибъ, должны дать посमितью-
 хамъ мирку пшеныци“.

Соловей. Съ лѣнливой хозяйки, не соткавшей до появленія со-

ловья полотно, смѣются не только люди, но и соловьи, поющие такъ: „Выстелы, выстелы полотенце!“

Синица. Крестьяне, услышавъ раннею весною пѣніе синицы, похожее на слова: „покинь саны, возьми визъ!“ говорятъ: „Пора бросать саны та справлять возы: уже и сыныця про це спивае“.

3) *Гады. Гадюка.* Гадюка—твореніе лукаваго, что видно по ея зубамъ. Если гадюки никто не увидитъ въ продолженіи 12 лѣтъ, тогда у нея выростетъ 12 головъ, а если не увидитъ 20 лѣтъ, тогда она выростетъ величиною, „якъ кобыла“. У гадюки подъ шкурою есть маленькія ноги: кто ихъ увидитъ, тотъ сейчасъ же умретъ. Есть гадюки съ красными рожками, которыя называются „царыця голыця“. Линовище гадюки люди носятъ на шеѣ, пока потеряютъ, а также подкуриваются имъ отъ лихорадки. Кто убьетъ гадюку, тому Богъ проститъ 40 грѣховъ. Когда гадюка укуситъ человѣка, нужно ее тотчасъ же убить, оторвать голову и прикладывать ее къ ранкѣ, чтобы прошла болѣзнь; а если не убьешь, тогда она поползетъ къ водѣ и напьется; послѣ чего, когда вторично этого человѣка укуситъ какая-нибудь гадюка, онъ не перенесетъ и умретъ. Человѣкъ, укушенный гадюкою, долженъ для своего излѣченія трижды прочитать назадъ „Отчѣ нашъ“. Если къ ранкѣ, образовавшейся отъ укушенія гадюки, приложить ясеную палочку и потомъ хранить ее, тогда не будешь страдать отъ напраслины. Гадюку, укусившую человѣка, не принимаетъ земля, и потому она лазитъ до поздней осени и ожидаетъ, чтобы ее кто-нибудь убилъ. Рассказываютъ, что одна мать часто ходила провѣдывать свою замужнюю дочь, чѣмъ и надоѣла послѣдней. Одинъ разъ дочь спала, когда пришла мать, разсердилась, наругала ее и сказала: „Чого вона тутъ шляецця!“ Мать ушла со слезами, а дочь заснула, и приснилось ей, что кто-то говоритъ: „Пиды въ садокъ и возьми тамъ два куска полотна“. Она проснулась, пошла въ садъ, увидѣла тамъ на яву два куска полотна, взяла ихъ, повѣсила на плечи и понесла; но изъ кусковъ образовалось двѣ гадюки, которыя впились ей въ грудь и приросли, такъ что ничѣмъ ихъ нельзя было оторвать. Такъ эта женщина и умерла съ гадюками, не нашедши лѣкарства отъ своего несчастія.

Ее, говорятъ, могъ бы избавить отъ гаюокъ только такой человекъ, который во всю жизнь не ѣлъ мяса въ понедѣльникъ или во вторникъ.

Ужъ. Когда Ной былъ въ ковчегѣ, тогда дьяволъ пробуравилъ въ немъ дырку, чтобы погубить людей; но „вужака“ заткнулъ эту дырку своею головою и не пустилъ воды. За спасеніе людей Богъ далъ ему красную голову и сказалъ, что кто его убьетъ, тому запишется 40 грѣховъ. Ужъ, поселившійся въ домѣ или дворѣ, приноситъ счастье и богатство этимъ людямъ. Онъ любитъ молоко и доить коровъ, у которыхъ оно отъ этого не уменьшается, а напротивъ даже прибавляется. Если же убить ужа, то за нимъ скучаетъ корова, какъ за теленкомъ; другіе же „вужаки“ начнутъ сосать корову и испортятъ ее. „Якъ вужака кусаецца зъ жабою, такъ слѣдуетъ ихъ розвесты палочкой и храныть ии: вона буде спасать чоловика одъ наказанія во время суда“.

Ящерица. Ящерицъ два рода,—одна сѣрая, которая считается „хлопьячою“, а другая зеленая и называется „дивчачою“: первая кусаетъ „дивчатъ“, а вторая „хлопцивъ“. Когда весною увидятъ въ первый разъ „ящерку“, отбиваютъ у нея хвостъ, хранятъ его и вѣшаютъ на шею отъ лихорадки. Если на отбитый у ящерицы хвостъ не наступишь ногою, пока онъ захолонетъ, такъ изъ него выростетъ гаюка. Ящерицу брать въ руки грѣшно, а если кто возьметъ, тотъ долженъ мыть водою руки до тѣхъ поръ, пока кровь пойдетъ.—Ѣхалъ панъ съ кучеромъ. Остановились они почевать; кучеръ началъ варить кашу, а панъ легъ на возу. Бѣжитъ ящерица; кучеръ кричитъ: „Вотъ веретѣлка!“—„Перепелка“? говоритъ панъ: „кидай ее въ кашу“! Кишитъ каша; ползетъ лягушка; кучеръ кричитъ: „Вотъ и луговая!“—„Другая? кидай ее въ кашу“! говоритъ хозяинъ. Скипѣла каша; сѣли ѣсть; панъ и спрашиваетъ: „Гдѣ жъ перепелка“?—„Вотъ веретѣлка, вотъ и луговая“, говоритъ кучеръ, вытягивая изъ каши ящерицу и лягушку. Сильно разгнѣвался панъ и такъ наказалъ кучера розгами, что тотъ и умеръ отъ побоевъ.

Жабы. „Якъ хто йистъ въ погриби або надъ колодцемъ, такъ отъ цего тамъ жабы заводяцца. Шобъ ихъ перевесты въ пог-

риби, нужно тамъ розвести огонь и положить на ёго скрючковаго перцю.—Жабы начинаютъ крюкать, якъ загремыть первый гримъ. Не беры рукамы жабы, ато вона прысне на тебе та й нападуть бородавкы. Одна жинка узяла жабу въ руки, а вона й прыснула на лытцѣ, такъ у ней и выросла борода“. Укушеніе зеленой жабы иногда гонящейся за людмы, считается неизлѣчимымъ. Говорять, что жабы (также и мыши) чувствуютъ будущій неурожай, и съ этой мѣстности „перекочовуютъ“ въ другую, гдѣ будетъ много влаги и хорошей урожай. Однажды множество жабъ перекочевывало въ другую мѣстность. Увидѣль это одинъ челоуѣкъ, схватилъ палку и ударилъ переднюю жабу, называемую „маткой“. Матка прыгнула на челоуѣка и впилаь ему въ щеку, откуда никто ее не могъ оторвать: такъ челоуѣкъ этотъ умеръ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ жабой.

4) *Настъномыя и черви. Муравьи.* Муравьевъ, называемыхъ здѣсь „комашками“ два рода: красные,—„дивчачи“, а черные—„хлопьячи“: первые кусаютъ „хлощивъ“, а вторые „дивчатъ“. „Комашокъ“ грихъ убывать: воны никому шкѣды не роблять. Якъ разорышь мурав йище, такъ буде здоровый витерь. На мисти муравыйища не строй хаты: хвороба и смертность буде, а загороду строй: прыбытокъ скотыны буде. Якъ побачышь первый разъ комашокъ, беры ихъ и тры себе по лытцѣ,—не будешь зъ воламы въ шкѣды попадацьця“. Дѣти, увидѣвъ муравейникъ, беруть палочку, слюнятъ ее и туда втыкають со словами: „Комашка, комашка! на тоби медку, а мині дай сиривчику!“ Палочка, вынутая изъ муравейника, покрывается кислую жидкостью, которую дѣти лизуть языкомъ. Нѣкоторые крестьяне варять муравьевъ въ кипятокъ и этимъ отваромъ парятся отъ ломоты и парятъ воламъ больныя шеи.

Жукъ. „Якъ жукъ гуде, такъ буде тепло або дощ“.

Короука. Такъ называется небольшой красноватый жучокъ, съ темными пятнами на верхней части тѣла. Его называютъ „Божьей коровкой“ и не позволяютъ душить, считая это грѣхомъ, по слѣдующей причинѣ. Въ старыя отдаленныя времена жили, говорятъ, большіе люди (великаны), называвшіеся „королямы“. Затѣмъ Господь создалъ малаго челоуѣка, такого, какъ

мы. Выѣхалъ малый человекъ съ „погоничами“ въ степь и началъ орать на четырехъ парахъ воловъ. Пришелъ великій человекъ, „король“, забралъ людей и воловъ съ плугомъ въ карманъ, пошелъ до Бога и спросилъ: „Шо це, Господы, за коровкы таки!“ Господь отвѣчалъ: „Не трогай ихъ, — це таки люди будутъ, а вамъ заразъ смерть настане“.

„Соньчко“. Соньчкомъ называется маленькій желто-красный жучекъ, съ двумя черными точками на надкрыльяхъ. Дѣти берутъ его въ руки, кладутъ на ладонь и говорятъ: „Соньчко, соньчко! одсунь ви коньчко, та скажи мени, куды замижъ иты? (или—„де я буду женьщыця?“). Куда, расправивъ крылья, улетитъ жучекъ, въ той сторонѣ живетъ будущій супругъ.

Сверчекъ. „Цвиркунъ цвириньчытъ на непогоду, а якъ у хати крычытъ, такъ це, кажуть, на богацтво“.

Тараканы. Чернаго таракана бѣдятъ отъ бѣшенства, когда заразятся этою страшною болѣзью. Кто поздно вечеромъ подъ воскресные и праздничные дни прибираетъ въ хатахъ, у того „заводыщыця“ всяка погань: тараканы, стоноги, рогаткы, мокрушкы“ и проч. Тараканы заводятся еще оттого, что вѣникомъ припечекъ подметають. Гдѣ въ домѣ заведутся тараканы, тамъ будетъ несчастье. Въ одномъ семействѣ, гдѣ было много таракановъ, вечеромъ невѣстка принесла два ведра воды и поставила на ночь на „виднычку“ (полочка въ углу сѣней). Ночью слышали, что на чердакѣ что-то стучало. Утромъ встала невѣстка и пошла брать воду; смотритъ,—ведра оба пустыя, вездѣ сухо, и никто воды не бралъ. Разказали о случившемся людямъ, и тѣ объяснили, что это передъ „прычыною“ (несчастьемъ). И дѣйствительно: черезъ недѣлю свекровь этой женщины утонула въ копанкѣ, а мужъ пошелъ на Донщину, и тамъ его мельница задушила; все же остальное семейство тоже перевелось. Чтобы уничтожить таракановъ, нужно найти старый лапоть или „черевыкъ“, привязать къ нему двѣ нитки, посадить туда нѣсколько таракановъ и, взявшись вдвоемъ за нитки, вытянуть лапоть на перекрестную дорогу и тамъ бросить. При этомъ долженъ кто-нибудь сопровождать таракановъ и, шутя, тужить за ними. Или дѣлають еще такъ: привязываютъ таракана ниткой, за которую берется все семейство и тя-

нетъ его съ трудомъ, надуваясь и не смѣясь, на перекрестную дорогу, гдѣ и бросаютъ. Говорятъ, что послѣ этихъ способовъ тараканы сами „скочуютъ“ изъ хаты.

Саранча. Саранча считается Божіимъ наказаніемъ; поэтому ее невозможно истребить, и чѣмъ больше будешь убивать и гнать ее, тѣмъ она больше принесетъ вреда. Избавиться же отъ нея можно только молитвою.

Блохи. „Блохи плодяцца оттого, шо на Риздво и на Велькдень, якъ умывающа, розливають воду по хати“.

Воши. „Воши заводяцца изъ тѣла чоловика одъ журбы, одъ заботы и одъ плохой воды. Сорочки треба золить натоцакъ, шобъ воши не заводылысь и не кусалы. Ихъ на столи и на викни грихъ бытъ: столъ-престолъ, а въ викно ангелы литають“.

Пьявка. „Де есть пьявкы, въ ту воду слидуеть зайты чоловику зъ больнымы ногамы и стоять, покы пьявки впнуцца, напыюцца и самы отпадутъ. Вони здоровои крови и здороваго чоловика не трогають, а пють тилко спорчену кровь“.

Черви. Слѣдуеть накопать въ загородѣ подъ яслями червей, положить ихъ въ черепочекъ, куда налить немного воды, и поставить въ печь, чтобы они растопились. Если этою жидкостью смазывать бѣльмо на глазахъ, то оно въ скоромъ времени пройдетъ.

Пословицы и поговорки: „Не по коню, а по оглобли. Конного не вворожышь. Покирне теляткѣ двѣ матки сче, а грубѣ и однии не понаде. Забылось сердце, якъ телячий хвистъ. Быть бычку на обрывочку. Паршыве теля и въ петривку мерзне. Одна паршыва вивця все стадо перепагане. Куды одынь баранъ, туды и все стадо. Вона тоди буде прясты, якъ собаки дрочытымуща. Прывыкне собака за возомъ бигты, та й за саньмы не втѣрне. Якъ доснышь до обидъ, такъ прыеныцца и видьмидь. Сыныцю посады хочъ на пшеныцю, такъ вона усе сыныця. Мижъ воронамы жывешъ, по воронячому и кракай. На чужій сторонци поклонься и воронци. Не давъ Богъ жаби хвоста, шобъ травы не толочыла. Муха не спорте брюха, а вычыстыть.“

Загадки: „Бижать кони булани; на ныхъ вузды порвани. Радъ бы я прыпыныть, та ничымъ ихъ покормыть“ (Хмары-

тучи). „Стоять кони на прыпони, не пьютъ—не йидять, а сыти стоять“. (Кавуны или арбузы). „Сирый виль усихъ людей извивъ“. (Утро). „Лысый виль кризь ворота дывыцьця“. (Мѣсяць). „Корова лежыть, а шкура до воды бижыть“. (Подушка). „Сира корова всихъ людей поборола“. (Ночь). „Крыкнувъ виль на сто городивъ,—збиглыся диткы не однии маткы“. (Колоколь и люди). „Иде свынѣ одъ тытара та вся вона потыкана“. (Наперстокъ). „Симсотъ поросятъ одну матку сцуть“. (Сволочки). „Середь лиса-лиса старци шкуру мнуть“. (Поросята, сосуцїе свинью). „Костянь деревьянь черезъ гору свыней гнавъ“. (Гребешекъ). „Баранъ у хливѣ, а рогы на двори“. (Буракъ). „Жовта курыця пидъ тынь кўблыцьця“. (Дыня). „Середь лиса-лиса, лежыть шматокъ зализа, — ни взять, ни пиднять, ни на визь положить“. (Гадюка). „Повзунъ повзе, голкы везе“. (Ежъ).

Скороговорки: „Посми́тьтюха съ посми́тьтюшеня́тами. Перепелы́чка мала-невелы́чка трычи по трычи та не выпидподю́мкаецця. Гракъ гнылоносый. Ряба курка крупы́ клюе́. Летивъ горобець черезъ верхвѣрхний хливець, нисъ пудъ гороху и намъ давъ по-троху. Летивъ шпакъ черезъ попивъ макъ, нисъ мирку гороху бизъ червоточыны, бизъ надчервоточыны“.

Народная ботаника. 1) *Деревья простыя, плодовые и кусты.* Всѣ деревья, какъ простыя, такъ и плодовые, сажаль и сѣяль Господь. Если зимою на деревьяхъ будутъ большія и твердыя „брунькы“ (почки), такъ это къ хорошему цвѣтению и урожаю плодовъ, а если онѣ будутъ малыя и мягкія, значитъ не будутъ цвѣсти деревья. Когда дерево сильно цвѣтетъ,—не жди хорошаго урожая плодовъ: его „зглазять люды“, а когда цвѣтетъ умѣренно, тогда больше плодовъ будетъ. „Якъ гримъ загремыть на голый лисъ, такъ буде на все неурожай“.

Верба. „Якъ вербу посадышь на молодыці, такъ молодныкъ здорово ростыме, но дерево не кришкѣ буде, а якъ посадышь на старому мѣсяци, такъ молодныкъ не скоро ростыме, за то дерево буде кришке. Вербу треба рубать на тощакъ въ жылявый понедилокъ, шобъ вона прочна була для постройки. Якъ у кого болять зубы, такъ треба выризать корочку, або сердце, съ свяченой вербы, яка росте у городи, и прикладать до боль-

ного зуба, а потімъ того однести цю корочку и вставить на прежне мисто, въ вербу, щобъ вона тамъ и проросла“.

Ива. „Ивыну вѣрють и мыють голову одъ болячки“ (золотухи).

Тополь. („Туполя“). Листья и вѣтви „туполи“ варять и этимъ отваромъ моють лицо, „щобъ зийшли вугры“ (прищики, чирья на лицѣ).

Пирамидальная *тополь* здѣсь называется „райына“ или „рай дерево“, а черная тополь, осокорь, — „сокирь“.

Осина. „Якъ Спасытель ховався одъ жыдивъ, такъ тоди Винъ пишовъ та й сивъ пидъ осыкою, а вона якъ зашелестыть, та й злякала Спасытеля. За це Винъ проклявъ ии и сказавъ: „Бо дай же ты шелестила и зъ витромъ, и бизъ витру“. Поэтому листья осины и безъ вѣтру трепещутся и шелестятъ. Осины не кладуть при постройкахъ въ стѣны домовъ, „ато вся сямья дрожатыме день и ничь одъ хворобы, такъ якъ дрожыть осыка“. „Осыкы боицьця всяка нечыть: видьмы, колдуны, злый духъ“ и проч. Если въ плетень загороды повтыкають осиновыя вѣточки, то въ такую загороду не можетъ зайти вѣдьма, и не можетъ она испортить коровы.

Кленъ и пѣкленъ. „Пѣклена похожа на клыныну, тилко мякче ии и хуже на хозяйственни подилжы, та сердце у неи чорне и листья шырше, чымъ у клыныны“.

Черемуха. Черемухи въ здѣшней мѣстности довольно много. „Якъ нападуть скотыну воши, такъ тоди рубають молоду черемуху, парять ии, скручують обручемъ и винають на шню тий скотыныни“.

Липа. „Лыпеною не годыцьця быть скотыну, а то здохне. Лыповый цвितъ пьють одъ простуды“.

Берестъ и вязъ. „Берестокъ и вязокъ“ употребляются на колеса, возы, сани, бѣроны и оси, въ стѣны же домовъ при постройкахъ ихъ не кладуть: „не годыцьця, — грихъ“.

Дубъ. Въ листьяхъ, которые зимуются на дубѣ, парять больныя ноги отъ ломоты. „Якъ у кого заболать зубы, такъ щобъ пересталы болить, винъ долженъ найты молодого дубка, стать передъ нымъ и трычы сказать: „дубе, дубе! я тебе зыймъ зъ гыллямъ, съ кориннямъ, съ пагиннямъ („паганци“ — молодые побѣ-

ги); гамь! гамь! гамь!!—Если на дубѣ уродится много желудей, будетъ урожай на жито.

Ясень. Когда волю, съѣвшіе паука или вредную траву съ росой, обдуются, тогда берутъ ясеновую палочку и бьютъ ею три раза „навхрестъ по ливой здѣхвини“, отчего болѣзнь проходитъ. Ясень — крѣпкое дерево, употребляемое на столярныя издѣлія. Съ нимъ связанъ слѣдующій рассказъ: „Вывизъ мужыкъ на новимъ вѣзи, съ ясенными пидтоками, продавать кабана. На базари обступылы его ворыты, та одинъ изъ нихъ и пытае мужыка: „Зъ чого це у тебе пидтоки?“—„Покоштуй тай знатымышъ съ чого“, каже мужыкъ. „Давай я ихъ перегрызу“. „Перегрызы“. „А шо ты мини дасы?“ „Та шо жъ? кабана оддамъ“. „Ну, дывысь же сюды, щобъ пѣсли не казавъ, шо я ихъ переризавъ!“ сказавъ воръ, и начавъ грызты пидтоки, а мужыкъ дывицьця на его, якъ винъ грызе. Вѣривы товариши узялы кабана и понесли. Мужыкъ все дывицьця, а воръ грызъ, грызъ, и плонувъ та й каже: „Пху! яке дерево криккѣ: ясеень, не ясеень, кабанъ унесень. „Прощай!“ И пишовъ за своїмы товаришамы, яки украли кабана“.

Яблоня. „Шобъ завести гожихъ яблунь, такъ треба посіяти яблунни зерна и, якъ вони зійдуть и поростуть одно лито, тоди выкопаты ихъ, и поставыть на зиму въ погрибъ, а весною выньняты и впять посадыть. Писля цего вони тѣжо пидуть росты и годивъ черезъ три уродять“.

Груша. Грушевыя плоды ѣдятъ отъ поноса, а также перепаливають ихъ и пьютъ съ водою отъ той же болѣзни.

Вишня. Вышни слѣдуетъ выкапывать и пересаживать натошакъ, „шобъ хорошо прыйнялысь и росли“, а на Новый годъ нужно зерна, разбросанныя носыпальниками, собрать и разбросать между ними, „шобъ тамъ черва не заводылась“.

Сливы и теренъ. „Сливы“ въ здѣшной мѣстности немного, „теренъ“ же распространенъ вездѣ.

Чернокленъ, или „чорноклына“. Это маленькое деревцо употребляется на „пужална“ для кнутовъ.

Орѣшникъ, или „лицына“. Съ орѣшника крестьяне приготовляютъ хорошія „граблыщя и цыпылна“, т. е. рукоятки для грабель и для цѣпа.

Жостиръ. Плодами жостира настаиваютъ водку и пьютъ ее отъ грудныхъ болѣзней, а также дѣвушки моютъ голову, „шобъ вона не болила и шобъ волосся чорняве було“, и натираютъ лицо, „шобъ пройшло ластивьяче ряботыння“. Его же ягодами женщины красятъ въ черный цвѣтъ свои „дерги“.

Калина, или „калына“. Ея ягоды завариваютъ кипяткомъ и пьютъ, какъ чай, отъ простуды.

„*Шепшыну*“ (шиповникъ) и „*глидъ*“ (боярышникъ) сотворыль лукавый, „шобъ люди лаялысь и гришылы, якъ уколяцьця нѣмы“.

„*Брусльна*“ раньше употреблялась сапожниками для сапожныхъ гвоздей.

Бузина. Бузиновый цвѣтъ завариваютъ и пьютъ отъ простуды.

„*Поришкы*“ или „заячи оришки“. Такъ называется низкій кустарничекъ, на которомъ растутъ продолговатые, плосковатые и мохнатые орѣшки, употребляемые дѣтьми въ пищу. Нѣкоторые же называютъ „поришкамы“ и смородину, которая мало распространена въ здѣшней мѣстности.

Крыжовникъ, называемый „кряжовныкомъ“, мало распространень.

Малина, или „малына“ встрѣчается еще рѣже крыжовника.

Ежевика. „Ожны“ здѣсь въ лѣсахъ и „въ вербахъ“ весьма много.

2) *Хлѣбныя и огородныя растенія.* *Пшеница.* Когда еще не было хлѣбныхъ растеній, тогда люди питались липовыми листьями и липовой корой, да „пѣтрохомъ“ изъ деревьевъ, т. е. тѣмъ, что сыплется изъ древесныхъ червоточинъ. Затѣмъ Господь далъ пшеницу, только не человеку Онъ далъ, а собакѣ. „Вона завыла одъ голоду, а Богъ зъ неба и кынувъ ий колосокъ пшеницы прямо въ ротъ, но чоловікъ выхватывъ у собаки зъ рота цей колосокъ, ставъ сять и развивъ пшеницю. Значыть намъ грихъ убывать собаку, — мы йимо йи долю“.

Рожь. Если послѣ посѣва „жита“ въ скоромъ времени пойдетъ дождь, а потомъ морозъ ударить, то оно можетъ погибнуть, — у него примерзнутъ молодые корешки, — „паганчыкы“.

Просо. Если набрать въ „хустыну“ (платочекъ) проса и обсыпать имъ три раза вокругъ того мѣста, гдѣ собирается на улицу молодежь, тогда парубки и дѣвки будутъ ругаться и даже биться. Для прекращенія же этихъ беспорядковъ, должны

камы“ (подси́жниками), немного раньше другого рода „півныкы“, желтаго цвѣта, называемыхъ „гала́цвиткамы“.

„Цмиль или цмильмакъ“, (иммортель) пережигаютъ и золою затоптываютъ „бгныкъ“.

Существуютъ еще: „Ряска“, „яглыця“, употребляемая для борща, „собача гречка“, любимая травка для собакъ, „куряча слипота“, отъ которой заболѣваютъ этой болѣзнию люди и животныя, „собачи кавуны“, которые ѣдятъ собаки отъ бѣшенства, „гусячий молочай“, отъ котораго гуси жирѣютъ, „гадючий лукъ“, которымъ зимою питаются гадюки, „смоктунъ“ (чистецъ) и „варенечкы“—медоносные цвѣты, „лопуцькы“, употребляемые для ѣды въ сыромъ видѣ, „бабки“, „маркивныкъ (церковныкъ)“, „сверипа“, „козелькы“, „борщивныкъ“, или „хрестати лопуцькы“, „грѣцыкы“ и „молочай“,—последнія два растенія горькія, если не потереть ихъ въ рукахъ.

Изъ грибовъ, которыхъ здѣсь не мало растетъ, употребляютъ въ пищу: „печерыци“ (шампиньоны), „опенькы“ (опѣнки) и „гарашкы“.

Пословицы и поговорки. „У ёго на верби груши растутъ, а на осыци—кыслыци. Скоро садъ садять, та не скоро плоды йидять. Симъ годъ макъ не родывъ, та голоду не робывъ“.

Загадки. „Сыдыть дидь надъ водою, трусы бородою“. (Камышь). „Сыдыть дидь надъ кущемъ, захлебався борщемъ“. (Квачъ и деготь). „Ходе баба по току, въ зеленому колнаку“. (Метла). „Шатаецця, мотаецця, пидь прыщичокъ ховаецця“. (Вѣникъ). „За лисомъ, за лисомъ стоить дижа съ кистомъ“. (Криница). „Середь двора, двора стоить золота стрила, а въ тий стрили симсотъ и дви“. (Макъ).

Юридическіе обычаи. Передъ совершеніемъ брака, „на могоричѣ“, родители жениха и невѣсты въ присутствіи постороннихъ людей, свидѣтелей, заключаютъ словесное условіе, въ которомъ обусловливаются—какая сторона, кому и сколько обязывается уплатить денегъ и дать подарковъ и приданаго. По окончаніи сговора даютъ старостамъ подарки, т. е. рушники или платки, а „на сватаньѣ“ даютъ подобные же подарки жениху и его родителямъ. Запивши могоричъ и давши старостамъ

упомянутые подарки, свадебный договоръ считаютъ оконченымъ. Если въ это время женихъ или невѣста станутъ отказываться отъ вступленія въ бракъ, то виновная сторона должна возвратить полученные подарки и уплатить все расходы, произведенные на могоричѣ и на сватаньѣ. Если отъ совершенія брака откажется невѣста, то ее родители или заступающіе мѣсто родителей уплачиваютъ родителямъ жениха все расходы и тѣмъ заканчивается дѣло. Если же откажется женихъ, тогда родители его или заступающіе мѣсто ихъ, возвративъ подарки и все расходы, уплачиваютъ еще родителямъ невѣсты за „безчестье“ ея, если будетъ доказано свидѣтелями, что она согласна была выходить замужъ. Согласіе же невѣсты доказывается ее присутствіемъ на „могоричѣ“, ее словами: „Якъ батько й маты скаже, такъ и я“, и тѣмъ, рѣзала ли она принесенный старостами хлѣбъ или нѣтъ? Если рѣзала, значитъ она была вполне согласна, если просила родителей порѣзать,—тоже была согласна, а если молчала или удалилась изъ хаты,—тогда она не согласна была выходить.

Въ крестьянскихъ семействахъ почти не бываетъ случаевъ формальнаго, законнаго развода, что видно изъ того, что въ продолженіи 30 лѣтъ былъ одинъ только случай такого развода по причинѣ неспособности къ супружеской жизни. Вслѣдствіе же споровъ, ссоръ и дракъ бываютъ случаи, что супруги расходятся, чтобы вести жизнь раздѣльно. Въ этихъ случаяхъ дѣти, если они есть, остаются жить при томъ изъ родителей, который ведетъ болѣе нравственную жизнь. При такихъ разводахъ каждый изъ супруговъ пользуется тѣмъ имуществомъ, которое лично ему принадлежитъ.

Если дѣти и ихъ отецъ пожелаютъ раздѣлиться при жизни послѣдняго, то все имущество дѣлится между сыновьями и отцемъ на равныя части; причемъ отецъ и мать остаются жить на старомъ мѣстѣ съ меньшимъ своимъ сыномъ, а остальнымъ сыновьямъ строить хаты отдѣльно. Непочтительнаго, непослушнаго и грубаго сына отецъ имѣетъ право выгнать изъ дома, не давъ ему ничего.

По смерти отца, если дѣти не пожелаютъ жить вмѣстѣ, имущество дѣлится поровну между сыновьями и матерью, также

какъ и при жизни отца. Незамужнія дочери, при выходѣ въ замужество, получаютъ небольшія доли отъ родителей и братьевъ, замужнія же ничего при раздѣлѣ и послѣ него не получаютъ.

Наслѣдство, оставшееся послѣ смерти родителей и бездѣтныхъ родственниковъ и воспитателей, получаютъ братья и дѣлятъ поровну между собою: сестрамъ же они, по своему усмотрѣнію, выдѣляютъ только незначительныя доли. Солдаты, ихъ жены и вдовы съ дѣтьми обоего пола принимаютъ въ наслѣдствѣ равное участіе съ братьями.

Незаконнорожденные дѣти, соблюдающія къ своимъ родителямъ всѣ обязанности родныхъ, получаютъ наслѣдство наравнѣ со всѣми дѣтьми.

Единокровныя дѣти въ наслѣдствѣ родителя имѣютъ равное участіе со всѣми дѣтьми, а единоутробныя и сводныя получаютъ часть своихъ прежнихъ родителей.

Приемыши и сироты участвуютъ въ наслѣдствѣ воспитателей тогда только, когда у послѣднихъ не осталось своихъ дѣтей; если же у нихъ остались родныя дѣти, тогда воспитанники получаютъ то, что имъ отказали воспитатели при жизни, или же то, что добровольно дадутъ родныя дѣти.

Вдова наслѣдуетъ долю мужа послѣ его смерти.

Имущество жены, у которой не осталось послѣ смерти дѣтей, переходитъ во владѣніе ея мужа, а за смертію послѣдняго, во владѣніе ея родителей или ихъ родственниковъ.

Вообще послѣ смерти бездѣтныхъ людей, имущество ихъ переходитъ къ боковымъ родственникамъ, въ порядокъ ближайшей родственной линіи.

При наймѣ рабочихъ заключаются въ присутствіи свидѣтелей словесныя и письменныя договоры, въ которыхъ срокъ найма опредѣляется мѣсяцами, годомъ и праздниками, указывается, когда и сколько слѣдуетъ уплатить работнику денегъ въ счетъ наемной платы и опредѣляются отношенія договаривающихся между собою. По понятіямъ народа договоры личнаго найма считаются обязательными для договаривающихся сторонъ и обязываютъ нанимающагося исполнять только то, что обусловлено при наймѣ. Работникъ, взявшій плату и неотслужившій ее, обязанъ возвратить таковую хозяину.

Относительно преступлений противъ собственности, народъ держится стариннаго обычая или самосуда, по которому виновный въ кражѣ долженъ подвергаться при допросахъ народной пыткѣ. Поймавъ вора, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ и, не спрашивая виновать онъ или нѣтъ, начиналъ его бить всевозможными способами, обрывать ему волосы на головѣ и бородѣ, крутить голову „цуркою“ (бичевою и палочкою) и вѣшать вверхъ ногами, по подошвамъ которыхъ бить палками и веревками. Вслѣдствіе такихъ истязаній и бичеваній, нѣкоторые ложно признавали себя ворами, чтобы избавиться отъ мученій, а другіе надолго оставались въ постели недвижими. Кромѣ физическихъ истязаній, воръ, признававшійся въ кражѣ, отвѣчалъ за похищенную вещь платою, въ нѣсколько разъ превышавшею украденный предметъ, и могоричемъ для всей присутствующей „громады“. Женщинъ же, пойманныхъ въ воровствѣ, водили съ украденными и привѣшенными на нихъ вещами по улицамъ, смѣялись надъ ними и всячески тормошили.—Этими наказаніями заканчивалось дѣло и до свѣдѣнія начальства и суда не доводилось.—Со введеніемъ же новыхъ судебныхъ учреждений, такія расправы и самосуды постепенно начали уменьшаться, хотя народъ и теперь, поймавъ вора, сильно стремится „проучить“ его.

За личное оскорбленіе словами или дѣйствіемъ рѣдко кто изъ потерпѣвшихъ обращается съ жалобой въ судъ, чаще же всего онъ предъ народомъ подвергаетъ своего оскорбителя такому же, если не большему оскорбленію. Затѣмъ у нихъ идетъ мировая, платежъ за побои и обоюдный могорычъ. За оскорбленіе женской чести виновный прежде всего беретъ назадъ свои слова, затѣмъ проситъ прощенія у оскорбленной особы, причемъ нерѣдко кланяется ей и, если нанесено большое оскорбленіе, платитъ деньги „за безчестье“; въ заключеніе же слѣдуетъ могорычъ.

Относительно нравственности, слѣдуетъ сказать, что эти преступления мужчинамъ сходятъ болѣе безнаказанно, нежели женщинамъ. Мужчина, живущій безнравственно и измѣняющій супружеской вѣрности, не подвергается презрѣнію и насмѣшкамъ народа. Если же онъ попадетъ на мѣстѣ преступленія,

то все наказаніе для него состоитъ въ могоричѣ, деньгахъ или побояхъ. Женщина же безнравственнаго поведенія подвергается насмѣшкамъ и презрѣнію народа гораздо болѣе. Если она попадалась въ руки смѣлыхъ людей, то ее въ прежнее время для посрамленія водили чуть ли не голую по улицамъ, разсказывали всѣмъ о ея проступкѣ, осыпали золою, грязью и перьями, вымазанными дегтемъ и т. п.

Что же касается приличій, то онѣ соблюдаются только относительно родителей и старшихъ, и почти совершенно отсутствуютъ между болѣе или менѣе равными по возрасту людьми. И въ полѣ, и на общественной работѣ, и на улицѣ, и на всѣхъ народныхъ собраніяхъ можно наблюдать безцеремонность и полную свободу разговоровъ, шутокъ, прибаутокъ, пѣсенъ и обращеній обоихъ половъ вмѣстѣ. И все это не считается неприличнымъ и неестественнымъ. Если же кому изъ старшихъ надоѣстъ что нибудь подобное, то онъ тогда начинаетъ стыдить и усовѣщевать меньшихъ, чѣмъ и кончается все наказаніе.

Пословицы и поговорки: „Гуща дитей не розгѣны. Тамъ гарно де насъ нема. Одынъ съ сошкой, а семеро зъ ложкой! Я въ цему дили ни грачъ, ни помагачъ. Плохо не клады,—вора въ грихъ не вводи. Воръ у вора дубынку вкравъ. Скилко вору не воровать, а петли не мыновать. Украдышь лычко, а ремешкомъ не одбудешъ. Воръ краде не бля прыбыли, а бля гибели. Неправдою можно свить пройты, та назадъ не вернешся. Чуже добро въ прокъ не йде. За чысте признанія, бываетъ помылованія. Дило по диламъ, а судъ по форми. Хто ручыцьця, той мучыцьця. Якъ не баче—душа мре, а якъ побаче—зъ души пре. Правдою не задражнешъ. Чуже взять, нужно й свое показать. Якый змалку, такый и до останку. Горбатого до стины не прытулышь“.

Народная поэзія. *Сказки.* 1) „У одного пана живъ роботныкъ, звали его Фанасомъ, и бувъ винъ здорово быдовый на всяки штуки. Отъ панъ и каже ёму: „Слухай, Фанась, якъ шо зумиешъ ты украсте у мене самага лучшого баранá, такъ дамъ тобі 20 рубливъ, а якъ не вкрадышь,—голову зниму!“ Пишовъ Фанась на степъ, де дидъ та баба паслы овецъ, зайшовъ напередъ, роззувъ одну ногу и бросывъ чѣбитъ, а самъ заховав-

ся, та й дывицьця. Найшла баба чобитъ, узяла его и каже дидови: „Старый! я чобитъ найшла“.—„Та брось его, стара, може винъ на коросту брошений!“ Вона бросыла. Гонять овецъ дальше, Фанасъ узявъ той чобитъ, зайшовъ напередъ и внять положывъ его, а самъ заховався. На цей разъ дидъ найшовъ чобитъ, узявъ та й каже: „Стара! я найшовъ другый чобитъ, отъ було-бъ того не бросать!“—Ходимъ, диду, та найдемъ его!“ сказала баба. Вони пишли шукать, а Фанасъ налыгавъ барана и повивъ додому. Узнавъ панъ, подарывъ Фанасу 20 руб. и каже: „Теперь, Фанасъ, украдь у мене самага луччого вола, такъ дамъ висимдесять рубливъ, а якъ не вкрадешь,—голову зниму!“ Фанасъ уловывъ ындычку, повисъ у лисъ, де оралы пановы робочи, оскубъ ии всю, кромы одного хвоста, и пустывъ изъ лиса. Орачи побачылы ындычку, бросылы воливъ и погналысь за нею въ лисъ. Фанасъ узявъ вола и повивъ додому. Панъ похвалывъ его, давъ 80 руб. и каже: „Якъ вкрадешь, Фанасъ, самого лобымого мого коня, дамъ тобі за це двести рубливъ, а якъ не зумиешь украсты, такъ голову зниму!“ Теперь панъ прыказавъ тремъ работныкамъ день и ничъ берегты коня; одынъ сивъ на коня верхомъ, другый сивъ въ яслахъ и взявъ его за вуздъ, а третій державъ коня за хвистъ. Фанасъ кущывъ видро водкы, выливъ ии въ боклагъ, пишовъ до стороживъ и каже: „Хлопци! може вамъ воды треба? Нате,—ось я прынесъ!“ Оддавъ боклагъ, а самъ пишовъ одъ нихъ. Сторожи попробувалы,—водка въ боклази, началы ии пыть и понапывалысь. Ноччу прышовъ Фанасъ, знявъ пьяного сторожа съ коня и посадывъ на переводыну („бантыну“ балку) верхомъ; тому шо державъ вуздъ, давъ въ руки кусокъ лыка, а держаешому за хвистъ давъ пучокъ конопель. Самъ же взявъ коня и повивъ додому. Вдосвита сторожи прочумалысь, та одынъ и пытае: „Ты сыдышь на кони!“ — Сыдю! — „А ты держышь за хвистъ?“ — Держу! — „А я держу за вуздъ“. Колы дальше кынулысь, ажъ лыхо,—нема коня! И одынъ сыдыть на переводыни, а два держуть въ рукахъ лыко и конопли. Узнавъ панъ, похвалывъ Фанаса за удалость и оддавъ ему обещани 200 руб., а стороживъ наказавъ ризкамы“.

2) Жиль у жида работникъ, християнинъ, по имени Иванъ.

И сталъ онъ замѣчать, что когда похвалишь жидовскій родъ и хозяйское семейство, то это хозяевамъ весьма нравится, за что они всегда даютъ ему рюмку водки. Вотъ онъ одинъ разъ и говоритъ хозяину: „Иду я зарёю по гори; заря зорить, а надъ вашимъ батюшкой ставныкъ горытъ, та такой здоровый!“ Жидъ сейчасъ же поднесъ ему за это большой стаканъ водки; затѣмъ позвалъ свою жену и говоритъ ей: „Спрашивай, что Иванъ видѣлъ“. Она спросила, и Иванъ разсказалъ ей то же самое, что и хозяину, за что получилъ и отъ нея стаканъ водки. На другой день хозяинъ созвалъ всѣхъ своихъ родичей и знакомыхъ жидовъ и велѣлъ Ивану разсказывать, что онъ видѣлъ. Иванъ всѣмъ разсказывалъ, за что и получилъ угощеніе. Когда же онъ подшилъ и разсказывать ему одно и то же надоѣло, тогда онъ на новыя просьбы жидовъ, сказалъ имъ: „Иду я зорёю по гори, смотрю,—зоря зѣрится, а надъ вашимъ батюшкой свинья роется!“ Всѣ жида начали плевать и ругать Ивана, а потомъ выгнали его вонъ изъ хаты. Иванъ вышелъ и думаетъ: „постой же ты, жидовська харя, я тоби оддячу!“ Въ скоромъ времени пришлось Ивану ѣхать съ хозяиномъ за товаромъ. Дѣло было ночью. Подѣхали они къ лѣсу. Жидъ и спрашиваетъ Ивана: „Иванъ! тутъ есть разбойники?“—„Есть“, отвѣчалъ Иванъ.—„Какъ бы жъ мнѣ захватиться, шобъ они грошей не взяли?“—„А отъ якъ: лизь въ чуваль, а я завяжу его и скажу разбойныкамъ, шо скло везу“. Жидъ влѣзъ въ мѣшокъ, а Иванъ завязалъ его и поѣхалъ. Подѣзжая къ дубку, Иванъ измѣнилъ свой голосъ и говоритъ: „Тпру! стой!“ Затѣмъ остановилъ онъ лошадей, слѣзъ съ повозки и началъ такъ говорить измѣненнымъ и своимъ голосомъ: „Куды йидешь? давай гроши!“—„Та въ мене грошей нема“.—„А ото шо въ тебе въ мшкѣ?“—„Та то я скло везу“.—„А ну-ну, якé скло! Давай ему скло побьемъ!“—„Давай!“ говоритъ будто бы товарищъ разбойника. И началъ Иванъ пороть жида нагайкой, а тотъ лежитъ въ мѣшкѣ и пищитъ: „дзинь! дзинь! дзинь!“ Затѣмъ Иванъ началъ просить: „Буде вже вамъ, братци, пожалуста буде!“ Когда Иванъ, отѣхавши, развязалъ мѣшокъ и выпустилъ жида, то сей послѣдній поблагодарилъ Ивана и сказалъ: „Ну, Иванъ, хоть мнѣ и горько приходилось, но я все на стѣкла переводилъ!“

3) „Якъ найнявся я въ роботныкы до дядька овецъ па́сты, якъ погнавъ я па́сты шты́рю—бырю ще й симсотъ и чотыри; якъ лигъ я спаты, та спавъ тры дни ще й чотыри ночи. Якъ прокы́нувся я,—нема мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри. Якъ пишовъ я шукать, йиде дядько волáмы. Здоровъ, дядьку!—Здоровъ, племінныку.—Чы не бачывъ мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? — Не бачывъ, плимінныку. — Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину, чы не видно мои ватажныны? Шось засирило, шось забиліло: я жъ думавъ,—то ватажнына, а воно гречка. Бодай же тобі, дядьку, тяжко важко оцю гречку йисты, якъ мени на круту гору лізты ватажныны свои шукаты. Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину, чы не видно мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забиліло: я жъ думавъ, то моя ватажнына, ато прачкы сорочки перуть. Бодай же вамъ тяжко важко оци сорочки прать, якъ мини свою штырю-бырю ще й симсотъ и чотыри шукать! Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину,— чы не видно мои ватажныны? Шось засирило, шось забиліло; я жъ думавъ то моя ватажнына, ато осыковы пенечкы. Бодай же вы одъ сонця погорилы, а одъ витру почорнилы, якъ вы мене молодого сюды заманылы. Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину, чы не видно мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забиліло: то жъ моя ватажнына? Сучечка-поручечка пидгоняе, а лысычка-сестричка збоку управляє, а вовчóкъ-бырючóкъ отстáли пидбырае. Якъ прыйшовъ я додому, батько бье, маты лае, жінка зъ дому прогоняе“! (Этотъ народный разсказъ передается крестьянами не иначе, какъ нараспѣвъ, на подобіе того, какъ тужать за покойникомъ).

Разказы о кладахъ. Въ сл. Никольской много существуетъ правдоподобныхъ и ложныхъ разсказовъ о кладоискателяхъ и мѣстахъ, гдѣ находятся клады. Въ окрестностяхъ слободы есть двѣ могилы: „Чугунна“ и „Погана“, въ которыхъ были раскопки, но только тамъ ничего не нашли, кромѣ угля. Въ широкомъ лѣсу, говорятъ, есть много денегъ, но ихъ нельзя брать. Одинъ

крестьянинъ выкопалъ тамъ кладъ и сошелъ съ ума. Одинъ человекъ нашелъ кладъ въ Разсыпномъ лѣсу, другой въ Бабиномъ, третій въ Парневомъ и т. д.; но рѣдко кому удалось пользоваться найденными деньгами: кто ихъ тратилъ, тотъ или заболѣвалъ, или терпѣлъ убытокъ и потерю въ хозяйствѣ. Есть еще клады въ слѣдующихъ лѣсахъ: „Пятомъ“, „Дибривномъ“ и „Данильченомъ“. Въ послѣднемъ ниже криницы, въ болотистой землѣ, есть чугунные столбы, на которыхъ лежатъ такія же балки, а на балкахъ висятъ на цѣпахъ 10 боченковъ золота. Въ другомъ же мѣстѣ этого лѣса есть въ землѣ разбойничья хата, въ которой находится крестъ, Евангеліе и деньги, положенныя разбойниками.

1) „Въ Бабынченому лиси есть кладъ. Узналы про це два чоловіка и пишы его рыть. Рылы, рылы, и якъ стали дорывацьця до клада, десь узявся чоловікъ, та й крычыть имъ: „Тикайты!—Ось круча пада!“ Не прошло и минуты, якъ зъ неба начали падать каминня. Вони злякалысь и побиглы до дому. На другый день пишы подывыцьця на те мисто, ажъ тии ямы, шо вони копалы, уже нема,—одни тилко чырыпкы зъ блюдокъ валяюцьця тамъ“.

2) „Жывъ чоловікъ бидный-пребидный, и було у ёго пятеро дитей, а жинка ёго умерла. Чоловикови цѣму ни въ чо́му щастя й доли не було. Отъ винъ и надумавъ перейты на друге жытыльство, и перейшовъ на таке щаслыве мисто: та хата, де винъ жывъ, стояла на могыли, а въ тий могыли были гроши закляті. Якъ выйшовъ грошимъ зрокъ, вони выйшы отакымъ случаемъ: выйшла здорова, здорова собака, така, шо страсть и сказать! тай каже ця собака чоловічимъ голосомъ удовцю: „Добрый чоловіче! дай мини кусочокъ хлибця“. Винъ ий кынувъ кусокъ, та й понавъ прямо въ неи; а вона тилко —брызъ! та й розсыпалась въ золоти гроши“.

3) „Разказують, шо колысь у Дибривномъ лиси пидъ кислицею, бувъ кладъ. Тамъ пидъ велькы празныкы горила свичка. Найшысь охотныкы, забралы лопаты и пишы пидъ Велькдень рыть цей кладъ. Вони трошкы не дойшы до тией кыслици, дывлюцьця,—два вовкы бижать по дорози; взялы вони и силы въ трави, а вовкы, якъ тико поровнялысь зъ ными, такъ и

началы грацьця и стрыбать одинъ черезъ одного; стрыбають и стрыбають, а самы все менши и менши становляцьця, и до того дострыбалысь, шо изъ обоихъ вовкывъ покотылысь клубкы. После цего вони побачылы двоухъ дидивъ въ билыхъ широкихъ шароварахъ: одинъ вивъ сирыхъ воливъ, а другой спереду ишовъ, и балакають мижъ собою: „Чы воно мы не заблудылысь?“ пытае одинъ.—„Та поспытайся отыхъ людей, шо сыдятъ въ трави“, сказавъ другой. Ци якъ схватяцьця, якъ выскочуть геть изъ трави, та втикать, а дидъ якъ крыкны: „Ловы!“ Вони по лису, а дидъ въ слидъ за ными усе крычыть: „Ловы! ловы!“... Добиглы вони до полявыны. Де не взявсь туманъ, та такый, шо й свита Божого и дороги не выдно. Посидалы вони у куци и слухають, а воно усе крычыть: „Ловы! ловы! ловы! Вони тутъ десъ посидалы“. Ци якъ схватуцьця, та бигты, та бигты, насылу, Богъ давъ добратысь до хутора (теперь этого хутора не существуетъ). После ходывъ туды ще одинъ чоловікъ зъ роботныкомъ грошей копать. Выкопалы вони здоровенну ямуру и нашлы тамъ кисткы чоловічески, бросылы копать и загорнулы яму“.

4) „Жыла вдова, и було у ней трое дитей. Ставъ до ней кóжну ничъ ходыть золотый виль. Недалеко одъ ней жывъ ин кумъ и кума. Пишла вона до ихъ, та й просы кума и его жинку: „ходить, кумъ, и вы, кума, до насъ, ато у мене все опивнóчи выходе золотый виль, а я его боюсь“! Пишлы. Сыдятъ жинкы та шпють, а кумъ шывцёе (сапожничаетъ). Настушыла ливночь; вдова углядила того вола та й торкае кума. Кумъ схватывся та золотого вола молотóчкомъ по голови стукъ! а виль тико брязъ! и разсыпався въ гроши. Тоди кумъ та кума подылылы гроши и стали таки богаты, шо страсть“!

5) „Жыла семья: батько, маты и сынъ. Ожнылы родытели сына, взялы невестку; но вона имъ не полюбылась, началы вони быть ин и мало хлеба давать, а невестка веселылась та не журылась. Наставъ Велькдень. Пишлы уси до церкви, а ин оставылы дома. Прийшовъ до ней дидъ старый-престарый и каже: „Утры мене, молодычко (у его изъ рота пина текла). Вона узала рушныкъ и утерла ёго, а винъ тико—брязъ! и разсыпався въ гроши. Засвityла вона свичку, помолылась Богу, собрала гроши и положила ихъ въ скрыню; пóтимъ узалась за

Сусидочки ручку билою дер-
жыть;
Съ сусидочкой тайни речи го-
ворыть.
Годи жъ тоби худи речи гово-
рыть:
Пора, мылый, та додому ити
жыть.
Не пиду я, моя мыла, не пиду,

* *
„Навидала кубелечко,
Де вутка несецьця;
Перечула черезъ люды,—
Ледащо смецьця.
Смійся, смійся же, ледаще,
За смихъ тоби буде:
Хворатымышъ, лежатымышъ,
Смерти бажатымышъ,
Йисты й пыты бажатымышъ,—
Нікому податы.
Чы ты чула, ненько моя,
Якъ у тебе я була;
Якъ сидила край виконця,—
Якъ голубка гула.

* *
„Пишовъ чумаць, пишовъ бур-
лакъ
Доленьки шукаты.
Та не найшовъ щастя-доли,—
Найшовъ сыне море,
Та й ставъ потопаты.
Чумаченько потопае,
Хустиною мае.
Пишла его стара ненька
По надъ берегами;
Та зострила рыбалочокъ
Съ трема неводами.
— Рыбалочки молодии
Ввольнить мою волю:
Роскыньты вы тонкый неводъ
По сынѣму морю.

Бо про тебе худу славу гово-
рять.
Зберы, мылый, сусидочокъ до
себе,
Нехай скажуть худу славу на
мене,—
Худу славу, мий мыленький,
або ричъ,
Годи знимышь головоньку мою
съ пличъ“.

* *
— Якъ бы жъ я, донечко моя,
Твий голосокъ зачула,
Одсунула-бъ кватірочку,
А ты бъ и влынула.—
Ой, на гори дощикъ иде,
Ажъ водыця льецьця.
А за мною молодою
Вся родына бьецьця.
Быйся, быйся, мий родоньку,
Быйся, побывайся:
Якъ пиду я на Вкрайыну,
Та й не сподивайся.
На Вкрайыни чужи люде,
Правдонькы не буде“.

* *
Рыбалочки молодии
Воленьку ввольнылы,—
Роскынули тонкый неводъ
По сынѣму морю:
Сыночка вловылы.
Тягнуть, тягнуть до бережка,—
Вода зъ рота льецьця;
Его ненька старенькая,
Якъ орлыця бьецьця.
— Та наты вамъ, рыбалочки,
Горилкы напыцьця,
Шо вытяглы мого сыночка,
Та хочъ подывыцьця;
Та наты вамъ, рыбалочки,
Всего золотого,
Шо вытяглы мого сынкѣ

Та хочь нежывого;
Та нате вамъ, рыбалочки,
Саршыньску сорочку:

Поховайте мого сыночка
Въ вышнеvimъ садочку“.

*
*

„Та вже весна, та вже красна,—
Изъ стрихъ вода капа;
Та вже на́шымъ чумаченькамъ
Дороженька пахне.
Пишлы наши чумаченькы
По возахъ лежаты.
Посылае маты Галю
Пшеныченькы жаты:
„Та йды, доню, та йды, Галю,
Пшеныченькы жаты;
А тамъ чумаць волю пасе,—
Буде жартуваты“.

Жартуй, жартуй, чумаченько,
Цей вечеръ зо мною,—
Якъ пойдешъ у дорогу,—
Буду плакаты за тобою.
Ты думаешъ, моя ненька,
Шо я не журюся?—
Якъ выйду я за ворота,—
Одъ вѣтру валюся.
Изеушылась, изкрушылась,
Якъ пшылька тоненька;
Симъ-аршинный поясочокъ
Обийшовсь разочокъ“.

*
*

„По горóду я ходыла.—
Нема того шо любила;
Нема его та й не буде,—
Десь одбылы его люды;
И одбылы й одсудылы,
Шобъ парочкой не ходылы,—
И другъ друга не любилы.
Якъ пиду я до ставочка,
Чы поросла рутка мятка?
Не поросла рутка мятка,—

Тамъ плавають вутынятка:
Одно вутя пиринае,
А другое вырынае,
А третее догоняе,
Соби парочки шукае.
Не давъ мини Господь пары,
А давъ тилько очи кари.
Очи кари, бровы чорни.—
Нема дружка по любви“.

*
*

„Чогось мини нелегко,—
Десь мий мыльй далеко:
За крутымы горами,
Та за густымы лозама,
Умываецця слѣзама;
За кущыкомъ вышнякомъ
Втыраецця рушныкомъ.
Хылитесь густы вербы—

Видкиль витерь вие,
Дывитесь кари очи—
Видкиль мыльй йиде.
Хылылыся густы вербы,
Та вже й пересталы;
Дывылыся кари очи,
Та й плакаты сталы“.

*
*

„Уродыла мене маты
На вискъ горюваты;
Дала мини гирку долю,—
По вискъ не забуду.

Повезу я гирку долю
На торгъ продаваты.
Стояла дѣнь, стояла два,—
Ни хто не пытае!

Повезу я гирку долю
Та й назадъ додому;
Та й брошу я гирку долю
Изъ воза додолу.

„За лисомъ, лисомъ темнесень-
— кымъ
Брала дивка лень дрибнесень-
— кий,
Вона брала, выбрала,
Къ сырій земли прыпадала:
— Ой, ты земля, ты земелька!
Прийняла ты отця-неньку,

„Не ходы у хвирту,
Не грай у сопилку:
Сопилочка грае,
Мене маты лае,
На вулицю гуляты
Вона не пускае:
— Сыды, дочко, дома,
Носы въ грубу дрова.
Я дровъ наносыла,
Гуляты маты не пустыла.

„Ой, за лисомъ, за зеленымъ
Тамъ травы растутъ.
Ой, тамъ наши ребятушки
Гурты стережуть.
Попереду самъ хозяень
Расхажываеъ;
Били ручки у карманы

Колыбельныя пѣсни.

„Коточокъ мий, коточокъ
Заховався въ куточокъ,
Тилько видно хвосточокъ.
Взяла я за хвосточка,
Та вытягла съ куточка.

„Коту, коту, котую!

Прывыкай же гирка доля,
У моёму доми;
Не ходы жъ ты, гирка доля,
Изъ моего дому“.

Приймы й мене молоденьку,
Шобъ по лодихъ не ходыла,
Чуже дило не робыла:
Якъ прыйде субота,—
Чужая работа;
Якъ прыйде неделя,—
Сорочка не била“.

— Сыри дрова не горять,
Пусты жъ мене, моя мать,
На вулицю погулять.
— Иды жъ, донько, не барыся
За ворота, та й верныся.
— Ой шо жъ то за гуляння,
За ворота та й вертанья?
Ото жъ, мамо, гуляньнячко.
Шо зъ вечера до раночку“.

Закладываеъ.
Та винъ своимъ ребятушкамъ
Прыказываеъ:
Выгоняйты сырій товаръ
Та гонить въ Москву,
Вы продайты оцей товаръ
По такій цини“.

— Котку, котку сиренький!
Ты не ходы по хати.
Не буды дитяты:
Ты не будешъ колыхать,
А дытятко хоче спать“.

Займы мою телусю

На поповы толоки:
Тамъ травычки по боки.
Кинь бижыть, трава шумыть;
Пидь тымъ конемъ козакъ ле-
жыть:

Поцюканый, порубаный,
Осокою поризаный;
Одъ соньчка погоривъ,
Одъ витроньку почорнивъ.
Бижы, коню, до хатки,
До дивчины Гапки.
А дивчина Гапка
Сыдыть край виконьця,
Пряде волоконця:
Сюды-туды нытку,

Та на лито свытку;
Сюды-туды пивтора,
Та на лито рукава.
А въ дивчины Гапки
Смолянии лавки,—
На ныхъ якъ сивъ, прыкышивъ,
Вечеряты не схотивъ.
Люлю, люлю, люляшечко!
Сны, сны, мое дытяшечко!
Люлі, люлі лолешычки,
Шовковии вервешычки;
Малевани бѣльця
Пишлы до Кырыльця;
А въ Кырыльця пышуть,
Ивана (имя дитяти) колышуть“.

* *

„Ходимъ, ходимъ, братци,
У лисъ изо мною,
Вырубаемъ дуба,
Дуба изъ корою;
Та будемо, диты,
Горохъ молотыты.

Нуты, диты, нуты
Горохъ молотыты!
А вороны, старі жоны,
Пишлы танцюваты,
А сорокы билобоки
Побралыся въ боки“.

Забавляя дѣтей, чтобы не плакали, имъ рассказываютъ слѣ-
дующія „казкы“.

1) „Зайчыку, зайчыку! де ты бувавъ?—У млыни.—Шо ты вы-
давъ?—Симъ мишкивъ оришкивъ.—Чомъ ты не вкравъ?—Тамъ
булы кравчыкы, порубалы пальчыкы, а я втикъ черезъ пошивъ
тикъ, й ножкы пошкы; та въ конопелькы, пужать горобейкы.
Шугай! шугай!! на бабынь садочокъ йисты ягидочокъ, а на
дидивъ—бражки пыты“.

2) „Сорока летыть, хвостыкомъ вертыть; за нею дыркакъ:
сороко, не плачь. Ввирвала пасмó, напяла краснó; съ кра-
снымъ носыщця, въ хату просыщця: зятеньку-батеньку! пусты
мене въ хатоньку. Кузьмына дочка-перепечаёчка перепекла
перижёчокъ зъ мачкомъ, шобъ ты не лазывъ до дивчатъ рач-
комъ“.

3) „Сыдыть видьмидь на колодци, — рукавычки крае; коло-
дочка схытнулася,—колодочку лае: „бодай тоби, колодочко, лы-
хая година, якъ ты мини на старости плечыци побыла“.

4) „Летивъ шпакъ черезъ пошивъ макъ, та й сивъ на воро-

тихъ, у червѣнихъ чобѣтихъ. Воротечка — скрынь, скрынь, воротечка впалы, телятокъ прыбылы. Телятка ревнулы, а люди почулы, попови сказали, а шиъ зза стола, погубывъ постола; дячки изъ хыжки, погубылы кныжки, а дяконъ изъ полу выбывъ соби ногу, а попадя съ печи, та выбыла плечи, а дяконыха изъ грубы, та выбыла зубы“.

Еще забавляя маленькаго ребенка, наплевываютъ ему въ руку, тыкають туда пальцемъ и говорятъ „сорокы“: „Сорока, ворона на прыпечку сѣдила, диткамъ кашку варыла. Пидить, диты, по водыцю“! Затѣмъ берутъ за каждый палець, начиная съ мизинца, и говорятъ: „И цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, а цему (большому) не дамъ: це боцманъ, —винъ дровъ не рубавъ, въ хату не носывъ, пѣчи не топывъ, воды не носывъ, дижи не мисывъ, каши не варывъ, хлеба не липывъ, въ ничъ не сажавъ, кашу доидавъ“.

Когда дитя качаютъ, и оно начнетъ икать, то говорятъ: „Хыковка, хыковка! бижы до воды, кого стринешъ тамъ, того й напады: хочъ коня, хочъ кобылу, хочъ дивчыну чернобрыву“.

Пословицы и поговорки. „Шо Богъ не робе, все къ лучшому. Не хвастай, — есть на намы и надъ вами. Йимъ ротато, — теперь несвято (не праздникъ). Дорога ложка до обидъ, а писля обидъ хочъ закънь йи. Хлебъ-силъ на столи, — а въ гостя руки свои. На столи хлебъ и нижъ, — урижъ та й йижъ. На ласый кусокъ найдецьця кутокъ. Якъ бы я бувъ паномъ, та все бъ йивъ сало съ саломъ. Не говивши пѣску зйивъ. Кыпѣть, та никому пыть. Кыпѣть кыпѣтокъ попарыть жывитокъ. Негрите зализо не зогнѣшъ. Пишки — нема замишки. Не таке гиркѣ чумакованья, якъ бычуванья. Не родысь вродливый, а родысь щасливый. У скупого и середъ зимы леду не выпросышь. Я не сонычко, — всихъ не обогрию. Не по души кыши. Дырявого мшика не наповнышь. Своя рука владыка. Зъ мыру по нытоцци, а голому сорочка. Не тилко свита шо въ викни, за викномъ ще бильше. Куды не кынь, такъ клынъ. Пишла кума по маслу, и въ пичи погасло. Въ пустый слидъ хочъ туныцею. Девять разъ одмирь, а десятый — одрижъ. Своя семеряжка не важка. Горыть ясно, щобъ воно погасло. Мы съ тобою, якъ рыба зъ водою. Взався за гужъ, — не кажы шо не дужъ.“

гы и впьять прѣсе: „Дядьку! надтышы ще кывайло“. Мужыкъ надтысавъ, а цыгана впьять заставывъ надложить сала. Такъ воны продолжалы дилать, помы у цыгана не осталось сала въ мышку“.

Говорять, что цыганамъ не грѣхъ божиться: имъ самъ Богъ разрѣшилъ это дѣлать по слѣдующему случаю. Когда жида распинали Иисуса Христа и заказали для этого цыгану-кузнецу сдѣлать пять гвоздей, чтобы забить ихъ въ руки, ноги и въ сердце Спасителя, тогда цыганъ, приготовивши заказъ, принесъ и забилъ только четыре,—въ руки и ноги, а пятый гвоздь спряталъ въ свои кучеры (волосы); такъ онъ сдѣлалъ для того, чтобы воскресъ Иисусъ Христосъ, чему онъ вѣрилъ. Жида замѣтили обманъ цыгана и начали его допрашивать, но онъ началъ клясться и божиться, что забилъ и пятый гвоздь. Въ это время на грудь Спасителя сѣла пчела, на которую цыганъ указалъ жидамъ и сказалъ: „Онъ гвиздѣкъ, той шо я забывъ! а вы й не вѣрите мини. Ий жы ты Богу, забывъ! Шобъ я почорнивъ якъ земля, якъ шо неправду я кажу“! Вслѣдствіе выше-сказаннаго, Господь воспретилъ убивать пчелу („грихъ“): цыганамъ же разрѣшилъ безнаказанно божиться и обманывать людей; а за ложную клятву Господь все-таки наказалъ цыгана тѣмъ, что всѣ они почернѣли, какъ земля. Цыганъ на работу неспособенъ, что видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Однажды овчаръ пасъ овецъ въ лѣсу. Идетъ цыганъ, увидѣлъ его и думаетъ: „Шобъ воно було, якъ бы оцей чоловікъ найнявъ мене овецъ пасты? Чы я бѣ его обдурывъ“? Подошелъ онъ къ овчарю и говоритъ: „Наймы мене овецъ пасты“!—„Наймысь“, говоритъ овчарь.—„А яку цѣну будешъ даваты“?—„Та яку жѣ тобі цѣну?—Жывы за харчи“!—„Чы такъ, то й такъ“, сказалъ цыганъ: „тыко гляды, щобъ кашу изо-дня варывъ“!—„А то жѣ якъ! Хиба ты думаешъ, шо я тебе обдурю? Я обдурювать не люблю“, сказалъ овчарь.—„Я й самъ не люблю“, сказалъ цыганъ: „колысь и я обдурювавъ людей та теперь покаюся“. Начали варить кашу. Овчаръ и говоритъ цыгану: „вѣглянь на овецъ, ато шобъ воны не пішы куда-нѣбудъ“. Цыганъ пошелъ, посмотрѣлъ, вернулся назадъ и говоритъ: „Бачывъ овецъ. Отамъ воны пасуцьця“! Скигѣла каша; овчаръ снялъ ее и говоритъ

цыгану: „Иди́ еще на овецъ подвысы!“ Готь пошелъ, взошелъ на бугоръ и кричить: „Эй, бр́аты, уже вивци тике хвостамы замахалы!“ Овчарь схватилъ „герлыгу“ и побѣжалъ; цыганъ же за нимъ, а потомъ, какъ закричитъ: „Ой, бр́аты, нога болыть! Нехай тоби ти й вивци поздыхають“. Воротился цыганъ назадъ, поѣлъ всю кашу и легъ спать. Пришелъ овчарь, схватилъ соннаго цыгана за волосы и давай таскать. Цыганъ вырвался съ голою головою, побѣжалъ и, ударяя себя по животу, закричалъ: „Хочь голова гу-гу-гу, такъ живить бу-бу-бу“!— Повстрѣчалъ человекъ избитаго цыгана и спрашиваетъ его: „Цыганъ! неначе тебе хтось бивъ“?— „Та тамъ такъ и бивъ,—тике увесъ двирь зволочывъ! Та тамъ такой и двирь,—туть круте, а туть и верне“!— „Та тебе, кажутъ, и черезъ тынь кыдалы“?— „Та тамъ такой и тынь, — не весне за волося взыты, та вже й перекинувъ“!

Г. А. и А. М. Калашниковы.

II.—Сл. Александровка.

Поселеніе и населеніе. — Народная медицина. — Обряды при рожденіи и свадебныя пѣсни.

Александровка лежитъ въ сѣверной части Старобѣльскаго уѣзда, по правому берегу р. Лозной, въ 70 вер. отъ уѣзднаго города, недалеко отъ границы Острогожскаго у. Воронежской губ. Раньше къ востоку, въ 3 вер. отъ занимаемаго въ настоящее время слободой мѣста, была расположена слоб. Лозная съ церковью; послѣ чумы въ 1718 г. жители Лозной, считая это мѣсто несчастнымъ, разошлись въ разныя стороны, а оставленную церковь перенесли къ себѣ жители Липеговъ, Валуйскаго уѣз. Въ 1758 г. кн. Куракинъ, вновь заселивъ эту мѣстность, построилъ церковь въ честь преп. Александра-Свирскаго, откуда и названіе Александровки. Въ слободѣ жителей не очень много, но къ ней принадлежитъ много хуторовъ, по большей части расположенныхъ также по р. Лозной. Слобода и большинство хуторовъ заселены малороссами, языкъ которыхъ потерялъ свою первобытность, что надо приписать вліянію большой экономіи кн. М. А. Мещерской, такъ какъ въ этой экономіи бываетъ очень много рабочихъ изъ другихъ мѣсть. Роста люди небольшого; чтеніемъ любятъ заниматься, но за неимѣніемъ, гдѣ пріобрѣтать книги, пользуются продаваемыми книгами на ярмаркахъ у коробейниковъ, псалтырю, сказками. Жилище крестьянъ убранствомъ не отличается, по большей части его составляютъ: „сѣны“, и „хата“, новыя зданія состоятъ обыкновенно изъ трехъ помѣщеній: „хатыны“, гдѣ устраивается печь, „хаты парадной“ и „кимнаты“. Украшаютъ свои комнаты картинами различнаго вида, передній же уголь бываетъ весь установленъ иконами („образами“) и украшенъ „рушниками“. Дворъ, за недостаткомъ земли, отличается скученностью, у зажиточныхъ крестьянъ въ немъ находятся амбаръ („комѳря“), сарай

(„повітка“, „хливъ“) и „клуня“. Одежда мужская: кожухъ, свята, чунарка, поддевка; женская: кожушина, халать, юбка, шарафанъ.

Народная медицина. Здоровьемъ населеніе не пользуется, вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигиеническихъ условій, въ слободѣ имѣются земскій пріемный покой, врачъ и два фельдшера, къ которымъ крестьяне привыкли и вѣрятъ имъ. Лечатся и собственными средствами, такъ, отъ грыжи у дѣтей: вбиваютъ основной гвоздь съ обрѣзанными ногтями больного, укатанными въ воскъ, въ притолокъ дверей на высоту роста дитяти; отъ „переполоха“: обливаютъ дитя на порогѣ водою или сажаютъ его подъ припечекъ и чрезъ него сажаютъ въ печку хлѣбъ и тѣмъ хлѣбомъ послѣ кормятъ больного; отъ „сухотъ“: купаютъ больного съ кошкой или собакой для передачи имъ, или привязываютъ дитя къ лопатѣ, сажаютъ въ теплую печку; отъ „плеснявки“: мать наматываетъ свой волосъ на палецъ и третъ имъ языкъ больного; отъ „соишницъ“: поставивъ „мыску“ съ водою на животъ больного, въ кувшинъ кладутъ конопли, зажигаютъ и переворачиваютъ кувшинъ въ воду, по краямъ миски кладутъ крестомъ ложку, ножъ, веретено и свѣчу, въ это время знахарка дѣлаетъ наговоры, затѣмъ веретено обмакиваютъ въ воду, бѣгущую съ него воду собираютъ въ ложку, даютъ пить больному и мочать ею тѣло.

Обычаи при рожденіи ребенка и свадьбѣ. При рожденіи ребенка выполняется слѣдующій обрядъ: неся младенца крестить, баба кладетъ его на кожухъ, кумъ съ головы, а кума съ ногъ берутъ его, при этомъ баба говоритъ: „вотъ вамъ новорожденне, а намъ приносить молитвенне и крещене“, послѣ крещенія, кумы опять кладутъ на кожухъ и съ кужухомъ кумъ и кума поднимаютъ и даютъ бабкѣ, говоря: „брали у васъ новорожденне, а принесли молитвенне и крещене“. При угощеніи говорятъ: „дай Богъ, чтобы Богъ далъ дождать кумамъ на славу, а батькови да матери на послугу“. На другой день послѣ крещенія роженицѣ баба сливаетъ воду съ конопляннымъ зерномъ на руку, причемъ роженица другой рукой задерживаетъ воду и задержавшееся зерно ѣсть, чтобы было молоко.

Когда сватаются, входятъ „старосты“ во дворъ невѣсты, стучать въ окно, говоря: „здоровъ, хозяинъ, пусты погрицьця“; хо-

зяинь просить войти въ хату; женихъ остается во дворѣ, невѣста также не появляется къ старостамъ; когда же пойдетъ на согласіе, зовутъ и ихъ. На сватаньи поютъ:

„Ты, пропою, ты, пропоючку,
Ты пропывъ, батько, дочку
На солодкимъ медочку,

На золотому кубку,
Якъ сыву голубку“.

„Вчора звечера пороша пала,
Та по тий пороши кунѳчка
походыла,
А къ билому свиту охотныки
на слидь спалыся,
Тай кунѳчку пиймалы;

Вчора звечера порошенька впала,
Та по тий пороши Паранька
походыла,
А къ билому свиту старосты
на слидь спалыся,
Тай Параньку выслидовалы“.

Свадьбу гуляють почти всегда въ воскресенье; подъ воскресенье устраивается вечеръ („дружбины“), какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Сначала вводятъ молодого въ хату съ боярами, причемъ женихъ кланяется въ ноги роднымъ, при этомъ поютъ:

„Кланяйся, Иванъ,
Тай напередъ Богу,
Отцю, ненци въ ногу,

Кланяйся низенько,
Къ серденьку близенько“.

Когда сажаютъ жениха съ боярами за столъ, поютъ:

„Иде Иванька на посадъ,
Встричае его самъ Гѳспыдъ,
Ой, изъ долею щастливою, съ
доброю годыною.
Ой, рясна, красна калынонька
въ лузы,
Ряснишии, краснишии Ивань-
кинъ посадъ:
По выкѳнычкамъ ангелы сидять,
Посадъ высылятъ.

А на дверичкахъ самъ Гѳ-
спыдъ стоить,
Самъ Гѳспыдъ стоить,
Дѳлыньку дае,
Щастьемъ даруе.
Тай вгодай, Иванько,
Чия доля луччѳя?
Лучча — Божія, чимъ батень-
кова,
Бѳтькова вродлива,
А Божія щастлива“.

Если сирота, то поютъ:

„Ой, вышенька, чиршенька,
Та й ягидь нема,
Кланяйся, Иванька,
Хоть батька нема.
Ой, выликий двиръ
Та маленький сбиръ,

Чомъ не вся родынька?
Ой, тымъ же не вся родынька,
Шо нема батенька,
Батька немае
И ридъ не знае,
Тымъ порядка немае.

Пошло я соловья
Та й маленьково
По батенька ридненька,
А зузуленьку на Вкраиноньку;

Ны соловья зъ саду,
Ны батька зъ раю:
Ны родыни зъ Украины“.

На дружбинахъ лѣпятъ „коровай“, причемъ соблюдается слѣдующій порядокъ: дружкò говоритъ: „Господы, Исусе, Сыне Божій, помилуй насъ“, старосты: „аминь“. — „Старосты, пане пидстаросты, кто до кого, я до Бога и до вашего здоровья“. — „А мы рады слухаты“. — „Благословите коровай замысыть“. — „Богъ благословить“. — „И въ другій разъ и въ третій разъ“. — „Богъ благословить тричи разомъ“. Дружко на дижу сыплеть муки и дѣлаеть ямку въ ней, вливаетъ квасу и сыплеть овса, потомъ зовутъ мальчика и заставляють мизинцемъ замѣшать тѣсто, и потомъ облизать палець; въ благодарность ему даютъ чарку водки и шишку. Когда замѣсятъ тѣсто, четыре человекъ, два мужчины и двѣ женщины, растягивають его на четыре стороны, прилѣбливаютъ „вареньки“ съ макомъ и изъ сыромъ, поверхъ покрывають коржомъ, обводятъ обручемъ изъ тѣста и украшаютъ шишками изъ тѣста, прикрѣпляя ихъ житной соломою. При дѣланіи коровай поють:

„Сйизжайся родыньку
До Иваньки въ суботыньку,
Поряжаты его батынька,
Шо винъ мене первого жене.

Тай порядкивъ незнае
И куночкивъ несполняе,
И своихъ гостей тай не привитае“.

„Съ суботыньки на недилу го-
дына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы мишокъ муки та
на коровай;
Съ суботыньки на недилу го-
дына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы та дижку сыра
на коровай,

Хвалыты Бога, сырякъ буде
нашъ коровай;
Съ суботыньки на недилу го-
дына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы горшокъ масла
на коровай,
Та хвалыты Бога, маслянь бу-
де коровай“.

Дружко испрашиваетъ у „старостивъ“ благословеніе вышеупомянутымъ порядкомъ печь выметать и сажать коровай. При выметаніи печи поють три раза:

Видьмидь пичь выметае, | Чи хороше те мисто,
„Видьмидыця въ пичь заглядае, | Шо короваю систы“.

При сажаніи коровай въ печь поють:

„До бору, бояре, до бору; | Шобъ нашъ коровай гниченъ
Рубайте сосну до долу, | бувъ,
Тышите сосну на триски, | Шобъ нашъ друженько весель
Гнитыть коровай и шишкы, | бувъ“.

Послѣ поднимають дижу вверхъ опять же съ благословенія,
и каждая противоположная сторона цѣлуется, при этомъ поють:

„Пичь ходе на ногахъ, | Дижу носить на рукахъ“.

Когда невѣста, собираетъ дружокъ, поють:

„Казавъ соловейко, сяду не впа- | Май коса да до пояса
ду, | Съ квитками, ногитками,
Казала Паранька, замужъ не | Съ червоною калыною по пле-
пиду, | чахъ;
Сю осеньку погуляю, | Коса моя да до пояса,
Русою косою помаю; | Краса моя да до вечера“.

По окончаніи дѣланія коровай, бабы говорятъ:

„Что вы желали, | Хочь по одний,
То мы зробылы, | Та по повний,
За цю висть, | А хочь по половинци
Чарокъ по шить, | Та всій родынци“.

Старосты подчивають.

Передъ вѣнцомъ невѣстѣ перебирають косу гарусомъ и поють:

„Ой, тихо, тихо Дунай водынь- | Шо йде одъ мене моя ридна
ку несе, | дытынонька,
А ище тыше Паранька косу | Шо зобувавъ, зодивавъ,
чеше; | Та никимъ замышлять.
Чеше, зрывае, | Ой, пльвы коса, до свекрова
Та на Дунай пускае. | двора,
— Попльвы, коса, пидь батень- | Послухай, коса, шо свекоръ
кивъ двиръ просто, | каже.
Тай послухай, коса, шо батынь- | — Добрая годынонька,
ка говоре, | Прийде до мене чужа дыты-
А батынька говоре: | нонька,
— Не добра годынонька, | Ни зобувавъ, ни зодивавъ,
Та буде кимъ замышлять“.

Послѣ вѣнца, когда изъ цѣркви идутъ, поютъ:

„Схилилась верба
Съ верха до корыння,
Вынчалась Паранька
Съ ранку до полудня.
Пить винчавъ,

Не богато взявъ,
Пивъ золотого,
Коня вороного,
Ще мало“.

Когда молодая за столомъ, поютъ:

„Закувала зузуленька
Въ саду за дворомъ,
Заплакала Паранька
У батька за столомъ.
— Спродай, мий батыньку,
Увесь вишневыи садъ,
Исправъ, исправъ, мий батынь-
ку,
Увесь паньскый нарядъ,
Жемчужне намысточко на шпеч-
ку

И козловы черивички на нижеч-
кы,
А чрезлатный поясочекъ на
станочекъ.
— Якъ буде твий милый та рев-
ныый,
Козловы черивички пыломъ
принадуть,
А жемчужне намысто зольци
обирвуть“.

„Плачьте подружки по мини,
Десь мои брѣтыки на войны,

Десь мои сестрици на сторони,
Никому плакаты по мини“.

„Найихалы, моя ненько, шось,
за паны,

Заплачь, моя матынько, по ко-
си;

Взялы мою кисоньку пидъ жу-
паны,

Чи лучше коси въ фартуси,

Сталы мою кисоньку трипаты,

Чи лучше дивци въ винци,

Стала моя матынька плака-
ты,

Нижъ у тебе, неньку, въ стрит-
ци,

Не плачь, моя матынько, по
мини,

Тай по улыци ходыты,

Тай по квитци носыты,

Отецькихъ сынивъ маныты“.

А. Д. Стефанова.

12.—Сл. Б ѣ л о - К у р а к и н о .

Гл. 1-я.

Видъ мѣстности, курганы и почва.—Преданіе о Петрѣ Великомъ и основаніе поселенія.—Кн. А. Б. Куракинъ.

Сл. Бѣло-Куракино составляетъ часть дачи прежняго ея владѣльца кн. Александра Борисовича Куракина, расположенной между двумя холмами, проходящими параллельно съ сѣвера на югъ по р. Бѣлой, получающей свое начало въ вершинѣ на сѣверъ по долинѣ изъ родниковъ въ х. Шиловомъ Александровской вол. и впадающей въ р. Айдаръ подъ г. Старобѣльскомъ. Извиваясь кривой линіей и постепенно мѣняясь въ своихъ живописныхъ очертаніяхъ, протекаетъ эта рѣка, то между вербой, лознякомъ, камышемъ, то лугомъ и мѣстами въ совершенно голыхъ обрывистыхъ кручахъ. Вся эта мѣстность сплошь усеяна горными возвышеніями, украшенными курганами, „майданами“, изрѣдка остатками кирпичныхъ печицъ, служащихъ памятникомъ древняго жилья и котловинами всевозможныхъ построеній. Существующіе курганы весьма разнообразны, какъ по формѣ, такъ равно и по своему расположенію; одни изъ кургановъ довольно значительныхъ размѣровъ имѣютъ видъ конусообразный (татарскіе), другіе овальный съ вытянутымъ концомъ въ остріе,—на нѣкоторыхъ курганахъ овальнаго построенія замѣтны уступы террасами съ совершенно гладкою вверху площадью (скиѣскіе). Всѣ курганы неодинаковыхъ объемовъ,—самые большіе расположены рядомъ на одной площади съ самыми малыми, переходящими наконецъ по виду въ могильныя насыпи. Расположеніе кургановъ также разнообразно: большинство изъ выдающихся по объему лежатъ въ одну прямую линію съ С. на Ю. и съ В. на З., всѣ же меньшіе курганы расположены или вѣрнѣе разбросаны въ разныя стороны, изображая собой всевозможныя геометрическія построенія—то четырехугольникъ, то треугольникъ, то слиты въ одну сплошную мас-

су; нѣкоторыя изъ нихъ запали вглубь и образуютъ котловины. Многіе курганы состоятъ не изъ одной земляной насыпи, но имѣютъ внутри себя огромные бѣлые камни и массу мелкихъ внутри и на поверхности. „Майданами“ населеніе называетъ развалины прежнихъ жилищъ полудикаго народа; они, по ихъ мнѣнію, имѣли видъ саклей, какія имѣются въ Черкесскихъ аулахъ. Неподалеку отъ такихъ „майданъ“, а иногда и далеко,—совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ кургановъ, попадаются четырехугольныя глубокія ямы, выложенныя кирпичемъ или съ голыми илистыми стѣнами.

Почва описываемой мѣстности черноземная и была когда-то покрыта массой дремучихъ, „темныхъ“, вѣковыхъ лѣсовъ. Холмы изобилуютъ въ себѣ мѣль, бѣлую, желтую и красную глину („чирвѣни каминьці“), различныхъ цвѣтовъ песокъ, внутри и на поверхности камень различнаго цвѣта и качества, годный для мельничныхъ жернововъ и многихъ хозяйственныхъ подѣлокъ, и составляютъ продолженіе Донецкаго кряжа. Нѣкоторые также отыскивали, говорятъ, на незначительной глубинѣ каменный уголь и утверждаютъ о залежахъ земляной соли. Наружный видъ мѣстности совершенно напоминаетъ окрестность грушевскихъ на Дону угольныхъ копей; попадаются нерѣдко вымываемыя водой изъ „Комлицького“ яру небольшія глыбы желѣзной руды или остатковъ ея отъ плавки (шлаки); но все это изъ боязни, возникнувшей почему то, что съ открытіемъ минераловъ земля отъ нихъ отберется и перейдетъ въ казну,—остается пока мертвымъ богатствомъ. Судя по преданіямъ, утверждающимъ о существованіи здѣсь нѣкогда различныхъ иновѣрцевъ—татаръ, калмыковъ и др. съ ихъ жилищами, огромнѣйшими печами въ видѣ горновъ и другихъ построеній, о существующихъ и понынѣ богатѣйшихъ кладахъ, а также въ виду имѣвшагося завода, съ чеканкой золотыхъ и серебряныхъ монетъ, который находился въ 12—15 в. отъ границъ имѣнія кн. Куракина (нынѣ находятся слѣды его въ лѣсу, именуемомъ „Медвѣжій“ Осиновской вол.), невольно приходится подумать мѣстному населенію о томъ, какъ много неисчерпаемыхъ драгоценностей заключено въ нѣдрахъ описываемой мною мѣстности.

Разстояніе слободы отъ уѣзднаго города 30 в., отъ губернскаго 210 в., отъ Купянска 70 в., отъ быв. уѣзд. г. Бѣловодска 90 в., отъ быв. зашт. г. Ново-Екатеринославля или Сватовой Лучки 40 в., отъ Валукѣ 90 в., отъ Уразовой 80 в.; отъ торговыхъ слободъ: Осиновой—25 в., Ново-Астрахани или Троецкаго 40 в. и отъ мало-торговыхъ слободъ: Мостковъ—25 в. Бѣлолуцкаго—25 в. и Павловки—7 в. Происхожденіе села народъ объясняетъ такъ: однажды въ 1700 г. Петръ I, вскорѣ по возвращеніи съ похода на Азовъ, былъ извѣщенъ о какомъ то важномъ политическомъ замыслѣ, сопровождавшемся ужасными бунтами, которые успѣли охватить всю Украину до береговъ Азовскаго моря. Царь снова предпринялъ походъ и лично явился для усмиренія. Возстановивъ нарушенное спокойствіе, онъ, въ сопровожденіи кн. Бориса Степановича Куракина, пожелалъ осмотрѣть необозримую, малолюдную, дикую степь, которая широко раскинулась во все стороны отъ прилегающей границы Азова. Во время путешествія Петра I по Украинѣ, ему чуть не пришлось было понасть въ плѣнъ къ какимъ-то разбойникамъ-иновѣрцамъ. Уставъ отъ долгаго похода, онъ оставилъ свой полкъ драгунъ на отдыхъ на лѣвомъ берегу рѣки Козинки (послѣ отдыха имъ было приказано положить мостъ чрезъ эту рѣку), а самъ съ небольшимъ отрядомъ, перейдя вплавъ рѣку, отправился на в. къ Осиновымъ лѣсамъ, которые издали скорѣе походили на туманъ или спустившуюся съ высоты небесныхъ сводовъ огромнѣйшую тучу, занявшую собой необозримую даль долины, мимо роскошно раскинувшейся рѣки Айдары; эта живописная картина природы такъ очаровала царя, что онъ забылъ объ угрожающей ему опасности и незамѣтно столкнулся съ хорошо вооруженной шайкой злодѣевъ, сила которой въ нѣсколько разъ превосходила царскій отрядъ. Видя свою малочисленность, Петръ I послалъ къ гвардіи гонца, а самъ вступилъ въ неравный бой, послѣ котораго пришлось отступать къ Айдары на югъ и наконецъ быть атакованнымъ со всехъ сторонъ. Драгуны, слышавъ издали сигналъ тревоги, опрометью бросились чрезъ Козинку и Тавыжный яръ, и едва лишь успѣли домчаться къ Осиновымъ лѣсамъ, какъ увидѣли, что царь, уходя отъ преслѣдованій, вынужденъ былъ броситься

вплавъ на лошади черезъ р. Айдарь. Если бы не подоспѣлъ во время полкъ, а также сторожевая казачья лодка, на которую былъ взятъ царь, ему бы не минулъ бѣды. Не смотря на всѣ встрѣчавшіяся тогда значительныя препятствія со стороны татарскихъ князей, охранявшихъ себя силою оружія и занимавшихъ разбоемъ и грабежами, Петръ I побѣдоносно бороздилъ степь во всѣ концы, проходя „вздовшъ“ и „поперекъ“ Московскій, Воронежскій и Гатманскій шляхи и рѣки Евсугъ, Ковсугъ, Старую-Бѣлую (при впаденіи въ Айдарь) и степи, принадлежащія къ Войсковой землѣ, а впоследствии, гдѣ нынѣ Нищерегова,—земли кн. Шереметьевыхъ, держалъ путь низомъ на Валуйскій шляхъ чрезъ Тарабановскій мостъ мимо Васильковыхъ лѣсовъ. Расположившись на отдыхъ на лѣвомъ берегу р. Бѣлой, Петръ I и въ особенности кн. Куракинъ восхищались этой очаровательной окрестностью и рѣкой съ ея обрывистыми берегами, еще издавна носившей названіе по своей чистотѣ и бѣлой мѣловой подошвы русла—„Бѣлая“. (Старое русло р. Бѣлой проходило подъ мѣловой горой, настоящее новое—прошло частью по дорогѣ). Объ этомъ-то князь и сообщилъ царю такъ: „Ахъ, какъ мнѣ нравится эта живописная мѣстность долины, расположенной по обѣимъ сторонамъ такой прекрасной рѣки!“ Петръ I былъ необыкновенно доброй души, и кн. Куракину онъ никогда ни въ чемъ не отказывалъ, почему и сказалъ: „Возьми, дарю тебѣ, какъ свояку, и сыну твоему Александру, моему крестнику, всю эту мѣстность, для которой послѣ ты самъ опредѣлишь границы“. Первоначальныя границы имѣнія кн. Б. С. Куракина простирались въ длину съ С. на Ю.—отъ имѣнія Тарабанова по долину къ войсковой землѣ (до земель кн. Шереметьевыхъ нынѣ Нищереговой) разстояніемъ въ 15 в., въ ширину съ В. на З. или другими словами—отъ имѣнія Тевяшовыхъ („Тельшовыхъ“) по эту лишь сторону лѣваго берега р. Бѣлой, разстояніемъ въ 10 в. На другой сторонѣ рѣки подъ Бѣлой горой и яру, именуемому „Колмыцкый“ кочевали калмыки, находя уютище въ землянкахъ, крытыхъ „чаканомъ“—(плетенкой изъ „рогозу“). Со временемъ мало-по-малу полудикій сбродъ со всевозможными организованными шайками разбойниковъ царскимъ приказомъ были вытѣсняемы съ этимъ

мѣсть. Съ отходомъ ихъ, имѣніе кн. Куракина все болѣе и болѣе увеличивалось. Но князь мало заботился о заселеніи своей дачи—чему препятствовали также кочевники и разношерстный бродячій людъ, которые заурядъ чинили переселенцамъ насилія, грабежи и убійства. Другого былъ взгляда сынъ его Александръ Борисовичъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ послѣ смерти своего отца къ дарованной дачѣ по р. Бѣлой, а послѣ и по р. Козинкѣ и далѣе, онъ всеми мѣрами стремился къ заселенію этого богатаго края, для чего первымъ долгомъ приобрѣлъ себѣ изъ болѣе бѣдовыхъ—„шельмоватыхъ“ малороссовъ—агитаторовъ, которыхъ разсылалъ гонцами во все концы къ помѣщичьимъ крестьянамъ дѣлать кличъ, объявляя: „если кому худо живется у своихъ пановъ, поповъ или въ монастыряхъ, то пусть свободно уходятъ ко мнѣ на вольныя степи, что за Тарабановой“, тѣ, конечно, расходились къ разнымъ помѣщикамъ, поступали къ нимъ въ рабственную запись и, пользуясь этимъ, втихомолку возмущали крестьянъ и уводили ихъ по ночамъ къ кн. Куракину. При такомъ передвиженіи народа приходилось прятаться въ дорогѣ на весь день, пересиживая гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ чащахъ до ночи. Когда молва распространилась объ этомъ благодѣтельномъ дѣйствіи князя съ присовокупленіемъ еще того, что онъ, при какихъ бы ни было застигнутыхъ въ пути арестахъ или другихъ какихъ бѣдствіяхъ, беретъ, молъ, подъ свое покровительство,—народъ началъ сходиться къ нему со всехъ сторонъ отъ помѣщиковъ Кіевской, Полтавской, Черниговской, Воронежской и другихъ мѣсть и губерній; не брезгалъ также князь и всевозможными экземплярами бродячаго люда—людей непомнящихъ родства и т. п. Если кто изъ переселенцевъ бѣглецовъ былъ преслѣдуемъ своимъ паномъ, то ему вмѣнялось въ обязанность перемѣнить иногда не только фамилію, но даже имя и отчество. Народъ свой князь раздѣлялъ по названію:—на черкассъ и малоруссовъ, а по службамъ—на дворовыхъ и хлѣбопашцевъ; самъ же народъ дѣлилъ себя на клочки: „москаль“, „кацапъ“, „мужикъ“, „хохолъ“, „мазепанъ“.—Князь очень любилъ малороссовъ, почему все дворовые его состояли исключительно изъ нихъ. Особо-отличительная черта ихъ передъ прочими была та, что это люди были высокаго роста, мужественны, красивы и, главное,

неглушы и грамотны. О школъ въ то время не было еще рѣшительно никакого понятія; всѣ дворовые обучались грамотѣ или въ с. Надежинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ. (это любимое имѣніе князя), по тогдашнему времени самое благоустроенное, гдѣ онъ больше и проживалъ), или же въ Петербургѣ. Всѣ остальные—не дворовые выучивались грамотѣ одинъ у другого; но больше всего занимались преподаваніемъ „черныи“, которымъ даже священники отдавали своихъ дѣтей въ начальную науку. Народъ увидѣлъ у себя училище лишь съ того времени, когда всѣ школы находились въ вѣдѣніи Государственныхъ Имуществъ; оно именовалось: „Общее приходское училище Старобѣльскаго округа“.

Преданіе хорошо сохранилось относительно того, что первоначально слобода состояла изъ 20 хатъ, расположенныхъ возлѣ Мѣкортета (—такъ именуется и теперь не весьма обширныхъ объемовъ природная котловина, открытая къ рѣкѣ съ 3 стороны и находящаяся въ полуверстномъ разстояніи отъ церкви), а въ 7—8 в., гдѣ теперь Павловка, жила уже „барыня Тарабанша“ въ порядочномъ поселеніи, именуемомъ „Тарабанова“. Люди, переселявшіеся на вольныя степи Куракина, держали путь съ Валуйскаго шляха на Тарабанинъ мостъ — на Тарабанову, такъ какъ мѣстность эта давнымъ давно была уже извѣстна подъ этимъ названіемъ. Тарабановъ и Тевяшовъ происходили говорятъ изъ потомковъ татарскихъ князей, и участокъ, дарованный Петромъ I-мъ кн. Куракину не былъ свободнымъ, а принадлежалъ уже прежде по какимъ то наслѣдственнымъ документамъ Оттоманскаго („Бусурманьскаго“) царства съ одной стороны Тарабанову, а съ другой Тевяшову. О Тарабановѣ преданіе говоритъ, что онъ неизвѣстно гдѣ дѣвался, оставивъ послѣ себя бездѣтную жену Тарабаншу, которая имѣла у себя крестьянъ изъ великоруссовъ. Еще съ первыхъ годовъ владѣнія этой дачей, кн. Куракинъ „покумывся“ съ Тарабаншей и часто посылалъ къ ней своего управляющаго нѣмца, да и самъ нерѣдко раздѣлялъ съ нею время въ пиршествѣ и пьянствѣ. Во время одного свиданія князь напоилъ Тарабаншу пьяной и въ такомъ видѣ завелъ рѣчь: „Скажите, пожалуйста, по какимъ документамъ владѣете вы крестьянами и имѣніемъ“?

Та, не подозрѣвая въ кумѣ ничего дурного, достала документъ и вручила ему просмотрѣть свои права; князь, просмотрѣвъ ея данную, своротилъ и спряталъ ее себѣ въ карманъ, а кумѣ передалъ такой же величины свертокъ бѣлой бумаги, на которой барыня не обратила тогда никакого вниманія и снова положила его на прежнее мѣсто. Не удовольствовавшись данной, вскорѣ, того же дня, управляющій князя отправился съ Тарабаншей въ лѣсъ погулять, гдѣ она такъ усладилась „безумной радости“, что спала мертвецкимъ сномъ до самого утра. Управляющій, воспользовавшись ея слабостью, снялъ съ ея руки перстень, украшенный драгоценными камнями и явился съ нимъ къ ея ключницѣ съ приказомъ отъ барини отпереть какіе-то ящики и вручить ему хранящуюся тамъ связку бумагъ. Ключницѣ не разъ приходилось выполнять различныя распоряженія по извѣстному перстню, почему она нисколько не задумалась выдать нѣмцу всѣ хранящіяся въ ящикѣ бумаги. На другой день, къ неожиданному удивленію кумы, князь велѣлъ объявить ея крестьянамъ такъ: „если кто пожелаетъ присоединиться къ нему, то пусть тотъ выброситъ къ своимъ воротамъ вѣху изъ соломы или чего нибудь другого, а если кто не укажетъ никакого знака, то домъ того со всѣмъ его имуществомъ будетъ разоренъ и самъ онъ строго будетъ наказанъ“. Теперь лишь сообразила Тарабанша о той подкладкѣ, которую имѣли дружескія отношенія ея кума. Народъ сдался, кромѣ дворовыхъ Тарабанши, которые вмѣстѣ съ нею насильно были выселены изъ родового ея имѣнія на Валуйскій шляхъ, и, дабы навсегда изгладить память о ней, приказано было домъ со всѣми пожитками сжечь до основанія. Завладѣвъ такимъ образомъ имѣніемъ Тарабанши, князь не замедлилъ заселить ее любимыми малороссами, переведенными изъ какой то Петровеньки отъ отмершихъ помѣщиковъ (нынѣ Петровеньчане именуются Петро-Павловкой, Павловской волости и Курячанами и Ооменчанами по фамиліи перешедшихъ первыхъ семей). Они не применили дать прозвище прежнимъ владѣтельнымъ крестьянамъ Тарабанши—„москали“, а заселенное ими мѣсто—„Москаливка“; въ ту же очередь получили отъ нихъ:—„хохлы“, „мазены“. — Съ семействомъ Тевяшевыхъ князь былъ въ очень хо-

рошихъ отношеніяхъ и учинилъ съ нимъ какую то сдѣлку, по которой все имѣніе, состоящее еще и понынѣ въ управленіи его потомковъ должно было достаться Тевяшову, якобы отъ кн. Куракина въ подарокъ его крестному сыну. Говорятъ, что этотъ сынъ былъ прижитъ Тевяшовой съ княземъ. Самъ Тевяшовъ состоялъ на службѣ у князя въ качествѣ полкового доктора, онъ же завѣдывалъ ремонтами и былъ поставщикомъ лошадей изъ княжескаго коннаго завода. Отъ прежнихъ границъ Тевяшова къ кн. Куракину отошли яръ съ р. Козиной и землями расположенныхъ на немъ хуторовъ. Въ то время князь считался собственникомъ земли въ слѣдующихъ границахъ: ему принадлежали двѣ слободы—Бѣло-Куракинская и Павловская съ двадцатью двумя хуторами; затѣмъ—Танюшевка, Березова, Шаровка до Ровенекъ и Александровка. Изъ этого владѣнія княземъ проданы Бѣло-Куракинцамъ земли, находящіяся въ слободѣ Бѣло-Куракиной, Павловкѣ и хуторахъ Лизиномъ, Бѣденомъ, Кризскомъ, Шапарскомъ, Ереминомъ, Цѣлуйкиномъ, Паньковкѣ-Свѣтличной, Алексѣевкѣ, Заикиномъ, Лубьянкѣ, Гриценковомъ, Бучужномъ, Кисилевкѣ, Лавровкѣ, Шолкуновѣ, Рудовѣ, Курочкиномъ, Фоменковѣ на р. Бѣлой, Фоменковѣ на р. Козинкѣ, Заводянскѣ, Морозовѣ и Стативкиномъ. Танюшевка не вошла въ категорію выкупа, потому что она досталась родному брату князя—Алексѣю Борисовичу; Березова—по случаю какой то незаконной сдѣлки одного помѣщика (Веревкина) съ священникомъ Ивановымъ, Шаровка и Александровка были отняты у князя послѣ его смерти. Всей земли отошло въ собственность крестьянъ около 60 тысячъ дес., цѣной за 1.100,000 руб. асс.

Кн. А. Б. Куракинъ не переставалъ заселять своей дачи разными пришлыми людьми до самой смерти или, вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока не уѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ посланника, по какимъ-то важнымъ государственнымъ дѣламъ. Предъ выѣздомъ князь простился съ народомъ и сказалъ: „Я уѣзжаю въ Парижъ, по возвращеніи оттуда, обещаю всехъ отпустить на волю; молитесь Бога о моемъ благополучномъ возвращеніи! Когда получите вольную, храните ее крѣпко у себя, не доверяйте ни попамъ, ни панамъ, а то они могутъ ее уничтожить и повернуть васъ къ себѣ въ крестьяне“.

пріѣдетъ къ нему „погулять“. Къ этому времени набѣжали „москали“—коробейники и „лавошныки“ съ разными „фыгами“, „мыгами“. Для княжескихъ вечеровъ выбирались изъ всего села красивыя дѣвки и записывались въ танцовщицы—„танцоры“, на неспособныхъ почему-либо къ такому искусству возлагались другія какія-нибудь обязанности: онѣ пѣли, прислуживали или просто упражнялись въ „яствіи“, „питіи“ и „веселіи“. Для всѣхъ красавицъ, раздѣлявшихся по службѣ на разныя категоріи, имѣлся списокъ, и никто изъ нихъ подъ строгой отвѣтственностью не смѣлъ отказываться явиться по требованію для выполненія своихъ обязанностей; никто изъ родителей не смѣлъ также противиться этому. Между избранными „князьями“—красавицами было нѣсколько особо уважаемыхъ княземъ, съ которыми онъ проводилъ цѣлыя ночи въ свойственныхъ тому времени оригинальныхъ гуляньяхъ. Оказавшіяся изъ „танцоръ“ съ явными признаками беременности, были выписываемы на время изъ увеселительнаго журнала и, нисколько не стѣсняясь и не скрываясь отъ родителей и совѣсти людской (всякому было извѣстно, чья вина), свободно разрѣшались „прибылью“, которая, спустя 2—3 недѣли, по желанію родильницы, передавалась для выкармливанія лицамъ особо завѣдующимъ по этой профессіи; впрочемъ—желаніе испрашивалосъ лишь къ малюткамъ женскаго пола, съ дѣтьми же мужскаго пола всегда поступали и противъ всякаго материнскаго желанія. Завѣдывающей выкармливаніемъ дѣтей мужскаго пола была въ послѣднее время жена княжескаго камердинера А. Заики. Относительно участи этихъ сыновъ вольницы и довольства извѣстно, что рѣдко какой изъ нихъ выращивался; большинство ихъ уходило, какъ выражается народъ „въ землянскую станицу“. Въ двухверстномъ разстояніи къ селу Шапорскому есть яръ именуемый и по сей день „Диточынь“—это, говорятъ, и есть то мѣсто, которое именуется „Землянской станицей“,—тамъ хоронились незаконнорожденные дѣти дѣвушекъ и вдовъ. Князь очень любилъ маленькихъ дѣтей, которые могли уже говорить и бѣгать: часто любовался ими, а нѣкоторыхъ, которые особенно почему то полюбились ему, бралъ съ собою и отдавалъ на воспитаніе въ Петербургъ въ какое то „Екатерининское училище“

(такая участь постигала дѣтей мужескаго пола). Въ число такихъ счастливицевъ попалъ и мой родной дѣдушка, взятый семи лѣтъ собственными руками князя отъ матери его, находившейся въ замужествѣ за запорожцемъ Иваномъ Кравченкомъ непомнящимъ родства; онъ былъ главнымъ агитаторомъ князя по населенію его дачи на р. Бѣлой. Говорятъ про него, что онъ въ теченіе одного года принялъ пять законныхъ браковъ съ дѣвушками разныхъ помѣщиковъ и оставлялъ ихъ въ силу творившихся тогда побѣговъ. Тѣ изъ дѣтей мужескаго пола, которыя не обращали на себя княжескаго вниманія, были отдаваемы въ сыновья бездѣтнымъ или подбрасывались („пидкидиши“). По достиженіи ими 18—20 лѣтъ, ихъ женили и давали имъ какую нибудь фамилію по назначенію отъ князя, управляющаго или народа. Потомки одного такого субъекта (отъ „танцюры“) существуютъ и понынѣ съ даннымъ прозвищемъ отъ народа „Княженко“, такъ и теперь пишутся они въ х. Лубянкѣ „Княженками“.—Гулянья были устраиваемы княземъ еще и другого рода въ его зарѣчномъ саду, среди котораго былъ усыпанъ большой курганъ съ поднимающимися кверху террасами, усѣянными всевозможныхъ сортовъ цвѣтами и устроенной площадкой; на той площадкѣ устраивалась палатка съ застекленными отверстіями. Это и было то мѣсто, гдѣ пиروвалъ князь съ своими пріѣзжими гостями. Кругомъ этой могилы былъ проведенъ искусственный каналъ, выходившій однимъ концомъ въ рѣку, а другимъ въ сажалку (прудь, ставокъ). Челядь также участвовала здѣсь своими танцами, пѣніемъ и переряжаніемъ, выбрасывала подь музыку, для потѣхи гостей, разные артистическіе артикулы, указанные въ доставшихся имъ билетикахъ. Здѣсь выбрасывались билетики „барынямы“ — „панямы“ изъ окна палатки вмѣстѣ съ пряниками и конфектами. Въ саду, говоритъ народъ по преданію, было при князѣ, какъ въ раю: всевозможныя породы деревьевъ посажены были по группамъ, аллеями, отдѣлявшими одинъ паркъ отъ другого, роскошными бесѣдками съ цвѣтниками и съ небольшою посрединѣ ихъ возвышенностью земляной насыпи, гдѣ княжеская музыка неусыпно усердствовала по цѣлымъ ночамъ; садъ-же въ пяти-верстномъ своемъ объемѣ подь вечеръ былъ иллюминированъ плошка-

ми, („каганцами“) гдѣ горѣлъ лій (баранье сало) и деготь,— кострами и зажженными смоляными бочками. На всемъ протяженіи сада, весь правый берегъ рѣки и паромъ щедро разукрашивались огнями и пестрыми флагами. За отсутствіемъ князя были тоже устраиваемы гулянья его безконтрольнымъ управляющимъ нѣмцемъ, который, какъ говорятъ, вводилъ все на „немецкій штыль“, но только не съ такимъ уже торжествомъ и блескомъ.—Тогдашняго времени помѣщики—„панство“ и „попы“ страшно возненавидѣли князя Александра Борисовича за ту прославленную имъ „волю“, которая дала ему возможность пріобрѣсти и закрѣпить бесплатно сотни семей, въ силу различныхъ причинъ уходившихъ украдкой отъ своихъ прежнихъ пановъ, и еще болѣе озлоблены были на него за то, что онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и слылъ любимцемъ государя Павла Петровича, который, говорятъ, не рѣшался самъ исполнить ни одного дѣла безъ совѣта кн. Куракина. Предвидя враждующую сторону, князь всегда охранялъ себя во время поѣздки сотней драгунъ, которые находились при немъ и во все время пребыванія его на дачѣ.—У потомковъ княжескихъ камердинеровъ сохранилось въ памяти такое происшествіе. Однажды кн. А. Б. Куракинъ вмѣстѣ съ государемъ Павломъ Петровичемъ обсуждали вопросъ о положеніи крестьянъ, находящихся въ зависимости отъ помѣщиковъ и о принятіи мѣръ къ заселенію южной части Россіи къ берегамъ Чернаго моря; нѣсколько разъ обсуждали они вдвоемъ этотъ важный вопросъ, но въ этотъ разъ, вѣроятно онъ былъ оконченъ, ибо совѣтъ продолжался до двѣнадцати часовъ ночи, послѣ котораго у обоихъ явилась мысль снаться. Желаніе это было исполнено; былъ приглашенъ какой то художникъ и снялъ ихъ въ такомъ положеніи, какъ они обсуждали вопросъ, послѣ этого князь пріѣхалъ изъ дворца ровно въ 1 часъ, и только что успѣли раздѣть и уложить его на постель, какъ вдругъ раздался звонокъ, а затѣмъ вслѣдъ — отчаянный стукъ въ дверь съ отрывистой рѣчью: „изъ дворца, отвори! Скорѣй—къ князю надо!“ и тутъ же поручили извѣстить князю, чтобы онъ скорѣе поспѣшилъ во дворецъ: царь умираетъ! Обо всемъ этомъ было доложено князю, который съ яростью вскричалъ: „Какъ умираетъ? Что

это? я сейчасъ отъ него и онъ былъ здоровъ, — нѣтъ“... Одѣваясь на скоро, князь въ досадѣ ломалъ себѣ руки и, кусая ногти, бѣгалъ по спальнѣ: „Ахъ, Боже—мой! Ахъ, злодѣи!.. Убить!.. Убить“!.. Явился въ дворецъ князь вмѣстѣ съ своими камердинерами и засталъ царя, лежавшимъ въ постели, закрытымъ подушками. Смерть царя князь отнесъ не къ естественной, а къ насильственной, чѣмъ сразу вызвалъ весьма многія возраженія. Доказывали, что царь давно страдалъ головной болью; другіе говорили, что онъ любилъ драться на шпагѣ, и какъ не былъ ловокъ въ этомъ искусствѣ, случайно былъ пораженъ. До самого свѣта продолжался объ этомъ довольно бурный споръ, вотъ—вотъ доходившій было до боевой схватки; но князю все таки удалось доказать, что царь сначала былъ удушенъ въ постели, а послѣ уже нанесена была ему кинжаломъ рана.

Въ первые годы царствованія Александра 1-го, кн. Куракинъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ предался разгульной жизни: окружилъ себя интимными связями сразу съ нѣсколькими особами, между которыми была дочь одного какого-то довольно знатнаго французскаго вельможи. Последняя имѣла большее другихъ право на князя, но, не смотря на заискиванія съ ея стороны и наконецъ предложеніе жениться на ней, въ виду двухъ дѣтей, князь всячески уклонялся отъ этого, щедро одаривая ее подарками и золотыми. Не долго продолжалась такая любовь,—князь, противъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ въ этой женщинѣ весьма устойчиваго противника. Однажды князь былъ приглашенъ на балъ, гдѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, пришлось проводить ему время въ карточной игрѣ на деньги; никогда не случалось князю такъ проигрываться, какъ теперь,—вмѣсто денегъ кн. обратился къ письменнымъ обязательствамъ, а послѣ,—видя совершенную свою неудачу, оставилъ игру, хотя и вызвалъ тѣмъ нѣкоторыхъ на пререканіе. Послѣ такого неожиданнаго проигрыша, француженка не промедлила воспользоваться случаемъ—заявить ему въ лицѣ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ сановныхъ особъ, что она, въ силу своего знатнаго происхожденія, не позволитъ больше торговать собой и тутъ же потребовала отъ него дать подписку въ томъ, чтобы

онъ, прежде чѣмъ женился на ней, обезпечилъ ее и двухъ дѣтей половиннымъ своимъ состояніемъ въ суммѣ одного милліона и ста тысячъ. Чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи и видя, что все это окружающее его собраніе было приготовлено для него съ заранѣ обдуманной цѣлью, князь рѣшилъ—что можетъ быть наказанъ за противорѣчіе не такъ закономъ, какъ кулачной расправой и согласился на все то, что отъ него требовали. Лишнихъ денегъ у себя князь не имѣлъ, такъ какъ крестьянскихъ оброковъ едва хватало ему на кутежи и карточную игру. Понадобившійся капиталъ въ суммѣ 1.100,000 р. заимообразно былъ взятъ княземъ въ Петербургскомъ государственномъ золотомъ банкѣ; пришлось вспомнить про дарованную Петромъ I-мъ дачу и заложить ее въ банкъ. Князь не забывалъ крестьянъ своей украинской дачи и, чтобы оставить о себѣ добрую память, предложилъ чрезъ управляющаго: „если народъ согласенъ будетъ внести состояцій за нимъ долгъ въ государственномъ банкѣ къ извѣстному сроку (чрезъ Воронежскую палату), то тогда лишь только могутъ получить отъ него вѣчную свободу и землю съ званіемъ вольныхъ или свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Бывшіе тогда съ княземъ, въ Парижѣ, его камердинеры начали замѣчать усиливающееся критическое положеніе князя и предались грустной думѣ, находя что незавидная ихъ рабская жизнь не можетъ улучшиться, между тѣмъ какъ для хлѣбопашцевъ—ихъ однокашниковъ, отцовъ и братьевъ уже былъ назначенъ выкупъ. На вольный отпускъ они ужъ не надѣялись и, подстрекаемые проститутками, задумали устроить бунтъ. Они самовольно оставили князя и отправились съ дѣвками гулять по Парижу, предаваясь пьянству и другимъ вольностямъ. Возмущеніе камердинеровъ такъ подѣйствовало на князя, что онъ три дня проболѣлъ и ничего не рѣшался принимать себѣ въ пицу. Нѣкоторые камердинеры съ челобитною возвратились къ князю, остальнымъ—невозвратившимся, князь обѣщалъ прощеніе и всякія милости, желая тѣмъ вызвать къ себѣ преданность и возстановить прежнія отношенія. „Нѣтъ, батюшка, изъ лѣса въ лѣсъ не ходять по дрова“—отвѣчали прежніе крѣпаки и готовы были поднести князю переполненную чару съ ядомъ за его „милости“ къ своему мнимо-свободному разно-

шерстому наброду.—Князю пришлось одновременно испытывать на себѣ ревность и месть.—Однажды, рассказывают потомки одного изъ камердинеровъ, князь былъ въ театрѣ, который условлено было поджечь; пользуясь суетой, предполагали подвергнуть всесожженію и князя. Замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе, князь, сильно обожженный, вынужденъ былъ возвратиться на родину.

Нѣкоторые говорятъ, что театромъ называли камердинеры мѣсто особаго рода княжескаго гулянья въ обществѣ двухъ, трехъ дамъ или нѣсколькихъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ, въ полуадамовскіе костюмы, гдѣ пили, ѣли и веселись до упада. Во время происшествія, никакого театральнаго представленія собственно не было, и случилось все это въ частномъ домѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: поступки князя такъ возмутительны были по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ нажилъ себѣ очень много враговъ и одна партія недоброжелателей прежде всего задумала возмутить противъ князя его камердинеровъ, что и удалось достигъ имъ безъ особаго труда; за исключеніемъ немногихъ, камердинеры оставили князя, угрожая ему всевозможной местию. Спустя двѣ-три недѣли послѣ заговора-бунта камердинеровъ, къ князю пріѣхали двѣ дамы изъ вельможныхъ, съ которыми онъ очень часто уѣзжалъ, возвращаясь на разсвѣтъ, и убѣдительно просили его поѣхать съ ними вмѣстѣ въ приготовленный ими театръ. Сначала князь почему-то отказался, но потомъ далъ слово пріѣхать одинъ черезъ 2—3 часа, если будутъ за нимъ присланы лошади. Въ назначенное время лошади были доставлены, и князь уѣхалъ въ закрытомъ экипажѣ, а къ разсвѣту привезли его полумертвымъ, говоря, что русскій посланникъ гдѣ-то на пожарѣ обжогся изъ желанія кого-то спасти. На самомъ дѣлѣ—впослѣдствіи выяснилось, что роль фореитора, лакея и кучера исполняли замаскированные его бывшіе камердинеры, которые, схвативъ жертву, мчались съ нею на край города, гдѣ приготовленъ былъ для него „театръ мести“. У крыльца двѣ дамы взяли его подъ руки и скрылись. Спустя нѣсколько времени, когда уже князь лежалъ, отдыхая въ опьяненіи, домъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ; двери и окна были забиты. Замыселъ злодѣевъ удался бы, если бы

во время не подоспѣла пожарная команда. Князь отбилъ окно и выпрыгнулъ, получивъ значительные ушибы и ожоги, требовавшіе немедленнаго его возвращенія на родину. По возвращеніи на родину князю не долго пришлось лѣчиться, пользуясь въ Петербургѣ и на теплыхъ водахъ; онъ скоро почувствовалъ приближеніе смерти и заблаговременно написалъ о томъ, какъ должны распорядиться послѣ его смерти имѣніемъ, находящимся въ с. Надежинѣ Сердобскаго у. Это духовное завѣщаніе князя было напечатано отдѣльной книжкой съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ писемъ, свидѣтельствующихъ о заботѣ князя о ближнихъ. Гораздо позже, уже послѣ смерти князя, Бѣло-Куракинская община получила отъ управляющаго за подписью нѣсколькихъ лицъ владѣтельный актъ и планъ земельныхъ угодій на р. Бѣлой и Козинкѣ. Князь оставилъ крестьянамъ въ подарокъ зарѣчный садъ и домъ съ флигелемъ и подваломъ; кромѣ этого 10 вѣтряныхъ мельницъ и двѣ водяныхъ: одну на р. Бѣлой, а другую на р. Козинкѣ, питейный каменный домъ и три небольшіе домика.

Кое-что изъ прошлаго будетъ сообщено еще въ разсказахъ о разбойникахъ, а теперь сообщу—почему такъ или иначе названы нѣкоторыя поселенія, образовавшіяся на земляхъ князя Куракина.

Заводянна, Павловской волости, получила названіе, говоритъ народъ, отъ того, что тамъ были княжескіе заводы—конный и водочный. Лошадей обѣзжали князю калмыки. Пугачивна, тоже Павл. волости, получила свое названіе отъ поселившихся тамъ выходцевъ по фамиліи „Пугачи“. Пугачане отличались разбойничествомъ и воровствомъ. Танюшевка получила свое названіе отъ того, что тамъ первой была поселена княземъ его танцюра „Танька“. Лизинъ имѣетъ названіе отъ выселившейся туда танцюры „Лизки“. Говорятъ также, что тамъ первыми были поселены Черниговскіе казаки „Лизенки“. Лубянка получила свое названіе по слѣдующему обстоятельству: стояла тамъ княжеская вѣтряная мельница, покрытая сверху и обитая по бокамъ лубьями. Отправляясь молотъ спрашивали: „Куда везти, до лубяной или водяной?“—„До лубянки!“

Гл. 2-я.

Населеніе и говоръ.—Пословицы—Загадки и скороговорки.

Число жителей въ слободѣ состоитъ, по справкѣ въ волостномъ правленіи, изъ 3,186—м. п. и 3,210—ж. п. Наружный видъ жители имѣютъ слѣдующій: ростъ высокій, изрѣдка переходящій въ средній; волосы темные и русые; глаза сѣрые, свѣтло-карие и очень рѣдко карие; носъ длинный прямой съ небольшимъ процентомъ горбоносыхъ; лицо въ перемежку круглое съ продолговатымъ; въ корпусѣ плотны, костисты, статны и въ общемъ—собой не дурны. Отчасти обнаруживаются въ средѣ ихъ слѣды вліянія инородческой примѣси,—такъ, напр., здѣсь можно отыскать типъ татарина; съ выдавшимися скулами и кривыми ногами калмыка, башкирца и другой помѣси. Женщины съ черными бровями, имѣютъ большое во всемъ сходство съ мужчинами. Какъ мужчины, также и въ особенности женщины обладаютъ пріятнымъ звонкимъ голосомъ; любители пѣнія, музыки и всякаго рода веселія. Въ области физическаго труда и мысли отличаются изрядной лѣнью и косностию; жизнь свою проводятъ безпечно и больше въ домоѣдствѣ, питая себя надеждами на будущее: „Нэхай, мовъ, що Богъ дасть, то й будэ“. „Що було, бачылы, що будэ, побачымо“. „Більшь копы лыха не будэ“.—Говорятъ всѣ твердымъ малороссійскимъ языкомъ; но замѣтны и слѣды вліянія литературнаго языка у лицъ, говоръ которыхъ представляетъ, по мѣстному выраженію, ни то, ни сѣ — „перевертней“. Къ особенностямъ такого мѣстнаго говора можно отнести то, что онъ ведется ими отрывисто, съ растяжкой—„пѣвагомъ“, мѣняясь часто въ словообразованіи, употребляя вмѣсто: е—ы; а—о и наоборотъ: о—а, напр., — „гарячый“, „гарячэ“ и „горячэ“, „хазяйейнъ“ и „хозяйейнъ“; вмѣсто о—у: „въ субѳорі“, „въ сумырі“ и „въ сомырі“, „тупѳля“ и „топѳля“ и проч. Прилагаемые при семъ мѣстныя слова, реченія, поговорки и загадки весьма могутъ дать матеріалъ и основаніе для характеристики языка мѣстныхъ жителей съ его словообразованіемъ и произношеніемъ словъ.

Пословицы. Въ торгѣ два дѣрня: оди́нь прода́е, други́й купу́е. Якъ не живѣшь, а дѣрнемъ помрѣшь. Мѣртва усе́ хорѳи,—

гáрни. Стільки (скільки) не живи, а умерать треба. Не почу- хавши й прїщъ не нарядыця. До биды ще три дни. Пийш- лось сиромаси (бидáзи, бидолáзи) круто ўзломъ до ўзла. Сїмъ бидь, одїнь одвїть. Не нагрївши мисця, не всїдышъ. Не на те козакъ пьє, що въ кишєни йє, а на те, що бѹде. Шїла (у) въ мишку не втайшъ. Хто бїльшъ мовчїть, той двоухъ навчїть. Мєньшъ ба- лакай, та бїльше хлїба йїжъ. Горà зъ горóю не схóдыця, а чо- ловїкъ зъ чоловїкомъ повсїгда. Чїй вїнь, а нашъ сєриця. Пóки сóнце зїйде, то росà й óчи вїйистъ. Грóши не свїй брãть. У когò грóши той и хорóший. Свãтана дївка скрїзь гáрна. Чужї рѹки безъ приглядку (дóглядку) мѹки. За хорò- шимъ чоловїкомъ и свїнка господїнка, а за лыхїмъ и лєбидь кáзна-що. Свїй своєму по невóли брãть. Свїй своєму óка не вїколе. Свїй своєму черєзъ тїнь не плóне. Рукà рѹку мїє, щóбъ бїла булà. Де наше не пропадало. Вїнь такїй стáвъ, шò й черєзъ гѹбу не плóне. Якъ мáешъ шо втайїти, мовчї жїньци. Шо жїньци сказáвъ, почитãй, шо й всємѹ селѹ. Хто жїнку слѹха, та прãвду йїй кáже, той недóбрый чєловїкъ. Сердїта жїнка страшнїна чòрта. Якъ мáешъ кутòкъ, живї потыхєньку, та йїжъ мóвчки кусòкъ. Де пãнь, тамъ и пид- пãнки. Не тãкъ пãнї, якъ пãненїта. Не то вòрь, шо краде, я го, шо прїймãє. Мой хãта зъ краю, ничòго ни знãю. Нã тобї, небóже, шо мїнї негòже. Однà голòвà не биднà. Ожи- нївсь тай зажурївсь. Хто не жинївсь, той й не журївсь. Хто зъ мóлоду не дурївъ, той на стãристь дóйде. Ожинивсь, якъ знòвь на свїть народївсь. При злїднїяхъ та щєй зъ пєр- цемъ. Хто новїнки не видáвъ, той и вєтоши радъ. Вилїка хвигѹра, та дѹра. На злòдию шãнка горїть. На прóшеного гòс- тя багãто кóшту. Горїть, якъ мєртвий дївиця. Пãнї бѹюць- ця, а въ мужыкївъ (пидчинєннихъ) чубї булãть. Чужїми ру- кãми тїко жãрь загрыбãты. Крутїсь, ни крутїсь, якъ бєзъ чòго нїльзã, такъ нїльзã обїтїся. Хочъ тãкъ,—крутї, хочъ тãкъ,—вєрть. Хочъ крутї—вєрть, хочъ вєрть—крутї. Це всє равнò, шо въ лòбъ, шо пò лобу. Два бѹєця, трєтїй не ми- шãй. Круте—й—вєрте, а трєба вмєрты. Ярь не долїна, чу- жã—не свой дитїна. У гуртї й кãша лѹчче йїсьця. Въ гур- тї широкий, а на самотї ныщò. У двоухъ й бãтька гáрно бї-

ты. На личиний шкапінни (коныни, лошадыни) ни дівго йїздитимешъ. Чужий кїнь не охне, поганый, не здохне. Чужє лихо за сáхаръ. Гáрно (мяко) й стеле, та мўльно спать. Корова чи бўде телицьця, а винъ стойить ужє зъ довбнєю. Тиля чи бўде, а винъ зъ довбнєю. Пóки Хомà зберецьця, буйре й медъ попьють. Якє корінья, такє й насінья. Вїдно Куліну, шо пироги пеклà, й ворота въ кїсьти. Умна жонà, якъ бóчка пшонà, а дви сáла, то й дурàкъ такъ кáши наваре, а якъ же пшонò въ узлі, то й умъ ззадї. Симъ гòдъ мáкъ не родївъ, та й гòлоду не робївъ. Ни булòбъ снїжу, ни булòбъ й слїду. Брàтъ твїй, а рáзумъ свїй. Не булò на молоцї, не бўде й на сирòвацьци. Вїнь зо мнòю, якъ рѣба зъ водою: рѣба на дно, а вїнь въ добрò. Гусь свинї не товáрищъ. Якъ не коваль, то й клищєй не погàнь. Мотàецьця, якъ шейма на бичòвци. Хомà купївъ, Хомà й пьє. Зà що купївъ, за тє й продаю. Орàвъ чòртъ вòвкомъ, та йївъ хлїбъ. Не однà собàка блыньцї пеклà. Яръ не круча, дилòвъ не кўча. Пўзо не дзеркало, чїмъ ни напхнї, ни вїдно: хочъ клòчка, та вòвна, а бы кїшка пòвна. Орї, мелї й йїжъ. Шїты й билїты, й зàвтра велїкдень. Не святї горшкї лїплять. Шо вòївъ, то й вѣхавъ. Дырãвого мишкà не напòвнишъ. Дивїсь въ óба, шобъ не вїлизлы зъ лòба. Не тодї собàкъ годують, якъ на охòту йдуть. Пóки свàльба скòйицьця, а вонò й загòицьця. Нáйде (знáйде) свàльба сорòчку. Щòтъ дрўжбы не тиряє. Длã (блã) мїлого дрўжкà й серєжка зъ ушкà. Прийшлòсь чирвякў разъ на вїкў, та й то не такъ, якъ трєба. Чого надўвєся, якъ мѣша на крупў. Скрывѣвєся, якъ середà на пѣятныцю. Повѣсывъ мòрду, якъ свиня рѣло. Нехàй (хàй) кобїла дўма: у нєи здорòва головà. Нàвчить лихо коржї зъ сáломъ йїсты. Тодї скàжешъ: гòць (гòць), якъ вѣскочишъ. Вонї обòйи рябòйи. Хочъ рўчка въ гнойкў, такъ дўшка въ лойкў. Мертваго зъ грòбу не вертáють. Скачї, врãже, якъ пàнь кáже: на те вїнь багáтый. Найшòвъ (знайшòвъ) де риминьцã рожжїцьця, де собàки й лѣка поїли (лїко зїли). Плїтьтю не перешибєшъ обўха. На догàдъ бурякївъ, шобъ далї канўсты. Дўмають тїльки (тїки) однї индыки, та лўды дїки. И гáрни й книшї та мнї не по душї. Молодєць промїжъ овєць, а на молодцã—й сàмъ вивцã. Засмїялась вєрша зъ болòта, ажъ дївицьця: й самà въ болòти. Мовчї, глухà, мєньче грїхà.

Хлѣбъ—сѣль вмѣсти, а табачокъ врѣзь. Богу молись, тай чорта не гнивь. Не то черви, шо мы ймо, а то, шо насъ бѣдуть йисты. Худо безъ добра не живѣ. Мовчѣй—та дѣшѣ, то й бѣде кнѣшѣ. Моимъ саломъ, та по мойхъ же й губахъ. Договорѣвсь, якъ домолотивсь. Договѣрецъ—брѣтець. Шо коту, то й попу. Беруть римишкѣмы, а оддають лычкомъ. Не пидпалы й не бѣде й горѣты. И камень на огни трѣскаецця. Запѣвъ все равнѣ, якъ ворѣта забѣвъ. Вѣзьмешъ лычкомъ, а оддаешъ реминцѣмъ. Ни кѣжи, ни рѣжи—якъ пѣшъ въ рѣжѣ. Промѣжъ дѣломъ, не бѣзъ бездѣльля. Дѣма тѣломъ, а вѣе вѣвкомъ. Выля, якъ лисѣйчѣй хвѣстѣ. Выляй, не выляй, а пѣдати дай. Булѣ дѣло,—поминай, якъ звѣли. Сѣмъ бѣдѣ одинѣ одвѣтъ. Була не була,—повидѣлася. Чѣй бѣ казѣла, а твоѣй бѣ й мовчѣла. Мелѣ та не промѣлойся. Лѣве вѣвкѣ, та й вѣвкѣ якъ пѣймають... Ни на щѣ й щѣка въ мѣри, щѣбъ карѣсь не дѣрмавъ. Хто на мѣри не бувѣвъ, той и гѣря не выдѣвъ. Хто на мѣри не бувѣвъ, той не вмѣе й Богу молѣцця—(бѣтька й мѣтирь не згѣдавъ). Скрѣзь зѣлото слѣзы лѣлюцця. Скѣлько (стѣки) вѣвкѣ не годѣй, а вѣнѣ все въ лѣсѣ дѣвыцця (зазираѣ). Робѣ добрѣ, добрѣ й бѣде. Не зивѣй: на те ярмарка. Одинадѣцѣта зѣповидѣ:—не зивѣй. Чужѣ хѣта—хѣже кѣта. Бирѣ на глѣзы, мовъ, въ ти рѣтѣзы; якъ вѣзьме й въ шѣры,—кинѣць вѣли. Примѣстѣвсь, якъ сѣрѣка на тернѣни. Хто вкрѣвъ, томѣ Богъ дѣвъ (тогѣ Богъ унѣсь). Вѣровѣ одна дѣрѣга, а тобѣ чѣтыри. Ни далѣко й яблѣчко откѣтѣлося одѣ яблѣунѣки. Якѣ сѣми, такѣ й сѣни. По Хомѣ й шапка. Вѣдно й по кулѣ, щѣ чѣтверть. Грѣши дѣло наживнѣ. Не трѣвѣжѣ (не рѣшѣ) собѣакъ, то й не бѣдуть гѣвкѣты. Не ворѣшѣ г...а, вонѣ й не вунѣтыме. Попадѣ правду, тай брѣше. На головѣ блистѣть, а въ головѣ свѣстѣть. Помѣзали, якъ мѣдомъ по губахъ. Въ одинѣмъ кармѣни вѣшѣ на аркѣни, въ другѣмъ,—блѣха на цѣпѣ. Бувѣло—зрѣвѣло, тепѣрь перѣстѣло. Якъ Богъ дѣсѣть, тѣкѣ и въ вѣкнѣ подѣсѣть. Не тѣко свѣту, щѣ въ вѣкнѣ: за вѣкнѣмъ ще бѣльше. Щѣ Богъ не дѣла, то все кѣлучѣому. Всѣкѣ Яремѣй про сѣбе розумѣй. Жѣдна вѣвцѣ за своѣ нѣгу вѣсе. Жѣднѣй кулѣкъ своѣ болѣто хвѣле. Кулѣкъ кулѣкѣ бѣче здалѣкѣ. Скрѣзь гѣрно, де насъ немѣ. Мелѣ Мѣля: твоѣ недѣля. Въ сѣмѣй не бѣзъ вѣродку. Мѣра—вѣра, мѣшѣкъ—дѣракъ. Одна смѣръть усѣхъ рѣвнѣя. Бѣвъ кѣнѣ та зѣвѣз-

дывсь. Баба багата, якъ сорочокъ багала. Наша горныця зъ Богомъ не спорныця. Якъ прийде май, то хліба дбай, бо прийде юнь,—хочъ плюнь. Прывикла собака за возомъ бигаты, та й за саньмі не втерпе. Якъ ручка зробе, такъ тільце й зносе. Терпи душа: въ райо будешъ. Изъ хама не буде пана. У кружку не бизъ душкѹ. Дай, Боже, нашому теляти вѡвка въ зубы пийматы. Тѡнко прѣсты, довго ждати. Вѡду гарі, вода й буде,—а вкинъ шона, каша буде. Були бѣ свѣни, а корыто буде. Були бѣ побрязкати, а послухати будуть. На заговѣны й у горобця пѣво. Було бѣ сѣно, козы будутъ. Не давъ Богъ жаби хвоста, шобъ травы не толѡчила. За дурною головою, та й ногамъ нема спокою. Пѡки хвалькѡ нахвалящѣця, такъ нашъ буткѡ набутыщѣця. Дѣ бѣ ворѡни не литаты, йий одно клюваты. Чужа вѡша не залѣзе, и своя не заплѡдыщѣця. Катрени голубци вѣведуть у кушци. Чужий двѣрь не свѣй,—обрѣшивъ та й въ другий. Языченько во менѣ, лѣхо рѡбе минѣ. Полюбила Харя Марю, шѡ й на ѹлицю стыдно. Гѣдили попѡ, а пѣпъ, якъ ягода. Вѣдно попѡ й у жупани. Пилѡ бѣ и лѣдаще, якъ бы було за що. Кто не бѣвъ малѣмъ, той не бѣвъ и дурнѣмъ. И чѡртъ въ болѡти плаче, що мѡды не настѣче. Не родѣсь вродливый, а родѣсь щасливый. У кого одна, та дѡли нема, а въ кого сѣмъ, та й щѣсьтя всѣмъ. Здорѡвый дубъ, та дупнастый. Смѣшки зъ чужѡи кишкѣ, а якъ свой здѡхне, то й заплачешъ. Дѣ що загѣбышъ, тамъ опѣять и шукѣй. Одѣ чѡго захворѡвъ, тѣмъ и личѣсь. Якъ въ двѣдцѣть лѣтъ умѣ нѣтъ, то й вѣкъ ѣго не буде. Не годѣй менѣ тѣмъ, чѡго я не йѣмъ. И сѣчка свойѣхъ дѣтѣй не кусѣе. За царѣци йили поляныцы, а за царя не достанецѣця й сузарѣ. Лѣха йскра пѡле знѣле и самѡ зѣине. Цей вѣкъ якъ макувъ цвѣтъ; та не такъ цѣму вѣку, якъ цвѣту. Не вѣрь чужѣмъ рѣчамъ, а вѣрь свойѣмъ очѣмъ. Якъ сирѡта плаче, то й нѣхтѡ й не бѣче, а якъ поскаче, то й всякъ побѣче. Були нѣви, стѣлы яры, та облѡги; были колѣсь, друззи прѣтели, тенѣрь стѣлы врагы, та ворогы. На лѣсый кусѡкъ найдещѣця кутѡкъ. Не бойщѣця вѡвкъ козы, та зѣй ии. Свой вѡля пѣще нѣболи. Богѡтому й въ пѣкли пѡчѣсть воздаѡтъ. Дорога й дѣнежка во врѣмня скѣднѡсты. Очкурнѣ голопѣпенку риднѣ. Не буде Гѣля, буде другѣя. Зкуштувала баба пѣтри, що ажъ самѡ напѣтрилась. Хватѣвъ горячого до слѣзь. Хочъ плюнь, та й свѣсни. Оже-

нищця не напасеть, такъ якъ бы, оженѣмше, не пропасть. Ко-мусь снящця кислицы, та не зна передь чимъ. Первого куп-ця не цурайсь. Не попускай зъ мѳлоду вижокъ жиньци, то й небуде на старисеть брикащця. Матузкомъ (матузкою) хлибъ рѣже, а панство наблюдае (а по паньськѳму чхае). Кругѳмъ гѳре, хочъ у бутылку лѣзь. Хочъ вѳвкъ, траву йижъ. Тѣмно, якъ у цыгана пидъ мѣшкою. Переступѣ быють и недоступѣ быють. За вкѣсъ не берѣсь, а горячѣ (гараздъ) состряпаю. Собака брѣше тай брѣше, а барынь все йиде собѣ тай йиде. Винъ бы пойихавъ, такъ тпрука мѣку ззыла. Не йижъ менѣ, сѣрий вовче. Хочъ ракъ-рыба, то дуракъ-кандѣба, хочъ рыба-ракъ, то кандѣба ду-ракъ. Пишло дѣло, якъ визъ пидъ вагою. Эй, це нашъ братъ Савка. Одѣнь томѣ часъ, шо маты вѣ плахти. Горѣлку пѣй, та бережи, умѣ не пропѣй. Пѣть-пѣй, а дѣльце помны. Не рады пѣва, а рады дѣва. Зробѣвъ дѣдя, на себѣ глѣдя. Завъязавъ свѣтъ собѣ й людемъ. Усѣмъ ни зпомѳжемъ, а себѣ ро-зѳрышь. Колѣ заложѣвъ шѣю вѣ ярмѳ, такъ везѣ на ривнѣ зъ борозѣньнимъ. Менчѣе, якъ цыганъ кѣньмы. Богъ велѣтъ попо-ламъ дѣлѣтъ. Сѣгодня Митѣта—ни дѳма, ни тѣта. Побрѣзкъ на выдѣ, якъ кабацький утѳпленыкъ. Валѣ на сѣрого, сѣрый по-везѣ. Валѣ на винного кѳштъ. У горѣльци смѣку (цмѣку), якъ у макивци маку. Ну, шо мабудъ, схватѣвъ печѣного гарбузѣ?—Дай же, Боже, шо въ здравнѣ йилѳсь, пылѳсь, та дѳбре на свѣти жилѳсь, та по двѳри хозѣйство велѳсь. Здрастуйте й вы, колѣ кращѣхъ немѣ. Ни тѣ, ни сѣ и ни кѣ-знѣ щѳ. Пышаецця, якъ пощѣвна на крестѣнахъ. Живѣтъ,—ни слѣвы, ни пѣмьяты. Лѣгче всегѳ осудѣты чоловѣка. Хвалѣтъ тѣло одѣхъ мертвыхъ. По нуждѣ и вѣ водѣ якъ по сухѳму. Нуждѣ мѣче, нуждѣ и ѣче. Нуждѣ й законъ зминѣе. На свѣй аршинъ не мѣрай. Кто не стане панѳмъ, той не будѣ дарѳмъ. На звѣчай не потурѣй, а мирщѣй вѣ кишѣню дбай. Проишли ти времинѣ, шо Богъ мѣжъ людѣмы. Булѣ правда, та вмѣрла. Начнѣ правду кохѣты, скусятъ треклѣты. Бѣзъ умѣ зрѳбы, бѣзъ умѣ й будѣ. На все трѣба сумѣру, та ума вѣ мѣру. Ни тѣко гѳре жѣре людѣй, а бѣльше й люде самѣ себѣ жѣрятъ. Врѣмня такѣ, якъ и булѳ, та люде собаки. Тепѣрь такѣ люде настѣли, шо зъ нѣми не про-живѣшь;—та ни, воно тоѣ мѳжно, та вже не такъ, якъ трѣба.

Ничімъ свыйнй вгору не дывыцьця: у неїи рыло замáзане. Земля терпыть, пóки спыть, якъ проснецьця, комусь учхнецьця. Сегодня всякъ бя себе, а бя тебе опóсли. На те вонò й лыхо, шо нийдè тыхо. Винь и въ кулакъ соби не шéпче (дýе). Винь соби тепèрь зь пóдушкою не дýма. Тепèрь яйця старше й курей. Вáжче всёго на свити Богу молыцьця, та старóго бáтька зь мáтирю годувáты. При лыхий годыни прийшлòсь й бáтька зь мáтирю згадáты. Ты жидови плюй у вичи, а винь кáже: росá Бóжа. У старину пшеницю продавали та плуги купувáлы, а тепèрь плуги продають та пшеницю купують. На бідного Макара все лыхо обрúшилось. Якъ пийдешь ширóкою дорóгою,—áду не мынешь, а пийдешь тисно́ю,—цáрство знайдешь. Перерóбишь, диду, хливèць тай достáнешь дривèць. Хотила бáба вырви, та насылу й сама вырвалась. Пусты, вырвусь. Винь самъ семерèхъ послáвь, та й дóси не вертаюцьця. Катюзи по заслúзи. Не полáдылы за мáсляни вышкварки. Дурака и въ цèркви быóть. Тутъ булò вертилося, та не знаю, де дилося. Тепèрь не петривка, по двичи не кáжуть. Быцьця негодыцьця, лаяцьця грíхъ,—а кусацьця мóжно. Эге, вонò, бачь, пáньського рóду, та занехáяне. Залízь у чайныкъ, тай пье самувáрь. Я за вáмы, а ты тутъ, забрáлыся, та й сыдышь. Де не ступила, тамъ и согришила. Хибá якъ, хибá що, хибá грíхъ, чи щó? Це на ёго рúку ковiнькá. Товчèцьця, якъ Мáрко въ пèкли. У Бóга все готóво. Всякому своё. Не бóде,—бáтько добóде, не стáне, мáты достáне. Бóгъ терпивъ, та й намъ веливъ. Часы панáмъ, шо живить даè намъ. Ни клады задалèгидь ёму пáльцивъ у рóть, або поодкúсюе. Ни бáчиты свини нéба, хочь кой колы й трéба. Пипъ—золотий снiпъ. Мищанiнъ—запасный дворянiнъ: якъ переведуцьця вси дворяне, то ихъ мiсце займутъ мищане. Ёму добра желáнешь, въ тюрьму ихáешь (зь кручы ихáешь), а винь ще й спеньчáецця (супротывыцьця). Ты ёго хрысты, а винь—пусты. Не высосавъ же я цèго зь пáльця. Досiявся, доорáвсь, пóки у мищане попáвсь. Мищане, цыгане, та жиды, якъ десятый грíхъ на души. До нáшого бéрега ни що дóбре й не приплывè: колы ни кизякъ, тáкъ щéпка. Зь ёго вiйшовъ ни швèць, ни мнèць. Зверчáвъ рябóйи кобылы сòнь. Орè, пидслúхала,—пидить, лышень, продзвонить. Не вздрити ёму намéне, глядiты,

якъ свини на небо. Скажи ляповци, скрізь разляпа. Зъ яру, та въ кручу. Ни втикъ, ни догнавъ. Ни въ тинь, ни въ ворота. Емѹ такъ добре, якъ у Бога за пазухою (якъ у Бога за дверьми). Було діло, за рижого Бога, на пристихъ людей. Було діло за царя Панька, якъ була земля тонка, шо шильцемъ ткнешъ, тай воды достанешъ. За царя гороба було людей трѳхи. Винъ дума, шо це вже попавъ Бога за бороду. Выминявъ котѹ у мишкѹ. Молодчина, дѹть тобі двѹ чина— дуракъ и дурачина, шей третѳго половина. Якъ багатий вмрѳ, такъ все село за нѳмъ идѳ, а якъ бѳдный вмрѳ, такъ тѳко ниць та дѹкъ идѳ. Свий бѹтько побѳе й пожалѳе. Зарикалась свиня кѹлу йисты до сѹмойи смѳрты. Бѹба зъ нѳхотѹ й поросѹ зѹйшла. Попавъ тудѹ, де козамъ рѳгы правлять. Пропавъ ни за понюху табакѹ. Ганяють, якъ солѳного зѹйця. Гѳль хитра, гѳль мудра, гѳль на выдумкахъ зросла. Казавъ слияй: побачимо. Слияому не свѳтять. Воно такѳе нѹжне, якъ слияому дѳзеркало. Не Кулина й гѳлосъ не йийи. Мы й сѹми зъ вусѹми, тѳко нисъ не обрѳсь. Билолиця, якъ мазниця; черноброва, якъ сметѹна. Молода, якъ у спѹсивку яглиця (ягода). Не журѳсь, шо вмѳрла жѳнка: ще въ стади хѳде двѳ. Не всякому, якъ Якову. (Не всяково-яково). Пьяныци й капля дорога. Немѹ сала, самѹ кѳстка. Не бийсь тиѳи собѹки, шо гѹвка, а—шо зъ потѳху хватѹ. Бѹде й квѹрты. Були бѳ то мы хорѳши, тѳ й бѹдутъ грѳши. Згадала бѹба дѳвири, шо добрый бѹвъ. Громада—великий чоловикъ. Чоловикъ и не собѹка, а брѳше. Все бѳ ничѳго, та киньци зъ киньцѹми не схѳдяцца. Дуракъ дуракѳмъ о вики викѳмъ. Зъ чѳмъ у колѳску зъ тѳмъ и въ мугѳлку. Копаецця, якъ жѹкъ въ г...и. Зъ ѳго такой судѳя, якъ зъ г...ѹ пуля. Нагадавъ кози смѳрть, а вона хѳде тай шѳсь тай шѳсь. Спятъ сова, а кѹрей бѹче. Гарный, якъ свиня въ дѳщѳ. Сѳмъ гѳдъ не видѹлись, повстрѳчѹлись и говорѳть ничѳго. Заплачь, Матвѳйку, дамъ копѳйку. Позеленѳвъ, якъ жѹба въ петрѳвку. Оттакѳе лѳхо,—хѳчь таньцѳй. Казѹло лѳхо:—не бѹде добра. Якъ ветрѳнишь сирѳтыну, такъ захѳвай пѳдъ тѳномъ. Кѹме, кѹме, дурноѹме, за сѳмъ мѳль пѳва пѳты. Шо зъ вѳзу впѹло,—крычи: пропѹло. Богъ не бѳзъ мѳлости, козакъ не бѳзъ щѹсьтя. Зъ пѳсьни слѳва не выкидѹють. На двѹ кускѹ польстѳсься, ни ѳдного не зѳисѹ. Купѳвъ дѹдя, на сѳбе глѹдя.

правду робышь, то въ правди й кохайся. И чоловікъ, якъ чоловікъ, та сучка мижъ ногами проскочила. Побки судъ та діло, — телі корову зійло. Знала кобыла, на що оглобли была. Кто лове, тому й ловыщця. Собака мусе, якъ укусе. Кто чимъ занимаецця те ёму й ввыжаецця. Кто за діломъ слидыть, вонд самд до того бижыть. На добрый каминь що не скинь, такъ гораздъ (добре) буде. Языкомъ мели, скілько (стілько) хочъ, винъ не зитрещця. Діло не діло, а безъ діла не бігай. Старшому напершъ перва дубина. Хочъ Мать Божу пой. Не велика й напасьть, та спаты не дасьть. По наряду зустрічають, а по гробахъ провожають. Де гроши тамъ и умъ. Що въ голову зайде, такъ и на печі знайде. Сино до шкапы ни хде. Держись, якъ вошь кожуха. Не давъ Богъ тысячи: девьятсотъ не гроши. Чтобъ то й гиревай журилась. Ничого лисымы киньмы й сини тровыты. Це та горячка, що безъ памьаты (памняти) хлибъ йишь. Батько брехунъ своимъ дитямъ. (Ему всіхъ одинаково жалъ). Свій батько побье й пожалие. Якъ такъ пыть, то ничего бъ козаны й сина травыть. До ёго й на козі не пидйидешъ. Пишли наши въ гору—по симъ на бичовку. Ласый до сала, а мяса не хочешъ? Нехай покуштуе жижи, щобъ знавъ, одъ чога бувають штаны рьжи. Нехай думаютъ ти, что грамоти вцащця. Багату чорты дитей тишуть. Твердо-онъ-то—вихде: заперто. Згадуй макъ, тай йижъ такъ. Мойимъ же саломъ та по мойй же й шкури. Дви бабы — базаръ, а три — ярмарокъ. Больному—воля, спасенному—рай, а горилки дай. Нильзя тико на небо злизты. Найшлась (знайшлась) робота и для (бля) рта. (Колі хто бреше). Ты ёму:—стрижена, а винъ:—кошена; ты ёго—кресты, а винъ:—пусты. Святы отци (оцци) карбованьци. Хто не буде паномъ, той не буде й даромъ. Купуй хату криту, шубу шиту. Чорного кобеля не вымыишь до билла. На леманъ Грыцикивъ дурыты. Чи знатятё, що въ куми буде пытьтё, то й дитей бе забрала. Не робыть старьцямъ пакосты. Пани пьютъ, а у мужикивъ зъ похмилли голови булять. Вонд тико на вовка помовка, а заяць кобылу зивъ. Хочъ бичомъ, такъ йе по чомъ. Собаци й собака чесьть. Живи, поки живецця: помрещця,—все мынецця. Горилочко—матиночко, не пихайся, а ты, дураче, не напывайся. У кого грошей багачко,—купуй млинъ, а у кого хлиба въ достанку—купуй свиной.

Що годокъ, то й роекъ. Долгъ вѣзьмешъ зъ мене на тѣмъ свѣти вугилькѣми. Всѣ москалѣ однимъ мѣромъ мазани. Ваше блогородіе! свѣни въ вогороди,—прикажіте вигнать, чи бѣльше нагнать. Кинець и Богу слава, царю корона, а намъ жарена (печена) ворона. Якъ бы я царемъ бѣвъ, такъ сало бѣ зъ саломъ бы йивъ, та на солѣми спавъ. Гарни коржѣ у нашої тѣтки. Балака, якъ мѣртвый дыше. А щѣбъ ты живой бѣвъ до самои смѣрти. Ахъ, ты мазанный прижѣкъ. Злѣ множицьця умысьци зъ людьми. Повисывъ мѣрду, якъ свиня рѣло. Зпылѣ кровъ такъ и мясцѣ жъ ззижте. Нѣхай—недѣбрый чоловикъ. Безъ жинки, якъ безъ кишкы. Живѣмъ не горюемъ, хлиба не купѣемъ. Набѣвъ на пятьсотъ, а помырють на кѣрыцю. Сюды, Бѣже, патлатого, щѣбъ бѣло за щѣ браты. Бля паганого вѣду немѣ й стѣду. Есьть каятьтѣ, та немѣ вороттѣ. Я тобѣ ни грачъ, ни помогачъ. Щѣбъ довго не воловѣдыцьця одрижъ зразу: и знѣть не знѣю, й вѣдать не вѣдаю. А Хѣмци по половѣньци *). Дурный ажъ крутецьця. Трясьця тобѣ въ пѣть. Щѣбъ тобѣ нѣдно. Щѣбъ тебѣ кѣрыця брыкнула. А, щѣбъ тобѣ вѣша въ потѣлыцю. А хрѣнь твоѣму бѣтькови. Мѣтери твой койнѣкѣ. А хочъ бѣ вамъ зацѣпыло. Скурвий сѣну(бѣсурчъ)“.

Загадки. „На татарьському полі попутани конѣ (Кавуни). Симсотъ свистѣть, а чѣтири лопотѣть, двѣ слѣха, а двѣ нюха, а двѣ дѣвыцьця (Хвистъ, нѣги, вѣха, бѣчи,—кинь). Лижѣть бѣрина на долѣни у жовтенькѣй жупанѣни, охѣтнычки найджѣли ии въ ж...у заглядѣли (Диня, або лысьця). Скручено звѣрчено, на коль посажено, а по дворѣ пляше (Митла). Бѣле рѣльлѣ, чѣрне насѣньня, хтѣ егѣ вмѣе, тѣй и разумѣе, хтѣ егѣ, знѣе тѣй и позберѣе (Грамота и грамотный-письменный). Мѣля, мѣля, мылюшокъ, мѣля въ зѣмлю найшовъ (пишовъ), мѣля шапочку знайшовъ, мѣля красенькѣую, мѣля збѣрщастенькѣу (Мѣкивка). Якъ пойду я на мѣсть, й ухватѣю волѣ за хвѣсть, стану тягтѣ—стане й ревтѣ (Дзвѣнь). Стоятъ конѣ на припѣни, не пѣють, ни йидѣть, а гла-

*) Цѣя поговорка, якъ шо не брѣшутъ дѣбри люде, то зклѣлась такъ: Булѣ собѣ двѣ ятѣрѣвки; въ одиѣн старшѣн булѣ чимѣло дѣтѣй, а въ другои мѣньшой однимъ-одно. Отъ вони булѣ шо недѣлили пеклы зъ макомъ прижѣки, мѣньча ятѣрѣвка и начѣнѣ йихъ дѣлыты: оцѣ тобѣ, Панѣсе, оцѣ тобѣ, Орѣсю, оцѣ тобѣ, Ивѣсю, оцѣ тобѣ, Гѣлю, а мои дѣтки, Хѣмци, дѣйте по половѣньци. Ти дѣтки и дають, и такъ на кумѣдию и выкѣхали ии гуртѣмъ Хѣмку. Недурнѣ булѣ мѣбуть (мѣть) й Хѣмка!..

дѣньки стоять (Стинá). Чотири чотирнички, а п'ята пидстáвочка, а шóста паняночка (Вѣмья, дыйнѣця и та, кóтра дóе). Симсотъ тупоривъ, симсотъ козаківъ рóблять хáту бизъ углѣвъ (Комашня, муравейникъ). Одѣнь чотвиртóкъ на сто двáдцять дирóкъ (Бедзвинъ). Заривъ вилъ на сто гѣнь, на тѣсячу городѣвъ (Грѣмъ). Стоитъ вербá середъ двора, распустѣла гѣля до жáдного (кáжного) двора (Зъ цѣркиви людѣ йдуть додóму). Стоитъ пляшка середъ хáты, усѣ сѣи сѣють (Пѣсля горѣлки). Не йисеть й не п'ѣ, а крупами с...е (Свердедецъ). Стоитъ стрилá середъ двора, а въ тий стрилѣ симсотъ и двѣ (Мáкивка). Сывий сѣлезень попидъ землѣю плава (Лемишъ). Манѣньке, гострѣньке (билѣньке) скрѣзь тѣнь кишечкѣ тѣгне (Гóлка). Окúталось шѣло у чорнѣньке тѣло, та по-пидъ небесáми й ходѣло (Лáстивка). Брѣламы махá, а литить не мóже (Мѣльниця). Манѣнький горбатѣнький все пóле проскакáвъ, а до дóму прийѣхавъ, цѣлый гóдь пролежавъ (Серпъ). Й нѣгъ багáто, та самá зъ пóля не хóде (Боронá). Зубѣ й цѣлѣ, та самá не кусá (Боронá). Козá въ хлѣвы, а рóги на дворѣ (Бурякъ). Ни кузнѣць, ни столѣрь, ни маляръ, ни плóтникъ, а сáмый пѣрвый на селѣ работникъ (Кѣнь, вѣлъ). Малѣнький Макáрчикъ у сѣмъ людѣмъ пидрядчикъ (Сокира). Пийшла кумá до кумѣ—дáй, кумá, ляпотѣ, поляпаты тáй пѣтѣ (Сѣта). Чотири чотирѣньки, п'яте манѣнке, а шóсте прóсте (Викна, свóлокъ, двѣри). Якъ бѣ нѣ дидова товхачка, то зарослá бѣ бáбина мохначка (Вѣникъ, стúпа). Серѣдъ мóря—мóря, стоить золотá кумóря (Сóнце). Бáба—ягá, вѣламы ногá, увѣсь свѣтъ кóрмыть, а самá голóдна (Плугъ). Якъ-бы не дѣдово утютюха, не бабина лахва, по поясъ заросла (Ножницы). Крѣвий лѣсъ на бабу злизъ (Коромысло). Шутѣвъ, мутѣвъ по лавочки, нашовъ собѣ кудрявочки, шурхъ тáй нишовъ (Рукавицы). Манѣньке, рудѣньке хочъ якóго пáна тáкъ зъ коня зсáде (Якъ захóчецьця на двѣрь—просѣбе). Стоять кóни на припóни, ни пьютъ, ни йидятъ, а пóвни стоять (лежать) (Кавунѣ). Сучка сѣрка де не вхвáте, тáмъ и дѣрка (Сокира). Сѣрый волѣще, черѣзь горѣще свѣще (Дымъ). Лѣсый бѣкъ скрѣзь плетѣнь дѣвыцьця (Мѣсяць). Сѣва кобѣла все пóле сходѣла (У кóпахъ пшѣнѣця). Поросятко (ж)зализне, а хвóстикъ прядивѣяный (Голка й нѣтка). Мой мáты й твой мáты, бѣлы бурлáку въ с...у (Зáткально). Жóвта кú-

рыця пидь тѣномъ кѹблыщя (Дѣня). Кобыла на вирбѣи гниздо змостыла, навелà поросѣть, вонѣ вгѹру глядять, полетѣты хотѣть (Лысѣтя). У лѣси дубкѣи рубѣють, а зъ нѣба трискѣи литѣють (Снигъ). Кѹло вѹха завирѹха, а у г...и ярмарка (Вѹлий). Чорна корѹва всихъ людѣи зборѹла, сѣрѣй вѣль всѣихъ людѣи звѣвъ (пидвѣвъ) (День и ничъ). Костѣнъ, деревѣнъ чѣрезъ гѹру свинѣи гѹне (Грибинѣць). Шатѣеця, мотѣеця, по-пидь припечкомъ ховаеця (Вѣникъ). Манѣньке барѣльце бѣзъ дѣрочки ѣ безъ динця, въ ѣму пѹвно вынѣця (Яйцѣ). Шѣло-мотовѣло по-пидь нѣбомъ ходѣло, по нимѣцькому говорѣло (Сорѹка). Загадѣю загадки на чѹтири грѣмотки, всимъ трѣмъ за викнѹмъ (Зѣтулки). Два кабанѣи усе пѹле заляглѣи (Тумѣнъ). Въ нашѹи молодкѣи загорѣлося въ серѣдкѣи, у нашѹого молодця капа зъ концѣи (Самоваръ). Круть-верть у черѣпѹчку смѣрть (Замѹкъ). Скрѣзь бикѣи ѣ баранѣи свинѣи лѣнъ волѹче (Дрѣтва). Самъ дубовѣи, поясъ вѣязѹвѣи, а нѣсѣ лѣповѣи. Чѹтири ззади дѣдусѣи додивлялѣсь зъ борѹдѹю пѣгасѣи (Копѣта). Сыдѣть дѣдъ нѣдъ круѹчою, заткнѹвъ дѣрку онѹчою (Вѣрхъ). Чѹтири козы на однѣи нозѣи (Вытѹшка). Манѣнька собѣчка звернѹлася, лежѣть, ни кусѣе, ни гарчѣть, и ввѣйтѣи въ хату не велѣть (Замѹкъ). И по землѣи ѣ ходе, а нѣба не бѣче (Свѣнѣя). Мѣртьве живѹго тѣгне (Грибинѣць-вѹши). Безъ крыль лѣтѣть, безъ нѣгъ, а бѣжѣть (Хмѣра). Два поросѣнка чѹтири пидхвѹстѣнка (Черевѣки зъ волѹкамы). Шѣйка тонѣнька, ззади западѣнька (Плѣшка). Однѹ кѣже: „полежимъ“, дрѹге кѣже:—„пѹбѣжимъ“, а трѣтьѣ.—„давѣи Богу помѹлымся“ (Землѣя, водѣя, очерѣть). За бѣлою дерезѹю лежѣть Тѣлилѣйко (Языкъ). Прѹстелѣю рѹгѹжку, пасѣплю горѹшку, положѹ окрѣйчикъ, бѹде бѣгать зѣйчикъ (Нѣбо, зѣркѣи и молодѣкъ). Безъ крыль ѣ бѣзъ нѣгъ, а бѣжѣть, якъ лѣтѣть; приѣде жъ порѣя, вонѹ слѣзы втерѣя (Тѹча ѣ дѹщъ). Хлѣба пѹвна пѣчь, а посѣредѣни щѣи ѣ ѣкрѣйць (Звѣзды ѣ мѣсяць-бѣлолыщѣи). Пидь хвѹрѹстѹмъ лежѣть зъ хвѹстѹмъ (Огурѣць). Бѣба и багѣта, ѣ сорѹчокъ багѣто, а якъ вѣтеръ подѣе, то ѣ хѹлодъ почѣе (Кѹрыця). Дѣ двѣ дорѹги умѣсѣти зѣйшлѣсь (Холѹши у штѣняхъ). Вѣйму облыжкѹ-облыжѹ, тѣи ѣпѣять положѹ (Лѹжка). Чѹтири брѣта-Кѣндрѣта вѣсь викъ одѣнъ за дрѹгѣмъ бѣжѣть и ѣдынъ дрѹгого не здогѹнѣть (Кѹлѣсо). Хто двѣчи на свѣтъ рѹдыщя? (Хто зъ яйця, кѹрыця). Шѣло мотовѣло по нимѣцькому говорѣло, снѣреди шѣль-

це, ззаді—вѣльце, звѣрху сукѣньце, а ззѣсподи полотѣньце. Лежѣть мѣсть въ добрый ристъ, на киньці цвѣтъ, на весь бѣлый свѣтъ (Вѣлькденъ). Двонадцѣть орлѣвъ, пятьдѣсятъ двѣ гѣлки и трѣста шездѣсятъ шѣсть шпакѣвъ—въ однѣ яйцѣ зализы (Годъ). Якъ роскѣну регедзѣлю, тай задѣю товстякѣ (Збирѣецъця запрягѣти конѣ). Чѣрной кѣтъ Мѣрхву трѣтъ, Мѣрхва цѣкѣче тай йщѣ хѣче (Сковорѣдку мѣжуть сѣломъ, вона шкварчѣтъ—йщѣ хѣче). Йѣду—йѣду, немѣ ни колѣсъ, ни слѣду (Лѣтка). По за лѣсомъ лѣсомъ стоѣтъ дѣжѣ зъ кѣстомъ (Уликъ зъ бѣжѣламы). Бѣбыно ремеслѣ кругѣмъ оброслѣ (Цѣ той кругъ, що бѣбы прѣдыво на ѣго мѣтають). Пѣйшли трѣ братѣ кѣзъ копѣты, тай выконалы чѣтыри козы на однѣй нѣзѣ (Вытѣшка). Йшѣвъ чернѣць чѣрезъ Дѣнѣць, нагнавъ дѣвку, тай шѣрхъ въ дѣрку (Клѣчъ и замѣкъ). Крѣсна бѣрыня за склѣмъ сыдѣтъ и лѣдѣй собѣю потѣшаѣтъ (Огонь у лѣмши). Бѣчка, а на бѣчци бѣчка, а звѣрху бѣчки—митлѣчка, а хтѣ й кѣже лысѣчка (Очерѣтъ). Малѣнький барѣнчикъ всѣмъ с...ъ пѣдглядчикъ (Порѣтъ). Ни нѣте я тебѣ брѣвъ, щобъ зъ тобѣю спѣты, а на тѣ я тебѣ брѣвъ, щобъ у твоѣ дѣрку своѣ тѣло пхѣты (Чѣбитъ). У борѣ на ярѣ стоѣтъ старычѣкъ крѣсний ковпачѣкъ (Грибъ). Пѣдъ черепѣчкомъ лежѣтъ чѣртъ зъ молѣтѣчкомъ (Часѣ). Однѣ вѣвцѣ до сѣна, а дрѣга одъ сѣна. Вылетѣтъ, вылетѣнь, выще цѣрквы плитѣнь (Хмѣра). Сыдѣтъ сыжѣха въ сѣмѣ кожѣхахъ, тай та змѣрзла, а хтѣ на нѣйи поглѣне—очѣма вѣяне (Цѣбѣля). Повзѣнь повзѣ, симсѣтъ голокъ вѣзѣ (Ижѣкъ). Лежѣтъ корѣва, а у корѣвы дѣрка гѣтѣва, прѣйшѣвъ бѣкъ та въ тѣ дѣрку—штрѣкъ (Замѣкъ). Пѣзъ лѣса—лѣса чѣрне, (крѣсне) сукнѣ мѣе (Тѣренъ, вѣшня). Лѣзу—лѣзу по залѣзу й на рѣмени сѣду (Сѣдлѣ). Серѣдъ огѣрѣда—гѣрѣда лежѣтъ колѣда, вона не гнѣе й не высыхаѣе (Языкъ). Собѣю не лѣтыця и спѣвѣтъ не спѣвѣ, а хтѣ въ хвѣртки идѣ, хѣзѣину знѣтъ даѣ (Сѣбѣка). Прѣйшла Пѣкрѣва, а въ ѣму дѣрѣчка гѣтѣва, прѣлитѣвъ Свѣтѣй Дѣухъ, та въ дѣрѣчку шѣрхъ (Уликъ и бѣжѣла). Бѣзъ рукъ, бѣзъ нѣгъ, а на повѣтку збѣгъ (Хмѣль). Зѣйшла дѣвка на гѣрку тай дѣвѣецъця на своѣ ..., дѣбъ мѣнѣ тебѣ дѣты, чи тебѣбъ, ... на ... надѣты (Обѣдѣць). Лѣзе сухѣ, а вѣлиза мѣкре (Пѣрѣ). Сыдѣтъ дѣдъ нѣдъ яркѣмъ, заткнѣвъ с...у огѣркѣмъ (Якъ йде прѣсѣбе). Сыдѣтъ пѣвень на столѣ, спѣстѣвъ крѣла до землѣ (Стѣрецъ). Сыдѣтъ бѣлый пѣвень на вербѣ, распѣстѣвъ крѣла до землѣ

(Скáтерть). Трáхъ—та плàхъ по полю скáче (Борона). Сýви каба-
нї по пїдъ землєю гулы (Плúгъ). Приїхалы гóсьти, стáлы на по-
мости, распустылы лошадей безъ вóздъ, безъ петель (Бджóли).
Якъ бїгъ биглєць, тай вїтрыщивъ кинєць, здогнавъ дівку, тай
штрáкъ вь дїрку (Колóдязь зь зводомъ). Зкрученый (пидсмýка-
ный), звязаный (пидтыканый), а по хáти пляше (Виныкъ). Нáшъ
манєнький капитáнь усїхъ людєй пропытáвъ, а сáмъ догорє
днòмъ стáвъ (Горщóкъ). Мохнáте зь мохнáтимъ зкладáецця,
гóле тїло вь середьну ховáецця (Рукавыця). У бабыний ха-
тыни, высѣть хлїба крайна, собаки гáвкають (брєшуть), не мó-
жуть достать (Мїсяць). Два стоить, два лежить, пьáтый хóде,
шóстый вóде, сємый пїсеньку завóде (Два одвїрка, порїгъ и вер-
хнѣкъ, двєри, зáвертка и зависє). Два вóзлика усе пóле засїють
(Очї). Шо е вь хáти не тєсане? (Павутына). Сяи сяють—усї
вóли прєдъ тобóю (Якъ нашєецця хтó, то й лáецця). Симсòтъ
козакївъ, бля ихъ двонáдцять лїкаївъ (Старшї мѣши). Вїдъ
огня кóицьця, вїдъ огня й пропадà (Вúголья). Не цáрьського
й рóду, а хóде вь корóни (Пивень). Симсòтъ поросѣтъ, тїко нїж-
кы высѣть (Сволочкї). У лїси рубáлося, у кобылы кохáлося и
на рукахъ колыхáлося (Сыто). Хтó слобóденъ одъ гостєй? (Старь-
цї). Бєзъ мáтери родївся, бєзъ попà христївся, бєзъ смєрты
вмєрь (Горщóкъ) Вдяглáсь бáба вь шїсьть кожухївъ, хтó иї роздя-
гáе, тóй и слєзы пролывáе (Цыбўля). Мїжъ двома дубáмы клáца те-
лѣ зубáмы (двї бáби бьўецця торбáми) (Тўрныця, що прѣдыво
на нєи тїпáють). Вїдма у хлїви, цыцькї на двóри (Свóлокъ
поцяцькóваний—померєжений). Ни печуть, ни жують, ни глы-
тáють, а хóчь вонò й вунѣ, зь-охóткою єгò бажáють.—Крїокъ
чиплѣ, а головà пидсоблѣ (управля) (Бєдзвинъ). Кїну я на пáлець,
рву я не пирѣя, йимъ я не мнѣсо (Рѣба). Вь вóдї ростє, вь вóдї
кохáецця, прїйде до вóды—злякáецця (Сїль). Ни вь вáсь, ни
вь насъ поросєнокъ завьѣзъ, крычїть, пыщїть та нїкому вѣта-
щїть (Вїтеръ). Манєнький куколєчокъ скакà зь доливкї у кутó-
чокъ (Вїникъ). Сыдыть бáба на нóчивкахъ с.е (Жлúкто). Кра-
сна дивѣця сыдыть у темныци, а коса на двóри (Бурѣкъ). Ле-
тїть сорóка, а за снєю сóрокъ,—стїлько всїхъ? (Двóе; сóрокъ
—самєць). Сычїть, шкварчїть, сокóче, пидъ лáвку (лáву) нє хó-
че (Сковорїдка). Двóе выкидà, а пьáтеро пидтягà (Якъ сóпли сѣ-
кають). У лїси на кущї гавьѣдына вѣсе (Грыбъ). Чорнєць—мо-

лодець—по поясь у огні (Чагунь,—чаунь,—чавунь). Біле якъ снігъ, дмецьця якъ михъ, а въ воді гине (Піна). Шо зъ тнею козю бѹде, якъ симъ гѹдъ настане; тий кози станецьця, якъ симъ лить коньчицьця? (Восьмый (пиде) наступе). Хто бачивъ церкву зъ очерету? (Ввийди въ очереть, тай побачишь). Лата на лати, ще й голкою не зшита (Капуста). Що хахлы на двірѣ викидають, то панѣ у кишѣню (кешѣню) собѣ ховають (Выскряки,—сѹпли). Бѣзъ душі й бѣзъ тѣла, а сорѹчка бѣла (Пѹдушка). Бѣлий чоловікъ, а сорѹчка въ пазусѣ (Свѣчка). Баба круте, а вонѹ гуде (Прядка). Летыть—летыть, ще й хвѣсть вертыть! (Горобець). Одно ряднѹ сто бабѣ тяглѹ (Завертка). Родыцьця й не родився, а вмѣрты вмѣрѣ (Адамъ). Шо не зъ земли робѣлося, а въ землю превратѣлося (Ева). У лисѣ рослѹ, на кущѣ повырослѹ, по рукахъ покотѣлося й на зубахъ очутѣлося (Орѣхъ). Бѣзъ рукъ, бѣзъ нигъ, не баче й не чѹе, а хату бережѣ (Замѹкъ). Плѣхта—рахта по полю скѣче, увѣсь корѣнь баче (Борѹна). Чотыри братѣ шидѣ ѹдынѣ кѹсть хѹдять спѣты (Корѹвьяче вымья). Бѣле сыто, нымъ свить людеѣ покрито, й юзлѣ знѣть, та нельзя розязѣть (Небо й ѹблака). Лежить перѣсть на симъ верѣсть (Дорога)“.

Скороговорки. „Нашѣ полковникъ полковниковѣвъ пѹки вы-полковниковѣвся. Ишѹвъ Даныло гнылонѹгий по розмокропогѹдивший погоди. Рѣзъ дровѣ, двѣ дровѣ, трѣ дровѣ. Надину вѹздѹ, пойиду въ избѹ. Рыжѣ быкъ, рыжабрыѣста крѹвъ. Зшѣвъ колпакъ не поколпакѹвськи. Я прынесѹ ряднѹ, а ты занесѣ ряднѹ. Бѹдѣ ты хлопчишка, по хвѣртыкуль тѣпнешѣ. „Штѹхъ у ями. Чѹрна овѣчка спѣть зъ дочкѹю“.

Врехѣнки. „А щѹ ты, дѹню, шѣишь? Шѣю, мамѹсю, шѣтки. А колы-жѣ порѹтынешѣ? Якъ дошѣю нѣтки.—Сѣстрычки дѹбрѣчки! чи поѣхавѣ? Дѹма нема... Запрѣгѣ... Симъ мишкѣвъ повѣзѣ... Бѣлу кобылу до млына.—Здорѹвъ булѣ! Кутѹ товклѣ. На свогѹ бѣтька!.. На пѹтрю. (Пѹтря це такѣ кѹшанья,—каша).—Здорѹвъ бувѣ! Кобылу ведѹ. Такъ, Бѹже, поможѣ (помогѣй Би)! У ярмарокъ на Бутырлымову. Бѹдѣй вонѣ тоби здѹхла! Спасѣйби.—Здорѹвъ бувѣ! У ярѹ бувѣ. Тѹ, чи ты дурий! Тѣрну й рѣсно, та зелѣный и теркѣй.—На щѹ це ты рѹбишь? На пты, щѹбѣ дывѣались на цѣ всѣ такѣ розѹмни, якъ ты“.

П. М. Шинкаревъ (Кравченко).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ср. 95690

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:

- Литература о Харьковской губ. (Библиографическій указатель). *И. А. Устинова*. Ц. 50 к.
- Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ, съ 1805 по 1879 г. *І. С. Чирикова*. Ц. 20 к.
- Духоборцы въ Слободской Украинѣ. *А. С. Лебедева*. Ц. 40 к.
- Леченіе домашнихъ животныхъ. *В. И. Выжникевича*. Ц. 10 к.
- Забытые труды по изслѣдованію народной жизни (Кадастръ Харьковской губ.). *В. В. Иванова*. Ц. 25 к.
- О сбереженіи почвенной влаги и возвышеніи доходности земли. *В. И. Мезенцова*. Ц. 25 к.
- Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. *А. Д. Твердохлѣбова*. Ц. 20 к.
- Харьковъ по переписи 1892 года. *А. А. Русова*. Ц. 10 к.
- Современная деревня въ Харьковской губ. *В. В. Иванова*. Ц. 10 к.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Ц. 30 к.
- „Житіе Григорія Сковороды“ (съ портретомъ). *М. И. Ковалинскаго*. Ц. 20 коп.
- Карта Харьковской губерніи. Ц. 25 к.
- Адресъ-Планъ г. Харькова. Ц. 60 к.
- Харьковскій Сборникъ. Вып. 1—7-й. Ц. 40 к. Вып. 8 (на текущій годъ). Ц. 60 к.